

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d. 80

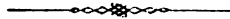
208

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ

1873

№ 11 Н О Я Б Р Ъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краввскаго (Литейная, № 88)

- I. — ПОПЕЧИТЕЛЬ УЧЕБНАГО ОКРУГА. Романъ въ
трехъ частяхъ. *Часть вторая С. Смирновой.* . . . 5
- II. — КОРМИЛИЦА. Поэма (Изъ Коппе). *Петра Вейн-
берга.* 85
- III. — ЗНАЧЕНИЕ БИРОНОВЩИНЫ ВЪ РУССКОЙ ИС-
ТОРИИ. *Статья вторая и послѣдняя Е. Карновича.* 93
- IV. — МОГИЛА ТРУЖЕНИКА. Стих. *А. Плещеева.* . 143
- V. — МНѢНІЯ ЗНАТНЫХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ О
ПОМПАДУРАХЪ. *Н. Щедрина.* 145
- VI. — ИЗЪ ГЕЙНЕ. Стих. *А. Плещеева.* 171
- VII. — ВПЕРЕДЪ НЕ УГАДАЕШЬ. Очеркъ *И. Сѣве-
рова.* 173
- VIII. — ВОДОРОСЛИ. (На мотивъ изъ Лонгфелло). Стих.
Д. Михаловскаго. 206
- IX. — НАШИ ГРЯДУЩИЕ БИСМАРКИ. „Національный
вопросъ въ исторіи и литературѣ“. *А. Градов-
скаго. Спб. 1873. Статья первая. А. Скабичев-
скаго.* 209
- X. — НОВЫЙ ПРОМЕТЕЙ. Стих. *Дмитрія Минаева.* 242
- XI. — РАЗСКАЗЫ ОБЪ ИСКАТЕЛЯХЪ ЗОЛОТА. (Tales
of the Argonauts). IV.—Человѣкъ, который не идетъ
въ счетъ. V.—Миггльсъ. VI.—Брунъ изъ Кала-
вераса. VII.—Рождественская ночь. VIII.—Блуд-
ный сынъ мистера Томпсона. *А. П.* 245

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

- XII. — БЕЛДЕТРИСТЫ-ФОТОГРАФЫ. „Николай Него-
ревъ, благополучный россиянинъ“ *Кущевскаго.*
„Солидные добродѣтели“ *П. Боборыкина.* „Ого-
некъ“, „Соль земли“ *Смирновой.* 1
- XIII. — ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА ПРУДОНА. *P. J. Pro-
udhon, sa vie, sa correspondance, par Sainte-Beuve.*
Paris. 1873. 3-me édition. А. Плещеева. 35

(См. страницу 3-ю)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ СОХІ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

1873.

ПОПЕЧИТЕЛЬ УЧЕБНАГО ОКРУГА.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

На другой день послѣ засѣданія университетскаго Совѣта, когда я въ качествѣ секретаря занять былъ составленіемъ журнала, Давидовъ зашелъ ко мнѣ.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ онъ тревожно:— не наговорилъ ли я вчера чего нибудь лишняго? Я вѣдь рѣшительно не помню, что я тамъ говорилъ.

— Смотрите сами, сказала я, показывая ему журналъ. (Онъ торопливо пробѣжалъ глазами).

— Ну вѣтъ, это еще гораздо лучше, чѣмъ я думалъ. Однако все таки я навязалъ себѣ исторію на шею. Какъ вы находите?

— Это будетъ зависѣть отъ того, какъ это приметъ высшее начальство.

— А, да чортъ съ ними! и то сказать. Я бы и думать объ этомъ не сталъ, если бы только... если бы здоровье у меня было покрѣпче. А то, повѣрите ли, цѣлую ночь нынче голова трещала.

— Вотъ и согласитесь со мною, что человѣкъ, когда спокойнѣе, то живетъ въ тысячу разъ пріятнѣе.

Онъ угрюмо молчалъ. У него бывали иногда припадки унынія, послѣ которыхъ его беспокойный нравъ дѣлался еще безпокойнѣе.

— Могу вамъ сказать новость, предложилъ я. — Хозяинъ всѣхъ насъ гонить съ квартирн.

— По какому случаю?

— Ганской пишетъ ему изъ Петербурга, чтобы онъ весь верхній этажъ оставилъ за нимъ; предлагаетъ ему разумѣется хорошую цѣну.

— Слѣдовательно насъ всѣхъ вонъ?

— Вы не безпокойтесь. Вы живете внизу, а низъ не тронуть.

— Приятное сосѣдство! жельно замѣтилъ Давыдовъ. — Каждый день стальнойся на лѣстницѣ съ его превосх-вомъ.

— Вамъ-то что жъ до этого! Поклѣнитесь, да и пойдете своей дорогой.

— Я избѣгаю по возможности кланяться людямъ, которыхъ не уважаю.

Онъ помолчалъ и потомъ спросилъ:

— Однакожъ, если онъ требуетъ себѣ квартиру, слѣдовательно, онъ будетъ тутъ жить?

— Вѣроятно.

— Ужъ не думаетъ ли онъ всю свою аристократическую родню сюда привести?

— Его аристократическая родня едва ли поѣдетъ въ провинцію.

— Однако, вѣдь у него тамъ жена есть, кажется? Впрочемъ мнѣ это, собственно говоря, все равно. Я, если только найду себѣ удобное помѣщеніе, непременно переѣду. Ни съ Ганскимъ, ни съ его лакеями я дѣла имѣть не желаю. У этихъ господъ даже и прислуга отличается неповазительной дерзостью, а если есть на свѣтѣ что нибудь невыносимо северное, такъ это дерзкая прислуга!

— Вотъ, замѣтилъ я: — васъ прислуга Ганского безпокоитъ, а я совсѣмъ безъ квартирн остался. Мое положеніе болѣе критическое.

— Обратитесь къ ректору. Черезъ покровительство его дочери, — вы кажется съ ней въ очень хорошихъ отношеніяхъ, — вы легко получите квартиру въ университетѣ.

— Платонъ Николаичъ, мнѣ помнится, вы когда-то проповѣдывали: черезъ женщины никогда ничего не искать!

— Позвольте! Это собственно мое правило. Я своихъ правилъ никому не навязываю. Зачѣмъ вамъ отказываться отъ случая, когда случай представляется. Эта особа, кажется, къ вамъ такъ расположена, что она вѣроятно съ удовольствіемъ все сдѣлаетъ...

Я видѣлъ, что Давыдова занимають мои отношенія къ Любови Федоровнѣ.

— Нравится она вамъ? спросилъ я его.

— Какъ вамъ сказать? Она очень красива! я говорю это даже не смотря на ея желтые волосы... У нея великолѣпные глаза, у нея талія, которой позавидовала бы любая изъ нашихъ женщинъ; но я боюсь, что кромѣ этой таліи и этихъ глазъ она мало можетъ дать человѣку. Она черезъ чуръ столичная барышня.

— Вы ее мало знаете, замѣтилъ я.

— Согласенъ. Достаточно, однакожь, чтобы видѣть ее насквозь. Холодъ, пустота и фальшь! фальшь и пустота! вотъ что я встрѣчалъ всегда въ подобныхъ женщинахъ.

— Если вы цѣните пылкость, такъ вотъ вамъ Юліана: отъ нея пышетъ жаромъ.

— Я очень мало цѣню этотъ жаръ. Это мелкая монета, на которую можно размѣнять первую же страсть къ гусарскому поручику.

— Что же вы цѣните въ женщинахъ?

Давидовъ помолчалъ.

— Преданность, отвѣтилъ онъ рѣзко.

— Какъ прикажете понимать это?

— Очень просто! Кокетства я не терплю, потому что это самое позорное самообожаніе. Барыня воображаетъ, что цѣлая половина рода человѣческаго создана для того, чтобы любоваться на нее. Это смѣшно и нелѣпо. Женщины-гусары — это моя самая сильная антипатія; я ихъ представляю себѣ не иначе, какъ въ видѣ дочерей Анны Марковны. Вы ни въ какую минуту не отвѣтите, что она не спишетъ у васъ съ головы фуражку, или не сядетъ къ вамъ на колѣни. Женщины съ такъ называемымъ сильнымъ характеромъ, по моему, такъ же намъ нужны, какъ женщины-полководцы. Помилуйте! жизнь моя есть борьба; я прихожу домой разбитый, я ищу дома отдыха, и вдругъ жена или тамъ сестра добиваетъ меня силой своего характера. Да это не семья, а адъ! Къ чорту тогда эту семью! Сильныя ощущенія я найду у себя на службѣ; вонъ вчера въ совѣтѣ мнѣ отличнѣйшимъ образомъ намылили голову. Представьте себѣ, что меня ждала бы еще дома пылкая, гордая жена... что бы это такое было? Теперь я, по крайней мѣрѣ, какъ пришелъ, такъ легъ на постель и лежалъ до тѣхъ поръ, пока изъ головы вылетѣлъ весь тотъ вздоръ, которымъ его наполнили въ совѣтѣ. — Нѣтъ, ради Бога не говорите мнѣ объ этихъ красивыхъ, блестящихъ женщинахъ, которыя любятъ повелѣвать; кромѣ досады, онѣ во мнѣ ничего не возбуждаютъ.

— А если бы вы полюбили такую женщину?

— Полюбить ее я не могъ бы. Я, можетъ быть, увлекся бы ею на нѣкоторое время. У насъ были бы можетъ быть и свиданія и нѣжныя объясненія... Не знаю, насколько искренно это было бы съ ея стороны, но я смотрѣлъ бы на это, какъ на горькую насмѣшку, не больше! Я сломилъ бы ее или бросилъ.

Я знаю, что подобный романъ былъ у Давыдова съ одной изъ самыхъ блестящихъ и богатыхъ женщинъ нашего города. Ея красота и его гордая, самолюбивая страсть столкнулись и не выдержали толчка: пламя, обѣщавшее разгорѣться очень сильно, освѣтило на мгновеніе бездну, раздѣлявшую два существа, требовавшія поклоненія, и потухло.

— Знаете ли что, предложилъ я Давыдову:— мнѣ хочется, чтобы вы узнали дочь ректора ближе. Пойдемте къ нимъ сегодня.

— Къ чему? Развѣ вы хотите сдѣлать опытъ? Посмотрѣть какое вліяніе оказываетъ на меня красота?

— Я просто хочу познакомить васъ съ дѣвушкой, которая васъ заинтересуетъ.

Давыдовъ молча взялъ фуражку и мы пошли къ ректору. Дорогой онъ сказалъ мнѣ:

— А вѣдь, согласитесь, что онъ большая свинья!

— Кто?

— Нашъ ректоръ. Вчера онъ велъ себя непозволительно. Человѣкъ отличается отъ скотины тѣмъ, что ему данъ даръ слова. Онъ именно этого-то отличія и лишился.

— Немудрено, потому что этимъ отличіемъ съ избыткомъ награждена его жена. Она говоритъ и за мужа, и за себя, и за многихъ другихъ. Мнѣ кажется, что если бы человѣку было опредѣлено умереть, сказавши въ жизни извѣстное число словъ, то она давно бы умерла.

Около университетскихъ воротъ мы встрѣтили Егорку, который спустилъ въ рукавъ бывшія у него въ горсти подсолмухи, кричалъ озабоченное выраженіе, несомнѣнно доказывавшее, что онъ пришелъ сюда не такъ себѣ, не болтаться, а за дѣломъ, и объявилъ, что ректоръ съ ректоршею уѣхали въ гости, на именины.

— А барышня?

— Онѣ дома-съ.

Мы пошли къ крыльцу. Егорка опередилъ насъ и побѣждалъ докладывать. Только что мы поднялись на лѣстницу, какъ узнали, что барышня въ саду. Давыдовъ хотѣлъ вернуться, но я удержалъ его. Дорога въ садъ была мнѣ хорошо знакома. Мы прошли длинныя сѣни, миновали кухню, откуда пахло на насъ чадомъ и мокрыми паромъ, и по узенькому каменному крыльечку спустились прямо къ тому окну, около котораго Любовь Федоро-

она взяла у меня три урока физики. Тут же знакомый кусть сирени и знакомая скамейка под ним! но она была пуста.

Приминая высокую траву, которая шуршала и разступалась передь нами, и оставляя за собой длинный слѣдъ стеблей, припавшихъ къ землѣ, мы пошли вдоль забора, нагибаясь, когда вѣтка грозила хлеснуть намъ въ лицо и гордо выпрямляясь, когда старыя деревья протягивали свои суки высоко надъ нашей головой. Вдругъ между зеленою мелькнуло что-то яркое. Какая то пунцовая полоса взвилась и исчезла. Взмахъ этотъ повторился на нашихъ глазахъ два или три раза. Наконецъ дѣло объяснилось. Къ двумъ берегамъ привязана была на канатѣ доска и на этихъ импровизированныхъ качеляхъ летали двѣ очень еще юныя кузины. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, на приматой травѣ виднѣлись еще двѣ женскія фигуры. Одна лежала, закинувши руки подъ голову и покрывши лицо носовымъ платкомъ. Другая, тоже накрывшись отъ солнца платочкомъ, который надвинула себѣ глубоко на глаза, прислонилась къ стволу дерева и дремала. Около нея лежала опрокинутая корзинца съ работою.

Шелестъ травы подъ нашими ногами разбудилъ эту особу. Она приподнялась и заглянула на насъ изъ подъ платочка.

— Любовь Федоровна, сказалъ я:—простите двухъ безпорядочныхъ молодыхъ людей, которые помѣшали вамъ выспаться.

— Неправда, я не спала, но здѣсь невыносимо жарко. Садитесь! (Она подвинулась и стала собирать свою работу).

— Я не позволилъ бы себѣ, началъ Давыдовъ:—придти такимъ образомъ, не зная, пожелаете ли вы принять меня, но въ этомъ вините г. Германа.

Любовь Федоровна улыбнулась и посмотрѣла снизу на Давыдова, который все еще стоялъ.

— Ничего, я очень рада. — Юліана! (Она толкнула особу, лежавшую на травѣ. Та открыла сонные глаза).

— Чего еще? — Ну, господа, какой я сонъ сейчасъ видѣла! просто даже и не скажу.

Давыдовъ не любилъ Юліану во первыхъ за то, что она была жена его злѣйшаго врага, во вторыхъ за то, что онъ называлъ въ ней гусарствомъ. Онъ поддерживалъ знакомство только съ тѣми женщинами, которыя держали себя въ обществѣ безукоризненно. Самъ онъ, въ кругу губернскихъ дамъ и даже ихъ мужей, никогда почти не оставлялъ той изысканной, сухой вѣжливости, которая считается въ провинціи признакомъ черствого сердца.

Любовь Федоровна сняла платокъ и на спину ей упали двѣ косы: толстыя, золотыя косы, которыя, не во гнѣвъ Давыдову,

отпуславшему сарказмы насчетъ желтизны ея волосъ, придавали ей много красы.

Она стала распрашивать, что у насъ случилось вчера въ университетѣ. Давыдовъ разсказалъ, пересыпая слова свои ядомъ, но не выходя изъ границъ, въ какихъ джентльменъ долженъ говорить съ дамами о своихъ служебныхъ столбеновіяхъ.

— Вотъ, замѣтилъ я:—человѣкъ, который увѣренъ, что міръ полонъ подлости и глупости и что умный человѣкъ, какимъ онъ себя несомнѣнно считаетъ, не долженъ ни кому ни въ чемъ уступать. Благоразумно ли это?

Въ минуту своего религиознаго экстаза, Любовь Федоровна конечно отвѣтила бы, что это безуміе, что все надо переносить съ кротостью; но, какъ свѣтская женщина, она держалась другаго мнѣнія. Насколько я замѣтилъ, ей нравились люди съ упрямой, сильной волей. Въ этомъ тонѣ отвѣтила она и теперь. Давыдовъ горячо сталъ поддерживать ее.

— Скажите, говорилъ онъ:—что подумали бы вы о человѣкѣ, который, испугавшись гнѣва своихъ враговъ, струсилъ бы и уступилъ имъ; уступилъ бы самымъ позорнымъ образомъ, сознавая, что право на его сторонѣ?

— Т. е. въ переводѣ на обыкновенный языкъ, поспѣшилъ я объяснить:—что подумали бы вы о человѣкѣ, который вчера въ совѣтѣ, въ отвѣтъ на самыя пошлѣйшія обвиненія, не нашелъ ничего лучшаго, какъ разстроить себѣ нервы до головной боли, до бессонницы! который, встрѣчая пошлость и сознавая, что это пошлость, считаетъ однако долгомъ принять ее близко къ сердцу.

— Послушайте, не всѣ-же вѣдь созданы изъ дерева! Я очень жалѣю, что, изъ уваженія къ присутствующимъ здѣсь, я не могу говорить откровенно.

Давыдовъ бросилъ взглядъ на Юліану. Его очевидно стѣсняло то, что онъ не могъ говорить о ея мужѣ такъ, какъ-бы ему хотѣлось. Но Юліана имѣла одно крупное достоинство: когда начинался разговоръ, котораго она не могла поддержать, она тотчасъ-же умолкала, откровенно признаваясь, что ученыхъ разговоровъ не любитъ. Теперь она пресерьезно плела вѣнокъ изъ желтаго цикорія.

— Впрочемъ, продолжалъ Давыдовъ:—можно говорить, не называя именъ. Положимъ, что нѣкто N N, личность совершенно ничтожная, незаслуживающая никакого уваженія, дѣлаетъ васъ предметомъ своихъ преслѣдованій. Какъ должны вы отнестись къ этому? Съ презрѣніемъ, скажете вы! Но если васъ ставятъ

въ такое положеніе, что вы должны отвѣчать ей. Если наконецъ за этой личностью кроется кто-нибудь другой?

— Но кто-же? спросила Любовь Федоровна съ недоумѣніемъ.

— Въ сожалѣнію, я не считаю себя въ правѣ называть лица. Въ числѣ ихъ есть, можетъ быть, ваши хорошіе знакомые. Вы еще такъ мало знаете меня, что конечно вамъ было-бы странно слышать мое откровенное мнѣніе объ этихъ лицахъ. Меня возмущаетъ только одно, что правительство наше никогда не ищетъ людей. Нѣтъ! Оно раздаетъ мѣста кому попало. Попался порадочный человѣкъ—хорошо! Попалась дрянь—отлично!

— Но гдѣ-же хорошіе люди?

— Гдѣ? Въ томъ-то и дѣло, что наши лучшіе люди всю жизнь свою обречены тянуть лямку. Лучшихъ людей нашихъ не ищите наверху: ищите ихъ въ грязи, въ тинѣ, въ нищетѣ... Подняться имъ не дадутъ, потому что тамъ они лишніе, они рѣзали-бы только глаза, а здѣсь они нужны!

Любовь Федоровна слушала Давыдова съ напряженнымъ вниманіемъ, не спуская съ него своихъ темныхъ глазъ. Въ его словахъ была извѣстная доля искренности и огня. Это-то можетъ быть и привлекало къ нему людей, которые не испытали на себѣ его безпокойнаго, раздражительнаго характера. Особенно легко увлекались этимъ женщины. Блескъ его рѣчей, въ соединеніи съ той репутаціей, которую онъ составилъ себѣ своей неуступчивой, гордой смѣлостью, часто дѣйствовала обаятельно.

Есть люди, которымъ огонь и естественность даются очень легко; онъ былъ изъ ихъ числа. Въ немъ не было того рѣзущаго глаза желанія порисоваться, которое простить не всякая женщина. Давыдовъ, казалось, пренебрегалъ своей наружностью: онъ никогда не принималъ черезъ-чуръ красивыхъ позъ; какъ и всѣ даровитые люди, онъ разсчитывалъ больше на свой умъ, чѣмъ на свою наружность. На нѣкоторыхъ женщинъ это дѣйствовало неотразимо.

Поддастся-ли и Любовь Федоровна этому обаянію? Не зналъ почему, но мнѣ хотѣлось-бы отвѣтить отрицательно; мнѣ хотѣлось-бы, чтобы она угадала всю бездну мелочнаго самолюбія, которое таилось подъ этимъ блескомъ.

II.

Изгнанный изъ меблированныхъ комнатъ аптекаря Герца, я пріютился на время у одного учителя гимназіи. Избавившись отъ играющаго и стучащаго Вагнера, я однако полюбопытство-

валъ узнать, какъ онъ устроился. Оказалось, что онъ нашелъ себѣ квартиру только черезъ дворъ отъ меня и въ первый-же день моего новоселья пришелъ рассказывать, гдѣ онъ поставилъ коммодъ. Коммодъ его, который онъ купилъ гдѣ-то на аукціонѣ, былъ всегда предметомъ его нѣжнѣйшихъ заботъ. Нанимая квартиру, онъ принималъ ее не къ своимъ удобствамъ, а къ удобствамъ своего коммода; если для него было видное помѣщеніе, то квартира хороша. Между тѣмъ, онъ сообщилъ мнѣ, что изъ Петербурга прислана уже мебель Ганского и пригласилъ пойти посмотрѣть на нее.

Черезъ недѣлю пріѣхалъ и самъ Ганской. На другой-же день прислана была отъ него къ ректору официальная бумага, въ которой предписывалась крайняя бдительность и строжайшій надзоръ какъ за студентами, такъ и за преподаваніемъ въ университетѣ, подъ страхомъ отвѣтственности за малѣйшій беспорядокъ.

Бумага эта сразила всѣхъ, какъ громомъ. Никто не ожидалъ такого оборота дѣлъ; ректоръ менѣе всѣхъ. Самое слово *надзоръ* повергло его въ недоумѣніе. Не значило-ли это принять на себя полицейскія обязанности, слѣдовательно нажить себѣ тѣхъ враговъ, не говорю уже о безпокойствахъ. Университетъ ожидалъ погрома, но громы были еще впереди и грозная бумага оставалась пока одинокою среди общаго затихшья. Ганской ничѣмъ не чаявлялъ болѣе о желаніи сокрушить ученый міръ и скоро явился сладкая надежда, что тучу пронесетъ мимо.

Какъ-то разъ послѣ лекціи, Ганской пригласилъ меня къ себѣ. Я отправился въ тотъ-же день. Дорога была мнѣ знакомая, потому вопервыхъ, что его превосходительство занялъ мою бывшую квартиру, а вовторыхъ потому, что общій подъѣздъ велъ теперь къ нему и къ Давыдову, только къ первому нужно было подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ, а къ послѣднему повернуть въ корридоръ направо. Съ того времени, какъ его превосходительство занялъ бель-этажъ, обстановка измѣнилась: у дверей поставили швейцара и лѣстницу устлали ковромъ. Около подъѣзда я увидалъ карету одного изъ нанякъ городскихъ сановниковъ. Стѣны въ сѣняхъ нѣсколько подкрасили и обновленіе захватило даже уголокъ того корридора, по которому ходили къ Давыдову.

Ганской принялъ меня очень пріятливо, и безъ всякихъ почти оговорокъ, сразу, даже какъ-то некстати, предложилъ мнѣ быть у него домашнимъ секретаремъ.

— На время, объяснилъ онъ, какъ бы испугавшись, что я могу обидѣться его предложеніемъ.

Но у меня было правиломъ никогда ничѣмъ не обижаться. Я согласился.

Университетъ, слѣдившій за всѣми движеніями Ганскаго съ безпокойствомъ влюбленной женщины, узналъ о моемъ новомъ званіи двумя часами раньше меня и рѣшительно потерялъ голову, не зная чему это приписать: интригамъ-ли моимъ или просто судьбѣ, на томъ основаніи, что она индѣйка и часто не вѣдаетъ, что творить.

Въ первую недѣлю, которую я прожилъ у попечителя, дѣль накопилось столько, что мы вдвоемъ едва успѣвали покончить съ ними. Просиживая далеко за полночь, Ганской отпускалъ меня во второмъ часу, но самъ, случалось, работалъ до утра. Въ почтовые дни, когда нужно было отправить массу корреспонденціи онъ не дожился иначе, какъ при полномъ солнечномъ сіяніи.

Тутъ только, сталкиваясь съ нимъ ежедневно, я узналъ его домашнюю жизнь. У него было много странностей. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это то, что хозяиномъ въ домѣ былъ не Ганской, а его камердинеръ, хитрый, но флегматическій хохоль. Онъ составлялъ барину меню его обѣда и ни за что бы не согласился переимѣнить или прибавить хоть одно блюдо. Если баринъ заявлялъ напр. желаніе имѣть къ этому спаржу, то хохоль невозмутимо отвѣчалъ, что спаржи не будетъ: дорога. И барину, имѣвшему до 500 тысячъ годоваго дохода, приходилось молча соглашаться, что спаржа дѣйствительно дорога и что надо отъ нея отказаться. Хохоль назначалъ, гдѣ какая мебель должна стоять и если-бы баринъ вздумалъ передвинуть ее, то былъ увѣренъ, что въ домѣ вспыхнула-бы революція.

Единственная комната, гдѣ Ганской былъ немножко хозяиномъ,—это кабинетъ. Къ этой комнатѣ хохоль относился съ презрѣніемъ, и если видѣлъ тамъ мебель, стоящую не на мѣстѣ или бумагу, валяющуюся на полу, то никогда не поднималъ и не поправлялъ ее, потому-ли, что это ему было запрещено, или-же потому, что „пускай, дескать, смотритъ и казнится“. Когда Ганской шелъ гулять, невозмутимый камердинеръ подавалъ ему ту шивель или то пальто, которое ему заблагоразсудится и которое, по его мнѣнію, соответствовало сезону. Ганской поэтому никогда не спрашивалъ, тепло или холодно на дворѣ, а молча надѣвалъ то, что ему подавали.

Въ первое-же утро моего пребыванія у попечителя, когда я работалъ въ его кабинетѣ, я имѣлъ случай видѣть, какъ онъ принимаетъ разныхъ докучныхъ посѣтителей. Ихъ перебывало при мнѣ человекъ шесть: изъ нихъ пятеро пришли за вздоромъ и говорили только вздоръ. Каждаго онъ терпѣливо выслушивалъ, большею частію молча. Потомъ, когда посѣтитель уходилъ, онъ также сосредоточенно и угрюмо провожалъ его до дверей и при-

нимался опять за прерванное занятіе, какъ будто исполнялъ вещь, необходимую въ программѣ этого дня.

Пришелъ какой-то молодой человѣкъ и просилъ позволенія посвятить его превосходительству свои сочиненія. Ганской исподлобья посмотрѣлъ на него.

— Ваше превосходительство, здѣсь всё столько слышанны... Я хотя не имѣю счастья быть съ вами знакомымъ, но конечно... Я думаю...

— Вы думаете, что я хорошій человѣкъ, а я, можетъ быть, подлець?

Молодой человѣкъ заметался на стулѣ.

— Помилуйте, ваше превосходительство... Высокій постъ, вами занимаемый, вашъ высокій умъ...

— Мнѣ, какъ хотите, пожалуй, посвящайте.

Молодой человѣкъ рыссыпался въ благодарностяхъ, потомъ началъ просить мѣста.

— Какое-же вамъ нужно мѣсто?

— По учебной части, ваше превосходительство. Я-бы не отказался ни отъ какаго. Крайнее положеніе... Незамужняя сестра...

— Какое-же я вамъ могу дать мѣсто, когда я васъ совсѣмъ не знаю. Если хотите, я напишу женѣ. Ей, кажется, нуженъ учитель.... географіи или русскаго языка—не помню. Вы знаете географію?

— Многократно занимался ею.

— Хорошо-съ. Я напишу. Черезъ мѣсяцъ зайдите.

Послѣ я узналъ, что Ганской такимъ образомъ поставлялъ много учителей для своей дочери, но какъ всё они послѣ оказывались негодными, то и прогонялись ея превосходительствомъ, причеиъ изъ конторы его превосходительства имъ выдавали денежное пособіе, а часто даже и пенсію. Бывало и такъ, что присланные кандидаты на учителя проживали въ домѣ ея превосходительства, безъ всякой должности, исполняя разныя мелкія порученія и пользуясь даровой квартирой и столомъ. Ея превосходительство неоднократно жаловалась, что мужъ ея не умѣетъ никому отказать, но не желая имѣть всякую дрянъ у себя на службѣ, присылаетъ всю эту дрянъ къ ней. Какъ я подозреваю, это не мало содѣйствовало тому, чтобы утвердить за Ганскимъ въ Петербургѣ репутацію простоватаго, недалекаго вельможи.

Когда было свободное время, онъ безцѣльно ходилъ по городу, заходилъ въ самыя дальніе кварталы и вдругъ, встрѣтивши какаго-нибудь гимназиста или студента, приводилъ его къ себѣ обѣдать. Молва объ этомъ разносилась по городу и сдѣлала его чудачкомъ.

Скоро я приглядѣлся къ его странностямъ и они уже не такъ занимали меня, какъ его, не то чтобы хладнокровіе, — я самъ хладнокровенъ, — а какая-то необыкновенная ровность: онъ не былъ флегматикъ, но я ни разу не видалъ, чтобы, кто-нибудь взбѣсилъ или привелъ его въ восторгъ. Ничего похожего на гнѣвъ никогда не отражалось на его лицѣ. Никогда не сказалъ онъ ни про кого, что этотъ человекъ ему невыносимъ, что онъ достоинъ висѣлицы и кары небесной, словомъ всего того, что почти всѣмъ намъ приходится говорить въ минуту гнѣва. Я никогда не видалъ, чтобы его кто-нибудь разсердилъ. Было-ли это слѣдствіемъ его добродушія? Едва-ли. Я зналъ, что онъ объ людяхъ былъ невысокаго мнѣнія.

Разъ пришелъ къ нему одинъ профессоръ просить, чтобы онъ приказалъ университетскимъ цензорамъ снять запрещеніе съ его книги.

— Какже это, сказалъ Ганской. — Вѣдь цензора то они, а не я.

— Помилуйте, горячился профессоръ, показывая рукопись: — не угодно-ли вамъ взглянуть? Въ моемъ сочиненіи я разбираю стихотворенія графа Хвостова. Положимъ, онъ графъ, но мнѣ-то что-жъ до этого? Я и знать не хочу, что онъ графъ. Я, ваше превосходительство, даю свой отвѣтъ передъ лицомъ всей поэзіи. Я имѣю дѣло съ музами, а не съ графомъ. А вмѣсто того, что же я вижу? Гдѣ я написалъ: „въ этомъ стихѣ нѣтъ смысла“, тамъ, извольте взглянуть, — г. цензоръ отмѣтилъ: „невѣжливо“. Потому вотъ тутъ я говорю, что этотъ стихъ дуренъ, а цензоръ опять: „оскорбительно“. Помилуйте, ваше превосходительство!

Ганской съ серьезнымъ видомъ взялъ у него тетрадь и сталъ ее разсматривать.

— Да, сказалъ онъ. — Цензоръ этотъ должно быть очень вѣжливый человекъ. Кто онъ такой?

Профессоръ назвалъ фамилію.

— Хорошо-съ. Я съ нимъ поговорю.

Когда посѣтитель ушелъ, Ганской разсмѣялся.

— Вотъ, замѣтилъ онъ: — какая у насъ вѣжливая цензура. Странно мнѣ только одно: и цензоровъ, и ректора, и декановъ университетъ выбираетъ самъ, а между тѣмъ посмотрите: и цензорами, и ректоромъ, и деканами университетъ недоволенъ. Мнѣ то и дѣло жалуются, то на одного, то на другого. И говорятъ послѣ этого, что начальство не нужно! Помилуйте, да кому-жъ мы тогда жаловаться-то будемъ?

Слово за слово, завязался разговоръ, сначала о начальствѣ, потомъ о петербургскомъ обществѣ, о томъ самомъ обществѣ, которое произносило Ганскому свой неумолимый приговоръ. И

человѣкъ этотъ, заклеянный названіемъ ничтожества, отпла- тивъ теперь этому обществу безпощадной ироніей. Первый разъ онъ высказался передо мною настолько, что я сталъ понимать, какъ ошибались тѣ, кто не видѣлъ ничего за этимъ доброду- шіемъ и молчаливой угрюмостью. Онъ не любилъ говорить о своихъ мнѣніяхъ, онъ молчалъ, но это молчаніе было истолко- вано ошибочно. Въ словахъ его не было того сарказма, который слышался у Давыдова. Давыдовъ говорилъ о людяхъ, какъ о своихъ величайшихъ врагахъ; Ганской подсмѣивался надъ ними. Нельзя было замѣтить въ немъ чувства гнѣва или досады: онъ вполне владѣлъ своими мыслями.

— Не знаю, говорилъ онъ:—подъ какой счастливой звѣздой я родился, но только мнѣ, знаете, превесело жить тамъ, въ Петер- бургѣ. Въ государственномъ совѣтѣ напр. Куракинъ духъ зако- новъ толкуетъ! Вышло разъ, не помню, въ чемъ-то разногласіе. Одинъ говоритъ такъ, другой эдакъ... Полѣзли смотрѣть въ за- конахъ. Законъ объ этомъ ни полслова. Всталъ Куракинъ. А, говорить, ну теперь это, говорить, очень ясно. Въ законѣ, го- ворить, объ этомъ нечего не сказано, слѣдовательно это запре- щено! На это ему секретарь очень благоразумно замѣтилъ, что „у насъ, говорить, ваше сіятел-во, принято это такъ понимать, что закономъ не воспрещено, то дозволено!“ Такъ Куракинъ да- же поблѣднѣлъ. „Я, говорить, милостивый государь, такихъ волюнтерскихъ толкованій не потерплю. Что закономъ не дозво- лено, то, милостивый государь, воспрещено!“ Да, этотъ Куракинъ насъ много восхищаетъ. Судили разъ цыганъ, фальшивыхъ мо- нетчиковъ и засудили. Дѣло однако было вопіющее и дошло до сената; подсудимые рѣшительно оказывались невинными. Ни одной улики! Стали подавать голоса. Куракинъ стоитъ на своемъ: виновны, заслуживаютъ кнута и Сибири! Почему? А потому, го- ворить, что они цыгане, а цыгане всѣ мошенники. Скажите по- слѣ этого, что намъ не весело!

Ганской говорилъ совершенно серьезно, но глаза у него смѣя- лись. Онъ предложилъ мнѣ сигару и продолжалъ.

— Да, въ Петербургѣ у насъ много любопытнаго. Вотъ напр. нашъ бѣдный Голицынъ*, — вы знаете конечно, что онъ тоже министръ духовныхъ дѣлъ,—буквально осажденъ теперь жалобами лифляндскаго дворянства, и не знаетъ, что ему теперь дѣлать. Дворянство, видите ли, жалуется на то, что русскіе попы *со- вращаюу* на ихъ католическихъ крестьянъ въ *празословіе*. У насъ въ высшемъ кругу многіе этими жалобами весьма растроганы.

* Министръ народнаго просвѣщенія.

А Голицыну, собственно говоря, все равно... Онъ по другой вѣрѣ, по своей...

Долго еще говорилъ онъ, и все съ той спокойной усмѣшкой, которая ни на минуту не покидала его. Въ словахъ его слышалась не горечь обманутаго и разочарованнаго человѣка, а равнодушіе человѣка, который никогда лучшаго и не ожидалъ. Отъ государственныхъ вопросовъ онъ перешелъ къ своимъ петербургскимъ знакомымъ.

— У меня есть одна родственница, рассказывалъ онъ: — княгиня, положимъ, NN, которая меня терпѣть не можетъ и называется глупцомъ, потому что она разъ поручила мнѣ привезти ей кавалеровъ для бала, а я не привезъ. Княгиня эта, какъ къ ней кто ни прійдетъ, всѣмъ говоритъ: а, знаете, Serge ужасно глупъ. Раувге enfant! И распустила слухъ, что я тѣмъ только и спасаюсь, что у меня жена очень умна. Vous savez, говоритъ, Elise est une femme de beaucoup d'esprit. Есть у меня еще родственникъ, князь тоже, положимъ, NN. Тотъ меня считаетъ карбонаромъ. У него, видите ли, прислуги въ домѣ 70 съ чѣмъ-то человѣкъ, 72 кажется... Вотъ онъ и пошилъ имъ ливреи съ разными воротниками, бѣлыми, красными и голубыми, каждый цвѣтъ обозначаетъ особенную степень. Вотъ и пошло производство изъ одного цвѣта въ другой. Какъ отличился ктонибудь, сейчасъ бѣлый воротникъ снимутъ, нашьютъ голубой, провинился — голубой спорютъ, опять бѣлый. Занимался этимъ все самъ князь. Каждый день, какъ вечеръ, такъ отдавалъ вечерній приказъ по дому: кому выговоръ, кого подъ арестъ. Кучеру, положимъ, выговоръ, въѣзднаго лакея подъ арестъ, или въѣздному лакею выговоръ, — кучера подъ арестъ. Придуманно-то оно, видите-ли, прекрасно, да я какъ-то не въ добрый часъ хозяину сказалъ: что, говорю, князь, у васъ какіе ужасные цвѣта: красный, бѣлый и голубой. Вѣдь это, говорю, знамя революціи. Ну если, говорю, у васъ прислуга-то взбунтуется? Вѣдь вы за это Богу отвѣтъ дадите! — Много ли человѣку нужно? Съ тѣхъ поръ терпѣть меня не можетъ!

Все это Ганской рассказывалъ съ невозмутимымъ добродушіемъ. Ни княгиня, прославившая его дуракомъ, ни князь, въ которомъ онъ нажилъ себя врага, не уязвили его душу. Я подумалъ, что любопытно было бы узнать, какъ онъ относится къ людямъ, болѣе ему близкимъ?

Будь онъ человѣкъ апатичный, я не задалъ бы себѣ этого вопроса. Но онъ не былъ апатиченъ. Въ жилахъ его текла горячая кровь: я угадывалъ это иногда по выраженію его лица, по блеску его взгляда, по мимолетной вспышкѣ... Въ немъ го-

рѣлъ огонь, но онъ былъ глубоко запрятанъ подъ вѣшными приѣмами равнодушія и сосредоточенности.

III.

Я сталъ замѣчать, что Давыдовъ бываетъ у ректора гораздо чаще прежняго. Это навело меня на размышленія. По привычкѣ людей соверщающихъ, я сталъ слѣдить за моимъ товарищемъ и, если видѣлъ, что онъ смотритъ на часы и начинаетъ куда-то торопиться, то я точно также смотрѣлъ на мои часы и выходилъ вмѣстѣ съ нимъ, ссылаясь на то, что намъ можетъ быть по дороге. Дорога эта вела чаще всего къ университету, отсюда сворачивала налѣво и, поднимаясь по лѣстницѣ, приводила въ квартиру ректора.

Въ гостиной мы заставляли неизмѣнно двухъ тетушекъ, игравшихъ въ марьяжъ и одну въ очкахъ, — то были исполинскіе очки въ мѣдной оправѣ, съ одного боку сломанные и перевязанные ниточкой, — читавшую библію. Тутъ же обыкновенно сиживала ректорша съ чулкомъ, наглухо заткнувши уши ватой изъ раки св. Варвары, а за пальцами Любовь Федоровна и около нея всегда почти неразлучная съ ней книжки о таинствахъ креста или *Philosophie Divine*, или *Imitation de Jésus Christ*.

Въ жаркое время дня, гостиная затворялась изнутри ставнями съ отверстиями въ видѣ сердечекъ, и къ этимъ отверстиямъ, какъ бы повинуюсь притяженію солнечныхъ лучей, поднимались снопы золотистой пыли.

О томъ, что говорилось въ таинственномъ полумракѣ этой гостиной, сколько было тутъ смѣху вѣчно веселыхъ кузинъ и сколько вздоховъ скучающей старости — было бы долго рассказывать. Но я полюбилъ эту гостиную, я полюбилъ стоявшія тутъ пальцы и даже красивый пунцовый переплетъ книжки *Philosophie Divine*. Я любилъ смотрѣть, съ какой неловкостью и неумѣніемъ нашъ талантливый профессоръ помогалъ иногда распутывать шерсть своей темноглазой сосѣдкѣ. Занятіе это казалось ему такъ трудно и такъ утомительно, что онъ однажды наотрѣвъ отказался отъ него, и съ тѣхъ поръ сохранялъ всегда свое гордое, независимое положеніе передъ женщиной, за которой онъ начиналъ замѣтно ухаживать. Давыдовъ никогда не былъ способенъ на тѣ тысячи мелкихъ угожденій, которыя неразлучны почти съ ухаживаньемъ.

Онъ всегда готовъ былъ предложить дамѣ руку или подсадить ее въ экипажъ, но носить за ней ея тальмы и платки, бѣжать

сломя голову отыскивать ей карету или достать ей какойнибудь необыкновенный букетъ — это онъ называлъ лакействомъ. Онъ разъ съ досадою сказалъ, что любить женщину не значить еще быть у нея на послыжахъ и что онъ не понимаетъ людей, которые способны на лакейство.

Любовь Федоровна молча посмотрѣла на него и съ тѣхъ поръ ни разу уже не просила поднять ей клубокъ или принести ножицы. Какъ женщина она любила, чтобы за ней ухаживали и любила, чтобы ей угождали; не смотря на это, ей нравилась независимость Давыдова.

Меня занималъ вопросъ; увлечена она имъ или нѣтъ? Неужели же она оставалась къ нему равнодушна? Или это была только сила ея самообладанія, ея болѣзненной восторженности, которая запрещала ей увлекаться земными предметами и всѣ ея мысли направляла къ будущей жизни? Княгиня осаждала ее по прежнему письмами, которыя дышали самымъ горячимъ фанатизмомъ и зывали къ самопожертвованію.

Письма эти всякій разъ производили на нее потрясающее впечатлѣніе. Она смотрѣла на нихъ какъ на святину.

Тотъ день, когда ей приносили съ почты пакетъ, былъ для нея днемъ покаянія и молитвы. Она запиралась у себя въ комнату, не выходила къ обѣду, и только вечеромъ, блѣдная, молчаливая, со слѣдами слезъ на глазахъ, а иногда съ горѣвшими, воспаленными взглядами, показывалась какъ тѣнь, чтобы просидѣть полчаса въ гостиной.

Былъ одинъ вечеръ, когда я особенно пристально слѣдилъ за нею. Вечеръ этотъ мы провели на дачѣ у молодыхъ, которые недавно только переселились въ нашъ городъ. Съ Любовью Федоровной хозяйка была впрочемъ знакома уже раньше: онѣ видались гдѣ-то за границей и сошлись, насколько могутъ сходитьсь двѣ хорошенькія женщины, которыя вздумали поиграть въ дружбу и повѣрять другъ другу маленькія тайны. И теперь онѣ нѣжно улыбались одна другой и говорили *ты*, но я готовъ былъ прозагладывать свою голову, — вещь, которою я очень дорожу, — что онѣ совершенно были другъ другу ненужны. М-ше Сухотина была хорошенькая особа съ каштановыми волосами, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, всегда безукоризненно одѣтая, со всѣми любезная, ласковая, предупредительная. Въ ней все было бархатъ, начиная отъ кроткаго блеска ея глазъ до ласкающаго шелеста ея платья. Она точно хотѣла сказать всѣмъ: господа я счастлива и, смотрите, какъ я добра! Но въ кроткихъ глазахъ ея блистала хитрость; смѣхъ ея рѣзко звенѣлъ въ ухахъ. Она была изъ тѣхъ особъ, которыя, не смотря на

свою красивую наружность, долго не находятъ себѣ мужа и, разъ пристроившись, стремительно принимаютъ всѣ манеры замужней дамы. Она держала себя съ дѣвушками покровительственно, съ мужчинами довольно свободно; часто говорила о *своемъ* мужѣ, о *своемъ* экипажѣ, о *своемъ* хозяйствѣ. Она была очень занята собой и своимъ счастьемъ и считала себя, повидимому, женщиной, которой всѣ другія женщины втайнѣ завидуютъ.

Мужъ ея, бѣлокурый, недурной собою мужчина, былъ изъ числа тѣхъ людей, которые до 30 лѣтъ смотрятъ разочарованными и скептиками, не вѣрятъ ни въ дружбу, ни въ любовь, ни въ преданность, чѣмъ не мало плѣняютъ женщинъ,—потомъ послѣ 30 лѣтъ женятся и начинаютъ по немногу вѣрить во все, но по прежнему любятъ поговорить въ обществѣ и поразить слушателей парадоксальностью своихъ воззрѣній. Сухотинъ, какъ я подозреваю, былъ человѣкъ, неспособный убить мухи, но на словахъ онъ низвергалъ цѣлыя системы, порицалъ правительство, порицалъ всѣ существующія учрежденія, какъ наши, такъ и заграничныя, и всему произносилъ свой неумолимый приговоръ. Мнѣ рассказывали, что за границей онъ поразилъ всѣхъ своими отзывами о Россіи. Администрація, говорилъ онъ, вся состоитъ изъ глушцовъ; законы татарскіе; исполненіе ихъ варварское; духовенство развращенное; народъ невѣжественный. Такъ какъ это было сказано человѣкомъ солиднымъ, какимъ глядѣлъ всегда Сухотинъ, сказано серьезно, спокойно, тѣмъ тономъ безпощаднаго, но безпристрастнаго анализа, который невольно внушаетъ въ себѣ довѣріе, то за границей Сухотину стали вѣрить. Его туманная рѣчь была принята нѣмцами за глубину, и скоро онъ самъ, вмѣстѣ съ нѣмцами, сталъ считать себя человѣкомъ по преимуществу глубокимъ.

Іюньскій вечеръ на балконѣ, недалеко отъ воды, гдѣ бѣлѣлась обтянутая парусиной, новенькая купальня, былъ великолѣпенъ.

На всѣхъ нашло какое-то мирное, сладкое настроеніе.

За чайнымъ столомъ, противъ томпаковаго самовара, формой своей напоминавшаго вазу для цвѣтовъ, сидѣла хозяйка въ прозрачномъ голубомъ платьѣ, двѣ старушки въ исполинскихъ чепцахъ, съ ридикюлями и табакерками, изображавшими кровопролитное сраженіе, и Любовь Федоровна, также какъ и пріятельница, вся въ голубомъ. По лѣвую руку отъ хозяйки, сидѣли двѣ очень еще молоденькія барышни, которыхъ не терпѣть оданъ мой пріятель, называя ихъ семерками. Я зналъ, что вести съ ними разговоръ бываетъ чертовски трудно и занялъ по этому мѣсто между мужчинами, сидѣвшими на другомъ концѣ балко-

на. Ихъ было трое: хозяинъ, Давыдовъ и еще одинъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, который стоитъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ.

Фамилія его была Вороновъ, но когда-то, въ бытность свою въ Римѣ, онъ влюбился въ какую-то пѣвицу Маріанини, и съ тѣхъ, поръ принялъ эту фамилію. Грязные скандалы, вспышки великодушія и самый азіатскій деспотизмъ, сантиментальность и жестокость все уживалось въ такихъ лицахъ, какъ нашъ Вороновъ. Пустоты въ своей жизни онъ не выносилъ и наполнялъ ее, какъ умѣлъ. То онъ писалъ себѣ надгробное слово, то составлялъ духовное завѣщаніе, то сочинялъ проповѣдь для соборнаго священника. Вдругъ ему казалось необходимымъ выстроить у себя въ имѣніи институтъ: собирались со всѣхъ концовъ каменщики, землекопы—и дѣло закипало такое спѣшное, что работали даже ночью, при свѣтѣ факеловъ. Еще фундаментъ не былъ выведенъ, какъ уже приглашены были два учителя. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, институтъ стоялъ безъ стеколъ, учителямъ не платили жалованья и все было забыто. Разъ вообразилось ему, что крестьяне не оказываютъ ему должнаго повиновенія и онъ сталъ приводить ихъ къ присягѣ. Дѣло вышло уголовное, но въ губерніи всѣ ему были друзья и пріятели — и кончилось ничѣмъ.

Люди этого закала считаютъ своей обязанностью оказывать покровительство страждущимъ и угнетеннымъ. Таковъ былъ и Вороновъ. Онъ являлся защитникомъ чужихъ крѣпостныхъ, чужихъ женъ и дѣтей и, хотя самъ у себя въ имѣніи и въ семьѣ велъ себя небезукоризненно, но другихъ за несправедливость беспощадно преслѣдовалъ и, явившись къ мало знакомому ему человѣку, который, по его мнѣнію, поступить невеликодушно, прямо въ лицо говорилъ ему подлѣца. Такая роль неприваннаго судьи, само собой разумѣется, никому не могла правиться и дѣло не обходилось безъ скандаловъ. Многие изъ нихъ благородно омывались кровью, другіе оканчивались примиреніемъ. Но всѣ его бывшіе враги дѣлались подъ конецъ его пріятелями. Отъ этого не было въ городѣ человѣка, которому-бы онъ не насолилъ, и въ тоже время не было человѣка, который-бы не сказалъ про него, что онъ добрѣйшій малый.

Онъ жестоко проигрывалъ въ карты, кутилъ такъ, что, по его мнѣнію пить съ воздержаніемъ значило пить такъ, чтобы держаться на ногахъ, отчаянно ухаживалъ за всѣми хорошенькими женщинами, увозилъ даже женъ отъ мужей, и въ тоже время безумно обожалъ свою собственную жену. Когда у него родилъ

ся первый ребенокъ, онъ, неизвѣстно для чего, напечатавъ объ этомъ въ газетахъ.

Человѣкъ онъ былъ богатый, хотя и сильно уже попромотавшійся; знакомство поддерживалъ со всей нашей аристократіей, но не брезговалъ ни однимъ домоу, гдѣ могъ встрѣтить хорошенькую женщину или буйнаго товарища для своихъ оргій. Часто можно было видѣть его съ людьми подозрительной нравственности, передъ которыми онъ разсыпалъ перлы своего ума, съ которыми отшibalъ артистически горлышки у бутлоуеъ и въѣзжалъ верхомъ въ гостиную къ своей женѣ. По какому-то несчастному случаю, такимъ людямъ попадаютъ женщины проткїа, которыя съ покорностью несутъ свой крестъ, проводить безсонныя ночи, проливають море слезъ и угааютъ незамѣтно, иногда отъ побоевъ пьянаго мужа, который въ трезвомъ видѣ готовъ былъ цѣловать у нихъ ноги.

Въ началѣ вечера говорилъ больше Вороновъ. Сухотинъ, по обязанности хозяина, внимательно слушалъ его и изрѣдка поддакивалъ. Дамы болтали между собою. Давыдовъ, поставивши недопитую чашку на балюстраду, кажется, ничего не слышалъ и разсѣянно смотрѣлъ въ даль. Его красивый профиль отчетливо обрисовывался въ потухающемъ вечернемъ свѣтѣ. Ни онъ, ни Любовь Федоровна не смотрѣли другъ на друга; она даже какъ будто избѣгали встрѣчаться взглядами; но ея лихорадочная оживленность, горячность, съ которою она вмѣшивалась въ мало интересные для нея разговоры дѣвицъ и даже двухъ старушекъ, изъ которыхъ одна оказалась ея теткой, и его молчаливая, сосредоточенная задумчивость говорила сама за себя. Давыдовъ не любилъ молчать въ обществѣ; онъ искалъ всегда случая овладѣть разговоромъ или затѣять споръ, за которымъ всѣ слѣдили обыкновенно съ интересомъ; теперь онъ молчалъ.

Поподчивавши всѣхъ фруктами, какъ громко величали здѣсь землянику и нѣсколько тощихъ апельсиновъ, сервированныхъ впрочемъ такъ изящно, какъ сервируютъ только у молодыхъ, гдѣ въ домѣ все ново съ иголочки, м-ме Сухотина приказала убирать чай и предложила гостямъ оставить террасу, чтобы пройти къ рѣкѣ. Всѣ согласились, кромѣ двухъ старушекъ: у одной былъ заваль въ печени, другая сказала, что ни за что не пойдетъ къ водѣ. Хозяйка должна была остаться съ ними и уведла ихъ въ комнаты, гдѣ тотчасъ-же приказали плотно закрыть всѣ окошки.

Каждый кавалеръ долженъ былъ вести свою даму. Давыдовъ подошелъ къ Любови Федоровнѣ и предложилъ ей руку; она какъ-то нерѣшительно взмахнула на него глазами, потомъ бы-

стро опустила ихъ и черезъ минуту уже спускалась съ нимъ съ террасы, улыбаясь и поправляя на ходу свою прическу съ видомъ женщины, которая знаетъ, что она хороша и что ею въ эту минуту любятъ. Она дѣйствительно была хороша; ея темные глаза искрились, вспыхивая попережбно, то радостью, то какой-то притворной серьезностью, и такъ часто тревожно-весело поднимались на ея собесѣдника, что я въ эту минуту не могъ-бы отвѣчать за его душевное спокойствіе. Онъ былъ замѣтно въ возбужденномъ состояніи и, вернувшись на террасу за перелиной, которая должна была предохранить его спутницу отъ простуды, показался мнѣ совсѣмъ человѣкомъ погибшимъ. Въ-сто перелины, онъ едва было не схватилъ меня, и только мое нѣжное напоминовеніе о томъ, что я Германъ, профессоръ N-скаго университета, заставило его нѣсколько придти въ себя и искать требуемаго предмета въ другомъ мѣстѣ.

Вороновъ взялъ одну изъ молоденькихъ дѣвицъ, хозяинъ взялъ другую и такимъ образомъ я, оставшись безъ дамы, пошелъ къ старушкамъ. М-ше Сухотина, долго учившаяся въ Петербургѣ и за границей искусству дѣлать жизнь пріятною, скоро отдѣлалась отъ старушекъ, усадивши ихъ играть въ трикетъ и обставивши ихъ леденцами и шоколадными пастилками. Старухи сосали леденецъ, разбирали своими дрожащими руками карты по мастямъ и такъ растрогались, что сами просили хозяйку идти къ рѣкѣ или въ рѣку, куда ей угодно.

— Молодой человѣкъ! приговаривали онѣ.—Что тебѣ съ нами.

М-ше Сухотина приказала мнѣ обернуть ее въ шаль и, нѣжно опираясь на мою руку, повела къ рѣкѣ. Спускаясь по косоюру узенькой дорожкой, гдѣ отъ сырости скользили нѣги, она два раза вскрикнула и еще нѣжнѣе прижалась ко мнѣ. Она была очень мила, и въ другое время я готовъ былъ-бы сводить ее хоть съ альпійскихъ ледниковъ, не только что съ косоюра, но теперь меня занимала не она. Впереди, на разстояніи ста шаговъ отъ насъ, я увидалъ Любовь Федоровну съ Давыдовымъ. Они шли тихо и отстали отъ гуляющихъ, не на столько однакоже, чтобы потерять ихъ изъ виду. Онъ срывалъ попадавшійся по дорогѣ жасминъ и дѣлалъ букетъ, вѣроятно ей, потому что она сама нѣсколько разъ поправляла ему цвѣты и смѣялась.

— Не правда-ли, сказала моя дама:—какая интересная парочка. Онъ красавецъ и она тоже. Они созданы другъ для друга! Вы не повѣрите, какъ я рада, когда вижу ихъ вмѣстѣ. Я помню то время, когда сама была въ дѣвушкахъ... Вы знаете, какъ пріятно встрѣтить гдѣ-нибудь человѣка, который намъ нравится. Я тогда-же дала себѣ слово, что когда буду замужемъ, вслѣдствіи

буду помогать влюбленнымъ. Это наша обязанность. *C'est notre devoir, à nous autres, femmes mariées...*

Она зажурилась и засмѣялась; потомъ вдругъ, жалудь на сырость, стала кокетливо завертываться въ свою шаль.

— Я всегда была увѣрена, что Любочка не сдѣлаетъ дурного выбора. Она всегда была такъ взыскательна къ людямъ. Я помню въ Баденѣ, когда мы веселились отъ души, она жаловалась на скуку. Правда, она много танцевала, но всегда говорила, что дѣлаетъ это неохотно. Мы всѣ имѣли тамъ обожателей, — не улыбайтесь такъ коварно, это вещь совершенно неизбѣжная, — она конечно имѣла ихъ не менѣе другихъ, но, представьте, увѣряла, что ни одного изъ нихъ не взяла-бы къ себѣ въ лакеи. *N'est ce pas que c'en est trop!* Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ подумать, что всѣ были такъ глупы. *Il y avait des jeunes gens très comme il faut.* Но я не знаю, ей хотѣлось чего-то такого... генія, можетъ быть, но геніевъ нѣтъ! *Vous savez.* Мой мужъ... конечно, я не слыхала, чтобы кто-нибудь сказалъ про него, что онъ не умнѣе и не думаю, чтобы онъ былъ глупѣе другихъ... (М-ше Сухотина была очень высокаго мнѣнія объ умѣ своего мужа). Но все-таки-же я скажу прямо: онъ не геній. Нѣтъ, онъ не геній! (Я былъ почти благодаренъ ей за это скромное сознание). А между тѣмъ, я нисколько не раскаиваюсь, что вышла не за генія. Я люблю моего мужа и уважаю его. Но Любочка... *oh, c'est autre chose.* Какое счастье, что она встрѣтила Давыдова! *Entre nous,* я не думаю, чтобы онъ былъ ужъ такъ страшно умнѣе; его умъ скорѣе блестящій, чѣмъ глубокий. (О глубинѣ ума она много слышала отъ своего мужа; и я даже подозреваю, что мнѣніе о Давыдовѣ цѣликомъ принадлежало ему). Не правда-ли? Вы согласны со мной? Онъ можетъ блестять въ обществѣ, но... Впрочемъ, я все таки очень уважаю *monsieur* Давыдова и я право отъ души, отъ души буду радоваться за Любочку, если она сдѣлаетъ эту партію. Онъ не богатъ, конечно... я даже думаю, что теперь его содержаніе не позволяетъ ему жениться, — но со временемъ онъ можетъ сдѣлать себѣ карьеру; не правда-ли?

Что, если эта болтовня, подумалъ я: — дойдетъ когда-нибудь до Гапскаго? Въ губернскомъ городѣ это очень легко. Тамъ не надо искать новостей. Новости сами къ вамъ ищутъ.

Въ жару разговора, мы однакожъ стали нагонять гуляющихъ. Между нами и Любовью Федоровной съ Давыдовымъ оставалось не болѣе 20 шаговъ. Они шли теперь по мосту, перекинутому черезъ оврагъ, на днѣ котораго протекалъ ручей, въ нѣсколькихъ саженахъ оттуда впадающій въ рѣку. Вдругъ они стали

неимоვნно ускорать шаги и наконецъ Любовь Федоровна, оставивши руку своего спутника, бросилась бѣжать и; пробѣжавши мостъ, остановилась въ какомъ-то оцѣпнѣніи, прислонившись къ дереву и схватившись одной рукой за грудь, гдѣ, какъ видно, сильно билось ея сердце. Давыдовъ поспѣшилъ къ ней и что-то съ жаромъ говорилъ ей; вскорѣ подошли и мы.

— Представьте, сказала Давыдовъ, быстро оборачиваясь:— Любовь Федоровна боялась идти черезъ этотъ мостъ. Я насилу уговорилъ ее, и вотъ вы видѣли... Она наконецъ бросила меня и убѣжала одна.

Я взглянулъ на Любовь Федоровну. Она стояла мертвенно-блѣдная, съ посинѣвшими губами и съ видомъ такого утомленія на лицѣ, какъ будто сдѣлала, не отдыхая, верстъ пятьдесятъ.

М-ше Сухотина улыбнулась. Она видимо принимала это за мистификацію, можетъ быть за кокетство своей пріятельницы. Но испугъ молодой дѣвушки былъ непритворный; недоумѣніе Давыдова тоже непритворное. Я начиналъ понимать въ чемъ дѣло. Недѣли за три до этого, я слышалъ отъ ректорши рассказъ объ одной исторіи, точно такого же рода. Дочь ея, говорила она, была подвержена необъяснимымъ припадкамъ страха: она вдругъ воображала, что мостъ на Невѣ сломится подъ ея тяжестью и рухнетъ въ воду; мосты были для нея предметомъ какого-то неизъяснимаго ужаса. Ей представлялись иногда страшные призраки. Мышей она боялась не менѣе мостовъ; одинъ видъ мыши доводилъ ее до обморока. Она боялась еще скрипучихъ дверей и ни за что не осталась бы одна въ комнатѣ, гдѣ скрипѣла дверь. И эта же дѣвушка, пугавшаяся скрипа, готовая упасть въ обморокъ при одной мысли о томъ, что гдѣ-нибудь по близости есть мышь, показывала въ другихъ случаяхъ почти не женскую, безумную смѣлость. Въ ней вѣчно боролся духъ какого-то восторженнаго презрѣнія къ опасностямъ и безотчетной, но непобѣдимой боязни къ сверхъестественнымъ силамъ.

Изъ вѣжливости, дамы стали предполагать, что у нея закружилась голова и ей сдѣлалось дурно. Мужчины рѣшили единогласно, что идти теперь къ водѣ было бы опасно. Давыдовъ былъ замѣтно сконфуженъ. Я угадывалъ, какая мысль вертѣлась у него въ головѣ: онъ боялся, чтобы его не сочли причиной странной выходки его дамы. Какъ и почти всѣ самолюбивые люди, онъ страшно боялся показаться смѣшнымъ. Всѣ двусмысленные взгляды дамъ онъ принималъ теперь на свой счетъ. Онъ досадовалъ на Любовь Федоровну и не скрывалъ этого. Холодная, нѣсколько насмѣшливыя фразы, въ которыхъ онъ выражалъ ей свое участіе, никому не оставляли сомнѣнія насчетъ

того, какъ онъ недоволенъ ею. Кажднымъ словомъ своимъ онъ давалъ понять, что онъ врагъ всякихъ нелѣпныхъ выходовъ, а тѣмъ болѣе въ обществѣ. Любовь Федоровна поняла его и поспѣшила подать мнѣ руку, чтобы не возвращаться съ нимъ назадъ. Меня удивило то, что она даже не оправдывалась и не пыталась объяснить чѣмъ-нибудь свой странный поступокъ. Она молча, серьезно шла со мной, все еще блѣдная и тихо попросила меня не возвращаться на мостъ, а спуститься ниже и перейти черезъ оврагъ тамъ, гдѣ ручей былъ узокъ и позволялъ перескочить черезъ него.

Изъ вѣжливости все общество пошло за нами. Давыдовъ громко и весело разговаривалъ съ м-ше Сухотиной и заставлялъ ее часто смѣяться.

Въ домѣ мы застали старушекъ, все еще играющихъ въ трикетъ и скушавшихъ уже болѣе половины леденца. Разсказъ о приключеніи на мосту ужасно занялъ ихъ. Онъ отчаянно нюхали, потрясали чепцами и повторяли, что никогда не слѣдуетъ ходить вечеромъ къ водѣ.

День окончился очень весело. Вороновъ сѣлъ за клавикорды и пѣлъ итальянскіе романсы, безъ голоса, но съ чувствомъ. Молоденькія барышни сѣли со мной и съ своей бабушкой играть въ карты, а Давыдовъ и хозяинъ завели жаркій споръ о томъ, какое значеніе имѣетъ прокурорскій надзоръ для губернатора. Давно уже замѣчено мною, что если начали за чаемъ споръ, положимъ, хоть о народномъ просвѣщеніи, то споръ этотъ будетъ продолжаться и за ужиномъ, но уже не о народномъ просвѣщеніи, а о солдатскихъ сухаряхъ.

Такъ было и теперь.

М-ше Сухотина внимательно слѣдила за разговоромъ: когда говорилъ ей мужъ, она слушала съ какимъ-то упоеніемъ. Онъ такъ пропиталъ ее убѣжденіемъ въ глубинѣ его мыслей, что эта глубина казалась ей недосыгаемой. Свѣтская женщина, воспитанная плохо, какъ и всѣ наши женщины, она мало понимала изъ того, что говорилось, но упивалась словами, потому что это были ея слова.

Любовь Федоровна казалась утомленной, но я замѣтилъ, что глаза ея горѣли: едва ли она проронила хоть одно слово изъ того, что говорилось. Давыдовъ ни разу не обратился къ ней, онъ даже, казалось, не замѣчалъ ея.

Весь вечеръ онъ какъ будто мстилъ ей, нарочно поддерживая разговоръ, въ который женщины не могли вмѣшаться, а когда по необходимости обращался къ дамамъ, то ко всѣмъ одинаково холодно, не дѣлая исключенія и для нея.

Только уже при прощаньи, когда онъ вышелъ провожать ее въ глазахъ его мелькнуло какъ будто раскаянiе. Помогая ей сѣсть въ экипажъ, онъ что-то тихо сказалъ ей; она ласково, но съ упрекомъ взглянула на него.

— Не нужно! сказала она, но съ такой грустью, что я понялъ бы его желанiе броситься къ ея ногамъ и просить забыть его смѣшную досаду.

Лошади уѣхали; онъ долго провожалъ ихъ глазами. Потомъ мрачно вернулся въ комнаты и тотчасъ же сталъ прощаться. Мы сошли съ лѣстницы вмѣстѣ съ барышнями, за которыми двѣ дѣвки сводили подъ руку бабушку.

IV.

Въ одинъ изъ почтовыхъ дней, когда Ганской, имѣвшій большую переписку съ иностранными профессорами и съ русскими студентами, посланными за границу, засидѣлся по обыкновенiю поздно ночью, я только что вышелъ отъ него и хотѣлъ уже потушить свѣчку, какъ вдругъ услышалъ подъ окошками стукъ многихъ экипажей и шумъ голосовъ. Я отворилъ дверь на лѣстницу, чтобы узнать, не жена ли это Ганского прѣехала.

Но бѣготня и свѣтъ продолжались въ нижнихъ корридорахъ, не поднимаясь ни на одну ступеньку выше. Я рѣшилъ поэтому, что дѣло до меня не касается и вернулся къ себѣ.

На другое утро, часовъ около 12, когда я садился за завтракъ, а Ганской выпивалъ свой обычный стаканъ молока съ зельтерской водой, его угрюмый камердинеръ подалъ ему записку.

— Отъ кого?

— Унизу барыня остановилась. Они прислали.

Ганской прочелъ и опустилъ записку въ карманъ.

— Хорошо. Ступай.

Но хохоль не ушелъ. Онъ увидалъ на двери пятно, поплевалъ на него и вытеръ обшлагомъ своего рукава.

— Можешь идти, повторилъ Ганской.

— Они отвѣта дожидаются.

— Скажи, что я приду.

Хохоль ушелъ. Я посмотрѣлъ на Ганского. Онъ не торопясь допилъ свой стаканъ и сѣлъ опять за письменный столъ. Мы провѣряли съ нимъ приходо-расходныя книги, присланныя изъ правленiя. Онъ былъ вообще несообщителемъ и, не смотря на то, что я жилъ съ нимъ теперь бокъ-обокъ, узнать отъ него,

что онъ намѣренъ дѣлать, можно было развѣ только чудомъ. Я уже привыкъ къ тому, что онъ распечатывалъ при мнѣ письма десятками, ни слова не упоминая, отъ кого они; что онъ уходилъ и приходилъ, ни слова не говоря о томъ, гдѣ былъ. Это была совершенная противоположность Вагнеру, который не любилъ, чтобы въ жизни его былъ хоть одинъ шагъ, оставшійся неизвѣстнымъ для общества.

Передъ обѣдомъ Ганской ушелъ и черезъ часъ вернулся. Не прошло и 5 минутъ, какъ онъ уже предложилъ мнѣ покончить разсмотрѣніе приходо-расходныхъ книгъ, чтобы отослать ихъ обратно въ правленіе. Никакихъ другихъ свѣдѣній объ его свиданіи съ интересной незнакомкой я не получилъ. Единственный признакъ, по которому я узнавалъ, что онъ чѣмъ-нибудь озабоченъ — это разсѣянность. Я повторилъ по нѣскольку разъ одну и ту же фразу—и онъ не понималъ ее, или вѣрнѣе не слыхалъ.

Въ этотъ вечеръ онъ упорно стоялъ на томъ, что 7 и 13 будетъ 25, и когда я ему разъяснилъ ошибку, то засмѣялся и попросилъ извиненія. Потомъ онъ долго отказывался понять, что 36, помноженное на 10, дастъ въ произведеніи 360, и опять убѣдившись, что я правъ, просилъ извиненія, ссылаясь на то, что у него несовсѣмъ свѣжа голова. Отчетъ былъ однако нами блистательно провѣренъ и утвержденъ. Тогда я позволилъ себѣ нѣкоторый отдыхъ и рѣшилъ пройти по улицѣ.

Только что я спустился съ лѣстницы, какъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Любовью Федоровной, выходившей изъ корридора направо. Вуаль на шляпкѣ была спущена, но и черезъ эту вуаль я могъ замѣтить, что глаза у нея были заплаканы. Она никого и ничего не видала, и хотѣла пройти мимо, но я остановилъ ее. Она какъ будто обрадовалась мнѣ.

— Вы удивлены, не правда-ли? обратилась она ко мнѣ по французски. — Пойдемте со мной.

Съ ней была дѣвушка, которой она сдѣлала знакъ, чтобы слѣдовала за нами, и продолжала разговоръ по французски.

— Вы знаете, кто эта дама, которая пріѣхала вчера вечеромъ? Это одна изъ нашихъ. (Она сдѣлала удареніе на этомъ словѣ). Я имѣла съ ней сейчасъ длинное объясненіе. Скажите мнѣ, ради Бога, Сергѣй Леонтьичъ былъ у нея сегодня?

— Онъ былъ у какой-то дамы, которая прислала ему записку.

— Ну да, я знаю. Она мнѣ говорила. Впрочемъ, что же я спрашиваю .. Онъ конечно, по обыкновенію, спокоенъ... Ему все равно! Онъ, я думаю, даже не далъ себѣ труда подумать о томъ, что со мною! Онъ послѣднее время, кажется, не особен-

но заботится и о томъ, чтобы видѣть меня. Я не говорила съ нимъ наединѣ двухъ минутъ.

— Я думаю потому, что ему нельзя было этого устроить.

— Перестаньте! Онъ такъ увѣренъ въ моей любви къ нему, въ моей преданности, что даже и не думаетъ объ этомъ. Онъ будетъ говорить со мной тогда, когда сдѣлаетъ мнѣ честь назвать меня своей женой. А до тѣхъ поръ что за дѣло?.. Онъ знаетъ, что я не уйду отъ него. Или наконецъ это трусость съ его стороны! Онъ боится сдѣлать какой-нибудь рѣшительный шагъ, онъ боится огласки!

— Если онъ и боится этого, то вѣроятно за васъ.

— Такъ ли? Я думаю скорѣе, что онъ просто боится развода. Эта дама сейчасъ сказала мнѣ, что и въ Петербургѣ еще ничего неизвѣстно, что и тамъ еще объ этомъ молчать. Стало быть, это дѣло не двигается впередъ. И въ этомъ винять меня! Но не лучше ли будетъ сказать, что въ этомъ виноватъ онъ! Только онъ! Что я могу сдѣлать! Научите меня, ради Бога. Развѣ я не желаю всею душою, чтобы это кончилось скорѣе. Для меня мучительно, для меня невыносима эта неизвѣстность!

Я замѣтилъ одну черту: какъ она ни была взволнована, она ни разу однакожъ не возвысила голосъ, ни минуты не забывала, что мы идемъ по улицѣ, и что за нами слѣдуетъ горничная. Черта, достойная свѣтской женщины!

— Если онъ думается, что мнѣ пріятно тануть этотъ романъ, то онъ очень ошибается! Я дѣлаю это, потому, что я должна это дѣлать. Я дала клятву, что сдѣлаю все, что могу. И я ее сдержу. Видитъ Богъ, что я ее сдержу! Но зачѣмъ же онъ такъ мучаетъ меня? Развѣ не я должна отвѣчать за его нерѣшительность? Во всемъ винять меня! Вы видѣли сами, развѣ я могла говорить съ нимъ откровенно? Могла ли я настаивать, когда я даже не вижу его!

Мнѣ стало ясно одно, что особа, пріѣхавшая изъ Петербурга, сдѣлала Любови Федоровнѣ сцену за то, что ея дѣло плохо подвигается впередъ и что бѣдная дѣвушка считала себя виновной передъ цѣлою общиной и можетъ быть даже передъ самимъ Богомъ.

— Но вѣдь особа эта, сказала я:—видѣлась съ Ганскимъ. Отчего же она не объяснилась съ нимъ?

— Да, она говорила съ нимъ. Но знаете-ли, что онъ сказалъ ей? что его дѣла идутъ хорошо и чтобы она напрасно не беспокоилась. И только! Ей, конечно, неловко было настаивать. Это вышло бы похоже на то, какъ будто меня навязываютъ ему.

Но онъ долженъ былъ объясниться съ ней какъ слѣдуетъ! Оставляя ее въ неизвѣстности, онъ оставляетъ и меня въ неизвѣстности. Развѣ это было деликатно съ его стороны?

Это было такъ похоже на Ганского! Онъ любилъ дѣлать все молча. Я совѣтовала Любови Федоровнѣ объясниться съ нимъ самой. Можетъ быть, съ ней онъ будетъ откровеннѣе. Она отвѣтила мнѣ на это, что уже рѣшено, что завтра она увидится съ нимъ у этой дамы.

— Знаете ли, продолжала она:— что у меня есть еще до васъ большая просьба. (Она подняла на меня свои все еще заплаканные и блестящіе отъ волненія глаза. Въ нихъ блеснула и мольба, и приказаніе, и какъ бы увѣренность въ томъ, что я не откажу ей). Я говорила этой дамѣ о васъ. Я рассказала ей все, что касалось до нашего знакомства. Я рассказала ей и о томъ, о чемъ вамъ я не говорила, потому что вы мнѣ не повѣрили бы и не поняли бы меня. Но она поняла меня. Она знаетъ теперь, что я довѣрилась вамъ и очень желала бы васъ видѣть. Вы не откажетесь? Нѣтъ?

Я почувствовалъ легкое прикосновеніе ея перчатки къ моей рукѣ. Зачѣмъ сталъ бы я отказываться? Мнѣ представлялся отличный случай посмотреть поближе на людей, къ которымъ я, по милости моей сестрицы, чуть было не попался въ руки. Представительница петербургской общины, сектантка, можетъ быть одна изъ наперстницъ de la princesse Catherine, была для меня особой очень интересной. Я общалъ Любови Федоровнѣ на слѣдующее же утро, въ 10 часовъ, быть у пріѣзжей. Какъ разъ въ этотъ часъ у меня была лекція и я рѣшилъ проманкировать. Когда я наканунѣ сообщилъ объ этомъ Вагнеру, онъ ужаснулся.

— Какъ, вы на лекцію не придете?

— Не приду.

— Да что-жъ такое случилось?

— Да ничего не случилось. Дѣло есть.

Вагнеръ покачалъ головой. Въ жизни своей онъ не позволилъ бы себѣ пропустить лекцію.

Въ назначенное время я явился къ петербургской пріѣзжей. Глазамъ моимъ представилась комната, сверху до низу заваленная баулами, сундучками, саками и кардонами. Среди этого хлама разбирались какія-то существа въ капотахъ и чепчикахъ, по виду все бѣдныя дворянки, которыя добывали себѣ пропитаніе тѣмъ, что укладывали и разбирали поклажу своей принципалки. Всѣ онѣ гордо смотрѣли на меня, такъ какъ умѣли только смотрѣть бѣдныя дворянки въ 20-хъ годахъ, и одна даже нарочно загородила мнѣ дорогу чемоданомъ, чтобы поглядѣть, не осмѣ-

люсь ли я какъ-нибудь дерзко перешагнуть черезъ него. Но я въ такихъ случаяхъ предпочитаю всегда сдѣлать крюкъ, и дворянская гордость не потерпѣла никакого оскорбленія.

Въ слѣдующей комнатѣ, въ большихъ креслахъ сидѣла маленькая женщина лѣтъ 50, очень бодрая, живая и все еще красавица, не смотря на свои года: такъ правильны и мелки были ея черты. Это была конечно красота старости безъ свѣжести и привлекательности, безъ блеска молодости, но всякій разъ, какъ она поднимала глаза, такъ и хотѣлось сказать: „а много ты, матушка, должно быть погубила сердець на своемъ вѣку!“ Одѣта она была изысканно, даже черезъ чуръ роскошно для женщины, которая остановилась проездомъ въ гостиницѣ. На ней былъ какой-то шалевый капотъ съ опушкой изъ собольихъ хвостовъ. На головѣ пышный чепчикъ, изъ подъ котораго рельефно выдавались ея черные какъ смоль волосы: красила ли она ихъ или нѣтъ, но только сѣдога не было ни одного.

Когда я вошелъ, она съ аппетитомъ кушала бисквиты, запивая ихъ виномъ. Противъ нея стоялъ вытянувшись гайдукъ съ подносомъ. Я отрекомендовался. Она очень любезно приняла меня и приказала лакею подвинуть мнѣ кресло. Какъ бы въ извиненіе, что я засталъ ее такъ рано за крѣпкими напитками, она объяснила мнѣ, что встаетъ въ 5 часовъ и что теперь время ея завтрака.

Ожидая встрѣтить въ ней какуюнибудь пророчицу, чтонибудь подобное княгинѣ, ходившей въ мужскомъ платьѣ, я очень удивился, увидавши въ ней свѣтскую женщину, съ большимъ тактомъ, съ большимъ умѣньемъ говорить о чемъ угодно, ни разу не впадая ни въ мистицизмъ, ни въ изступленную восторженность. Поняла ли она, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, на котораго мистическія бредни не подѣйствуютъ, но только пророчицы въ ней не было видно.

Послѣ многихъ, ничего незначащихъ разговоровъ, она упомянула наконецъ о моихъ отношеніяхъ къ Любови Федоровнѣ. Какой-то пронзительный, безпокойный взглядъ сопровождалъ эту фразу и повторился нѣсколько разъ. Она точно пыталась оцѣнить и взвѣсить меня. По ея первымъ словамъ я понялъ, что она боялась сказать чтонибудь лишнее и въ то же время желала сказать многое.

— Вы сдумали внушить этой дѣвушкѣ такое полное довѣріе къ себѣ, что я увѣрена, вы не откажетесь принять участіе въ ея судьбѣ. Вы уже знаете о блистательномъ замужествѣ, которое ее ожидаетъ... Я не хочу обманывать васъ и говорить, что она дѣлаетъ это для себя. (Любовь Федоровна призналась ей во

всемъ и она знала, что обманывать меня было бы бесполезно). Нѣтъ, конечно, она не влюблена въ того, кому отдаетъ теперь свою руку, но ее заставляетъ сдѣлать это ея глубокая вѣра. (Барыня опять бросила на меня пронизательный взглядъ, какъ бы спрашивая, продолжать ей въ этомъ тонѣ или остановиться). Вы не можете понять этого, потому что вы не отдались какъ она, душой и тѣломъ, тому истинному свѣту, который одинъ озаряетъ нашу безотрадную жизнь. Но я не для того пригласила васъ, чтобы посвящать васъ въ великія тайны нашего братства. Моего слабого ума не хватило бы для этого. Не мое призваніе отыскивать новыхъ избранниковъ. Это дѣло другихъ, болѣе меня достойныхъ! но обязанность каждаго изъ насъ блюсти за тѣмъ, чтобы люди, которые разъ удостоились быть принятыми, не измѣнили бы своей клятвѣ. Злой духъ силенъ. Онъ иногда въ самыхъ обольстительныхъ видахъ является намъ... Борьба съ нимъ ужасна, и не всякій можетъ выдти побѣдителемъ. Тому, кто падеть, обязаны мы подать руку помощи и, если можно, не допустить его до паденія.

Послѣ этого напыщеннаго вступленія, она вдругъ вся обратилась въ простодушіе и откровенность, и съ видомъ нѣжнаго довѣрія ко мнѣ передавала подробности о Ганскомъ и его нареченной невѣстѣ. Такъ какъ она слышала, что я теперь близокъ къ Ганскому, то она просила и меня поддержать его въ трудныя минуты.

— Еслибы вы знали, какъ всѣ мы много ожидаемъ отъ этого духовнаго союза двухъ сердецъ! Она избранница Божія. Она соберетъ намъ многихъ овецъ для нашей паствы.

И затѣмъ, какъ бы испугавшись этой нечаянной духовной фразы, собесѣдница моя самымъ обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ предложила мнѣ выдать меня Ганскому за одного изъ членовъ ихъ союза, для того, чтобы онъ допустилъ мое посредничество и чтобы черезъ меня Любовь Федоровна могла въ случаѣ надобности относиться къ нему.

Я понялъ, что ей было нужно. Она боялась, что вліяніе Любови Федоровны не будетъ достаточно сильно, если она не будетъ часто видѣться съ Ганскимъ или по крайней мѣрѣ переписываться съ нимъ. Я могъ этому помочь, являясь посредникомъ. Кромѣ того, принимая Ганскаго за человѣка безхарактернаго, ничтожнаго, она считала и мое вліяніе на него не совсемъ бесполезнымъ. Не могъ ли я какъ-нибудь увѣдомить ее въ случаѣ, если рѣшимости его угрожала какая нибудь опасность? Посвященный теперь въ ихъ тайну, я былъ имъ опасенъ: я могъ быть только или врагомъ, или другомъ ихъ. Она всѣми силами стара-

лась сдѣлать изъ меня друга, но дѣйствовала осторожно, потому что не знала еще, какія средства будутъ для меня хороши. Не можетъ ли она извлечь что нибудь изъ опрометчивой откровенности Любови Федоровны или хотя бы только сдѣлать меня безвреднымъ?

Я выслушалъ все съ большимъ любопытствомъ и на предложеніе выдать меня за члена ихъ союза отвѣчалъ согласіемъ. Отъ этого мнѣ не угрожало никакой опасности, а между тѣмъ представлялся случай узнать поближе Ганского. Я твердо рѣшилъ впрочемъ не оказывать ни какихъ услугъ почтенной дамѣ и ни о чемъ ровно ее не увѣдомлять.

— Я скажу Ганскому, что вамъ извѣстна его тайна, тѣмъ болѣе, что она уже и не тайна: ее знаетъ половина Петербурга. Любовь Федоровна положительно требовала этого вчера. Она говоритъ, что будетъ, по крайней мѣрѣ, знать къ кому обратиться. Я вамъ скажу по секрету, что она меня беспокоитъ. Я не могу понять, что съ ней! Она вчера такъ горько плакала... Когда я ей стала говорить, что мы всё ждемъ онъ нея этой жертвы, что намъ грустно, что она такъ мало сдѣлала до сихъ поръ, она стала рыдать и упрашивать, чтобы мы ей вѣрили, что она сдѣлаетъ все, чего бы ей это ни стоило. Потомъ она призналась мнѣ, что на нее находятъ страшныя минуты, когда она начинаетъ сомнѣваться въ себѣ, что прежде съ ней этого не было, но что... Тутъ она мнѣ сказала что-то такое странное... Я боюсь, не замѣшана ли тутъ какая нибудь новая любовь. (Она испытующимъ взоромъ посмотрѣла на меня, какъ бы вызывая меня на откровенность, но я промолчалъ). Если такъ, то... это будетъ страшное испытаніе для нея.

Она остановилась, но я молчалъ по прежнему.

— Если даже этого и нѣтъ, то это легко можетъ случиться. Она въ такихъ годахъ, когда увлеченіе такъ возможно. Вотъ почему мы должны воспѣшить этой свадьбой. Изъ за какой-нибудь минутной вспышки она можетъ навѣки погубить себя. А она такъ много обѣщала, что, вы не повѣрите, мы всё любимъ ее какъ родную. Мы слѣдимъ за нею изъ Петербурга. Мы желали бы спасти ее... не для себя, но для Бога.

Тутъ собесѣдница моя грустно и строго опустила глаза, какъ бы жалѣя о томъ, что должна была высказать мнѣ такъ много.

Когда я раскланялся, она встала и проводила меня до дверей.

Едва показалась она на порогъ, какъ всѣ бѣдныя дворянки, возвышiяся съ кардонками и чемоданами приняли сладостное выраженіе лица. Двѣ изъ нихъ поклонились ей въ ноги. „За до-

бродѣтель“, какъ говорили онѣ, приподнимаясь и вытирая себѣ платкомъ глаза.

Свиданіе Любовь Федоровны съ Ганскимъ наконецъ состоялось, и въ тотъ же день вечеромъ петербургская пріѣзжая уѣхала въ свое имѣніе. Я ожидалъ, что мнѣ скажетъ Ганской, когда узнаетъ все то, что предполагали сказать ему, но онъ вернулся и молчалъ, а когда заговорилъ, то о томъ только, что желалъ бы устроить обсерваторію и пригласить одного нѣмецкаго профессора для геодезическихъ съемокъ и для составленія тригономической карты N-ской губерніи.

Спустя нѣсколько дней, онъ далъ мнѣ письмо и просилъ передать его Любовъ Федоровнѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ просто, какъ будто просилъ меня очинить ему карандашъ. Я взялъ письмо, и тѣмъ наши конфиденціальныя отношенія и кончились. Поступкомъ этимъ онъ оказывалъ мнѣ довѣріе, но въ то же время показавъ, что ни въ какія объясненія входить не желаетъ.

V.

Какъ-то въ первыхъ числахъ іюля, въ домъ Ганскаго нахлынули толпы петербургской челяди: повара, дворецкіе, мамки, учителя, англичанки, француженки,—все это съ страшнымъ шумомъ ворвалось въ наше тихое убѣжище. Мы увидали себя вдругъ какъ бы въ осадномъ положеніи: постепенно ретируясь, мы уступали мѣсто врагу, и наконецъ изъ просторнаго помѣщенія, увидали себя заключенными въ три комнаты и отрѣзанными отъ парадной лѣстницы: единственное сообщеніе, которое оставалось намъ съ остальнымъ міромъ, происходило черезъ дверь моей комнаты, выходившую въ задній уголъ корридора. Все остальное было нами безвозвратно потеряно. Мистриссъ Браунъ, m-lle Ernestine и какой-то декораторъ Щаковский захватили пять комнатъ, чтобы устроить въ нихъ приличное помѣщеніе для ея превосхва. Главный maitre d'hôtel заявилъ, что наша пріемная нужна ему для столовой, а изъ бывшей столовой сдѣлалъ буфетъ. Комната, которая до тѣхъ поръ находилась въ полномъ распоряженіи хохла камердинера, наполнилась скачущими лакеями.

Со всѣмъ этимъ можно бы еще было примириться, если бы, оставляя намъ нашъ маленькій уголокъ, намъ оставили съ нимъ и спокойствіе. Но нѣтъ! Это драгоцѣннѣйшее благо человѣческое было у насъ похищено. Ни я, ни Ганской не принадлежали болѣе сампмъ себѣ. Мое званіе домашняго секретаря едва было не погубило меня. Въ первый же день дворецкій пришелъ

спросить меня, какая комната будетъ отведена для ванны. Я сказалъ, что это до меня не касается. Немного погодя, поваръ прислалъ мнѣ сказать, что ему нужны цицлята и грибы, чтобы я распорядился купить ихъ. Я ему послалъ отвѣтить, что цицлята и грибы продаются на базарѣ. Онъ опять прислалъ мнѣ сказать, что не знаетъ гдѣ достать хорошей телятины, и что ея превосх-во будетъ очень недовольна, если ей подадутъ не-свѣжую провизію. Не прошло и десяти минутъ, какъ ко мнѣ прибѣжала m-elle Ernestine требовать вишневаго клею, а еще черезъ десять минутъ пришла нянюшка жаловаться, что камер-диверъ Ганскаго назвалъ ее шлюхою.

Я отворилъ было дверь въ корридоръ, но тамъ рыскали борзья и лагавья, которыя, какъ любезно объяснилъ мнѣ одинъ изъ лакеевъ, пріѣхали съ братцемъ ея превосх-ва. Слѣдовательно ея превосх-во будетъ тутъ не одна, а съ братцемъ! Не успѣлъ я затворить двери, какъ меня атаковала одна изъ горничныхъ, объявляя съ ужасомъ, что пропала барыниныя рабочій ящикъ и чтобы я распорядился отыскать его.

— Объявите, милая, полиціи, посоветовалъ я ей, и подъ носомъ у ней захлопнулъ дверь.

Но враги не отступали. Съ другого конца прибѣжала ко мнѣ мистриссъ Браунъ и пронзительно стала кричать о пропажѣ, возмущенная тѣмъ, что вмѣстѣ съ ящикомъ исчезли ея очки въ золотой оправѣ. Я отвѣчалъ ей на это, что если бы ея очки были облиты брилліантами, то и тогда я ихъ искать не пошелъ бы и что слѣдовательно она теперь еще въ выигрышѣ: лучше потерять золотыя очки, чѣмъ брилліановыя. Мистриссъ долго шумѣла, пока я наконецъ предложилъ ей на выборъ:

— Или вы уйдете, или я уйду. Но тогда я васъ запру на ключъ.

Она ушла.

Ганской тоже не былъ свободенъ отъ нападеній. При мнѣ въ нему пришла нянюшка и, обливаясь слезами, всхлипывая, требовала, чтобы ее отправили въ Петербургъ, потому что ей туть отъ „камардина“ житья нѣтъ.

Ганской хладнокровно выслушалъ ее.

— Хорошо, сказалъ онъ. — Какъ только будутъ лошади, я васъ отправлю въ Петербургъ.

Нянюшка перестала всхлипывать и ушла, твердо впрочемъ рѣшившись ни куда не уѣзжать.

Какой-то джентльменъ въ бумазейной охотничьей жакеткѣ и въ картузѣ съ пуговочкой, недавно сидѣвшій въ корридорѣ вер-

хомъ на перилахъ и толкшавшій о совершенствахъ петербургской жизни, пришелъ заявить, что для собакъ нѣтъ помѣщенія.

Ганской посмотрѣлъ на него.

— Какъ прикажете распорядиться ваше превосходство? его сіятельство приказали мнѣ, чтобы я насчетъ собакъ... чтобы я т.-е. ихъ соблюдалъ, и въ случаѣ чего приказали мнѣ просить ваше превосходство...

— Ну-съ?

Джентльменъ замаялся, сохраняя однакоже наглый видъ.

— Вамъ лучше будетъ подождать его сіятельства, а я насчетъ собакъ ни какихъ распоряженій отдавать не буду.

Джентльменъ вышелъ и въ корридоръ громко сказалъ, что онъ будетъ жаловаться своему барину.

Я заявилъ Ганскому желаніе оставить его домъ на то время, пока тутъ будутъ жить его родные.

Онъ вспыхнулъ.

— Вы думаете, что они вамъ будутъ мѣшать?

— Я думаю, что я ихъ стѣсню. Ваше помѣщеніе и безъ того будетъ тѣсно.

— Перестаньте! Одна комната! Можетъ-ли одна комната составить разницу!

Я молчалъ.

— Послушайте. Вамъ просто неприятно оставаться здѣсь. Но я... Я васъ прошу остаться. (Онъ выговорилъ это съ усиленіемъ).

Онъ не прибавилъ болѣе ничего, но лицо его пылало. Я поглянулъ на него—и остался.

Наступилъ торжественный день, когда должна была прійхать *срма*. По корридорамъ заранѣе поднялась бѣготня: одинъ мчался съ чашкой бульона для ея превосходства, другая летѣла грѣть бѣлье ея превосходства, третья выходила изъ себя, чтобы была теплая вода для ванны.

Въ столовой дымился уже завтракъ; изъ спальной въ лиловомъ полусвѣтѣ выглядывала *m-lle Ernestine* и томнымъ шепотомъ отдавала приказанія суетившейся прислугѣ. Ганской молча ходилъ изъ угла въ уголъ. Одинъ разъ показался было въ корридорѣ, но встрѣтивши толпу подобострастно разступившихся лакеевъ, быстро скрылся.

Наконецъ прибытіе совершилось. Я не пошелъ въ суматоху и предпочиталъ сидѣть у себя въ комнатѣ. Первый мой выходъ былъ къ обѣду. Какая разница съ тѣми обѣдами, которые мы съѣдали вдвоемъ съ Ганскимъ, иногда не промолвивши до конца двухъ словъ, иногда вступая въ длинную бесѣду по пов...

кого нибудь университетскаго событія. Длиннѣйшій парадный столъ былъ накрытъ, сверкая серебромъ и хрусталемъ. За каждымъ стуломъ стоялъ джентльменъ въ бѣлыхъ перчаткахъ. Къ ѣдѣ приступали какъ къ таинству, съ серьезными, торжественными минами, мужчины въ бѣлыхъ галстукахъ, дамы въ свѣжихъ, только что отъ прачки принесенныхъ кисейныхъ платьяхъ, дѣти (ихъ было тутъ трое) въ туго накрахмаленныхъ юбочкахъ, въ штюблетахъ, съ важными жестами, обращенными къ лакеямъ, которые пододвигали имъ стулья. Изъ этихъ дѣтей одна дочь Ганскаго, черноволосая Элиза, походила еще на ребенка, другія двое смотрѣли взрослыми, хотя были моложе ея. Элиза смѣялась, показывая всѣ свои зубы, безпрестанно вертѣла головой, причеъ ея черныя, коротенькія косички, связанныя пунцовой лентой, уморительно болтались по спинѣ, говорила весь обѣдъ неумолкая, отчего часто забывала доѣдать свое кушанье и отставала отъ другихъ, двигала безъ всякой надобности тарелкой и поправляла клеенчатую салфетку, лежавшую подъ дѣтскими приборами. Въ каждомъ ея движеніи былъ огонь, все у нея дѣлалось быстро, неизвѣстно зачѣмъ и почему; ни глаза, ни ротъ, ни даже носъ, не оставались въ покоѣ двухъ минутъ. Только взгляды матери могли остановить эту вѣчно-випучую кровь. Теперь она сидѣла около отца и ничего ужъ не видала, ни матери, ни мистрисъ Браунъ, ни сидѣвшаго напротивъ пасмурнаго доктора: она говорила-говорила, неумолкая, безпрестанно заливаясь смѣхомъ и взмахивая глазами на присутствующихъ. Каждый ея жестъ говорилъ: не правда-ли какъ весело? Мнѣ очень весело!

Ганской слушала ее, улыбаясь, изрѣдка дѣлая ей вопросъ и съ такимъ выраженіемъ, что я понялъ, что отецъ и дочь были большіе друзья. Насколько холодны и пусты были фразы, которыми онъ обмѣнивался съ женой, на столько же горячо было каждое его обращеніе къ дочери. По тому, какъ онъ накладывалъ ей жаркое, видно было, что онъ дѣлалъ это для нѣжно любимаго существа.

Тутъ же увидалъ я брата ея превосходительства, молодого, надменнаго князя, съ нахально-дѣливымъ выраженіемъ лица, съ красивыми чертами, но съ нѣсколько лошадиными зубами, черезъ которые онъ пропускалъ отдѣльныя фразы, фразы, цѣлившія въ Петербургъ на всѣ золото. Я слышалъ, что его сятельство былъ человекъ вліятельный по своимъ связямъ, но сильно уже попромотавшійся.

Послѣ обѣда подали черный кофе; его кушали всѣ рѣшительно, даже и тѣ, кто его не терпѣлъ, потому что ея превосходительство не любила, чтобы кто нибудь уклонялся отъ ея об-

чаевъ. Ганской посидѣль—больше, какъ видно, для приличія—10 минутъ и ушелъ къ себѣ.

Вечеромъ въ корридорѣ я столкнулся съ княземъ, который инспектировалъ тутъ своихъ собакъ.

— Канальи! говорилъ онъ, разсматривая одну изъ нихъ и заглядывая ей въ ротъ.—Никакого ухода! Всѣхъ мерзавцевъ перепортили! (Увидавши меня, князь, не выпуская собаки, любезно кивнулъ мнѣ). А, это вы! Очень радъ. Э-э-э, я къ вамъ съ просьбой. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы моимъ собакамъ было помѣщеніе.

Я замѣтилъ на это его сіятельству, что здѣсь не только собаки, но даже и люди жалуются на тѣсноту.

— Въ самомъ дѣлѣ! Жаль. (Онъ сухо посмотрѣлъ на меня, и не теряя больше словъ, посвистывая, пошелъ къ себѣ внизъ. Онъ остановился внизъ).

Изъ любопытства я заглянулъ въ парадныя комнаты. Тамъ мистриссъ Браунъ, съ спокойно-величавымъ выраженіемъ, вышивала гладью оборочку, натянутую на клеенку. M-elle Ernestine бесѣдовала съ молодымъ человѣкомъ, учителемъ рисованія, который показывалъ ей, какъ снимать узоръ, причѣмъ безъ всякой надобности дотрогивался нѣсколько разъ до ея тонкихъ пальчиковъ, заставляя ее всякій разъ улыбаться. Мрачный докторъ читалъ „Times“, закрывшись листомъ, какъ простынею и изрѣдка показывая оттуда свои бурные бакенбарды. Ганская сидѣла на диванѣ съ ногами, которые ей закутали пледомъ, и дремала подъ разговоръ двоихъ бесѣдовавшихъ около нея мужчинъ: одинъ былъ товарищъ ея брата, другой какой-то художникъ, котораго она везла съ собою за границу. Двѣ дѣвочки, дочери мистриссъ Браунъ, за столомъ, раскладывали паркетъ.

Гнетущая скука положила свой отпечатокъ на всѣхъ, кромѣ, можетъ быть, счастливой француженки и ея собесѣдника. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ держали себя съ такимъ торжественно-гордымъ спокойствіемъ, какъ будто исполняли что-то предписанное самимъ провидѣніемъ, какъ будто такъ и должно быть, и всякое другое препровожденіе времени было бы оскорбленіемъ для этого общества.

Дочери Ганского не было тутъ. Я предположилъ, что она у него въ кабинетѣ и не ошибся. Когда я вернулся къ себѣ, то услышалъ за стѣной ея звонкій, быстрый говоръ и смѣхъ.

— Мама уѣдетъ за границу, а мы останемся? вѣдь да? вѣдь мы останемся? И мистриссъ уѣдетъ? Ты пожалуйста, сдѣлай такъ, чтобы и она уѣхала! Пожалуйста! А какой дядя противный, еслибы ты зналъ! Ужасный! Я разъ не знала таблицы ум-

ноженія,—что-жь такое! я думаю, мало ли кто ее не знаетъ; развѣ ее можно всю выучить,—онъ сказалъ, что я дура и, что, еслибы у него была такая дочь, то онъ бы отдалъ ее за пастуха. Ну, что-жь такое! Я лучше пойду за пастуха. Что-жь такое за пастуха! Только я лучше бы желала жениться на тебѣ!

— Замужъ выдти, поправиль Ганской.

— Ну да! Только за тебя! Ты такой хорошенькій! Дядя говоритъ, что ты не красивъ, а по моему, ты гораздо лучше дяди. Вонъ у тебя какія славныя щеки! Славныя, славныя! приговаривала она, и при этомъ такъ громко стала цѣловать его, что поцѣлуй всѣ до одного были у меня слышны.

— Знаешь, бабушка ужасно на тебя сердита! Одинъ разъ она пріѣхала къ намъ съ какимъ-то старикомъ...

— Не сплетничай! Не сплетничай! перебилъ онъ ее шутливо.

— Ну, да, я знаю только, что бабушка тебя очень бранила, а мамѣ плакала, а когда позвали дядю, то дядя кричалъ... Это было ужасно! Я такъ боялась!.. А что у тебя въ той комнатѣ? Можно посмотрѣть? (И не дожидаясь отвѣта, она толкнула дверь, но увидавши меня, поспѣшно опять захлопнула ее).

Ганской засмѣялся. Она вторила ему, заливаясь, захлебываясь и едва переводя духъ. Мнѣ слышно было, какъ она вскочила на стулъ, оттуда на полъ и оттуда на отца. Ровно въ 10 часовъ мистриссъ Браунъ пришла за Элизой и сказала ей что-то по англійски.

— Да я не хочу спать! Позвольте мнѣ остаться.

Англичанка настаивала.

— Еще немного! еще крошечку: чуть-чуть!

Элиза быстро заговорила по англійски, но мистриссъ была неумолима.

— Оставьте ее! замѣтилъ спокойно Ганской.

Англичанка удалилась. И долго еще слышалась мнѣ болтовня черноволосой Элизы.

VI.

На другой день я возвращался съ лекціи вмѣстѣ съ Давидовымъ. Всю дорогу мы проболтали о разныхъ пустякахъ и въ самомъ свѣтломъ настроеніи отворили дверь въ парадныя сѣни нашего жилища. Я хотѣлъ подняться къ себѣ на верхъ, но мой товарищъ пригласилъ меня зайти къ нему.

Нѣсколько масляныхъ лампъ освѣщало лѣстницу, которая вела на верхъ, къ Ганскому. Корридоръ на лѣво, гдѣ были номера,

занятые теперь его сиятельствомъ, были тоже довольно ярко освѣщены, но корридоръ на право, занятый постояльцами низшаго разбора или прїѣзжими изъ уѣзда, нетребовательными на счетъ комфорта, оставался почти во мракѣ. Одинъ жалкій фонарь съ мерцавшимъ въ немъ салнымъ огаркомъ, освѣщали этотъ опасный фарватеръ, опасный потому, что тамъ рыскали теперь гончія и борзья его сиятельства и между ними одна очень злая мордашка, которая успѣла уже перекусать нѣсколько чело- вѣкъ изъ прислуги.

Давыдовъ нахмурился, когда увидалъ мрачное ущелье, черезъ которое намъ предстояло переходить.

— Не могутъ, свиньи, освѣтить корридоръ! сказалъ онъ раздражительно.

— Да вѣдь они-жь его и прежде никогда не освѣщали, попробоваль я его утѣшить.

— А это что? (Онъ указалъ на блескъ парадной лѣстницы). Это что за царскіе чертоги! Я за свое помѣщеніе и за право не разбивать себѣ лобъ въ потьмахъ плачу деньги, точно также, какъ и прочіе жильцы. Не могутъ лампы, ослы, повѣспть! про- должалъ онъ сердито, вступая въ корридоръ.

Но не успѣли мы сдѣлать тутъ пяти шаговъ, какъ увидали себя баррикадированными. Три рослыхъ лакея, съ ними какой-то мальчишка и двѣ великолѣпнѣйшія лягавыя (у его сиятельства всѣ лягавыя были великолѣпныя) выбрали себѣ тутъ мѣсто: люди для бесѣды, собаки, вѣроятно, для отдохновенія. Такимъ образомъ, путь былъ намъ загражденъ. Упорство и твердость, съ которою охранялся этотъ постъ, навели меня на мысль, что онъ занять тутъ не безъ цѣли. Вѣроятно, это была невинная забава съ цѣлью отрѣзать жильцовъ отъ ихъ квартиры. Моему спутнику это не понравилось. Онъ рѣзко приказалъ пропустить его. Никто не тронулся съ мѣста.

— Намъ и тутъ хорошо, замѣтилъ одинъ изъ лакеевъ. — А коли тебѣ очень нужно, такъ ты зайди съ другой лѣстницы.

— Пошелъ прочь, негодяй! крикнулъ Давыдовъ уже измѣняв- шимъ ему и дрогнувшимъ голосомъ.

— Ступай съ другой лѣстницы, невозмутимо повторялъ ла- кей. — Тамъ просторно.

Я во время успѣлъ схватить Давыдова за руку и, чтобы по- ложить конецъ недоразумѣнію, толкнулъ ногою одну изъ собакъ. Та съ визгомъ вскочила и побѣжала прочь. Путь былъ очищенъ и мы прошли. За нами раздался громкій хохоть.

— Ишь ты, кричали намъ въ догону:—по господской лѣст-

ницѣ шлятся! Эта лѣстница-то для нашихъ господъ, а для вашей братіи есть другія двери. Не хочешь ли со двора?

Мы вошли, между тѣмъ, въ комнату. Когда я взглянулъ на Давыдова при свѣтѣ, то увидаль, что лицо его поблѣло, какъ полотно. Онъ что-то сказалъ мнѣ, пригласилъ, кажется, садиться, но слова его были безсвязны. Замѣтно было, что онъ находился въ высшемъ градусѣ бѣшенства.

— Да! выговорилъ онъ, наконецъ, съ усиленіемъ: — надо положить этому конецъ!

— Чему? спросилъ я.— Полноте! Неужели можно сердиться на какую нибудь лакейскую грубость!

— Позвольте мнѣ въ этомъ случаѣ самому знать, что можно и чего нельзя!

Я увидаль, что человѣкъ лѣзетъ на стѣну и промолчалъ.

— Грубость, продолжалъ Давыдовъ, послѣ нѣкоторой паузы: — грубость я преслѣдую во всѣхъ ея проявленіяхъ. Я допускаю на свѣтѣ все: подлость, жадность! все это въ людяхъ есть, но все это маскируется! Нахальство же... Это такая вещь, которую я никогда никому не прощу.

Онъ сѣлъ къ столу, выдернулъ изъ пучка гусиныхъ перьевъ двѣ штуки, одно бросилъ, другое сталъ чинить. Я молча слѣдилъ за нимъ. На лицо его вернулась краска, но рука все еще дрожала, такъ что написавши одну строчку, онъ долженъ былъ бросить листъ и взять другой. Ничто такъ быстро не вдохновляетъ человѣка, какъ гнѣвъ: въ 5 минутъ письмо было готово. Онъ сталъ вскрывать конверта и сказалъ мнѣ съ усмѣшкой:

— Вы несогласны со мною, что всякой грубости надо положить конецъ?

— Я несогласенъ съ вами только въ тѣхъ способахъ, какими это достигается.

— Ну, да, я знаю ваши способы: полнѣйшее равнодушіе и пр., т.-е. какъ разъ все то, что вызываетъ на вторую дерзость, на третью и т. д. Русскіе до сихъ поръ оттого и остаются татарами, что въ нихъ совершенно отсутствуетъ чувство собственнаго достоинства. У нихъ въ высшей степени развито амикошонство, фамиллярность и полнѣйшее непониманіе того, что если человѣкъ говоритъ вамъ: „а вѣдь ты, душа моя, большая каналья, признайся!“ то онъ уже этимъ самымъ жестоко оскорбляетъ васъ. Русскій найдеть, что это ничего, хорошо, что это сказано любя. Отъ этого у насъ, любя, говорятъ другъ другу подлеца и бьютъ другъ друга по мордѣ. И за то, что я желаю гарантировать себя отъ этого, меня называютъ человѣкомъ безпокойнаго характера.

— Мнѣ интересно, замѣтилъ я:—какъ вы думаете себя гарантировать въ настоящемъ случаѣ.

— Я могу удовлетворить вашему любопытству. Не желаете ли взглянуть?

Онъ подаль мнѣ только-что оконченное письмо. Оно состояло изъ весьма немногихъ строчекъ.

„Милостивый Государь,

„Пріѣхавшая съ Вами изъ Петербурга прислуга и псарня оказалась такого безпокойнаго нрава, что Вашъ покорнѣйшій слуга, занимающій помѣщеніе въ одномъ этажѣ съ Вами, принужденъ обратиться къ Вамъ съ просьбой, чтобы Вы впервыхъ запретили Вашимъ лакеямъ держать себя нахально съ посторонними, а ввторыхъ, убрали бы Вашихъ собакъ, которыя не даютъ мнѣ покоя по ночамъ. Въ противномъ случаѣ принужденъ буду принять свои мѣры.

Такой-то“.

— Хорошо, замѣтилъ я.—И вѣжливо, и литературно! Только вотъ что... Думаете ли вы привести свои угрозы въ исполненіе?

— Если угрозы не исполняются, то онѣ не имѣютъ смысла, холодно отвѣтилъ Давыдовъ.

Вслѣдъ за этимъ онъ позвалъ своего камердинера и приказалъ ему отнести письмо къ его сіятельству.

— А вѣдь знаете, сказалъ я:—вы поступаете несправедливо.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Изъ трехъ лакеевъ, которые загородили вамъ дорогу, одинъ только былъ князевъ. А тѣ оба лакея Ганского.

Давыдовъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня.

— Вы хотите сказать, что мнѣ не слѣдовало писать къ одному, а если писать, то къ обоимъ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Вы правы. Но эту ошибку можно поправить.

Онъ вторично взялъ въ руки перо и на этотъ разъ уже не торопясь, ровнымъ почеркомъ написалъ нѣсколько строчекъ.

— Я знаю, продолжалъ онъ:—вы сказали это для того, чтобы посмотреть, хватитъ ли у меня храбрости написать къ Ганскому.

Мнѣ всегда казалось страннымъ, чтобы умный человѣкъ могъ быть въ то же время такъ страшно мелоченъ. Послѣ я не разъ имѣлъ въ жизни случай убѣдиться, что умъ и мелочность уживаются, и даже очень легко.

Я насилу успокоилъ Давыдова, увѣривши его, что никогда не сомнѣвался въ его храбрости. Письмо къ Ганскому было, однакожь, написано и запечатано.

Человѣкъ долго не возвращался. Наконецъ, въ передней послышалась его возня, но самъ онъ не показывался.

Давыдовъ кликнулъ его.

— Гдѣ ты пропадалъ?

— Ихъ дома не было. Я дожидался.

— Ну, отдалъ?

— Отдалъ. Тутъ же въ сѣняхъ и отдалъ.

— Потомъ что?

— Они изволили прочитать и изволили сказать... (Человѣкъ переминался).— Скажи, говорить, твоему барину, что онъ съума сошелъ.

— А! Хорошо. (Давыдовъ закусилъ губы и взялъ со стола письмо). Ступай теперь на верхъ, отнеси это къ Ганскому.

— Отвѣта прикажете дожидаться?

Давыдовъ подумалъ.

— Не нужно!

Мы остались одни и опять Давыдовъ, разстроенный и видимо занятый какой-то мыслью, не находилъ предметовъ для разговора. Онъ ходилъ по комнатѣ, отвѣчалъ невпопадъ и, наконецъ, зацѣлъ въ полголоса. Онъ пѣлъ фальшиво и только въ минуты сильнѣйшаго душевнаго возбужденія. Я заговорилъ съ нимъ о женщинахъ. Онъ снялъ со стѣны пистолеть и сталъ его чистить. Я продолжалъ говорить о женщинахъ.

— Кстати, спросилъ онъ, постукивая дуломъ по столу и не оборачиваясь ко мнѣ:—вы часто видаете Любовь Ѳедоровну?

— Довольно часто.

— Вы не замѣтили въ ней ничего особеннаго?

— Чего же именно?

— Да такъ вообще... Она меня послѣднее время удивляетъ. Вы знаете, что она отъ меня бѣгаетъ?

— Бѣгаетъ? удивился я.

— Да. Ея матушка меня не терпитъ; но я не думаю, чтобы она тутъ много значила. Ужь не сказали ли ей про меня, что я какой-нибудь злой духъ, обольститель... Помилуйте! Я не имѣю никакихъ адскихъ намѣреній. Я просто такъ-себѣ, человѣкъ какъ и всѣ... Вы когда-нибудь ей это скажите, при случаѣ.

Давыдовъ замолчалъ и продолжалъ чистить свое смертоносное оружіе; потомъ крикнулъ своего камердинера и приказалъ ему сискать порохъ.

— Вы не стрѣляться ли хотите? спросилъ я съ сомнѣніемъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ отрывисто.

Я успокоился и заговорилъ о женщинахъ.

— Отчего бы вамъ не жениться, Платонъ Николаичъ? Влія-

ніе женщины подѣйствуетъ на васъ благотворно. Вы менѣ будете тогда подвержены нервнымъ припадкамъ и менѣ будетъ шансовъ умереть отъ нервнаго удара. Вамъ непремѣнно надо жениться! заключилъ я торжественно.

Давыдовъ вдругъ оставилъ свое занятіе.

— Мнѣ жениться? воскликнулъ онъ.— Да это будетъ безуміе! Это значило бы добровольно вогнать жену въ гробъ. Какая же женщина могла бы прожить со мною болѣе двухъ мѣсяцевъ, не проклиная той минуты, когда родилась. Какъ вы хотите, чтобы я рѣшился сознательно приготовить такую участь любимой дѣвушкѣ. Я убилъ бы въ ней всякую волю, я сдѣлалъ бы изъ нея самую жалкую рабу, я измучилъ бы ее своею ревностью, своими капризами! Я иногда по нѣскольку дней неспособенъ бываю говорить о чемъ-нибудь хладнокровно... Я оскорблялъ бы ее каждую минуту... Не знаю, какая любовь могла бы выдержать долго такую жизнь.

Къ несчастію, все, что мнѣ говорилъ Давыдовъ, была правда. Жизнь съ нимъ была бы пыткой для самой вроткой женщины. Мысль о томъ, что Любовь Федоровна увлеклась этимъ человѣкомъ, наводила меня на размышленія о грустной будущности, которая ее ожидала. Что ей предстояло? или выходить за Гансвога, котораго она не любила, или быть женой человѣка, который отравилъ бы ей каждый часъ ея жизни. Но она не была изъ тѣхъ покорныхъ созданій, которыя угасаютъ молча. Рано или поздно, она поняла бы всю бездну эгоизма въ томъ, кому она отдалась.

Мысли эти вызваны были словами Давыдова, который съ горечью и вмѣстѣ съ какимъ-то наслажденіемъ рассказалъ мнѣ о томъ, какъ мучилъ когда-то страстно любимую его сестру, какъ онъ ее, посвящавшую ему всю свою жизнь, всѣ свои мысли устремившую на то, чтобы угодить ему, оскорблялъ и преслѣдовалъ своими капризами. Разсказъ его о сестрѣ былъ похожъ на исповѣдь. Въ эту минуту онъ былъ искрененъ. Но въ то же время его самолюбіе торжествовало. Ему пріятно было говорить о существѣ, надъ которымъ онъ имѣлъ такую безграничную власть. Онъ не щадилъ себя, но въ словахъ его сквозило сознание, что въ немъ есть что-то такое, возбуждающее въ другихъ слѣпое поклоненіе ему. И онъ не ошибался.

Между тѣмъ, пришелъ камердинеръ и прекратилъ нашъ разговоръ, начинавшій принимать интересный оборотъ.

— Письмо вамъ отъ его превосходительства прислали.

— Кто принесъ?

— Ихній человѣкъ.

Давыдовъ развернулъ и сталъ читать. На лицѣ его блеснула усмѣшка.

— Прочтите! подавъ онъ мнѣ.

„Вы жалуетесь на дерзость моей прислуги“, писалъ Ганской. „Согласенъ съ вами. Но что же мнѣ дѣлать? Они и мнѣ часто говорить дерзости. Оставьте это, если можно, безъ вниманія. Впрочемъ я сдѣлаю съ своей стороны, что могу. Попрошу васъ только указать мнѣ, кто именно сдѣлалъ вамъ неприятность“.

— Это, по крайней мѣрѣ, вѣжливо, сказалъ Давыдовъ, замѣтно довольный этимъ отвѣтомъ.

Долго еще сидѣли мы, продолжая нашу бесѣду. Со двора кто-то стукнулъ къ намъ въ окно; я отворилъ его, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Тогда на дворѣ раздался громкій хохотъ и шмыганье въ кусты. Это, очевидно, забавлялась прислуга. Давыдовъ началъ опять волноваться, а когда подъ окнами запѣли пѣсни, то онъ вскочилъ и крикнулъ, что пустить въ пѣвцовъ чѣмъ попало, если они не уберутся въ ту же минуту. Отвѣтомъ былъ опять хохотъ, но аттака продолжалась ужъ съ другаго конца. Стали шмыгать по корридору мимо нашихъ дверей и стучать намъ въ стѣну. Глаза моего хозяина заблестѣли. Продолжая разговоръ со мною, онъ однимъ ухомъ замѣтно прислушивался къ тому, что дѣлалось въ корридорѣ. Наконецъ, передъ самыми дверями нашими кто-то сталъ дразнить собаку. Собака сначала рычала, потомъ залаяла и, наконецъ, отчаянно завывла. Что они съ ней дѣлали, я не знаю, но она выла раздирающимъ душу образомъ. Давыдовъ вскочилъ.

— Что вы! сказалъ я.— Не обращайтесь вниманія. Или пустите, лучше я выйду къ нимъ.

Но онъ, не слушая меня, кинулся къ двери.

— Скажите подите его сіятельству, сказалъ онъ: — что если онъ не уберетъ сейчасъ же отсюда свою собаку, то я положу ее на мѣстѣ!

Послѣ этого грознаго заявленія, въ корридорѣ на нѣсколько времени все стихло. Но не прошло и десяти минутъ, какъ неутомимый пѣсъ началъ опять свой концертъ. Давыдовъ улыбнулся, но эта улыбка показалась мнѣ подозрительна. Концертъ продолжался. Давыдовъ продолжалъ свой разговоръ со мною, изрѣдка взглядывая на дверь. Наконецъ, онъ всталъ и не слѣша снялъ со стѣны только что заряженный пистолеть.

— Давно не стрѣлялъ, сказалъ онъ спокойно. — Какъ бы не промахнуться!

— Вы въ человѣка не попадите! крикнулъ я ему въ догонку, но онъ уже отворялъ дверь.

Я не успѣлъ встать съ мѣста, какъ въ корридорѣ раздался выстрѣлъ. Нѣсколько мгновений длилась мертвая тишина. Потомъ вдругъ какъ-то моментально поднялась суматоха. Выстрѣлъ въ домѣ всегда отдаетъ чѣмъ-то зловѣщимъ. Слышно было, что къ нашей двери сбѣгался народъ. Я отворилъ ее и вышелъ въ корридоръ.

У самыхъ ногъ моихъ лежала мертвая собака. Лежала такъ неподвижно-покорно, какъ-будто и пришла сюда только затѣмъ, чтобы умереть.

— Эхъ, баринъ, вѣдь не эта выла-то! замѣтилъ съ укоромъ одинъ изъ лакеевъ, очевидно, участвовавшій въ потѣхѣ. — Ужь не знали кого бить-то. Спросили бы насъ, мы бы вамъ указали.

— Батюшки мои! взвизгнулъ кто-то. — Да никакъ это мордашка. Батюшки мои, она и есть!

Но грозная мордашка лежала теперь, навѣки укрощенная, смирише ягненка. Началось аханье, взвизгиванье, прибѣжали женщины и стали выглядывать изъ-за плеча, замуривая глаза и толкая другъ друга подъ локоть. Прислуга замѣтно перетрусилась. Недавно тѣшившіеся лакеи стали шепотомъ перекоряться.

Давидовъ, какъ выстрѣлилъ, такъ и стоялъ съ опущеннымъ пистолетомъ, не двигаясь, не спуская глазъ съ убитаго животного, блѣдный отъ гнѣва или отъ угрызений совѣсти — не знаю.

— Князь идетъ! шепнули въ толпѣ, и она почтительно раздвинулась.

— Что тутъ такое? спросилъ князь, подходя къ нашей двери. Но вдругъ трупъ мордашки приковалъ къ себѣ его глаза. Сначала промелькнуло въ нихъ что-то похожее на печаль, потомъ вдругъ вспыхнула ярость. Виновице преступленія былъ тутъ на лицо; нельзя было сомнѣваться болѣе въ томъ, чье это дѣло. Но князь притворился непонимающимъ.

— Какой это мерзавецъ осмѣлился стрѣлять въ мою собаку? крикнулъ онъ грозно.

Тутъ только Давидовъ очнулся.

— А вамъ не передавали, сказалъ онъ: — моихъ предупрежденій? Очень жаль. Душевно жалѣю, что лишилъ васъ, можетъ быть, любимой собаки.

— А, такъ это вы, произнесъ князь презрительно. — Ну, вы мнѣ за это отвѣтите!

— Я васъ предупреждалъ, возразилъ холодно Давидовъ, и съ этими словами пошелъ къ себѣ.

— Кто это таковой? спросилъ князь, указывая на него своей прислугѣ.

— Университетскій, ваше сіятельство.

— А, университетскій! Тѣмъ лучше! Я попрошу брата, чтобы онъ выгвалъ изъ университета этого каналью.

Ганской въ эту самую минуту сходилъ съ лѣстницы. Выстрѣлъ слышали и во второмъ этажѣ.

— Что тутъ такое? Въ кого тутъ стрѣляли? спросилъ онъ тревожно.

Князь указалъ ему на собаку и въ гнѣвныхъ, запальчивыхъ выраженіяхъ требовалъ, чтобы немедленно наказали виновнаго.

— Жаль собаку, замѣтилъ Ганской:— а хорошо сдѣлали, что ее убили, пока она еще никого не загрызла.

Князь всплилъ и въ холодно-вѣжливыхъ, но язвительныхъ фразахъ выразилъ Ганскому мнѣніе, что онъ потворствуетъ негодяямъ.

Тотъ улыбнулся.

— Не могу же я, однако, потворствовать бѣшеннымъ собакамъ. Эта мордашка перекусила нѣсколько человѣкъ, и всѣ они приходили ко мнѣ жаловаться. Одна женщина, говорятъ, вонъ лежитъ въ постели. Кончилось бы тѣмъ, что я самъ велѣлъ бы застрѣлить ее.

— Я этого дѣла не оставлю! крикнулъ князь. — Вы можете потворствовать, но я поведу это дѣло законнымъ порядкомъ...

— Что вамъ за охота! Законнымъ порядкомъ вы отвѣтите.

— Хоть бы изъ уваженія къ тому, что я родной братъ вашей жены, началъ князь: — вы должны были принять мою сторону...

— Не могу же я, потому что вы родной братъ моей жены, позволить всѣхъ перекусать въ моемъ домѣ!...

Князь сказалъ, что онъ этотъ разговоръ оставляетъ до завтра, и ушелъ къ себѣ.

VII.

Торжественно и скучно потянулась жизнь въ нашемъ домѣ, пока ея превосходительство и его сіятельство основали тутъ свою резиденцію. По заранѣе составленному распisanію, они должны были провести у насъ пять дней, ни минуты больше. Сообразно съ этимъ, закупалась провизія для кухни и распаковывались дорожные чемоданы. Отъ насъ весь транспортъ отправлялся по пути въ Варшаву, гдѣ m-ше Ганская должна была съѣхаться съ своей матерью, которая выѣзжала изъ Петербурга недѣлю позже ея. Оттуда всѣ вмѣстѣ отправлялись за границу. Мечты черноглазой Элизы о возможности остаться съ отцомъ

оказались пустыми мечтами. Она съ ужасомъ прибѣжала разсказать отцу, что всѣ ея любимыя вещи уложены и что на дорогу ей оставляють только одну кузлу, бѣлокурую Julie, въ тарлатановомъ платьѣ.

— Я знаю, прибавила она сквозь слезы:—что за границу никто не ѣздитъ въ тарлатановыхъ платьяхъ. И потомъ я вовсе не хочу за границу! я хочу остаться съ тобой.

Ганской скоро утѣшилъ свою дочь. Но утѣшился ли онъ самъ? У него по обыкновенію ничего нельзя было узнать. Отпустивши свою Элизу, онъ излагалъ мнѣ содержаніе бумаги, которую просилъ редактировать къ слѣдующему дню, или просто разговаривалъ о чемъ нибудь, и никогда нельзя было сказать, глядя на этого человѣка, чтобы онъ былъ чѣмъ нибудь озабоченъ или огорченъ. Я зналъ, однакожь, какъ неприятно было для него присутствіе жены и ея брата, какъ тяжела близкая разлука съ дочерью и ожидавшее его впереди одиночество. Но по привычкѣ ли, по тому ли, что онъ считалъ бесполезнымъ давать знать другимъ о своихъ чувствахъ, — онъ молчалъ. Это не была какая нибудь систематическая скрытность: когда его спрашивали о чемъ нибудь, онъ отвѣчалъ; но самъ собою онъ не сказалъ бы ничего. Мнѣ кажется, что съ нимъ можно было прожить 10 лѣтъ, не спросивши, какъ его зовутъ и называя вмѣсто Сергѣя Ивановъ, — и онъ никогда не поправилъ бы.

Отношенія его къ женѣ были именно таковы, какъ я и ожидалъ, холодно-вѣжливыя и нѣсколько враждебныя, болѣе впрочемъ съ ея стороны, чѣмъ съ его. Тутъ, какъ и всегда, онъ не умѣлъ или не хотѣлъ выходить изъ своего обычнаго, ровнаго настроенія. Образъ жизни м-ше Ганской и его образъ жизни были, какъ бы въ пику обоимъ, совершенно противоположныя. Она любила пышность, онъ ея не терпѣлъ. Она ѣздилъ въ коляскѣ лежа, утопая въ кружевахъ и дорогихъ шалахъ; онъ ходилъ пѣшкомъ, а когда сѣлъ съ дочерью въ коляску, чтобы показать ей городъ, то удивилъ этимъ прохожихъ и заставилъ двѣ недѣли говорить о томъ, что Ганского видѣли на парѣ вороныхъ, въ экипажѣ съ гербами. Она любила этикетъ и строгій порядокъ во всемъ, что касается объѣда, распредѣленія занятій и пр. Онъ въ дѣлѣ объѣда руководствовался больше указаніями своего камердинера, а занимался и отдыхалъ когда попало, опредѣливши только часы для дѣловыхъ пріемовъ по утрамъ. Она имѣла въ лицѣ мистриссъ Браунъ строгаго церемонимейстера, наблюдавшаго за тѣмъ, чтобы не былъ какъ нибудь нарушенъ порядокъ или приличіе, чтобы ни одинъ учитель не смѣлъ ходить въ слишкомъ яркихъ галстухахъ, чтобы дѣти не разговари-

вались прислужой; чтобы не вошелъ его, Боже сохрани, безъ доклада, чтобы экипажъ для гулянья подавался минута въ минуту... Ганской одинъ нарушалъ въ своемъ домѣ всѣ эти законы. Мистриссъ Браунъ смотрѣла на него, какъ на вандала, какъ на цивилизованнаго татарина, котораго она терпѣла въ домѣ только потому, что, въ несчастію, этотъ домъ принадлежалъ ему. Француженка смотрѣла на него съ любопытствомъ.

— Dieu! quand on pense qu' on a 500 mille roubles de rente!.. восклицала она съ жаромъ.

Зачѣмъ прѣвхала жена Ганского, я не могъ понять. Были однакожь догадки, что она дѣлала послѣднюю попытку, чтобы удержать его отъ развода. Однажды онъ имѣлъ съ ней долгое объясненіе наединѣ. О чемъ они говорили, я не знаю, но видѣлъ только, что м-ше Ганская отворила дверь и торжественнымъ голосомъ позвала Элизу. Француженка бросилась немедленно искать дѣвочку, но въ то же почти мгновеніе въ дверяхъ показался Ганской.

— Не нужно, сказалъ онъ сухо и, отстранивши жену, вышелъ въ залу.

— Элиза не нужна, повторилъ онъ французенкѣ, проходя къ себѣ въ кабинетъ.

Меня удивило лицо его жены: всегда величественное и красивое, оно было теперь все въ пятнахъ и совершенно искажено слезами, гнѣвомъ или отчаяніемъ — не знаю. Но еще болѣе удивила меня та фраза, которая вылетѣла вдругъ изъ ея усть.

— Misérable! повторила она вслѣдъ своему мужу, какимъ-то хриплымъ, надорваннымъ шепотомъ. — Un lâche qui a peur de son enfant!

И сообразивши, можетъ быть, что она сказала уже слишкомъ много при постороннихъ (тутъ былъ я и француженка), она быстро захлопнула дверь и скрылась у себя въ спальнѣ.

M-elle Ernestine улыбнулась такъ, какъ умѣютъ улыбаться только парижанки.

— Madame est en colère, сказала она мнѣ фамильярно. Une attaque de nerfs. On part d'un côté, le mari de l'autre... C'est bientôt fait. Il paraît qu' on épouse une beauté?.. Eh? (Она повела глазами на кабинетъ Ганского). Отсюда я заключилъ, что ничего нѣтъ тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ! Какъ ни была недосыгаемо-величественна м-ше Ганская, а семейныя непріятности ея уже вызывали обидную улыбку на устахъ парижанки. Еще немного—и о семейныхъ непріятностяхъ заговорятъ въ лакейской... Есть обиды, которыя удваиваются, удесятеряются оттого, что о нихъ узнаютъ другіе. Есть люди, которые со-

гласились бы быть несчастными, пусть бы лишь другіе думали, что они утопаютъ въ блаженствѣ...

Вскорѣ неожиданно для меня разыгралась сцена, освѣтившая мнѣ отношенія, о которыхъ я до тѣхъ поръ судилъ только по догадкамъ.

Я сидѣлъ съ Ганскимъ въ его кабинетѣ, когда туда вошелъ его сіятел-во.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить! обратился онъ къ хозяйну тѣмъ натянутымъ, холодно-ледянымъ тономъ, который заранѣе даетъ знать, въ какомъ духѣ будетъ объясненіе.

— Что вамъ угодно? спросилъ невозмутимо Ганской.

— Я желалъ бы остаться съ вами наединѣ.

Я всталъ и ушелъ къ себѣ. Но такъ какъ стѣна, отдѣлявшая меня отъ Ганского была въ акустическомъ отношеніи только миеомъ, то я и могъ слѣдить за всѣмъ разговоромъ такъ-же свободно, какъ и сидя вмѣстѣ съ ними въ кабинетѣ.

— Я пришолъ покончить вчерашній разговоръ, началъ князь.

— Мы ужъ его давно кончили, замѣтилъ равнодушно Ганской.

— Это вамъ угодно такъ думать. Я думаю иначе. Я попрошу васъ выслушать меня еще разъ.

— Если вамъ ужъ очень хочется, — извольте.

— Не принимайте, пожалуйста, такого равнодушнаго вида! Вы не заставьте меня замолчать, хотя бы смотрѣли въ тысячу разъ равнодушнѣе.

— Я буду ужъ смотрѣть, какъ мнѣ вздумается.

— Великолѣпно! Мнѣ это впрочемъ все равно. Вы объявили мнѣ вчера, что разговаривать со мной больше не намѣрены...

— Я сказала только, что объясненій вамъ больше давать не буду; это дѣйствительно.

— Превосходно! Но прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до чего нибудь рѣшительнаго, я еще разъ попробую сдѣлать воззваніе къ вашему благоразумію. Оно у васъ есть, я въ этомъ не сомнѣваюсь. И хотя вы теперь аффектируете пренебреженіе, я увѣренъ, однакоже, что втайнѣ вы думаете не то. Вы уже и теперь взвѣшиваете тѣ послѣдствія, которыя можетъ имѣть для васъ ваша... скажемъ, неблагоразумная послѣшность. Вы не скроете отъ меня, что вы жалѣете о ней, но ваша... вашъ point d'honneur не позволяетъ вамъ уступить. Такъ? (И не дожидаясь отвѣта, князь продолжалъ внушительно). Но мы... nous autres, gens du monde, мы не должны уступать минутному чувству. Взвѣшивайте, балансируйте... Calculez! Surtout calculez! Мы простимъ вамъ ваше увлеченіе. Pardieu! Кто изъ насъ не увлекался? Вашъ покор-

нѣйшій слуга первый. Была можетъ быть не одна пара глазокъ, для которой я разорался и дѣлалъ тысячу глупостей, но... Vous n'avez qu'un œil! Мы увлекаемся, мы теряемъ голову, но мы не теряемъ разсудка. Каждый изъ насъ прошелъ черезъ эти опасности, и со-вѣты друзей тутъ необходимы. Они благодѣтельны! И если вы думаете, что, затыкая уши, вы поступаете благоразумно, то, passez moi la comparaison, вы поступаете, какъ та глупая птица, которая, зарывая голову въ песокъ, думаетъ, что она приняла всѣ предосторожности. Le danger est là. Il est imminent!

Князь расположился со всѣмъ комфортомъ и наставительный тонъ его показывалъ, что онъ не теряетъ надежды убѣдить своего родственника.

— Посмотримъ, что вы вытравываете. Вы женитесь на какой-то тамъ барышнѣ. Положимъ, что она хороша, какъ ангель... Но вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ жениться на всѣхъ ангелахъ. Если она васъ любитъ, такъ она могла бы любить васъ и такъ. Дайте ей хорошее приданое и жените на ней вашего управляющаго. У васъ ихъ много. Одинъ, я видѣлъ, глядитъ очень порядочнымъ человѣкомъ.

— Знаете ли что, сказалъ ему тихо Ганской:—если вы не хотите, чтобы я выгналъ васъ изъ моего дома, вы мнѣ больше объ этой особѣ не говорите!

Я не видалъ его выраженія, но въ голосѣ его было что-то до того убѣдительно, что князь съ минуту помолчалъ, какъ бы собираясь съ мыслями.

— Хорошо, сказалъ онъ вдругъ рѣшительно:—я буду говорить только прямо о томъ, что касается до меня, какъ до брата вашей жены. Я скажу вамъ, милостивый государь, что я, какъ братъ вашей жены, не позволю позорить наше имя. Вашъ разводъ будетъ не для сестры только, но для всего нашего семейства кровавымъ оскорбленіемъ! И потому каждый членъ нашего семейства, замѣтьте, *каждый*, сочтетъ своимъ долгомъ за это оскорбленіе вамъ отплатить! Съ тѣхъ поръ, какъ наша фамилія извѣстна въ Россіи, а она извѣстна давно, никто безнаказанно не смѣлъ оскорблять нашихъ женъ и сестеръ. Элиза вчера на колѣняхъ молила меня, чтобы я не допускалъ ея позора — и я его не допущу! Прежде, чѣмъ вы получите разводъ, одного изъ насъ не будетъ на свѣтѣ!

— Едва-ли, замѣтилъ Ганской.

Князь захохоталъ.

— Что вы этимъ хотите сказать? Не то ли, что вы отказываетесь дать мнѣ удовлетвореніе?

— То, что я съ вами стрѣляться не буду.

— Не угодно ли повторить вашъ отвѣтъ. Я боюсь, что не такъ разслышалъ его.

— Съ какой стати, сталъ бы я убивать васъ. И вамъ неприятно, и мнѣ тоже. А вы меня убьете, такъ это будетъ мнѣ еще неприятнѣе.

— Но если васъ, милостивый государь, назовутъ въ глаза подлецомъ?

Ганской усмѣхнулся.

— Если я дѣйствительно подлецъ, такъ мнѣ и обижаться нечего. А если я не подлецъ, такъ и подавно: чѣмъ же тутъ обижаться, что человекъ сказалъ вздоръ.

— Такъ вы рѣшительно отказываетесь?

— Я-жъ вамъ говорю, что если я васъ убью, такъ вы мнѣ будете по ночамъ являться! Что за удовольствіе.

— Такъ позвольте же вамъ сказать, что вы подлецъ! Милостивый государь, вы подлецъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? А вѣдь знаете ли что? Я могъ бы позвать прислугу и велѣть васъ связать. Если вы думаете, что я подлецъ, какъ это вамъ не пришло въ голову?

— Милостивый государь, я ожидаю отъ васъ всего!

— Нѣтъ, да вы не бойтесь; это не въ моихъ правилахъ.

Хладнокровіе Ганского еще болѣе приводило князя въ бѣшенство.

— Я всегда смотрѣлъ на васъ, началъ онъ, задыхаясь отъ презрѣнія:—какъ на ничтожнѣйшее существо, но вижу, что я все-таки еще не зналъ васъ! Я узналъ васъ только теперь.

— Это правда, что вы меня не знали, и я очень радъ, что мы наконецъ познакомились.

— Но на такихъ людей, какъ вы, къ счастью, есть другія средства! Я и мой отецъ имѣемъ еще въ Петербургѣ достаточное вліяніе, чтобы раздавить какую-нибудь гадину!

— Ваше сіятельство, у меня въ передней есть нѣсколько человекъ лакеевъ, которые, положимъ, ни на что не годны, но если я велю имъ вывести васъ, то это они сдѣлаютъ.

— Я уйду теперь, сказалъ князь съ негодованіемъ:—но не думайте, что вы рассчитались со мной! Я повторю свой вызовъ формально, при другихъ, и если вы тогда посмѣете отказаться, я пошлю на васъ своихъ дворовыхъ съ нагайками.

— Сколько человекъ? спросилъ невозмутимо Ганской.—Если ужъ это необходимо, то я вышлю своихъ.

Но князь ужъ насвистывалъ за дверью изъ *Varbiere*. У него былъ прекрасный баритонъ, но когда онъ бывалъ взволнованъ, онъ свисталъ. Причину отказа Ганского отъ дуэли я угадывалъ.

Не знаю, что онъ думалъ о ней какъ свѣтскій человѣкъ, но какъ мистикъ, какъ человѣкъ глубоко-религіозный, отчасти даже какъ сторонникъ квакеровъ, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на простое убійство. Война казалась ему безуміемъ, поединковъ тоже.

Замѣчательно, что по привычкѣ Ганского никогда ни съ кѣмъ не говоритъ о своихъ чувствахъ и вѣрованіяхъ, и потому еще, что онъ, какъ приверженецъ весьма распространенной тогда идеи о внутренней церкви, искалъ истины, не придерживаясь никакихъ внѣшнихъ обрядовъ, его многіе считали безбожникомъ. Я самъ сначала былъ такого-же мнѣнія.

VIII.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Ни въ университетѣ, ни въ городѣ не случилось ничего особеннаго. Пріѣзжалъ музыкантъ, игравшій одной рукой на арфѣ, а другой на фортепиано. Арестованные офицеры устроили на гауптвахтѣ пиръ съ иллюминаціей и жидовскими цимбалами, а на другой день гуляли по платформѣ въ ермолкахъ и халатахъ, но это, по добродушію дивизионнаго генерала, случилось на первый разъ и потому не могло составить эпохи въ жизни губернскаго города.

Въ университетскомъ совѣтѣ поднялся однажды споръ о томъ, правильно-ли будетъ сказать по-русски: *палъ на корабль* и не будетъ-ли это выраженіе вульгарное. Одинъ профессоръ по этому случаю подержалъ съ Швейковскимъ пари на 1000 р. противъ 2 коп. Принесли словари, стали справляться, но ни въ какомъ заключенію по разногласію своему не пришли. По буйности-же характера, профессоръ Швейковскій настаивалъ на томъ, что онъ выигралъ пари и требовалъ отъ совѣта, дабы онъ заставилъ проспоровшаго профессора уплатить ему 1000 р. Дѣло это дошло до попечителя и заняло первыя три недѣли послѣ ваканцій. Потомъ все вошло опять въ обычную колею и хотя борьба страстей въ ученomъ мірѣ продолжалась, но такъ скрытно, что нѣкоторое время ничѣмъ не проявляла себя.

Къ попечителю университетъ приглядѣлся и, замѣтивши, что онъ мало мѣшается въ его дѣла, сталъ самъ понемногу забывать о немъ. Грозная бумага, предписывавшая ректору крайнюю бдительность и сначала было такъ всѣхъ перепугавшая, канула въ Лету: никто о ней и не упоминалъ. Ректоръ, по прежнему, въ поварскомъ колпакѣ и фартукѣ, стоялъ на кухнѣ около плиты, или задумчиво игралъ на гусляхъ, или-же еще задумчивѣе выслушивалъ студентовъ, являвшихся къ нему съ просьбами; по

прежнему, былъ онъ кротокъ и ласковъ, общая всѣмъ свое содѣйствіе и никогда своихъ обѣщаній не исполняя. Строгое *statu quo* сохранялось такимъ образомъ въ университетѣ. Захаръ Ивановичъ испугался было новаго допечителя и хотѣлъ уже готовиться къ лекціямъ, но увидавши, что его никто не трогаетъ, сталъ опять рассказывать студентамъ анекдоты. Швейковскій шумѣлъ въ совѣтѣ больше прежняго и даже позволялъ себѣ произносить странныя угрозы, которыми давалъ понять, что хотя часть его еще и не пробилъ, но скоро пробьетъ! Въ сентябрѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Давыдовъ позабылъ всѣ опасенія и продолжалъ читать свои лекціи очень свободно. По программѣ онъ долженъ былъ слѣдовать принятому. тогда въ университетѣ руководству Кайданова, но онъ все почти читалъ по собственнымъ запискамъ, прибавляя многое отъ себя и всякой новой вольностью своею возбуждая восторгъ студентовъ. Послѣ одной лекціи они устроили ему торжественные проводы до самаго дома. Это было замѣчено полиціей, но принято снисходительно, какъ одна изъ тѣхъ выходовъ, которыя случались и прежде, когда студенты шли по улицѣ толпою, со свѣчами, провожая въ насмѣшку одного старичка-профессора, выживавшаго изъ ума и принимавшаго эту манифестацію, какъ дань уваженія къ своимъ лѣтамъ.

Въ лѣтніе мѣсяцы Ганского не было въ городѣ: онъ объѣзжалъ учебный округъ. Съ наступленіемъ осени онъ вернулся. По независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я не былъ съ нимъ во время его объѣзда. При первомъ-же нашемъ свиданіи, онъ показалъ мнѣ донесеніе, поданное ему Швейковскимъ.

Въ самыхъ жаркихъ выраженіяхъ говорилось въ немъ о томъ, что составившееся между студентами общество „свѣтильниковъ“, хотя и разрѣшено начальствомъ, потому что прикрывается дѣлами чисто литературными, но въ сущности занимается вовсе не литературой, а есть ни болѣе, ни менѣе, какъ вертепъ разврата и якобинства. Указывалось, весьма, впрочемъ, осторожно, и на то, что члены этого общества имѣютъ какія-то политическія цѣли. Въ концѣ, какъ неизбѣжный финаль, какъ „аминъ“ въ молитвѣ, стояло имя Давыдова. Онъ упоминался какъ зачинщикъ.

— Донесеніе подано официально, замѣтилъ Ганской:— и оставить его безъ послѣдствій я не могу.

Онъ долго задумчиво ходилъ по комнатѣ, спросилъ моего мнѣнія, но самъ, по обыкновенію, ничего не сказалъ. Чтò онъ намѣренъ предпринять? Это мнѣ оставалось неизвѣстно.

Однажды Любовь Федоровна, встревоженная, отвела меня въ сторону.

— Знаете-ли, сказала она:—у Давыдова хотятъ опечатать всѣ бумаги.

Меня это удивило. Я спросилъ ее, откуда она это знаетъ.

— Ганской вчера сказали объ этомъ отцу, но секретно. Что-же это такое? Объясните мнѣ, ради Бога.

— Не знаю, Любовь Федоровна. Я рѣшительно ничего не слышалъ объ этомъ.

Она подняла на меня умоляющій взоръ, какъ-бы упрямивая не скрывать отъ нея ничего. Положеніе ея послѣднее время было довольно странно. Съ Ганскимъ она видѣлась рѣдко и только при постороннихъ; тайныхъ свиданій она не добивалась, а онъ не настаивалъ: изъ деликатности или изъ какихъ-нибудь другихъ видовъ, не знаю.

У нея оставалось еще одно средство—переписка, но она неохотно и писала къ нему. Онъ аккуратно отвѣчалъ на каждое ея письмо, но самъ собою не написалъ ей двухъ строчекъ. Такъ какъ почталономъ былъ я, то эта странность не могла ускользнуть отъ меня. Что за причина такой сдержанности? Не началъ-ли онъ уже догадываться о ея нерасположеніи къ нему? Но онъ всегда былъ такой, а она не сдѣлала ничего, что бы могло внушить ему подозрѣніе. Напротивъ, она послѣднее время стала даже отстраняться отъ Давыдова. И тотъ, и другой были теперь отъ нея одинаково далеко. Съ однимъ она не хотѣла сблизиться, другого боялась. Въ разговорахъ со мною она избѣгала даже упоминать имя Давыдова. Но когда опасность, угрожавшая ему, стала ей извѣстна, она забыла все. По тому тону, съ какимъ она говорила объ немъ—я понялъ все. Она его любила.

Мнѣ стало жаль ея. Я сказалъ ей то, что мнѣ было извѣстно о доносѣ.

— Какая низость! замѣтила она всплывчиво —И Ганской не разорвалъ этой бумаги! Онъ повѣрилъ ей!

— Разорвать ее онъ не могъ. Онъ отвѣтилъ-бы за это.

— Да, но чѣмъ-бы онъ отвѣтилъ? Ему сдѣлали-бы какой-нибудь выговоръ, пустяки какіе-нибудь!... А тутъ... тутъ челоуѣка, ни въ чемъ невиноватаго, начинаютъ преслѣдовать! Да, онъ правъ! Онъ тысячу разъ правъ, что не вѣритъ въ людей. Онъ ихъ презираетъ и хорошо дѣлаетъ! Они стоятъ презрѣнія.

— За что? спросилъ я.

Глаза ея блеснули.

— За все! Не спрашивайте меня. Я не стану отвѣчать вамъ.

Я не хочу называть лицъ. Но по моему... по моему, низко не помочь человѣку, когда ему можно помочь!

— Поможете! сказала я простодушно.

— Что мы съ вами можемъ сдѣлать! Это долженъ былъ сдѣлать тотъ, кто имѣлъ на это всѣ средства! Кому, можетъ быть, стоило только пальцемъ пошевелить! Топить людей гадко! Отвратительно! Я не понимаю, какъ можно послѣ этого глядѣть другимъ въ глаза. Меня-бы, по крайней мѣрѣ, совѣсть мучила. Но есть люди, которымъ все ничего! Имъ хорошо, и прекрасно! А что до другихъ! Другіе выпутывайся сами, какъ знаютъ.

— Система очень хорошая, замѣтилъ я.— Есть даже и пословица: всякій за себя, а Богъ за всѣхъ.

— Вы шутите, а мнѣ право не до шутокъ! Неужели вы думаете, пріятно узнать ближе человѣка, о которомъ, положимъ, никогда не былъ очень высокаго мнѣнія, но о которомъ все таки думалъ лучше! И узнать, что этотъ человѣкъ... что онъ ниже всего!

— Не знаю, Любовь Федоровна, гдѣ вы нашли высокихъ людей, которые любятъ будто-бы помогать своимъ ближнимъ. Великихъ людей очень мало, Любовь Федоровна.

— Что вы мнѣ говорите! Я совсѣмъ не ищу великихъ людей. Дай Богъ встрѣтить человѣка, который бы не способенъ былъ ни на какую пакость.

— На кого вы сердитесь?

— На всѣхъ! На васъ первыхъ. Мнѣ досадно, что люди могутъ быть такъ несправедливы!

— Напишите къ Гансому, предложилъ я ей.— Это дѣло зависитъ больше всего отъ него.

— Написать къ нему? Никогда! Послѣ всего, что я сейчасъ говорила... Вы должны были понять меня. Не притворяйтесь! Вы то ужъ отлично видите, какого я теперь мнѣнія объ его превосходительствѣ! Если онъ вдобавокъ ко всему будетъ еще преслѣдовать людей, которые виноваты только тѣмъ, что умнѣе другихъ, то онъ можетъ быть увѣренъ, что моя страстная любовь къ нему будетъ еще сильнѣе. Какже! я буду боготворить его. Онъ дѣлаетъ мнѣ честь, что покупаетъ мецъ...

Она вдругъ отвернулась и не договорила.

— А все-таки, повторилъ я:— вы одиѣ можете объясниться съ Ганскимъ. Другимъ онъ откажетъ,— вамъ нѣтъ.

— Не буду я объясняться съ нимъ! сказала она стремительно.— Вы не знаете, какого труда стоитъ мнѣ написать ему двѣ строчки!

Она долго молчала, что-то соображая. Синія жилки напряг-

лись у нея на вискахъ: видно было, что кровь сильно стучала въ нихъ.

— Еслибы можно было какъ-нибудь это устроить... начала она неуверенно:

— Что же мы можемъ сдѣлать?

— Вотъ видите ли... Хотя, конечно, мнѣ это сообщили, какъ тайну, но все же я думаю... Я думаю, что мы вправѣ предупредить его? (Она опять не называла имени). Что, еслибы вы сказали ему какъ-нибудь... Еслибы вы передали ему то, что я вамъ говорила...

— Если вы этого желаете...

Она покраснѣла.

— Нѣтъ, но вотъ видите ли, мнѣ было бы ужасно досадно... Я знаю, что Платонъ Николаичъ очень неостороженъ... и потому онъ совсѣмъ не умѣетъ владѣть собою. Онъ надѣлаетъ еще какихъ-нибудь глупостей и тогда все ужъ будетъ испорчено. Тогда нельзя ужъ будетъ поправить, а теперь, если мы предупредимъ его... Только вы дадите мнѣ слово, что не скажете ничего про меня... Не говорите ему, что я васъ объ этомъ просила. Сдѣлайте это отъ себя.

Она выговорила все это, не переводя духа, не поднимая глазъ, и замѣтно сконфуженная. Въ ней боролось чувство страха за любимаго человѣка и за себя, за то, что она выдастъ свою тайну! Тайну, въ которой она не хотѣла еще, можетъ быть, признаваться и себѣ.

Исполняя порученіе ея, я зашелъ къ Давыдову въ тотъ же день, и передалъ ему объ угрожавшей опасности. Онъ измѣнился въ лицѣ, но успѣшилъ овладѣть собою и холодно отвѣтилъ:

— Это будетъ насиліе, а противъ насилія я ничего не могу сдѣлать. Если начальству угодно будетъ заковать меня въ кандалы и подъ прикрытіемъ роты солдатъ отправить въ тюремный замокъ, то согласитесь, что противиться этому было бы смѣшно. Передъ такой силой я всегда преклоняюсь.

Въ тотъ же вечеръ, однако, онъ съ большой связкой бумагъ ушелъ къ студенту Чарковскому, единственному изъ всѣхъ студентовъ, на котораго было указано въ доносѣ.

Студентъ этотъ, какъ рассказывала мнѣ послѣ его квартирная хозяйка, вздумалъ на ночь топить печку и самъ стряпалъ себѣ яичницу, хотя она и предлагала ему сдѣлать ее въ кухнѣ, на таганѣ. Яичница эта, какъ я подоврѣваю, была составлена изъ бумагъ адъюнкта Давыдова.

Только недѣли черезъ двѣ явилась полиція и бумаги его опе-

чатава. Разумѣется, ничего не нашли. Но огласка была сдѣлана и въ университетѣ скоро заговорили о томъ, что этимъ дѣломъ не кончится, а въ городѣ о томъ, что студенты затѣвуютъ бунтъ.

Наконецъ, въ одинъ изъ прекрасныхъ дней Ганской потребовавъ, чтобы собрался университетскій совѣтъ, облекся въ парадную форму и въ мундирѣ со звѣздой, въ александровской лентѣ и въ орденахъ явился передъ изумленнымъ собраніемъ, которое его никогда еще въ такомъ блескѣ не видывало. Прочитавши тутъ во всеуслышаніе донесеніе Швейковскаго, онъ прочиталъ вслѣдъ за тѣмъ краткое распоряженіе свое, въ которомъ поручалось профессору Мальшу изслѣдовать это дѣло и произвести дознаніе о томъ, нѣтъ ли дѣйствительно между студентами какихъ-нибудь недозволенныхъ обществъ. Вслѣдъ затѣмъ попечитель вышелъ въ актовую залу къ собравшимъ тамъ, по его приказанію, студентамъ и сказалъ имъ рѣчь, гдѣ въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ имъ, что они должны представить на разсмотрѣніе начальства всѣ свои тетради, что отъ нихъ будутъ отбираться устные показанія и что, въ случаѣ надобности, они будутъ спрошены подъ присягой.

Сува и непріязненна вышла рѣчь его и когда онъ, сверкая орденами, проходилъ мимо студентовъ, они молча разступались передъ нимъ. У главнаго подъѣзда дождался Ганскаго его экипажъ, но онъ махнулъ кучеру рукой, приказывая ѣхать назадъ и подошелъ къ студентамъ, разговаривавшимъ на лѣстницѣ.

Что онъ имъ сказалъ, я не слыхалъ, потому что меня въ это время осаждалъ своими разспросами Вагнеръ; но я видѣлъ только, что студенты съ жаромъ объясняли что-то Ганскому; тотъ слушалъ ихъ нахмурившись, потомъ засмѣялся и пошелъ къ воротамъ. Трое или четверо изъ группы отдѣлились и пошли за нимъ.

Прощатавшись цѣлый день по добрымъ людямъ, я домой пошелъ только къ вечеру и засталъ Ганскаго не одного: у него были студенты, чуть ли не тѣ самые, съ которыми онъ разговаривалъ на лѣстницѣ. Отъ камердинера я узналъ, что гости эти изволили тутъ кушать, и вотъ ужъ никакъ часа три сидятъ. Я пошелъ слушать, о чемъ они разговариваютъ. Говорили о всякой всячинѣ и между прочимъ о театрѣ, куда студентамъ строго было запрещено ходить. Одинъ съ наивною признательностью, что смотреть изъ суфлёрской будки или изъ оркестра, куда ходить какъ въ маскарадъ, въ разныхъ костюмахъ, оставляя студенческую форму у себя на дому.

Ганской усмѣхнулся.

— А если васъ ректоръ поймаетъ?

— Я и то съ нимъ разъ встрѣтился. Думалъ: ну, пропалъ! А онъ на меня эдакъ посмотрѣлъ... Посмотрѣлъ и прошелъ мимо. Я поскорѣй внизъ, въ сѣни, да такъ ужъ въ тотъ день и не былъ на представленіи.

— А вѣдь если вы мнѣ попадетесь, замѣтилъ Ганской: — я васъ въ карцеръ посажу.

— Что-жь, Сергѣй Леонтьичъ, отвѣтилъ добродушно студентъ: — я сяду.

Одинъ изъ студентовъ началъ рассказывать про какого-то профессора, что онъ начитываетъ имъ въ годъ листовъ по 50-ти всякаго вздору и что хотя онъ называетъ свою науку *публицизмъ правомъ*, но тамъ есть и объ устрицахъ, и о Петрѣ-Великомъ, и о добываніи жемчуга.

— Ужасно трудно готовиться изъ этой науки! подхватилъ другой. — Просто никакъ, знаете, не сообразишь. Ляжешь на диванъ, приколешь листы къ дивану булавкой, читаешь, читаешь, да и заснешь! Еще ничего не выучилъ, а ужъ, глядишь, кто-нибудь изъ домашнихъ приходитъ, будить: вставай! говорить.

— Да, а на экзаменѣ-то у него зато хорошо: и онъ спитъ, и ассистенты спать. Говори, что хочешь, только не останавливайся; а какъ остановишься, сейчасъ проснутса. И если имъ покажется, что мало говорилъ, поставятъ двойку. А если много, то ужъ навѣрное пятерка. У насъ даже какъ дѣлаютъ: кто хочетъ на пятерку отвѣтить, тотъ и проситъ сосѣда: сосчитай, братъ, до тысячи! Тотъ какъ до тысячи сочтетъ, и толкнетъ подъ локоть: довольно, значить.

И все это рассказывалось, кому же? подумалъ я. Попечителю, который утромъ только нагрязнулъ на университетъ гровомъ, въ звѣздахъ и орденскихъ лентахъ, нагрязнулъ какъ строгій начальникъ, поразившій университетъ уныніемъ, поднявшій тревожный шепотъ между профессорами, общавшій строгое слѣдствіе студентамъ.

Вопросъ объ этомъ слѣдствіи поднялся и теперь.

Ганской, до сихъ поръ говорившій мало и сидѣвшій, подсмѣиваясь, около камина, вдругъ всталъ и началъ угрюмо ходить по комнатѣ.

— Знаете ли что, господа, сказалъ онъ:—давеча я говорилъ съ вами, какъ попечитель; теперь скажу вамъ просто: не знаю, что вы тамъ такое затѣяли, но если никакихъ письменныхъ документовъ не найдется, я васъ преслѣдовать не буду... Что тамъ было — это дѣло ваше. Но что будетъ впередъ, это ужъ дѣло мое. Если что нибудь дѣйствительно откроется, вы меня заставьте выдти въ отставку. Я думалъ имѣть дѣло съ университе-

томъ... Я шель служить по ученой части, а не по полицейской. Вамъ нужна полиція — пусть вамъ полицію и присыладутъ!

Студенты были замѣтно поражены этими словами и въ недоумѣннн смотрѣли на него.

— Скажите всѣмъ вашимъ товарищамъ, продолжалъ Ганской: — что они могутъ выбирать: я плохой начальникъ, — я это знаю, а потому, если имъ нужно начальство хорошее, строгое, то имъ дадутъ и хорошее начальство... Мнѣ тогда оставаться тутъ нечего. Я могу оставаться только тогда, когда въ университетѣ все спокойно. Будутъ тутъ заниматься наукой — хорошо. А будутъ политикой заниматься, мнѣ тогда дѣлать тутъ нечего. Скажите это вашимъ товарищамъ, повторилъ онъ сурово.

Студентамъ становилось неловко. Одинъ изъ нихъ, красивый, но страшно близорукой, уморительно прищуривался, старался услѣдить за Ганскимъ во время его быстрой прогулки по комнатѣ. Наконецъ, онъ уловилъ предметъ своего изслѣдованія.

— Сергѣй Леонтьичъ, поспѣшилъ онъ воскликнуть: — если вы насъ оставите, то ей-богу намъ лучше васъ никого не найти! Вы, Сергѣй Леонтьичъ, отличный человекъ, — вы меня извините, но что-жъ, я не одинъ это скажу.

Ганской посмотрѣлъ на него, какъ бы нѣсколько изумленный этой смѣлостью. Но близорукой студентъ Робушъ былъ извѣстенъ всему университету своей разсѣянностью и невоздержностью своего языка. При всемъ томъ, онъ былъ, что называется, добрый малый: отдавалъ товарищу послѣднюю копейку, игралъ самоучкою на фортепиано, писалъ стихи, мечталъ о томъ, что хорошо было бы погибнуть смертью мученика и умереть на кострѣ, наприимѣръ. Онъ ничего не боялся. „Что-жъ такое?“ говорилъ онъ. „Что со мной могутъ сдѣлать? Убить меня? Но я смѣюсь надъ этимъ!“

Ганской часто звалъ его къ себѣ, часто оставлялъ его обѣдать и даже на улицѣ видали его гуляющего съ Робушемъ.

Возгласъ Робуша заставилъ Ганского остановиться и пристально посмотрѣть на него.

— Жаль мнѣ, сказалъ онъ: — а вы попадетесь первый. Помните, Робушъ: меня тогда не будетъ!

— Когда васъ не будетъ, Сергѣй Леонтьичъ, я попадусь; это правда. Да мнѣ все-равно! Надо же когда-нибудь попасться!

Ганской молча ходилъ по комнатѣ. Взглядъ его былъ не веселъ. Что-то тяжелое и безпокойное свѣтилось въ его глазахъ. Всѣмъ стало не по себѣ, всѣ тоже молчали. Наконецъ, онъ вернулся на прежнее мѣсто, около камина и остановился.

— Господа, началъ онъ: — вы думаете, конечно, что я, по привычѣ всѣхъ начальниковъ, читаю вамъ наставленія. Но я опять повторяю: я плохой начальникъ. Когда я искалъ этого мѣста, я думалъ, что это единственное, можетъ быть, мѣсто, гдѣ каждый можетъ заниматься своимъ дѣломъ и другихъ не трогать. Вижу, что я ошибался. Я думалъ, что каждый человѣкъ долженъ управлять самъ собой, безъ опекуновъ. И опять вижу, что я ошибался. Если людямъ давать свободу и не вмѣшиваться въ ихъ дѣла, то они назовутъ васъ глупцомъ и будутъ надъ вами смѣяться.

Робушъ вскочилъ со стула.

— Мы васъ уважаемъ, Сергѣй Леонтычъ! Я это не потому говорю, что вы начальство. Мнѣ начальство... Что-жъ такое начальство? А потому, что вы всегда для насъ были... отличны!

Ганской насмѣшливо взглянулъ на него.

— Неужели? Я былъ отличенъ тѣмъ, что не мѣшалъ вамъ? не трогалъ васъ? Въ благодарность за это вы затѣяли какую-то северную исторію, которой не было бы, еслибы я поставилъ на всѣхъ перекресткахъ шпионовъ?

— Какая же исторія? перебилъ пылко студентъ.

— Какая бы она тамъ ни была! Дѣло не въ этомъ! Вы заставляете меня пустить въ ходъ полицію, полицейскіе розыски, дознаніе. Но я полицейскимъ сыщикомъ быть не желаю. Съ какой стати! Я вамъ опять повторяю: я хотѣлъ имѣть дѣло съ студентами, а не съ заговорщиками! Вы заговоры составляете. Хорошо! Стало быть, университета нѣтъ! Стало быть, я не нуженъ.

— Ваше превосходительство, замѣтилъ одинъ изъ студентовъ (непривычный, суровый тонъ попечителя испугалъ его):—мы заговоры не составляемъ.

Ганской, не отвѣчая ему, обратился къ Робушу.

— Скажите мнѣ, началъ онъ, остановивши на немъ свой пристальный, серьезный взглядъ:—скажите мнѣ, что между вами нѣтъ никакихъ недозволенныхъ обществъ,—я вамъ повѣрю.

Робушъ опустилъ глаза и промолчалъ. Ганской отвернулся отъ него и сталъ глядѣть въ огонь.

— Мнѣ пріятно, сказалъ онъ съ печальной усмѣшкой: — что меня не обманываютъ. Передайте же вашимъ товарищамъ то, что я вамъ говорилъ. Я попробую еще, что я могу сдѣлать, но если увижу, что ничего не могу,—мы съ вами простимся.

— Сергѣй Леонтычъ, воскликнулъ съ жаромъ Робушъ:—зачѣмъ вы это говорите!

— Что дѣлать, господа, надо мной есть тоже начальство!

Если я буду на все смотрѣть сквозь пальцы, то на меня тамъ такъ смотрѣть не будутъ. Вы, можете быть, думаете, что я всемогущъ, но моя власть очень ограничена.

Студенты ушли печальные, и Робушъ замѣтно взволнованный. Простая, искренняя рѣчь Ганского ни на кого такъ не дѣйствовала, какъ на него.

Студенты вообще любили Ганского, но послѣдняя исторія съ Давыдовымъ многихъ охладила къ нему. Попечитель былъ ко всѣмъ снисходителенъ, доступенъ, рѣдко въ чемъ-нибудь отказывалъ, но онъ былъ все-таки попечитель, начальство... Подъ видомъ начальства студенты представляли себѣ всякіе ужасы. Когда онъ осмѣлился поднять руку на Давыдова, когда стала извѣстна исторія опечатанныхъ бумагъ, — участь его была рѣшена. Давыдовъ былъ жертва, Ганской — палачъ.

IX.

Профессоръ Мальшъ, которому поручено было произвести дознание по доносу Швейковского, не имѣлъ понятія о томъ, какъ ведутся слѣдственные дѣла. Онъ дѣлалъ ошибку за ошибкой, сердился, что его отвлекаютъ отъ занятій и, наконецъ, взялъ себѣ въ помощники рѣшительно весь университетъ.

Только лѣнивый не вмѣшивался въ это слѣдствіе. Всякій, кто былъ почему-нибудь золъ на Давыдова, шелъ къ Мальшу и давалъ ему различныя показанія, всѣ клонившіяся къ тому, что Давыдовъ есть злой духъ, принявшій только для виду образъ адъюнкта исторіи.

— Мое мнѣніе, говорилъ одинъ профессоръ, нетерпѣвшій Давыдова за то, что онъ не хотѣлъ жениться на его племянницѣ: — мое мнѣніе: отдать бы его въ солдаты!

Два профессора, которымъ Давыдовъ никогда не кланялся, стояли на томъ, что его надо выслать въ дальнія губерніи.

Еще два профессора, узнавши стороною, что Давыдовъ называетъ ихъ штыль-юнкерами, каковое названіе дано имъ въ насмѣшку и поруганіе, предлагали показать подъ присягой, что онъ есть карбонаръ.

Вся партія Швейковского поднялась на ноги; слѣдствіе, наряженное попечителемъ, она приняла за сигналъ, и цѣлый градъ мелкихъ неприяностей посыпался на Давыдова. Библіотекаръ не давалъ ему требуемыхъ книгъ, то не сказываясь дома, то ссылаясь на то, что съ нимъ нѣтъ ключей. Провизоръ не пускалъ его въ аптеку, гдѣ читались для студентовъ фармацевтическія

лекціи. Пасторъ, которому разрѣшено было давать для проповѣдей одну изъ свободныхъ аудиторій, всегда какъ-то получалъ аудиторію Давыдова и всегда почти въ непоказанные часы, т. е. тогда, когда должна уже начинаться лекція. Выгнать изъ аудиторіи нѣмцевъ, слушавшихъ тамъ своего проповѣдника, оказывалось нелегко и приходилось искать другой залы.

Давыдовъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ, тщетно стараясь увѣрить себя и другихъ, что эти мелочныя интриги не заслуживаютъ ничего, кромѣ презрѣнія. Боятся ему, дѣйствительно, было нечего: показанія противной партіи, хотя и дышали злобой, но были болѣею частію голословны. Все ограничивалось мелкими дразгами и даже сплетнями, которыя только возмущали серьезнаго, несообщительнаго Мальша. Показанія же студентовъ всё клонились въ пользу Давыдова.

Ганской, какъ бы устранивъ себя отъ всякаго участія въ слѣдствіи, уѣхалъ въ Петербургъ.

Разъ какъ-то я пришелъ къ ректору въ сумерки, въ такое время, когда всё почивали, плотно покушавши и собираясь съ силами для вечерняго чая. Не спали только молоденькія дѣвицы, но и тѣ ушли къ себѣ на верхъ, на антресоли. Престарѣлый Никита лежалъ въ передней на ларѣ, положивши подъ голову баринову шинель, и тяжело вздыхалъ. Егорка, привязавши къ вѣшалкѣ комнатную собачонку Амишку, манилъ ее кускомъ солонины, который держалъ между пальцами. Собака рвалась къ солонинѣ, но вѣшалка ее не пускала.

— Амишка, на! пиль! говорилъ онъ шепотомъ, чтобы не разбудить спящаго Никиту.

При видѣ меня, онъ постѣшилъ стать такъ, чтобы загородить синюю собаку.

— Въ горницахъ никого нѣту-съ. Господа почиваютъ.

— Хорошо, я подожду.

Я снялъ шинель и пошелъ въ комнаты. Вездѣ было, дѣйствительно, пусто. Точно непріятель прошелъ по всему дому и истребилъ всѣхъ жителей поголовно; только на столахъ валялось еще неприбранное шитье, бумага, изъ которой барышни дѣлали цѣфты, и колода тетушкиныхъ картъ, такая заслуженная колода, что передъ ней три игры клубныхъ картъ показались бы тощею пачкою. На раскрытомъ фортепіано лежалъ разорванный пополамъ отъ излишняго употребленія романсъ: „Очи черныя!“

Я пошелъ прямо въ ту комнату, которая называлась библіотекой, потому что тамъ стоялъ шкафъ съ старыми книгами, этажерка съ фарфоровыми чашками и большой турецкій диванъ,

на которомъ хозяинъ отдыхалъ иногда послѣ-обѣда. Я пошелъ туда, рассчитывая встрѣтить тамъ Любовь Федоровну. Она любила эту комнату и часто саживала тамъ одна, съ книгой, или просто такъ, съ работой.

Я дернулъ дверь, но она была заперта изнутри. Я дернулъ еще разъ.

— Кто тамъ? окликнулъ меня женскій голосъ.

Я отозвался. Немного погодя, дверь отворила мнѣ Любовь Федоровна. Она молча пропустила меня и опять ступнула задвижкой. Я вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Подождите немного.

Она указала мнѣ на стулъ въ сторонѣ, сама же подошла къ столу, на которомъ стояло распятіе и около него лежала развернутая книга, напечатанная крупнымъ шрифтомъ съ красными виньетками, насколько я могъ судить, священнаго содержания. Любовь Федоровна опустилаcь на колѣни и, положивши свои руки на эту книгу, а на нихъ свою голову, оставалась нѣсколько времени въ этомъ положеніи. Надѣтая на ней бѣлая коленкоровая блуза грубыми складками ложилась на полъ. Въ талии она была перепоясана какимъ-то шнуромъ, а на шеѣ надѣта черная лента съ крестомъ, сердоликовымъ сердечкомъ и мистическими, непонятными для меня знаками. Волосы были гладко начесаны на лобъ, такъ, какъ она никогда не чесалась. Въ такомъ костюмѣ я видѣлъ ее только разъ въ Петербургѣ въ первую нашу встрѣчу.

Ея тонкая фигура, остававшаяся стройною даже въ этомъ балахонѣ (изобрѣтенія, вѣроятно, самой княгини), ея маленькія руки, державшіяся за книгу, прозрачная кожа на ея вискахъ и золотыя пряди, спускавшіяся ей на шею, — все это дѣлало изъ нея отличный оригиналъ для изображенія кающейся Магдалины.

Но съ какимъ бы удовольствіемъ я сорвалъ съ ея шеи эту ленту съ надѣтками на нее мистическими эмблемами. Эта лента напоминала мнѣ о томъ, какой страшный фанатизмъ горитъ въ этой женщинѣ, какая тьма суевѣрія, галлюцинацій, фантазмагоріи таготѣетъ надъ этой чудной красотой.

Тяжелое, горькое чувство шевельнулось во мнѣ, когда она подошла ко мнѣ послѣ молитвы и остановила на мнѣ свои темные глаза. Они были спокойны, но это было то страшное спокойствіе, которое дается человѣку, когда онъ разомъ отрекается отъ всего своего прошлаго. Спокойствіе это дается только молитвой, но молитвой пламенной, почти безумной, когда человѣкъ не проситъ, а требуетъ отъ Бога, чтобы онъ помогъ ему пережить страшныя минуты.

Любовь Федоровна сѣла со мной на диванъ.

— Поздравьте меня, сказала она тихимъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ. — Скоро моя свадьба.

— Съ кѣмъ? спросилъ я неосторожно.

Глаза ея блеснули удивленно, почти строго.

— Съ кѣмъ! Съ Сергѣй Леонтьичемъ, конечно. Развѣ за меня еще кто-нибудь сватался?

Я промолчалъ, но образъ Давидова стоялъ передо мной. Мнѣ представлялись его горячіе, воспаленные взгляды, его злая улыбка и тѣ язвительныя, сухія рѣчи, которыми онъ встрѣтитъ, конечно, извѣстіе о замужествѣ Любви Федоровны. Думала ли она теперь о немъ? Едва ли. Въ минуту своего восторженнаго настроенія она бывала совсѣмъ другая женщина. Еслибы Давидовъ самъ, своимъ лицомъ, явился теперь передъ ней, она встрѣтила бы его спокойно. Въ ней являлась какая-то непонятная для меня сила: она безстрашно смотрѣла на свое будущее.

Она показала мнѣ письмо княгини, увѣдомлявшее ее о томъ, что дѣло о разводѣ кончено: Ганской получилъ его. Письмо было полно благословеніями, воззваніями, заклинаніями и только въ припискѣ стояла коротенькая фраза: „свадьба должна быть черезъ двѣ недѣли“.

— Любовь Федоровна, спросилъ я: — отчего вы ее не отложите?

— Зачѣмъ же это? развѣ не все равно!

— Но для чего же вамъ такъ торопиться?

— Вы видѣли, что пишетъ княгиня? Какое безуміе выгадывать дни! На что мнѣ это?

— Но, можетъ быть, и онъ еще къ тому времени не придетъ?

— Княгиня видѣла его и говорила съ нимъ. Тутъ никакихъ препятствій не можетъ быть. Да я и не желаю ихъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Она говорила это равнодушно, и только печально опущенные глаза позволяли угадывать, какія чувства волновали ее.

— Простите мнѣ одинъ вопросъ, Любовь Федоровна: знаетъ ли Ганской о вашихъ чувствахъ къ нему?

Она отвѣтила мнѣ не сразу; на лицѣ ея показалось даже нѣкоторое смущеніе, но она скоро переломила себя.

— Онъ говорилъ со мной объ этомъ только одинъ разъ, и тогда я... Я ничего особеннаго ему не сказала. Ему говорила за меня больше княгиня. Да мы мало и видались съ нимъ.

Я пристально посмотрѣлъ на нее.

— Отчего бы вамъ не предупредить Ганского, что вы его не любите? что вы любите другаго?

Она поблѣднѣла и встала съ мѣста.

— Я никого не люблю; ни его, ни другаго, ни третьяго!

И съ этими словами отошла къ столу, какъ бы отыскивая тамъ защиты противъ меня.

— Но вы можете полюбить кого-нибудь.

— Нѣтъ! отвѣтила она рѣшительно.

— Вы знаете, продолжалъ я настойчиво:—что для васъ Ганской отказался отъ дочери?

— Знаю.

— Вы отняли у него эту единственную, можетъ быть, въ его жизни привязанность. Чтò вы ему дадите взамѣнъ? Свое равнодушiе, можетъ быть, ненависть.

Она покачала головою.

— Онъ никогда не узнаетъ, что я не любила его.

— Можете ли вы за себя отвѣчать?

— Могу.

Я удивился, что сказалъ такъ много лишняго. Моя система была никогда ни во что не вмѣшиваться. Зачѣмъ я такъ жестоко нарушилъ ее? Я далъ себѣ слово оставаться только зрителемъ.

Дня два спустя, узнавши, что Любовь Федоровна собирается вечеромъ къ Сухотиннымъ, я самъ отправился туда же.

Я засталъ въ гостинной обѣихъ прiятельницъ, самого хозяина и еще одного молодого генерала, недавно прiѣхавшаго изъ Петербурга. Съ генераломъ былъ, разумѣется, цѣлый багажъ политическихъ новостей. Разобравши его на досугъ съ хозяиномъ и опасаясь, вѣроятно, наскучить дамамъ, генераль перемѣнилъ тему разговора. Онъ замѣтно ухаживалъ за Любовью Федоровной и старался поддѣлаться подъ тѣ интересы, которые могли ее волновать. Она слушала его съ той свѣтской улыбкой, которая ничего не обозначаетъ. Глаза ея смотрѣли разсѣяннò.

— Ахъ, monsieur Германъ, обратилась ко мнѣ хозяйка:— въ вашемъ университетѣ теперь всѣ рѣшительно новости нашего города. Безъ васъ мы умирали бы со скуки. Никто не женится, не умираетъ... Всѣ новости идутъ отъ васъ. Исторiя съ monsieur Давыдовымъ такъ всѣхъ заняла...

— Чтò это за исторiя? спросилъ задумчивò генераль.

— Ахъ, вы не знаете? 'въ самомъ дѣлѣ? Это преинтересно. У насъ есть одинъ молодой человѣкъ... одинъ профессоръ...

Прелесть, какъ читаетъ! Быть у него на лекціи просто наслажденіе! Представьте себѣ, даже дамы всѣ ѣздили. И представляете себѣ, вдругъ къ нему является полиція, опечатываетъ его бумаги!... Ужасно!

Генераль, повидимому, понялъ не много изъ этого разсказа. Его умные глаза смотрѣли нѣсколько туго.

— Да, это странно, замѣтилъ онъ въ недоумѣніи.

— Дѣло въ томъ, вмѣшался Сухотинъ докторальнымъ тономъ, устремивши взглядъ не на собесѣдника, а въ пространство: — дѣло въ томъ, что это молодой человѣкъ, дѣйствительно, талантливый. Умъ его не глубокий, но блестящій. Такіе умы, какъ вамъ, можетъ быть, извѣстно, скорѣй всего дѣйствуютъ на толпу. Поэтому, молодѣжь имъ увлеклась. Онъ, можетъ быть, сказалъ ей что-нибудь лишнее, т. е. просто сказалъ какую-нибудь горькую правду. Бюрократы наши подняли тревогу, и вотъ одинъ изъ нихъ, попечитель нашего ученаго округа, петербургскій чиновникъ съ головы до ногъ, который въ провинціи даже не удостоиваетъ никого своимъ знакомствомъ, этотъ господинъ, говорю я, и прибѣгъ къ содѣйствію полиціи.

Генераль вдругъ оживился.

— Какъ фамилія вашего попечителя? Не Ганской ли?

— Mais oui, c'est lui mѣme, подхватила m-me Сухотина.

— Имѣю удовольствіе знать его. Господинъ весьма странный.

— У него жена, говорить, очень умна.

— Была, проивнесъ генераль съ удареніемъ.

— Какъ была? Развѣ она умерла?

— Она жива. Но дѣло въ томъ, что она ему уже болѣе не жена.

M-me Сухотина слабо вскрикнула.

— Est-ce possible?

— Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга ни о чемъ столько не говорили, какъ о его разводѣ.

— Да какъ же мы-то ничего не знали! воскликнула хозяйка съ отчаяніемъ.

— Этимъ разводомъ, продолжалъ генераль:— онъ весьма повредилъ себѣ. Его кредитъ сильно падаетъ.

Будущая m-me Ганская мелькомъ взглянула на своего сосѣда.

— Его жена имѣетъ большія связи, замѣтила она.

— Огромныя! И притомъ, эта женщина очень честолюбивая. Онъ же, самъ по себѣ, безъ ея помощи никогда бы ничего не могъ добиться. Она его рѣшительно во всемъ руководила. Она ему добывала и мѣста, и чины. Доказательство, закончилъ ге-

нераль съ улыбкой: — какъ много можетъ сдѣлать умная женщина!

— Но вѣдь у него у самого большое состояніе, замѣтила опять Любовь Федоровна.

— Vous avez raison, mademoiselle. Il est fort riche. Въ этомъ отношеніи перевѣсь на его сторонѣ. Но что же мы видимъ изъ этого? что женѣ нужны деньги мужа, а мужу умъ его жены!

— Но какъ это могло случиться, что я ничего не знала? волновалась хозяйка. — Ни я, ни Любочка, мы даже и не подозрѣвали.

Любовь Федоровна улыбнулась.

— Я это давно знала.

— Ты знала! Tu savais, ma chère, et tu ne m'as pas dit!

Генераль, между тѣмъ, обратился къ Сухотину.

— Вы сейчасъ говорили мнѣ о преслѣдованіи этого профессора... Давыдова, кадетса? Но это очень понятно, знаете ли. Кредитъ Ганского падаетъ. Онъ это видитъ. Что ему остается дѣлать? Оказатъ правительству какую-нибудь услугу: отереть заговоръ, напимѣрь, а если заговора не найдется, то хоть напугать, по крайней мѣрѣ... Ганской поступаетъ очень умно; это даже гораздо умнѣе, чѣмъ я отъ него ожидалъ. Онъ говоритъ себѣ: я скоро буду ненуженъ; но нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы я сдѣлался необходимъ? И вотъ онъ хватается за этого Давыдова. Магницкій поступаетъ именно такимъ образомъ и этимъ вошелъ въ силу. Всякій разъ, какъ онъ видитъ, что кредитъ его падаетъ, онъ приноситъ какую-нибудь новую жертву, и все идетъ хорошо. Ганской копируетъ Магницкаго. Конечно, разница будетъ въ томъ, что онъ не поведетъ этого дѣла такъ умно. Его хитрость будетъ, вѣроятно, замѣчена.

— Чиновникъ! повторилъ съ презрѣніемъ Сухотинъ. — Какой-нибудь орденоеъ, крестикъ... для крестика они съ удовольствіемъ продаютъ себя... Для крестика у насъ человекъ себя готовъ обличить въ чемъ угодно!

— Именно себя! поддержалъ генераль. — Вы, я вижу, тоже не любите чиновничества.

— Я его ненавижу. Это язва нашего времени! Всѣхъ бы этихъ бюрократовъ я обратилъ въ землепашцевъ! За сохой они принесутъ странѣ гораздо больше пользы, чѣмъ за своими департаментскими столами!

М-ше Сухотина, испуганная тѣмъ, что разговоръ принимаетъ слишкомъ отвлеченный оборотъ, послѣшила опять направить его на путь интересныхъ новостей и маленькихъ сплетень.

— Меня удивляетъ, начала она:—что monsieur Ганской здѣсь ни съ кѣмъ незнакомъ. (Ганской, дѣйствительно, бывалъ только въ двухъ домахъ: у пастора и у архитектора. Но съ пасторомъ русскіе не знали, а архитектора въ порядочномъ обществѣ не принимали. Кромѣ этихъ двухъ домовъ, Ганской бывалъ еще у ректора и изрѣдка заходилъ къ кому-нибудь изъ профессоровъ). Согласитесь, продолжала ш-ше Сухотина:—что человѣкъ не можетъ жить безъ общества. Мой мужъ очень серьезный человѣкъ, но и онъ любитъ отдыхъ... любитъ общество. Когда я вижу, что кто-нибудь избѣгаетъ знакомства, я всегда говорю себѣ: тутъ что-нибудь да не такъ! Dites moi, je vous en prie, зачѣмъ бы я стала бѣгать отъ людей?

— Нѣтъ, душа моя, поправилъ ее мужъ:—ты этого не понимаешь; когда вельможа пріѣзжаетъ изъ Петербурга въ провинцію, ему нужно же чѣмъ нибудь дать себя знать! Хоть напр. полнѣйшимъ пренебреженіемъ своимъ въ провинціальному обществу.

Между тѣмъ собралось еще нѣсколько человѣкъ гостей, больше изъ военныхъ, потому что Сухотинъ служилъ въ полку. Были и помѣщики. Сухотины вообще жили открыто, хотя и скупенько. Пріѣхалъ Вороновъ съ анекдотами всѣхъ сортовъ: для дамъ особенно и для мужчинъ особенно. Пріѣхала богатая помѣщица, выстроившая у себя въ имѣннн великолѣпный храмъ и помѣстившая свой гербъ на иконостасѣ подъ образомъ спасителя. Барыня эта ходила въ горностаяхъ, глядѣла на всѣхъ въ лорнетку и когда ей кто нибудь не нравился, выставляла впередъ нижнюю губу. Явился наконецъ и Давыдовъ, глядѣвшій рѣшительно джентльменомъ. Даже барыня въ горностаяхъ не утратила его и онъ равнодушно сѣлъ подлѣ нея.

Ни о чемъ конечно иномъ не говорили съ такимъ интересомъ, какъ о разводѣ Ганского.

— Кто могъ этого ожидать! не переставала восклицать хозяйка.

— Но скажите, ради Бога, почему? Какая причина?

— Мало ли! вмѣшался Вороновъ. У меня вонъ была одна знакомая... превосходная дама! — такъ та требовала развода съ мужемъ потому, что онъ лишенъ, говорить, того небеснаго огня, который дѣлаетъ человѣка безсмертнымъ.

— Ну и что жъ? спрашивали съ тревогой барыни.

— Ну, и развелась.

— Глупа! сказала басомъ дама въ горностаяхъ.

— Причина развода очень ясна, рассказывалъ снисходитель-

но генераль, когда къ нему обратились съ распросами. — Онъ женится на одной прелестной особѣ. (Всѣ притихли). Кто она, я вамъ сказать не умѣю, потому что это держится до сихъ поръ въ величайшей тайнѣ. Говорать, что это дочь какого-то жида-шинкаря.

— Очень можетъ быть! восклинули на это. — Жидовки всѣ красавицы.

— Другіе же, напротивъ, утверждаютъ, продолжалъ невозмутимо генераль: — что это одна изъ нашихъ аристократокъ; что Ганской влюбился въ нее, еще будучи въ Парижѣ, 7 лѣтъ тому назадъ.

— Конечно, подхватили дамы:— конечно, это вѣрнѣе! Сталь бы онъ для жидовки разводиться! Жидовку бы онъ просто увезъ.

И мужчины, и дамы стали говорить о томъ, что это романъ.

— Просто Радклиффъ! сказала опять басомъ дама въ горно-стальхъ.

— Интересно бы посмотрѣть на эту красавицу!

— Надѣюсь, что онъ ее къ намъ привезетъ?

— Вѣроятно, привезетъ!

— Конечно, привезетъ!

— Вотъ отчего онъ ни съ кѣмъ и не знакомился. Что же, согласитесь, ни то, ни се! ни холостой, ни женатый.

Случилось какъ-то такъ, что я, Давыдовъ и Любовь Федоровна сидѣли въ сторонѣ.

— Вотъ, началъ Давыдовъ:— что значить 500 тысячъ годового дохода! Смотрите, какую тревогу поднялъ вопросъ: кто будетъ счастливой избранницей его превоск-ва. А вѣдь славно въ самомъ дѣлѣ быть этой избранницей! А! какъ вы думаете, Любовь Федоровна?

Она улыбнулась, но на щекахъ у нея показались два маленькія розовыя пятнышка.

— Отлично! мужъ дуракъ, но генераль. Затѣмъ карты, бриліанты...

— Вы думаете стало быть, что если у человѣка 500 тысячъ годового дохода, такъ его ужъ женщина любить не можетъ?

— Нѣтъ, я думаю совершенно наоборотъ: я думаю, что не будь у него 500 тысячъ, женщина бы его любить не могла, а теперь будетъ любить... помилуйте! съ удовольствіемъ.

— Не всѣ ищутъ денегъ, Платонъ Николаичъ.

— Это вздоръ, Любовь Федоровна, извините меня за откровенность.. Это фантазія Смольнаго института. Кому деньги не нужны! Да возьмемъ хоть васъ: скажите мнѣ откровенно, поло-

жа руку на сердце, если бы Ганской сдѣлалъ вамъ предложеніе, пошли бы вы за него?

Она засмѣялась.

— Почему вы знаете, что я пошла бы для кареть. Развѣ я не могла бы полюбить его.

— Сомнѣваюсь, сказала онъ съ усмѣшкой.

— Отчего же?

— Да оттого, что онъ усыпителенъ.

— Я васъ не понимаю.

— Видите ли, на мой взглядъ онъ просто недалекій вельможа, которому нужны умные секретари. (Давидовъ взглянулъ въ мою сторону). Безъ умныхъ секретарей онъ погибъ. Ну-съ, женщина, положимъ, этого не замѣтитъ. Хотя я сомнѣваюсь, чтобы умная женщина могла этого не замѣтить. Но женщина, положимъ, сидитъ съ нимъ вдвоемъ. Что же она видитъ? Она видитъ, что для этого человѣка величайшій, почти головоломный, трудъ — поддержать связанный разговоръ. Онъ сидитъ и размышляетъ... Ему не достаетъ только трубки, чтобы походить на нѣмца. Русскія женщины нѣмцевъ не любятъ, Любовь Федоровна!

— Не знаю, сказала она съ досадою. Мнѣ Ганской нравится.

— Неужели? (Въ голосѣ его слышалась насмѣшка). Какіе у насъ съ вами разные вкусы! Мнѣ онъ вовсе не нравится. Впрочемъ я можетъ быть пристрастенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Его Превосх-во вздумалъ натравить на меня полицію и эту ученую туплю, профессора Мальша, я окончательно потерялъ къ нему всякое уваженіе. Если онъ дѣлаетъ это по наивности, потому что вмѣстѣ съ прочими видитъ во мнѣ злого духа, то онъ просто глупъ; такими умниками у насъ всѣ канцеляріи набиты. Если же онъ преслѣдуетъ меня изъ какихъ нибудь личныхъ видовъ, потому что ему за это, можетъ быть, крестикъ дадутъ, такъ позвольте васъ спросить, какъ вы это назовете?

— Но на васъ сдѣлалъ доносъ Швейковскій! Онъ не могъ оставить безъ вниманія.

— Вотъ и видно, что вы женщина, и говорите, какъ женщина! У хорошаго попечителя не смѣли бы дѣлать доносовъ! А у этого доносъ есть средство выслужиться. Вотъ посмотрите, если Швейковского не сдѣлаютъ директоромъ, или инспекторомъ, или чѣмъ нибудь подобнымъ.

Когда послѣ чаю стали переходить въ другую комнату, то Любовь Федоровна, на правахъ короткой знакомой, осталась еще на нѣсколько времени за чайнымъ столомъ. Давидовъ сдѣлалъ два тура по комнатѣ и остановился за ея стуломъ.

Она какъ будто не замѣчала его. Мнѣ показалось, что она желаетъ остаться съ нимъ наединѣ. Я пошелъ было къ дверямъ, но она вдругъ стремительно назвала меня по имени. Я обернулся. Она была блѣдна; рука ея, лежавшая на скатерти, замѣтно дрожала.

— Оставайтесь, выговорила она съ усиліемъ. — Посидите съ нами.

Я видѣлъ, какъ стиснулась рука, которую положилъ Давыдовъ на спинку стула. Всѣ жилы напряглись и явственно обрисовались.

— Оставайтесь! повторилъ онъ насмѣшливо. — Неужели вы не знаете, что гдѣ есть двое, тамъ третій никогда не лишній.

Онъ былъ очень красивъ въ эту минуту. Гнѣвъ и обманутое ожиданіе освѣтили его лицо какимъ-то злымъ огнемъ. Но она не видала его. Она не поднимала головы... А когда подняла ее, то для того только, чтобы встать и видти въ гостинную.

Х.

Черезъ недѣлю весь городъ зналъ, что Ганской женится на дочери ректора. И что всего удивительнѣе, въ семействѣ самого ректора узнали объ этомъ не ранѣе другихъ. Любовь Федорова, увѣренная въ согласіи своихъ родныхъ, не говорила имъ ничего до послѣдней минуты.

Я пришелъ туда нарочно, чтобы посмотрѣть что тамъ дѣлается.

Ректорша, нечесаная, неодѣтая, заплаканная, вышла ко мнѣ, чтобы все таки не отказать себѣ въ удовольствіи разсказать мнѣ обо всемъ первой.

— Вотъ вамъ и Любочка! говорила она плачевно. — Любочка, да Любочка, а, глядишь, она ужъ и-те Ганская! наша начальница! Просто я и подумать не могу. Точно я ее на чужую сторону отдаю. Такъ мнѣ грустно, такъ грустно!.. (Платка съ нею не случилось и она вытерла слезы концомъ своей шелковой кофты). Конечно, я знаю, что она такую партію дѣлаетъ, что другая и умретъ, а не дождется, а все вотъ что-то... Или ужъ это оттого, что она у меня одна дочь... Кажется, никогда бы я ее ни за кого ни отдала!

Вотъ тебѣ разъ! подумалъ я. И тутъ этой свадьбѣ не радуются.

— Приданое, продолжала она нѣсколько успокоеннымъ голо-

сомъ:—приданое онъ просить не дѣлать. Все, говорить, будетъ прислано изъ Петербурга. Вы, говорить, пожалуйста не безпокойтесь. Ну, ужъ конечно лучше, когда мать сама своими глазами посмотритъ... Это прямое дѣло матери... Ну, да ужъ на нѣтъ и суда нѣтъ. Свадьбу торопятъ... Такъ торопятъ, что я и понять не могу. Одно только, что постъ на дворѣ... Я ужъ и молчу. Что жъ, коли ей хочется, я противъ ей счастья никогда не пойду... (Конецъ кофты снова сдѣлалъ путешествіе къ глазамъ). А какъ вы думаете, чтѣ ей женихъ подарилъ? Колечко чугунное! ей-богу. Спросите мужа, что не вру. Такъ простое чугунное колечко, и на немъ адамова голова нарисована. Такъ мнѣ это не понравилось! Отдай ему, говорю, Любочка, назадъ! Что за подарокъ такой. Ни за что! Мнѣ, говорить, больше ничего и не нужно. Ну, скажите пожалуйста! Хоть бы бриліантовая вещь какая нибудь или золотая!.. А то вдругъ чугунное кольцо. Да что онъ, массонъ что ли какой? Ужъ хоть бы не носила она этого кольца! Все бы легче было. Съ руки не снимаетъ!

Чугунное кольцо пугало не на шутку бѣдную ректоршу.

Но за то если мать глядѣла убитою, то отецъ смотрѣлъ рѣшительно генераломъ. Онъ выросъ на полъ аршина и не называлъ свою дочь иначе, какъ ваше превосходство! Онъ готовился съѣсть на ея свадьбѣ такой обѣдъ, какой только способны приготовить шесть лучшихъ поваровъ, въ числѣ которыхъ будетъ и клубный, и губернаторскій.

Кузинъ и тетусекъ я не видалъ: онѣ летали по городу съ новостями. Самыя почетныя уѣхали въ ректорскихъ саняхъ; остальные или просили лошадей у знакомыхъ, или ушли пѣшкомъ. Я увѣренъ, что въ эти дни, по крайней мѣрѣ, до 12 лошадей въ городѣ было въ разгонѣ собственно для развезенія новостей о свадьбѣ Ганского.

Оставалось посмотрѣть на то, какъ эта новость принята Давидовымъ. Я пришелъ къ нему съ самымъ невиннымъ видомъ попросить 5-й томъ Карамзина. Онъ всталъ изъ за стола, за которымъ сидѣлъ, по видимому, углубленный въ работу.

— Что вамъ такое нужно? спросилъ онъ торопливо, начиная шарить.—Пятый томъ? Нѣтъ его у меня. Не знаю, гдѣ онъ.

Когда онъ обернулся ко мнѣ, я замѣтилъ въ лицѣ его только одну переимѣну: подъ глазами точно вистью кто провелъ синіе круги, и потому казалось, что это не его глаза, а какіе-то другіе, тусклые.

— На что это вамъ Карамзинъ понадобился? спросилъ онъ отрывисто.

— Мало ли на что! Читать.

— Вотъ какъ! Вы находите время читать. Въ свадебныхъ приготовленіяхъ, стало быть, не участвуете?

— Да мнѣ то что жъ! Я приданаго не шью.

— Послушайте, спросилъ вдругъ Давыдовъ:— что Любовь Федоровна съ ума что ли сошла?

Въ голосѣ его было что-то до того странное, что я внимательно посмотрѣлъ на него. По выраженію своихъ глазъ онъ глядѣлъ рѣшительно больнымъ человѣкомъ.

— Вы эту свадьбу понимаете? Это мистификація какая-то! Это чортъ знаетъ что! Я этого даже объяснить себѣ не могу... (Зрачки его стали расширяться). Я всегда думалъ, что она не въ нормальномъ состояніи. Я всегда говорилъ, что ее надо лѣчить отъ душевныхъ болѣзней. Помилуйте! Да она и замужъ-то выходитъ въ какомъ-то припадкѣ. Этотъ припадокъ пройдетъ и тогда... что она тогда съ собой сдѣлаетъ? Какъ на это никто вниманія не обратитъ?.. Какъ допускаютъ эту свадьбу! Чего же родные наконецъ смотрятъ.

— Какія вы имѣете основанія думать, что дѣвушка, которая идетъ за человѣка по своей доброй волѣ, сдѣлаетъ это въ припадкѣ?

— Какія основанія! Да вы подумали ли хоть разъ о томъ, что это за человѣкъ, за котораго она идетъ, будто бы по своей доброй волѣ? Когда дѣвушка въ тысячу разъ умнѣе своего жениха, и красивѣе, и моложе его, вы имѣете наивность утверждать, что она идетъ за него по любви! Полноте, пожалуйста, она идетъ за его милліоны! И если эта дѣвушка создана только для бархатовъ, шелковъ и каретъ, то она поступаетъ прекрасно! расчетливо, умно и благоразумно! — я противъ этого ничего и не говорю. Но если эта женщина, которая способна думать еще о чемъ нибудь, кромѣ каретъ, ее надо спасти отъ этого брака! Вотъ гдѣ святая обязанность матери! Она должна разстроить эту свадьбу. Пусть даже со скандаломъ, съ огласкою!

— Скандаль у насъ всѣ боятся, Платонъ Николаичъ.

— А, да... Ну, въ такомъ случаѣ передайте будущей т-те Ганской мое сердечное поздравленіе. Душевно сожалѣю, что не могу быть у нея на свадьбѣ.

— Она хочетъ просить васъ быть у нея шаферомъ.

— Что-съ? (Онъ захохоталъ). Нѣтъ, ужъ шаферомъ я у нея не буду. Этой пошлости я не сдѣлаю. Пусть ужъ она поищетъ для этой роли кого нибудь другаго... Какого нибудь хорошаго гвардейца!

Онъ сѣлъ на прежнее мѣсто, облокотился обѣими руками на столъ и, отвернувшись отъ меня, оставался такъ нѣсколько времени молча. Вдругъ онъ всталъ и обернулся въ мою сторону. Слезы быстро, одна за другой, катились по его лицу.

— Да, сказалъ онъ, все равно, вы это знаете... Да, я любилъ эту женщину... Но если только эта свадьба состоится, я ее возненавижу! Она худо дѣлаетъ, что рѣшается на это! Я ей этого не прощу и когданибудь мы расеваемся. Скажите ей это. Я сдержу свое слово.

Какъ ни искренно было его отчаяніе, но въ угрозѣ его прозвучало что-то злое.

Послѣ этой вспышки онъ ушелъ въ другую комнату и оставался тамъ довольно долго. Когда онъ вернулся, глаза его были сухи и лицо гораздо спокойнѣе.

— Не можете ли вы, обратился онъ ко мнѣ:—передать отъ меня Любовь Федоровнѣ маленькую записку, всего нѣсколько строчекъ? Самъ я едва ли увижу ее теперь.

Видно, подумалъ я, я и родился почталіономъ.

— Давайте, передамъ пожалуй.

Давыдовъ опять ушелъ въ другую комнату, и когда пришелъ оттуда, то уже не съ запиской, а съ цѣлымъ письмомъ, тщательно запечатаннымъ. Я видѣлъ, что ему, послѣ его неожиданной откровенности, неловко было долѣе оставаться со мной. По этому, я взялъ письмо и простился. Въ тотъ же вечеръ я передалъ его Любовь Федоровнѣ. Она при мнѣ разорвала конвертъ, но, взглянувши на подпись, вздрогнула. Было мгновеніе, когда она хотѣла вернуть мнѣ это письмо, но потомъ вдругъ, какъ бы раздумавши, быстро стала пробѣгать его глазами. Кровь отхлынула отъ лица и нотомъ нахлынула опять: изъ мертвенно-блѣднаго оно сдѣлалось пылающимъ. По движенію ея глазъ я видѣлъ, что она прочла его не одинъ разъ. Наконецъ кровь пошла ровнѣе и нѣжнымъ румянцемъ разлилась подъ кожей.

Она улыбнулась,—то была слабая, искусственная улыбка, — и придерживая листокъ кончиками пальцевъ, протянула его ко мнѣ.

— Прочтите! Надѣюсь, что вы по крайней мѣрѣ другой разъ не будете передавать мнѣ такихъ писемъ.

„Я люблю васъ, писалъ Давыдовъ:—но я знаю, что и вы меня любите. Этого для меня достаточно. Я не стану вздыхать о вашей свадьбѣ, потому что, если я несчастенъ, то и вы несомнѣнно счастливы. Еслибы вы любили вашего мужа, я бы возненавидѣлъ васъ, но вы его не любите,—и этого для меня достаточно. Помните одно, что я хотя и не слышалъ еще вашего признанія, но

когда нибудь услышу его. Знайте заранее: я буду преслѣдовать васъ! не такъ, какъ преслѣдуютъ безнадежные влюбленные, но какъ человѣкъ, который имѣетъ право на вашу любовь“.

XI.

Когда все кругомъ волновалось, одинъ Ганской казался мнѣ спокойнымъ. Онъ принималъ просителей, отправлялъ почту, все, какъ и по обыкновенію.

Однажды вечеромъ, когда я, покончивши свои занятія въ его кабинетѣ, хотѣлъ уйти къ себѣ, онъ остановилъ меня. Тутъ только онъ показался мнѣ нѣсколько разстроеннымъ.

— Что-жь вы не спросите меня, сказалъ онъ шутливо:—чѣмъ окончилась моя поѣздка въ Петербургъ?

Я думалъ, что онъ намекаетъ на свою свадьбу и отвѣтилъ въ этомъ родѣ.

— Нѣтъ, не то. Это касается только до меня одного, но есть вещи, которыя касаются до многихъ. Вотъ, на примѣръ, вы не знаете, что у васъ будетъ новый ректоръ.

— Я знаю, что скоро будутъ выборы.

— Опять не то. Ректора вы больше выбирать не будете. Его назначить вамъ правительство.

„Сюрпризы!“ подумалъ я, но спросилъ только:

— Кого же?

— Швейковскаго.

Назвавши фамилію, Ганской пристально посмотрѣлъ на меня. „Другой сюрпризы!“ подумалъ я.

— Что же, это назначеніе будетъ сдѣлано немедленно, или подождать до срока?

— Т.-е. до января, хотите вы сказать? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Прежнему ректору надо будетъ прочесть приездъ объ увольненіи. Его именно удаляютъ за бездѣятельность. Комиссія эта, которую я назначилъ безъ себя, тоже, оказалось, ничего не сдѣлала и ничего не открыла.

— Вы, кажется, Сергѣй Леонтьичъ, этого именно и желали.

Онъ едва замѣтно покраснѣлъ.

— Я тутъ ничего не значу. Тутъ рѣчь совсѣмъ не обо мнѣ, а о томъ, что думаютъ въ Петербургѣ. Я ничего не желаю, кромѣ того, чтобы насъ не трогали, но тамъ думаютъ иначе. Смѣшно право! Здѣсь, кажется, воображаютъ, что я богъ и дѣлаю все, что захочу. Еслибы эти господа знали, что я самъ связанъ

по рукамъ и по ногамъ, такъ они можетъ быть смотрѣли бы на меня не такъ. Теперь тутъ будутъ кричать, что я посадилъ университету на шею Швейковскаго, а скажу вамъ откровенно, Швейковскаго посадили на шею не университету, а мнѣ. Его просто назначаютъ сюда шпиономъ ко мнѣ. И я же буду имѣть около себя тайнаго шпиона, и меня же будутъ обвинять въ томъ, что я ему покровительствую! Вотъ удовольствіе моего положенія! Вы скажете мнѣ, что я могу подать въ отставку. Правда. Да я этимъ, вѣроятно, и кончу; но теперь оставить университетъ я не могу, потому что если я его оставлю, такъ въ ту же секунду налетятъ разные хищники, — Магницкихъ у насъ много, — и посмотрите, что тогда тутъ будетъ... Нѣтъ ужъ, я далъ себѣ слово держаться, пока меня столбнутъ. Столбнуть — тогда дѣлать нечего.

— Отчего вы не предложили кого нибудь другаго, вмѣсто Швейковскаго? полюбопытствовалъ я.

— „Вы!“ Станный вы человѣкъ, вы все толкуете обо мнѣ. Меня тутъ давно ужъ нѣтъ. Развѣ-жь вы не знаете, что здѣшнимъ округомъ управлялъ не я, а моя жена. Какъ это вы ей-Богу не хотите понять! (Онъ съ притворной досадою покачалъ головой). Помните вы, я еще весной ѣздилъ въ Петербургъ? Что меня заставило тогда поѣхать? Если вы не забыли, я получилъ тогда бумаги... и въ этихъ-то бумагахъ тогда уже была высказана мысль назначить вамъ ректора, такъ сказать, отъ вазны. Были намеки и объ Швейковскомъ. Я увидалъ, дѣло плохо; поѣхалъ. Ну, тогда еще звѣзда моя блистала ярче — и мнѣ удалось получить отсрочку. Только отсрочкой этой вы, господа, воспользовались дурно. Пеняйте на себя. Вашъ Давыдовъ дѣлалъ и, кажется, до сихъ поръ дѣлаетъ все, чтобы втянуть васъ въ исторію... Не будь Давыдова, не было бы и резоновъ особенно налегать на васъ... И Швейковскій былъ бы тише...

— Начальство настаиваетъ на томъ, прибавилъ онъ, помолчавъ: — чтобы я Давыдова удалилъ. Мнѣ его жаль: онъ хорошій профессоръ. Я хорошихъ профессоровъ со свѣчками ищу; какъ мы ихъ выгонять-то примемся, такъ пожалуй, и университета не нужно. Я пока сослался на то, что предлоговъ къ удаленію нѣтъ; но вѣдь это вздоръ... предлоговъ тысячу можно найти. Надо это чѣмъ нибудь покончить.

— Поговорите съ нимъ, предложилъ я.

— Пригласите его какъ нибудь сюда, хоть завтра, что ли. Я его оскорблять не намѣренъ, — съ какой стати я буду человѣка оскорблять, — но вѣдь и молчать я тоже, согласитесь, не могу. Теперь я самъ подъ опекой, прибавилъ онъ съ улыбкой.

Когда я на другой день объявилъ Давыдову, что попечитель желаетъ съ нимъ объясниться, онъ сухо отвѣтилъ, что придетъ, когда будетъ свободное время. Но я видѣлъ по его тону, что свободное время найдется у него не скоро. Дѣйствительно, какъ бы на зло, онъ явился къ Ганскому уже наканунѣ его свадьбы. Тотъ не замѣтилъ или сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этой странности.

— Вы желали, ваше превосходительство, видѣть меня? началъ Давыдовъ, вооружившись той ледяной холодностью, которая заставляла многихъ съ уваженіемъ сторониться отъ него.

— Да, вы мнѣ много хлопотъ надѣлали, сказалъ прямо Ганской. — Надо это какъ нибудь устроить.

На лицѣ Давыдова показалась усмѣшка.

— Ваше превосходительство, я всегда старался держать себя такъ, чтобы никого не стѣснять собою.

— Да, это прекрасно. Я противъ этого ничего и не говорю. А вы намъ все-таки хлопотъ надѣлали много.

— Весьма жалѣю...

— Если вы хотите говорить со мной официально, то и я официально скажу вамъ: г. Давыдовъ, потрудитесь мнѣ представить программу, по которой вы намѣрены читать ваши лекціи. Изъ этой программы я вычеркну все, что мнѣ не понравится и попрошу васъ не отступать отъ нея ни на шагъ. За малѣйшее отступленіе буду съ васъ взыскивать по долгу службы. Вотъ видите ли: это для васъ было бы непріятно, да и для меня, смѣю увѣрить, тоже не особенно весело. Я теперь васъ совсѣмъ не за этимъ пригласилъ. Хотите вы говорить со мной откровенно—хорошо! Не хотите—какъ знаете!

— Извините, ваше превосходительство, являясь къ вамъ, я думалъ, дѣйствительно, что являюсь только по долгу службы.

Ганской посмотрѣлъ на него и улыбнулся.

— Мнѣ бы самому нужно было зайти къ вамъ, а я васъ сюда пригласилъ; правда. Ну, да ужъ не считайтесь визитами. Я эти дни не очень былъ свободенъ. Другой разъ приду къ вамъ сюда. Вы, должно быть, преобидчивый человѣкъ.

Давыдовъ вспыхнулъ.

— Не смѣю отнимать у васъ драгоценнаго времени; но я, дѣйствительно, дѣлаю маленькую разницу между моими визитами къ начальнику и визитами къ знакомымъ. Я готовъ, впрочемъ, отвѣчать на всѣ вопросы вашего превосходительства.

Ганской засмѣялся.

— Вы, можетъ быть, хотите письменно отвѣчать на нихъ!

— Даже и письменно, если вамъ угодно.

— Странный вы, человекъ; я-жь вамъ говорю, что мнѣ это совсѣмъ не нужно. Скажите мнѣ по совѣсти, что у васъ за отношенія съ студентомъ Чарковскимъ?

Давыдовъ всталъ.

— Ваше превосходительство, если это допросъ, то я имѣлъ удовольствіе недавно выслушать его у профессора Мальша. У него до сихъ поръ хранятся мои письменныя показанія. Ваше превосходительство можете прочесть ихъ. Новаго я ничего не прибавлю.

Ганской достала изъ ящика тетрадь.

— Вотъ ваши показанія. Они у меня лежатъ тутъ больше недѣли. Еслибы мнѣ нужно было только это, я не сталъ бы васъ и беспокоить.

— Новаго я ничего не прибавлю, повторилъ Давыдовъ.

Ганской тоже всталъ.

— Послушайте. Я вамъ вовсе не врагъ и гибели вашей не желаю, и преслѣдовать васъ не хочу. Но съ будущаго мѣсяца будетъ ректоромъ тутъ Швейковскій. Онъ на это посмотреть иначе. Вы знаете, что такое Швейковскій?

Давыдовъ поблѣднѣлъ.

— Конечно, ваше превосходительство, замѣтилъ онъ:— вамъ лучше имѣть такого исполнительнаго слугу, чѣмъ вмишриваться во все самимъ.

Ганской махнулъ рукой.

— Ну, какъ знаете. Больше я васъ и задерживать не стану. А визитъ я вамъ отдамъ.

Давыдовъ церемонно поклонился.

— Если что нибудь случится, приходите ужъ лучше ко мнѣ, потому что если вы будете дѣйствовать помимо меня, то мнѣ вѣдь ужъ, дѣлать нечего, придется принять свои мѣры.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство, за откровенность, съ которою вы меня предупредили, но я давно уже готовъ ко всему.

Когда Давыдовъ ушелъ, Ганской посмотрѣлъ на меня.

— Удивительный человекъ! Пришелъ ко мнѣ, какъ къ своему величайшему врагу. Что, скажите, я ему сдѣлалъ? точно я его ограбить собираюсь или счастья лишить! Да мнѣ пусть его себѣ будетъ счастливъ, какъ ему угодно.

XII.

Къ величайшему ужасу всѣхъ любопытныхъ людей, наканунѣ самой свадьбы, узнали, что она будетъ не въ городѣ, а въ имѣньи графини Боргъ, которое Ганской, по слухамъ, собирался купить для себя. Новая квартира для молодыхъ не была еще отдѣлана и рѣшено было, что первая двѣ недѣли послѣ свадьбы они проведутъ въ этомъ имѣньи.

Многіе ждали пышнаго бала, какого нибудь Валтасорова пира, и вдругъ оказалось, что приглашенныхъ почти никого нѣтъ. Одна ш-ше Сухотина, на правахъ близкаго друга невесты, и я, какъ домашній человѣкъ у жениха, должны были присутствовать при вѣнчаніи. Изъ всего безчисленнаго воинства, составлявшаго семейство ректора, приглашены были только отецъ съ матерью.

Сыграть свадьбу уградкой считалось въ то время чуть не грѣхомъ. Человѣкъ обязанъ былъ накормить и напоить своихъ знакомыхъ до отвалу: иначе онъ не могъ быть законнымъ мужемъ своей жены. Одна статская совѣтница ѣздила толковать объ этомъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ, даже къ Юліанѣ, которую она въ другое время называла презрѣнной тварью. Юліана, проводившая теперь дни и ночи у ректора, еще болѣе раздражила гостью тѣмъ, что она видѣла подвѣнечное платье, которое привезено пѣз за границы, все изъ однихъ кружевъ и стоить 10 тысячъ. Не видѣть такого платья — это было для нашихъ дамъ болѣе, чѣмъ лишеніемъ; это было ударомъ. Я слышалъ, впрочемъ, какъ одна изъ нихъ говорила, что это:

— Не кружева! пари держу, что не кружева, а просто какой-нибудь тюль на шелковой подкладкѣ! Ужь еслибъ были кружева, да еще настоящія, какъ увѣряетъ эта врунья Юліана, то ужь не стали бы вѣнчаться въ деревнѣ! Нарочно-бы въ соборѣ обвѣнчались, чтобы весь городъ видѣлъ.

У насъ почему-то распространено мнѣніе, что пересудами занимаются только одніе дамы. Воспользовавшись свадьбой Ганского, я сталъ наблюдать, и что-же увидалъ? Что фраки и сюртуки весьма тоже не прочь отъ этого занятія, но только они, отдавая на растерзаніе своимъ женамъ приданое невесты, задаются вопросами, болѣе глубокими, напримѣръ, съ какими расчетами идетъ невеста? Сколько женихъ положилъ на ея имя въ ломбардъ? Какія будутъ его отношенія къ тестю и каково будетъ теперь положеніе ректора въ университетѣ? Жены при-

носили съ политической бѣржи всѣ новѣйшія извѣстія, — мущья обсуждали ихъ съ вышеупомянутой глубиной и ясностью. И тѣ, и другіе заключали строгимъ порицаніемъ Ганскому за желаніе смыграть свадьбу потихоньку отъ людей.

Я долженъ отдать справедливость Давыдову, что изъ всего нашего университета онъ одинъ не участвовалъ ни въ казняхъ сплетняхъ и пересудахъ. Онъ даже ни съ кѣмъ не видался въ эти дни, а писалъ свои историческіе конспекты или по цѣлымъ часамъ ходилъ изъ угла въ уголокъ своей комнаты, что желаніе могли видѣть со двора, въ окошко.

Настала наконецъ и день свадьбы. Ганской былъ очень сервъзень, почти грустенъ. Онъ отказался отъ поданнаго ему завтрака и развернулъ какую-то книгу мистическаго содержанія. Такихъ книгъ у него, также какъ и у Любови Федоровны я видалъ довольно.

На столѣ у него, рядомъ съ зрительной трубой, микроскопомъ, съ Габлеровыми таблицами и бумагами, присланными изъ Правленія, я всегда почти находилъ одинъ или два томива, сильно зачитанные и исписанные на поляхъ его замѣчаніями. Какъ замѣчанія, изложенныя большею частію на французскомъ языкѣ, такъ и самый текстъ книги были для меня одинаково темны.

Когда, такимъ образомъ, Ганской занялся своей книгой, я занялся завтракомъ, потому что я въ этотъ день жениться не собирался и аппетитъ у меня былъ прекрасный. Но только что я расположился съ ножемъ и съ вилокъ въ рукахъ, и распорядился какъ слѣдуетъ салфеткой, какъ услыхалъ, что въ корридорѣ поднимается страшная суматоха. Въ ту же минуту въ дверь высунулась бритая голова хохла.

— Преосвященный пріѣхалъ, сказалъ онъ какимъ-то удивленнымъ голосомъ.

Дѣйствительно, архіереи къ барину его никогда не ѣздили.

— Ступай, скажи Сергѣю Леонтьичу, посоветовалъ я ему, и самъ продолжалъ свой завтракъ въ той надеждѣ, что столовая комната не проходная и я архіерея этимъ не обезпечю. За стѣнной послышался мнѣ скоро шопотъ, послѣднее шленанье чьихъ-то ногъ, потомъ опять шопотъ и какой-то беззвучная суматоха. Наконецъ я различилъ пріятный, но томный и какъ-бы умирающій голосъ нашего владыки. Владыка нашъ былъ чловѣкъ свѣтскій: въ молодости красавецъ, онъ долго еще сохранялъ пріятную наружность, присекался духами и свободно говорилъ пофранцузски. По пріямѣру покойнаго митрополита Платона, онъ учился искусству декламации и за одну изъ своихъ про-

повѣдей, сказанную въ присутствіи вдовствующей императрицы, получилъ отъ нея алмазный крестъ; кромѣ того, имѣлъ орденъ св. Александра Невскаго. Со всѣми властями онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, имѣлъ связи въ Петербургѣ, и только въ нашей губерніи одинъ взыбаломшный старикъ, вельможа Екатерининскихъ временъ, затѣялъ съ нимъ бранную переписку, по тому случаю, что владыка не позволялъ ему выгнать изъ села пона за грубости.¹

Бесѣда пресвященнаго съ Ганскимъ продолжалась довольно долго. Когда, наконецъ, вторичная суматоха за стѣною возвѣстила мнѣ объ удаленіи гостя, я счелъ себя свободнымъ отъ заточенія и пошелъ въ свою комнату. На порогѣ мы столкнулись съ Ганскимъ. Онъ только что проводилъ своего високаго посѣтителя. На лицѣ его было замѣтно недоумѣніе. Но когда онъ заговорилъ со мною, на губахъ его блеснула усмѣшка.

— Вотъ, сказалъ онъ, даже и жениться-то челоуѣку не дадутъ сповойно! Кажется, что это ни до кого ужъ кромѣ меня и моей невѣсты не касается, а вотъ подите...

Послѣ этого я счелъ себя вправѣ спросить о причинѣ этого визита.

— Причины никакой нѣтъ. Просто ему показалось, что я жениться не долженъ. Онъ пріѣхалъ и сказалъ мнѣ: вы жениться не должны! Вотъ и все. Его прислали мои друзья. Ему, видите ли, изъ Петербурга написали: помѣшать этой свадьбѣ, если можно; ну, вотъ онъ и хотѣлъ помѣшать. Чтожъ, онъ свое дѣло добросовѣстно исполнилъ.

— Какимъ-же образомъ онъ могъ ей помѣшать?

— А такъ, вотъ пріѣхалъ и говоритъ. Дурно, говоритъ, поступаешь! Твоя, говоритъ, первая супруга была женщина добродѣтельная, Богу угодная, всѣмъ своимъ ближнимъ истинная сестра... Мнѣ, говорю, это, Ваше Пресвященство, лучше знать.— Ничего, говоритъ, ты не знаешь; коснѣешь въ грѣхахъ.— Ну, я сидѣлъ, слушалъ. А простились мы съ нимъ очень любезно и по французски. Извините, говоритъ, Ваше Превосходительство, если я сказалъ вамъ что-нибудь непріятное. Я, говоритъ, по долгу пастыря, долженъ былъ это сдѣлать.

— Вѣдь вотъ, продолжалъ Ганской, уже совершенно серьезно:— я его не виню; помиуйте, за чтожъ я его буду винить! онъ еще очень деликатно со мной поступилъ. Но я часто себя спрашиваю: что до меня этимъ людямъ? Что я имъ сдѣлалъ? Или они думаютъ, что моя жизнь усѣяна цвѣтами? Деньги имъ мои нужны? Я имъ тысячу разъ говорилъ: берите мои деньги!

Первый разъ я замѣтилъ въ его голосѣ что-то похожее на отчаяніе. Онъ взялъ было опять книгу, но читать ее не могъ и, положивши ее, сталъ безцѣльно смотрѣть на уголь печки. Въ шестомъ часу нужно было ѣхать, потому что вѣнчаніе назначено было въ семь. Когда Ганской вышелъ самъ въ переднюю, чтобы распорядиться чѣмъ-то насчетъ экипажей, одинъ изъ лакеевъ довольно грубо отвѣтилъ, что тутъ и безъ него дѣло знаетъ. Ганской равнодушно посмотрѣлъ на него и вернулся назадъ. Его собственная прислуга весьма мало уважала его и онъ, повидимому, этимъ нисколько не интересовался. Всякіе выговоры и взысканія были ему неприятны и онъ ихъ избѣгалъ. Я не видалъ человѣка, который былъ-бы менѣе его способенъ сдѣлать другому неприятность. По мягкости-ли характера или просто по врожденному отвращенію отъ всякихъ сильныхъ сценъ, или наконецъ, по своимъ мистически-религіознымъ убѣжденіямъ, но онъ былъ ко всему крайне снисходителенъ.

Въ 7 часовъ мы были въ церкви. Это была простая деревенская церковь, съ темной живописью и неизбѣжной картиной страшнаго суда около входныхъ дверей. Холодный придѣлъ былъ запертъ и освѣщенъ только теплый. Подъ низкими сводами его пахло ладономъ, на стѣнахъ лупилась краска, зеленая или голубая, опредѣлить было трудно; мѣдныя ризы на иконахъ были разукрашены вербными цвѣтами, по всему иконостасу тянулись холщевыя крестьянскія полотенца и мѣстами красныя ситцевыя полотнища. Полъ, вытертый мужицкими лаптями, гдѣ на каждой плитѣ лежали сотни мужицкихъ поклоновъ, пошатнувшійся крыльцо, съ котораго пономарь принималъ бабьи просвиры, стоявшій у задней стѣны столъ съ грязными чашками и плошками для кутьи—все напоминало о той гнетущей нищетѣ, которая молилась здѣсь по воскреснымъ днямъ.

И среди этой-то вопіющей бѣдности, облитой трудовыми слезами, стояла теперь красавица-невѣста, вся залитая тысячными кружевами. Когда я взглянулъ на блѣдное, грустно-спокойное лицо ея, мнѣ жаль стало этихъ кружевъ, сотканныхъ для того, чтобы украсить самый печальныйъ часъ ея жизни. Глаза ея были ясны, видно было, что она нѣ плакала въ этотъ день, но какая печальная покорность судьбѣ свѣтилась въ нихъ!.. Невеселая свадьба! подумалъ я. Онъ, тоже какъ-бы угадывая, что его ожидаетъ въ будущемъ, стоялъ задумчивый и пламя свѣчки замѣтно колыхалось въ его рукѣ.

Если-бы этотъ человѣкъ зналъ, какую жертву приносила ему стоявшая съ нимъ рядомъ женщина, онъ съ ужасомъ отшатнулъ

ся-бы отъ нея! Но онъ не зналъ этого. Онъ, обманувшійся въ своемъ первомъ бракѣ, былъ обманутъ теперь во второй разъ!

Когда молодые сѣли въ карету, и она, сверкая своими фонарями, покатилаь среди снѣжной тьмы, я почувствовалъ такое свѣрное ощущеніе, какъ будто я самъ только что женился на мало знакомой мнѣ дѣвушкѣ, отбивши, положимъ, невѣсту у Вагнера...

Возвращаясь позднимъ вечеромъ въ городъ, я напрасно пытался прогнать печальныя мысли, осаждавшія меня, вмѣстѣ съ хлопьями снѣга, въ изобиліи сыпавшагося съ небесъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я какъ теперь помню тѣ опасенія, которыя явились у меня насчетъ будущности, какъ нашего университета, такъ и его попечителя; опасенія, изъ которыхъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро сбылись.

С. Смирнова.

КОРМИЛИЦА.

(Изъ Коше).

Посвящено М. С. Зеленскому.

I.

Сиротой она осталась рано
И служить по фермамъ начала.
Дни святыхъ Мартына и Ивана —
Дни, когда изъ каждаго села
Фермеръ — тузь богатый и капризный,
Нарушая собственный покой,
Для найма себѣ прислуги мѣвной
На базаръ тащится городской.
Угодить легко-ль такимъ персонамъ?
Но она чуть вышла на базаръ —
Всѣ тотчасъ съ привѣтомъ къ ней, съ поклономъ:
Дорогой для нихъ она товаръ.
Молода, свѣжа, румянолица,
Весела, здорова и сильна,
На любой работѣ мастерица:
То приехать, то стряпаетъ она,
То бѣлье стираетъ, то для стада
Корму дать и вычистить въ хлѣву,
То пошьетъ, то на дорожкахъ сада
Выполетъ негодную траву.

Позже всѣхъ ложится; спозаранку,
 Только свѣтъ забрезжетъ — на ногахъ.
 Такъ она за лучшую служанку,
 Прослыла въ окрестныхъ деревняхъ.
 А на счетъ любовныхъ дѣлъ? Объ этомъ
 Тоже свѣтъ дурного ничего
 Не слыхалъ. Но вотъ, запрошлымъ лѣтомъ,
 Вдругъ она влюбилась въ одного
 Молодца-кутилу; въ кирасирахъ
 Прослужилъ онъ цѣлыхъ восемь лѣтъ,
 Былъ смазливъ, героемъ слылъ въ трактирахъ,
 Щегольски причесанъ и одѣтъ,
 Свысока смотрѣлъ на деревенскихъ
 И смущалъ всѣхъ юношей села
 Тѣмъ, что здѣсь сердце не мало женскихъ
 Красота его съ ума свела.
 И когда она ему сказала:
 „Я хочу, чтобъ ты мнѣ мужемъ былъ“, —
 Онъ слегка кобенился сначала,
 Но потомъ умно сообразилъ,
 Что хранить червонцы несомнѣнно
 Гдѣ-нибудь подъ тюфякомъ она,
 И что ихъ онъ можетъ постепенно
 Превращать въ бутылочки вина.
 Бракъ свершенъ. Такихъ проклятыхъ браковъ
 Много есть, и роковой судьбой
 Путь для всѣхъ начертанъ одинаковъ:
 Брачный пиръ съ веселою гульбой,
 Пять-шесть дней животной страсти, вскорѣ
 Вслѣдъ затѣмъ начало ссоръ и дракъ,
 Домъ вверхъ дномъ, супругъ, бѣгущій „съ гора“
 Отъ жены беременной въ кабакъ,
 Нищета...

Но здѣсь еще похуже
 Былъ конецъ: здѣсь тунейца лѣтъ
 Съ звѣрствомъ пса соединилась въ мужъ.
 Родила жена его; въ тотъ день
 Въ домъ все, отъ стула до теленка,
 За долги схватили; но когда
 Своего несчастнаго ребенка
 Негодяй увидѣлъ, — безъ стыда
 Онъ, смѣясь и потирая руки,
 Думалъ: „все теперь улажу я!“

Чтò ему вопль материнской муки?
 Чтò ему погибшая семья?
 Это вздоръ! За то изба, скотина,
 Старый сварбъ избѣгнуть молотка:
 Своего единственнаго сына
 Кинетъ мать; вотще онъ молока
 Будетъ ждать отъ материнской груди;
 Эту грудь страдающая мать
 Понесетъ теперь въ чужіе люди,
 Какъ товаръ, за деньги продавать.
 День-другой она не соглашалась
 Уступить. Но лицемеръ просилъ
 Нѣжно такъ; въ душѣ его, казалось,
 Поворотъ ребенокъ совершилъ;
 Плакалъ онъ и каялся глубоко,
 Говорилъ: „Теперь уже конецъ
 Кутежамъ; отъ этого зарока
 Ни на шагъ: вѣдь я теперь отецъ!
 Голодать мальчишка нашъ не будетъ —
 На рожокъ я посажу его,
 А не то — къ сосѣдѣ; не убудетъ
 У нея здоровья отъ того;
 Прокормить легко двумя грудями
 Двухъ ребятъ...“

И кончилась борьба —
 И пошла съ кровавыми слезами
 Въ дальній путь кормилица-раба.

II.

О, сколько мукъ она пережила
 Въ ту злую ночь, когда ее къ Парижу
 Вагонъ помчалъ изъ милаго села!
 Страдалица! тебя я вижу, — вижу,
 Какъ, прислонясь къ холодному стеклу,
 Ты, слабая, больная, устремила
 Недвижный взоръ въ осенней ночи мглу,
 Холодную, глухую какъ могила...
 Вблизи кружокъ подвыпившихъ солдатъ, —
 Брань, пѣсни, смѣхъ, циническія шутки...

Что въ нихъ тебѣ? Въ твоихъ ушахъ звучать
 Призывныя стenanія малютки.
 Онъ ищетъ мать, онъ тамъ одинъ, больной,
 Въ свой первый день корнстолубьемъ илуга
 Отторгнутый ужъ отъ груди родной —
 Отъ перваго житейскаго пріюта!..

Вотъ и Парижъ. Лакей ливреинный ждалъ
 На станціи, и экипажъ на парѣ
 Лихихъ коней въ богатый домъ примчалъ
 Кормилицу. Въ роскошномъ будуарѣ
 Лежала мать, обвивъ дитя рукой;
 Онъ весь въ шелку и кружевахъ повитый,
 Вокругъ него все радость и покой...
 И этотъ видъ ей, горемъ ужъ убитой,
 Ударилъ въ грудь отравленнымъ ножемъ.
 Предъ ней — дитя, въ сиромъ углу избушки,
 И крикъ его, неслышимый отцемъ,
 Который спитъ мертвецки-пьянымъ сномъ,
 Прида домой съ пріятельской пирушки...

Кормилица взяла барчѣнка; пилъ
 Онъ съ жадностью — былъ голоденъ ребенокъ.
 Вошелъ отецъ; онъ носомъ покрутилъ,
 Поморщившись отъ запаха пеленокъ.
 — Bonjour, ma chèrre!.. А, вотъ ужъ и она!..
 Что-жъ, ничего... здорова, не дурна...
 — Ты думаешь? Отъ всей души я рада!
 Теперь бы мнѣ подробности наряда
 Искусѣ придумать... — М-м-да... но я
 Оставлю васъ... я заваленъ дѣлами...
 И вышелъ онъ, до пальчиковъ ея
 Почтительно дотронувшись губами.

Какъ это все казалось чуждымъ ей,
 Наемщицѣ, — какъ ясно понимала
 Несчастная, что много горькихъ дней
 Ея душѣ въ изгнаньи предстояло!
 Ребенокъ былъ невзраченъ, слабъ и худъ;
 Надъ бѣдною, тщедушною фигуркой
 Стояла смерть отъ первыхъ ужъ минутъ!..
 Въ собраніи, за шумною мазуркой

Присутствіе беременности мать
 Замѣтила не безъ большой досады:
 На милые балы не выѣзжать
 Оставить свѣтъ, блестящіе наряды —
 Лишеніе жестокое!.. Когда
 Пришла пора сказать объ этомъ мужу,
 Онъ произнесъ съ сомнѣньемъ страннымъ: „Да?“
 Но, спохватясь, что выпускать наружу
 Сомнѣнія тавія — не резонъ,
 Когда жена имѣетъ денегъ много, —
 Растрогался и объявилъ, что онъ
 Благодарить за эту радость Бога.

III.

Съ болѣзненнымъ младенцемъ, точно тѣнь,
 По комнатамъ кормилица блуждаетъ
 И съ трепетомъ надежды каждый день
 Печальнаго изгнанія считаетъ.
 Вокругъ нея такая пустота!
 Такъ сумрачны большія залы эти!
 Мать цѣлый день въ разѣздахъ занята,
 Отецъ въ судѣ, на биржѣ или въ свѣтѣ.
 Здорово-ли, что дѣлаетъ дитя —
 Имъ дѣла нѣтъ; порой лишь, на досугѣ,
 Окончивши обѣдъ, супругъ, шутя
 Съ любезностью проговоритъ супругѣ:
 — „Вашъ сынъ, та сдѣге, красавецъ!“ И его
 Онъ поиграть допустить зубочисткой.
 Но матери совсѣмъ не до того:
 Испортившей ея костюмъ модистой
 Она весьма разстроена съ утра;
 На комплиментъ супружескій — ни слова,
 А процѣдить сквозь зубы: „Ужь пора
 Ребенку спать“. И мальчигъ въ дѣтской снова.

Но холодна, безстрастна ко всему
 Страдалица. Что ей питомецъ хилый,
 И чуждые ребенку своему
 Отецъ и мать, и стонъ его унылый,
 И прихоть баръ, рядящая ее

Въ какіе-то мудренне костюмы,
 И съ челядью насмѣшливой житье?
 Что въ этомъ ей? Ея душа и думы
 Тамъ, далеко; онѣ летять вослѣдъ
 За письмами на родину,—и жадно
 Она все ждетъ, когда придетъ отвѣтъ,
 И ей тогда такъ хорошо, отрадно!
 Мужъ пишетъ: „сынъ здоровъ и милъ, растетъ
 Онъ молодецъ; но въ домѣ денегъ мало,
 А кредиторъ сердито пристааетъ...“
 И бѣдная съ восторгомъ цаловала
 Слова письма, въ которомъ лгали ей,
 И отправлять все то домой спѣшила,
 За что она, среди чужихъ людей,
 Тяжелою неволею платила...

IV.

Прошла зима; въ концертахъ, вечерахъ,
 Собраніяхъ дни весело летѣли,
 А между тѣмъ больной ребенокъ чахъ,
 И разъ, когда отецъ и мать смотрѣли
 Дебютъ одной изъ оперетныхъ фей,
 Онъ посинѣлъ и судорожно сжался,
 И на рукахъ кормилицы своей
 Черезъ полчаса въ конвульсіяхъ скончался.
 Вернувшись, мать нашла ужъ трупъ его
 И, бояясь явиться равнодушной,
 Неслышанно трудилась для того,
 Чтобы слезы добиться непослушной.

Кормилица ужъ больше не нужна.
 Пять золотыхъ ей дали въ награжденье
 И снова въ путь отправилась она.
 За то теперь какое нетерпѣнье
 Ее влекло! Теперь къ своей груди
 Она прижметъ вѣдь не чужаго сына!
 Въ деревнѣ тамъ поздоровѣлъ, поди,
 На славу онъ!... И свѣтлая картина
 Въ ея глазахъ. Свинцовый свѣтъ небесъ,
 Глухая степь, одѣтая снѣгами,

Замерзшій прудъ и обнаженный лѣсъ —
 Все для нея весенними цвѣтами
 Ограшено... Ужь близко, близко... Звонъ,
 Какъ тихій зовъ изъ церкви доносился...
 Вотъ и свистокъ,—и, запыхтѣвъ, вагонъ
 На станціи съ толчкомъ остановился.

Конецъ всему!... Но отчего же тутъ
 Такъ холодно? Зачѣмъ такъ полною злобы
 И горечи вой вѣтра? Что встаютъ
 Зловѣщими видѣньями сугробы?
 Зачѣмъ здѣсь все такъ мрачно и мертво,
 Вселяя страхъ, ничѣмъ неодолимый,
 Въ трепещущую душу? Отчего
 Враждебно такъ встрѣчаетъ край родимый?

Спустилась ночь. Деревня спитъ давно,
 Лишь слышится печальный вой собаки,
 Да въ кабакѣ еще освѣщено
 И крипый крикъ веселаго гуляки
 На улицу несется. И она
 Вдругъ затряслась, поднялся дыбомъ волосъ,
 Стоитъ, какъ смерть недвижна и блѣдна...
 Несчастная узнала этотъ голосъ!
 Да, это онъ!... Такъ, значить, гнусный плутъ
 Безстыдно лгаль! Такъ значить, клятвѣ скоро
 Онъ измѣнилъ! Онъ пьетъ, гуляетъ тутъ,
 А тамъ дитя безъ пищи, безъ надзора!...
 И внѣ себя, дрожа, къ избѣ своей
 Она бѣжитъ по улицѣ пустынной...
 Дверь отперта... Какъ здѣсь темно!... Скорѣй,
 Скорѣй огня!... И страшную картиной,
 Какъ молніей, глаза пораженны...
 Въ избѣ сырой, нетопленной и грязной
 Разбитый штофъ, объѣдки ветчины —
 Недавній слѣдъ попойки безобразной;
 А тамъ въ углу, изломана, грязна,
 Ночной приютъ паршиваго котенка,
 Валется умершаго ребенка
 Убогая кроватка...

И она
 Упала навзничь. Жертва свершена.

V.

Съ тѣхъ поръ, въ дому умалишенныхъ,
Сидитъ больная—молода,
Но голова ея сѣда;
Въ глазахъ сухихъ и раскаленныхъ
Тревожный взглядъ; она ногой
Пустую колыбель качаетъ
И къ тощей груди прижимаетъ
Ребенка призракъ дорогой.

Петръ Вейнбергъ.

ЗНАЧЕНІЕ БИРОНОВЩИНЫ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ХІІ.

Во главѣ системы государственнаго управленія, введенной Петромъ Великимъ, былъ поставленъ правительствующій сенатъ. Къ сожалѣнію, личный составъ сената не удовлетворялъ важности того положенія, какое должно было занимать это новое учрежденіе. Частые указы государя, внушавшіе сенаторамъ о прилежномъ занятіи дѣлами и даже о томъ, чтобъ они не болтали въ присутствіи „какъ бабы-торговки“, свидѣтельствуютъ, что сенатъ не отличался особымъ рвеніемъ по исполненію своихъ высокихъ обязанностей. Вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго, съ учрежденіемъ верховнаго тайнаго совѣта, сенатъ потерялъ свое первенствующее значеніе. Съ уничтоженіемъ же совѣта и съ учрежденіемъ кабинета при Аннѣ Ивановнѣ, сенату не могло быть возвращено прежнее его положеніе. Изъ „Очерковъ“ фельдмаршала Миниха видно, что въ сенатъ одни сенаторы ѣздили только для выслушванія лично интересовавшихся ихъ дѣлъ, а другіе и вовсе не ѣздили, будучи недовольны существованіемъ кабинета, подавлявшаго сенатъ. Указъ „о бытіи кабинета“ данъ былъ 10-го ноября 1731 года. Кабинетъ былъ учрежденъ „для лучшаго управленія дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію императрицы“. По названію своему это учрежденіе казалось подражаніемъ тому, что существовало при Петрѣ Великомъ, у котораго былъ также кабинетъ, съ тою, впрочемъ, существенною разницею, что изъ его кабинета, кромѣ партикулярныхъ писемъ и частныхъ ордеровъ, не выходило никакихъ общихъ, а тѣмъ болѣе законодательныхъ распоряженій, такъ, что весь механизмъ государственнаго управленія дѣйствовалъ самостоятельно.

Не смотря на то, что Биронъ не былъ назначенъ членомъ новаго кабинета, здѣсь, какъ въ главномъ средоточіи всѣхъ

важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, слѣдуетъ искать слѣдовъ его личнаго вліянія. Оказывается, однако, что онъ въ учрежденіи кабинета, въ такой самой существенной реформѣ тогдашняго нашего государственнаго управленія, былъ вовсе не причастенъ: Фельдмаршалъ Минихъ въ своихъ „Очеркахъ“ прямо говоритъ, что Остерманъ, ставъ во главѣ государственныхъ дѣлъ, захотѣлъ пополнить пустоту, которая существовала между верховною властью и общимъ государственнымъ управленіемъ. Съ этою цѣлью онъ просилъ Миниха предложить государынѣ объ учрежденіи кабинета, гдѣ бы сосредоточивались всѣ государственныйя дѣла и, откуда исходили бы высочайшіе указы въ сенатъ и въ другія учрежденія. При этомъ Остерманъ потребовалъ, чтобъ членомъ кабинета былъ назначенъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій. Изъ разсказовъ Миниха видно также, что когда шель вопросъ о томъ, кто изъ двухъ непримиримыхъ между собою враговъ, Остермана и Ягужинскаго, назначить членомъ кабинета? то въ этомъ случаѣ Биронъ не былъ главнымъ совѣтникомъ, но вопросъ этотъ разрѣшили вмѣстѣ съ нимъ Минихъ и братья Левенвольды. При томъ и Манштейнъ въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, что Биронъ въ первые два года не вмѣшивался вовсе въ государственныйя дѣла, что только потому онъ пристрастился къ нимъ и управлялъ всѣмъ.

Биронъ оставался безучастнымъ и въ разрѣшеніи другого вопроса о переѣздѣ двора изъ Петербурга въ Москву. Переѣздъ этотъ былъ важенъ въ томъ отношеніи, что съ пребываніемъ двора въ древней столицѣ соединялась мысль о русскомъ его духѣ и о поворотѣ къ старымъ порядкамъ. Минихъ, однако, прямо заявляетъ, что такой переѣздъ былъ рѣшенъ императрицею вслѣдствіе его убѣжденія.

При низверженіи Бирона, его обвиняли въ вмѣшательствѣ во внутреннія государственныйя дѣла. На это обвиненіе онъ отвѣчалъ, что, „если помимо своей оберъ-каммергерской должности, онъ часто по дѣламъ въ совѣтъ призванъ былъ, то въ томъ ему послушно быть было невозможно, токмо, что до государственныхъ дѣлъ, то въ тѣхъ онъ всегда публично отговаривался, представляя въ томъ свое недознаніе, въ чемъ онъ ссылается на тѣхъ, которые часто въ такихъ случаяхъ присутствовали, а въ потребномъ случаѣ можетъ въ томъ и свидѣтелей по именамъ объявить, отъ чего слѣдуетъ, что въ такихъ дѣлахъ отъ него не порядку и интересу предосужденія быть не могло“.

Съ своей стороны фельдмаршалъ Минихъ упоминаетъ, что Биронъ не желалъ даже учиться по русски для того, чтобъ не доглядывать множество просьбъ и бумагъ, поступающихъ къ

императрицѣ. Минихъ выставляетъ такое нежеланіе Бирона какъ отчужденіе его отъ русскихъ, но тѣмъ не менѣе обстоятельство это все таки указываетъ на уклоненіе Бирона отъ постояннаго вмѣшательства во всѣ дѣла, доходившія до императрицы.

Безъ всякаго сомнѣнія Биронъ,—какъ это дѣлали, впрочемъ, и другіе вельможи,—слѣдилъ за тѣми дѣлами, которыя могли касаться интересовъ или его собственныхъ, или близкихъ ему по чему либо лицъ, но такое случайное вмѣшательство, конечно, еще далеко отъ управленія всѣми государственными дѣлами. Въ обвинительныхъ бумагахъ Биронъ не уличался ничѣмъ фактически въ отношеніи его личныхъ дѣйствій по государственному управленію, но въ нихъ сказано было только: „какія въ государственныхъ управленіяхъ и интересахъ помѣшательства учинилъ, о томъ собственная его совѣсть покажетъ и въ обвиненіе ему служить можетъ“. Между тѣмъ если бы были подходящіе къ тому факты, то ихъ несомнѣнно постарались бы выставить въ улику Бирону.

Какое бы, впрочемъ, вліяніе ни имѣлъ Биронъ въ государственномъ управленіи, но во всякомъ случаѣ обвиненіе его судебнымъ порядкомъ за участіе въ совѣтахъ по такимъ дѣламъ представляется крайне несообразнымъ. Онъ присутствовалъ въ совѣтахъ по волѣ самодержавной государыни, имѣвшей безусловное право призывать къ себѣ въ совѣтники кого ей было угодно и затѣмъ принимать или отвергать подаваемые ими мнѣнія. Кромѣ того, если эти совѣтники усвоили себѣ взгляды Бирона по внутреннему убѣжденію, то значить они сами считали его предложенія полезными для государства. Если же они дѣлали это только изъ угодливости передъ временщикомъ, то были столько же и даже еще болѣе виновны, нежели онъ самъ. Вообще же обвиненіе Бирона по этому пункту оказывается собственно обвиненіемъ императрицы Анны Ивановны и ея совѣтниковъ, но никакъ не Бирона.

Кто же были ближайшими сотрудниками императрицы и какія съ своей стороны сдержки противопоставляли они властолюбію и вмѣшательству непрошеннаго нѣмецкаго проходимца?

Первыми русскими вельможами во время бироновщины были вице-канцлеръ графъ Головкинъ и преемникъ его князь Черкасскій, кабинетъ-министры Волынскій, Бестужевъ-Рюминъ, генераль-прокуроръ князь Трубецкій и начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ. Изъ нихъ только Головкинъ оказывалъ нерасположеніе Бирону, но за то всѣ остальные были работливыми угодниками Бирона и заботились гораздо болѣе о положеніи своемъ при дворѣ, нежели о дѣлахъ государственныхъ.

Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, не только по своему официальному значенію, но и по богатству, считался первымъ лицомъ въ государствѣ, а между тѣмъ онъ былъ едва-ли не самымъ ревностнымъ прислушникомъ Бирона и жена его не разъ благодарила письменно временщика „за милости, оказанныя ей мужу, а паче за всякія предстательства у ея императорскаго величества“. Богачъ князь Черкасскій не совѣстился даже выпрашивать себѣ у императрицы черезъ Бирона денегъ, и княгиня Черкасская, упоминая въ одномъ изъ своихъ писемъ объ этомъ, какъ „о милости, оказанной всеподданнѣйшимъ ея величества рабамъ, не сомнѣвалась, что при этомъ и его сіятельство по милости своей предстательство дѣлалъ“.

Не одинъ, впрочемъ, Черкасскій, но и другіе, по видимому, вполне самостоятельныя личности, обращались къ Бирону, какъ къ своему покровителю. Такъ московскій генералъ-губернаторъ графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, родственникъ императрицы, писалъ Бирону слѣдующее: „Пропедашаго 30-го апрѣля получилъ я отъ ея императорскаго величества милостивое письмо и притомъ пожаловала мнѣ, рабу своему, на именины, вмѣсто табакерки, 1,000 рублей; истинно ко мнѣ, рабу, милость не по моей рабской службѣ, истинно съ такой радости и радуюсь и плачу“. За тѣмъ, получивъ черезъ нѣсколько времени выговоръ отъ императрицы, тотъ же графъ Салтыковъ изливалъ свою горестъ передъ Бирономъ въ слѣдующихъ строкахъ: „вашему высокографскому сіятельству, милостивому государю и отцу, слезночистою моею совѣстью доношу, что по указамъ ея императорскаго величества всенижайшее мое исполненіе чиню и болѣе къ смотрѣнію моему я уже не знаю какъ дѣлать. Милостиваго государя и отца со всенижайшею моею покорностію прошу, при благополучномъ времени о всемъ ея величеству доложить.“

Соотвѣтственно тому понятію, какое составилось у насъ о Биронѣ, какъ о чрезмѣрно-завзнавшемся временщикѣ, слѣдовало бы ожидать, что онъ воспользуется такою униженностію одного изъ первыхъ русскихъ сановниковъ. Оказывается, однако, противное. Отвѣтъ Бирона на письмо графа Салтыкова замѣчательнъ по вѣжливому и скромному тону и если Биронъ писалъ порою такіе отвѣты на подобныя письма, заискивавшія его милости, то приходится сказать, что онъ бывалъ далеко отъ того нахальства и той надменности, какія выставляютъ обыкновенными чертами его характера. Онъ такъ отвѣчалъ Салтыкову: „Вашего сіятельства письмо я съ моимъ почтеніемъ получилъ, но токмо, что я изъ него усмотрѣлъ не малую вашу печаль и

о томъ серьезно сожалѣю, а особливо для того, что я про тотъ указъ, который ваше сіятельство отъ ея императорскаго величества получить изволили, до полученія вашего письма былъ невѣдѣнъ, понеже онъ писанъ не здѣсь и не тѣмъ ея величества секретаремъ, который при мнѣ обрѣтается. Что же до меня надлежитъ въ томъ я уповаю ваше сіятельство сами засвидѣтельствовать можете, что я во внутреннія государственныя дѣла ни во что не вступаюсь, кромѣ того, ежели ко мнѣ такая вѣдомость придегъ, по которой можно мнѣ кому у ея величества помогать и услужить сколько возможно или что надлежитъ до пользы и интересу вашему, хоть бы и не по моей должности что было, однако никогда старанія моего прилагать не оставлю и еще надѣюсь, что никто на меня ни въ какой обидѣ жаловать причины не имѣеть*.

Нельзя не согласиться, что съ какимъ предубѣжденіемъ ни смотрѣли бы на Бирона, но все-таки въ настоящемъ случаѣ онъ въ нравственномъ отношеніи представляется нѣсколько выше Салтыкова.

Тотъ же графъ Салтыковъ посылалъ Бирону и женѣ его подарки, которыхъ они впрочемъ не принимали бесплатно. Салтыковъ же приказывалъ женѣ и сыну сходить къ оберъ-камергершѣ „Фонбионовой“ и поблагодарить за „высокую милость“ какъ ее, такъ и ея мужа.

Вообще придворная знать не тяготилась преобладаніемъ Бирона и думала только о томъ, чтобы обратить его въ орудіе „предстательствъ“ предъ государыней. Русскіе вельможи даже начали съ того, что послѣ переворота 28-го февраля приняли Бирона безропотно въ свою среду. Могущество же его происходило вовсе не отъ личныхъ его качествъ. Биронъ не былъ такимъ человѣкомъ, который захватилъ въ свои руки власть послѣ упорной борьбы съ своими политическими и личными врагами и которому приходилось послѣ того держаться на высотѣ умомъ и непреклонною твердостью. Вообще Биронъ, несмотря на все его честолюбіе, былъ личностію довольно ничтожною и при другой обстановкѣ онъ самъ по себѣ не значилъ бы ровню ничего. Фельдмаршалъ Минихъ говоритъ, что Биронъ дѣйствовалъ робко, постоянно совѣтуясь съ Левенвольдомъ; то же повторяетъ и секретарь саксонскаго посольства въ Петербургѣ Лефортъ. Силу свою Биронъ почерпалъ единственно въ самодержавіи Анны Ивановны и, по словамъ Миниха-сына, „все то, что токмо гнуснѣйшая лестъ какъ герцогу, такъ и его фамиліи придумать могла, оное императрица не токмо попускала, но даже въ угожденіе свое поставляла. Напротивъ того, за малѣйшія оскорбленія, учи-

женныя отъ кого-либо всему любимцу, столь сурово взыскивала, по обыкновенію своему, что премоножество на то несчастныхъ примѣровъ имѣлось“.

При такихъ условіяхъ, все принималось предъ Бирономъ и въ сущности онъ не столько поднимался самъ, сколько поднимали его другіе. Зазнаваться же притомъ — дѣло весьма обыкновенное. И это было тѣмъ легче, что тогдашняя знать не имѣла во все того строитиваго духа, подъ вліяніемъ котораго могъ бы явиться какой-нибудь отпоръ Бирону. Напротивъ, она сама выдавала на посмѣяніе своихъ представителей и члены такихъ историческихъ и знаменитыхъ фамилій, какъ князей Голицыныхъ, князей Волконскихъ и графовъ Апраксиныхъ, являлись шутами не на потѣху одного Бирона, но и на потѣху всего двора, т. е. своей же знатной братьи.

По поводу отпразднованной въ ледяномъ домѣ шутовской свадьбы князя Андрея Голицына, — роднаго внука знаменитаго князя Василя Васильевича Голицына, — маркизъ де-Шетарди замѣчалъ: „Напрасно изъ притворнаго снисхожденія къ фамиліи Голицыныхъ, одной изъ первѣйшихъ въ государствѣ, приводятъ въ оправданіе бездарность того, котораго выводили на публичное осмѣяніе, его дурное поведеніе и запрещеніе звать его отнынѣ иначе, какъ только именемъ, даннымъ ему при крещеніи, онъ все-таки принадлежитъ къ знатной фамиліи и его посрамленіе неумѣстно“. Отсутствіе же всякой щекотливости въ тогдашнихъ нашихъ вельможахъ Шетарди объясняетъ тѣмъ, что они были „знатны только по имени, въ дѣйствительности же они были рабы и такъ свыклись съ рабствомъ, что большая часть изъ нихъ не чувствовала своего положенія“. Добавимъ къ этому, что все устройство такой шутовской свадьбы принялъ на себя — Волынский.

Князь Яковъ Петровичъ Шаховской, одинъ изъ самыхъ благонамѣренныхъ людей того времени, избѣгалъ, по собственнымъ своимъ словамъ, всего, что „могло служить къ поврежденію“. Безъ всякаго сомнѣнія, такого правила держались и всѣ царедворцы, такъ что каждый изъ нихъ предпочиталъ общему благу свое собственное спокойствіе. Тотъ же князь Шаховской, когда Биронъ назначилъ его управляющимъ полиціею, на укоръ герцога, зачѣмъ онъ промѣнялъ его, было, на Волынскаго, отвѣчалъ: „мнѣ всегда надобно было благосклонность къ себѣ Волынскаго честными поведеніями снискивать: понеже кабинетъ-министръ, который первѣйшія государственныя дѣла производитъ, повѣренность и всегдашній къ монархіи съ своими со-вѣтами доступъ имѣеть, всегда въ состояніи просвѣтить или затемнить тѣхъ службы и добрыя поведенія, которые еще далеко

за ихъ спинами находятсѣ⁴. Очевидно, что о „честныхъ поведеніяхъ“ имѣлись тогда особня понятія, которыхъ никто не стыдился придерживатьсѣ, и князь Шаховской, заявляющій объ этомъ съ такимъ простодушіемъ, не видитъ въ своемъ псѣательствѣ ни у Волынскаго, ни у врага его, Бирона, ничего предосудительнаго, но, напротивъ, не безъ удовольствія замѣчаетъ, что послѣ такого объясненія его свѣтлость показалъ ему „благосклонный видъ“.

Что касается оппозиціи Бирону со стороны дворянства, то и въ этой средѣ Биронъ не встрѣчалъ противниковъ, ни какъ временщика, ни какъ регентъ. Впрочемъ, какъ отъ этого сословія, такъ и отъ народа, Биронъ стоялъ вдалекѣ и вся власть его, какъ мы увидимъ, тяготѣла лишь надъ царедворцами. Кромѣ того, и дворянству, и народу, при отсутствіи представительныхъ учреждений, не было иной возможности заявить свое неудовольствіе, какъ только или глухимъ ропотомъ, или насильственнымъ возстаніемъ, которое, однако, никогда не можетъ организоваться безъ благопріятныхъ къ тому условій.

Но, кромѣ знати, дворянства и народа, существовало еще одно особое сословіе, въ которомъ всего болѣе должно было бы встрѣчать себѣ противодѣйствія господство временщика-иновѣрца. Это кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, если прочесть, что говорилось нашими духовными витіями послѣ паденія нѣмецкаго господства. Такъ, наиримѣръ, Амвросій Юшевичъ, архіепископъ новгородскій, 18-го ноября 1741 года, восхваляя Елизавету въ своей проповѣди и вспоминая о недавно-минувшихъ временахъ, говорилъ: „на благочестіе и вѣру нашу православную наступили, но такимъ образомъ и предметомъ будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредное христіанству суевѣріе искореняютъ. О! коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили, монаховъ поразстригли и перемучили, дажѣ сколько сотъ церковниковъ въ рекруты перебрали!“

Несмотря, однако, на рисуемое въ такомъ печальномъ видѣ положеніе нашей церкви, среди ея не было никакого отпора Бирону, а по вступленіи его въ регентство, высшее церковное правительство—святѣйшій синодъ, предписалъ поминать въ церквахъ его имя во всѣхъ случаяхъ, гдѣ поминается царствующій домъ.

Даже представители такого первенствовавшего въ государствѣ учрежденія, какъ сенатъ, не рѣшались,—когда это было очевидною необходимостію,—постоять за свою честь и за свое достоинство. Князь Щербатовъ рассказываетъ, что Биронъ въ поѣздкѣ своей къ границамъ Курляндіи, нашелъ мосты въ неисправно-

сти, отъ чего карета его испортилась. По возвращеніи въ Петербургъ, герцогъ потребовалъ къ себѣ сенаторовъ и сказалъ, что онъ „ихъ, вмѣсто мостовинъ, велитъ для исправленія мостовъ положить“. Никто, однако, не пикнулъ передъ Бирономъ. „Сіе перваго правительства присутствующіе — правительства, къ которому Петръ-Великій толикое почтеніе имѣлъ (пишетъ князь Щербатовъ) — принуждены были отъ любимца-чужестранца вытерпѣть“.

Положимъ, что въ виду такой выходи излишне даже распространяться о нахальствѣ Бирона, но тѣмъ не менѣе нельзя не спросить: достойны ли были и сенаторы лучшаго съ его стороны обращенія, если они „безмолвственно“ выслушали такую дерзость? Кажется, что здѣсь не можетъ быть односторонняго обвиненія, т. е. обвиненія противъ одного только Бирона, потому что лица, не поддерживающія своего достоинства сами, теряютъ, по своей винѣ, всякое право на уваженіе.

XIII.

Безъ сомнѣнія, самымъ важнымъ событіемъ въ исторіи бировщины является назначеніе герцога курляндскаго регентомъ имперіи. Съ этого времени Биронъ законнымъ образомъ сталъ во главѣ Россіи. Вопросъ объ учрежденіи регентства вводитъ насъ въ глубь тогдашнихъ придворныхъ интригъ; но какъ бы сильны онѣ ни были, мы съ своей стороны считаемъ предоставленіе регентства Бирону фактомъ вполне послѣдовательнымъ, и смотримъ на это, какъ на неизбѣжное завершеніе того положенія дѣлъ, какое существовало при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ. Мы уже имѣемъ понятіе о томъ, какія личности стояли во главѣ тогдашняго правительства и не встрѣчаемъ среди ихъ такихъ людей, которымъ можно было ввѣрить правленіе государствомъ или лично одному, или даже образовавъ изъ нихъ коллективное регентство. Въ послѣднемъ случаѣ происки и раздоры были бы неизбѣжнымъ зломъ.

Повидимому, право на регентство принадлежало ближайшимъ образомъ матери императора-младенца, но къ устраненію ея отъ такого права, какъ мы увидимъ, представлялись весьма уважительныя соображенія, не говоря уже о томъ, что самый характеръ принцессы Анны Леопольдовны, лѣнливой и безпечной, не ручался нисколько за ея способность быть правительницею Россіи, что впоследствии и оправдалось на дѣлѣ, въ особенности

когда въ саксонскомъ посланникѣ, графѣ Линарѣ, ея любимцѣ, стали предугадывать новаго Бирона.

По низверженіи регента, однимъ изъ главныхъ противъ него обвиненій выставлялись его интриги и происки для полученія регентства. Сомнѣваться въ томъ, что самъ Биронъ вовсе не добивался власти правителя было бы крайне неосновательно, но онъ не могъ бы достигнуть званія регента, еслибы дорога къ этому не была подготовлена прежнимъ его положеніемъ, которое, въ свою очередь, создалось вслѣдствіе возстановленія самодержавной власти Анны Ивановны.

Главною основою для обвиненія Бирона въ присвоеніи имъ себѣ правъ регента служили тѣ соображенія, что еслибы завѣщаніе о регентствѣ „не было внесено, то императрица не подумала бы о немъ“; что „она медлила подписать завѣщаніе“, „изъ чего — говорилось въ сентенціи о казни Бирона четвертованіемъ — довольно уразумѣть можно, что регентство его ея величеству не угодно было“. Съ первымъ изъ этихъ соображеній согласиться не трудно. Мы знаемъ, что и въ настоящее еще время составленіе завѣщанія считается обыкновенно предвѣстіемъ смерти и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Анна Ивановна, слѣдую стародавнему предразсудку, отлагала составленіе завѣщанія и могла даже умереть, не подписавъ его, еслибы не было сдѣлано въ этомъ отношеніи никакихъ настояній. Что же касается завѣщанія собственно о предоставленіи регентства Бирону, то это кажется вполне естественнымъ, и было бы ошибочно предполагать здѣсь какія-либо особыя прямыя или косвенныя принужденія со стороны самого Бирона. При тѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ, какія постоянно, въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, существовали между императрицей и ея любимцемъ, она никого не могла предпочесть Бирону и не могла оказывать никому болѣе довѣренности, какъ ему. Да и самая медленность въ подписаніи акта о регентствѣ Бирона объясняется, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, не нежеланіемъ исполнить это, но заботою о будущности Бирона, который, оставаясь въ Россіи по смерти государыни, лишался всякой опоры. О предоставленіи же регентства Аннѣ Леопольдовнѣ императрица едва-ли могла думать; это было предрѣшено еще при вопросѣ о назначеніи наслѣдника, такъ какъ и тогда поводомъ къ отстраненію отъ престола принцессы мекленбургской была, между прочимъ, принята въ соображеніе „опасность отъ предпріятій отца принцессы, чловѣка завѣдомо безпокойнаго“. Казалось весьма вѣроятнымъ, что при полученіи Анною Леопольдовою регентства, герцогъ мекленбургскій, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, явится

въ Россію и не только приобрѣтетъ вредное для Россіи вліяніе надъ своею дочерью, но и постарается нашими силами метать Ганноверу и Австріи, съ которыми у него были свои личные счеты.

Чтобы опредѣлить личную виновность Бирона въ устройствѣ регентства въ свою пользу, нужно посмотрѣть на сколько, помимо его, двигали это дѣло его ревностные клеветы. О предоставленіи регентства Бирону, самымъ усерднымъ образомъ хлопотали русскіе сановники: канцлеръ князь Черкасскій, генераль Ушаковъ, адмиралъ графъ Головинъ, кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Трубецкой, оберъ-штабмейстеръ князь Куракинъ, генераль-поручикъ Салтыковъ и гофъ-маршалъ Шелелевъ, не говоря уже о подписи многими другими русскими челобитной и „позитивной деклараціи“ о назначеніи регентомъ герцога курляндскаго. Упомянутымъ сановникамъ, при объявленіи имъ прощенья, поставлялось на видъ, что если-бы они не принялись за это дѣло, то самъ Биронъ никогда бы и не смѣлъ помыслить о томъ, чтобы быть регентомъ. Съ вѣрностію этого замѣчанія, какъ кажется, согласиться не трудно.

Изъ „Записокъ“ Миниха-сына, — который, конечно, не имѣлъ ни малѣйшаго повода говорить что-либо въ пользу Бирона, — видно, что когда съ императрицей сдѣлался опасный припадокъ, то герцогъ тотчасъ-же позвалъ къ себѣ фельдмаршала Миниха, Черкаскаго, Бестужева и Левенвольда. „По пріѣздѣ Миниха, Биронъ, проливая потоки слезъ, горевалъ объ императрицѣ, говоря, что послѣ кончины ея не можетъ ничего добраго предвидѣть для себя въ такой землѣ, гдѣ, какъ ему не безизвѣстно, онъ имѣетъ больше враговъ, нежели друзей и что онъ за всѣ свои труды не ожидаетъ ничего, кромѣ неблагодарности и ненависти, что наслѣдникъ еще младенецъ въ колыбели, что нѣтъ никакого гласнаго распоряженія о наслѣдствѣ, что шведы нападутъ на Россію, что правленіе нужно вѣрить такой особѣ, которая не токмо списала достаточную опытность въ государственныхъ дѣлахъ, но также имѣетъ достаточно твердости духа, чтобы удержать непослушный народъ въ повиновеніи, что онъ ничего не можетъ сказать противъ принцессы Анны, но что она пригласитъ отца, дастъ ему участие въ правленіи и что герцогъ менденбургскій, который, по своему вртутому праву, не могъ ушить-ся съ своими подданными, станетъ смѣнять дочь на предпріятія вредныя, что принцемъ Антономъ-Ульрихомъ станетъ украшать вѣнскій дворъ и Россія будетъ вовлечена во всѣ раздоры австрійскаго дома.“

Такъ говорить съ глазу на глазъ Биронъ съ Минихомъ и

нельзя не отдать полной справедливости той разсудительности, какою отзывалась вся эта рѣчь. Наѣрно можно сказать, что если бы она принадлежала не ненавистному Бирону, а комунибудь другому, то давно-бы приводилась нашими историками, какъ образецъ не только вѣрнаго, но и патриотическаго взгляда на тогдашнее положеніе Россіи.

По словамъ Миниха-сына, герцогъ не успѣлъ окончить эту рѣчь, какъ вошли Черкасскій и Бестужевъ. Биронъ повторилъ имъ тоже самое, не сдѣлавъ никакого заключенія изъ своей рѣчи. При такомъ условіи прямодушіе ихъ должно было-бы рѣшить все дѣло; имъ стоило только согласиться съ тѣмъ, что Биронъ выставлялъ передъ ними съ такою откровенностію относительно своего собственнаго положенія въ Россіи. Вышло, однако, иначе: „Черкасскій первый принялся восхвалять Бирона и сказалъ Бестужеву, что онъ окажетъ услугу всей имперіи, если станетъ просить герцога, дабы онъ благоволилъ и впредь обращать вниманіе и попеченіе свое къ пользѣ и славѣ государства. Бестужевъ безусловно приступилъ къ этому предложенію. Минихъ же и Левенвольдь—говоритъ авторъ тѣхъ „Записокъ“, на которыя мы ссылаемся—видя, что тѣмъ и описно будетъ пресловутый, заблагоразсудилъ на сей случай худому послѣдовать приѣзду“.

Минихъ-сынъ, считая все это притворствомъ со стороны Бирона, пишетъ далѣе: „Когда Биронъ изъявлялъ желаніе, то отвѣтствовалъ, что такое предложеніе должно крайне удивлять его, если-бы онъ не почиталъ искреннѣйшую любовь и дружбу ихъ единственными въ тому побужденіемъ, но что онъ самими имъ предоставляется разсудить, какъ мало въ публичнѣ найдется участниковъ въ такихъ патриотическихъ распоряженіяхъ, что онъ чужестранецъ, что милость къ нему императрицы возбудила противъ него безчисленные завистниковъ; что-же будетъ тогда онъ понуждать верховную власть? Далѣе Биронъ упоминалъ о томъ, что императрица защищала его отъ враговъ, что онъ такъ награжденъ ея милостию, что не желаетъ ничего болѣе, какъ пристойнымъ образомъ отъѣхать въ отчизну, что онъ пока на это рѣшиться не можетъ и считаетъ нужнымъ учредить на слѣдующій день совѣтъ изъ знаменитыхъ особъ сената, генералитета и что нужно прежде всего объявить о наслѣдникѣ“. Признавая приведенный нами разсказъ наиболѣе правдивымъ изложеніемъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ установилось регентство въ пользу Бирона, и считая даже на основаніи его, что самъ Биронъ сталъ заботиться о захватѣ власти, нельзя не видѣть въ словахъ Миниха-сына весьма важнаго историческаго факта.

Означается, что могущественный вѣжливѣйшій, въ виду пра-

близавшагося перелома въ его судьбѣ, терялся, не имѣя около себя никого, съ кѣмъ-бы онъ могъ объясниться вполне откровенно. Онъ находилъ нужнымъ притворствовать передъ людьми, повидимому, самыми близкими къ нему и это уже доказываетъ совершенное его личное безсиліе. Между тѣмъ люди, которымъ онъ объяснялъ свое затруднительное положеніе въ Россіи, не только не подтвердили его справедливаго на счетъ этого мнѣнія, но, напротивъ, отводили его отъ подобныхъ мыслей и заявили, что онъ нуженъ для пользы и славы имперіи. Понятно, что послѣ этого со стороны Бирона было-бы глупо останавливаться на полдорогѣ. Положимъ, что Биронъ виноватъ, какъ коварный честолюбецъ, но не виновны-ли Бирона оказываются его льстецы и прислужники. Чтоже однако руководило ими? На такой вопросъ мы находимъ слѣдующій отвѣтъ.

„Обстоятельство это, т.-е. предложеніе регентства Бирону—говоритъ Минихъ-сынъ—было столь щекотливо, въ какомъ только честный человѣкъ находится можетъ, потому что если-бы императрица оправилась, то одной недѣли достаточно было для погубленія того, кто захотѣлъ-бы въ глаза сказать герцогу чистую правду. Чаятельно—добавляетъ авторъ „Записокъ“—не покажется въ семь дѣлъ поступокъ отца моего страннымъ и съ здравымъ разсудкомъ несомнѣстнымъ“.

Такимъ образомъ страхъ не собственно передъ Бирономъ, который послѣ смерти императрицы обращался въ ничтожество, но передъ государыней, заставилъ даже такого храбреца, какъ Минихъ, угождать ея любимцу. Этимъ чувствомъ, съ большею примѣсю къ нему личныхъ расчетовъ, руководились, конечно, и неизмѣнные угодники Бирона — князь Черкасскій и Бестужевъ-Рюминъ.

Фельдмаршалъ Минихъ всю вину по составленію акта о врученіи регентства Бирона сваливаетъ на Остермана, который будто-бы составилъ этотъ актъ безъ вѣдома императрицы и подалъ ей только для подписи.

Изъ слѣдственнаго дѣла о Бестужевѣ-Рюминѣ видно, что онъ былъ заводчикомъ всего предпріятія въ пользу Бирона; онъ обвинялся въ томъ, что „прежде нежели пришелъ къ Бирону, говорилъ о регентствѣ и другихъ къ тому склонить искалъ“, что онъ „составилъ позитивную декларацію и листъ, яко-бы вся нація бывшаго герцога регентомъ желаетъ имѣть“, а также и въ томъ, что потомъ „неслыханнымъ образомъ къ подписанію сего листа націю принудилъ, призывая всѣхъ и приневоливая подписывать, выпуская въ министерскую только человѣка по два, по три“. Съ своей стороны Бестужевъ, не отвергая этого обвиненія, ссылался

на то, что дѣйствовалъ такимъ образомъ по приказанію регента. Но противъ такого оправданія ему замѣчено было, что герцогъ „многодажды вѣйше въ принятіи регентства отговаривался и что между нимъ съ Бестужевымъ были соглашенія и установленныя интриги, дабы тѣмъ кого-либо обольстить и очи ослѣпить“.

Изъ другога-же слѣдственнаго дѣла, производившагося при Елизаветѣ Петровнѣ, оказалось, что Минихъ „главнѣйшую повинность имѣеть въ томъ, что Биронъ въ дѣло о правительствѣ вступилъ, ибо де онъ первѣйшій о томъ говорилъ и непрестанно просилъ и возбуждалъ и во вѣки-бы онъ, Биронъ, правительства не принялъ, ежели по представленію онаго Миниха его прошенія и предложенія того не сдѣлалось“.

Въ свою очередь Биронъ объяснялъ это дѣло въ такомъ-же смыслѣ. По показаніямъ его, Минихъ говорилъ ему, что министры, привыкшіе уже къ его, Бирона, образу дѣйствій никому другому подчиниться не желаютъ. Минихъ же заявилъ, что желаніе имѣть Бирона регентомъ не ограничивается однимъ простымъ желаніемъ собравшихся вельможъ, но составляетъ волю великаго и могущественнаго государства. Сановники настаивали на этомъ и Биронъ, по словамъ его, не вида возможности вернуться отъ возложенныхъ на него обязанностей, потребовалъ прибавленія къ акту о правѣ сложить регентство. Сановники, по разсказу Бирона, согласились провозгласить его регентомъ и тогда даже если-бы императрица не утвердила подобнаго акта. Собрались, чиновныя лица и изъ нихъ 190 человекъ добровольно обязались дѣйствовать въ пользу Бирона. Они условились подать императрицѣ прошеніе о назначеніи Бирона регентомъ, въ числѣ ихъ былъ и вице-канцлеръ графъ Головкинъ, извѣстный недоброжелатель Бирона, который, въ виду этого, даже и не надѣялся на искренность предпріятія, полагая, что заговоръ составляется въ пользу графини Головкиной, двоюродной племянницы Анны Ивановны.

При такой путаницѣ показаній, конечно, трудно добраться до истины; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что среди дворцовой знати были усердные прислужники Бирона, которые въ самую рѣшительную минуту не только не удерживали его отъ полученія регентства, но, напротивъ, подбивали къ этому. Вообще къ дѣлу о регентствѣ примѣняются какъ нельзя болѣе слова самого Бирона, объяснявшаго, что „никто такой христіанской совѣсти не имѣлъ, чтобъ ему въ томъ отсовѣтовать“. Это выраженіе весьма отчетливо обрисовываетъ личную ничтожность самого Бирона.

KIV.

Послѣ таковой подготовки къ установленію регентства Вирона, нужно было, чтобъ предоставляемое ему право получило утверженіе императрицы. Устроить это взялся графъ Остерманъ, уже нѣсколько лѣтъ невѣзавшій изъ дому, но теперь рѣшившійся дѣйствовать въ виду того, что дѣло Вирона было безъ проигрыша. Для составленія манифеста о регентствѣ, онъ пригласилъ генерала Ушакова, адмирала графа Головина, оберъ-италий-стера князя Куракина, генераль-прокурора князя Трубецкаго, генераль-поручика Салтыкова и гофмаршала Шепелева. На другой день всѣ эти лица собрались у Вирона. Манифестъ о наслѣдникѣ былъ уже подписанъ и войска присягнули великому князю Іоанну Антоновичу. Тогда приступили къ разсужденію объ управленіи государствомъ. „Всѣ—говоритъ Минихъ-сынъ— не токмо согласились, что герцогъ признается способнѣйшимъ къ тому особю, но за нужно сочли объ этомъ единогласномъ мнѣніи сдѣлать письменное представленіе императрицѣ, прося, чтобъ она, одобривъ оное, склонила Вирона къ принятію регентства до 17-ти-лѣтняго возраста императора. Остерманъ принялъ это на себя, но только черезъ два дня получилъ аудіенцію. Созваны были, между тѣмъ, отъ 40 до 50 знатнѣйшихъ воинскихъ, статскихъ и придворныхъ чиновъ, которые, представивъ необходимость для государства имѣть регента въ лицѣ герцога, понудили согласныхъ на то подписать свои имена“.

„Трудно, однако, было склонить Анну Ивановну, продолжаетъ Минихъ-сынъ. Она приняла бумаги, но не подписала“. Виронъ вздумалъ дѣйствовать черезъ принцессу Анну Леопольдовну, но она заявила, что не мѣшалась никогда въ дѣла государственныхныя, да въ настоящемъ случаѣ ей было непріятно, еслибы она напомнила императрицѣ о смерти; что, вѣроятно, сама императрица сдѣлаетъ распоряженіе, но что ей не непріятно будетъ видѣть герцога регентомъ. Отвѣтъ этотъ переданъ членамъ совѣта, которые и побѣжали къ принцессѣ склонить ее. Отвѣта не было; и тогда самъ Виронъ сталъ склонять Анну. „Я сомнѣваюсь о тебѣ-герцогъ, ты несчастливъ будешь“, сказала ему государыня, въ отвѣтъ на его просьбу. Известно, что въ исторіи очень часто бывають пророчества, заносимыя въ нее уже послѣ тѣхъ событій, которыя они будто бы предрекали. Но всей вѣроятности и это пророчество принадлежитъ къ разряду подобныхъ. По словамъ же Миниха-отца назначеніе Вирона регентомъ не встрѣ-

тило со стороны императрицы никакого возраженія, — и когда Остерманъ представилъ ей составленный имъ объ этомъ, безъ вѣдома императрицы, манифестъ, то она, обратясь къ Бирону, только спросила его: „равнѣ тебѣ это нужно?“ Ясно, что въ этихъ словахъ умиравшей государыни, выражалась полная готовность подписать актъ о регентствѣ, если только такой актъ былъ пригоденъ самому Бирону.

Минихъ-сынъ говоритъ, что Биронъ не отставалъ, пока императрица не подписала желаемого имъ акта. Тогда Остерманъ объявилъ собранію о назначеніи герцога регентомъ, а явившійся туда Биронъ сказалъ присутствующимъ: „господа! вы поступили, какъ римляне!“

Въ оправдательной своей запискѣ Биронъ, разумѣется, не говорилъ ничего о своемъ домогательствѣ у императрицы. По словамъ его, Анна, подписавъ актъ, повала Ушакова и сказала: „я подумала о всѣхъ васъ, вы будете мною довольны!“ Какъ бы мало ни вѣрили мы въ искренность словъ Бирона, но едва ли рассказъ его не представляется самымъ вѣроятнымъ. При тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали между императрицею и Бирономъ и при томъ безграничномъ довѣрїи, какое она ему оказывала, трудно предполагать, чтобъ Анна упорствовала въ назначеніи его регентомъ. Кромѣ того, вся обстановка этого дѣла была такая, что она льстила самолюбію Анны. Бирона приглашали въ регенты лица, окружавшія императрицу, и одно это заставляло утѣшаться ее мыслью, что выборъ ею Бирона въ долготѣнїе друзья не былъ ошибоченъ, такъ какъ онъ внушилъ къ себѣ общее уваженіе и довѣрїе до такой степени, что близко знавшіе его вельможи зовутъ его въ правители государства.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но Биронъ сдѣлался регентомъ имперїи, и, какъ надобно было ожидать, на продолжительное время, потому что совершеннолѣтіе императора должно было наступить только въ 1758 году. Иностранцы объясняли желаніе Бирона получить регентство страхомъ очутиться въ Митавѣ въ кругу надменнаго и безпокойнаго дворянства, которое его ненавидѣло. Толковали, что онъ соблазнится примѣромъ правителя Персїи, Кули-хана, который, свергнувъ съ престола молодого шаха, самъ занялъ его мѣсто. Къ такимъ толкамъ примѣшивались еще толки романическаго свойства. Рассказывали, что Биронъ, неравнодушный къ Елизаветѣ Петровнѣ, расчитывалъ, въ случаѣ смерти своей боленненькой жены, жениться на ней и, такимъ образомъ, прїобрѣсти право на русскій престолъ.

Въ манифестѣ, отъ 6-го или точнѣе 17-го октября 1740 года, объ учрежденіи регентства сказано было: „соимъ наследнннхъ всту-

пить не въ возрастныхъ лѣтахъ, когда онъ самъ правительство вести въ состояніи не будетъ, то во время его малолѣтства правительство и государствованіе именованнаго его управляемо будетъ чрезъ достаточнаго къ такому важному правленію регента“, и далѣе: „опредѣляемъ и утверждаемъ симъ нашимъ высочайшимъ повелѣніемъ регентомъ Государя Эрнста-Іоанна, владѣющаго свѣтлѣйшаго герцога Курляндскаго, Лифляндскаго и Семигальскаго, которому во время бытія его регентомъ, даемъ полную мочь и власть управлять всѣ государственныя дѣла, какъ внутреннія, такъ и иностранныя и, сверхъ того, въ какія бы съ кою иностранною державою въ пользу Имперіи нашей договоры и обязательства вступилъ и заключилъ и онны имѣютъ быть въ своей силѣ, какъ бы отъ самаго Всероссийскаго Самодержавнаго Императора было учинено, такъ что по Намъ наслѣдникъ долженъ оно свято и ненарушимо содержать. Не меньше же регенту по такой порученной ему власти вольно будетъ о содержаніи сухопутной и морской силы, о государственной казнѣ, о надлежащихъ по достоинствамъ и по заслугамъ въ Россійской Имперіи награжденіяхъ и о всѣхъ прочихъ государственныхъ дѣлахъ такія учрежденія учинить, какъ онъ, по его разсмотрѣнію, за потребное въ пользу Россійской Имперіи изобрѣтетъ“.

Такимъ образомъ, Биронъ получалъ самодержавную власть на долгое время и предоставленныя ему права должны были оставаться за нимъ и при другомъ наслѣдникѣ. Мало этого, еслибы великій князь Іоаннъ Антоновичъ и братья его умерли, не оставивъ послѣ себя законныхъ наслѣдниковъ и если „будетъ предвидѣться иногда о ненадежномъ наслѣдствѣ, тогда долженъ онъ, регентъ, для предостереженія постоянного благополучія Россійской Имперіи, заблаговременно съ кабинетъ-министрами, сенатомъ и генераль-фельдмаршалами и прочимъ генералитетомъ о установленіи наслѣдства крайнѣйшее попеченіе имѣть и по общему съ ними согласію въ Россійскую Имперію Сукцессора избрать и утвердить, и по такому согласному опредѣленію имѣть оныи Россійской Имперіи Сукцессоръ въ такой силѣ быть, яко бы по Нашей Самодержавной Власти отъ Намъ Самихъ избранъ былъ“.

Въ манифестѣ, между прочимъ, было сказано, что онъ, герцогъ Курляндскій, „сію тягость изъ единой къ Намъ и Государству Нашему, и подданнымъ Нашимъ любви и ревности склонился“. Въ заключеніе, Бирону предоставлялась свобода сложить съ себя регентство съ тѣмъ, чтобъ онъ назначилъ въ томъ же порядкѣ, какъ слѣдовало назначить сукцессора, въ замѣнъ себя правленіе на малолѣтство наслѣдника.

Назначеніе Бирона регентомъ не возбудило никакой оппозиціи

ни въ народѣ, ни въ обществѣ. Была только пустая болтовня одного матроса Толстаго, писаря Куракова, и между прислугой цесаревны Елизаветы, да еще подслушали „вольныя рѣчи „поручика преображенскаго полка Ханькова. Изъ этихъ лицъ Толстой не пошелъ къ присягѣ регенту для того, что государствомъ повелѣно править такому генералу, каковы у него, Толстаго, родственники генералы были. Толстаго сослали въ Оренбургъ, чего, впрочемъ, онъ, по своей глупости, едва ли и заслуживалъ. За тѣмъ прочія лица были собственно не противъ самого Бирона, но противъ брауншвейской фамиліи, лишившей престола Елизавету. Что же касается толковъ между ея прислугой, то „его высочество регентъ російской имперіи, разсуждая, что по тому дѣлу дальнѣйшей важности не показалось, а явились только непристойныя враги, того ради именемъ его императорскаго величества, указать по вышезложенному дѣлу болѣе не слѣдовать“.

Затѣмъ возгласы нашихъ историковъ о томъ, что назначеніемъ Бирона регентомъ были недовольны все общество и весь народъ, слѣдуетъ считать риторическими только фразами. Напротивъ, стоявшія выше прочихъ учрежденія и лица кинулись угождать ему и раболѣпствовать передъ нимъ. Такъ на третій день послѣ смерти Анны Ивановны, кабинетъ, сенатъ и синодъ, совершенно устраненный по манифесту о регентствѣ отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, обще съ генералъ-фельдмаршалами и прочимъ генералитетомъ, по довольномъ разсужденіи согласно опредѣлили и утвердили: „его высококняжескую свѣтлость, отъ сего времени, во всякихъ письмахъ титуловать по сему: его высочество, регентъ Російской Имперіи, герцогъ Курляндскій, Лифляндскій и Семигальскій“. Одновременно съ этимъ синодъ разослалъ указъ о возношеніи на этеняхъ имени „Государя“ Эрнеста-Іоанна, въ тѣхъ случаяхъ, когда по уставу церкви слѣдуетъ такое возношеніе именъ лицъ царствующаго дома. На ежегодное содержаніе Бирона сенатъ опредѣлилъ 500,000 рублей. Для выраженія же вѣщнаго уваженія къ особѣ регента всѣ стали цѣловать его руку.

XV.

Какими бы путями ни достигъ Биронъ власти правителя, но во всякомъ случаѣ власть эта являлась вполне законной съ точки зрѣнія тогдашняго нашего государственнаго права. Регентство Бирона установилось ни вслѣдствіе государственнаго пере-

ворота, не вслѣдствіе насилія при помощи солдатчины. Права его происходили непосредственно отъ самодержавной власти, возстановленной императрицею Анной Ивановной, и были обезпечены актомъ, правильность котораго никто явно не оспаривалъ. Но противъ этихъ правъ начались тайные подконы, и они велись не изъ патріотическихъ побужденій, а изъ собственныхъ расчетовъ. Здѣсь были только придворныя интриги, но вовсе не народное или общественное движеніе противъ ненавистнаго иноземца.

Изъ всѣхъ вельможъ царствованія Анны былъ въ недружелюбныхъ отношеніяхъ къ Бирону графъ Михаилъ Головинъ, женатый на княжнѣ Ромодановской; онъ говорилъ о Биронѣ „вольными рѣчи“, но, несмотря на это, уцѣлѣлъ. Онъ и при назначеніи Бирона регентомъ высказывалъ свое неудовольствіе передъ офицерами, хотя самъ и участвовалъ въ подписи относившихся къ тому актовъ. По поводу такихъ неудовольствій, служившій въ ревизіонъ-коллегіи подполковникъ Любимъ Пустошкинъ отправился къ нему и Головинъ, уклоняясь самъ отъ того, чтобы стать во главѣ недовольныхъ, посоветывалъ Пустошкину побывать у князя Черкаскаго, съ тѣмъ, чтобы поговорить съ нимъ о подачѣ просьбы касательно предоставленія регентства Аннѣ Леопольдовнѣ. Черкасскій, однако, поступилъ въроломно. Онъ похвалилъ Пустошкина и его сообщниковъ и пригласилъ ихъ на завтра къ себѣ, а самъ тотчасъ же отправился къ Бирону и далъ ему обо всемъ письменное показаніе. Изъ произведеннаго надъ Пустошкинымъ слѣдствія оказалось, что онъ еще 6-го октября совѣтовалъ подать просьбу отъ „россійскаго шляхетства“ о томъ, чтобы правленіе было вручено Аннѣ Леопольдовнѣ.

До какой степени слабо было неудовольствіе общества и народа противъ Бирона, это видно изъ того, что и упомянутое покушеніе противъ Бирона объяснилось не общественнымъ движеніемъ, а тѣмъ менѣе народнымъ, но лишь происками весьма немногихъ приверженцевъ брауншвейгской фамиліи.

Происки эти подали Бирону поводъ къ упрекамъ принца Антона-Ульриха. Биронъ называлъ его неблагодарнымъ и кровожаднымъ, регентъ обвинялъ принца въ томъ, что онъ „масакръ, т. е. рубку людей или замѣшаніе зачинать хочетъ“. Дѣло доходило до того, что Биронъ желалъ „развестись съ принцемъ поединкомъ“ или, по другому выраженію, „шпагами“. Наконецъ, принцъ принужденъ былъ выйти въ отставку, подавъ прошеніе своему сыну, въ которомъ относительно побужденія въ отставкѣ онъ писалъ: „Понеже я нынѣ по вступленіи вашего император-

сваго величества на всероссийскій престолъ мои военныя чины неизложитъ желанію, дабы при вашемъ императорскомъ величествѣ всегда неотлучно быть". Подписываясь „низжайшимъ рабомъ“, принцъ Антоны-Ульрихъ просилъ уволить его отъ званія подполковника семеновскаго полка, генераль-лейтенанта „отъ армей“ и полковника одного кирасирскаго полка.

Такому удаленію принца изъ рядовъ русскаго войска предшествовали слѣдующія обстоятельства.

23-го октября принцъ былъ призванъ въ чрезвычайное собраніе кабинеть-министровъ, сенаторовъ и генералитета. Регентъ изложилъ здѣсь дѣло Граматина, адъютанта принца, на основаніи показаній, сдѣланныхъ приверженцами брауншвейгской фамиліи въ тайной канцеляріи и спросилъ принца, чего ему хотѣлось? Тотъ отвѣчалъ, что хотѣлъ провозвести бунтъ и завладѣть регентствомъ. Тогда Ушаковъ прямо заявилъ, что онъ поступилъ бы съ принцемъ въ такомъ случаѣ такъ же строго, какъ и съ послѣднимъ подданнымъ его величества. Послѣ этого Биронъ сказалъ: „такъ какъ я имѣю право отказаться отъ регентства, то, если это собраніе сочтетъ ваше высочество больше меня къ сему способнымъ, я сію же минуту передамъ правленіе вамъ. Тутъ многіе заявили, что просятъ герцога продолжать правленіе для блага всей земли. Тогда Биронъ, указывая на лежавшее на столѣ распоряженіе Анны Ивановны о регентствѣ, спросилъ Остермана: та ли это бумага, которую онъ относилъ въ подлинки императрицы? Остерманъ отвѣчалъ утвердительно, но Биронъ не удовольствовался этимъ и потребовалъ, чтобы всѣ подписали бумагу и приложили печати. Всѣ, а въ томъ числѣ и принцъ Антоны исполнили это требованіе. Затѣмъ принцъ подписалъ приведенную выше заранѣе приготовленную просьбу. Принцесса же Анна бросилась на шею регента, прося его не придавать дѣлу принца огласки и общааясь смотрѣть за своимъ супругомъ.

Все это весьма наглядно рисуетъ духъ тогдашняго нашего общества и объясняетъ возможность существованія среди его личностей, подобныхъ Бирону.

Въ то время, когда власть регента казалась упроченною, близилось его паденіе. Оно, однако, произведено было не народною волею, не протестами общества, не произошло только вслѣдствіе раздоровъ между самими же нѣмцами. Честолюбивый Минихъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на власть Бирона и помышлялъ объ его низверженіи. 7-го ноября Анна Леопольдовна жаловалась фельдмаршалу на регента. На другой день Минихъ сообщалъ принцессѣ, что онъ готовъ схватить и арестовать Бирона. Принцесса согласилась и 120 человекъ преобразенцевъ, т.-е. такихъ

же самыхъ людей, которые слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ способствовали возстановить самодержавную власть Анны Ивановны, разрушили теперь государственный порядокъ, установленный именемъ этой власти... Обстоятельства низверженія Бирона на столько извѣстны, что излишнимъ было бы здѣсь повторять объ этомъ.

9-го ноября вышелъ манифестъ, подписанный синодомъ, министрами и генералитетомъ, т.-е. тѣми же лицами, которые, не дажѣ, какъ три недѣли тому назадъ, приносили присягу на вѣрность регенту, присвоили ему титулъ высочество и, не болѣе какъ за двѣ недѣли просили продолжать правленіе для блага всей земли. Въ этомъ манифестѣ отъ имени императора Ивана III объявлялось, что хотя по предписанію императрицы Анны Ивановны регентомъ Россійской Имперіи былъ назначенъ герцогъ Курляндскій, но ему велѣно было свое регентство вести по государственнымъ правамъ, конституціямъ и прежнимъ уставамъ, и особливо велѣно было не токмо о дражайшемъ здравіи и воспитаніи Нашемъ (манифестъ былъ изданъ отъ имени императора Ивана Антоновича) попеченіе имѣть, но и къ родителямъ Нашимъ и ко всей императорской фамилиі почтеніе оказывать. Но—заявлялось, въ манифестѣ—вмѣсто должнаго тому исполненія, онъ дерзнулъ не токмо многіе противные государственнымъ правамъ поступки чинить, но и къ любезнѣйшимъ Нашимъ родителямъ великое непочтеніе и презрѣніе оказывать и, при томъ съ употребленіемъ непристойныхъ угрозъ и такіа дальновидныя и опасныя намѣренія объявить дерзнулъ, которыми не только любезнѣйшіе родители Наши, но и Мы сами, и покой и благополучіе имперіи Нашей въ опасное состояніе приведены быть могли. И потому принуждены были по усердному желанію и прошенію всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ духовнаго и мірскаго чина онаго герцога отъ регентства отрѣшить и по тому же прошенію всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ оное правительство поручить Нашей государынѣ-матери“.

Такимъ образомъ, изъ манифеста оказывается, что Биронъ былъ лишенъ регентства по усердному желанію и прошенію всѣхъ русскихъ; тогда какъ на самомъ дѣлѣ о предпринятыхъ противъ регента замыслахъ никто даже и не зналъ и всѣмъ этимъ дѣломъ орудовалъ только фельдмаршалъ Минихъ.

Когда низвергнутаго регента обвиняли въ „уничтожительныхъ и безотвѣтныхъ его поступкахъ противъ императорской фамиліи и принца Брауншвейгскаго“, то онъ ссылаясь на самую Анну Леопольдовну и упоминалъ, что отклонилъ императрицу отъ намѣренія отправить принцессу къ ея отцу. Бирона обвиняли въ

томъ, что онъ унижалъ герцога Брауншвейгскаго, Биронъ отвѣчалъ на это, что принималъ принца съ честью, которая высокому егѣ рожденію прилична, не хуливалъ ни приватно, ни публично, о храбрости его подъ Очаковымъ, а также достохвальникъ поступковъ по совѣсти донашивалъ, что поступки, его, Бирона, противъ родителей его величества были всегда совѣстные и внушеній противъ нихъ и ко врученію ему регентства не было. При этомъ онъ ссылаясь на министровъ и на генералитетъ, а также и на то, что онъ самъ предлагалъ вручить правленіе принцессѣ или принцу, на что Анна Леопольдовна отвѣчала, что она, кромѣ здоровья нынѣ владѣющаго государя и общей въ государствѣ тишины, ничего не желаетъ. Оправдывая свои отношенія къ брауншвейгской фамиліи, Биронъ упоминалъ, что онъ съ своей стороны представлялъ принцессѣ, что въ нынѣшнемъ случаѣ и во время порученнаго ему правительства безъ змыкъ внушеній съ обѣихъ сторонъ не будетъ, и просилъ, чтобъ ихъ высочества о такихъ внушеніяхъ ему всегда объявляли, что онъ и съ своей стороны общалъ дѣлать. Какъ на свидѣтелей онъ ссылаясь на случившихся при этомъ многихъ изъ генералитета. Далѣе онъ объяснялъ, что „въ изложеніе всѣхъ военныхъ чиновъ съ принца Брауншвейгскаго онъ собралъ весь сенатъ, генералитетъ и гвардіи маіоровъ и требовалъ ихъ разсужденія, которое въ томъ состояло, что ежели его высочество въ тѣхъ чинахъ быть не желаетъ, то его къ тому приневоливать не можно“. Далѣе Биронъ отзывался, что „никакихъ угрозъ ихъ величествамъ ни публично, ни приватно не бывало“, а что донесено будто онъ хотѣлъ развестись съ его высочествомъ пединкомъ, то это явная ложь, такъ какъ ссоръ у него съ принцемъ не бывало.

Всѣ эти обвиненія, заявленныя противъ Бирона, относятся собственно къ обстоятельствамъ тогдашней придворной жизни и сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія въ такъ называемой бироновщинѣ, почему мы и не останавливаемся на подробномъ ихъ обсужденіи.

XV.

Въ числѣ слѣдователей по обвиненіямъ, нападшимъ на Бирона, находился и прежній его угодникъ, грозный начальникъ тайной канцеліи генералъ Ушаковъ, обвинившійся и самъ въ содѣйствіи Бирону для полученія регентства. 21-го ноября 1741 года Ушаковъ получилъ указъ отъ имени императора Іо-Т. ССХІ. — Отд. I.

анна III, въ которомъ повелѣвалось ему, вмѣстѣ съ сенаторомъ генераль-лейтенантомъ Леонтьевымъ, секундъ-майоромъ Воейковымъ и камергеромъ Эмпсомъ, допросить Бирона въ Шлюссельбургѣ „о нѣкоторыхъ пунктахъ до противныхъ поступковъ и намѣреній его касающихся и о многочисленныхъ его противъ Бога, государя и всего государства важныхъ и тяжкихъ преступленіяхъ и преступленіяхъ, для приведенія его въ надлежащее чювствіе и для явнаго его обличенія“. Ушаковъ, который за нѣсколько дней тому назадъ „настрожайше экзаменовалъ“ въ тайной канцеляріи попадавшихся туда пациентовъ, оговариваемыхъ въ замыслахъ противъ регента, принялся теперь допрашивать бывшее его величество самымъ придирчивымъ образомъ.

Первое изъ всѣхъ обвиненій заключалось въ нехожденіи Бирона въ воскресные дни въ церковь Божию. Въ допросныхъ пунктахъ, предложенныхъ Бирону, говорилось между прочимъ: „черезъ многіе годы присмотрѣно, что онъ никакого закона не имѣлъ и не содержалъ“, Биронъ отвѣчалъ на это, что ему отъ ея императорскаго величества никуда было отлучиться „невозможно, и когда куда гулять выѣзжалъ, и въ томъ прежде у ея величества принужденъ былъ отпрашиваться и безъ доклада никуда не ѣзжалъ. Объясненіе это не было, однако, признано уважительнымъ и въ особой припискѣ по этому пункту замѣчено было: „зачѣмъ онъ, по примѣру другихъ знатныхъ господъ, при себѣ кирхи и пастора не имѣлъ?“ Ушаковъ явился обвинителемъ Бирона и относительно жестокостей въ тайной канцеляріи. Биронъ отвѣчалъ, что изъ дѣлъ этой канцеляріи извѣстно, за что взяты туда лейбъ-гвардіи офицеры и другіе чины и, какъ затѣмъ имъ по силѣ ихъ преступленія по указамъ и правиламъ истязаніе было, онъ же невинныхъ людей къ истязаніямъ и пыткамъ не приводилъ. Далѣе Биронъ обвинялся въ томъ, что онъ былъ охотникъ до балагурствъ. Отвѣтъ его по этому пункту заключается въ томъ, что „всему свѣту извѣстно, что онъ, Биронъ, до мірскихъ забавъ, до шутовъ и балагурствъ не охотникъ. А какія между придворными шутами балагурства произошли, — въ томъ ему отвѣтствовать не можно — самодержавная государыня при себѣ дѣлать повелѣвала“. Въ вину Бирону поставлялось также и то, что послѣ случившагося въ Петербургѣ пожара, петербургскимъ обывателямъ „малослышанныя жестокости показаны: со многихъ домовъ кровли, перилы, лѣстницы и другія строенія въ самое глубокое осеннее время поломаны, и бѣдные обыватели въ великое и напрасное развореніе введены“. Биронъ отвѣчалъ, что объ этомъ донесено ея высочеству, Аннѣ Лео-

пользовиѣ, неправильно, что, напротивъ, онъ тогда самъ спорилъ съ полиціею и представлялъ объ ея дѣйствіяхъ императрицѣ, и что по его представленію вышелъ указъ, данный въ Петергофѣ, по которому полиціи „о неразумныхъ ея поступкахъ отвѣтствовать велѣно“. Не было упущено изъ виду и то обстоятельство, что Биронъ отправилъ въ Курляндію каменщиковъ, и что тѣмъ онъ остановилъ строеніе не только въ Петербургѣ, но и въ крѣпостяхъ. На такое обвиненіе Биронъ отвѣчалъ, что сдѣлалъ это съ позволенія ея величества по указамъ и, что къ той работѣ были употреблены вольные мастеровые люди по договору, съ платежемъ довольныхъ денегъ. Вообще противъ Бирона было составлено по одному акту до 30, а по другому до 60 обвинительныхъ пунктовъ. Въ числѣ такихъ пунктовъ, о которыхъ мы уже говорили, находились еще пункты, обвинявшіе Бирона въ произнесеніи непристойныхъ словъ противъ императрицы Анны Ивановны. Биронъ отвѣчалъ, что онъ такихъ словъ не произносилъ ни при ея жизни, ни публично, ни приватно и требовалъ, чтобъ ему представили того, кто говорить это. Онъ отрицалъ также, будто отзывался объ императрицѣ, что она „развратна“, сознаваясь, что говорилъ только, что она „капризесна или упряма“. Въ чемъ, по словамъ его, соглашалась съ нимъ и государыня, говоря, что ей нельзя бытъ не „капризесной“, потому что ея родители такими были.

Бирону ставилось въ вину и небреженіе о здоровьи государыни, и то, что онъ не хотѣлъ объявлять о болѣзни императрицы для того, „чтобъ всякихъ военныхъ и статскихъ чиновъ люди не могли молиться объ ея выздоровленіи“. При этомъ упоминалось, что скрывая болѣзнь государыни, только „объявляли временемъ будто ручка, а временемъ ножка болитъ“. Вообще, какъ было сказано въ обвинительныхъ пунктахъ, нерадѣніе Бирона о здоровьи ея величества „въ сильнѣйшемъ градусѣ оказалось“.

Самымъ существеннымъ обвиненіемъ противъ Бирона было обвиненіе его „въ дальновидныхъ намѣреніяхъ“. Намѣренія эти заключались въ угрозахъ привести въ Россію принца голштинскаго, какъ наследника престола. Если-бы это и было справедливо, то Биронъ въ сущности хотѣлъ сдѣлать тоже самое, что черезъ два года потомъ сдѣлала императрица Елизавета Петровна. Но Биронъ отвергалъ подобные замыслы и упоминалъ, что сама императрица Анна Ивановна „объявляла нѣкоторое отъ принца опасеніе“. По объясненію Бирона, онъ узналъ отъ фельдмаршала Миниха и отъ другихъ, что французскій посланникъ еще за четыре мѣсяца до кончины Анны Ивановны о не-

*

надежномъ ея здоровьи писалъ, а также и о томъ, что голштинскій принцъ поѣхалъ во Францію. Между тѣмъ въ Петербургѣ оказался его портретъ. Эти извѣстія, по словамъ Бирона, привели его въ сомнѣніе и онъ полагалъ, что въ виду этого требуется осторожность, но въ тоже время говорилъ, чтобъ ихъ высочества на счетъ этого опасенія не имѣли, потому-что, если бы принцъ голштинскій и находился въ Россіи, то все-же намѣренія своего исполнить не можетъ. За тѣмъ никакихъ болѣе разсужденій не было, въ чемъ онъ и ссылался на Миниха и ихъ высочества, а также и на то, что оставшіяся его письма могутъ свидѣтельствовать, что у него въ „Голстиндіи“ никакой корреспонденціи не бывало. Желая доказать брауншвейгской фамиліи свое расположеніе, Биронъ упоминалъ о томъ, что онъ самъ просилъ Анну Ивановну объявить принца Ивана наслѣдникомъ русскаго престола, но она на то не соглашалась, говоря, что „если объявить его великимъ княземъ, то всякъ больше будетъ за нимъ ходить, нежели за нею“. Бирона обвиняли и въ томъ, что онъ титулъ высочества „не по природѣ принялъ“, что онъ хотѣлъ наступить на императорскій „незлюбивый“ домъ и всю императорскую фамилію искоренить.

На ряду со всѣми этими обвиненіями явились еще и слѣдующія: всѣ милости и награжденія только чрезъ его одного и по однимъ его страстямъ происходили. Далѣе, что онъ провѣдывалъ какъ въ народѣ: тихо-ли? Что онъ говорилъ объ Остерманѣ, будто Остерманъ дѣла таскаетъ, отлагая въ даль и называлъ Черкаскаго лѣнливимъ; что онъ сильными своими нападеніями у россійскихъ нѣкоторыхъ людей забралъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, чрезъ что оныхъ къ раззоренію привелъ; что онъ хотѣлъ изъ гвардейскихъ полковъ удалить шляхетство и ввести мужиковъ.

Главнымъ обвинителемъ Бирона явился облагодѣтельствованный имъ Бестужевъ-Рюминъ, какъ по наущенію Миниха, захватившаго въ свои руки власть послѣ низверженія регента, такъ и изъ желанія спасти свою жизнь. По словамъ англійскаго резидента Финча, Бестужевъ не выдержалъ, однако, торжественныхъ упрековъ Бирона, упалъ передъ нимъ на колѣни и повинился въ клеветѣ.

Ссылка Бирона на то, что онъ владѣтельный герцогъ и что онъ, какъ вассалъ Рѣчи Посполитой, не можетъ быть судимъ безъ депутата отъ Польши, не была принята въ уваженіе.

8-го апрѣля судьи приговорили бывшаго регента — четвертовать, а имѣніе конфисковать; но смертная казнь, „по природному великодушію“ императора Ивана Антоновича, и „въ разсужденіи

добровольнаго признанія“, замѣнена ссылкой бывшаго герцога Курляндскаго со всею его фамиліею, съ его братьями и съ зятемъ Висмаркомъ, которые „въ винѣ оскорбленія величества приличились.“ Все ихъ имѣніе было велѣно отписать на государя и содержать ихъ въ вѣчномъ заключеніи, „дабы тяжкое оное гоненіе и наглыя обиды, которыя вѣрные подданные отъ него потерпѣли, безъ всякаго взысканія не остались, такъ-же всему тому, что государству и общему покою и благополучію опасно и вредительно быть можетъ, такимъ образомъ вдругъ предупреждено было“.

Этотъ любопытный манифестъ, какъ мы уже замѣтили однажды, начинается воспоминаніемъ о Годуновѣ, который по искорененіи древней фамиліи царей російскихъ, избранъ былъ на царство своими совѣтниками и единоплеменниками и правель, было, російское государство къ совершенному паденію, если бы промыслъ Божій тому не воспрепятствовалъ. Въ манифестѣ отъ 14 апрѣля о вѣчномъ заключеніи бывшаго герцога Курляндскаго онъ былъ обвиненъ „въ невинномъ пролитіи крови и въ мучительскомъ заточеніи многихъ знатныхъ особъ духовнаго и свѣтскаго чина, въ коварствахъ и интригахъ, направляемыхъ противъ императора и въ томъ, что чрезъ своихъ креатуръ различные способы употреблялъ въ Россійской имперіи, яко самовластному государю быть и, наконецъ, въ полученіи не по достоинству своему неисчислимаго богатства.

„Многихъ знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ,—говорилось въ манифестѣ,—которыхъ противными быть себѣ разсудилъ, чрезъ свои неправедныя и весьма ложныя, вымышленныя клеветы, нѣкоторыхъ за весьма неважныя вины, а иныхъ и безвинно кровь пролилъ, а другихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ въ заточеніяхъ голодомъ и жаждою и несносными человѣческому естеству угнетеніями даже до смерти умучилъ и дома и фамиліи ихъ до основанія раззорилъ, о чемъ явно по имѣющимся оригинальнымъ дѣламъ въ нашей тайной канцеляріи“. При такой ссылкѣ обвиненіе Бирона въ пролитіи человѣческой крови представлялось несомнѣннымъ. Вопросъ былъ только въ томъ, кто могъ-бы навести справки по „оригинальнымъ дѣламъ тайной канцеляріи“? Обвинительный манифестъ противъ Бирона оканчивался объявленіемъ, что онъ „хотѣлъ всероссійскіе прежніе законы и права до основанія истребить“.

Мы увидимъ впоследствии какое настоящее значеніе должно придавать всѣмъ этимъ ужаснымъ обвиненіямъ.

XVI.

Ознакомясь съ тѣми условіями, при какихъ возникла, а затѣмъ и пала таѣ называемая у насъ бироновщина, мы видимъ, что, по официальнымъ актамъ виновникомъ ея былъ—злбный временщикъ. Въ виду этого и при поверхностномъ знакомствѣ съ нашею исторіею XVIII столѣтія приходится думать, что до Бирона Россія благоденствовала и что только кровожадный чужестранецъ уничтожилъ ея благоденствіе. Мы уже сказали прежде, что такую мысль проводятъ обыкновенно наши историки, относя тогдашнія бѣдствія Россіи къ жестокости, подозрительности, властолюбію и алчности Бирона. Впервые высказался въ такомъ смыслѣ Мальгинъ, сочинитель „Зеркала Россійскихъ Государей“, и таѣ какъ взглядъ его на бироновщину развивался впослѣдствіи все болѣе и болѣе, въ томъ-же направленіи, то и Биронъ, вслѣдствіе этого представляется какимъ-то чудовищемъ, извергомъ, безжалостно губившимъ Россію.

Говоря о царствованіи Анны Ивановны, Мальгинъ писалъ: „въ правленіе ея, посредствомъ извѣстнаго, честолюбиваго и алчнаго вельможи Бирона, великая и едва-ли не превосходившая царя Іоанна Васильевича Грознаго, употребляема была строгость съ суровствомъ, жестокостію и крайнимъ подданныхъ удрученіемъ даже до того, что въ столицахъ мужъ съ женою, отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью, другъ съ искреннимъ своимъ безъ опасности, безъ многихъ тайныхъ доносителей не только на улицахъ и общенародныхъ мѣстахъ, но и въ самыхъ нѣдрахъ домовъ своихъ о угнетенномъ и бѣдственномъ своемъ состояніи промолвить, а часто о незапномъ и безвѣстномъ отлученіи искренняго своего провѣдать не смѣли и не могли. Страхъ, уныніе и отчаяніе обладали всѣми, никто не былъ безопасенъ о свободѣ и жизни своей; нерѣдко малѣйшее успокоеніе и самое ложе въ темницу обращались, гдѣ безчисленное множество было жертвою лютости и безчеловѣчія; знатные липались свободы, чести, имѣнія и жизни, а простолюдины и крестьяне отъ несомыхъ налоговъ, безвременнаго и жестокаго правеча недоимокъ, во всемъ почти государствѣ отъ недорода хлѣба, бѣдности и угнетенія происходившихъ, изъ отечества спасались бѣгствомъ за границы до нѣскольکو сотъ тысячъ, и отъ сего-то случая въ пограниченіи Россійскомъ многія опустѣли селенія, а въ Бѣлоруссіи, Польшѣ, Молдавіи, Валахіи и прочихъ зарубезныхъ мѣстахъ огромныя произрасли селидѣбы нашихъ соотчичей. Кончиною сей государыни и низ-

верженіемъ потомъ Бирона, яко главнѣйшаго орудія честолюбія, ненасытости и всѣхъ угнетеній, всѣ оныя суровости прекратилися“.

Дѣйствительно, положеніе Россіи въ періодъ времени отъ 1730 по 1740 годъ не представляетъ отрадной картины, но вопросъ, во первыхъ, въ томъ, было-ли такое положеніе исключительнымъ, временнымъ только явленіемъ, и, во вторыхъ, были ли Биронъ прямымъ, а тѣмъ болѣе умысленнымъ виновникомъ такого положенія? На это вообще можно отвѣчать, что бироновщина чувствовалась собственно только при дворѣ, и что было бы чрезвычайно ошибочно переносить совершавшіяся тамъ событія въ народную жизнь, которая шла своимъ старымъ, слишкомъ печальнымъ чередомъ, при чемъ личное вліяніе Бирона не отзывалось на ней никакими новыми небывалыми до того суровостями и жестокостями, ни особыми угнетательными системами. Чтобъ разъяснить все это, обратимся къ подробному разсмотрѣнію тѣхъ обвиненій, какія обыкновенно взводятъ на Бирона наши историки.

Прежде всего Бирона обвиняютъ въ томъ, что при немъ въ Россіи чрезвычайно утвердилось господство нѣмцевъ. Дѣйствительно, при поверхностномъ взглядѣ, бироновщина представляется самою благоприятною порою для развитія нѣмецкаго преобладанія въ Россіи. Такъ мы видимъ, что императрица Анна Ивановна подтвердила всѣ прежнія права своихъ нѣмецкихъ подданныхъ въ прибалтійскихъ провинціяхъ; что дѣла высшаго государственнаго управленія находились въ рукахъ нѣмцевъ, Остермана, Миниха и Левенвольда и что вообще вліятельными лицами при русской государынѣ были нѣмцы. Между тѣмъ, такъ какъ Биронъ былъ порою нѣмецъ и такъ какъ онъ имѣлъ безграничное вліяніе на императрицу, то въ виду всего этого и слѣдуетъ придти къ заключенію, что именно въ силу его вліянія и оказалось у насъ такое преобладаніе нѣмцевъ. Но такой выводъ будетъ ошибоченъ.

Надобно прежде всего сказать, что политическое преобладаніе иноземцевъ въ Россіи составляетъ довольно замѣтную черту во всей нашей исторіи. Не говоря уже о подчиненіи первыхъ зачатковъ нашей государственной жизни какимъ-то безвѣстнымъ пришельцамъ-варягамъ, должно обратить вниманіе на то, что высшій, преобладавшій у насъ классъ служилыхъ государевыхъ людей сложился первоначально изъ иноземцевъ. Доказательствомъ тому служить „Бархатная книга дворянскихъ родовъ“, хранящаяся въ департаментѣ герольдіи. Изъ нея видно, что все наше древнее дворянство происходитъ исключительно отъ иноземцевъ, которые, пріѣзжая къ великимъ князьямъ тверскимъ,

рязанскимъ и московскимъ, получали высшія должности и боярскій санъ, при чемъ въ кормленіе давались имъ города и волости. Иноземное происхожденіе древняго нашего дворянства до такой степени обыкновенно, что даже, напримѣръ, такіе, поименованному, коренные русаки, какъ Протопоповы и Пупковы описываются, по свидѣтельству „Родословной книги“ (Москва 1787 года), нѣмцами по происхожденію!

Въ заволжскихъ мѣстностяхъ почти весь преобладающій классъ—дворянство, составлялся изъ потомковъ татарскихъ мурзъ и мордовскихъ панковъ, которымъ отдавалось во владѣніе, на крѣпостномъ правѣ, мѣстное русское населеніе. Мысль, что высшее у насъ сословіе должно было образоваться не изъ туземцевъ, выразилась весьма ясно еще при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ: примемъ, когда составлялись дворянскія родословныя книги, требовалось, по общей для того формѣ, указать: „кто отъволь выѣхаль?“ Впослѣдствіи при Екатеринѣ Великой, по установленному и существующему донинѣ образцу родословныхъ для древнихъ дворянскихъ фамилій, каждый родоначальникъ такой фамиліи предполагается не кореннымъ русскимъ, но иноземцемъ, „выѣквашивъ въ Россію“.

Иноземцы всегда встрѣчали у насъ радушный пріемъ. Приливъ къ намъ иностранцевъ былъ такъ великъ, что при Годуновѣ находилось въ русской службѣ 8,000 нѣмцевъ; а царь Михайла Федоровичъ взымалъ на службу всѣхъ иностранцевъ, „кромя французанъ и иныхъ палежской вѣри“. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было множество нѣмцевъ въ русской службѣ, они были тѣлохранителями русскаго царя. Когда, во время мятежа противъ боярина Морозова, отрядъ нѣмцевъ съ распущенными знаменами и съ барабаннымъ боемъ проходилъ по Москвѣ на защиту царскаго дворца, то москвичи не только не были противъ нихъ, но кланялись имъ и говорили, что у нихъ етъ нѣмцамъ никакой недружбы нѣтъ, такъ какъ они знаютъ, что нѣмцы люди честные и никакихъ обмановъ и притѣсеній не хвалятъ. Петръ Великій открылъ еще болѣе широкій доступъ иноземцамъ въ Россію и они до Бирона успѣли уже присвоить себѣ большую силу въ правительственныхъ сферахъ. Такъ въ 1726 году у насъ было 5 полныхъ генераловъ и изъ нихъ два иноземца; прочихъ генераловъ 19 и изъ нихъ 8 иноземцевъ; 22 бригадира и изъ нихъ 5 иностранцевъ и 115 полковниковъ, изъ которыхъ 32 были иностранцы. При самомъ избраніи на престолъ Анны Ивановны одна пятая всѣхъ гражданскихъ сановниковъ, одна треть генералитета въ арміи и двѣ трети во флотѣ были изъ иностранцевъ и остзейцевъ.

За тѣмъ если мы видимъ, что въ Бироновщину самыми главными дѣятелями явились у насъ Остерманъ и Миникъ, то нельзя не принять въ соображеніе, что служебная карьера ихъ обоихъ была сдѣлана еще до Бирона. Съ своей-же стороны Биронъ не оказывалъ Миниху особенной благосклонности, а Остермана хотѣлъ если не удалить совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, ослабить его вліяніе и съ этою именно цѣлью противопоставилъ ему министра изъ русскихъ—Волинскаго. Что-же касается Рейнгольда Левенвольда, то онъ возвысился при дворѣ еще до Бирона и, независимо отъ его покровительства, былъ, по словамъ Волинскаго, „столь вѣрнокъ въ милости ея величества, что никогда поколебленъ быть не можетъ“. Слѣдовательно и помимо Бирона при дворѣ господствовала самостоятельная нѣмецкая партія. За тѣмъ численное преобладаніе начальниковъ-нѣмцевъ въ нашихъ войскахъ во время Бироновщины нельзя считать какимъ-то исключительнымъ явленіемъ, особенно въ виду того, что даже и теперь существуетъ подобный фактъ. Такъ изъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ 1871 году, въ „Военномъ Сборникѣ“, видно, что при 2^о/о рядовыхъ изъ нѣмцевъ, у насъ считается изъ той-же національности, 24^о/о оберъ-офицеровъ, 58^о/о штабъ-офицеровъ, и 74^о/о генераловъ...

Выгодное положеніе служащихъ въ Россіи нѣмцевъ установилось собственно при Петрѣ II, а не при Биронѣ. Такъ, 14 марта 1729 года, повелѣно было: офицерамъ изъ эстляндцевъ и лифляндцевъ давать жалованье, какое давалось прочимъ иностранцамъ, а эти послѣдніе получали оклады гораздо болѣе, нежели природныя русскіе. Если-бы подобное распоряженіе явилось во времена Бирона, то безъ всякаго сомнѣнія, оно считалось-бы явнымъ признакомъ благодатной поры для нѣмцевъ и на него указывали-бы, какъ на рѣзкую черту Бироновщины. Между тѣмъ, на перекоръ утвердившемуся у насъ мнѣнію о покровительствѣ нѣмцевъ въ эту пору, приходится сказать, что если впервые до нѣкоторой степени подтянули ихъ у насъ, такъ это именно при Биронѣ. Чрезвычайно страннымъ покажется такое обстоятельство, но такъ было на дѣлѣ.

Изъ указа, даннаго въ 1732 году мы видимъ, что находившіеся въ русской службѣ лифляндцы и эстляндцы потеряли ту привилегію относительно окладовъ жалованья, какая, какъ мы сказали выше, дана была имъ при Петрѣ II. Упомянутый указъ отмѣнилъ прежнее весьма обидное и крайне несправедливое для природныхъ русскихъ постановленіе, по которому они противъ нѣмцевъ получали жалованье „съ великимъ уменьшеніемъ“. Такъ, напримѣръ, вывѣзшіи изъ-за границы нѣмецъ, а съ 1729 года и

остзейскій, будучи полковникомъ, получалъ жалованья 600 руб.; нѣмецъ, родившійся въ Россіи 400 рублей; „дѣйствительной-же природной российской“ только 200 рублей. Привилегія, которою пользовались нѣмцы, послѣ ея отмѣны въ 1732 году, не была восстановлена во все продолженіе бироновщины.

Кромѣ того, до бироновщины, офицеры изъ эстляндцевъ и лифляндцевъ служили подъ нашими знаменами довольно ухищреннымъ способомъ. Бѣльшая часть изъ нихъ, передъ началомъ войны, „представляя свои разныя нужды, просили абшидовъ“, а потомъ, пробывъ военное время въ домахъ, просились снова на службу „паче въ остзейскіе гарнизоны“, куда и были принимаемы „съ нѣкоторымъ аванжемъ“. Такія продѣлки были пресѣчены до нѣкоторой степени указомъ отъ 29 ноября 1738 года, когда повелѣно было принимать „абшидованныхъ“ нѣмцевъ вновь на службу „съ разсмотрѣніемъ и съ необидою служащимъ въ полкахъ“. Кромѣ того военная коллегія опредѣлила: „иностранныхъ офицеровъ, такъ же и эстляндцевъ и лифляндцевъ въ остзейскіе гарнизоны не опредѣлять, а въ армію“.

Само собою, впрочемъ, разумѣется, что если бы всемогущій въ ту пору Биронъ мирволилъ нѣмцамъ, то онъ не только не допустилъ бы отнять у нихъ прежнія преимущества и льготы, но, напротивъ, постарался бы предоставить имъ новыя.

Подтверженіе Анною Ивановною привилегій остзейскихъ нѣмцевъ не является также послѣдствіемъ бироновскаго вліянія въ пользу нѣмцевъ. Такое подтверженіе было повтореніемъ только того, что было сдѣлано императоромъ Петромъ II, который 14 марта 1729 года утвердилъ привилегіи города Риги, а также эстляндскаго и лифляндскаго рыцарства, при чемъ тогдашнему рижскому губернатору Чернышеву запрещено было „вступать въ дѣло лифляндскаго гофгерихта“. Кромѣ того и императрица Елизавета Петровна, считающаяся у насъ такою поборницею русскихъ началъ, 20 февраля 1741 года, подтвердила безусловно всѣ прежнія права Лифляндіи, Эзельской провинціи Риги, Ревеля, Нарвы, Пернова и Дерпта. Все это показываетъ, что нѣмцы имѣли всегда сильную руку при дворѣ и безъ Бирона, который рѣшительно ничѣмъ не выражалъ особеннаго покровительства нѣмцамъ въ Россіи, а распорядженія его въ Курляндіи показываютъ, что онъ не думалъ поблажать даже и своимъ ближайшимъ землякамъ.

Историки наши укоряютъ Бирона за его презрѣніе и ненависть къ русскимъ и въ подтверженіе этого, кромѣ общихъ фразъ, приводится обыкновенно отзывъ Бирона, сдѣланный имъ при назначеніи Волинскаго кабинетъ-министромъ. „Я знаю, сказалъ

Биронъ — какія недостатки и слабости имѣеть Волинскій, но гдѣ-же между русскими найти лучшаго? Въ сущности, однако, подобное предубѣжденіе нѣмца противъ русскихъ не можетъ составлять отличительной черты Бирона. Такое невыгодное о насъ мнѣніе имѣли, — да можетъ быть и донинѣ еще имѣють, — вообще всѣ нѣмцы. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что г. Щебальскій говорить, что когда Биронъ былъ недоволенъ русскими, то называлъ ихъ — *русское каналье*, а когда хотѣлъ похвалить, то называлъ римлянами. Противоположность, конечно, довольно игривая, да дѣло только въ томъ, что изъ дѣла о Биронѣ, напечатаннаго самимъ-же г. Щебальскимъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей“, оказывается, что упомянутое бранное слово употреблялъ не Биронъ, а великая княгиня Анна Леопольдовна, о чемъ Биронъ только рассказалъ по дружбѣ Бестужеву-Рюмину. Быть можетъ, и самъ Биронъ бранивался такимъ-же образомъ, хотя на это положительныхъ указаній и не встрѣчается, но что-же въ этомъ удивительнаго, послѣ того, если даже родная внука царя Ивана Алексѣевича и мать русскаго императора пускала въ ходъ „русское каналье“?

Изъ всѣхъ случаевъ, намекающихъ на особое расположеніе Бирона къ нѣмцамъ, извѣстенъ пока только одинъ, а именно, что оторопѣлый Менгенъ, президентъ коммерцъ-коллегіи говорилъ: если Биронъ не будетъ регентомъ, то нѣмцы въ Россіи погибнуть.

Отсутствіе въ Биронѣ-лютеранинѣ религіозности, — за что, какъ мы видѣли, его обвиняли даже формальнымъ порядкомъ, — вело его къ индифферентизму, и онъ, не будучи, конечно, поборникомъ православной церкви, не былъ въ то же время и ея притѣснителемъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, не встрѣтилось ни одного факта, который заставилъ бы прійти къ иному заключенію. Правда, при Аннѣ Ивановнѣ пострадалъ воронежскій епископъ Юрловъ, но Биронъ былъ здѣсь рѣшительно не при чемъ. Донось на епископа сдѣлалъ воронежскій вице-губернаторъ Пашковъ, и когда дѣло это въ синодѣ повамялось, то его поднялъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Напротивъ, встрѣчается извѣстіе, изъ котораго видно, что Биронъ относительно религіозныхъ чувствъ русскихъ поступалъ съ чрезвычайною осмотрительностью. Такъ лэди Рондо пишетъ, что когда умерла жена его брата, рожденная княжна Меншикова, то мужъ ея, Густавъ Биронъ, хотѣлъ было уклониться отъ тогдашнихъ обрядностей, соблюдавшихся при погребеніи, но герцогъ курляндскій внушилъ брату, чтобы онъ исполнилъ всѣ эти обрядности, дабы тѣмъ не оказать неуваженіе къ религіи русскихъ. Сохранилось и другое еще болѣе

замѣчательное извѣстіе, а именно, что когда Биронъ получилъ въ Пелымѣ вѣсть о своемъ освобожденіи, то онъ изъ накопленныхъ имъ въ ссылкѣ денегъ 1,500 рублей, послалъ 500 рублей въ мѣстную приходскую церковь, прося священника отслужить напутственный молебенъ.

Съ понятіемъ о бироновщинѣ соединяется у насъ понятіе о шпионствѣ и доносахъ въ громадныхъ размѣрахъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Биронъ не упускалъ случая пользоваться услугами доносчиковъ и шпионовъ, но извѣстно, что отъ продовольствія матеріалами, доставляемыми и тѣми и другими, не отказывается даже и самая добросовѣстная власть, хотя доносы и шпионство болѣе тревожатъ ее понапрасну, нежели служатъ ей руководителными указаніями. Что же касается доносовъ собственно въ эпоху бироновщины, то они тогда не были у насъ новизною, такъ какъ они еще и до этой поры были чрезвычайно распространены. Каждое заявленіе „о словѣ и дѣлѣ“, еще со временъ царя Алексѣя Михайловича, приводило оговоренныхъ въ застѣнокъ. Впослѣдствіи и правые и ложные доносы были въ большомъ ходу. Это видно между прочимъ изъ указа императрицы Анны Ивановны, изданнаго 10-го марта 1730 года. Въ немъ говорилось, что многіе колодники, которые сидятъ подъ карауломъ за разбои, смертныя убійства и кражи, воровство и злодѣйства, а также каторжные колодники, которые за такія же вины посланы въ рабствы, сказываютъ „слово и дѣло“ по двумъ первымъ пунктамъ, отъ чего многіе имѣются розыски и пытки, гдѣ невинные по оговорамъ ихъ напрасно претерпѣваютъ. И не колодники, замѣчается далѣе въ указѣ, заговѣваютъ ложно такія дѣла по злобѣ и по ссорѣ. Вслѣдствіе этого и дабы впредь такія ложныя злодѣйственныя поврежденія, конечно, пресѣчены были, объявлялось, что съ ложными доносителями будетъ поступлено безъ всякой пощады. 15-го февраля 1733 года вышелъ относительно этого другой, подтвердительный указъ, съ повелѣніемъ публиковать его печатными листами. Вообще касательно доносовъ во время бироновщины не состоялось никакихъ новыхъ указовъ въ поощрительномъ смыслѣ. Напротивъ, даже въ ту пору—какъ это ни покажется страннымъ—старались пресѣкать доносы, при чемъ обращено было вниманіе и на такой ихъ источникъ, изъ котораго они въ прежнее время выходили въ большомъ изобиліи. Такъ въ указѣ отъ 2-го ноября 1733 года было сказано: „извѣстно Намъ учинилось, что многіе священнаго люди чина, какъ бѣльцы, такъ и монахи, не страшась суда Божія и пренебрегая святыя правила, съ дерзости сказываютъ Намъ „слово и дѣло“, не вѣдая того за собою и ни за кѣмъ и

за что чинятся имъ легкія наказанія, отъ чего и паки въ тѣхъ священнаго и монашескаго чина людакъ, житіе свое заочно препровождающихъ, умножается безпокойство“. Поэтому повелѣвалось, если окажется, что кто нибудь сказалъ „слово и дѣло“, хотя кого обезчестить или въ пьянствѣ или въ ссорѣ, то лиша священнаго и монашескаго чина, остриги на головѣ и на бородѣ волосы и переодѣвъ въ свѣтское платье, отсылать къ гражданскимъ правительствамъ, учинить наказаніе плетью, писать въ солдаты, а старыхъ, которые къ службѣ не годны, бивъ кнутомъ и вырѣзывая ноздри, посылать въ Сибирь въ работы вѣчно, дабы священнаго и монашескаго чина люди, взирая на такое наказаніе, имѣли воздержаніе отъ непотребныхъ поступковъ и больше упражнялись во всякомъ благочиніи и прочихъ священному и монашескому чину приличествующихъ дѣйствахъ“.

Такая небывалая строгость къ доносчикамъ и подала поводъ церковнымъ нашимъ витіямъ пускаться при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ возгласы о ссылѣ и взятіи въ рекруты неповинныхъ духовныхъ и церковниковъ.

Одной изъ отличительныхъ особенностей бироновщины считаютъ шпионство. Дѣйствительно, оно было сильно развито въ ту пору при дворѣ и въ обществѣ, гдѣ Биронъ имѣлъ своихъ усердныхъ шпионовъ, и ими были, напримѣръ, генераль-прокуроръ князь Трубецкой, который, по выраженію одного изъ обвиняемыхъ въ заговорѣ противъ Вирона, „лежалъ на ухѣ у регента“, Бестужевъ-Рюминъ и князь Черкасскій; но шпионство тогда было въ большомъ ходу и безъ Барона Такъ графъ Остерманъ имѣлъ своихъ шпионовъ, въ числѣ которыхъ былъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ. Сама императрица также любила вывѣдывать обо всемъ отъ окружавшихъ ея лицъ. Должно, однако, сказать, что система бироновскаго шпионства была, вѣроятно, плоха, если Минику удалось захватить регента въ то время, когда этотъ послѣдній даже не подозрѣвалъ ничего относительно замысловъ своего врага.

Вообще доносы, шпионство и тайные розыски не составляютъ отличительной черты бироновщины. Все это было весьма обыкновенно и въ послѣдующее время. При Елизаветѣ Петровнѣ тайная канцелярія работала съ большимъ усердіемъ и „русскіе, по словамъ Карамзина, осматривались, произнося ими самой ероткой Елизаветы или министра сильнаго“. Изъ архивныхъ же документовъ, собранныхъ покойнымъ академикомъ К. И. Арсеньевымъ, видно, что когда въ народѣ ходили противъ Алексѣя Григорьевича Разумовскаго недобрыя, враждебныя слухи, то проговорившихся хватили тотчасъ въ тайную канцелярію и тамъ

они винились съ розысковъ и пытокъ. Замѣчательно, что въ царствованіе кроткой Елизаветы, дѣятельность тайной канцеляріи получила еще болѣе таинственности, нежели прежде, и стала пользоваться полною самостоятельностью. Такъ, когда при ней вышло распоряженіе, чтобы всѣ присутственныя мѣста посылали въ сенатъ копии со всѣхъ получаемыхъ ими изъ кабинета указовъ, то исключеніе изъ этого общаго правила было сдѣлано въ отношеніи одной только тайной канцеляріи. Сверхъ того, „никакое лицо и никакое присутственное мѣсто не могло получить изъ этой канцеляріи ни свѣдѣній, ни справокъ безъ высочайшаго разрѣшенія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подтверждено было „о неупустительной присылкѣ въ тайную канцелярію всѣхъ сказывающихъ за собою государево слово и дѣло“. Наконецъ, при Елизаветѣ Петровнѣ власть тайной канцеляріи была сильна до того, что состоялся даже указъ, въ силу котораго сенатъ обязанъ былъ доносить государынѣ для замѣщенія вакантнаго губернаторскаго мѣста, если лицо, занимающее это мѣсто, будетъ взято въ тайную канцелярію. Изъ этого видно, что даже такихъ высокыхъ должностныхъ лицъ, какъ губернаторы, можно было хватать въ тайную канцелярію безъ вѣдома императрицы. Изъ упомянутаго указа открывается также, что иногда воеводъ забирала въ тайную канцелярію такъ слѣпно, что они не успѣвали даже сдать никому бывшія у нихъ на рукахъ казенныя деньги.

Манифестъ о винахъ бывшаго герцога курляндскаго обвиняетъ его между прочимъ и въ жестокостяхъ. Съ своей стороны князь Щербатовъ пишетъ: „правленіе Анны было строгое, а иногда и тиранническое. За самыя малѣйшія дѣла сажали въ тайную канцелярію и въ стѣнѣ сдѣланныя казармы петербургской крѣпости недовольны были вмѣстѣ сѣхъ несчастныхъ. Казни были частыя, како Долгорукіе, Голицыны и Волынской“. Въ этихъ строкахъ есть, впрочемъ, нѣкоторая неточность, потому что казни въ томъ смыслѣ, въ какомъ слѣдуетъ понимать ихъ здѣсь, не подвергся никто изъ Голицыныхъ. Объясненіе же „тиранническаго“ правленія Анны, князь Щербатовъ даетъ въ слѣдующихъ словахъ: „она не щадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содроганія подписывала, а можетъ статься, и еще къ тому была побуждаема и любимцемъ своимъ Бирономъ“. Такимъ образомъ, князь Щербатовъ, отзывавшійся вообще о Биронѣ слишкомъ не благосклонно, не считаетъ его главнымъ виновникомъ жестокостей и казней, бывшихъ въ царствованіе Анны Ивановны, и о злобномъ вліяніи его на государыню высказывается только въ видѣ предположенія. Между тѣмъ, Щербатовъ могъ имѣть объ этой порѣ болѣе

точные и болѣе подробныя свѣдѣнія, нежели позднѣйшіе наши историки. Въ свою очередь и Миникъ-сынъ прямо относитъ къ суровости императрицы „многіе несчастные примѣры“. Дѣйствительно, Анна Ивановна не отличалась мягкосердіемъ и изъ разсказовъ, записанныхъ П. Θ. Карабиновымъ, оказывается, что она, въ минуту гнѣва, криквала: гей! Андрей Ивановичъ! На этотъ зовъ являлся начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ и императрица передавала ему для расправы обѣдавшаро съ нею царедворца, навлекшаго на себя ея неудовольствіе какимъ-нибудь неловкимъ поступкомъ. Впрочемъ, и при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ не трудно было попасть въ передѣлъ въ тайную канцелярію изъ-за самыхъ пустяковъ, и притомъ, по собственному повелѣнію государыни. Такъ изъ „Архива князя Воронцова“ видно, что Елизавета Петровна, въ 1744 году, сдала на руки начальнику тайной канцеляріи Ушакову своего придворнаго шута Аксакова „съ такимъ высочайшимъ присовокупленіемъ, чтобъ хотя съ нимъ и до розыску дошло“. Вся же вина Аксакова состояла въ томъ, что онъ, желая, по своей должности, позабавить императрицу, принесъ къ ней въ шапкѣ ежа, чѣмъ сильно напугалъ ея величество.

Вообще, въ такъ называемую бироновщину, ни казни, ни пытки не представляютъ ничего такого, что бы не было въ употребленіи у насъ или прежде или послѣ этой эпохи. „Уложеніе“ „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича установило слѣдующіе виды смертной казни: сожженіе преступника живымъ, залитіе горла расплавленнымъ свинцомъ, висѣлицу и окопаніе живаго землею. Смертная казнь, назначавшаяся прежде разбойникамъ, была отмѣнена по „Уложенію“ и нѣтъ предписано было отсѣкать обѣ ноги и лѣвую руку, такая же казнь примѣнялась впоследствии и къ дѣлателямъ фальшивой монеты. Отсѣченные руки и ноги прибавались по дорогамъ къ деревьямъ съ надписью, что онѣ отсѣчены за разбой, за татьбу, за воровство, чтобы „всякихъ чиновъ люди то ихъ воровство вѣдали“. О томъ, до какой степени были у насъ часты жестокия казни даетъ понятіе тотъ фактъ, что, напримѣръ, только за порчу мѣдной монеты ртутью или полудомъ были при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ казнены смертью 7,000 человекъ, и болѣе чѣмъ у 15,000 были отсѣчены руки и ноги за то же самое преступленіе. Въ указѣ 13-го марта 1663 года упоминается въ первый разъ объ отрѣзаніи языка, а въ 1666 году къ прежнимъ узаконеннымъ у насъ видамъ смертной казни прибавлено отсѣченіе головы.

Правда, что всѣ эти жестокости были еще въ до-петровской Руси, отличавшейся варварствомъ и невѣжествомъ. Петръ Вели-

кій не произвелъ, однако, въ этомъ отношеніи никакихъ измѣненій. Онъ не только не смягчилъ бывшія у насъ до него способы смертной казни и виды мучительныхъ наказаній, но даже, напротивъ, какъ собственною своею практикою, такъ и „Уставами Воинскимъ“ и „Морскимъ“ прибавилъ къ нимъ еще новыя: разстрѣляніе, колесованіе, четвертованіе, сажаніе на колъ, прожженіе азыка раскаленнымъ желѣзомъ, рваніе тѣла клещами, и вѣшаніе за ребро. Слѣдовательно бироновщина, не придумывая ничего новаго для мучительствъ и истязаній получила какъ бы по наслѣдству самыя разнообразныя къ тому способы, которые и были лишь продолженіемъ того, что существовало еще и прежде этой поры, выставленной какимъ-то исключительнымъ временемъ безпримѣрныхъ лютостей.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о пыткахъ. „Уложеніе“ установило пытку, какъ законную мѣру при производствѣ дѣлъ не только уголовныхъ, но и гражданскихъ, не опредѣливъ, однако, ея орудій. У Котошихина въ статьѣ о „Разбойномъ Приказѣ“ находится описаніе пытки, при которой главнымъ орудіемъ является кнутъ. Замѣчательно, что какъ ни были ужасны въ ту пору пытки во всей Европѣ, но Олеарій, описывая наказаніе кнутомъ на площади, — а не въ застѣнкѣ, гдѣ это наказаніе, соединенное съ виской на дыбы было гораздо жесточе — считаетъ его самымъ мучительнымъ истязаніемъ. Петръ Великій ограничилъ пытку тѣмъ, что запретилъ примѣнять ее къ дѣламъ гражданскимъ до тѣхъ поръ, „пока въ самомъ дѣлѣ злое дѣйство не объявится, развѣ когда свидѣтель въ большихъ и важныхъ гражданскихъ дѣлахъ оробѣетъ или смутится или въ лицѣ измѣнится“. „Однакоже — добавлено къ этому странному для насъ правилу — подлежить жестокою пытку умѣренную и съ разсмотрѣніемъ чинить“. Петръ Великій допустилъ только троскратную пытку, при чемъ освобождены были отъ нея шляхтичи, служители высшихъ чиновъ, достигшіе 70 лѣтъ, недоросли и беременныя женщины. „Всѣ сіи никогда пытѣе подвержены не бываютъ — сказано въ „Воинскомъ Уставѣ“ — развѣ въ государственныхъ дѣлахъ и убійствахъ, однакоже съ подлинными о томъ доводами“. Всѣ узаконенія Петра Великаго относительно пытокъ сохраняли свою силу и во время бироновщины безъ всякихъ къ нимъ прибавленій съ цѣлью усилить или участить пытку. Какъ бы, впрочемъ, ни были жестоки въ это время пытки, онѣ нисколько не должны удивлять насъ потому, что были вполне согласны съ тогдашними понятіями о способахъ по производству слѣдствій, розысковъ и дознаній. Не только уничтоженія, но даже и смягченія ихъ нельзя было требовать отъ Вирона, если дол-

гое время послѣ него не допускали этого представители власти, восхваляемые за ихъ кротость и мягкосердіе. Даже Екатерина II, разсуждавшая такъ философски въ своемъ „Наказѣ“, подъ влияніемъ извѣстнаго трактата, написаннаго Беккариемъ, о несправедливости и бесполезности пытокъ, не отмѣнила ихъ. Всѣ, въ высшей степени гуманнаго толкованія императрицы объ этомъ предметѣ кончилисъ только тѣмъ, „что володниковъ прежде пытки слѣдовало увѣщевать чрезъ священниковъ“.

Впрочемъ историки наши, а между ними даже и профессоръ С. М. Соловьевъ, дѣлалъ сопоставленіе между страшной бирюновщиной и кроткимъ правленіемъ Елизаветы, выставляють рѣзкую противоположность между обѣими этими эпохами относительно употребленія пытокъ. Такъ г. Соловьевъ въ своей исторіи (т. 21 стр. 171) говоритъ: „историкъ долженъ замѣтить, что послѣ кровожадныхъ примѣровъ аннинскаго царствованія, никто изъ людей, враждебныхъ и опасныхъ правительству, не былъ казненъ смертью, при допросахъ никого не пытали“. Между тѣмъ нѣсколько далѣе (стр. 288—290) у того же г. Соловьева при разсказѣ о мнимомъ заговорѣ Лопухиной, мы читаемъ: „Иванъ Лопухинъ былъ приведенъ въ застѣнокъ, а 29-го іюля поднять на дыбу и получилъ 11 ударовъ, но не прибавилъ ничего къ своему первому показанію. 11-го августа его снова пытали, дали 9 ударовъ и опять никакихъ новыхъ признаній. 17-го августа Степанъ Лопухинъ поднятъ на дыбу, висѣлъ десять минутъ и не сказалъ ничего. Потомъ подняты на дыбу жена его Наталья и графиня Бестужева и также не прибавили ничего новаго“. Еще рѣзче обнаруживается невѣрность сопоставленія, сдѣланнаго г. Соловьевымъ, когда, по разсказу его, въ виду того, что замѣшанная въ заговоръ Лопухиной жена камергера Софія Лиліенфельдтъ была беременна, слѣдователи спрашивали императрицу, какъ поступить съ нею. Узаконеніе Петра Великаго легко могло избавить ее отъ пытки, но Елизавета Петровна на представленномъ ей о Софіи Лиліенфельдтъ докладѣ написала: „очною ставкою про изводить несмотря на ея болѣзнь, понеже коли государево здоровье пренебрегала то плутофъ и на ипаче желеть не для чего, луче, чтобы и векъ ихъ не слышать нежели плодофъ отъ нихъ ждатъ“.

Такой приговоръ, обрекавшій даже на смерть не только мать, но и носимаго ею въ утробѣ младенца и при томъ написанный молодою женщиною, прославляемой за ея кротость, поражаетъ своею безсердечностью не менѣе, нежели всѣ жестокости бирюновщины...

Г. Соловьевъ забылъ также и изломаннаго въ пыткахъ Л.-Т. ССХІ. — Отд. I.

стока, которому Елизавета Петровна была такъ много обязана въ самую рѣшительную минуту своей жизни.

Если подобныя невѣрности встрѣчаются даже у такого основательнаго историка, какъ С. М. Соловьевъ, то это показываетъ до какой степени у насъ сильно предубѣжденіе въ такъ называемой бироновщинѣ и какъ слабо можно полагаться на голословныя о ней отзывы, если при опредѣленіи ея характера даже у лучшихъ нашихъ историковъ попадаются не только ошибки, но и явныя противорѣчія, и при томъ по весьма существеннымъ вопросамъ.

Мученья, которыя предстояло выдержать Софіи Лиліенфельдтъ были ужасны. Ее, по техническому выраженію тайной канцеляріи, „поставили въ ремень“ т. е. стаяли ноги ремнемъ, конецъ котораго привязали къ бревну, руки ея, завороченныя назадъ и положенныя въ комутъ, связали веревкой, пропущенной на потолѣкъ по блоку и стали поднимать вверхъ, а состоявшій на бревнѣ палачъ оттягивалъ ее книзу. При такой пыткѣ кости выходили изъ суставовъ, хрустѣли и ломались, иногда лопалась кожа, жилы вытягивались — страданія были невыносимы.

Допухина и Бесгузева испытали такія же мученья, потому первой изъ нихъ отрѣзали языкъ и высѣкли на площади внутомъ, причемъ отъ каждаго удара ремни вывѣивались на спинѣ и кожа летѣла лоскутами. Невольно приходится подумать: чѣмъ менѣе жестоко, такія-ли мученья, или смерть подъ ударомъ топора?...

XVII.

Допуская качественное равенство между пытками и казнями какъ въ бироновщину, такъ и въ ближайшее къ ней время можно однако спросить, не было ли при этомъ той разницы, что какъ тѣ, такъ и другія были въ бироновщину несравненно чаще, нежели прежде или послѣ? На этотъ вопросъ, ни наши бытописатели, ни обнародованныя до сихъ поръ архивныя документы не дають положительнаго отвѣта. Общія же фразы въ силу того предубѣжденія, о которомъ мы уже говорили, клонятся естественно къ тому, что именно бироновщина отличалась непомятною жестокостію. Но такія фразы не доказываютъ ничего окончательно.

Что въ бироновщину не занимались измышленіемъ новыхъ жестокостей для народа—это видно изъ того, что въ эту пору было обращено вниманіе на такой предметъ, съ которымъ и до

ннѣ у насъ не могутъ справиться, а именно на уменьшеніе числа арестантовъ и на улучшеніе ихъ содержанія. 23-го мая 1735 года былъ изданъ указъ, въ которомъ говорилось, что „колодниковъ многое число, и всегда прибавляется, отъ чего въ утѣсненіи не малая бываетъ нужда, а паче отъ духоты“. По этому приязано было „накрѣпко смотрѣть, чтобъ колодники долго не держались и отъ продолжительнаго содержанія безгодною смертью не умирали“. Въ 1736 году, было значительно — конечно, не по нашимъ, а по тогдашнимъ понятіямъ—смягчено наказаніе бѣглымъ, положенное по указу Петра-Великаго въ 1721 году: признано было жестокимъ бить за побѣги кнутомъ и дозволено было наказывать бѣглыхъ крестьянъ, по желанію помѣщиковъ, только кошками, плетями или батогами.

Не безъ увѣренности можно сказать, что, если бы при Биронѣ не было совершенно казней надъ князьями Долгорукимъ и Волынскимъ, а также не было бы поднято преслѣдованій противъ князей Голицыныхъ, то бироновщина въ нашей исторіи далеко не выставлялась бы такимъ кровавымъ періодомъ, какимъ она выставляется нынѣ. Если бы въ бироновщину было гораздо болѣе несправедливыхъ и ужасныхъ казней, пытокъ и преслѣдованій, но еслибы все это поражаало только мелкія, безвѣстныя личности, то никогда не поднялось бы столько говора о жестокостяхъ Бирона. О неповинныхъ страдальцахъ изъ скромной среды давно было бы забыто, такъ какъ они не давали бы повода къ разсказамъ съ самою трогательною обстановкою, въ которыхъ возбуждается сочувствіе къ претерпѣвшимъ преимущественно противоположностію ихъ прежняго величія съ ихъ бѣдственнымъ концомъ. При воспоминаніяхъ же о плачевномъ жребіи Долгорукихъ и Волынскихъ и о страданіяхъ дочери знаменитаго фельдмаршала графа Шереметева, княгини Наталіи Борисовны Долгорукой становится ненавистно имя Бирона потому въ особенности, что здѣсь, какъ выражается князь Щербатовъ, „громъ ударялъ на пышныя вершины“ и пострадали лица, замѣтно выдвигавшіяся среди тогдашняго русскаго общества.

Въ одной изъ нашихъ статей „Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ“ мы объяснили то участіе, какое принимали князья Долгорукіе при вступленіи на престолъ. Разсланные сперва по разнымъ глухимъ мѣстамъ, Долгорукіе были привезены въ Новгородъ и тамъ въ 1739 году одинъ изъ нихъ колесованъ и двое обезглавлены. Казнь эту приписываютъ обыкновенно мнѣнію Бирона, и княгиня Наталія Борисовна Долгорукая въ „Запискахъ“ своихъ говорить: „не такъ она, т. е. императрица, была

*

злбна на насъ, какъ фаворитъ; онъ старался нашъ родъ истребить". Между тѣмъ, изъ другихъ, болѣе безпристрастныхъ свидѣтельствъ оказывается, что самъ Биронъ менѣе другихъ царедворцевъ думалъ объ истребленіи Долгорукихъ и что они были жертвою тѣхъ интригъ, какія постоянно велъ Остерманъ. Ему фельдмаршалъ Минихъ прямо приписываетъ гибель Долгорукихъ. Притомъ, жестокой надъ ними приговоръ былъ произнесенъ самими же русскими, и потому вся не только юридическая, но и нравственная отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ падаетъ на нихъ, такъ какъ изъ среды ихъ не раздалось ни одного голоса въ защиту обвиняемыхъ. Въ числѣ лицъ, приговорившихъ Долгорукихъ къ смерти, былъ и издавна нетерпѣвшій ихъ Волынский. Нельзя, конечно, не предполагать, что одно слово, сказанное Бирономъ императрицѣ въ пользу Долгорукихъ, могло спасти ихъ, но Биронъ не пощадилъ ихъ, и его въ этомъ случаѣ должно винить только въ томъ, что онъ не былъ ни сострадательнъ, ни великодушнъ. Тѣмъ не менѣе, укоръ за казнь Долгорукихъ долженъ падать прямо на ихъ судей: виновность ихъ была признана судомъ, и Биронъ, не обладая запасомъ нѣжности, могъ сложить на судъ и несправедливость, и жестокость постановленнаго приговора.

Въ отношеніи къ Волынскому Биронъ дѣйствовалъ безпоощадно, но и виновниками гибели Волынскаго являются его судьи, незатруднившіеся произнести надъ нимъ ужасный приговоръ—посадить его на колъ, вырѣзавъ прежде языкъ. Самъ Волынский заявлялъ въ судившей его комисіи, что его довели до гибели Ягужинскій, Голицынъ, Долгорукіе, адмиралъ графъ Головинъ, Неплюевъ и князь Куракинъ, который первый подучилъ шталмейстера Людвига и унтеръ-шталмейстера Кишкеля подать доносъ на Волынскаго. При такихъ условіяхъ Волынский былъ обреченъ на гибель и безъ Бирона.

Несправедливость и жестокость казни, исполненной надъ Волынскимъ, увеличивали въ глазахъ потомства слѣдующія два обстоятельства. Вопервыхъ, сдѣланная Екатериною II надъ его дѣломъ надпись, которая, впрочемъ, можетъ быть легко примѣнена и ко множеству другихъ дѣлъ, хотя и касавшихся не столь высокопоставленныхъ лицъ, какъ Волынский. Во вторыхъ, разсказъ графа Никиты Ивановича Панина, переходящій во всѣ наши историческія сочиненія, какъ доказательство свирѣпости Бирона. Графъ Панинъ разсказывалъ, что онъ до такой степени былъ возмущенъ при чтеніи дѣла о Волынскомъ, что чуть не былъ разбитъ параличемъ. Въ несообразность этого разсказа нѣкто, однако, не подумалъ вникнуть: какъ можетъ кто-

нибудь знать, что онъ чуть не былъ разбитъ параличемъ при ощущеніи какого-либо, хотя бы самаго сильнаго, потрясающаго волненія? По всей вѣроятности, Панинъ передавалъ объ этомъ только съ педагогическою цѣлю, желая внушить своему питомцу, великому князю Павлу Петровичу чувство состраданія и осмотрительность при утвержденіи жестокихъ судебныхъ приговоровъ. Съ такою же, конечно, цѣлю сдѣлала и Екатерина II гуманную надпись надъ дѣломъ Волынскаго, которое, однако, въ сущности не представляетъ ничего особеннаго и подѣ статью которому въ архивахъ тайной канцеляріи могли бы найтись дѣла, еще болѣе вопіющія противъ несправедливостей и жестокостей.

XVIII

Разсматривая значеніе бироновщины въ русской исторіи, мы касались до сихъ поръ проявленія ея въ общихъ чертахъ, помимо вопроса о томъ, какъ отзывалась она собственно на народѣ.

Изъ русскихъ историковъ первый затронулъ этотъ вопросъ князь Щербатовъ. Онъ, представляя Бирона въ весьма непривлекательномъ видѣ, замѣтилъ: „хотя трепеталъ отъ него весь дворъ, хотя не было не одинаго вельможи, который бы отъ злобы Бирона не ждалъ себѣ несчастья, но народъ былъ порядочно управляемъ“. Такой отзывъ князя Щербатова является прямымъ противорѣчіемъ тому понятію, какое составилось у насъ о бироновщинѣ, такъ какъ всѣ твердятъ о бѣдственномъ положеніи народа, угнетеннаго временщикомъ, ненавшимъ ни малѣйшей жалости. Съ своей стороны, князь Щербатовъ объясняетъ сдѣланное имъ замѣчаніе тѣмъ, что „народъ не былъ отягченъ налогами, законы издавались ясныя, исполнялись въ точности; страшились вельможи подать какую причину къ несчастью своему и не бывъ ими защищаемы страшились и судьи что неправое сдѣлать и мздоимства коснуться“. Отзывъ этотъ чрезвычайно замѣчателенъ въ сочиненіи князя Щербатова, который и въ душѣ, и по обстановкѣ самъ былъ вельможа, а между тѣмъ, онъ выставляетъ вельможничество, какъ главную причину угнетенія народа. Изъ этого отзыва приходится заключить, что Биронъ не только не былъ бичемъ народа, но, напротивъ, былъ его защитникомъ, сдерживая своею гровою надъ знатными лицами злоупотребленія низшихъ властей. Въ сущности, отзывъ князя Щербатова не лишенъ основанія: въ тотъ вѣкъ покрови-

тельства и патронства каждый надѣялся на безнаказанность, если только былъ увѣренъ, что, въ случаѣ бѣды, найдетъ себѣ сильнаго защитника при дворѣ. Такимъ образомъ создавалась какъ бы лѣстница притѣснителей и угнетателей, доходившая слишкомъ высоко, но, какъ видно изъ словъ князя Щербатова, Биронъ своимъ безразличнымъ отношеніемъ къ вельможамъ уничтожилъ эту зловредную лѣстницу. Дѣйствительно, онъ задавалъ имъ страху, „покрикивая на нихъ такъ, что сама ея величество при такихъ случаяхъ ретироваться изволила“.

Не принимая съ безусловной вѣрой отзыва, сдѣланнаго княземъ Щербатовымъ, посмотримъ сами, въ какомъ положеніи находился въ бироновщину русскій народъ сравнительно съ ближайшими къ ней временами.

Въ сказаніяхъ о бироновщинѣ поставляется на видъ, что народъ, истомленный налогами, поборами, эзекуціями и пражежемъ, доходилъ до отчаянія и разбѣгался во всѣ стороны. Допуская, что все это совершенно вѣрно, тѣмъ не менѣе нужно, для отличія бироновщины отъ ближайшихъ къ ней временъ, узнать, до какой степени всѣ упомянутыя бѣдствія составляли исключительно ей принадлежащую особенность.

Что касается налоговъ и поборовъ, то еще и до Бирона народъ былъ отягощенъ и тѣми, и другими по несоразмѣрности съ экономическими и финансовыми его средствами, причеиъ казенные сборы взыскивались безпощадно. Мы не говоримъ уже о болѣе отдаленномъ времени, когда, напримѣръ, воевода Образцовъ, посланный на Бѣлоозеро для сбора податей, доносилъ, въ 1618 году, царю Михаилу Ѳедоровичу: „Я правилъ твои государевы доходы нещадно: побивалъ на смерть“. Страшныя картины насильственныхъ поборовъ съ народа представляются и позднѣе. Такъ, изъ записокъ Вебера, относящихся къ царствованію Петра Великаго, видно, что эзекуція по взысканію податей „имѣла значеніе почти уголовного допроса. При появленіи сборщиковъ крестьяне покидали свои избы и дворы и бѣжали въ лѣса къ раскольникамъ. На чиновниковъ смотрѣли, какъ на хищныхъ птицъ, такъ какъ они думали, что со вступленіемъ ихъ въ должность, имъ предоставлено право высасывать крестьянъ до костей и на ихъ разореніи устроить свое счастье“. По замѣчанію Вебера, изъ 100 рублей, собранныхъ съ крестьянъ, поступало въ казну только 30 рублей.

Справедливость этихъ разсказовъ подтверждается свѣдѣніями и изъ другихъ источниковъ. Такъ, при началѣ царствованія Еваторины I, официально заявлялось, что „платежемъ подушныхъ денегъ земскіе комиссары и обрѣтающіеся на вѣчныхъ

квартирахъ штабъ и оберъ-офицеры такъ крестьянъ принуждаютъ, что не токмо сесть и пожитки продавать принуждены но многіе и въ землѣ посаженный клѣбъ за бездѣнокъ продаютъ и бѣгутъ за чужую границу“. Затѣмъ, осенью 1727 года было внесено княземъ Меншиковымъ, графомъ Остерманомъ, Макаровымъ и Волковымъ въ верховный тайный совѣтъ заявленіе о бѣдственномъ положеніи народа вслѣдствіе взысканія казенныхъ сборовъ. Въ этомъ заявленіи даже князь Меншиковъ, отличавшійся, какъ извѣстно, непопулярною алчностью къ наживѣ, называлъ фискаловъ, комиссаровъ, приказчиковъ, вальдмейстеровъ и воеводъ „волками, ворвавшимися въ стадо овецъ“. Изъ этого мнѣнія видно также, до какой степени страшны были для народа праведжъ и экзекуціи: „одинъ въѣздъ въ селеніе и даже только случайный проѣздъ черезъ него штабъ и оберъ-офицеровъ пугалъ крестьянъ“. Недоимки взыскивались съ такою беспощадностью, что крестьяне должны были „закладывать дѣтей“. „Никто больше ни о чемъ не думалъ,—говорилось въ упомянутомъ заявленіи,—кромѣ того, чтобы у крестьянина послѣднее въ податъ взять, не уважая, что послѣ того крестьянинъ безъ ничего останется“.

Какъ на тягостныя для народа особенности бироновщины по взысканію казенныхъ сборовъ указывается на учрежденіе Бирономъ доимочной канцеляріи и на посылку военныхъ командъ для требованія означенныхъ сборовъ. Въ томъ, что эти распоряженія приписываются Бирону, видно опять то предубѣжденіе противъ него, о которомъ мы уже говорили.

Доимочная канцелярія вовсе не была учреждена ни Бирономъ, ни при немъ, а существовала она еще до него. Въ указѣ императрицы Екатерины I отъ 2-го января 1727 года мы читаемъ слѣдующее: „извѣстно, какія великія доимки какъ на денежномъ дворѣ, такъ и въ разныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ на партикулярныхъ людяхъ и особахъ находятся, которыя гораздо болѣе милліона будутъ и изъ оныхъ многія безвѣстно пропадаютъ и дабы за вящимъ пропусченіемъ времени и всѣ тѣ доимки не пропали, того ради немедленно за сіе дѣло съ примымъ усердіемъ приняться и оныя доимки сколько возможно доправлять, пока иные въ состояніи обрѣтаются оныя заплатить. И для сбора недоимокъ учредить при верховномъ тайномъ совѣтѣ доимочную канцелярію по примѣру прежняго доимочнаго приказа“. Въ то же время собирать недоимки велѣно было губернаторамъ и воеводамъ „вкупѣ съ штабными офицерами“.

Мы уже видѣли, какими ужасными притѣсненіями отозвались на народѣ эти мѣры: крестьяне были доведены до того, что для

уплаты требуемыхъ съ нихъ сборовъ должны были закладывать дѣтей. Правительство, однако, и въ виду этого не думало облегчить платежа податей, но только предполагало принять самыя строгія мѣры противъ бѣглыхъ. Все это было, однако, до бироновщины, и потому въ какихъ бы ужасныхъ краскахъ ни представлялся во время бироновщины гнетъ народа, всѣ возмутительныя, рисуемыя по этому поводу, картины были не новостію этого времени, но только продолженіемъ прежней правительственной расправы. Кромѣ того, справедливость требуетъ сказать, что именно въ бироновщину и было обращено вниманіе на то, чтобъ облегчить народъ, отстранивъ отъ него прямую отвѣтственность за накопленіе недоимокъ.

Для уясненія этого необходимо прежде всего опредѣлить то положеніе, въ какомъ находилось дѣло о взыскаіи недоимокъ и податей.

Въ 1733 году правительство потребовало отъ мѣстныхъ властей исполненія указовъ Петра Великаго и по плану его была учреждена ревизіонъ-коммиссія, а также была образована генеральная счетная коммиссія, и тогда открылось, что съ 1720 по 1732 годъ числилось недоимокъ болѣе, чѣмъ на 7,000,000 рублей. Доимочной канцеляріи было предписано приступить къ сбору этихъ недоимокъ и въ данной ей по этому случаю инструкціи было сказано, чтобъ запущенныя недоимки взыскивать не такъ жестоко на самихъ должникахъ, которые платятъ уже не въ состояніи, но на судьяхъ, подъ именемъ которыхъ разумѣлись тогда всѣ вообще должностныя лица. При этомъ, однако, внушалось, чтобы недоимщики „скорымъ и острымъ правешемъ въ разореніе не пришли“. Почему и была разсрочена уплата недоимокъ, если найдутся поруки, а у непредставившихъ поруки велѣно было описывать имѣніе. Въ 1734 году былъ наложенъ штрафъ въ 10% за недоимки на губернаторовъ, воеводъ и приказныхъ людей. Въ 1736 году было замѣчено, что всѣ недоимки допускаются слабостію губернаторовъ и воеводъ, почему и объявлялось, что если на 1737 годъ всѣ сборы не будутъ доставлены безъ недоимокъ, то недвижимыя имѣнія лицъ, допустившихъ недоимки, будутъ конфискованы безповоротнo.

Само собою разумѣется, что обращеніе взыскаіи недоимокъ съ народа на начальствующія надъ нимъ власти, въ сущности, не могло облегчить его положеніе. Напротивъ даже, у взыскателей теперь являлся весьма благовидный поводъ, чтобъ, охраняя себя отъ отвѣтственности, поступать съ неплательщиками съ безпощадною настойчивостію, къ чему, при совершенномъ безправіи народа, представлялась тогда полная возможность.

Дѣло въ томъ, однако, что такимъ обращеніемъ отвѣтственности за неплатежъ недоимокъ думали устранить разныя злоупотребленія по ихъ взиманію. Такъ, прежде всего надобно было установить срокъ, съ котораго слѣдовало взимать недоимки. Въ этомъ отношеніи существовалъ прежде крайній беспорядокъ. Хотя, по случаю заключенія въ 1721 году нейштадтскаго мира со Швеціею, Петромъ Великимъ были назначены къ сложенію всѣ недоимки, накопившіяся по 1718 годъ, но, несмотря на это, — какъ видно изъ указа отъ 5-го сентября 1734 года, — воеводы и приказные люди взыскивали недоимки, накопившіяся и до 1718 года, причемъ они, — какъ сказано въ упомянутомъ указѣ, — „многія трудности и разореніе чинили не для пользы государственной казны, но только для корысти и взятокъ, на комъ хотять, на томъ и взыскивають, а съ другихъ не взыскивають“. Такой произволъ былъ прекращенъ печатнымъ опубликованіемъ, что всѣ недоимки по 1718 годъ окончательно сложены и этимъ, конечно, было сдѣлано значительное облегченіе народу. Затѣмъ обращеніемъ отвѣтственности по взысканію недоимокъ за послѣдующіе годы правительствомъ думало устранить одно изъ важнѣйшихъ золъ, а именно: приказные и управители обѣщали крестьянамъ, что всѣ недоимки будутъ сложены, а за отсрочку ихъ взысканія брали взятки. Сложить же недоимки за время послѣ 1718 года признано было невозможнымъ и настойчивое ихъ взысканіе объяснялось въ указахъ тѣмъ, что если сдѣлать это, „то отъ того тѣмъ только можетъ быть польза, которые упрямствомъ своимъ и ослушаніемъ такихъ податей не платили, а напротивъ того, другіе, которые съ крайнимъ своимъ изнеможеніемъ упомянутыя подушныя деньги сполна платили, останутся обижены“. Кромѣ того, объявлялось, что при неуплатѣ недоимокъ „войска въ жалованьѣ и прочемъ могутъ претерпѣть крайнюю нужду“. Поэтому, извѣщали всенародно, „чтобы на слаждываніе недоимокъ никакой надежды не имѣли“.

Какъ на жестокую черту бирюковщины исторіи наши указывають обыкновенно и на крутое обращеніе съ помѣщиками въ случаѣ неплатежа недоимокъ. Дѣйствительно, указомъ отъ 24 го января 1738 года было постановлено: „держатъ помѣщиковъ за недоимку подъ карауломъ безъ выпуска“. Мѣра эта объяснялась въ указѣ тѣмъ, что „помѣщики на своихъ крестьянахъ доходовъ въ недоимкахъ не оставляютъ, но для времени свои доходы умножаютъ всегдашнею крестьянскою работою, такъ что крестьяне не токмо на подати, но и на свое пропитаніе хлѣба и промысловъ добыть не могутъ. И тако—сказано далѣе въ указѣ—не отъ податей государственныхъ, но отъ безпрестан-

нихъ помѣщичьихъ работъ раззоряются, а напротивъ, которые помѣщики крестьянъ своихъ порядкомъ содержатъ и не отягчаютъ, тѣ крестьяне все на нихъ наложенное платятъ въ казну бездоимочно“. Къ этому было добавлено, чтобъ недоимки точно также „неустительно правились и на знатныхъ людяхъ, съ которыхъ губернаторы и воеводы взыскивать не смѣютъ, боясь ихъ страха“. Наконецъ, по указу отъ 11-го мая 1737 года повелѣно было „крестьянамъ не слушаться такихъ заводчиковъ, которые не платятъ недоимку“.

Какъ бы ни было сильно предубѣжденіе относительно притѣсненія народа платежѣмъ податей въ бироновщину, нельзя, однако, сказать, чтобъ въ это время создавалась какая-то особая притѣснительная система. Конечно, въ приведенныхъ нами распоряженіяхъ по взысканію недоимокъ и податей можно видѣть большія ошибки; но во всякомъ случаѣ распоряженія эти клонились къ облегченію народа. Прямая отвѣтственность за неплатежъ податей была отводима отъ него и направлена на тѣхъ, которые пользовались его легковѣріемъ или обращали его трудъ исключительно въ свою пользу, рассчитывая на то, что одни только крестьяне будутъ постоянными отвѣтчиками за накопившіяся недоимки. Такіе расчеты должны были уничтожиться, когда отвѣтственность за недоимки была перенесена въ бироновщину на представителей самого правительства, на помѣщиковъ и на заводчиковъ и, при томъ, безъ всякаго послабленія знатымъ людямъ.

Добавимъ къ этому, что въ продолженіе всего царствованія Анны Ивановны не были нисколько увеличены, сравнительно съ прежнимъ, налоги и подати и даже, напротивъ, раскольники были освобождены отъ наложеннаго на нихъ въ прежнее время особаго сбора по 3 деньги съ рубля.

О томъ, что въ бироновщину взысканіе недоимокъ и податей производилось съ чрезвычайною суровостью, излишне, кажется, и говорить; но мы видѣли, какъ много терпѣлъ отъ этого народъ еще и до Бирона. Въ тотъ грубый вѣкъ, солдатчина, допущенная къ расправѣ, принималась за это „съ прямымъ усердіемъ“, но она занималась этимъ и ранѣе бироновщины, такъ что всѣ жестокости не были личнымъ изобрѣтеніемъ злобнаго временщика. Отъ нихъ не избавился нашъ народъ и въ царствованіе Екатерины Великой. Довольно, на примѣръ, прочесть письмо княгини Ежугерины Романовны Дашковой къ брату, ея графу Воронцову для того, чтобъ имѣть понятіе о томъ, какъ мѣстныя власти расправлялись съ народомъ, спустя даже полвѣка послѣ бироновщины. Въ одномъ изъ своихъ писемъ княгиня Дашкова

описываетъ наѣздъ капитанъ-исправника въ ея орловское имѣніе. Послѣ этого наѣзда, 17 человѣкъ умерло въ тюрьмѣ, 7 человѣкъ были высѣчены кнутомъ и сосланы въ Сибирь, 40 человѣкъ умерли отъ побоевъ на 8-й, 10-й и 13-й день по выпускѣ изъ тюрьмы, такъ что вообще, въ этомъ случаѣ убило изъ имѣнія княгини Дашковой 64 человѣка, и все это произошло въ вотчинѣ не какого нибудь незначительнаго помѣщика, а лица весьма извѣстнаго, имѣвшаго большую силу при дворѣ. Что же послѣ этого могло дѣлаться съ крестьянами мелкихъ владѣльцевъ?

Конечно, для отѣика бироновщины отъ ближайшей послѣ нея поры, могутъ сказать, что впоследствии не принимали слишкомъ строгихъ мѣръ по взысканію недоимокъ. Такое указаніе было бы не совсѣмъ вѣрно: казенныя недоимки всегда взыскивались у насъ съ крайнею требовательностью. Извѣстно, на примѣръ, что даже въ наше время, до изданія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ циркуляра отъ 8-го октября 1870 года, у крестьянъ, для пополненія недоимки, продавалось рѣшительно все необходимое: и хлѣбъ, и скотъ и даже дома. Кромѣ того и нынѣ еще какъ полицейскія, такъ даже и общественныя крестьянскія власти считаютъ розги если не самостоятельной мѣрою, то все же весьма полезнымъ подспорьемъ по взысканію недоимокъ. А между тѣмъ насъ отдѣляетъ отъ бироновщины почти полтора столѣтія. Впрочемъ, еслибы, на примѣръ, въ царствованіе Елизаветы Петровны и было оказано нѣкоторое снисхожденіе по взысканію недоимокъ, то на это имѣлись особыя причины.

Огромныя недоимки, простиравшіяся въ 1732 году до 7,000,000 рублей накопились въ промежутокъ времени съ 1720 по 1732 годъ, но послѣ того значительная часть ихъ была взыскана. Кромѣ того, при вступленіи Бирона въ званіе регента были сложены разныя недоимки, штрафы и недоборы, а также были сбавлены подушныя съ крестьянъ деньги за 1740 годъ. Такого рода милости были оказаны и при принятіи регентства Аиною Леопольдовою, а также и при вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны, а потому, послѣ всего этого, недоимки въ царствованіе ея не имѣли уже для правительства прежней важности. Кромѣ того, при Елизаветѣ Петровнѣ были учреждены различныя монополіи и новыя откупа, дававшіе казнѣ и помимо податей, большіе денежные сборы. Сборъ эти, однако, крайне обременяли народъ, хотя и не такъ замѣтно, какъ прямыя подати. Наконецъ, для удовлетворенія потребностей самой императрицы, — какъ рассказываетъ князь Щербатовъ — графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ всегда находилъ деньги изъ различныхъ источниковъ,

хотя сенатъ и жаловался постоянно на недостатокъ финансовыхъ средствъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Понятно, что если сама императрица не встрѣчала надобности въ деньгахъ, то это обстоятельство значительно ослабляло настойчивость по взысканію податей и недоимокъ, тѣмъ болѣе, что вообще царствованіе Елизаветы представляетъ крайнюю запущенность дѣлъ и невниманіе къ такимъ потребностямъ, которыя не касались двора. Екатерина II, сравнивая царствованіе Анны Ивановны съ царствованіемъ Елизаветы Петровны, отдавала относительно государственнаго порядка предпочтеніе первому изъ нихъ. Въ такомъ же смыслѣ высказывался въ своей запискѣ и графъ Никита Ивановичъ Панинъ, слишкомъ хорошо знакомый съ ходомъ нашихъ государственныхъ дѣлъ.

Ужасамъ бирюновщины, какъ мы видѣли, приписываютъ чрезвычайное бѣгство народа въ зарубежныя мѣста. Остановимся на разсмотрѣніи этого факта.

Главными причинами бѣгства крестьянъ были преслѣдованія раскола и тягость той обстановки, въ которой приходилось имъ жить. Первая изъ этихъ причинъ не могла имѣть въ бирюновщину усиленнаго вліянія. Въ похвалу этой ненавистой порѣ надобно сказать, что раскольники въ продолженіи ея не подвергались никакимъ особымъ гоненіямъ, тогда сохраняли только силу постановленія Петра Великаго противъ раскольниковъ, безъ всякихъ къ нимъ прибавокъ. Да и раскольники, какъ извѣстно, не признаютъ бирюновщину самой тягостной для нихъ порою. Такою порою считаютъ они царствованіе Елизаветы Петровны, когда при этой набожной и богобоязненной государынѣ, духовенство, получивъ большую силу, обратило ее на неустанное преслѣдованіе раскола. Замѣчательно также, что въ бирюновщину въ первый разъ была высказана мысль о примѣненіи къ упорнымъ раскольникамъ не насильственныхъ мѣръ, но кроткихъ увѣщаній. Такъ какъ въ 1737 году синодъ предписалъ: „раскольникамъ наставленія чинить не иначе, какъ по пастырски, словомъ учительскимъ“.

Что касается второй причины, то не, говоря уже о тѣхъ правительственныхъ тягостяхъ, которыя лежали на крестьянахъ, и до Бирона, сами помѣщики доводили ихъ еще и прежде до послѣдней крайности. Посошковъ въ сочиненіи своемъ „О скудости и богатствѣ“ замѣчаетъ, что „помѣщики крестьянство въ нищету пригоняютъ и что многіе дворяне говорятъ: „крестьянину не давай-де обрости, но стриги его яко овцу до гола. И — добавляетъ Посошковъ — тако творя, царство опустошаютъ; понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ“. Указы-

вая на это, Посошковъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „отъ таковыя нужды дома свои крестьяне оставляютъ и бѣгутъ инне въ понизовыя мѣста, инне же и въ украинныя, а инне и въ зарубезныя; такъ чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ“.

Съ своей стороны и графъ Никита Ивановичъ Панинъ объяснял побѣги крестьянъ „ничѣмъ неограниченною помѣщицьею властью съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности въ сборахъ съ подданныхъ своихъ собственныхъ податей и употребленіемъ оныхъ въ работы не только превосходящія примѣры близкихъ граничныхъ жителей, но частенько у многихъ выступающія и изъ сносноности человѣческой“.

Еще до Бирона—вопреки связаніямъ перваго историка бироновщины, Мальгина—бѣгство крестьянъ огромными массами въ Польшу, въ Молдавію, на Донъ и даже въ Башкирію было явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Въ исходѣ XVII столѣтія число великорусскихъ переселенцевъ на вольный Донъ было до такой степени значительно, что многіе пограничныя съ донскимъ войскомъ уѣзды совершенно опустѣли, а потому въ 1707 году былъ присланъ на Донъ, для сына бѣглыхъ, князь Юрій Владиміровичъ Долгорукой, который — какъ разсказывается въ брошюрѣ „Трехсотлѣтіе войска Донскаго“—пожегъ и раззорилъ многіе казачьи города, пыталъ казаковъ, билъ ихъ кнутомъ, рѣзалъ носы и уши и даже вѣшалъ дѣтей на деревьяхъ. Еще жесточе расправлялся съ казаками братъ его, князь Василій Владиміровичъ Долгорукой, который, въ добавокъ ко всѣмъ прежнимъ казнямъ, сажалъ на колъ, а также колесовалъ и четвертовалъ виновныхъ въ укрывательствѣ бѣглыхъ. Не смотря, однако, на всѣ строгости, бѣгство крестьянъ массами продолжалось по прежнему и въ 1726 году въ верховномъ тайномъ совѣтѣ заявлено было, что „мы нашими крестьянами удовольствуемъ не только Польшу, но и нашихъ злодѣевъ“. Вѣроятно здѣсь рѣчь шла о туркахъ.

Такимъ образомъ, тѣ угнетенія, которыя испытывалъ народъ и которыя заставляли его бросать родимыя мѣста, существовали у насъ за долго до появленія Бирона, а потому и нѣтъ никакого основанія относить ихъ исключительно къ бироновщинѣ. Крестьяне продолжали уходить и послѣ бироновщины, такъ что въ 1760 году толпы бѣглыхъ стали селиться въ мѣстности тогда еще неподвластной Россіи,—въ нынѣшней Ставропольской губерніи. Императрица Екатерина II положила конецъ движенію выходцевъ въ этомъ направленіи, устройствомъ моздокско-азовской линіи, а присоединеніе къ Россіи Вѣлоруссіи, Польши, Подоліи, Литвы и Крымскаго полуострова такъ далеко отодвинуло чужія

границы, что переходъ за нихъ изъ великорусскихъ мѣстностей сдѣлался невозможенъ.

Послѣ подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія бироновщины, ошибочно было-бы, какъ намъ кажется, придавать ей то исключительное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то ужасающее значеніе, какое придаютъ ей наши историки. Между ею и ближайшими къ ней временами нѣтъ никакого существеннаго различія по условіямъ нашей государственной и народной жизни. Ничто новое, ничто не бывалое не характеризуетъ бироновщины. Самому-же Бирону не было никакой надобности угнетать, мучить и кровавить русскій народъ, не оказывавшій ему ни малѣйшаго сопротивленія, да при томъ ретивыхъ дѣятелей по этой части было и безъ него у насъ весьма достаточно. Правда, что онъ былъ могущественнымъ и грознымъ владыкою при дворѣ, но и здѣсь онъ, и по своимъ честолюбивымъ замысламъ, и по личнымъ качествамъ и по адности къ наживѣ и даже по наглымъ замашкамъ, не выдѣляется особенно изъ ряда подобныхъ ему временщиковъ, пользовавшихся необузданною властію. Вообще не умъ Бирона, не твердая его воля, не могучая энергія, но только особня обстоятельства и та обстановка, которая была для него уже готова въ тогдашней Россіи, поставили его высоко и сдѣлали изъ этого зауряднаго, во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка замѣтную историческую личность.

Е. Карновичъ.

МОГИЛА ТРУЖЕНИКА.

Спи бѣднякъ! Ты честно бился,
До утраты силъ, съ нуждою;
Умеръ ты, но не склонился
Предъ неправдою людскою,
Потому-то надъ тобою
Рѣчь людская не слышна.

Заросла тропа, что въ дому
Гдѣ нашель ты отдохъ, вьется;
И шаговъ на ней знакомыхъ
Никогда не раздается.
Лишь природа остается
Другу старому вѣрна.

Все, что ты любилъ когда-то,
Здѣсь она соединила,
И безъ мрамора, богато
Убрана твоя могила.

Надъ тобой цвѣтуть сирени,
И шумять листы березы,
Каплетъ съ нихъ роса какъ слезы
На могильныя ступени,
Въ часъ когда ночныя тѣни
Отъ лучей дневныхъ бѣгутъ.

Мавъ въ травѣ пестрѣетъ яркій,
Льетъ жасминъ благоуханье,
Раздается въ полдень жаркій,
Веругъ цвѣтовъ пчелы жуужанье.

Ночью — мѣсяца сіянье
Озаряетъ твой пріютъ.

Спи бѣднякъ! Безъ сожалѣнья
Ты разстался съ этимъ міромъ,
Что бросалъ въ тебя каменя,
Оттого что на служенье
Лжи его, — его кумирамъ
Ты себя не обрекалъ.

Въ бѣдной долѣ, неизвѣстный, —
Вѣкъ трудясь неутомно, —
Совершалъ ты подвигъ честный.
И въ пріютъ свой мрачный, тѣсный
Ты сошолъ съ несокрушимой,
Страстной вѣрой въ идеалъ!

А. Плещеевъ.

МНѢНІЯ ЗНАТНЫХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ О ПОМПАДУРАХЪ.

Заканчивая свои рассказы о „помпадурахъ“ — рассказы, къ сожалѣнію, не исчерпывающіе и сотой доли помпадурской дѣятельности — я считаю, что здѣсь будетъ умѣстно познакомить читателей съ тѣми впечатлѣніями, которыя производили мои герои на нѣкоторыхъ знатныхъ иностранцевъ, въ разное время посѣщавшихъ Россію.

Подобнаго рода свидѣтельствъ у меня подъ руками очень много, но я приведу здѣсь только четыре отрывка, наиболѣе подходящіе къ нашимъ литературнымъ условіямъ. Между прочимъ, я имѣю очень рѣдкую книгу, подъ названіемъ „Путеводитель по русскимъ сѣвѣжымъ домамъ“ соч. Австрійскаго Серба Глуничча-Ядрилича, пріѣхавшаго, вмѣстѣ съ прочими братьями-славянами, въ 1870 году, въ Россію, но не попавшаго ни въ Петербургъ, ни въ Москву, потому что Соломенный помпадуръ, подъ личною своею отвѣтственностію, посадилъ его, на все время торжествъ, на сѣвѣжю. Сочиненіе это проливаетъ яркій свѣтъ не только на внутреннюю, но и на внѣшнюю политику помпадуровъ, и переводъ его послужилъ-бы не малымъ украшеніемъ для нашей небогатой литературы, но, къ величайшему сожалѣнію, я не могъ привести изъ него даже самомаляйшаго отрывка, потому что книга эта безусловно запрещена цензурой... Этого примѣра я полагаю, совершенно достаточно для читателя, чтобы понять, почему я былъ такъ умѣренъ въ моихъ выдержкахъ.

Затѣмъ, обращаясь къ издаваемымъ нынѣ отрывкамъ, я считаю долгомъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ.

Какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ иностранцевъ о Россіи, насъ прежде всего поражаетъ въ нихъ какое-то несправимое легковѣріе. Такъ напримѣръ, князь де-ля-Кассонадъ очень серьезно рассказываетъ, что нѣкоторые помпадуры смѣшивали императора Сулука съ королевою Помарѣ, а другой путешественникъ, Шена-

пань, увѣряеть, будто въ Россіи преподается особенная наука, подъ названіемъ „Zvon poréta gazdawais“. Ясно, что оба эти лица были жертвою мистификаціи со стороны своихъ амфитріоновъ-помпадуровъ, которые, по прискорбному русскому обычаю, нашли для себя забавнымъ рассказывать иностранцамъ разныя небылицы о своемъ отечествѣ.

Сверхъ того, по обвиненію всѣхъ иностранцевъ, цитируемые мною авторы очень часто выпадаютъ въ преувеличенія и выказываютъ при этомъ колоссальнѣйшее невѣжество...

Я не счелъ однакожъ нужнымъ останавливаться на этихъ недостаткахъ, ибо для насъ, русскихъ, самыя преувеличенія очень поучительны. Читая рассказываемыя про насъ небылицы, мы, во первыхъ, выносимъ убѣжденіе, что иностранцы—народъ легкомысленный, что слѣдовательно, въ случаѣ столкновенія, съ нимъ очень не трудно будетъ справиться. Во вторыхъ, мы получаемъ увѣренность, что перьями ихъ руководить дурное чувство зависти, непрощающее Россіи той глубокой тишины, среди которой происходитъ ея постепенное обновленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, представляли ли когда-либо лѣтописи Лаишева, Пошехонья, Сапожка и др. что-нибудь подобное тому, что происходило недавно въ заштатномъ городѣ Висбаденѣ по случаю возвышенія цѣны на пиво? Нѣтъ, ничего подобнаго не было да и не могло быть, потому что и Пошехонцы и Лаишевцы слишкомъ хорошо понимаютъ, что цѣны Богъ строить, и подъ сѣнію этой пословицы постепенно обновляются. Висбаденцы же ничего этого не знаютъ, а потому нечего удивляться, что для нихъ всѣ пути къ обновленію закрыты. Ибо какое можетъ быть „обновленіе“, когда на улицахъ идетъ шумъ и гвалтъ, за которымъ ни одной пословицы даже разслышать нельзя?

Иностранцы сознаютъ это преимущество лаишевцевъ и белебейцевъ, и завидуютъ. Они понимаютъ, что означаетъ эта тишина, и чѣмъ она пахнетъ для висбаденскихъ нарушителей спокойствія, если пошехонцамъ вздумается вздумлять ихъ...

Но встрѣчается въ этихъ невѣжественныхъ рассказахъ и нѣчто такое, надъ чѣмъ можно серьезно задуматься. Завидуя нашей тишинѣ, иностранцы не безъ ядовитости указываютъ, что мы и сами какъ-бы тяготимся ею. Что у насъ, среди глубокаго мира, отъ времени до времени, трубятъ рога и происходятъ такъ называемыя усмирения (*répressions de la tranquillité*). Мало того: нѣкоторые даже прямо утверждаютъ, будто у насъ существуетъ особенное сословіе помпадуровъ, котораго назначеніе въ томъ именно и заключается, чтобы нарушать общественную тишину и сѣять раздоры съ цѣлью успѣшнаго ихъ подавленія. Не безъ

ироніи говорятъ они о недостаточной развитости нашихъ помпадуровъ и о происходящей отселѣ безпорядочной, судорожной дѣятельности ихъ. Дѣятельность эту они сравниваютъ съ безцѣльнымъ мельканіемъ въ пустомъ пространствѣ, мельканіемъ, которое на первый взглядъ можетъ показаться смѣшнымъ, но, при безпрестанномъ повтореніи, дѣлается почти обременительнымъ...

Повторяю: все это въ высшей степени преувеличено и до безконечности невѣжественно, но даже сквозь эти смѣшныя преувеличенія сквозитъ какой-то намекъ на реальность, которымъ не бесполезно воспользоваться. Всякому, напримѣръ, извѣстно, что главное побужденіе, руководящее помпадурскими дѣйствіями, составляетъ чрезмѣрная ревность къ охраненію присвоенныхъ помпадурямъ правъ и преимуществъ (прерогативъ). Въ сущности, побужденіе это, конечно, очень похвальное, но, надо сознаться, что тѣмъ не менѣе, оно ни мало не способствуетъ ни возникновенію новыхъ плодотворныхъ жизненныхъ явленій, ни производству новыхъ цѣнностей. Поэтому, было-бы не только не вредно, но даже полезно, чтобы на практикѣ эта ревность проявлялась лишь въ той мѣрѣ, въ какой она не служитъ помѣхой мирнымъ гражданамъ въ ихъ мирныхъ занятіяхъ. Если человѣкъ исключительной задачей своей жизненной дѣятельности поставяетъ огражденіе своихъ правъ (какъ напримѣръ, права принимать по праздникамъ поздравленія, права идти въ первой парѣ, когда балъ открывается польскимъ и т. д.), то результатомъ его усилій можетъ быть только огражденіе правъ, и ничего больше. Положимъ, это будетъ дѣятельность въ своемъ родѣ почтенная, но все-таки никакого оплодотворенія изъ нея произойти не можетъ. А помпадуры этимъ именно и грѣшатъ. Ограждая свои права, они забываютъ, что у нихъ есть и обязанности, изъ коихъ главнѣйшая: не отвлекать обывателей слишкомъ усиленными поздравленіями отъ другихъ занятій, которыя тоже могутъ быть названы не бесполезными.

А грѣшатъ они потому, что не знаютъ наукъ. Я, конечно, далеко отъ того, чтобы, вмѣстѣ съ мосье Шенапаномъ, утверждать, будто въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ преподается только одна наука „Zwon poréta razdawais“, но все-таки позволяю себѣ думать, что на воспитаніе помпадуровъ не обращено должнаго вниманія. Дюсо, Борель, минерашки, театръ Берга — все это школа слишкомъ недостаточная. Еслибъ они знали, напримѣръ, исторію, то помнили-бы анекдотъ о персидскомъ царѣ, который, ограждая свои права, высѣкъ море, но и за всѣмъ тѣмъ не могъ побѣдить горсти храбрыхъ грековъ. Еслибъ они знали статисти-

ку и политическую экономію, то поняли-бы, что обывательская спина не всегда служить вѣрнымъ обезпеченіемъ для наполненія казны кредитными билетами. Еслибъ имъ не чужда была юриспруденція, то они знали-бы, что излишнее огражденіе собственныхъ личныхъ правъ всегда ведетъ къ нарушенію правъ другихъ, это-же послѣднее въ свою очередь влечетъ за собою если не непремѣнное возстановленіе нарушеннаго права, то, по крайней мѣрѣ, позывъ къ такому возстановленію. А за этимъ обыкновенно слѣдуетъ скандалъ, а иногда и наказаніе нарушителя по всей строгости законовъ.

Да; какъ это ни тяжело, но надо сознаться, что даже для взисканія недоимокъ науки не бесполезная вещь. Онѣ учатъ человека, что жизнь пережить не поле перейти, онѣ заставляютъ его вникать въ смыслъ его поступковъ и даютъ ему нѣкоторыя хорошія привычки. Вотъ чего недостаетъ нашимъ помпадурамъ, и вотъ почему они считаютъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ административныхъ задачъ, кромѣ огражденія присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ. Будучи удалены отъ наукъ, они не могутъ понять, что нѣкоторая сумма знанія гораздо надежнѣе оградила-бы эти права, нежели странное и далеко не всѣхъ настигающее слово „фюить“!

Недостатокъ знаній порождаетъ чрезмѣрную требовательность, чрезмѣрная требовательность, въ свою очередь, порождаетъ подозрительность. Извѣстно, напримѣръ, съ какою охотою употребляютъ помпадуры такія слова, какъ „посягать“, „подвапывать-ся“, „потрясать“ и т. д., представляя высшему начальству, будто слова эти составляютъ обиденный лексиконъ нарочатскихъ, дуковановскихъ и другихъ обывателей. А между тѣмъ въ этихъ увѣреніяхъ заключается самая вопіющая неправда. Я, по крайней мѣрѣ, искренно убѣжденъ, что никто даже не помышляетъ о томъ, чтобы оспаривать помпадурскія права, и что вся бѣда тутъ въ томъ, что не всякій можетъ эти права уловить. Отсюда — незаконное и довольно тягостное для обѣихъ сторонъ, *quiroquo*. Чѣще всего, помпадуры и самъ хорошенько не знаетъ, въ чемъ состоятъ его требованія, но это незнаніе, вмѣсто того, чтобы ограничить его, дѣлаетъ еще болѣе ненасытимымъ. Столь-же часто бываетъ, что и обыватель готовъ-бы съ своей стороны сдѣлать всякое удовольствіе, но, не зная, въ чемъ это послѣднее заключается, попадаетъ въ просакъ, то-есть поздравляетъ тогда, когда не нужно поздравлять и на оборотъ. А изъ этого происходитъ то, что одинъ невѣдомо что предъявляетъ, а другой невѣдомо на что посягаетъ. Явное недоразумѣніе, которое опять-таки будетъ устранено лишь тогда, когда наука прольетъ свой

свѣтъ на запутанныя отношенія, существующія между помпадурами и обывателями, и сумѣеть регламентировать ихъ.

И такъ, въ отзывѣхъ иностранцевъ есть извѣстная доля правды. Но правда эта не должна огорчать насъ. Мы слишкомъ сильны, мы пользуемся слишкомъ несомнѣнною внутреннею тишиной, чтобы впадать въ малодушіе передъ лицомъ правды. Мы спокойно можемъ выслушать самую горькую истину, нисколько не измѣняя присущему намъ сознанию нашихъ доблестей.

Притомъ-же, мы знаемъ, что у насъ есть испытанное средство къ освобожденію отъ слишкомъ лихихъ помпадуровъ. Это средство: повышенія, перемѣненія и увольненія, которыя очень достаточно гарантируютъ насъ.

Оговорившись такимъ образомъ, перехожу къ самымъ „мнѣніямъ“ иностранцевъ. Мнѣнія эти переведены мною прямо съ подлинниковъ и притомъ съ самою буквальною точностью. Разсказъ-же татарина Хабибуллы Науматулловича о пребываніи въ Россіи Іомудскаго принца (такъ какъ существованіе племени іомудовъ не подлежитъ сомнѣнію, то я полагаю, что долженъ быть и іомудскій принцъ) перепечатанъ мною съ оставленіемъ слога и подлинныхъ выраженій разсказчика.

„Impressions de voyage et d'art“ par le prince de la Cassonade, ancien Grand Veneur de S. M. l'Empereur Soulouque I, actuellement, grâce aux vicissitudes de la fortune, garçon en chef au Café Riche à Paris. Paris. Ledentu éditeur. 18**. Deux forts vols. („Путевыя и художественныя впечатлѣнія“, соч. князя де-ля-Кассонадъ, бывшаго оберъ-егермейстера Е. В. Императора Сулука I, нынѣ, благодаря превратностямъ судебъ, главнаго гарсона въ кафе Ришъ въ Парижѣ).

„Когда я былъ командированъ моимъ всемілостивѣйшимъ государемъ и повелителемъ во Францію и Испанію для изученія способовъ дѣлать государственные перевороты, и въ Россію — для изученія способовъ взысканія недоимокъ, я встрѣтился въ этой послѣдней съ особенной корпораціей, которой подобной нѣтъ, кажется, въ цѣломъ мірѣ, и которая чрезвычайно меня заинтересовала. Я говорю о помпадурахъ.

„Каждый изъ здѣшнихъ городовъ имѣетъ своего главнаго помпадура, которому подчинено нѣсколько второстепенныхъ помпадуровъ, у которыхъ въ свою очередь состоитъ подъ начальствомъ безчисленное множество помпадуровъ третьестепенныхъ, а сіи послѣдніе уже имѣютъ въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи массу обывателей или чернь (la vile populace). Всѣ они со-

ставляют такъ-называемую бюрократическую армию, и различаются между собой лишь болѣе или менѣе густымъ шитьемъ на воротникахъ и рукавахъ. Такъ какъ было бы тяжело и затруднительно изслѣдовать нравы всѣхъ этихъ разновидностей, то я главнымъ образомъ сосредоточилъ свое вниманіе на главныхъ помпадуряхъ, потому что они представляютъ собой прототипъ, по которому можно безъ труда сдѣлать заключеніе и о прочихъ.

„Главные помпадуры избираются преимущественно изъ молодыхъ людей, наиболѣе способныхъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ. На образованіе и умственное развитіе ихъ большого вниманія не обращается, такъ какъ предполагается, что эти лица ничѣмъ заниматься не обязаны, а должны только руководить. При этомъ имѣется, кажется, въ виду, еще и та мысль, что науки вообще имѣютъ растлѣвающее вліяніе, и что, слѣдовательно, онѣ всего менѣе могутъ быть у мѣста тамъ, гдѣ требуется лишь свѣжесть и непреоборимость. И дѣйствительно, главные помпадуры живутъ въ столь безнадежномъ отъ наукъ отдаленіи, что нѣкоторые изъ нихъ не шутя смѣшивали моего всемиловѣйшаго повелителя Сулука I съ королевою Помарѣ, а сію послѣднюю съ извѣстной парижской лореткой того же имени. Признаюсь, эти смѣшенія причиняли мнѣ не мало огорченій, и я не разъ вынуждался объявлять очень категорически, что повтореніе чего-либо подобнаго можетъ имѣть послѣдствіемъ серьезный casus belli.

„Преимущественное назначеніе главныхъ помпадуровъ заключается въ томъ, чтобы *претятствовать*. Несмотря, однакожь, на мои усилія разъяснить себѣ, противъ чего собственно должна быть устремлена эта тормозящая сила—я ничего обстоятельнаго по сему предмету добиться не могъ. На всѣ мои вопросы я слышалъ одинъ отвѣтъ: *mais comment ne comprenez vous pas ça?* изъ чего и вынужденъ былъ заключить, что, вѣроятно, Россія есть такая страна, которая лишь по наружности пользуется тишиною, но на самомъ дѣлѣ наполнена горючими веществами. Иначе, какая же надобность была бы въ цѣлой корпораціи людей, которыхъ специальное назначеніе заключается въ принятіи прекратительныхъ мѣръ даже безъ всякихъ къ тому поводовъ?

„Такъ, наиримѣръ, я съ любопытствомъ наблюдалъ однажды, какъ одинъ чрезвычайно вышитый помпадуръ усмирять другого менѣе вышитаго за то, что сей послѣдній не поздравилъ перваго съ праздникомъ. Кланусь, никогда королева Помарѣ (а кто же не знаетъ, до какой степени она безцеремонна въ своихъ выраженіяхъ?) не обращалась къ своему кучеру съ подобнымъ потовомъ

высококоризненныхъ словъ. Когда же я позволилъ себѣ усомниться, чтобы обстоятельство столь неважное способно было возбудить столь сильный гнѣвъ, то распитый помпадуръ взглянулъ на меня съ такимъ страннымъ видомъ, что я поспѣшилъ раскланяться, дабы не вышло изъ этого чего дурного для меня или для моего всемилостивѣйшаго повелителя. Въ другое время, другою помпадуръ откровенно мнѣ сознавался, что онъ только и дѣлаетъ, что усмиряетъ бунты, при чемъ называлъ мнѣ и имена главныхъ бунтовщиковъ: предсѣдателя окружнаго суда и мѣстной земской управы. А такъ какъ я не далѣе, какъ за день передъ тѣмъ, имѣлъ случай съ обоими бунтовщиками играть въ ералашъ, и при этомъ не замѣтилъ въ ихъ образѣ мыслей ничего вреднаго, то и не преминулъ возразить негодующему помпадуру, что, по мнѣнiю моему, оба названныя лица ведутъ себя скромно и усмиренiя не заслуживаютъ. Но онъ, не желая ничего слушать, отвѣтилъ мнѣ, что все это интрига, и что онъ, помпадуръ, не успокоится, покуда не раскроетъ въ подробности всѣ нити и корни оной. Я могъ бы разсказать здѣсь множество и другихъ примѣровъ подобной же загадочной страсти къ усмиренiямъ, но полагаю, что и этихъ двухъ вполне достаточно, тѣмъ болѣе, что причина этой усмирительной болѣзни и доднѣсь остается для меня неразъясненною, а, слѣдовательно, сколько бы я ни плодилъ фактовъ, въ основанiи ихъ все-таки будетъ лежать таинственное: *mais comment ne comprenez vous pas ça?*— и ничего болѣе.

„Всю сумму своихъ административныхъ воздѣйствiй помпадуры съумѣли сконцентрировать въ одномъ крошечномъ словѣ „фюить“, и, кажется, это единственное слово, которое они умѣютъ произносить съ надлежащею ясностью. Все прочее принимаетъ въ ихъ устахъ форму невнятнаго бормотанiя, изъ котораго трудно извлечь что-либо поучительное. Я тщетно усиливался доказывать, что слово „фюить“, несмотря на удобства, доставляемыя его краткостью, все-таки никакихъ разрѣшенiй не заключаетъ — въ отвѣтъ на мои доказательства я повсюду слышалъ одно: *pour vous autres, c'est encore assez bon!* Это, конечно, заставляло меня умолкать, ибо ежели люди сами признаютъ себя вполне обезпеченными словомъ „фюить“, то мнѣ, иностранцу (а тѣмъ болѣе имѣющему дипломатическое порученiе), разувѣрять ихъ въ томъ не приходится.

„Вообще, у нихъ есть фаталистическая наклонность обратить миръ въ пустыню и совершенное непониманiе тѣхъ послѣдствiй, которыя можетъ повлечь за собой подобное административное мѣропрiятiе. Наклонность эту я готовъ бы назвать человѣконе-

навиственнѣствомъ, еслибъ не имѣлъ безчисленныхъ довазательствъ, что въ основаніи всѣхъ дѣйствій и помисловъ помпадурскихъ лежитъ не жестовость въ собственномъ смыслѣ этого слова, а безграничное легкомысліе. Такъ, напримѣръ, когда я объяснялъ одному изъ нихъ, что для нихъ же будетъ хуже, ежели міръ обратится въ пустыню, ибо нѣкого будетъ усмирять, и даже нѣкому будетъ готовить имъ кушанье, — то онъ, съ невѣроятнымъ апломбомъ отвѣтилъ мнѣ: „тѣмъ лучше! мы будемъ ѣздить другъ къ другу и играть въ карты, а обѣдать будемъ ходить въ рестораны!“ И я опять вынужденъ былъ замолчать, ибо какая же возможность поколебать эту непреборимую вѣру въ какое-то провиденціальное назначеніе помпадуровъ, которая ни передъ тѣмъ не останавливается и никакихъ невозможностей не признаетъ!

„Вмѣстѣ съ невѣжественностью и легкомысленною страстью къ разрушенію, помпадуры, въ значительной мѣрѣ, соединяютъ и сластолюбіе. Обаяніе власти привлекаетъ къ нимъ сердца не весьма разборчивыхъ провинціальныхъ женщинъ, а корыстолюбіе мужей-чиновниковъ заставляетъ ихъ смотрѣть сквозь пальцы на продѣлки преступныхъ ихъ женъ. Тѣмъ не менѣе, я напрасно ожидалъ утонченности въ обращеніи помпадуровъ съ женщинами. Хотя всѣ они очень бѣгло говорятъ по французски (впрочемъ, и тутъ больше въ ходу какой-то безсмысленный жаргонъ парижскихъ кафе-шантановъ, смѣшанный съ не менѣе безсмысленнымъ жаргономъ кокотокъ), но французская вѣжливость столь же чужда имъ, какъ и любому изъ парижскихъ *couchers de fiacre*. Неоднократно приглашенный на вечера, на которыхъ присутствовала особенно преданная помпадурамъ молодежь и роскошнѣйшія женщины города, я ничего не видалъ, кромѣ безстыдныхъ жестовъ, которые даже меня, бывшаго оберъ-егермейстера моего всемилостивѣйшаго императора Сулука I, заставляли краснѣть. Въ этомъ заключалась вся веселость, вся аттическая соль этихъ вечеровъ. Я никогда не забуду, какъ одна изъ этихъ дамъ (замѣчательно, впрочемъ, красивая) распѣвала французскую пѣсенку: „*et j'frotte et j'frotte—et allez donc!*“ сопровождая свое пѣніе такими оживленными тѣлодвиженіями, которымъ позавидовала бы любая *chanteuse de cabaret*. Помпадуръ сидѣлъ тутъ же и не только не унималъ безстыдницу, но даже хмурилъ брови всякій разъ, какъ она ослабѣвала. Въ другомъ городѣ, другой помпадуръ повелъ меня въ купальную, въ стѣнѣ которой было очень искусно продѣлано отверстіе въ сосѣднее женское отдѣленіе, и заставилъ меня смотрѣть. Грѣшный человекъ, я посмотрѣлъ съ удовольствіемъ, но потомъ все-таки не могъ

воздержаться отъ вопроса: какое же отношеніе все это можетъ имѣть къ администраціи?

„Въ заключеніе, я долженъ сказать, что это корпорація очень загадочная. Я не отрицаю въ помпадурѣхъ нѣкоторой дозы отваги, свидѣтельствующей о величїи души, но въ сожалѣнію, долженъ сказать, что отвага эта растрачивается на такія дѣла, безъ которыхъ легко можно было бы обойтись. Таковы, напри- мѣръ: выбиваніе зубовъ у ямщиковъ во время ѣзды на почто- выхъ и проч. Съ грустнымъ чувствомъ оставилъ я эту страну, убѣдившись, что даже относительно взысканія недоимокъ она не представляетъ ничего новаго и поучительнаго для нашего лю- безнаго отечества.

„Но когда я, по долгу совѣсти, доложилъ о всемъ вышеизло- женномъ моему всемилостивѣйшему императору и повелителю Сулуку I, то, къ величайшему моему огорченію и удивленію, услы- шалъ отъ него: „дурѣхъ! да намъ именно это-то и нужно!“ Съ тѣхъ поръ мнѣ была объявлена немилость за непониманіе истин- ныхъ интересовъ моего повелителя, а потомъ начались и пре- слѣдованія, которыя разрѣшились изгнаніемъ изъ отечества. Ны- нѣ я состою въ качествѣ *garçon en chef* въ *café Riche* въ Па- рижѣ. Но, впрочемъ, не теряю надежды на Бога и на Его все- щедрую милость ко мнѣ. Ибо немилость моя есть лишь плодъ недоразумѣнія, а же во всякое время готовъ и опять занять прежній свой постъ при моемъ всемилостивѣйшемъ повелителѣ, и даже, если ему будетъ угодно, устроить въ любезномъ отече- ствѣ точь въ точь такую же корпорацію помпадуровъ, какою я видѣлъ въ Россіи“.

„Une triste histoire. Souvenirs d'un voyage dans les steppes du Nord“ par Onésime Chenapan, ancien agent provocateur, ayant servi sous les ordres de monseigneur Maupas, préfet de police. 1853. Paris. Librairie nouvelle. Un vol. („Грустная Исторія. Вос- поминанія о путешествіи въ сѣверныя степи. Соч. Онисимъ Ше- напанъ, бывшій политическій сыщикъ, служившій подъ началь- ствомъ монсеиѣра Мона, префекта полиціи“).

„Берусь за перо, чтобы рассказать, какимъ образомъ одинъ необдуманнй шагъ можетъ испортить всю человѣческую жизнь, уничтожить всѣ ея плоды, добытые цѣною долгихъ униженій, повергнуть въ прахъ всѣ надежды на дальнѣйшее повышеніе въ избранной спеціальности и даже отнять у человѣка лучшее его право въ этомъ мірѣ — право называться вѣрнымъ сыномъ святой римско-католической церкви!“

„Все это сдѣлать надо мной одинъ праздный человѣкъ, назвавшій себя помпадуромъ, сдѣлать просто, естественно, безъ малѣйшихъ колебаній, не оставивъ въ моемъ сердцѣ ни малѣйшей надежды получить какое-либо вознагражденіе за причиненный мнѣ ущербъ!

„Юноша! ты, который читаешь эти омытыя слезами строки, внимательно вдумайся въ ихъ содержаніе, и ежели когда нибудь въ *Closerie de lilas* или въ иномъ подобномъ мѣстѣ тебѣ случится встрѣтиться съ человѣкомъ, именующимъ себя помпадуромъ — бѣги его! Ибо имя этому человѣку: жестокосердіе и легкомысліе!

„Въ 1852 году, вскорѣ послѣ извѣстнаго декабрьскаго переворота, случай свелъ меня съ княземъ де-ля-Клюввâ (*le prince de la Kloukwa*), человѣкомъ еще молодымъ, хотя нѣсколько поношеннымъ (*quelque peu tagé*), въ которомъ я, по внѣшнему его виду и веселымъ манерамъ, никогда не позволилъ бы себѣ предположить сановника. Оказалось, однако, что онъ былъ таковымъ.

„Встрѣча произошла въ одномъ изъ парижскихъ *cafés chantans*, которые я посѣщалъ по обязанностямъ службы, такъ какъ въ этихъ веселыхъ мѣстахъ преимущественно ютились заблуждающіеся молодые люди, не выказывавшіе безусловнаго довѣрія къ перемѣнѣ, происшедшей 2-го декабря. Тутъ же можно было найти и множество иностранцевъ, изучавшихъ Парижъ съ точки зрѣнія милой бездѣлицы.

„Разговоръ нашъ начался по поводу пѣсенки „*Ah! j'ai un pied qui g'ne*“, которая тогда только что пошла въ ходъ, и которую мастерски выполняла *m-lle Rivière*. Оказалось, что мой сосѣдъ (мы за однимъ столомъ, не торопясь, попивали наши *petits verres*) не только тонкій цѣнитель жанра, но и самъ очень мило исполняетъ капитальныя пьесы каскаднаго репертуара. Не могу сказать почему, но, къ моему несчастью, я почувствовалъ какое-то слѣпое, безотчетное влеченіе къ этому человѣку, и послѣ бесѣды, продолжавшейся не больше четверти часа, откровенно сознался ему, что я *agent provocateur*, пользующійся особеннымъ довѣріемъ *monsieurа Мона*. И къ удивленію моему, онъ не только не бросился меня бить (какъ это почти всегда дѣлаютъ заблуждающіеся молодые люди), но даже протянулъ мнѣ обѣ руки, и въ свою очередь объявилъ, что онъ русскій, и занимаетъ въ своемъ отечествѣ рангъ помпадурâ.

„— Я объясню вамъ впоследствии, сказалъ онъ при видѣ недоразумѣнія, выразившагося на моемъ лицѣ: — въ чемъ заключаются атрибуты и предѣлы власти помпадурскаго ранга, теперь

же могу сказать вамъ одно: никакая другая встрѣча не могла бы меня такъ обрадовать, какъ встрѣча съ вами. Я именно искалъ познакомиться съ хорошимъ, вполне надежнымъ agent provocateur. Скажите, выгодно ваше ремесло?

„— Monseigneur, отвѣчалъ я:—я получаю въ годъ 1,500 франковъ постояннаго жалованья, и сверхъ того, въ видѣ поощренія, особую плату за каждый доносъ.

„— Однакожь... это недурно!!

„— Еслибъ я получалъ плату построчно, хотя бы наравнѣ съ составителями газетныхъ entrefilets—это было бы, дѣйствительно, недурно; но въ томъ-то и дѣло, monseigneur, что я получаю мою плату поштучно.

„— Но, вѣроятно, къ Рождеству или къ Пасхѣ являются на выручку какіе-нибудь остаточки?

„— Никакъ нѣтъ, monseigneur. Всѣми остаточками безраздѣльно пользуются monseigneur Маурас и всемилостивѣйшій мой повелитель и императоръ Наполеонъ III. Единственнымъ подспорьемъ къ объясненному выше содержанію служить особенная сумма, назначаемая на случай увѣчій и смертнаго боя, очень нерѣдкихъ въ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. 2-го декабря я буквально представлялъ собой сочащуюся кровью массу мяса, такъ что въ одинъ этотъ день заработалъ болѣе тысячи франковъ!

„— Тысячу франковъ... mais c'est très joli!

„— Но у меня есть престарѣлая мать, monseigneur! у меня есть дѣвица-сестра, которую я тщетно стараюсь пристроить!

„— Oh! quant à cela... чортъ ихъ деря!

„Это восклицаніе было очень знаменательно, и должно бы предостеречь меня. Но Провидѣнію угодно было потемнить мой разумъ, вѣроятно, для того, чтобы не помѣшать мнѣ испить до дна чашу уготованныхъ мнѣ истязаній, орудіемъ которыхъ являлся этотъ ужасный человѣкъ.“

„— Ну-съ, а теперь скажите мнѣ, случалось ли вамъ когда-нибудь,—по обязанностямъ службы, s'entend,—распечатывать чужія письма? продолжалъ онъ послѣ минутнаго перерыва, послѣдовавшаго за его восклицаніемъ.

„— Очень часто, excellence!

„— Поймите мою мысль. Прежде, когда письма запечатывались простымъ сургучемъ, когда конверты не заклеивались по швамъ—это, конечно, было легко. Достаточно было тоненькой деревянной спички, чтобы навертѣть на нее письмо и вынуть его изъ конверта. Но теперь, когда конвертъ представляетъ массу, почти непроницаемую... какимъ образомъ поступить? Я неодно-

кратно пробовать употреблять въ дѣло слюну, но, признаюсь, усилія мои ни разу не были увѣнчаны успѣхомъ. Получатели писемъ догадывались и роптали.

„— А между тѣмъ, нѣтъ ничего проще, excellence. Здѣсь, мы поступаемъ въ этихъ случаяхъ слѣдующимъ образомъ: беремъ письмо, приближаемъ его къ кипящей водѣ, и держимъ надъ паромъ конвертъ тою его стороною, на которой имѣются заклеенные швы, до тѣхъ поръ, пока клей не распустится. Тогда мы вскрываемъ конвертъ, вынимаемъ письмо, прочитываемъ его и помѣщаемъ въ конвертъ обратно. И никакихъ слѣдовъ нескромности не бываетъ.

„— Такъ просто—и я не зналъ! Да, французы во всемъ насъ опередили! Великодушная нація! какъ жаль, что революціи такъ часто потрясаютъ тебя! *Et moi, qui, à mes risques et périls, me consumais à dépenser ma salive! Quelle dérision!*

„— Но развѣ распечатываніе чужихъ писемъ входитъ въ ваши атрибуты, *monseigneur?*

„— Въ мои атрибуты входитъ все, что касается внутренней политики, а въ особенности распечатываніе частныхъ писемъ и высканіе недоимокъ (*extorsion des nédoymkàs, une espèce de peine corporelle, en vigueur en Russie, surtout dans le cas où le paysan, par suite d'une mauvaise recolte, n'a pas de quoi payer les impôts*). Знаете ли вы, однакожь, мой новый другъ, что вы вывели меня изъ очень-очень большого затрудненія!

„Онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку, и былъ такъ великодушенъ, что пригласилъ меня ужинать въ *café Anglais*, гдѣ мы почти до утра самымъ пріятнымъ образомъ провели время. Въ заключеніе, онъ очень любезно предложилъ мнѣ сопутствовать ему въ его родныя степи, гдѣ, по словамъ его, представлялась для меня очень выгодная карьера.

„— Вы поѣдете со мною и на мой счетъ, говорилъ онъ мнѣ: — жалованье ваше будетъ простираться до четырехсотъ франковъ въ мѣсяцъ; сверхъ того, вы будете жить у меня и отъ меня же получать столъ, дрова и свѣчи. Обязанности же ваши отнынѣ слѣдующія: научить меня всѣмъ секретамъ вашего ремесла, и разузнавать все, что говорится про меня въ городѣ. А чтобы легче достигъ этой послѣдней цѣли, вы должны будете посѣщать общество и клубы, и тамъ притворно фрондировать противъ меня... понимаете?

„Я былъ изумленъ и обрадованъ. О, *ma pauvre mère! o, ma soeur, dont la jeunesse se consume dans la vaine attente d'un mari!*..

„Но несмотря на охватившее меня волненіе, я все-таки за-

мѣтилъ нѣкоторую несообразность въ его предложеніи, которую и поспѣшилъ разъяснить.

„— Позволю себѣ одно почтительное замѣчаніе, monseigneur! сказалъ я.— Вы изволили сказать, что я буду жить у васъ въ домѣ, и въ то же время предписываете мнѣ фрондировать противъ васъ. Хотя я и понимаю, что это послѣднее средство можетъ быть употреблено съ несомнѣнною пользою въ видахъ направленія общественнаго мнѣнія, но мнѣ, кажется, не лучше ли въ такомъ случаѣ будетъ, если я поселюсь не у васъ, а на особенной квартирѣ — просто въ качествѣ знатнаго иностранца, живущаго своими доходами?

„— Это ничего, отвѣтилъ онъ мнѣ съ очаровательной улыбкой. — Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь этимъ! У насъ въ степяхъ въ этомъ отношеніи такой обычай: гдѣ ѣдятъ, тамъ и мерзятъ, у кого живутъ, того и ругаютъ...

„Я рѣшился.

„Разставаясь съ тобой, о моя возлюбленная Франція, я чувствовала, какъ сердце мое разрывается на куски!

„О, ma mère!

„О, ma pauvre soeur chérie!

„Но я сказалъ себѣ: oh, ma belle France! если только степь не поглотитъ меня, то я сколочу маленькій капиталецъ и заведу въ Парижѣ контору бракоразводныхъ и бракосводныхъ дѣлъ. И тогда ничто уже не разъединитъ насъ, о дорогая, о несравненная отчизна моя!

„Въ ожиданіи этой вождѣленной минуты, я рѣшилъ: все мое жалованье отдавать моей бѣдной матери. Самъ же предположилъ жить на счетъ постороннихъ доходовъ, въ которыхъ, при нѣкоторомъ съ моей стороны умѣніи и изобрѣтательности, несомнѣнно не будетъ у меня недостатка...

„Дорогой, князь былъ очень предупредителенъ. Онъ постоянно сажалъ меня за одинъ столъ съ собою и кормилъ только хорошими кушаньями. Нѣсколько разъ, онъ порывался подробно объяснить мнѣ, въ чемъ состоятъ атрибуты помпадурства; но, признаюсь, этими объясненіями онъ возбуждалъ во мнѣ лишь живѣйшее изумленіе. Изумленіе это усугублялось еще тѣмъ, что во время объясненій лицо его принимало такое двусмысленное выраженіе, что я никогда не могъ разобрать, серьезно ли онъ говорить, или лжетъ.

„— Званіе помпадур, говорилъ онъ мнѣ: — почти ненужное; но именно эта-то ненужность и придаетъ ему то пикантное зна-

ченіе, которое оно имѣеть у насъ. Оно ненужно, и, между тѣмъ, оно есть... вы меня понимаете?

„— Не совсѣмъ, monseigneur!

„— Постараюсь высказаться яснѣе. У помпадуръ нѣтъ никакого спеціальнаго дѣла („лучше сказать, никакого дѣла“, поправился онъ); онъ ничего не производитъ, ничѣмъ непосредственно не управляетъ и ничего не рѣшаетъ. Но у него есть внутренняя политика и досугъ. Первая даетъ ему право виѣшиваться въ дѣла другихъ; второй — позволяетъ разнообразить это право до безконечности. Надѣюсь, что теперь вы меня понимаете?

„— Извините, excellence; но я такъ мало посвященъ въ дружныя степной политики (la politique des steppes), что многого не могу уразумѣть. Такъ напримѣръ для чего вы *вмѣшиваетесь* въ дѣла другихъ? Вѣдь эти „другіе“ суть служители того же бюрократическаго принципа, котораго представителемъ являетесь и вы? Ибо на сколько я понимаю конституцію степей...

„— Прежде всего, у насъ вовсе нѣтъ конституціи! Наши степи волны... какъ степи! или какъ тотъ вихрь, который гуляетъ по нимъ изъ одного конца въ другой. Кто можетъ удержать вихрь, спрашиваю я васъ? Какая конституція можетъ достигнуть его? прервалъ онъ меня такъ строго, что я нѣсколько смѣшался и счелъ за нужное извиниться.

„— Я не такъ выразился, monseigneur, сказалъ я: — я употребилъ слово „конституція“ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы удостоили принять его. По мнѣнію людей науки, всякое государство, однажды *конституированное*, уже тѣмъ самымъ заявляетъ, что оно имѣеть свою *конституцію*... Затѣмъ, разумѣется, можетъ быть конституція вредная, но можетъ быть и полезная...

„— Все это прекрасно-съ, но я прошу васъ не употреблять въ нашихъ разговорахъ ненавистнаго мнѣ слова „конституція“... никогда! Entendez vous: jamais! Et maintenant, que vous êtes averti, continuons.

„— И такъ, я сказалъ, что для меня непонятно, какое значеніе можетъ имѣть вмѣшательство однихъ бюрократовъ въ занятія другихъ бюрократовъ?

„Я готовъ былъ прибавить: „быть можетъ, вы дѣлитесь? Тогда— я понимаю! О, comme je comprends cela, monseigneur!“ Но не будучи еще на совершенно короткой ногѣ съ моимъ высокопоставленнымъ другомъ, воздержался отъ этого замѣчанія. Однакожь онъ, повидимому, понялъ мою тайную мысль, потому что

покраснѣлъ какъ варенный ракъ и взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ:

„— Я протестую всѣми силами души моей! Слышите! протестую!

„— Но въ такомъ случаѣ, я, право, не понимаю, въ чемъ же состоятъ цѣль этого непрерывнаго вмѣшательства?

„— Вы глупы, Шенарап (да, онъ сказалъ мнѣ это, не смотря на то, что въ то время былъ еще очень учтивъ относительно меня)! Вы не хотите понять, что чѣмъ больше съ моей стороны вмѣшательства, тѣмъ болѣе я получаю правъ на вниманіе моего начальства. Если я усмирю въ годъ одну революцію — это хорошо; но если я усмирю въ годъ двѣ революціи—это ужь отлично! И вы, который находитесь на службѣ у величайшаго изъ усмирителей революцій—вы не понимаете этого!

„— Я понимаю, я даже очень хорошо понимаю это, monseigneur! Но, признаюсь, я полагаю, что положеніе вашего отечества...

„— Всѣ отечества находятся въ одномъ положеніи для человека, который желаетъ обратить на себя вниманіе начальства—vous m'entendez? Но это еще не все. Я имѣю и личное самолюбіе... sacrebleu! У меня есть внутренняя политика, у меня есть прерогативы! Я хочу проводить мой взглядъ... sapristi! Я желаю, чтобъ съ этими взглядами сообразовались, а не противодѣйствовали имъ! Это мое право... это, наконецъ, мой капризъ! Вы возлагаете на меня отвѣтственность... вы требуете отъ меня et ceci etcetera.. позвольте же мнѣ имѣть свой капризъ! Надѣюсь, что это не какая нибудь чудовищная претензія съ моей стороны?!

„— Но законъ, monseigneur? Какимъ образомъ примирить капризъ съ закономъ?

„— La loi! parlez moi de ça! nous en avons quinze volumes, mon cher!

„На этомъ нашъ разговоръ пресѣлся. Какъ ни нова была для меня административная теорія, выразившаяся въ послѣднемъ восклицаніи моего собесѣдника, но признаюсь откровенно, отвага, съ которою онъ выразился о законѣ, понравилась мнѣ. Хотя и monseigneur Маурас нерѣдко говаривалъ мнѣ: „по нуждѣ, mon cher, и закону премѣна бываетъ“, но онъ говорилъ это потихоньку, какъ бы боясь, чтобъ его кто-нибудь не услышалъ. И вдругъ—эта ясность, эта смѣлость, этотъ полетъ... какъ было не плѣниться ими! Козаки вообще отважны и склонны видѣть непріятеля даже тамъ, гдѣ мы, люди старой цивилизаціи, видимъ лишь покровительство и гарантію. Это люди совсѣмъ свѣжые, не имѣю-

ще ни одного изъ предразсудковъ, которые обременяютъ жизнь западнаго человѣка. Съ самою веселою непринужденностью смотрятъ они на такъ называемыя нравственныя обязательства, но зато никто не можетъ сравняться съ ними относительно тѣлесныхъ упражненій, и за столомъ, за бутылкой вина, съ женщинами—это рѣшительно непобѣдимѣйшіе борцы (joueurs) въ цѣломъ мірѣ. Я, напримѣръ, ни разу не видалъ моего амфитріона пьянымъ, хотя количество истребленныхъ имъ, въ моихъ глазахъ, напитковъ, по истинѣ, едва вѣроятно. Ни разу не сложилъ онъ оружія передъ непріателемъ, и все дѣйствіе, оказываемое на него виномъ, ограничивалось переменною цвѣта лица и нѣскольکو большимъ одушевленіемъ, съ которымъ онъ начиналъ лгать (blaguer).

Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что значеніе, которое имѣютъ помпадуръ въ русскомъ обществѣ, продолжало казаться для меня не яснымъ. Я не могъ себѣ представить, чтобы могла существовать гдѣ нибудь такая административная каста, которой роль заключалась бы въ томъ, чтобы мѣшать (я считаю слово „вмѣшиваться“ слишкомъ серьезнымъ для такого занятія), и которая на напоминаніе о законѣ отвѣчала бы: *pristi! nous en avons quinze volumes!* Сомнѣнія мои, я впрочемъ, относилъ не къ собственной своей непонятливости, а скорѣе къ неумѣнью князя ясно формулировать свою мысль. Онъ самъ, какъ видно, не сознавалъ, въ чемъ состоитъ его административная роль, и это будетъ совершенно понятно, если мы вспомнимъ, что въ Россіи до сихъ поръ (писано въ 1853 году) расадниками администраціи считаются кадетскіе корпусы. Въ этихъ заведеніяхъ молодымъ людямъ, пространно преподають одну только науку, называемую „*Zwop poréta razdawais*“ (самъ князь былъ очень веселъ, когда передавалъ мнѣ это длинное названіе, и я увѣренъ, что ни въ какой другой странѣ Европы науки съ подобнымъ названіемъ не найдется), прочія же знанія, безъ которыхъ ни въ одномъ человѣческомъ обществѣ нельзя обойтись, проходятся болѣе, нежели кратко. Поэтому, нѣтъ ничего мудренаго, что лица, получившія такое воспитаніе, оказываются неспособными выражать свои мысли связно и послѣдовательно, а отдѣлываются одними ничего не стоящими восклицаніями, въ родѣ „*sapristi!*“ „*ventre de biche*“, „*parlez moi de ça*“ и т. д.

Только тогда, когда негостепріимная степь уже приняла насъ въ свои суровыя объятія, то есть по прибытіи на мѣсто, я могъ хотя отчасти уразумѣть, что хотѣлъ выразить мой высокопоставленный амфитріонъ, говоря о своихъ прерогативахъ.

Повуда мы еще не вѣхали въ предѣлы того края, въ которомъ помпадурствовалъ князь де-ля-Клюквѣ, поведение его

было довольно умѣреню. Онъ билъ ямщиковъ съ снисходительностью, о которой я могу отовваться лишь съ величайшею похвалою (я не говорю уже о поведеніи его за границей, гдѣ онъ былъ весь — утонченная вѣжливость). Но едва онъ завидѣлъ пограничный столбъ, указывавшій начало его владѣній, какъ тотчасъ же вынулъ изъ ноженъ свою саблю, перекрестился и, обращаясь къ ямщику, испустилъ крикъ, имѣвшій зловѣщее значеніе. Мы понеслись стрѣлою, и какъ съумасшедшіе скакали всѣ пятнадцать верстъ, оставшіяся до станціи. Но ему казалось, что его все еще недостаточно скоро везутъ, потому что онъ черезъ каждыя пять минутъ поощрялъ ямщика полновѣсными ударами сабли. Я никогда не видалъ человѣка до такой степени разсерженнаго, хотя причины его гнѣва не понималъ. Признаться, я сильно боялся, чтобъ во время этой бѣшеной скачки у нашего экипажа не переломилась ось, ибо мы несомнѣнно погибли бы, если бы это случилось. Но уговорить его не торопить ямщика было невозможно, потому что безумная ѣзда по дорогамъ есть одна изъ прерогативъ, за которую помпадуры особенно страстно держатся.

„— Я научу ихъ, какъ ѣздить .. каналій! твердилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и какъ бы наслаждаясь страхомъ, который должна была выражать моя физиономія.

„И дѣйствительно, мы проѣхали нѣсколько болѣе двухъ сотъ верстъ въ теченіи двѣнадцати часовъ, и, не смотря на эту неслыханную быстроту, онъ приказывалъ на станціяхъ сѣчь ямщиковъ, говоря мнѣ:

„— C'est notre manière de leur donner le pour boire!

„Приѣхавши въ главный городъ края, мы остановились въ большомъ казенномъ домѣ, въ которомъ мы буквально терялись какъ въ пустынѣ (князь не имѣлъ семейства). Было раннее утро, и мнѣ смертельно хотѣлось спать, но онъ непремѣнно желалъ, чтобы немедленно произошло официальное представленіе, и потому разослалъ во всѣ концы гонцовъ съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи. Черезъ два часа, залы дома уже были наполнены трепещущими чиновниками.

„Хотя и въ нашей прекрасной Франціи прерогативы играютъ немаловажную роль, но, клянусь, я никогда не могъ себѣ представить что либо подобное тому, что я увидѣлъ здѣсь. У насъ слово „негодяй“ (vaigrien, polisson... и къ несчастью, cheparap) есть высшая степень порицанія, которую можетъ заслужить провинившійся подчиненный отъ раздраженнаго начальнива; здѣсь же, независимо отъ обильно-расточаемыхъ личныхъ оскорбленій, принято еще за правило приобщать къ нимъ родственниковъ

оскорбляемаго въ восходящей степени. Князь былъ красенъ какъ ракъ и перебѣгалъ отъ одного подчиненнаго къ другому, источая цѣлые потоки дурной брани. Въ особенности же доставалось отъ него одному хромому маіору, котораго онъ иронически рекомендовалъ мнѣ: вотъ мой Мопà. Я думалъ, не замышлялъ ли этотъ несчастный человекъ похитить, въ отсутствіе князя, его власть, (что, конечно, оправдало бы его гнѣвъ), но оказалось, что ничего подобнаго не бывало. Я и до сихъ поръ не могу объяснить себѣ, что мотивирovalo тѣ прискорбныя сцены, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ это памятное для меня утро. Хотя же князь и объяснялъ ихъ желаніемъ оградить свои прерогативы, но и эта причина казалась мнѣ недостаточною, ибо никто, повидимому, на эти прерогативы не посягалъ. Словомъ сказать, официальное представленіе кончилось къ полнѣйшему торжеству моего высокопоставленнаго амфитріона, который ходилъ по комнатамъ, выгнувъ шею, какъ конь, и гордо празднуя безъ труда одержанную побѣду.

„Только за обѣдомъ я успѣлъ нѣсколько опомниться. Было довольно весело, ибо здѣсь присутствовало нѣсколько фаворитовъ князя, молодыхъ людей, безспорно очень образованныхъ. Одинъ изъ нихъ, недавно возвратившійся изъ Петербурга, очень удачно представилъ, какъ M-lle Page ¹, на своихъ *soirées intimes*, поетъ: *Un soir à la barrière*. Пѣсенка эта, хотя далеко не новая, и почти исчезнувшая изъ моей памяти, доставила мнѣ живѣйшее удовольствіе.

„Вечеромъ того же дня, князь представилъ меня дамѣ своего сердца, которую онъ не за долго передъ тѣмъ отнялъ у одного изъ здѣшнихъ муниципальных совѣтниковъ ². Роскошнѣйшая эта женщина произвела на меня глубокое впечатлѣніе, которое еще болѣе усилилось, когда нога моя почувствовала подъ столомъ давленіе ея ножки. Мужъ ея былъ тутъ же и очень смѣшилъ насъ своими шутками надъ обманутыми мужьями, изъ числа которыхъ онъ простодушно не исключалъ и самого себя. Нѣкоторые изъ этихъ шутокъ, подъ личиною наивности, заключали въ себѣ на столько язвительности, что помпадуръ сердился и краснѣлъ. Но морганатическая его подруга, повидимому, уже привыкла къ подобнымъ сценамъ и присутствовала при нихъ совершенно какъ постороннее лицо.

¹ Извѣстная въ то время актриса французскаго театра въ Петербургѣ
Аст.

² Очевидно, это ошибка: муниципальных совѣтниковъ никогда въ Россіи не бывало.
Аст.

„Веселый нашъ ужинъ приближался къ концу, какъ вдругъ прибѣжали доложить, что въ концѣ города вспыхнулъ пожаръ.

„— Ну вотъ и прекрасно, обратился ко мнѣ помпадуръ: — vous allez me voir à l'oeuvrè!

„Но я, признаюсь, былъ далеко не радъ, когда увидѣлъ (это было въ первый разъ со времени нашего знакомства), что князь совсѣмъ пьянъ. Близость ли любимой особы подѣйствовала на него возбуждающимъ образомъ, или это былъ непосредственный результатъ опьяненія властью — какъ бы то ни было, но онъ едва держался на ногахъ. Оказалось, однако, что и это послужило ему на пользу. Обыкновенно, ни одинъ пожаръ не обходился безъ того, чтобы онъ кого нибудь не прибилъ, теперь же онъ все время проспалъ и проснулся уже тогда, когда пламя было совершенно потушено.

„При возвращеніи съ пожара домой, онъ такъ неприятно поразилъ меня, что сердце мое впервые болѣзненно сжалось, какъ бы подъ влияніемъ какого-то темнаго предчувствія.

„— Ну съ, господинъ Шенапанъ (онъ даже не скрывалъ, что дѣлаетъ изъ моей фамиліи очень обидную для меня ягру словъ), понравилось *тебѣ* у меня? обратился онъ ко мнѣ.

„Какъ ни больно кольнула меня эта предумышленная игра словъ, а равно и безцеремонное *ты*, обращенное ко мнѣ, чело-вѣку совершенно посторонняго вѣдомства, однако, я чувствовалъ, что надобно покориться.

„— Я болѣе нежели очарованъ, monseigneur! отвѣтилъ я.

„— Гм... жалагъ бы я посмотрѣть, какъ бы ты не былъ очарованъ... прахвость (prachwost)!

„Сказавши это, онъ такъ странно засмѣялся, что я тотчасъ же понялъ, что нахожусь не въ гостяхъ, а въ плѣну.

„O ma France bien aimée! O ma mère!

„Князь очень скоро научился у меня всѣмъ секретамъ ремесла; но по мѣрѣ того, какъ онъ тверже становился на ноги, я больше и больше падалъ въ его глазахъ. Первые два мѣсяца онъ очень аккуратно уплатилъ мое жалованье, но на третій мѣсяцъ прямо объявилъ мнѣ, что я и весь не стою двухъ су. Когда же я началъ умолять его, ссылаясь на престарѣлую мать и дѣвицу сестру, у которой единственное сокровище на землѣ — ея добродѣтель, то онъ не только не вынулъ голоса великодушія, но даже позволилъ себѣ нѣсколько двусмысленностей на счетъ добродѣтели моей доброй, бѣдной сестры.

„Въ ожиданіи, что Богъ просвѣтитъ его сердце, я долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что мнѣ давали даромъ столъ и

квартиру. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ важныхъ оскорбленій. У меня отняли мою прежнюю постель и замѣнили ее чѣмъ-то такимъ, чему на нашемъ прекрасномъ языкѣ нѣтъ имени. За столомъ надо мной постоянно издѣвались, принявъ, такъ сказать, за правило называть меня прахвостомъ. Къ несчастію, я имѣлъ неосторожность проговориться, какъ меня били въ Парижѣ при исполненіи обязанностей, и этою ненужною откровенностью я самъ, такъ сказать, приготовилъ безконечную канву для разнообразнѣйшихъ и неприличнѣйшихъ шутокъ, съ которыми эти неизобрѣтательные сами по себѣ люди обращались ко мнѣ. Сверхъ того, меня каждый разъ непремѣнно оставляли безъ какого-нибудь блюда (обыкновенно, съ самою утонченною жестокостью, выбиралось то блюдо, которое я больше всего любилъ), и когда я жаловался на голодъ, то меня безъ церемоній отсылали въ людскую. Но всего прискорбнѣе для меня было то, что при мнѣ оскорбляли моего всемилостивѣйшаго повелителя императора Наполеона III, а въ его лицѣ и мою прекрасную, дорогую Францію. Такъ напримѣръ, спрашивали меня, правда-ли, что Наполеонъ (они нарочно произносили это имя: *Napoléoschkàs* — уменьшительное презрительное) торговалъ въ Лондонѣ гусями, или правда-ли, что онъ вмѣстѣ съ Морни содержалъ въ Нью-Йоркѣ домъ терпимости и т. д. И всѣ эти легкомысленныя шуточки дѣлались въ то время, когда уже стоялъ на очереди грозный восточный вопросъ...

„Такъ продолжалось до осени. Наступили холода, а въ моей комнатѣ не вставляли двойныхъ рамъ и не приказали топить ее. Я никогда не принадлежалъ къ числу строптивыхъ, но при первомъ жестокомъ уколѣ холода, и моя самоотверженность дрогнула. Тутъ только я убѣдился, что надежда на то, что Богъ просвѣтитъ сердце моего высокопоставленнаго амфитріона, есть надежда въ высшей степени легкомысленная и несбыточная. Скрѣпя сердце, я рѣшился оставить негостепріимныя стѣны и явился къ князю съ просьбой снабдить меня хотя такою суммой, которая была нужна, чтобы достигнуть береговъ Сены.

„— Я уже не настаиваю на выдачѣ мнѣ должнаго, *monseigneur*, сказалъ я:— на выдачѣ того, что я заработалъ вдали отъ дорогой родины, питаюсь горькимъ хлѣбомъ чужбины...

„— И хорошо дѣлаешь, что не настаиваешь... *сенапан!* замѣтилъ онъ холодно.

„— Я прошу только одной милости: снабдить меня достаточной суммой, которая позволила бы мнѣ возвратиться на родину и обнять мою дорогую мать!

„— Хорошо, я подумаю... *сенапан!*

„Дни проходили за днями; мою комнату продолжали не топтать, а онъ все думалъ. Я достигъ въ это время до послѣдней степени протраціи; я никому не жаловался, но глаза мои сами собой плакали. Будь въ моемъ положеніи послѣдняя собака — и та способна была бы возбудить сожалѣніе... Но онъ молчалъ!!

„Впослѣдствіи, я узналъ, что подобныя дѣйствія на русскомъ языкѣ называются „шутками“... Но если таковы ихъ шутки, то каково же должно быть ихъ жестокосердіе!

„Наконецъ, онъ призвалъ меня къ себѣ.

„— Хорошо, сказалъ онъ мнѣ:—я дамъ тебѣ четыреста франковъ, но ты получишь ихъ отъ меня только въ томъ случаѣ, если перейдешь въ православную вѣру.

„Я съ удивленіемъ взглянулъ ему въ глаза, но въ этихъ глазахъ ничего не выражалось, кромѣ непреклонности, не допускающей никакихъ возраженій.

„Я не помню, какъ былъ совершенъ обрядъ... Я даже не увѣренъ, былъ ли это обрядъ, и не исполняли ли роль попа переодѣтый чиновникъ особыхъ порученій...

„Справедливость требуетъ, однакожь, сказать, что по окончаніи церемоніи, онъ поступилъ со мною какъ grand seigneur, то есть, не только отпустилъ условленную сумму сполна, но подарилъ мнѣ прекрасную, почти не ношенную пару платья и приказалъ вести меня безъ прогоновъ до границъ слѣдующаго помпадурства. Надежда не обманула меня: Богъ, хотя поздно, но просвѣтилъ его сердце!

„Черезъ двѣнадцать дней, я былъ уже на берегахъ Сены и вновь благосклонно принятый монсенъеромъ Мопѣ на службу, разгуливалъ по бульварамъ, весело напѣвая:

Les lois de la France,
Votre Excellence!
Mourir, mourir,
Toujours mourir!

„O, ma France!

„O, ma mère!“

„La question d'Orient. Le plus sûr moyen d'en venir à bout“. Par un observateur impartial. Leipzig. 1857. („Восточный вопросъ. Вѣрнѣйшій способъ покончить съ нимъ“. Соч. Безпристрастнаго Наблюдателя. Лейпцигъ. 1857) ¹.

¹ Подозрѣвають, что подъ псевдонимомъ «Безпристрастный Наблюдатель» скрывается одинъ знаменитый московскій археологъ и чревоушчателъ. Но такъ какъ подобное предположеніе ничѣмъ не доказано, то и этого автора я нашелся вынужденнымъ помѣстить въ число знатныхъ иностранцевъ. Авт.

„Хочу рассказать, какъ одинъ мой пріятель вздумалъ надо мной пошутить, и какъ шутка его ему же во вредъ обратилась.

„Надняхъ прїѣзжаетъ ко мнѣ изъ Петербурга К***, бывшій цѣловальникъ, а нынѣ откупщикъ и публицистъ. Обрадовались; сѣли, сидимъ. Зашла рѣчь объ нынѣшнихъ дѣлахъ. Что и какъ. Много похвалили, иному удивились, о прочемъ прошли молчаніемъ. Затѣмъ перешли къ братьямъ-славянамъ, а по дорогѣ и „больного человѣка“ задѣли. Рѣшили, что надо пустить кровь. Переговоривъ обо всемъ, вижу, что уже три часа, время объѣдать, а онъ все сидитъ.

„— Расскажи, говорить, какъ ты къ черногорскому князю ѣздилъ?

„Рассказалъ.

„— А не расскажешь ли, какъ ты съ Палацкимъ познакомился?

„Рассказалъ и это.

„— Такъ ты, говорить, полагаешь, что „больному человѣку“ кровь пустить надо?

„— Непремѣнно полагаю.

„— А нельзя ли какъ нибудь другимъ манеромъ его разворить?

„— Нельзя. Водки онъ не пьетъ.

„Бьетъ три съ половиной, а онъ все сидитъ. Зашла рѣчь о предсказаніяхъ и предзнаменованіяхъ.

„— Снилось мнѣ сегодня ночью, что я въ гостяхъ объѣдаю! вдругъ говорить мнѣ К***.

„Или, другими словами, прямо навязывается ко мнѣ на объѣдъ. Въ величайшемъ смущеніи смотрю на него, тщусь разгадать: какія еще новыя шутки онъ со мной предпринять выдумаетъ? Ибо, какъ человѣкъ богатый, онъ можетъ предпринять многое такое, что другому и въ голову не придетъ. Однако, дѣлать нечего, слѣдуя законамъ московскаго хлѣбосольтва, рѣшаюсь покориться своей участи.

„— Дома, говорю, у меня ничего не готовлено, а вотъ въ новотроицкій коли хочешь...

„Сказалъ это, и испугался.

„— Въ новотроицкій, такъ въ новотроицкій, говорить. — Только чуръ на твой счетъ. Мнѣ, братъ, сегодня такая блажь въ голову пришла: непременно на твой счетъ объѣдать хочу!

„Дѣлать нечего, поѣхали.

„Выпили по рюмѣѣ очищеннаго, и сѣли по небольшому кусочку ветчины. Мало. А между тѣмъ, по непомѣрной нынѣшней дороговизнѣ, вижу, что уже за одно это придется заплатить не менѣе пятнадцати копеекъ съ брата.

„Тогда я счелъ, что съ моей стороны долгъ гостепріимства уже исполненъ, и что за симъ я имѣю даже право расчитать, что и онъ свой долгъ выполнить, то-есть распорядится на счетъ обѣда. Ничуть не бывало. Уже рассказалъ я ему и о томъ, какъ я у Ганки обѣдалъ, и о томъ, какъ едва не отобѣдалъ у Гоголя,—а онъ все смѣется и нивакихъ распоряженій не дѣластъ. Тогда, дабы уничтожить въ душѣ его всякія сомнѣнія, я позвалъ полового, и спросилъ у него счетъ.

„— А обѣдать-то какъ же? спросилъ меня К***.

„— Я съ своей стороны сытѣхонекъ! отвѣтилъ я, едва, впрочемъ, скрывая терзавшій меня голодъ.

„Тогда онъ, весело расхотавшись, сказалъ:

„— Ну, братъ, вижу, что тебя не побѣдишь! Вѣришь ли, всю дорогу изъ Петербурга ѣхавши, я твердилъ себѣ: не все же мнѣ его кормить! пообѣдаю когда-нибудь и я на его счетъ! Вотъ-те и пообѣдадь!

„Затѣмъ, когда недоразумѣніе между нами кончилось, засѣли мы за столъ, причемъ я, изъ предосторожности, завѣсилъ себѣ грудь салфеткою.

„Подавали: селянку московскую изъ свѣжей осетрины — прекрасную; котлеты телячьи паровыя—превосходныя; жаренаго поросенка съ кашей—отмѣннѣйшаго.

„Зная исправность моего желудка, я ѣлъ съ такимъ расчетомъ, чтобъ быть сытымъ на три дня впередъ.

„Наѣвшись, стали опять бесѣдовать о томъ, какъ бы „больного человѣка“ подкузнить. Ибо, хотя К*** и откушিয়েтъ, но такъ какъ многіе ученые его гостепріимствомъ во всякое время пользуются, то и онъ между ними приобрѣлъ нѣкоторый въ политическихъ дѣлахъ глазомѣръ.

„Прикидывали и такъ и этакъ. Флотовъ нѣтъ—передъ флотами Денегъ нѣтъ—передъ деньгами. Все будетъ, коли люди будутъ; вотъ людей нѣтъ — это такъ.

„Сидимъ. Повѣсили головы.

„Однакожь, когда выпили нѣскольکو здравицъ, то постепенно явились и люди.

„— Какъ людей нѣтъ! кто говоритъ, что людей нѣтъ! да вотъ его пошлите! его! Гаврилу! да! кипятился К***, указывая на служившаго намъ полового.

„И затѣмъ, разгораясь по мѣрѣ каждой выпитой здравицы, онъ въ особенности началъ рекомендовать мнѣ нѣкогого N — скаго помпадуръ, Петра Толстолобова, какъ человѣка, которому даже и передъ Гаврилой предпочтеніе отдать можно.

„— Это такой человек! кричал онъ:—такой человек! географин не знаетъ, ариметики не знаетъ, а кровь хоть кому угодно пустить! Самородокъ!

„— Поди, онъ, чай, и въ Стамбуль-то доѣхать не съумѣетъ! усумнился я.

„— Не съумѣетъ — это вѣрно!

„Задумались. Стали прикидывать, сколько у насъ самородковъ въ нѣдрахъ земли скрывается: наукъ не знаютъ, а кровь пустить могутъ!

„— Одна бѣда — какими способами его въ Стамбуль водворить! Флотовъ нѣтъ! денегъ нѣтъ! восклицала К***.

„— Чудакъ ты, братецъ! самъ же сейчасъ говорилъ, что флотовъ нѣтъ—передъ флотами!

„— Кто говорилъ, что флотовъ нѣтъ? я что ли говорилъ, что флотовъ нѣтъ! Никогда?! Я говорилъ...

„Выпили еще здравицу и послали Палацкому телеграмму въ Прагу. Заснули.

„Въ 12 ночи проснулись.

„— Я, говорить К***, удивительнѣйшій сонъ видѣлъ!

„И рассказалъ мнѣ, что во снѣ ему представилось, будто бы Толстолобовъ ужъ водворенъ въ Стамбуль и пускаетъ „больному человеку“ кровь.

„— И такъ, братецъ, онъ ловко...

„Но я, будучи уже трезвъ, отвѣтилъ на это:

„— Не всегда сны сбываются, другъ мой! Вотъ ты вчера видѣлъ во снѣ, что въ гостяхъ у меня обѣдаешь, а между тѣмъ кто изъ насъ у кого въ гостяхъ отобѣдалъ? По сему можешь судить и о прочемъ.

„Сказавши это, я вышелъ изъ трактира, онъ же остался въ трактирѣ, дабы на досугѣ обдумать истину, скрывавшуюся въ словахъ моихъ

„Имѣй уши слышати—да слышать!“

„Какъ мы везли Ямудца принцъ Иззединъ-Музаферъ-Мирза въ Рассею“. Писалъ съ натуры принцовой воспитатель Хабибулла Науматуллоевичъ, бывшій служитель въ ателѣ Бельвиу (въ С.-Питимбурхи, на Невскимъ, противъ кіатра. Съ двухъ до семи часовъ обѣды по 1 и по 2 р. и по картѣ. Ужины. Завтраки) ¹.
Издание общества покровительства животнымъ.

¹ Какой страшный воспитатель для молодого Гомудскаго принца! можетъ замѣтить читатель. Совершенно согласенъ съ справедливостью этого замѣчанія, но измѣнять ничего не могу.

„Въ пятницу, на масляной, только что услѣли ми отслужить господамъ, прибѣжалъ въ нашъ атель Ахметка и говоритъ: „Хабибулла! можешь учить принца разумъ?“ Я говорю: могу!

„Айда, говоритъ въ Касимовъ, бери плакатъ и ѣзжай въ Ямудію!“

„Ѣзжалъ Касимовъ, биралъ плакатъ — айда въ Ямудію!

„Ѣзжалъ тамошній сталица. Чудной городъ, весь изъ песку.

Сичасъ въ принцу.

„ — Изединъ-Музаферъ-Мирза! говорю: — хозяинъ атель Бельвю — на самымъ Невскимъ, противъ кіатра, обѣды по 1 и по 2 р. и по картѣ; ужины; завтраки — прислалъ мнѣ тибѣ разумъ учить — айда въ Питембурхъ!

„ — Какой такой Питембурхъ? говоритъ.

„ Смѣшно мнѣ стало.

„ — Балшой ты ишакъ выросъ, а Питембурхъ не знаешь!

„ Согласился.

„ — Айда, говоритъ: — только учи меня разумъ, Хабибулла! пажалста, учи!

„ Стали собирать. Чимаданъ—нѣтъ; савваляжъ—нѣтъ! Беда!

„ — Есть ли, говорю, покрайности, орденъ у тебя? наши господа ордена любятъ?

„ — Есть, говоритъ, орденъ Ишакъ. Самъ дѣлалъ.

„ — Бери больше, говорю.

„ Ѣхали-ѣхали; плыли-плыли. Страсть!

„ Пескамъ ѣхали, полямъ ѣхали, лѣсамъ, горамъ ѣхали. Морямъ плыли, заливамъ-праливамъ плыли, рѣкамъ плыли, озерамъ не плыли...

„ Одначе, пріѣхали.

„ — Какой такой страна? спрашивалъ принцъ.

„ — Балшой ты ишакъ выросъ, а такой дурацкой вещь спрашиваешь. Не страна, а Рассея, говорю.

„ — Учи мнѣ разумъ, Хабибулла! пажалста учи!

„ Ѣзжали одинъ городъ—одинъ помпадуръ стричалъ.

„ — Какой такой человекъ? говорилъ принцъ.

„ — Помпадуръ, говорилъ.

„ — Бери орденъ ишакъ, и термалама на халатъ!

„ Ишакъ бралъ, термалама бралъ, плечомъ цѣловалъ, ружьемъ сгрѣбиль... беда!

„ Другой городъ ѣзжали—другой помпадуръ стричалъ.

„ — Бери орденъ ишакъ и термалама на халатъ!

„ Ишакъ бралъ, термалама бралъ, плечомъ цѣловалъ, ружьемъ егрѣбиль!

„ Сто верстъ ѣзжали, тысячу верстъ ѣзжали—вездѣ помпадуръ стричалъ. Народъ нѣтъ, помпадуръ есть.

„— Хорошо здѣсь, говорилъ принцъ: — народъ не видать, помпадуръ видать—чисто!

„Въ Маршанскъ на машини ѣзжали — машина какъ свиснетъ! Страсть! забоялся нашъ Извединъ-Музаферъ-Мирза, за животъ взялся.

„— Умрешь здѣсь, говорилъ: — айда́ домой, въ Ямудію!

„Досадно мнѣ, ай-ай какъ досадно стало.

„— Балшой, говорю, ты ишаекъ выросъ, а до мѣста потерпѣть не можешь!

„Слышать не хочетъ—шабашъ!

„— Айда́ домой! говорилъ: — скорѣй дома риформа дѣлать хочу!

„Одну тольки станцію на машини ѣзжали — айда́ назадъ въ Ямудію!

„Ѣхали-Ѣхали; плыли-плыли.

„Одинъ городъ ѣзжали — одинъ помпадуръ стричалъ; другой городъ ѣзжали — другой помпадуръ стричалъ.

„Ишаекъ давалъ, термалама не давалъ. Жалко стало.

„— Ай-ай хорошо здѣсь! говорилъ принцъ: — народъ нѣтъ, помпадуръ есть — чисто! Айда́ домой риформа дѣлать!

„Домой ѣзжалъ, риформа начиналъ.

„Народъ ганялъ, помпадуръ сажалъ; риформа кончалъ“.

Н. Щедринъ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

У входа въ рыбацью лачужку,
Усѣвшись, вечерней порой,
Смотрѣли мы какъ надъ заливомъ,
Туманъ поднимался сѣдой.

Предъ нами, на башнѣ маячной,
Огни постепенно зажгли.
Еще мы одну разглядѣли
Чернѣвшую мачту вдали...

Вели́разговоръ мы о буряхъ,
О страшномъ крушеніи судовъ,—
И какъ межъ надеждой и страхомъ
Проходить вся жизнь моряковъ.

О многомъ еще говорили;
О странахъ далѣкихъ, чужихъ,
О людяхъ, что тамъ обитають,
О разныхъ обычаяхъ ихъ:

Гдѣ свѣтлыя воды Гангеса
Струятся, и лотосъ цвѣтетъ,
Колѣна предъ нимъ преклоняетъ
Красивый и тихій народъ.

Въ Лапландіи, съ черепомъ плоскимъ,
На корточкахъ люди сидятъ,

И жарять они себѣ рыбу,
И дико визжать и кричать.

Насъ слушали женщины строго;
Но вотъ, всё притихли мы вдругъ.
Ужь мачты намъ не было видно,
И мракъ разстился вокругъ...

А. Плещеевъ.

ВПЕРЕДЪ НЕ УГАДАЕШЬ.

ОЧЕРКЪ.

Отецъ Василій на покосѣ. Июльское солнце жжетъ невыносимо. Отецъ Василій сгребаетъ остатки сѣна. Сѣновозъ кончается, жнитво еще не поспѣло, значить торопиться нѣкуда, и отецъ Василій сгребаетъ не спѣша. Жаръ нагоняетъ дремоту и въ головѣ его лѣниво ползутъ грезы.

Отецъ Василій не прочь погрезить на досугѣ; въ грезахъ забывается дѣйствительность и живетъ такой жизнью, какой хочется, а это немалая улада. Но и въ грезахъ отецъ Василій не честолюбивъ, какъ не честолюбивъ и въ жизни; онъ никогда не грезитъ себя ни депутатомъ, ни благочиннымъ. Грезится ему Екатерининъ день. Ѣдетъ отецъ Василій съ своей попадей къ отцу Ѳеодору въ гости. Во всѣхъ окнахъ жилища отца Ѳеодора огонь и въ одномъ окнѣ на стеклѣ виднѣется тѣнь косматой головы отца Павла. „Ужъ этотъ хохлатый тутъ!“ ворчитъ севозъ зубы отецъ Василій. Подъ окнами два причетника стараются поддержать другъ друга и никакъ не могутъ сохранить равновѣсія. Они рѣшаютъ вопросъ: къ попу ли имъ пойти или къ дьячку? но языки обоихъ отказываются выражать мысли, и вопросъ туго подвигается впередъ. Съ крыльца спрыгнула дочь отца Ѳеодора въ новомъ ситцевомъ платьѣ и бѣжить черезъ дорогу. Въ домѣ пономаря гудеть сильный басъ тропарь праздника у дьякона слышится гулъ многихъ голосовъ, въ концѣ улицы нѣсколько человѣкъ селятся запѣть пѣсню. Это Екатерининъ день. Отецъ Василій улыбается. Работникъ принимаетъ его лошадь и онъ входитъ въ домъ. Въ домѣ жарко, пахнетъ брагой и водкой. На столѣ пыхтитъ самоваръ, вокругъ стола сидятъ попади-гости и вытираютъ потъ цвѣтными бумажными платками, у самовара суетится хозяйка, по угламъ сидятъ за кружками браги попы и причетники и сильно спорятъ, на срединѣ

комнаты стоит и замѣтно покачивается отецъ Ѳедоръ съ полуштофомъ въ одной и съ рюмкою въ другой рукѣ. Въ комнатѣ горятъ двѣ свѣчи, и у каждой стоятъ щипцы снимать нагарь. И какіе щипцы! Давно хочется отцу Василью и у себя завести такіе щипцы. Особенно прельщаютъ его въ этихъ щипцахъ пружинки и острые края, которыми какъ ножницами перерѣзывается фитиль свѣчи; а у него такіе щипцы, что едва оторвешь ими нагарь, а пока рвешь, старый-то нагарь и сыплется на свѣчу. „Должно быть, самые скверные выбралъ“, ругаетъ отецъ Василій своего тестя, отъ котораго получены щипцы въ приданое за супругою. Да, умѣть отецъ Ѳедоръ обставлять свои праздники! Да и угощать умѣть! Только входилъ, — сейчасъ рюмка водки и чай, послѣ чаю рюмка водки и обѣдъ, за обѣдомъ передъ каждымъ блюдомъ водка, послѣ обѣда опять водка и опять чай. Послѣ этого чаю, уже получается настоящее праздничное настроеніе и начинается обычное распиваніе браги.

Но тутъ прекращается послѣдовательная цѣпь отчетливыхъ воспоминаній. Ясно припоминаетъ отецъ Василій только утро второго и третьяго дня праздника, все-же остальное время воспоминается чрезвычайно не ясно, точно въ туманѣ. Вспоминается, какъ самъ отецъ Василій постепенно наполняется нѣкоторымъ особеннымъ ощущеніемъ, въ головѣ появляется круженіе и она становится слишкомъ тяжела и невольно склоняется, неподдаваясь усиліямъ поднять ее вверхъ; глаза перестаютъ ясно различать предметы; вокругъ слышится вмѣстѣ и смѣхъ, и споръ, и пѣніе, и все это сливается въ одинъ праздничный шумъ и гулъ, подъ который дышется и живетъ такъ хорошо; изъ всѣхъ органовъ воспріятія по временамъ пробуждается только осязаніе, которое доноситъ отцу Василью, что въ рукѣ его колышется кружка браги; отецъ Василій внемлетъ этому голосу и тянется губами къ кружкѣ и силится заставить свой языкъ почувствовать горькій вкусъ напитка. А кругомъ все движется, шумитъ и гудеть, и нѣтъ возможности не только разслушать этотъ гулъ, но даже опредѣлить, гдѣ онъ, близко или далеко. Но вотъ изъ неяснаго гула выдѣлился звукъ попечины и гулъ смолкъ, — это Иванъ Петровичъ, чиновникъ уѣзднаго суда, защищается отъ своего родного брата, обличающаго его въ лихоимствіи; отецъ Ѳедоръ является примирителемъ, и снова начинается шумъ, и снова все въ туманѣ. И такіе туманные воспоминанія цѣлыхъ три дня.

Изъ этихъ воспоминаній нѣсколько яснѣе выдѣляются насмѣшки надъ нимъ отца Павла, сопровождаемыя оглушительнымъ хохотомъ многихъ голосовъ. На долю отца Василья выпала неприятная обязанность служить на праздникахъ мишенью для об-

щихъ остротъ, изъ которыхъ самыя злыя обыкновенно принадлежать языку отца Павла. Сильно огорчаетъ отца Василья это воспоминаніе. И чего, чего не было приписано отцу Василью? Будто-бы и чешется-то онъ только на Рождество да на Христовъ день; будто-бы и въ благочинные-то онъ мѣтитъ и просилъ уже объ этомъ секретаря консисторіи; будто-бы и плечо-то у него выше другого отъ того, что онъ съ банникомъ боролся и въ борьбѣ повредилъ; будто-бы и водки-то онъ допиваетъ пятаку сорокову; будто-то бы и довой-то его любить и заплетаетъ въ его бородѣ косы по ночамъ; будто бы и коровъ-то онъ самъ доить, и проч. и проч. Отецъ Василій отгрызается отъ этикъ насмѣшекъ сколько умѣетъ и сколько позволяетъ языкъ, а если языкъ не позволяетъ, то онъ сидитъ и слушаетъ, и насмѣшки постепенно начинаютъ сливаться съ общими гуломъ и заволакиваются туманомъ. Но никогда не заволакиваются туманомъ насмѣшки надъ его скупостью. „Поскряжничай ты! навони ты! припрячь ты! заведи ты!“ огрызается онъ безъостановочно подъ несмолкаемый хохотъ окружающихъ и совсѣмъ погружается въ вращу браги. А въ прошломъ году ему такъ сдѣлалось горько, что онъ не могъ даже огрызнуться а сказалъ только: „грѣхъ вамъ, отецъ Павелъ!“ и сказалъ это такъ убѣдительно, что все собраніе вдругъ смолкло. При воспоминаніи объ этомъ даже теперь на повосѣ какъ-то тоскливо скалось сердце у отца Василья, и онъ вдругъ вздрогнулъ: подъ граблями что-то брякнуло.

Онъ быстро нагнулся, встряхнулъ сѣно рукой и вынулъ сухую палку. „А ужъ я думалъ, что это тотъ пятакъ“, сказалъ онъ вздыхая. Пятакъ подумался отцу Василью тотъ самый, который о Екатерининѣ днѣ отецъ Павелъ привязалъ къ его бородѣ и съ которымъ отецъ Василій, самъ не замѣчая того, прошелъ по всему селу, возбуждая смѣхъ во встрѣчныхъ. Подивился онъ, что подумалась такая нелѣпность, посмотрѣлъ на палку и бросилъ ее.

Веселое расположеніе духа отца Василья миновало и вмѣсто Екатеринина днѣ полѣзли въ голову мрачныя мысли. „Да, навивешься тутъ! подставляй карманы!“ озлобленно ворчалъ онъ и порывисто махалъ граблями. Вспомнилъ онъ, какъ онъ хотѣлъ ввести въ своемъ приходѣ сборъ льна и не могъ, только приобрылъ репутацію жаднаго; какъ онъ предпринималъ ввести обычай давать ему, отцу Василью, при крещеніи платки и еще лучше разсердилъ прихожанъ; какъ онъ послѣ этого лишился даже петровщины, бывшей до тѣхъ поръ въ обычай; вспомнилъ онъ все это и сильно озлился на своихъ прихожанъ. Кстати озлился онъ и на отца Павла, который и петровщину собираетъ и

платки получаетъ, а если не платки, такъ полотенца. „И какъ только онъ, хохлатый, умѣетъ это!“ удивлялся онъ.

Развязавшись съ мечтами, онъ успокоился и вдругъ почувствовалъ, что по всему его тѣлу совершается ползаніе и шекотаніе. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, что вся его бѣлая рубаха покрыта муравьями. „Экъ, ихъ каторжныхъ сколько!“ сказалъ онъ и запрыгалъ на мѣстѣ, стараясь стряхнуть ихъ съ себя. „Да и откуда это они?“ Отецъ Василій замѣтилъ, что стоитъ онъ на самой срединѣ муравьиной дороги, по которой они уже нѣсколько лѣтъ безпрепятственно таскаютъ свои строительные матеріалы. „Какъ же это я не видалъ ихъ, когда носилъ тутъ?“ удивлялся онъ. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ вдругъ увидалъ, что гребеть дьячкову полосу. Это неожиданное открытіе сильно озадачило его. Онъ началъ соображать: замѣтитъ, или не замѣтитъ дьячекъ, что у него отгребено сѣно? Но отгребенъ былъ такой значительный клинъ, что не замѣтить было невозможно. Отецъ Василій испугался. Ужъ не въ первый разъ онъ отгребаетъ сѣно у дьяча, но ни разу это не проходило безъ сильной перепалки. Онъ выругался и началъ раскладывать сѣно въ ряды, въ какіе оно ложится подъ косой. Послѣ чего, онъ выпрямился, отеръ ладонью потъ со лба, подулъ въ открытый воротъ рубахи ради освѣженія и вновь принялся за свое собственное сѣно.

— А, добро пожаловать! сказалъ онъ, увидавъ, что коровы сосѣдней деревни, разломивъ изгородь, входятъ одна за другою въ поле. Отецъ Василій остановился и сталъ поджидать, когда войдутъ всѣ коровы; но коровы, замѣтивъ бѣлую рубаху, крайне удивились и остановились. — „Пожалуйте, пожалуйста!“ приглашалъ отецъ Василій, но коровы не двигались и начинали поглядывать назадъ. Это очень не понравилось отцу Василью и онъ побѣжалъ отрѣзать отступленіе. Бѣгалъ, бѣгалъ онъ по полю за воровами, но въ село загнать не могъ ни одной; всѣ по одиночкѣ убѣжали впроломъ. „Точно ученныя, каторжныя!“ выругался онъ и снова принялся за свое дѣло.

На пригоркѣ показался мужикъ. Онъ остановился, осмотрѣлся и, замѣтивши бѣлую рубаху, направился къ ней. Подходя къ отцу Василью, мужикъ снялъ шапку и подошелъ подъ благословеніе.

— Ну, что тебѣ, Кузьма? спросилъ отецъ Василій, благословляя.

Мужикъ поцѣловалъ руку отца Василья и объявилъ, что у него жена растряслась.

— Экъ, пору выбрала! въ сѣнокость! Ну, что же, крестить зовенъ что ли? спросилъ отецъ Василій.

— Ужь гдѣ, батюшка, крестить! Съ молитвой-то хоть бы. А ужь крестить ми въ воскресенье въ церквѣ.

— Ну. А вотъ, возьми-ка мои грабли, да, пока я хожу, и по-сгребай за меня! Моя полоса — смотри — вотъ отъ этого куста, вонъ черезъ тотъ кустъ, до самаго лѣсу, а сюда до изгороди. Видишь? Ну, хорошо. Такъ вотъ ее и гребн, а сюда не заходи! это дьячкова полоса, слышишь?

Мужикъ, молча, безъ возраженій, взялъ грабли. У отца Василія ужь такой порядокъ, что если его отрываютъ для исправленія требъ отъ работы, то отрывающій долженъ исполнять его работу, пока онъ исполняетъ требу.

Мужикъ началъ грести, а отецъ Василій отправился домой надѣть подрясникъ и взять епитрахиль и молитвенникъ.

Передъ домою онъ увидалъ цѣлый десятокъ ребятъ, изъ которыхъ полдюжины были его собственные. Дѣти бѣгали по дорожной пыли, волоча по землѣ босыми ногами, отъ чего пыль поднималась густыми облаками и совершенно скрывала дѣтей.

— Экъ напылили! крикнулъ отецъ Василій, невольно зажмуривая глаза и запирая дыханіе. Дѣти разсочились по сторонамъ дороги и принялись процарапывать себѣ глаза.

На крыльцѣ отецъ Василій увидалъ, что нижняя петля сломана и дверь виситъ на одной верхней петлѣ.

— Это вы, черти, сорвали петлю? закричалъ разсвирѣпѣвшій отецъ Василій на своихъ дѣтей.

— Нѣтъ, не мы тятенька; это она сама.

— Я вамъ дамъ, сама! Кататься выдумали на дверяхъ! Бани вы давно не видали..

— Право, тятенька, не мы. Я давеча пошелъ... посмотрѣлъ, а она сорвалась, оправдывался старшій сынъ.

— Я, вотъ, тебѣ покажу—посмотрѣлъ! я тебѣ дамъ, сорвалась!

— Ври больше! Кто тутъ срывалъ? никто не катался, отозвался изъ дому голосъ жены отца Василія.

— Такъ отчего же она сорвалась? Вѣдь, была цѣла.

— Давно ужь хлябала. Какая и петля-то была!

— Какая ни-была, да все-таки была, двери-то затворялись; а, вотъ, теперь затвори — попробуй!

— Да, вѣдь, ужь хоть того больше кричи, новой петли не выкуешь, сердито замѣтила супруга.

Отецъ Василій призналъ полную справедливость замѣчанія своей супруги. „Развѣ гвоздь загнуть, да и прихватить? думалъ онъ: — только гдѣ гвоздь взять? вѣдь, гвоздь тутъ надо большой“. Онъ задумался, гдѣ взять большой гвоздь, но, вспомнивъ, что пошелъ съ требой, оставилъ дверь и направился къ сѣнямъ.

Въ сѣняхъ онъ наткнулся на хомутъ. Вчера у этого хомута оборвалась шлея. Отецъ Василій развернулъ шлею, чтобъ осмотрѣть порчу. Порча была сильная: лопнулъ послѣдній цѣлый ремешъ и оборвалось нѣсколько веревочекъ, которыми еще прежде были связаны лопнувшіе ремни. Шлея эта уже въ продолженіи двухъ лѣтъ обрывается аккуратно каждый мѣсяцъ и починивается при помощи веревочекъ собственными его руками. Руки у отца Василья не особенно искусны въ починкѣ сбруи, а потому изъ нихъ вышла въ концѣ концовъ такая шлея, которая сбиваетъ шерсть съ лошади до самой кожи, а при усиленной работѣ натирала даже раны. Отецъ Василій видѣлъ, что это не ладно, но не могъ придумать, какъ поособить горю. Дьячекъ и пономарь уже нѣсколько разъ замѣтали, что пора завести новенькую, но каждый разъ онъ только удивленно взглядывалъ на нихъ. Слово *новый* всегда пугало отца Василья; ему тотчасъ представлялось, что вотъ онъ входитъ въ лавку, спрашиваетъ вещь, ему подсовываютъ вещь дурную, бракованную, онъ не замѣчаетъ и торгуетъ за хорошую, спрашиваютъ въ три-дорога, онъ даетъ свою цѣну и передаетъ, ему тотчасъ уступаютъ и вотъ, дурная вещь куплена дороже хорошей, а денежки такъ и ушли безвозвратно. Такъ и теперь: думалъ онъ, думалъ, какъ исправить шлею, но лучше веревки ничего придумать не могъ, и полѣзъ за пазуху, гдѣ онъ всегда носилъ при себѣ мотокъ толстыхъ нитокъ. Но, вспомнивъ про Кузьму, отложилъ починку до возвращенія и пошелъ одѣваться.

Одѣвшись въ подрясникъ, отецъ Василій расплелъ косу, спряталъ косоплетку въ карманъ, мазнулъ ладонью по бородѣ и отправился въ деревню.

Въ избѣ Кузьмы его не задержали; онъ прочиталъ молитву, нарекъ младенца Іоанномъ, получилъ три копѣйки и вышелъ на улицу.

На улицѣ на бревнѣ сидѣли человѣкъ пять мужиковъ. При выходѣ отца Василья они встали, сняли шапки и подошли подъ благословеніе. Отецъ Василій благословилъ; мужики не отходили и отецъ Василій съ безповойствомъ началъ отглядываться: ужъ не потрава ли? думалъ онъ. Одинъ старикъ вынулъ изъ за пазухи берестяную табакерку, открылъ ее и поднесъ отцу Василью. Онъ началъ успокоиваться—очевидно, мужики въ смирномъ настроеніи—и понялъ такъ, что слезы выступили.

— Самъ мелень? спросилъ онъ старика.

— Все самъ.

— Важный. Я тоже самъ; да у меня хуже.

— А вотъ что, отецъ Василій, началъ одинъ мужикъ: — мы

деревней-то сговорились образа поднимать, такъ какъ ты слажешь?

— Надо, надо, давно пора, давно пора; на что похоже — деревня большая, а богомолья нѣтъ. Вонъ Пѣтухово меньше вашей деревни, а давно богомолье! зачастилъ отецъ Василій.

— Только мы вотъ сумлеваемся, въ какой день!

— Въ какой хотите, въ такой и можно — въ Ильинъ, въ Спасовъ...

— Намъ надо-то бы въ Одигитрію.

— Какъ же можно въ Одигитрію! Въ Одигитрію въ Пѣтуховѣ богомолье.

— То-то оно и есть. Вотъ мы и хотѣли тебя спросить: ежели теперь къ намъ-то послѣ заутрины, а въ Пѣтухово послѣ обѣдни.

Такое соображеніе показалось отцу Василію обиднымъ; ему показалось, что крестьяне хотять уклониться отъ обѣда, который обыкновенно полагается причту сверхъ денежной платы за молебны. Онъ хотѣлъ было на отрѣзъ объявить, что въ Одигитрію нельзя, но струсилъ упустить доходъ по крайней мѣрѣ въ рубль.

— Видно вамъ не хочется пономъ кормить? жалко нусва для священника-то? сказалъ онъ обидчивымъ, уверительнымъ тономъ.

— Пошто жаль! мы завсегда...

— Такъ что же мало праздниковъ-то, что-ли, что надо непременно въ Одигитрію?

— Да, вишь ты, я тебѣ скажу: тетка Улита во снѣ видѣла, что намъ надо поднимать образа.... Одигитрію.

Отецъ Василій замолчалъ. Произошла пауза.

— Вѣдь вы то подумайте, началъ онъ умоляющимъ тономъ: — вѣдь я не лошадь! Встань, отслужи заутреню, потомъ бѣги къ вамъ за двѣ версты, служи здѣсь молебны, обходи поля, потомъ опять въ церковь, служи обѣдню, а потомъ опять бѣги на Пѣтухово и тамъ служи молебны и обходи поля! А? Вѣдь, я не лошадь!

— Такъ, стало быть, въ Одигитрію нельзя? спросилъ мужикъ, опустивъ голову.

— Я не говорю, что совсѣмъ нельзя. Я священникъ, моя обязанность исполнять требы. Только я говорю, нельзя ли въ какой другой праздникъ?

— Да, оно точно, что не выдержишь! сказали два старика.

Наступило молчаніе.

— А вотъ какъ я мѣкаю, заговорилъ молодой мужикъ: — вѣдь,

Богу-то молитва все одно въ какой день ни на-есть, хоть въ Одигитрію, хоть въ Спаса...

— Все равно, все равно, подхватиъ отецъ Василій:—въ Спась еще лучше, тутъ вы будете молиться самому Спасителю.

— А что бы и по сну было, такъ мы и Спаса подыместъ и Одигитрію, досказавъ свою мысль молодой мужикъ.

— Вотъ это вѣрно! это еще лучше! заговорилъ обрадованный отецъ Василій.

Мужики оживились.

— Такъ, стало быть, въ Спаса? спросили они.

— Ну, да, въ Спаса.

— Въ перваго лучше?

— Ну, въ перваго.

Мужики начали креститься и попрощались съ отцемъ Васильемъ. Онъ пошелъ домой.

„Вотъ не угадаешь-то, гдѣ найдешь!... Да. А вѣдь шельмы! жаль покормить священника!“ ворчалъ отецъ Василій дорогою. Отецъ Василій старался приблизительно представить сумму, какую принесетъ ему это новое богомолье, но не могъ; такъ какъ онъ не могъ даже приблизительно сказать, сколько тутъ будетъ молебновъ, кромѣ общаго. Конечно, онъ зналъ, сколько въ деревнѣ мужиковъ зажиточныхъ, которые могутъ позволить себѣ отслужить у себя на дому молебенъ: но будутъ-ли они служить эти молебны, это былъ вопросъ. „Охъ, какая рожь! вотъ такъ рожь!“ воскликнулъ онъ, останавливаясь противъ полосы, мимо которой лежала его дорога: — „чья это? Должно быть, Степана; вѣдь, онъ жила! У такой ржи подѣла деньги зажимать! Кабы у меня такая была, такъ ужъ давно бы... Вотъ у меня никогда такая не уродится!“ Отцу Василью очень обидно показалось, что у него таковой ржи не бываетъ и у него шевельнулась очень дурная мыслишка: эхъ, градомъ-бы!

На встрѣчу отцу Василью попалось нѣсколько крестьянскихъ мальчиковъ съ корзинками въ рукахъ. Увидѣвъ попа, они остановились, сжались въ кучу и попятились въ сторону. — „Что несете?“ спросилъ отецъ Василій. Дѣти испуганно смотрѣли и молчали. Отецъ Василій хотѣлъ подойти къ нимъ, но они дождемъ рассыпались въ разныя стороны. Въ суматохѣ одинъ мальчикъ опрокинулъ свою корзину и изъ нея посыпалась земляника.

Вернувшись въ село, отецъ Василій вдругалъ своихъ дѣтей, что они шатаются попусту по селу, а не собираютъ ягодъ, и пошелъ въ поле осмотрѣть, достаточно ли усердно работаетъ Кузьма, и отпустить его домой.

Сѣно убрано, рожь еще не созрѣла и у отца Василья свободное время.

Онъ припомнилъ, что у бани подгнила стойка, и рѣшилъ сегодня заняться ею. Забралъ онъ инструменты, а инструментова у него не особенно много: топоръ и долото — и отправился. Но лишь только спустился съ крыльца, какъ на встрѣчу ему пономарева дочь. Охнулъ отецъ Василій, но скрылъ свое неудовольствие и пошелъ. Пришелъ въ баню и приступилъ къ стойкѣ. Сначала нужно узнать, насколько стойка подверглась гніенію. Отецъ Василій ковкнулъ долотомъ и угораздилъ въ гвоздь; на долотѣ образовалась глубокая зазубрина. „Ну, такъ и есть! сказалъ онъ, плюнувъ:—попадетъ навстрѣчу пустоволосая, такъ лучше воротись“. Поругался отецъ Василій и пошелъ домой за брусомъ. Насилу отыскалъ онъ брусокъ въ кучѣ хламу. Въ предупрежденіе новой несчастливой встрѣчи, онъ не пошелъ черезъ улицу, а вылѣвъ изъ дому чрезъ окно въ огорождъ, изъ огорода перелѣвъ въ поле и, обогнувъ село, благополучно достигъ бани.

Принесъ отецъ Василій брусокъ, поточилъ долото и снова приступилъ къ подгнившей стойкѣ. Порча стойки оказалась на столько сильною, что самое лучшее было бы замѣнить ее новою; но отецъ Василій нашелъ въ ней очень значительную часть не сгнившю и ему стало жаль бросать на дрова такой большой кусокъ крѣпкаго дерева. Съ которой стороны онъ ни посмотритъ, все жаль бросать; гнилаго только и есть, что верхніе шипы и нижняя часть, а середина вся цѣла. Къ тому жъ эта стойка такъ давно стоитъ тутъ, что рѣшительно неловко безъ нея на этомъ мѣстѣ. Да и работы слишкомъ много вводить новую стойку. Ко всему этому еще присоединились воспоминанія, которыя при видѣ стойки выплыли и какъ будто просили за сохраненіе стойки, какъ стараго знакомаго пріятеля. У самой этой стойки онъ училъ свою священническую грамоту.

Вспомнилось ему, какъ бранилъ его архіерей за то, что онъ забылъ Богословіе, забылъ Катехизисъ и даже не знаетъ своей грамоты, и приказалъ выучить ее. Памятенъ отцу Василью этотъ экзаменъ. Да и не одному отцу Василью, а и всѣмъ отцамъ онъ памятенъ. Это былъ моментъ взаимнаго недоумѣнія и удивленія. Архіерей былъ новый, только что изъ викаріевъ, и въ эту поѣздку въ первый разъ знакомился съ отцами. Онъ недоумѣвалъ, какъ это отцы не могутъ отвѣтить на самые начальныя катехизическіе вопросы о вѣрѣ. Отцы же недоумѣвали, почему архіерей вздумалъ придираться къ нимъ. Ни та, ни другая сторона не могла понять другъ друга. Отцы наконецъ догадались, что архіерей новый, хочеть задать *тону*, архіерей же, объѣхавъ

спаркию и убѣдившись въ повсемѣстности факта, просто примирился съ нимъ и пересталъ *придирагься*.

Вспомнилось отцу Василью, какъ онъ, по приказу архіерея, училъ грамоту цѣлымъ три дня, потѣлъ, потѣлъ, а выучилъ только: Божією Милостію Смиренный Епифаній Епископъ Болшеградзевоній и Маловодненскій, — что помнитъ и до сихъ поръ, а больше ничего выучить не могъ, хотя пушены были въ ходъ всѣ пріемы заучиванья: заучивалъ и по точкѣ, и по стрѣжѣ, и по запятой и по одному слову, училъ сидя, училъ и стоя, навалившись на эту самую стойку. Прочувши три дня къ ряду, отецъ Василій изнемогъ; онъ сѣлъ на лавку, оперся локтями въ вѣдъни, опустилъ голову на руки и уставился тусклыми глазами въ полъ, и долго проондѣлъ такъ. „Будь, что будетъ!“ сказалъ онъ, рѣшаясь не учить болѣе, что бы ни сдѣлалъ архіерей въ слѣдующую ревизію. Но въ слѣдующій разъ архіерей пріѣхалъ уже примирившійся и не спрашивалъ, выучена ли грамота.

Съ тѣхъ поръ отецъ Василій знаетъ за вѣрное, что памяти у него не стало совсѣмъ, тогда какъ въ семинаріи была память до того хороша, что онъ могъ заучивать не только по запятой, а даже по цѣлой точкѣ. Онъ предположилъ бы, что и у отца Павла осталось памяти не больше; но тотъ, какъ нарочно, на первомъ же праздникѣ принялся трунить надъ нимъ и въ назиданіе ему прочиталъ всю грамоту наизусть. Конечно, и отцу Павлу досталась грамота не безъ труда, но онъ все-таки выучилъ ее. „Какъ только онъ, хохлятый, вызубрилъ ее!“ удивлялся отецъ Василій.

„Въ низу то надо края подотнать“, сказалъ онъ, возвращаясь отъ воспоминаній къ дѣйствительности и доверия допотопъ гниное сѣсто стойки: — „а въ верху зажать два клина, такъ здорово будетъ“.

Подогналъ онъ края, загналъ два клина, ударилъ по стойкѣ кулакомъ и объявилъ, что крѣпче новаро.

Нокончивши со стойкой, отецъ Василій выскочилъ на улицу, осмотрѣлся кругомъ, потомъ залопнулъ двери передбанка, приперъ ихъ колодокъ, чтобъ никто не могъ войти, и пошелъ по углу безъ истины на чердакъ бани. При этомъ случаѣ, онъ сказалъ такую ложность и проворство въ движеніяхъ, какой все время было ожидать отъ его угловатой, аномальной фигуры. Поднявшись наверхъ, онъ обнулъ взглядомъ чердакъ и видимо усноволлся, — каждый кирпичъ, каждая щепка лежали на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ оставилъ ихъ. Осторожно, на четверенькахъ онъ проползъ въ дальній темный уголъ, подпалъ ширинку и вытащилъ грязный узелокъ. „Вотъ, онъ, котенокъ!“ вскрикнулъ

отец Василий. На лицѣ его появилось искривленіе, должно-
 вавшее изобразить улыбку, руки судорожно стиснули узелокъ и вся
 фигура получила сильное сходство съ фигурой кошки съ мшишкою
 въ лапкахъ. Котенкомъ отецъ Василий называетъ каменный бу-
 мажникъ. Помѣщеніи для денегъ у отца Василия три: ситцевый
 кошелекъ, въ которомъ лежатъ мелкая монета на ежедневныя
 нужды; кошелекъ, шитый шерстями, подаренный ему супругою
 въ первый годъ ихъ брачной жизни, — въ немъ хранятся бумаж-
 ки, пока онѣ не разбѣиваются и не поступаютъ въ первый ко-
 шелекъ — о существованіи этихъ двухъ кошельковъ знаетъ по-
 падь; и наконецъ, „котенокъ“, кожаный бумажникъ, завязы-
 ваемый очень длинными ремнями и сверхъ ремней еще тесьмой
 съ замысловатымъ узломъ. Котенокъ ни кѣмъ не подаренъ от-
 цу Василию, а купленъ имъ самимъ на рынкѣ у солдата за семь
 копеекъ и о существованіи котенка знаетъ только одинъ отецъ
 Василий. Въ котенкѣ складываются и почиваютъ деньги, которыя
 отецъ Василий заготавливаетъ въ прокъ, и до которыхъ онъ не
 касается ни въ какомъ случаѣ. Когда у него истощаются два
 первыхъ кошелька, онъ идетъ и занимается у сѣсѣдей, но котен-
 ка не беспокоить, и развязываетъ его только тогда, когда при-
 носить новую пятирублевую или десятирублевую бумажку. На
 котенка онъ возлагаетъ чрезвычайно важныя, хотя еще непо-
 нятныя для него самого надежды; онъ ждетъ чего-то необычай-
 наго, роковаго для его собственной судьбы. Но чего именно
 ждетъ онъ, онъ не можетъ опредѣлить. Онъ чувствуетъ только,
 что когда котенокъ будетъ туго набитъ, все будетъ уже не такъ,
 какъ теперь. „Богатѣ!“ слышится ему откуда-то изъ глубины его
 собственнаго существа и далѣе уже ничего не слышится, ниче-
 го не думается, а только ощущается сладкое, сладкое замгра-
 ніе сердца. „Только бы до двухъ сотъ“.... думаетъ отецъ Василий
 и уже предчувствуетъ, что двѣсти будутъ, и у него плеча по-
 дергиваются и въ ногахъ чувствуется зудъ къ криликоманью.
 Это „только бы до двухъ сотъ“ отецъ Василий думаетъ уже цѣ-
 лыхъ шесть лѣтъ, а прежде четыре года онъ думалъ: „только
 бы до ста“. Онъ отлично знаетъ, сколько у него въ котенкѣ
 денегъ, хотя пересчитать ихъ боится, точно такъ же, какъ и по-
 казать кому-нибудь другому, — ему кажется, что отъ этого не-
 премѣнно онъ пропадетъ или, во крайней мѣрѣ, пропадетъ вся
 ихъ магическая сила и ему не на что будетъ надеяться. „Счи-
 тать нельзя, нужно не знать, сколько“, говоритъ онъ и старает-
 ся забыть, сколько ихъ. „Сколько-то есть, немного, рублей во-
 семьдесятъ, дванасто... съ чѣмъ-то...“ старается онъ обмануть
 себя, и ему кажется, что онъ и въ самомъ дѣлѣ обманулъ себя,

что и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ своей собственной выдумкѣ, и онъ радуется.

Въ основаніе котенка положены двадцать пять рублей, зажиточные изъ приданого супруги. Тогда отецъ Василій хранилъ котенка у себя дома за шкапомъ въ углу, въ который никогда не заглядывалъ глазъ человѣческой; даже во время всеобщаго помомытья предъ Пасхой этотъ уголокъ остается не мытымъ и пыли въ немъ образовались толстыя наслоенія. Но когда въ котенкѣ накопилась сотня, на отца Василя вдругъ напалъ страхъ: а что если увидятъ? если вздумаютъ поставить что-нибудь въ этотъ уголокъ? если что-нибудь потеряется, станутъ искать и залѣзутъ? или, наконецъ, на супругу вдругъ нападетъ чистоплотность и она вздумаетъ вымести всю пыль изъ дому? Все это было очень невѣроятно, но отецъ Василій струсиль и перенесъ своего котенка въ церковную ризницу. Но тутъ мѣсто было тоже не безопасно и черезъ мѣсяцъ онъ перенесъ котенка подъ жертвенникъ, гдѣ и почивалъ онъ до прошлой осени. Прошлой осенью въ церкви показались мыши. Пономарь указалъ, что мыши выбѣгаютъ изъ за жертвенника. Отецъ Василій такъ испугался, чтобы пономарь не залѣзъ подъ жертвенникъ отыскивать мышиныхъ ходовъ, что въ тотъ же день перемѣстилъ котенка въ ящикъ съ церковными деньгами, который открывался исключительно самимъ отцемъ Васильемъ. Но въ половинѣ зимы въ головѣ отца Василя явилось слѣдующее соображеніе: что если вдругъ нечаянная ревизія церкви? пріѣдутъ, пойдутъ, вскроютъ ящикъ! Тогда, пожалуй, не только сглазятъ, а еще и отберутъ! Хотя такая ревизія была тоже невѣроятна, но отецъ Василій струсиль и немедленно унесъ котенка изъ церкви. Послѣ этого всю остальную половину зимы котенокъ не имѣлъ постоянного мѣста жительства и кочевалъ изъ угла въ уголокъ. Весной, когда кончилось топленіе бани, обыкновенно замѣняемое по лѣтамъ купаньемъ, отецъ Василій, сильно измученный кочевничествомъ, помѣстилъ его въ надежномъ углу на чердакѣ бани, гдѣ котенокъ и пребываетъ до сихъ поръ цѣль и невредимъ.

Подержалъ отецъ Василій въ своихъ рукахъ котенка, осмотрѣлъ замысловатый узелъ и почувствовалъ въ себѣ приливъ бодрости и силъ. „Будетъ и двѣсти! да, будетъ! скоро будетъ. Нынѣ сына три воза продамъ, да вотъ еще богомолье... Будетъ!“ Точно камень свалился съ сердца и ему стало легко. Онъ положилъ котенка на старое мѣсто, заложилъ кирпичемъ, разложилъ кругомъ кирпичи и щепки въ опредѣленномъ беспорядкѣ, спустился внизъ, забралъ инструменты и пошелъ домой.

На дорогѣ встрѣтилъ его сынъ и возвѣстилъ, что принесли указы. „Ужь не опять ли собираютъ?“ подумалъ отецъ Василій, и сердце его сжалось. Въ послѣднее время довольно часто появлялись различные сборы, то на перестройки, то на украшения кафедральнаго собора. Приглашенія къ пожертвованіямъ присылались къ благочиннымъ, а тѣ прилагали совѣтъ жертвовать не мало и отправляли ихъ по церквамъ въ кожаныхъ сумкахъ, въ которыхъ путешествуютъ и указы. Духовенство подписывало, складывало подписную сумку вмѣстѣ съ бумагами въ суму и отправляло къ слѣдующей церкви. Такія добровольныя пожертвованія очень не нравились отцу Василію. Отецъ Василій вошелъ въ домъ, благословилъ сосѣдняго причетника, и въ страху принесенную имъ суму — денегъ не бракнуло и на сердцѣ полегчало. Раскрылъ онъ суму и началъ вытаскивать бумаги. Первая была указъ изъ Консисторіи. Началъ было читать онъ указъ, но, увидѣвъ, что рѣчь идетъ о бракахъ въ пятомъ колѣнѣ, перевернулъ страницы и посмотрѣлъ, какъ другіе священники росписались; они росписались: указъ изъ Большегрязевской Духовной Консисторіи за № 5783 о бракахъ въ пятомъ колѣнѣ читали такіе-то. Отецъ Василій отложилъ указъ и вытащилъ вторую бумагу. Это былъ тоже указъ; въ немъ сначала рассказывалось, что Его Пресвященство, при ревизіи такой-то церкви, замѣтилъ, что въ лѣтней церкви въ куполѣ выбито стекло и голуби поселились въ самой церкви и свили гнѣзда... Подъ указомъ подписывались: указъ изъ Большегрязевской Духовной Консисторіи за № 5781 о чистотѣ и благолѣпіи храмовъ Божіихъ читали... Отецъ Василій вытащилъ третью и послѣднюю бумагу. Третья бумага оказалась толще первыхъ, очевидно, завернуто было нѣсколько листовъ. Отецъ Василій развернулъ и сердце его ёкнуло — первое, что представилось его глазамъ, былъ подписной листъ. Руки его задрожали, когда онъ перелистывалъ листы, отыскивая бумагу съ объясненіемъ этого зловѣщаго листа. Въ бумагахъ консисторіи значилось, что въ другихъ епархіяхъ, сельскіе священники заводятъ библіотеки, общія для цѣлаго благочинническаго округа и пользуются изъ нихъ книгами и журналами по очереди, что таковая выдумка очень похвальна и подражанія достойна. — „А на какой намъ чортъ ихъ? Вонъ „Странникъ“ за цѣлый годъ стоитъ, чѣмъ толку-то? а вѣдь, за него денежки плачены! У насъ въ церкви, поди — сосчитай, три съ полтиной, да нужно еще свѣчи покупать! Тутъ, братъ, не расхарчишься! не навывисываешь! Подражанія достойно! А не достойны подражанія доходы въ тѣхъ епархіяхъ? Тамъ, поди, каждая церковь за всѣми расходами рублей полтора ста получить въ годъ, такъ тутъ подѣла! А

нашъ благочинный радъ: что ни напишутъ, сейчасъ подавай деньги!" Отецъ Василій расерывъ бумагу благочиннаго, началъ читать ее, и лицо его сильно вытянулось; въ бумагѣ было пояснено, что эти библиотеки должны быть основаны не на церковныя деньги, какъ прежде выписывались журналы, а на собственные деньги священниковъ въ складчину, и что деньги собереть благочинный въ полугодичіе. „Что же это такое? Откуда же я возьму деньги? Вѣдь, это грабежъ! это денной грабежъ! А я вотъ не подпишусь! За это подъ судъ не отдашь, это добровольное согласіе. Нѣтъ, братъ, шалишь! Ловки больно! „подражанія достойно!“ А вѣдь подписались, вѣдь всѣ подписались. Ахъ, чтобъ!.. Умный-то человекъ, хохлатый-то, три рубля подмахнулъ! Чему обрадовался? думаешь скуфью дадутъ? Съумничалъ на три цѣлковенькихъ! Да что же это такое! Вѣдь эдакъ послѣднюю рубаху имъ отдай! вѣдь эдакъ надѣвай на руку корвину, да и поди по подоконю! И, вѣдь, ни одинъ меньше рубля не подписаль! Этотъ чушка Спиридонъ — и тотъ рубль. Да много-ли у самого-то рублей осталось? Господи, что же это такое!“ Но какъ ни ругался, какъ ни плакался отецъ Василій, а чувствовалъ, что придется подписаться и ему; не подписаться одному, когда всѣ другіе подписались, невозможно. Онъ закинулъ бумаги въ суму и швырнулъ суму въ уголъ.

Очень скверно стало на душѣ отца Василія. Онъ начиналъ сознавать, что именно этого-то рубля и недостаетъ до двухъ сотъ. Теперь у него сто-восемьдесятъ-пять рублей, онъ нынѣ можетъ продать воза три сѣна, рубли по четыре за возъ—итого двѣнадцать, да отъ жалованья, за умятою насминимъ рабочимъ и за погашеніемъ кой-какихъ долговъ, можетъ отложить три рубля, значить въ когенкѣ... А тутъ, вотъ, рубль! и выйдетъ безъ рубля. Отъ этого расчета такъ сдѣлалось худо, что онъ не могъ оставаться дома, схватилъ топоръ и побѣжалъ въ поле коправить изгородь, хотя особенной надобности въ томъ и не предстояло. Предъ самой изгородью онъ натенулся на огромный кустъ черники. „Черники-то что! черники-то!“ удивился онъ и остановился. Оглядѣвшись кругомъ, онъ увидалъ и еще нѣсколько такихъ кустовъ. „Да, вѣдь, собрать всю, да высушить, такъ чухъ же на цѣлый Богословъ хватить!“ и онъ принялся собирать чернику въ подолю рубахи, такъ какъ другого, болѣе приличнаго помѣщенія при земь не оказалось; но скоро сообразилъ, что собирать ягодъ — дѣло дѣтское, и рѣшивши послать сюда своихъ дѣтей, направился къ изгороди.

Свѣтлій воздухъ напомнилъ отцу Василію, что онъ еще не обѣдалъ. Онъ вернулся домой. Возвругъ стола собралась много-

численная его семья. Супруга поставила на столъ чашку овсянки и положила въ нее ложку смѣтаны, чтобъ изъ постнаго сдѣлать это невѣроятное блюдо скоромнымъ.

— Что валяшь смѣтану-то! крикнулъ на нее отецъ Василій, которому показалось, что ужь очень много подхватила она смѣтаны на ложку. — Съ хлѣбомъ хлебайте! хлѣба прикусывайте! кричала она на дѣтей.

За овсянкой появились грибы, жаренные въ смѣтанѣ.

— Это еще что! смѣтану переводить!

— Много-ли и смѣтаны нужно, — ложка.

— Сегодня ложка, завтра ложка, да послѣзавтра... въ годъ-то что будетъ!

— Ври больше! грибы не цѣлый годъ растутъ, отвѣтила супруга.

— Сегодня грибы, завтра картофель, тамъ ватрушки... ты найдешь, какъ смѣтану переводить. Тамъ догонишь, что и со всѣмъ съ голоду околѣть придется.

— Еще чего не сохранили?

— Тѣфу, дура! Много-ли масла-то навопила? а, вѣдь пять коровъ, шутка сказать — пять коровъ! Вѣдь, ихъ кормить надо!

За грибами появился творогъ и прошелъ безъ возраженій; но за творогомъ прѣсное молоко встрѣтило сильное неодобрение, тутъ досталось и дѣтямъ за то, что они мало хлѣба прикусываютъ, а много молока зачерпываютъ.

Послѣ обѣда до самой ночи толпились въ головѣ отца Василія самые фантастичные планы наказанія, которому подверглось, будто-бы, анархическое начальство за свое посягательство на харманы сельскаго духовенства, и планы такого устройства путей сообщенія, при которомъ было бы невозможно получение изъ другихъ сферъ вѣстей, подражанія достойныхъ.

Во снѣ отецъ Василій видѣлъ огромнаго чернаго кота, который ровнымъ медленнымъ шагомъ уносилъ его котенка. Отецъ Василій хотѣлъ броситься на него, но ноги его точно приросли къ землѣ и онъ не могъ сдѣлать ни шагу, даже не могъ шевельнуться; онъ хотѣлъ закричать, но не могъ издать ни одного звука, а котъ все шелъ дальше и дальше; отецъ Василій хотѣлъ замѣтить, куда онъ пойдетъ, въ чьи ворота? но лишь зрѣлъ въ самое-то пустое безпредѣльное пространство, въ которомъ невозможно было замѣтить даже направленія. Отецъ Василій вздохнулъ и проснулся. „Святъ, святъ, святъ... Это я во снѣ...“ Отецъ Василій началъ креститься. Утро едва начиналось, работа не было и отецъ Василій могъ бы и еще соснуть, но черный котъ произвелъ на него такое впечатлѣнiе, что о снѣ и не

думалось. „Черный котъ—не къ добру. Чтò еще такое будетъ? А чувствую, что быть бѣдѣ: сердце такъ и щемить, такъ и щемить. Ужь, что-нибудь да случится, ужь такъ не пройдетъ. Эвъ ностъ, эвъ ностъ! Господи!“ Отецъ Василій всталъ, вспомнилъ про указы и сталъ отыскивать чернильницу съ перомъ. Въ чернильницѣ оказался вмѣсто чернилъ только осадокъ, густо покрытый пылью и мертвыми мухами. Отецъ Василій выдулъ, на сколько могъ, соръ, плеснулъ въ чернильницу воды, взболталъ и совалъ причетниковъ подписываться подъ указами и отнести эти указы къ слѣдующей церкви. Онъ подписалъ на библиотеку рубль.

Весь день прислушивался отецъ Василій къ своему сердцу, оно все ныло и тосковало, но день прошелъ безъ бѣды. Бѣда разразилась на слѣдующій день: всѣ пять коровъ вмѣстѣ съ коровами причетниковъ попали въ поле сосѣдней деревни и были загнаны на дворъ. Отцу Василію пришлось платить *по трапу*. „Ну, такъ и есть“, сказалъ онъ, когда услышалъ приглашеніе идти выкупать коровъ. Мужики потребовали по полтиннику съ коровы, итого два съ полтиной. Сколько ни упрашивалъ онъ ихъ, какъ ни взывалъ къ человѣколюбію и благочестію своихъ прихожанъ, мужики остались непреклонны, даже не согласились взять по четвертаку съ коровы, и взяли съ своего священника два съ полтиной. Сильно же билъ онъ коровъ, когда гналъ изъ деревни домой, но это все-таки не утѣшило его; онъ видѣлъ, что двѣсти удаляются отъ него, какъ удалялся черный котъ. Теперь шерстяной и ситцевый кошельки были пусты, а онъ рассчитывалъ этими деньгами дожить почти до получки жалованья; теперь, чуть что, нужно занимать и потомъ платить этотъ долгъ изъ жалованья. „А вѣдь онъ все дальше, все дальше уходитъ... ужели и еще что-нибудь случится?“

Но дни проходили за днями, а новыхъ бѣдъ не случалось, напротивъ, случилась вещь довольно пріятная, именно: отецъ Василій нашелъ на дорогѣ желѣзный винтъ въ палецъ величинной. „Какой здоровый винтъ, сказалъ онъ, взвѣсивая винтъ на рукѣ, — откуда бы могъ быть такой винтъ? какъ онъ попалъ сюда? Должно быть, это-нибудь ѣхалъ, да обронилъ. Ну, братъ, дому не навоюишь, какъ станешь такіе винты крошить по дорогамъ. Да и кто могъ тутъ потерять такой винтъ? вѣдь тутъ, кромѣ мужиковъ, никто и не ѣздитъ. Должно быть, это становой потерялъ, какъ въ прошломъ году проѣзжалъ на этомъ мѣстѣ, — больше не кому. Ничего, терпай! намъ пригодится. Чтò бы такое привинтить имъ? А привинтить можно важно!“

Эта находка подѣйствовала на него успокоительно и онъ пе-

ресталь прислушаться къ своему сердцу. Ясная погода миновала, настали дожди и замедлили созрѣваніе ржи, а потому онъ цѣлые дни занимался поправками своихъ построекъ и прочихъ хозяйственныхъ принадлежностей.

Разъ предъ вечеромъ, во время сильнаго дожда, отецъ Василій починивалъ крыльцо, вдругъ предсталъ предъ нимъ, запачканный въ глину и сильно промоченный отецъ Павелъ. Отецъ Василій очень удивился этому явленію, но дѣло скоро объяснилось. Отецъ Павелъ ѣхалъ изъ города; дорогу такъ размыло дождями, что онъ во многихъ мѣстахъ долженъ былъ помогать своей лошади вытаскивать телѣгу изъ грязи, отчего они оба съ лошадыю измучились и не могли вытащить телѣги изъ послѣдняго ручья подъ горой села отца Василія; отецъ Павелъ оставилъ лошадь съ телѣгой въ ручьѣ и пошелъ звать на помощь.

Въ первую минуту, отцу Василію показалось весело, что отецъ Павелъ промокъ и измучился. „Такъ тебѣ, кохлатому, и надо. Больно непосѣдливъ, все въ городъ, да въ городъ! Сидѣлъ бы дома, такъ былъ бы сухъ“. Но весело было очень не долго. Когда онъ сообразилъ, что дѣло къ вечеру, что отецъ Павелъ сильно промокъ и состоитъ теперь въ дорогѣ, а онъ, отецъ Василій, сухъ и состоитъ у себя дома хозяиномъ, когда онъ сообразилъ все это, его какъ ножомъ кольнуло въ самое сердце; ему стало ясно, что отъ него требуется нѣчто болѣе простой помощи лошади. „Ишь, въ какую погоду понесъ чортъ въ городъ!“ проворчалъ онъ, складывая свои инструменты въ уголь. Ему вспомнилась пословица: „не въ пору гость хуже татарина“, и справедливость пословицы представилась съ такою очевидностью, какъ никогда не представлялась. „Разумѣется хуже, да еще какъ хуже-то! Вотъ и праздникъ! среди недѣли праздникъ, въ рабочую пору праздникъ! Изволь бросать работу!“ негодовалъ онъ, и слово праздникъ произносилъ съ особеннымъ озлобленіемъ. Не бросаніе работы злило его, работа была у него не настоящая, а именно *праздникъ* злилъ. Праздники бываютъ разные. Однихъ отецъ Василій почти не замѣчаетъ, какъ бы ихъ и вовсе не было, и еслибъ не приходилось служить обѣдню, то онъ и забылъ бы ихъ; другіе ему положительно нравятся, хоть и приходится бросать работу; но есть праздникъ, который выдѣляется изъ всѣхъ праздниковъ нѣкоторымъ неприятнымъ отгѣнкомъ — это Богословъ. Отецъ Василій не очень любитъ, когда онъ приходитъ и въ свое-то число, а тѣмъ болѣе неприятно встрѣтить этотъ праздникъ не въ указанный день. На-

стоящій случай показался отцу Василью именно такимъ сбившимся съ календаря Богословомъ. Онъ подумалъ-было для отгрѣванія гостя удовольствоваться тепломъ своеѣ избы, но, вспомнивъ, какой длинный и злой языкъ у отца Павла, струсилъ и рѣшилъ и самоваръ поставить и за водкой послать церковнаго сторожа, для чего пришлось занять двугривенный у дьячка. Послать за водкой было особенно неприятно по слѣдующему обстоятельству: когда супруга отца Василья, при семейныхъ ссорахъ называетъ его пьяницей, онъ каждый разъ объявляетъ, что на свои не пьетъ, и поясняетъ, что тотъ пьяница, кто пьетъ на свои, чѣмъ каждый разъ и заставляетъ свою супругу взять ругательство назадъ. Теперь же приходилось пить на свои. Сильно изругалъ онъ хохлатого въ своихъ мысляхъ, въ слухъ же изрыгнуть коллекцію ругательствъ на погоду, въ чемъ встрѣтилъ сочувствіе и самого отца Павла. Поругали отцы погоду и пошли вытаскивать телѣгу, пригласивъ на помощь еще дьячка.

— Вѣдь хорошо еще, что близко къ селу, говоритъ отецъ Павелъ: — а случись на лѣсу, тогда что? вѣдь, хоть пропадай.

„Не угораздило, небось, на лѣсу-то засѣсть“, подумалъ отецъ Василій, но не сказалъ.

— Что и дождя! сказалъ дьячекъ.

Пока они вытаскивали телѣгу, супруга отца Василья успѣла вместе полъ въ комнатѣ и согрѣтъ самоваръ.

Погрѣлись отцы сначала около овсянки, потомъ около самовара и, когда супруга унесла самоваръ за перегородку одѣлатъ остатками своихъ дѣтей, остались догрѣваться около полштофа. Теплота подѣйствовала на отцовъ въ такомъ дружелюбномъ направленіи, что они совершенно забыли старыя маленькія неприятности и бесѣдовали, какъ близкіе друзья.

— Да, въ архіепископы нашъ епископъ, въ архіепископы! толковалъ отецъ Павелъ, объявляя собесѣднику новость.

— Вотъ какъ, въ архіепископы; а тамъ, гляди, и въ митрополиты.

— Ну, въ митрополиты-то не каждый понадеетъ.

— А къ намъ кто?

— Говорятъ, уже назначенъ, ужъ, говорятъ, ѣдетъ.

— Опять буду путаться на эктеньяхъ. Я, знаете, къ этому насилу привыкъ, все старый въ ротъ совался! Ну, и теперь не вдругъ привыкнешь. А что, ничего не слышно о новомъ?

— Говорятъ, не любить, что вино пьютъ, и будто обидался вывести всѣхъ пьющихъ священниковъ.

— Вывелъ бы прежде изъ собору пьяницъ-то! сказала отецъ Василій, наливая рюмку и подвигая ее отцу Павлу.

— Да, не мѣшало бы, сказала отецъ Павелъ, принимаясь за рюмку: — да только этого не удастся ни одному архіерею. Вотъ, хоть бы, протодьяконъ,—сегодня ты его ругай, а завтра онъ лежить въ канавѣ,—что съ намъ подѣлаешь?

— А много воды надо, чтобъ протодьякона свалить!

— Да, онъ намъ не родня. У меня онъ въ вечеръ-то четвертъ выпилъ и домой ушелъ.

— За то и горло широко, я думаю, такого горла во всей епархіи нѣтъ.

— Ну, у стараго было не хуже!

— Вѣдь, экимъ хайломъ Господь наградить! Поди, горло-то какъ голенище?

— Моему дьячку больно хочется выкричать гогось,—ужь онъ кричитъ, кричитъ, чуть не лопнетъ.

— У меня пономаръ тоже старается, только онъ по богомольямъ.

— А знаете, отецъ Василій, новый-то архіерей, говорятъ, хочетъ запретить богомолья; говорить — это не богомолья, а пьянство.

Отецъ Василій широко раскрылъ глаза и ротъ.

— Только это, братъ, шалишь! удастся, либо нѣтъ! продолжалъ отецъ Павелъ. — Тутъ не мы одни, а и прихожане вступятся. Я непремѣнно наусьмаю мужиковъ, да потомъ самъ чрезъ благочиннаго, или, пожалуй, и лично явлюсь: такъ и такъ, въ нашемъ приходѣ есть раскольниковскій духъ, а если запретить изъ-стари заведенные крестные ходы, то... и т. д.

— Хе-хе-хе... вы ужь больно... отецъ Павелъ, хе-хе-хе... Ну-ка выкушайте! хе-хе-хе.

— А вы сами-то что отстааете?

— Я... нѣтъ, я не отстану. Такъ вы думаете... хе-хе-хе...

— Еще бы! Конечно, мы не богомольями живемъ, а все-таки нашего не тронь. Вѣдь цѣлковаго-то на улицѣ не найдешь, а богомолье каждое даетъ рублишко, ужь бѣдно, рублишко-то, а то и больше.

— Ну, и обѣдъ тоже.

— Да ужь обѣдъ чтѣ! я, пожалуй, и радъ бы не обѣдать; вѣдь добра изведутъ страсть, а устроить такъ, что ѣсть нельзя. Нѣтъ, я говорю въ денежномъ отношеніи. А, кстати, вы сколько выставляете доходовъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ?

— Да сколько? Извѣстно, нашъ приходъ, что за приходъ! на-силу всего на-все получу двѣсти рублей.

— Всего и съ жалованьемъ?

— Да, и съ жалованьемъ. Извѣстно: жалованья 80 р., отъ земли и скотоводства 70, да денежныхъ доходовъ и хлѣбныхъ сборовъ 50 р., вотъ и все — тутъ не обсчитаясь.

— Ну, кромѣ жалованья-то, побольше, отецъ Василій.

— Вотъ, какъ Богъ святъ, не больше. Въ прошломъ году еще меньше было; всю рожь коровы стравили.

— А вы бы потраву.

— Да, потраву! Вотъ, самъ такъ плачу потраву, — эта цѣлыхъ два съ полтинкой отдалъ.

— Да не въ томъ дѣло — больше-ли меньше вы получите, а въ клировыхъ-то вѣдомостяхъ вы такъ и выставяете двѣсти?

— Да ужели же буду убавлять? такъ и выставяю.

— А на весь причтъ сколько?

— Четыреста.

— А, вѣдь, это мало.

— Гдѣ же взять больше-то?

— Да не то. А, вѣдь северная штука выходитъ. Вы знаете-ли, зачѣмъ заставляють насъ выставять сумму доходовъ?

Отецъ Василій притворился, что ничего не слышалъ, а выставяетъ двѣсти рублей по простотѣ сердечной.

— Вотъ зачѣмъ. Вы слышали, вѣроятно, что хотять отобрать у насъ земли? Ну, такъ вотъ тутъ-то и есть причина. Вѣдь такую штуку не сдѣлаешь зря, какъ попало; вѣдь намъ надо чѣмъ-нибудь жить! Ну, а сколько же нужно намъ безъ земли? Вотъ для этого-то и отбирають свѣдѣнія, — и кто сколько получалъ отъ земли, тому столько и прибавятъ жалованья.

Отецъ Василій видимо обезпокоился; онъ слышалъ совсѣмъ иное объясненіе этого требованія.

— Такъ мнѣ и прибавятъ семьдесятъ рублей? спросилъ онъ широко раскрывъ глаза.

— Да, семьдесятъ, если вы выставяли семьдесятъ.

— Какъ же это такъ? вѣдь, это свинство, вѣдь, въ иной годъ и больше.

— А имъ какое дѣло? Выставяли семьдесятъ, ну, и дадутъ семьдесятъ.

— А какъ же говорили, что для того собирають эти свѣдѣнія, что хотять узнать: достаточно ли содержаніе православнаго духовенства? и не нужно ли прибавить жалованья?

— Да, говорите; а на дѣлѣ-то вотъ что выходитъ.

— Кто же совралъ тогда?

— Да, говорятъ, они сами и пустили слухъ, чтобъ духовенство не выставяло много, а мы, простофили, и повѣрили. Я,

напримѣръ, ни когда не получаю на свою долю меньше четырёхъ сотъ, и четыреста-то ужъ въ самый плохой годъ, а ставилъ постоянно триста четыре, триста десять, и никогда больше, а на весь причтъ шесть сотъ десять. Вотъ, какъ теперь отпалать на весь причтъ шестьсотъ, да еще и изъ никъ-то вычтутъ денежныя доходы и хлѣбныя сборы, такъ тутъ и радуйся.

— Какъ же это обманывать! развѣ хорошо? Ужъ начальству-то стыдно бы, кажется.

— Дѣло-то, отецъ Василій, денегъ касается, вотъ что.

— Чтожь имъ казенныхъ-то жалко? Вѣдь не изъ своего кармана давать будутъ. А въ казнѣ-то, слава тебѣ Господи. А если жалко, такъ оставьте намъ землю—станемъ горбомъ добывать себѣ пропитаніе.

— Говорять, это занятіе унижительно для священника. Вотъ, у католиковъ и лютеранъ священники земли не обрабатываютъ.

— Хороши за то и есть, въ папу вѣрують! Мы, слава Богу, еще не дошли до этого.

— Говорять, что земля много времени отнимаетъ, что намъ нѣтъ времени проповѣдей писать...

— И безъ насъ напишутъ. Вѣдь мы не магистры, чтобъ проповѣди писать.

— Чтѣ-жь, магистры? И мы написали бы не хуже магистровъ, прихвастнулъ отецъ Павелъ.

Отецъ Василій не повѣрилъ ему, но смолчалъ. Впрочемъ и самъ отецъ Павелъ не повѣрилъ себѣ, и на этотъ разъ даже самъ почувствовалъ, что хватилъ лишка, и потому постарался смгичать свое хвастовство и прибавилъ:

— Да, вы-то отецъ Василій, что очень смиренничаете? Я думаю, дать вамъ время, такъ такую проповѣдищу скажете, что...

Отцу Василью это замѣчаніе очень понравилось и онъ налилъ гостю рюмку. Однако, скромность требовала заявить, что онъ сомнѣвается въ своихъ силахъ, и отецъ Василій очень смиренно произнесъ:

— Я что? гдѣ же мнѣ!.. вотъ вы, отецъ Павелъ...

— Знаемъ мы васъ! толкуйте себѣ!.. Ну, да ужъ пусть такъ, что вы не хотите писать проповѣдей, — такъ, вѣдь, и кромѣ проповѣдей есть много занятій, болѣе приличныхъ сану священника, чѣмъ землю пахать.

— Какія?

— А вотъ, говорять, священнику нужно книги читать.

— Не каждому же книги читать! Есть это и читаетъ. А и безъ чтанья можно прожить не хуже людей.

— Какъ же можно! Безъ книгъ-то мы и отъ мужиковъ не отличаемся, сказалъ отецъ Павелъ.

Отецъ Василій почти обидѣлся.

— Ну, ужъ! отъ мужиковъ не отличаемся! мы въ семинаріи учились. Я у Петра Петровича по латынѣ былъ третьимъ и до сихъ поръ помню: Non dubito fore plegosque, Attice... Я никогда не забуду, хе-хе-хе, какъ разъ...

— Нѣтъ, вотъ видите-ли? мы священники, — ну-съ? теперь вотъ раскольники, — вѣдь мы ихъ обращать должны!

— Обрати, попробуй!

— Вотъ, читать-то и надо. Конечно, ничего-то не читавши не сразиться.

— Поди, сразись! Ужъ тутъ хоть разчитайся! Есть, вонъ, у меня трое — поди-ка сразись. Ужъ дураки, такъ дураки и есть; умный не пойдетъ въ расколъ.

— Бываютъ и не дураки. Разумѣется, они не образованные, но и не дураки. Нѣтъ, я со своего плеча не прочь сразиться; конечно, не теперь, а вотъ, будетъ у насъ библіотека, — прочитаю, ну... и того...

— А вотъ что, отецъ Павелъ, вы въ городѣ-то были, такъ не слыхали ли, зачѣмъ велеть намъ эту библіотеку?

— Зачѣмъ? Чтобъ читать.

— Мнѣ такъ кажется, что просто деньги хотятъ содрать.

— Да, вѣдь, деньги-то у васъ не отберутъ.

Хотя отецъ Павелъ былъ очень не высокаго мнѣнія объ отцѣ Василѣѣ, и хотя въ настоящую минуту онъ былъ въ такомъ счастливомъ настроеніи, которое сильно притупило его восприимчивость, однако послѣднее соображеніе отца Василѣя такъ удивило его, что онъ нѣкоторое время не зналъ, что и сказать. Произошло молчаніе, пока отецъ Павелъ собирался съ мыслями.

— Да что вы плачетесь-то? Что вамъ рубля-то въ годъ жалко на книги, сказалъ онъ наконецъ.

— А развѣ каждый годъ придется жертвовать?

— Да, вѣдь, въ бумагѣ было это сказано. Вы развѣ не читали бумаги благочиннаго?

— Какъ не читать, читалъ, читалъ.

— Такъ вѣдь въ концѣ-то и было сказано.

— Ишь въ концѣ-то что написал!

— А я, знаете ли, отецъ Василій, даже радъ, что у насъ библіотека будетъ; аносъ либо тогда побольше будемъ знать! да и старое то припомнимъ. Тутъ попалось мнѣ слово — молокане. Что за чортъ. никакъ не могу припомнить, что это такое? А въ семинаріи я объ нихъ еще на экзаменѣ отвѣчалъ. Вѣдь, право,

стыдно въ люди сказать, постыженичалъ отецъ Павелъ, но тутъ же и пожалѣлъ, что онъ заявилъ свое невѣжество предъ отцемъ Васильемъ. Но отецъ Василій поддержалъ его, заявивъ съ своей стороны еще большее невѣжество и заявивъ совершенно неумышленно.

— Да гдѣ ихъ всѣхъ упомянешь—есть молокане, магометане.

— А магометане, это со всѣмъ другое дѣло, сказалъ отецъ Павелъ, обрадовавшись случаю поправить свою репутацію:— магометане вѣрутъ въ Магомета.

— Да я и говорю, что это особое дѣло, каждое само по себѣ.

— Вотъ, какъ будетъ у насъ библиотека, такъ мы ихъ и припомнимъ, да еще и новенькихъ узнаемъ. Такъ вѣдь?

— Гмъ, узнаемъ... Только, вѣдь, много времени надо. Я думаю, не каждому же узнавать.

— А отчего бы и нѣтъ? отчего бы, напримѣръ, намъ съ вами и не узнать?

— Я... конечно... вѣдь, я и подписалъ. Только вамъ поддѣла, вы работника держите и все-таки четыреста получите, а я...

— А вотъ какъ землю отберутъ, такъ и у васъ окажется времени довольно.

— Да, семьдесятъ-то прибавятъ...

— Ну, ужъ это мы, просто, свинство сдѣлали, что мало выставляли. Теперъ я ни въ одинъ годъ не выставлю меньше шести сотъ на свою часть.

— А кто вамъ сказывалъ?

— Тухинъ. Вы въ консисторіи-то не замѣчали ли: въ протоколѣ сидитъ маленький съ усамы, у него еще всегда сколько нибудь пуговицъ оборвано.

— На локтѣ дыра? сидитъ съ правой стороны на первомъ стулѣ?

— Онъ и есть.

— Какъ не замѣтить, — съ меня три гривенника слупилъ со всѣмъ даромъ.

— Шельма-то онъ, шельма, только дѣлецъ. Ну, такъ вотъ онъ и сказывалъ.

— А про архіерея-то вѣрно, что хочетъ запретить богомолья?

— Ну, это не такъ вѣрно, говорятъ только.

— Не не говорили бы, черти! Ишь, за языкъ-то дергаетъ.

У отца Павла на столько развязался языкъ, что онъ на это замѣчаніе отца Василья выболталъ то, чего не хотѣлъ пока сказывать ни кому, а именно:

— Да ужъ если онъ и совсѣмъ запретитъ, такъ мы своего не потеряемъ — нагонимъ на другомъ, станемъ пѣть молебны о дождѣ,

о ведрѣ, станемъ святить хлѣбъ, сѣно... и мало ли, что можно.

— Ну, каково-то позовутъ!

— Позовутъ. Я вотъ, только доѣду до дому, сейчасъ зашлю сторожа подбивать къ молебну о ведрѣ,—давно жать пора, а тутъ все дождь.

— Послушаютъ либо нѣтъ, старуха на двое сказала.

— А у васъ развѣ не бываетъ такихъ молебновъ?

— Да, поди-ка сунься! что сважутъ?

— Видно, плохо суетесь. А у меня... Вотъ только нынѣ дожди-то все въ перемежку шли, такъ не было; а въ прошломъ году почти каждый мѣсяцъ, то о дождѣ, то о ведрѣ. Да я это въ бычай введу, это не хуже богомолий.

На лицѣ и въ глазахъ отца Василья отразилась худо скрытая зависть.

— А не пора ли намъ спать, отецъ Василій?

— Пожалуй, пора. Мы спимъ на сѣновалѣ.

— А на полатахъ никто не спитъ?

— Жарко, да и таракановъ много.

— Такъ, я на полатахъ лягу, надо пообсушиться.

— Да тутъ ничего и нѣтъ; вамъ приготовлено на сѣновалѣ.

— Ничего и не нужно, вотъ дайте что нибудь подъ голову, хоть армякъ какой.

— Попадья! Отецъ Павелъ хочетъ на полатахъ спать, такъ постели!

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь! я такъ лягу, вотъ, что нибудь подъ голову! а больше ничего не надо.

На слѣдующее утро, отецъ Павелъ уѣхалъ.

Никогда судьба особенно не баловала отца Василья, вся жизнь его была одной сплошной цѣпью разнообразныхъ невзгодъ. Въ своихъ воспоминаваніяхъ онъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ останавливался только на школьной жизни въ періодъ отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ, когда была замѣчена учителями его ревность къ ученью и онъ былъ поставленъ въ первомъ пятѣѣ. Отецъ Василій до гробовой доски не забудетъ той ласковой улыбки Петра Петровича, съ которою тотъ сказалъ ему, тогда еще мальчику Василию Беневоленскому: „Ты, кажется, и вправду Беневоленскій! А знаешь ты, что значитъ benevolens?“ и получивъ утвердительный отвѣтъ, поставилъ прилежнаго Василя Беневоленскаго третьимъ, и это мѣсто и занималъ онъ въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ. За латинскимъ учителемъ и прочіе учителя обратили вниманіе на прилежнаго мальчика и онъ помѣщенъ былъ

въ число первыхъ учениковъ. Съ этого времени цѣлыхъ четыре года онъ чувствовалъ на себѣ снисходительность и покровительство учителей, которые не разъ освобождали его отъ порки и не разъ удостоивали его чести исполнить порученіе—сбѣгать въ лавочку за табакомъ или сахаромъ. Это-то время и составляетъ единственное свѣтлое воспоминаніе въ жизни отца Василья; но это воспоминаніе омрачается нехорошей примѣсью голода и товарищескаго недолюбія. Товарищи съ самаго перваго года его ученья прозвали его аспидомъ, частенько наступали на этого аспида и не переставали потѣшаться и издѣваться надъ нимъ во все продолженіе школьной жизни до того дня, когда онъ, уже молодой человѣкъ, получилъ аттестатъ отъ семинаріи. Василій Беневоленскій въ значительной степени прислушался и притерпѣлся къ насмѣшкамъ, но все-таки онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этого дня, какъ освобожденія и отъ семинарскаго тягла и отъ сосѣдства товарищей; ему казалось, что разнообразныя невзгоды обитаютъ только въ семинарскихъ стѣнахъ, а за этими стѣнами течетъ жизнь безпечальная и безмятежная, такъ какъ тамъ нѣтъ ни уроковъ, ни товарищей, ни сочиненій, а голодать попу и во снѣ не приснится. Василій Беневоленскій былъ сынъ причетника и представлялъ себѣ жизнь священника въ очель розовомъ свѣтѣ. Но плохо сбылись ожиданія Василья Беневоленскаго. Невзгоды не оставили его и за стѣнами семинаріи.

Какъ ни постоянно преслѣдовали отца Василья невзгоды, но такого количества и такихъ страшныхъ, какъ теперь, послѣ разговора съ отцомъ Павломъ, еще никогда не висѣло надъ его головою. „За землю семьдесятъ рублей, богомольямъ аминь, на бібліотеку каждый годъ!“ повторялъ онъ постоянно. Послушать отца Василій свое сердце—сердце ноетъ. Во снѣ онъ видѣлъ поле и въ полѣ камень. Камень въ полѣ вещь очень обыкновенная и у отца Василья во всѣхъ поляхъ очень много камней и большихъ и маленькихъ; но этого камня онъ такъ испугался, что не могъ отойти прочь, не могъ отвести глазъ отъ него. Даже когда проснулся отецъ Василій и тогда онъ не освободился отъ гнетущаго страха. Не толстъ былъ онъ и прежде, а за эти дни такъ похудѣлъ, что встрѣчные съ удивленіемъ осматривали его и спрашивали о здоровьѣ. „Я что? я ничего, я здоровъ“, отвѣчалъ онъ, но потомъ сталъ даже ругаться: „Не каждому быть такимъ быкомъ, какъ ты!“ Не дурно было бы придумать какія нибудь мѣры къ предупрежденію градущихъ бѣдъ, но отецъ Василій чувствовалъ полное безсиліе и безпомощность; а принять мѣру отца Павла, т. е. выставлять больше доходовъ въ официальныхъ отчетахъ,—онъ не рѣшался. „Откуда, скажутъ, у тебя такъ при-

валило? Э, скажутъ, онъ богатъ! Куда ты, скажутъ, деньги-то дѣлаешь? ужъ не занимаешь ли?" Положеніе было безвыходное. Къ этому чувству собственнаго горя примѣшивалось еще чувство зависти къ отцу Павлу. „Чортъ его знаетъ, какъ онъ это!.. И вѣдь сейчасъ все у него готово: и мужиковъ подбить, и о старовѣрахъ сказать, и доходы выставить,—все придумать!“ Но всего завиднѣе были молебны о погодѣ, уже осуществленные отцемъ Павломъ. Отецъ Василій чувствовалъ, что ему чего-то недостаетъ противъ отца Павла, чего-то очень важнаго, но чего именно, онъ рѣшить не могъ. „Вѣдь, заведется же такой человекъ! Ишь, хохлатый! Ну, да нѣтъ, братъ, врешь, — раскольника-то и ты не обратишь, проповѣди-то и ты не напишешь!“

„Нельзя ли отмолчаться отъ всѣхъ этихъ бѣдъ, какъ удалось отмолчаться отъ заведенія бесплатной школы для приходскихъ мальчиковъ?“ Но онъ тотчасъ же сообразилъ, что если и можно отъ чего отмолчаться, такъ это только отъ библиотеки, да и то едва ли: пожалуй, тотъ же хохлатый послѣ проходу не дастъ. „А отъ богомолій какъ отмолчишься? вѣдь богомолья въ пазухѣ не сдѣлаешь, оно всѣмъ видно. Развѣ и вправду мужиковъ натравить? Да, натравишь! не дураки, какъ разъ поймутъ, что дѣло къ ихъ выгодѣ идетъ“. Отецъ Василій даже ухмыльнулся надъ простоватостью отца Павла, который хвастается своимъ умомъ, а не сообразилъ такой простой вещи. „Развѣ выдумать какой новый сборъ вмѣсто богомолья?“ Но, вспомнивши строптивый характеръ своихъ прихожанъ, онъ призналъ это невозможнымъ. А какъ отмолчишься отъ отобранія земли? Тутъ дѣло живо, отберутъ землю, дадутъ семьдесятъ рублей и аминь. Отецъ Василій совершенно упалъ духомъ. Но тутъ въ утѣшеніе ему случилось совершенно неожиданное происшествіе: крестьянинъ Андрей Павловъ принесъ отцу Василію въ подарокъ чашку меду отъ своихъ ульевъ.

Наканунѣ пріѣзда отца Павла, отецъ Василій былъ въ деревнѣ Андрея и увидалъ его пчельникъ. — „Экъ, ульевъ-то! экъ у тебя ульевъ-то! разъ, два, три, четыре... ну, и не сосчитаешь! Тутъ, братъ, есть чемъ жить! Меду-то сколько натаскаютъ! А нѣтъ, чтобы своему священнику хоть ложечку когда далъ“, сказалъ онъ Андрею. Андрею очень не понравилась рѣчь отца Василія. „Еще, пожалуй, сглазить долговолосый!“ сказалъ Андрей въ своей семьѣ. „Пожалуй! Вѣдь, экъ заухаль! точно его за языкъ кто дернулъ!“ отвѣтила испуганная жена Андрея. Андрей посовѣтовался съ сосѣдями, сосѣди единогласно подтвердили, что „нѣтъ того хуже, какъ если кто позавидуетъ, а особенно погъ“. Очень опечалился Андрей и позвалъ колдуня снять бзнь. Но

черезъ три дня замѣтили, что пчелы изъ сосѣдней деревни прилетаютъ въ его пчельникъ и уносятъ изъ его ульевъ медъ. Какъ ни бился онъ, а прогнать разбойниковъ не могъ. „Снеси ты ему, долговолосому, меду, можеть, и пройдетъ!“ сказала жена Андрея, и онъ наклакъ чашку меду и понесъ отцу Василью.

— Вотъ, спасибо! спасибо! — сказалъ отецъ Василій, — спасибо, что не забылъ своего священника; за это тебя Богъ не забудеть; дай Богъ, чтобъ улы твои роились и множились!

— Покорно благодаримъ! Кушай, батюшка, на здоровье! сказалъ Андрей и пошелъ домой.

— Это хорошо! это хорошо! вѣдь тутъ на весь Богословъ хватить. Попадья, хватить тутъ на Богословъ?

— Конечно хватить! да и медъ-то какой! не красный! отозвалась супруга, принимая медъ въ свое вѣденіе.

— Медъ первый сортъ, медъ самотекъ. И отъ пчель сотъ, и вземъ предъ ними яде, сказалъ отецъ Василій, но поѣсть меду не рѣшился, а только окунулъ въ медъ конецъ пальца и обоссалъ его. — Вѣдь, вотъ мужиченко съ виду какой не удалый, а на дѣлѣ-то выходитъ умнѣе всѣхъ.

— Что ужъ больно усердіе-то напало на него?

— А я этта говорилъ ему. Говорю: грѣхъ забывать своего священника, если тебѣ Богъ обиліе посылаетъ. А ничего, хорошо! Вотъ теперъ и не надо покупать на Богословъ. Спасибо!

Подарокъ подѣйствовалъ такъ живительно, что отецъ Василій и на свою бѣду взглянулъ болѣе ясными очами. Ему пришла въ голову слѣдующая счастливая мысль: отберуть поля, а огороды, вѣроятно, отставятъ во владѣніи причтовъ. Значить, если отгородить кусочекъ поля въ огородъ, то онъ и останется въ его владѣніи; а кусочекъ можно отрѣзать такой, чтобъ себя не обидѣть, если и семьдесятъ рублей. „Вотъ, это будетъ повѣрнѣе, чѣмъ ни съ того, ни съ сего бухъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ 600 рублей. Буду капусту сажать — мужики разберутъ, въ накладѣ не буду!“ Отецъ Василій даже повеселѣлъ при этой мысли; онъ сознавалъ, что увернулся отъ бѣды собственными силами. „А если и огороды отберуть?“ шевельнулось было въ его головѣ, но онъ тотчасъ же призналъ такое предположеніе неправдоподобнымъ; такъ какъ и въ городѣ, ужъ на что тамъ мало земли, а все-таки нѣтъ ни одного дома безъ огорода, или, по крайней мѣрѣ, безъ такого огромнаго двора, на которомъ совершенно возможно развести огородъ. Сообразивши положеніе своего огорода и своей пашни, онъ нашель, что можеть загнать въ огородъ десятинъ пять, а если такой необычайный огородъ можеть показаться подозрительнымъ, то можно и меньше, но все-таки

чтобъ не было обидно. „Только нужно узнать, какъ надобно сажать капусту, чтобъ мошки не съѣли. Ну, и огурцы тоже можно. Да и картофелю будетъ мѣста. Огородожь не шутя, штука важная. Вонъ, у Петра огородишко и съ поддесятины наврядъ будетъ, а какъ онъ живетъ! Однихъ огурцовъ что продать, страсть! Да и продаетъ по чемъ хочетъ, а не то что намъ брать,—привези вонъ сѣна, да и жди, что дадутъ; или хлѣбъ привези, да и спрашивай, по чемъ цѣна; а онъ цѣну-то самъ устанавливаетъ; хочетъ по гривеннику сотню продать, а захочетъ—по цѣлковому, а вѣдь, если по цѣлковому, такъ что денегъ! А вотъ, какъ я заведу, такъ онъ и сиди, жди покупателей! Да я такой заведу, что изъ-за города ко мнѣ прѣдутъ, да, ко мнѣ прѣдутъ... хе, хе, хе... А лохматый нустъ выставитъ шестьсотъ, такъ вотъ и повѣрили, дожидайся! Экихъ простаковъ нашелъ, повѣрять ему! все выставилъ триста да триста, а тутъ вдругъ шестьсотъ! Экъ вдругъ разбогатѣлъ! откуда ты?“

Отецъ Василій приободрился. Ободрившись, онъ вспомнилъ про котенка и съ грустью сознался, что надежда догнать до двухъ сотъ разбита неожиданными расходами. „Ну, что подѣлаешь! до слѣдующаго года. А если и на слѣдующій годъ, какъ нынѣ?“

Недолго однакожь наслаждался отецъ Василій спокойнымъ состояніемъ духа; надъ нимъ разразились новыя бѣды. Длше только прекратились дожди, рожь быстро созрѣла и грозила выкрошиться,—нужно было поспѣшить сжать ее. Отецъ Василій обыкновенно жнетъ недѣлю, жнетъ самъ съ женой и еще прианимаетъ жницу по 30 коп. въ день. Платить онъ всѣмъ такимъ принятымъ работникамъ осенью, когда получить полугодичное жалованье. Нынѣ рожь такъ торопила, что необходимо было сжать ее какъ можно скорѣе, дня въ три. Въ такомъ случаѣ было-бы самое удобное устроить помочь, но отецъ Василій находить помочь слишкомъ дорогимъ средствомъ, да при томъ помочь можно устроить только тогда, когда есть около свободные люди, свободные-же прихожане будутъ тогда, когда выжнуть свою рожь, а въ то время его рожь успѣетъ выкрошиться. Пришлось нанимать жницъ, у которыхъ не было своей ржи,—бобылокъ, и нанять вмѣсто одной трехъ. Да къ тому-же и цѣна на жницъ поднялась до полтинника въ день. У отца Василя жница обошлась на цѣльяхъ четыре цѣлковыя дороже противъ обыкновенія. Яровые хлѣба грозили тѣмъ-же. Застоналъ отецъ Василій. Но тутъ и еще случилась бѣда, которая не могла никакъ быть предусмотрѣна, бѣда, совершенно экстраординарная.

Захромала у него лошадь, и захромала именно въ то время, когда предстояла настоятельная необходимость въ лошади съ здоровыми ногами: передъ возкою сноповъ съ поля. Онъ подождать было, не пройдетъ-ли; но не прошло, и пришлось принять мѣры. Отецъ Василій занялъ у дьячка пятиалтынный и повелъ свою лошадь къ колдуну. Колдунъ посмотрѣлъ ногу лошади, потомъ посмотрѣлъ въ ковшъ съ водой, увидалъ тамъ нехорошій глазъ, сглазившій лошадь, нашепталъ на эту воду, сприсунулъ ею лошадь и отпустилъ отца Василья, снабдивъ его наговорною водой для вспрыскиванія на три зари. Отецъ Василій въ точности исполнилъ наставленія колдуна, но лошадь не переставала хромать, а еще замѣтно хромала съ каждымъ днемъ сшибнѣе. Ему посовѣтовали сводить лошадь къ Анкудиму, знаменитому колдуну, живущему за двадцать верстъ. Занялъ онъ цѣлый полтинникъ, чтобъ хватило и на путевныя издержки, взялъ за пазуху краюху хлѣба и отправился. Посмотрѣлъ Анкудимъ ногу и спросилъ, принесъ-ли онъ рубль? „Рубль?“ переспросилъ отецъ Василій; но оказалось, что онъ не ослушался, что требовался дѣйствительно рубль. Онъ подумалъ было отказаться отъ леченія, но сообразивъ, что лошадь дороже стоитъ, что больше рубля она заработаетъ на одной возкѣ сноповъ, началъ упрашивать колдуна помочь дешевле.—„Я тебя не звалъ! ступай въ городъ, тамъ на живодернѣ вылечать“, сказалъ сердитый старикъ и отвернулся.

— Да у меня и денегъ-то всего на-все только полтинникъ.

— Другой принесешь послѣ; жалѣешь скота, такъ принесешь.

Отецъ Василій почувствовалъ, что онъ торгуется не съ обыкновеннымъ человѣкомъ, а съ такимъ, который, не сходя съ своей лавки, можетъ извести все его стадо. Анкудимъ посадилъ его въ передній уголъ за столъ, поставилъ на столъ ковшъ съ водой и велѣлъ ему смотрѣть не переставая въ воду, пока не увидитъ недобрый глазъ; а самъ отправился колдовать лошадь. Смолоду Анкудимъ былъ коноваломъ и практиковалъ въ качествѣ ветеринара, а когда силы его ослабѣли, онъ принялся колдовать и въ короткое время приобрѣлъ громкую извѣстность. Пока старикъ колдовалъ лошадь, отецъ Василій все время не отводилъ глазъ отъ воды, но недобраго глаза все-еще не видалъ. „Стало быть, незнакомый прохожій человѣкъ сглазилъ“, объяснилъ старикъ его неудачу. Отецъ Василій вышелъ къ лошади и увидалъ, что нога очень аккуратно перевязана трапками. Старикъ отпустилъ его домой, снабдивъ наставленіями: не отпускатъ лошадь въ поле, не ставить въ грязный хлѣвъ, а

держатъ или на свѣжѣмъ лугу, или въ чистомъ сараѣ, и смотрѣть, чтобъ не свалилась перемычка—все это наблюдать строго, пока лошадь не поправится.

Многое передумалось отцу Василью, пока онъ велъ лошадей домой, и думы его, на голодный желудокъ, да на опустошенный карманъ, были не веселыя. Начались его думы вопросомъ, помочь или нѣтъ знаменитый Анеудимъ? Посмотрѣвши на обвязанную ногу, отецъ Василій предположилъ, что, должно быть, помочь. Потомъ онъ думалъ о грабительствѣ колдуна, о его нечестіи, что даже съ священника православнаго, съ духовнаго отца, онъ не взялъ меньше цѣлковаго, не скинулъ ни одной копейки. „Да, дожидайся, скинетъ! Ужъ душу-то свою дьяволу продалъ, такъ что ему священникъ?“ Отецъ Василій задумался объ ужасахъ, угрожающихъ колдуну на томъ свѣтѣ. „Какъ это рѣшится человекъ войти въ сношенія съ дьяволомъ, и даже продать свою душу! Ну, много-ли цѣлковыхъ насбираетъ онъ за свою душу! Избенка-то, братъ, не казиста, не много, видно, попадаетъ цѣлковыхъ? Дешевенько, братъ, продалъ себя, дешевенько! а продалъ на вѣки вѣчныя. Али, можетъ быть, припрятываетъ? дьяволъ не дастъ тратить? Такъ это все равно, что и не получать совсѣмъ — хватай, хватай, а ничего не смѣи тронуть, все потомъ тому-же дьяволу достанется“. Очень не радостна показалась отцу Василью судьба колдуна; чѣмъ больше онъ вдумывался и вникалъ въ эту судьбу, тѣмъ печальнѣе она представлялась ему. „На что позарился? Поди, думалъ, и не вѣсть какъ хорошо заживешь? А теперь и радъ-бы назадъ, да ужъ тпру! Ужъ теперь хочешь, не хочешь, а иди за дьяволомъ, исполняй его волю, дери съ священниковъ цѣлковыя!“ Отъ этого убитка думы сами собой перешли къ другимъ, понесеннымъ въ послѣднее время и грозящимъ еще въ будущемъ убиткамъ. Чѣмъ больше думалъ онъ, тѣмъ мрачнѣе становилось его лицо, тѣмъ тяжелѣе становилось у него на сердцѣ и наконецъ сдѣлалось ему такъ скверно, что не хотѣлось идти въ село, хотѣлось дѣваться куда-нибудь, провалиться сквозь землю. Передъ самымъ селомъ онъ увидѣлъ въ изгороди проломъ и ему показалось, что проломъ этотъ очень удобенъ для побѣга и ему захотѣлось убѣжать черезъ этотъ проломъ, благо никого нѣтъ вблизи, никто не видитъ. Онъ бросилъ поводъ и направился къ пролому, но, опомнившись, вернулся назадъ; взявъ поводъ и шлепнулся домой.

На слѣдующій день, поздно вечеромъ, пріѣхаль на лошади— что для лѣтняго времени было довольно необычайно — мужикъ звать отца Василія съ напутствіемъ къ старику-отцу.

— Ты бы еще въ полночь пріѣхаль!

— Больно худъ старикъ-то, не оставьте, батюшка!

— Вотъ, тутъ такъ *не оставьте*, а вы какъ не оставляете меня? А? Самъ-то стариченка каково не оставилъ меня? помнишь? Не оставьте, бѣги къ нимъ и въ полночь и за полночь, а какъ въ третьемъ годѣ попросилъ у того же стариченка охабку дровъ, просилъ, кланялся, такъ далъ ли онъ? А я такъ вотъ бѣги къ нему ночью! Больно худъ, вишь. Я, братъ и самъ не больно хорошъ. Я не обязанъ по ночамъ бѣгать. Вотъ не поѣду— пріѣзжай завтра!

Мужикъ переступилъ съ ноги на ногу, хотѣлъ еще что-то сказать, но не сказалъ и сталъ поворачиваться къ двери. Отецъ Василій вспомнилъ исторію съ раскольникомъ и остановилъ его.

— Ты куда воротись-то?

Мужикъ остановился. Отецъ Василій началъ натягивать на себя подрысникъ.

— Надо вамъ помнить, что безъ священника вы никакъ не проживете. Родится ли человѣкъ, заболитъ ли, женится ли— все священникъ, безъ священника не обойдешься. А какъ вы уважаете священника? Вотъ, ты теперь за мной пріѣхаль, а попроси я у тебя лошади снова повозить, вѣдь не дашь. А? не дашь, вѣдь? Что молчишь-то? Ну, за что, скажи ты мнѣ, я буду служить тебѣ? за что, когда ты не хочешь такой малости сдѣлать для меня...

Долго отецъ Василій одѣвался и долго назидалъ своего духовнаго сына; наконецъ, одѣлся и они поѣхали.

Въ избѣ встрѣтили ихъ плачущія бабы и объявили, что дѣдушка уже побывшился.

— Экъ когда поѣхаль за священникомъ! накинулъ отецъ Василій на мужика:—день-то малъ что ли былъ? не могъ съѣздить днемъ-то? Надо было дотянуть до вечера!.. Вотъ теперь...

— Вотъ, что, отецъ Василій! Я вотъ какъ мекаю, заговорилъ мужикъ, понизивъ тонъ:—мнѣ все одно отдавать пятнадцать-то рублей хотъ становому, хотъ тебѣ; такъ возьми ты, да похорони старика безъ хлопотъ.

Отецъ Василій смолкъ. У него мелькнуло въ головѣ двѣсти, но съ другой стороны представлялась и опасность отвѣтственности. Онъ не рѣшался. Мужикъ и бабы обступили его и ждали.

— Да начать толковать, дойдетъ до становаго, сказалъ онъ нерѣшительно.

- Кому толковать? кто знает?
- Да сами же вы, пожалуй, разболтаете.
- Ой ты, батюшка! Да нешто намъ охота, чтобъ его, голубчика, потрошить-то стали! вмѣшалась старуха.
- Мы скажемъ, что ты засталъ его еще въ живыхъ, сказалъ мужикъ.

— То-то же! такъ и говорите! сказалъ отецъ Василій и взялъ пятнадцать рублей.

„Больно худъ старичекъ! больно худъ, наврядъ оправится“, толковалъ онъ, вернувшись домой, а глаза у самого такъ и блестяи непонятной для постороннихъ радостью. „Двѣсти! да, ровно-нехонько двѣсти — сто восемьдесятъ пять и пятнадцать — ровно двѣсти, ни копейкой не меньше! точно влило! Какъ, вѣдь, угрозило-то его! такъ и говорить: возьми пятнадцать! вѣдь, не сказалъ: возьми четырнадцать съ полтиной, а именно пятнадцать. Хе, хе, хе! Ничего, возьмемъ. Вѣдь вотъ, не думаешь, не гадаешь, откуда привалить, кто выручить. А привалило! Все равно, что четыре воза сѣна продалъ, а надъ четырьмя-то возами, братъ, попрѣешь! да и не каждый годъ и удастся четыре-то воза продать! А тутъ, живо! готово пятнадцать публиковъ“!

На другой день, чуть свѣтъ, пріѣхалъ тотъ же мужикъ и объявилъ, что старикъ померъ. Отецъ Василій пожалѣлъ старичка и велѣлъ черезъ день привозить его къ церкви хоронить. Мужикъ спросилъ, гдѣ копать могилу и уѣхалъ.

Отецъ Василій вытащилъ пятнадцать рублей изъ укромнаго уголка, спряталъ въ назуку и тотчасъ въ баню.

„Ахъ ты котенокъ, говорилъ онъ, развязывая дрожащими руками замысловатые узлы. — Вотъ и дождался! вотъ и двѣсти! Ничего, братъ, брюхо-то понабито; вишь, какое тугое! Хе, хе, хе! Теперь и сосчитать можно. Да, теперь, ужъ можно! Десять, двадцать... Что отъ рукъ-то отбиваешься? Нѣтъ, братъ, не отпущу; хоть всѣ по бумажкѣ разлетитесь, такъ соберу! Хе, хе, хе! Десять, двадцать, тридцать, сорокъ, сорокъ пять... Али не хочешь, чтобъ я считалъ? пятьдесятъ, шестьдесятъ... ничего, теперь ужъ можно.... семьдесятъ хе, хе, хе... восемьдесятъ, девяносто, сто! Такъ, вѣрно! въ этомъ мѣстѣ сто и было. А тутъ? Десять, пятнадцать, двадцать пять, тридцать пять... Охъ, эта бумажка-то что-то плоха! Ужъ не фальшивая ли? Нѣтъ, должно быть, такъ изорвалась.... сорокъ пять.. али не считать? вѣдь, не считать-то лучше бы. Оно, конечно, лучше; но и сосчитать можно; те-перь все можно, хе, хе, хе... семьдесятъ.... эту двадцатипятируб-

левую-то всю изъ жалованья хлеснулъ; а ничего, прожилъ... восемьдесятъ, восемьдесятъ пять. А вотъ и двѣсти! пользайте и вы туда! Хе, хе, хе! лежали, поди, у мужиченка-то подь лавкой Вѣдь, какой жомъ! съ виду какой бѣдный, а тутъ вдругъ! пятнадцатъ рублей! Вотъ, и вѣрь ихъ бѣдности-то!

Отецъ Василій порадовался еще на свои двѣсти, потому тѣпательно уложилъ ихъ, завязалъ и заложилъ кирпичемъ. Но тутъ, вдругъ показалось ему, что мѣстопробываніе котенка не достаточно надежно, именно: подвергается опасности пожара. Теперь лѣто и баня не топится, но настанетъ осень, зима.... Конечно, предъ топлениемъ можно уносить котенка и сохранять въ пазухѣ. „Но если я забуду, баню затопятъ и вдругъ! пожаръ!“ „Лучше перенести въ амбаръ, выдолбить ройку подь потолокомъ и задѣлать доской“. Онъ взялъ котенка въ пазуху, зашелъ домой за инструментами и отправился въ амбаръ.

„Да, двѣсти! разсуждалъ онъ, выдалбливая ройку, ну, а какъ бы еще больше, такъ, пожалуй, и еще бы лучше... конечно, лучше! Двѣсти. А вотъ, какъ бы триста! Ну, ужъ жирно будетъ! А двѣсти что? Далеко, братъ, на нихъ не уѣдешь. Триста — совсѣмъ другое дѣло. Гмъ... триста. А вѣдь важно бы! Да, подставляя карманъ! сейчасъ готово! А, вѣдь, у другихъ есть. Поди, и у хохлатаго не меньше? Конечно, у него, жижи, не меньше. Эхъ бы, триста!

И. Сѣверовъ.

ВОДОРОСЛИ.

(На мотивъ изъ Лонгфелло).

Шумный натискъ урагана
Поднялъ воды океана,
Налетѣвъ съ грозой на нихъ, —
И, тревоги дикой полны,
Мчатся бѣшенныя волны,
Съ грузомъ порослей морскихъ.

Смыло ихъ, снесло водою
Съ рифовъ, скрытыхъ глубиною,
Съ трещинъ, мелей съ острымъ дномъ,
Отъ Багамы, отъ Азора,
Съ мѣстъ, гдѣ зыби Сальвадора
Брызжутъ, блещутъ серебромъ;

Отъ Гебридъ, отъ скалъ Бермуды
Отъ Орнеевъ, гдѣ о груди
Острыхъ камней бьетъ волна,
Гдѣ бурунь сѣдой грохочетъ,
Точно злится, точно хочетъ
Сдвинуть ихъ съ морского дна;

Съ кораблей, водой покрытыхъ,
Бурей нѣкогда разбитыхъ,
Съ мачтъ ихъ, видныхъ здѣсь и тамъ,
Въ ребрахъ скалъ, гдѣ ихъ разбило,
Иль носящихся уныло,
Безъ приюта по волнамъ.

Мчатся поросли далёко,
 Съ юга, запада, востока,
 Съ разныхъ мѣстъ, изъ разныхъ странъ,
 Гдѣ ихъ только буря броситъ
 И куда, потомъ, уносить
 Безпокойный океанъ.

Стихнетъ грозное волненье —
 И тогда успокоенье
 Для себя онѣ найдутъ,
 Гдѣ-нибудь въ пещерѣ чудной,
 И гирляндой изумрудной
 Стѣны грота обовьютъ.

Такъ, порою, мысль поэта
 Въ монотонной скукѣ свѣта
 Дремлетъ, праздная, въ тиши;
 Но встряхнетъ въ одно мгновенье
 Буря сильнаго волненья
 Океанъ его души,

Дастъ толчокъ уснувшимъ думамъ —
 И онѣ съ тревожнымъ шумомъ,
 Точно волны, побѣгутъ,
 Съ ураганомъ грознымъ споря,
 И на зыбкомъ лонѣ моря
 Пѣсни разныя всплывутъ:

Изъ его пещеръ глубокихъ,
 Темныхъ безднъ, угловъ далѣкихъ,
 Отъ страны волшебныхъ грѣзъ,
 Юныхъ силъ и страсти знойной,
 Отъ пучины безпокойной
 Горькихъ опытовъ и слѣзъ;

Съ острыхъ скалъ душевной боли,
 Отъ твердынь могучей воли,
 Отъ порывовъ къ небесамъ,
 Отъ обломковъ упованій,
 Бурей горя и страданій
 Разнесенныхъ по волнамъ.

Эти пѣсни, эти звуки,
 Плодъ борьбы, восторговъ, муки

Бурей подняты со дна;
Шумный хоръ ихъ мира просить
И далёко ихъ уносить
Сердца буйная волна.

Но придетъ пора: волненье
Этой бури вдохновенья
Снова стихнетъ наконецъ;
Соберетъ онъ эти звуки...
И сплетутъ поэту звуки
Славы блестящій вѣнецъ.

Д. Михаловскій.

НАШИ ГРЯДУЩЕ БИСМАРКИ.

«Национальный вопросъ въ исторіи и литературѣ». А. Градовскаго. Сиб. 1878.

Статья первая.

Метафизическій методъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое значеніе для разрѣшенія вопросовъ общественныхъ; но онъ сохранилъ еще значеніе (вслѣдствіе отсталости государственныхъ наукъ) для разрѣшенія вопросовъ политическихъ...

(Изъ книги Г. Градовскаго, стр. 67).

I.

Национальный вопросъ на первый взглядъ можетъ привести насъ къ очень грустнымъ мыслямъ, особенно если мы сравнимъ, чѣмъ былъ этотъ вопросъ лѣтъ 50 тому назадъ, и чѣмъ онъ сталъ въ наше время. Вспомните въ самомъ дѣлѣ, какимъ великимъ приобрѣтеніемъ ума человѣческаго казался онъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какимъ и моднымъ, и смѣлымъ, и страшнымъ казался онъ тогда, какими надеждами и мечтами кружились молодыя горячія головы при одномъ словѣ народность и какою злобою исполнялись сердца сѣдовласыхъ старцевъ, различныхъ Шульцевъ, Стурдзъ, Коцебу и прочихъ приверженцевъ священнаго союза и Меттерниха, сколько энергіи расточено ради этой идеи и сколько принято вѣнцовъ мученичества. Извѣстно, что послѣ вѣнскаго конгресса вся Европа была опутана сѣтью тайныхъ обществъ и большинство этихъ обществъ, въ особенности—карбонаріи, гетерія, Tugend Bund на первомъ планѣ своей дѣятельности ставили принципъ народ-

ности. Не говоря уже о Гарibaldi, Маццини, Кошутъ, политическая дѣятельность которыхъ всецѣло посвящена была національному принципу, мы можемъ насчитать многихъ и другихъ политическихъ дѣятелей, которые хотя переходили впоследствии къ инымъ принципамъ, но начинали свое политическое развитіе непременно съ національнаго принципа; для примѣра приведемъ наиболѣе всѣмъ извѣстное и громкое имя Ласкаля. Но оставляя въ сторонѣ политическихъ дѣятелей, мы видимъ, что и наука, и искусства въ равной степени съ усердіемъ служили національному принципу. Такъ въ эпоху господства метафизической философіи всѣ знаменитые германскіе философы заплатили свою дань національному принципу, начиная съ Фихте, котораго готовъ былъ пожертвовать жизнью этому принципу и изображенія котораго нѣмецкіе студенты носили на трубахъ именно ради этой готовности, и кончая Шеллингомъ и Гегелемъ, возводившимъ національный принципъ въ основное начало исторіи человѣчества. При этомъ замѣтимъ, что не одна только гегелевская школа выступила съ пресловутою теоріею избранныхъ народовъ и поставила во главѣ общечеловѣческой цивилизаціи германскую народность, которой, по ея мнѣнію, суждено сказать послѣднее слово цивилизаціи; по пути Гегеля шли писатели, нисколько не принадлежавшіе къ его школѣ. Одно время сдѣлалось какъ бы *conditio sine qua non* патриотизма, чтобы каждый историкъ во главѣ общечеловѣческой цивилизаціи ставилъ непременно народность, въ которой онъ имѣлъ честь принадлежать. Такъ Гизо въ своихъ философско-историческихъ этюдахъ представительницею европейской цивилизаціи считаетъ Францію, и даже Бокль, знаменитый Бокль, котораго ставить во главѣ историковъ реалистовъ, внесшихъ въ историческую науку положительный методъ, въ свою очередь идетъ по пути метафизика Гегеля, и, считая представительницею общечеловѣческой цивилизаціи свою Англію, дѣлаетъ ее тѣмъ-то въ родѣ масштаба для измѣренія хода цивилизаціи въ другихъ народахъ.

Что касается искусствъ, то они раньше исторіи и политики съ конца прошлаго столѣтія уже устремились на народную почву. Съ нихъ то и началось развитіе національнаго принципа, начало которому положилъ своею дѣятельностью Лессингъ.

Все романтическое движеніе въ литературѣ было ничѣмъ инымъ, какъ служеніемъ національному принципу. Когда же изъ міра наукъ и искусствъ, изъ темныхъ лабиринтовъ тайныхъ обществъ національный принципъ впервые всплылъ на поверхность законной международной политики въ видѣ греческаго вопроса, это произвело взрывъ такого необузданнаго энтузіазма во всей

Европѣ, что даже великій поэтъ, стоявшій во главѣ всѣхъ европейскихъ литературъ, рѣшился пожертвовать этому вопросу всѣ свои могучія силы, всѣ свои матеріальныя средства и самую жизнь.

Въ развитіи нашего общества мы можемъ въ свою очередь припомнить такой моментъ, когда національный принципъ не былъ удѣломъ одного кружка, а представлялъ изъ себя модную идею, которою увлекалась вся мыслящая молодежь. Это было въ 20-ые годы. Тогда не существовало еще позднѣйшаго дѣленія на славянофиловъ и западниковъ, а всѣ общественные и литературные дѣятели, стоявшіе во главѣ умственнаго движенія, были немножко славянофилы. Этимъ и объясняются тѣ славянофильскія рѣчи Чацкого, которыя повидимому звучатъ такъ странно въ устахъ молодаго человѣка, только что пріѣхавшаго изъ-за границы и ругающаго наповаль московское общество, но которыя весьма понятны, если мы примемъ во вниманіе, что въ то время вся и петербургская, и московская молодежь, увлекалась національнымъ принципомъ, повсюду твердила вслѣдъ за Чацкимъ:

Пускай меня отъязвять старовѣромъ,
 Но хуже для меня нашъ сѣверъ во сто кратъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ промѣнъ на новыя лахъ:
 И нравы, и языкъ, и старину святую,
 И величавую одежду на другую,
 По шутовскому образцу...

Но вотъ прошло 50 лѣтъ, и Боже мой! чтоже сдѣлалось въ наше время изъ этого нѣкогда моднаго, прогрессивнаго и даже революціоннаго принципа! Г. Градовскій съ откровенностью, поражающею васъ наивнымъ простодушіемъ, въ предисловіи къ своему трактату прямо объявляетъ какую роль суждено играть въ наше время національному принципу. «Эта теорія національно-прогрессивнаго государства, говоритъ онъ на страницѣ IV, одна можетъ быть противопоставлена требованіямъ нашего времени, сдержатъ завоеванія ученій, которыя принято называть «разрушительными», хотя они суть только «инобытіе» господствовавшей государственной теоріи».

Итакъ принципъ, который въ свою очередь былъ нѣкогда требованіемъ времени, и считался (такава ужъ видно судьба всѣхъ требованій времени) разрушительнымъ ученіемъ, противъ завоеванія котораго былъ поставленъ оплотомъ священный союзъ, въ настоящее время становится самъ на мѣсто священнаго союза, своего вроднаго врага, и принимаетъ прискорбную и жалкую роль обуздателя какихъ-то новыхъ современныхъ требова-

ній. И г. Градовскій совершенно правъ, навязывая національному принципу такую роль, отъ которой конечно всѣ умершіе великіе бойцы за этотъ принципъ должны перевернуться въ своихъ гробахъ, а живые покраснѣть отъ стыда. Вотъ уже 10 лѣтъ, какъ національный принципъ играетъ въ европейской жизни именно эту самую роль обуздателя и гасителя. Въ самомъ дѣлѣ, чуть въ какой-нибудь европейской странѣ слишкомъ ужъ громко начинаютъ заявлять себя живыя требованія времени, тотчасъ же подымается какою-нибудь національный вопросъ, который такъ много выросъ въ европейской жизни, завязывается кровопролитная война, поля опустошаются, тысячи семействъ сиротѣютъ, число нищихъ увеличивается въ странѣ, народъ стонетъ отъ увеличения налоговъ вслѣдствіе уплаты военныхъ издержекъ и контрибуцій, но если бѣдствуетъ народъ, за то торжествуетъ національный принципъ и въ разгулѣ необузданнаго шовинизма дѣйствительно обуздываются и забываются всѣ живыя требованія времени. Примѣромъ благотворнаго торжества національнаго принципа можетъ служить намъ современная Германія. Объединенные подъ гегемонію Пруссіи, возвратившіеся изъ Франціи гордыми побѣдителями, нагруженными несмѣтными добычами, нѣмцы, въ восторгѣ отъ торжества національнаго принципа, забыли всѣ тѣ глубокія идеи, всѣ тѣ мучительные вопросы времени, которые подымались и разрабатывались съ такимъ усердіемъ и ученостью въ ихъ отечествѣ: всѣ геніальные умы затмились, все стушеввалось и надъ всѣмъ царить одинъ чванный шовинизмъ, преисполненный дикихъ пристрастій и наглыхъ дифирамбовъ пангерманизма и слѣпаго поклоненія грубой, матеріальной силѣ. А Франція, чемуобязана она своимъ тридцатилѣтнимъ рабствомъ подъ гнетомъ искателя приключеній и своимъ постыднымъ паденіемъ въ результатѣ этого рабства, какъ не тому же національному принципу, служителемъ котораго объявилъ себя Наполеонъ III и ловко умѣлъ время отъ времени подымать различные національные вопросы, и отвлекать французскіе умы отъ вопросовъ внутренней политики внѣшними войнами, снискивая себѣ въ то же время популярность и славу защитника угнетенныхъ народностей..

Послужилъ ли національный принципъ хотя бы къ тому, что въ международныхъ сношеніяхъ побудилъ дипломатовъ соблюдать права народностей, если не на самостоятельность, то хотя бы на выраженіе воли подчиняться тому или другому изъ государствъ, присвоивающихъ себѣ данную страну. Ни чуть не бывало. Подобно тому, какъ при Меттернихъ и до него кроили и перекраивали Европу во имя идеи политическаго равно-

вѣсія, столь-же произвольно и теперь кроютъ и перекраиваютъ ее во имя національныхъ принциповъ, идей объединенія и округленія. Разница только въ томъ, что прежде полагали при присоединеніи областей къ тому или другому государству, что у населенія нѣтъ надобности спрашивать согласія, такъ какъ народы по существу своему призваны повиноваться государственнымъ людямъ, заботящимся о ихъ благѣ, теперь же не считаютъ нужнымъ испрашивать согласія на томъ основаніи, что населенія по существу своему должны тянуть къ родственной національности... И вотъ вслѣдствіи одной войны, ведущейся ради національныхъ принциповъ, присоединяется Ница къ Франціи, вслѣдствіе другой — Эльзась и Лотарингія къ Германіи. Предоставляемъ болѣе тонкимъ и глубокомысленнымъ политикамъ, въ родѣ хоть того-же г. Градовскаго, опредѣлить, чѣмъ отличается прежнее присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи къ Франціи отъ нынѣшняго присоединенія ихъ къ Германіи, мы же отказываемся находить въ обѣихъ фактахъ присоединенія существенную разницу.

II.

Если мы отъ національнаго принципа обратимся къ разнымъ другимъ, которые тоже въ свою очередь и въ свое время стояли во главѣ Европейскаго движенія, то и въ ихъ судьбѣ мы увидимъ такое-же превращеніе изъ двигателей прогресса въ термазы его. Такъ напримѣръ, возьмите хотя-бы напримѣръ дѣятельность первыхъ миссіонеровъ, распространявшихъ христіанство среди полудикихъ германскихъ племенъ. Сколько энтузіазма и самопожертвованія было въ этихъ людяхъ. Изъ цивилизованныхъ городовъ, бросая всѣ удобства жизни и прерывая всѣ кровныя связи, шли они въ дѣсныя трущобы къ дикимъ варварамъ, на холодъ, голодъ, мученія, иногда и вѣрную смерть. Они мечтали, что имъ удастся смягчить грубые нравы, обуздать дикія страсти и внушить дикарямъ принципы любви и гуманности, и воображали-ли они, что ихъ дѣятельность будетъ имѣть результатомъ католическую еовератию, которая на цѣлые вѣка наляжетъ тяжелымъ гнетомъ на Европу, гнетомъ, отъ котораго европейскіе народы не могутъ вполне избавитися и понинѣ.

Но вотъ противъ этого гнета въ XV вѣгѣ возстала европейская мысль, возбужденная знакомствомъ съ идеями древней цивилизаціи и цѣлымъ рядомъ открытій и изобрѣтеній. На-

члось новое движеніе, исполненное столь-же горячаго энтузіазма, на знамени прогресса были написаны великія слова: свобода совѣсти и право каждому толковать св. писаніе по своему разумѣнію; все, что было живаго въ европейскихъ обществахъ устремилось за вождями этого движенія и думали-ли эти вожди, что эманципируя Европу отъ авторитета папъ, они ведутъ ее къ парабощенію изсушающимъ умъ и сердце схоластическимъ резонерствомъ пастырей различныхъ реформатскихъ церквей, которые въ концѣ концовъ подадутъ руку свѣтской власти для искорененія всякихъ новыхъ побѣговъ европейской мысли.

А движеніе XVIII вѣка, все это броженіе скептическихъ и гуманныхъ идей, разрѣшившееся общеевропейскимъ взрывомъ, что вышло изъ всего этого? Промышленная анархія на почвѣ безусловнаго индивидуализма и мнимой равноправности, да идеаль единой, нераздѣльной республики, съ убійственною централизациею, поддерживаемою штыками. Если республиканцы, вѣрные преданіямъ эпохи якобинцевъ, не являются еще вполне реакціонерами, то благодаря только тому, что Европа и до сихъ поръ не отдѣлалась отъ притязаній феодализма, съ которымъ боролись ихъ отцы въ концѣ прошлаго столѣтія.

Переходя такимъ образомъ отъ одного движенія идей къ другому и вида, что каждая серія идей изъ прогрессивной дѣлается въ концѣ концовъ консервативной и реакціонной, невольно становишься въ тупикъ и спрашиваешь себя, что же это за нелѣпая игра и стоитъ ли послѣ этого къ чему нибудь стремиться, если исторія осязательно убѣждаетъ тебя, что все кажущееся тебѣ непреложною истиною покажется ложью лѣтъ черезъ 50, а можетъ быть и менѣе, твоимъ внукамъ, а прекрасныя убѣжденія твои обратятся въ орудіе жестокихъ преслѣдованій. Гдѣ же послѣ этого настоящая-то истина, правда и стоитъ ли послѣ этого жить на землѣ, будучи смѣшною и жалкою игрушкою какой-то бессмысленной исторической колдоватности?

Но всѣ подобныя сомнѣнія происходятъ ни отъ чего иного, какъ отъ укоренившейся въ насъ привычки отдѣлать человѣческій родъ отъ всего прочаго животнаго царства непроницаемою стѣною, воображать, что съ появленія человѣка такъ сразу и началось на землѣ царство разума, и вслѣдствіе этого требовать, чтобы вся исторія человѣчества слагалась по непреложнымъ законамъ безусловной разумности.

Если же мы, отрѣшившись отъ этого предразсудка, снимемъ человѣка съ того пьедестала, на который привыкли ставить

его, убѣдимся, что человѣкъ, какъ бы онъ ни возвышался надъ прочими животными своею способностью умственного развитія, но тѣмъ не менѣе раздѣляетъ съ ними одну долю, подчиняясь не однимъ только идеямъ разума, а различнымъ вѣяніямъ тѣхъ же самыхъ темныхъ инстинктовъ, какіе руководятъ всѣми животными, если, однимъ словомъ, мы признаемъ, что исторія человѣчества не есть исторія разумныхъ существъ, а только стремящихся сдѣлаться разумными, мы правда разочаруемся во многихъ радужныхъ фантазіяхъ, но за то перестанемъ смотрѣть мрачными глазами на всѣ вышеупомянутыя движенія прогресса, увидимъ, что въ каждомъ изъ нихъ есть своя доля истины, правды и не все со временемъ дѣлается удѣломъ реакціи.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое животный инстинктъ и чѣмъ отличается онъ отъ разума? Было время, когда ему приписывали чудеса и ставили его даже выше человѣческаго разума, види въ немъ частицу божественнаго предусмотрѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ рушилась вѣра въ цѣлесообразность явленій природы, исчезла и вѣра въ чудодѣйственность инстинкта. Онъ оказался ничѣмъ инымъ, какъ рядомъ инертныхъ привычекъ, образовавшихся путемъ ассоціацій впечатлѣній и часто повторявшихся рефлекторныхъ движеній. Въ такомъ видѣ инстинктъ является не только не чѣмъ либо противоположнымъ разуму, это тотъ же разумъ, но или находящійся въ зачаточномъ состояніи, не дошедшій еще до самознанія и способности критически относиться къ явленіямъ внѣшняго міра и своимъ собственнымъ отправлениямъ, или же напротивъ того разумъ, утратившій самосознаніе, омертвѣвшій, если можно такъ выразиться. Мы просимъ читателей обратить особенное вниманіе на этотъ двойной характеръ инстинкта, такъ какъ это обстоятельство будетъ играть не малую роль въ нашихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ. Дѣло въ томъ, что инстинктъ не всегда предшествуетъ разуму, иногда онъ слѣдуетъ за нимъ и это мы видимъ во многихъ проявленіяхъ инстинкта уже въ различныхъ низшихъ классахъ животныхъ. Это обстоятельство и обманывало людей, заставляя ихъ видѣть разумную цѣлесообразность тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ является одна механическая инерція наслѣдственной привычки, періодически повторяющаяся не только безъ всякой цѣли и смысла, но иногда и во вредъ животнаго. Такъ наприкладъ, возьмите вы хотя бы привычку кошки зарывать свой пометъ въ землю. Очень можетъ быть, что при образованіи этой привычки кошкою руководили какія нибудь разумныя основанія, но разъ образовалась эта привычка, она дѣйствуетъ съ безсознательною машинальною аккуратностью маховаго колеса царо-

вой мельницы, которое, разъ заведенное, будетъ вертѣться, хотя бы и не было подѣ жерновомъ ни крупины муки. Такъ и кошка, находясь въ комнатѣ, при видѣ своего помета, непременно поскребеть полъ задними лапками, ни сколько не отдавая себѣ отчета въ томъ, что въ этомъ случаѣ подобное дѣйствіе лишено всякой цѣлесообразности. А что можетъ быть разумнѣе привычки бѣлки сохранять запасъ провизіи на зиму, но разъ сложившаяся, эта привычка въ свою очередь теряетъ всякую разумность и обращается въ такой же машинальный и бессмысленный обычай и мы видимъ, что прирученная бѣлка продолжаетъ прятать гдѣ нибудь въ уголку дома свой зимній запасъ, ни сколько не обращая вниманія, что сожителство съ людьми обезпечиваетъ ея продовольствіе и безъ этихъ сбереженій. Точно также наконецъ и овцы, привышія не безъ разумныхъ основаній слѣдовать за вожакомъ, доводятъ эту привычку до такой машинальности, что бросаются за своимъ вожаконъ и въ пропасть въ случаѣ неудачнаго скачка съ его стороны.

Совершенно подобныя же проявленія машинальнаго, бессмысленнаго инстинкта мы можемъ встрѣтить на каждомъ шагу въ жизни человѣка и въ всемирной исторіи. Мы не будемъ много распространяться о массѣ всякаго рода повседневныхъ обычаевъ и приличій, опутывающихъ нашу жизнь и своею машинальностью прямо относящихся къ инертнымъ привычкамъ инстинкта; таковы, на примѣръ, суевѣрія, изъ которыхъ многія имѣютъ свое историческое происхожденіе, показывающее, что не всегда они были столь бессмысленны, какъ въ наше время: такъ, на примѣръ, когда простоядинъ, при встрѣчѣ съ попомъ, спѣшитъ свернуть въ сторону, при этомъ ему и въ голову не приходитъ, что онъ машинально повторяетъ привычку своего предка-язычника, который имѣлъ свои разумныя основанія свертывать съ дороги при встрѣчѣ съ христіанскимъ священникомъ, опасаясь гнѣва языческихъ боговъ. Проявленія безотчетныхъ инстинктивныхъ и часто вполне рефлекторныхъ движеній, мы можемъ встрѣтить и въ болѣе крупныхъ историческихъ явленіяхъ, чѣмъ примѣты, суевѣрія и мелкіе обычай заолустій. Петръ Великій, на примѣръ, сознательно брилъ бороды боярамъ, желая сдѣлать ихъ европейцами хотя бы по одной внѣшности, но послѣ него обычай запрещенія носить бороды привилегированнымъ классамъ обратился въ мертвый формализмъ, дошедшій до такого отсутствія всякой осмысленности, что бороды не смѣли носить люди, съ ногъ до головы уже европеившіеся и когда никому и въ голову не приходило соединять съ ношеніемъ бороды какихъ-либо старовѣрческихъ наклонностей. А графъ

Шамборъ не верхъ ли нелѣпости, что вопросъ быть или не быть королемъ соединяется въ его мозгу неразрывно съ вопросомъ будутъ или не будутъ на французскихъ знаменахъ нарисованы излюбленные цвѣточки. Какая можетъ быть разумная связь между тѣми или другими общественными принципами и трапезами, развѣвающимися на башняхъ; это проявленіе самаго слѣпаго инстинкта человѣка, до такой степени приваивавшагося къ символу извѣстной идеи, что потерявшаго возможность представлять себѣ эту идею безъ символа и готового даже пожертвовать ради символа самою идеею. Но, да не подумаетъ читатель, что подобный абсурдъ составляетъ особенность одного графа Шамбора. Смѣшеніе идеи съ мертвою формою, съ которою иногда совершенно случайно соединяется идея, составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ историческихъ явленій въ жизни всѣхъ народовъ; отъ этого не изъяты даже люди, стоящіе впереди вѣка. Возьмите, напримѣръ, такой фактъ, какъ низверженіе вандомской колонны. Что такое въ сущности этотъ фактъ, какъ не ребяческой гнѣвъ разумныхъ существъ противъ неодушевленнаго куска гранита, которому рѣшительно все равно, стоять или лежать на Вандомской площади. Разсуждая по простому здравому смыслу казалось бы такъ очевидно, что тѣ или другіе памятники, представителями какихъ бы вредныхъ идей они ни были, сами по себѣ не могутъ принести никакого вреда, если мы постараемся искоренить вредныя идеи изъ самой жизни; протекутъ вѣка и памятники останутся въ глазахъ толпы ничѣмъ инымъ, какъ свидѣтелями прожитаго и будутъ только оживлять своимъ присутствіемъ историческія воспоминанія. Не смѣшно ли тратить время и силы на разрушеніе бездушныхъ столбовъ, въ то время, какъ то зло, представителями котораго эти слолбы являются, продолжаетъ господствовать во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Или ужъ если такъ необходимо выражать свой гнѣвъ на бездушныхъ камняхъ, то почему же не начать дѣло раззоренія съ египетскихъ пирамидъ и коллизея, которые остаются передъ нами памятниками тоже не богъ вѣсть какихъ доблестей человѣчества. Но какъ вы тамъ ни разсуждайте, сидя въ своемъ кабинетѣ, а вотъ наплись-таки люди, взяли да и повалили вандомскую колонну. И замѣтите притомъ, что подобный поступокъ не есть дѣло минутнаго увлеченія, онъ былъ совершенъ не внезапно, впопыхахъ, какъ обыкновенно народъ въ дни возстаній срываетъ гербы и флаги; это дѣло было совершено систематически: взялся за него одинъ изъ лучшихъ архитекторовъ Парижа и совершилъ его хладнокровно по всѣмъ правиламъ искусства, принявши всѣ мѣры, чтобы колонна сво-

нимъ надеіемъ не повредила окружающихъ зданій; однимъ словомъ, какъ будто дѣло шло здѣсь о чемъ-либо весьма цѣлесообразномъ и имѣющемъ важныя результаты для исторіи страны или для Парижа.

Именно это-то смѣшеніе идеи съ формою и склонность привязываться къ формѣ болѣе, чѣмъ къ идеѣ; происходящую по всей вѣроятности отъ той причины, что идея отвлеченна, а форма осязательна, мы видимъ во всѣхъ вышеупомянутыхъ мировыхъ историческихъ движеніяхъ. Каждое движеніе въ началѣ своемъ бываетъ весьма разумно и цѣлесообразно и приноситъ міру радъ идей, истинность которыхъ несомнѣнна и которыя и не думаютъ отживать вмѣстѣ съ своимъ вѣкомъ, а напротивъ того продолжаютъ существовать въ умахъ лучшихъ людей во всѣ послѣдующіе вѣка. Такъ, на примѣръ, развѣ умерли тѣ идеи гуманности, любви ближняго паче себя, которыя принесли христіанскіе миссіонеры дикарямъ германскихъ лѣсовъ? А идеи свободы совѣсти или права ума самостоятельно разсуждать, не ограничиваясь однимъ слѣпымъ повиновеніемъ высшимъ авторитетамъ, а идеи равенства передъ закономъ, народнаго самоуправления, — развѣ всѣ эти идеи оказались впоследствии вредными и ложными и были отвергнуты передовыми мыслителями позднѣйшихъ вѣковъ? Ничуть не бывало: они и по нынѣ считаются лучшимъ достояніемъ челоуѣчества, и между собою живутъ вполне дружно, нисколько не отрицая одна другую, позднѣйшая старѣйшую, и составляя одну стройную систему, поддерживая и дополняя одна другую. Нѣтъ, не идеи низводили прогрессивныя движенія на почву реакціи, а именно тѣ условныя, историческія формы, въ которыхъ эти идеи проявлялись. Мы видимъ, что при каждомъ движеніи выдвигалась впередъ какая-либо форма, которая, цѣпляясь за передовыя идеи, изъявляла претензію составлять съ ними нѣчто одно, нераздѣльное. И люди до такой степени привыкали соединять свои любимыя идеи съ этою формою, что привычка и привязанность къ формѣ, возрастая все болѣе и болѣе, доходила, наконецъ, до того, что за формою забывались и самыя идеи. Тогда-то и кончались всякая разумность и цѣлесообразность, а начинались дѣйствія слѣпаго инстинкта въ видѣ машинальнаго исполненія привычныхъ формъ и стремленія сохранить ихъ во что бы то ни стало, хотя бы подобное сохраненіе не только не имѣло ничего общаго съ идеями, но шло вполне въ разрѣзъ съ ними. Подобное низведеніе разумнаго движенія идей на степень слѣпаго инстинкта, мы, дѣйствительно, видимъ въ каждомъ изъ разсматриваемыхъ нами историческихъ моментовъ. Въ началѣ сред-

нихъ въковъ формою, възъявившею претензію составлять сосудъ для идей христіанскихъ миссіонеровъ, послужила католическая церковь и до такой степени эта форма въ послѣдствіи смѣшалась съ христіанскими идеями, что людямъ начало казаться, что для спасенія достаточно принадлежать къ католической церкви и исполнять ея обряды, а о проведеніи самихъ идей въ жизнь перестали и помышлять, и даже начали поступать совершенно вопреки ихъ, когда ради сохраненія излюбленной формы начали воздвигать кровавыя войны и острыя инвизитіи. Въ XVI вѣкѣ такою формою явились различныя реформатскія церкви, которыя въ свою очередь, поставивши на своемъ знамени свободу совѣсти и разума, забыли въ послѣдствіи о своихъ основныхъ принципахъ и, когда свобода критики коснулась ихъ самихъ, начали дѣйствовать въ союзѣ со свѣтской властью противъ идей, которыя сами же нѣкогда воздвигли. Гуманныя и скептическія идеи XVIII вѣка прилѣпились въ глазахъ вѣрныхъ преданіямъ первой революціи къ идеалу единой, нераздѣльной, централизованной республики и въ свою очередь, разъ эта форма восторжествуетъ и утвердится, хотя бы во Франціи, приверженцы ея всегда будутъ готовы воздвигнуть гоненія, весьма не гуманныя, противъ каждаго противника подобной формы.

III.

Национальный принципъ, составляющій предметъ нашихъ разсужденій, въ свою очередь не избѣгъ той же участи перехода изъ сферы разумности въ сферу слѣпыхъ инстинктовъ бездушнаго формализма. Въ основѣ этого вопроса лежитъ идея вполне разумная, несомнѣнно истинная и явившаяся не случайно, не свалившаяся съ неба, такъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, а вынесенная изъ горькаго опыта жизни. Чтобы понять весь смыслъ этой идеи и всю ея важность, надо обратить вниманіе на то, какъ гуверналисты дореволюціонной эпохи, такъ и раціоналисты эпохи революціи вполне игнорировали фактъ существованія различныхъ народностей. Гуверналисты, вѣрные феодальнымъ понятіямъ и преданіямъ, всѣ государственные вопросы сводили къ вопросамъ о владѣніи землею, люди же, населявшіе земли, по ихъ понятіямъ, составляли нѣчто нераздѣльное съ землями и нигдѣ въ ихъ глазахъ значеніе, насколько не большее, чѣмъ лѣса или луга, т.-е. разсматривались исключительно только, какъ статьи дохода. Очевидно, что вопросы о народныхъ интересахъ не могли имѣть здѣсь

и мѣста, потому что не все ли было равно для феодальнаго владѣнія, какіе бы народы ни населяли различныя части государственной территоріи, лишь бы только эти народы исправно платили подати и поставляли рекрутовъ въ государственную армію.

Естественно, что при такихъ воззрѣніяхъ единственными вопросами международной политики могли быть вопросы о правахъ на владѣніе тѣми или другими землями различныхъ государствъ и не столько даже государствъ, сколько ихъ представителей, такъ что уничтоженіе какаго-либо государства и присоединеніе его территоріи къ другому, представлялось въ глазахъ государственныхъ людей, не потерей завоеваннымъ народомъ свободы, а простою экспроприаціею бывшаго владѣтеля.

Рационалисты XVIII вѣка возстали противъ всѣхъ этихъ порядковъ, основанныхъ на феодальныхъ преданіяхъ. Въ основѣ своихъ ученій они поставили тотъ всѣмъ извѣстный принципъ новаго времени, что не люди существуютъ для государства, а государство для людей. Основываясь на этомъ принципѣ, они начали создавать а priori планы такихъ государственныхъ устройствъ, которыя, будучи основаны на разумныхъ началахъ, служили-бы къ наибольшему счастью и благополучію. Въ теоріи всѣ эти планы были прекрасны, основывались на истинно гуманныхъ идеяхъ свободы и равноправности, но когда пришлось осуществлять ихъ на дѣлѣ, въ дѣйствительности рационалисты встрѣтили не тѣхъ априорныхъ людей, которые въ ихъ фантазіи стремились къ братству и единенію въ духѣ свободы и любви, а рядъ народностей, находящихся на различныхъ ступеняхъ культуры, имѣющихъ каждая свои дорогія историческія воспоминанія, свои освѣщенные вѣками обычай и формы жизни, наконецъ свои симпатіи и антипатіи,—однимъ словомъ, въ дѣйствительности рационалисты встрѣтились не съ разумными существами, готовыми слѣдовать законамъ разума, а съ стадными животными, слѣпо повинующимися различнымъ вѣяніемъ истиннѣта. Если-бы рационалисты были чистые мыслители, то они конечно остановились-бы передъ такою дѣйствительностью и ограничились-бы тѣмъ, что сказали-бы людямъ: вотъ вамъ рядъ идей, способныхъ осчастливить васъ и сдѣлать настоящими людьми. Способны вы принять эти идеи и слѣдовать имъ—ваше счастье, а нѣтъ—вините себя, мы все-таки будемъ дѣлать свое дѣло и проповѣдывать вамъ наши идеи, авось вы когда-нибудь и прозрѣете. Но рационалисты не могли ограничиться этимъ, потому что они были людьми не однихъ словъ, но и дѣла. Они до такой степени вѣрили въ силу и спасительность

своихъ идей, что имъ казалось, что и насильно навязанныя, эти идеи должны принести свою пользу. И вотъ начались всевозможныя попытки рациональныхъ реформъ сверху, которыми сначала занимались философствующіе правители въ родѣ Фридриха Великаго, Екатерины или Иосифа II, а потомъ всѣ эти частныя попытки смѣнились однимъ колоссально-безумнымъ опытомъ Наполеона—разрушить силою меча всѣ національныя перегородки, слить всѣ европейскіе народы подъ одинъ скипетръ и водворить въ нихъ рациональныя учрежденія, выработанныя французскою революціею. Национальный принципъ былъ принятъ логическимъ выводомъ изъ всѣхъ этихъ неудачныхъ попытокъ къ насильственному водворенію на землѣ царства разума. Попытки эти показали людямъ, что какъ ни прекрасны могутъ быть тѣ или другія учрежденія въ теоріи, въ дѣйствительности они могутъ осуществиться только тогда, когда они свободно и естественно развиваются изъ жизни народа; необходимо потому, чтобы народъ доросъ до нихъ, понялъ ихъ, захотѣлъ ихъ; все же искусственно навязываемое народу, помимо его желанія, не только не приноситъ ему пользы, но причиняетъ неизгладимый вредъ, потому что парализуетъ свободное и естественное развитіе народной культуры, обращая народъ изъ живаго существа въ мертвый матеріалъ, изъ котораго можно будто-бы вылѣпить какую угодно форму по нашему личному произволу. Въ результатѣ выходитъ тотъ выводъ, что каждая народность, имѣетъ право на свободное, самобытное развитіе, и всякое насиліе надъ нею не только ради своекорыстнаго господства, но и съ самыми благодѣтельными цѣлями терпимо быть не можетъ. Вотъ основаніе національнаго принципа. Я полагаю, что каждый здравомыслящій человѣкъ согласится съ истинностью подобнаго основанія и не найдетъ въ немъ ничего такого, что бы впоследствии могло сдѣлаться регрессивнымъ и реакціоннымъ, подобно тому, какъ не можетъ быть ничего реакціоннаго въ христіанскихъ идеяхъ любви и гуманности, въ реформаціонныхъ идеяхъ свободы совѣсти и разума, въ скептическихъ идеяхъ XVIII вѣка. Защищая право cadaго народа на свободное и самостоятельное развитіе, національный принципъ, взятый въ своемъ чистомъ видѣ, и не думаетъ навязывать народамъ тѣ или другія стремленія, такое развитіе, а не другое, предполагать напимѣръ, что каждая народность непременно должна стремиться къ единству, къ созданію своихъ особенныхъ самобытныхъ государственныхъ формъ и пр. и съ другой стороны отвергать возможность раздробленія народа на нѣсколько государствъ или соединеніе нѣсколько народностей въ одно го-

сударство. Для національнаго принципа важно только, чтобы надъ народомъ не произвѣдилось никакого насилія и воля его свято соблюдалась, что-же касается характера народныхъ желаній, то какъ-бы они ни были противоположны, народный принципъ долженъ относиться къ нимъ съ одинаковымъ уваженіемъ. И дѣйствительно мы можемъ предположить себѣ рядъ проявленій народныхъ стремленій, діаметрально противоположныхъ другъ другу—и всѣмъ имъ одинаково долженъ сочувствовать національный принципъ. Является напримѣръ народность, находящаяся въ раздробленномъ состояніи, желающая соединиться въ одно цѣлое, такова была Италия въ недавнее время. Конечно національный принципъ долженъ принять такое стремленіе подъ свое покровительство и вооружиться всѣми своими силами противу людей, желающихъ насильственно сохранить раздробленіе народности изъ какихъ-нибудь своекорыстныхъ видовъ или теорій политическаго равновѣсія. Но вотъ мы видимъ другую народность—напримѣръ Англію, стремящуюся къ раздробленію; мы видимъ, что одна огромная часть, въ видѣ Америки, отвалилась уже отъ своей метрополи; не сегодня завтра тоже сдѣлается съ Индіей или англійскими владѣніями въ Австраліи. Национальный принципъ долженъ и такое стремленіе взять подъ свое покровительство въ виду людей, которые насильственно старались-бы сохранить единство народа ради государственной цѣлости. Отторгнутая завоеваніемъ провинція съ отвращеніемъ переноситъ чужеземное иго и тянетъ къ единоплеменному государству. Нужно ли и говорить о томъ, какъ долженъ отнестись къ этому національный принципъ. Но вотъ происходитъ нѣчто совершенно противоположное: отторгнутая провинція, въ родѣ, напримѣръ, Эльзасъ и Лотарингіи, такъ сжилась съ своими завоевателями, что совершенно приросла къ нимъ, особенно какъ успѣла много кое-чего пережить съ ними общаго; и вдругъ со-сѣдняя народность, которой нѣкогда принадлежала эта провинція, снова возвращаетъ ее себѣ на томъ основаніи, что население этой провинціи одного съ ней племени, между тѣмъ, какъ население возвращенной провинціи не хочетъ и знать своихъ земляковъ и продолжаетъ тянуть къ своимъ прежнимъ завоевателямъ. Неужели же національный принципъ долженъ одобрить это насильственное присоединеніе провинціи ради теоріи народнаго единства; нѣтъ, онъ долженъ не забывать, что единственное истинное основаніе его—есть отрицаніе всякаго насилія надъ цѣлымъ народомъ или хотя бы частію его и онъ, въ свою очередь, долженъ встать на сторону провинціи, не желающей присоединенія, и объявить, что единство,

созданное насильственнымъ путемъ, вовсе не есть единство. Нѣсколько народовъ насильственно связываются въ одно государство подъ верховною властію, совершенно всѣмъ имъ чуждою. Примѣръ такого государства представляетъ Австрія. Нужно ли опять-таки говорить о томъ, какъ долженъ отнестись къ этому факту національный принципъ? Но можетъ случиться и такъ, что нѣсколько народностей пожелають составить одно государство или, можетъ быть, онѣ давно уже составили и отлично ужились между собою. Европа можетъ представить намъ и таковой примѣръ въ видѣ Швейцаріи, въ которой дѣйствительно подъ одной государственной формой вотъ уже нѣсколько вѣковъ существуетъ три народности: французская, нѣмецкая и итальянская. Представьте же себѣ, что вдругъ Франція, Италия и одна изъ нѣмецкихъ державъ вздумали бы составить между собою союзъ съ цѣлію раздѣленія Швейцаріи ради объединенія народностей каждой изъ союзныхъ державъ. Чью бы сторону долженъ здѣсь принять національный принципъ: сторону ли державъ, выступившихъ приверженцами національнаго объединенія, или швейцарцевъ, желающихъ составлять одно государство, несмотря на различіе народностей, входящихъ въ него. Очевидно, сторону швейцарцевъ. Онъ долженъ былъ бы напомнить приверженцамъ объединенія, что подобно тому, какъ иностранецъ, съ которымъ мы прожили десять лѣтъ въ одной комнатѣ душа въ душу, дѣлается для насъ въ неизмѣримо большей степени роднымъ, чѣмъ тотъ кровный родственникъ, съ которымъ мы никогда въ жизни не видались, такъ и для гражданъерна гораздо роднѣе граждане Женевы, чѣмъ граждане Вѣны или Берлина. Много значить прожить съ кѣмъ-нибудь долгое время подъ одними впечатлѣніями жизни; и въ этомъ отношеніи доктрина народнаго объединенія является мертвою, абстрактною теоріею, идущею въ разрѣзъ со всѣми народными симпатіями и влеченіями, и національный принципъ долженъ воспротивиться всѣми своими силами противъ такого насилія.

Наконецъ, представимъ себѣ, что во главѣ народа стоитъ правительство, состоящее изъ людей, сильно увлеченныхъ культурными формами какой-нибудь чуждой національности и желающихъ во что бы то ни стало пересадить эти формы на почву своего народа; между тѣмъ, массы народа, дорожа своею собственною культурою, вовсе этого не желаютъ и относятся къ реформамъ враждебно. И какъ бы пересаживаемыя культурныя формы ни были выше народныхъ, національный принципъ непременно долженъ возстать противъ такой пересадки именно

во имя того, что ничто насильно навязанное народу не может пустить въ немъ глубокіхъ корней и не можетъ принести ему никакой пользы, а напротивъ того, только извращаетъ его понятія, приучая его, вслѣдствіе инстинктивной оппозиціи противъ насилія, съ отвращеніемъ относиться къ такимъ предметамъ, которые сами по себѣ должны бы были внушать, напротивъ того, сочувствіе и могли бы принести бездну блага. Но мы можемъ представить себѣ и совершенно обратный случай: народъ всею массою увлекается формами чуждой культуры и желаетъ пересадить эти формы на свою почву; во главѣ же его стоятъ люди, держащіеся такого мнѣнія, что народъ долженъ, во что бы то ни стало, сохранять свои народныя культурныя формы и отнюдь не перенимать чужихъ, и люди эти начинаютъ употреблять всѣ усилія, чтобы удержать народъ отъ подражанія чуждымъ ему формамъ. Долженъ ли національный принципъ встать на сторону подобныхъ консерваторовъ? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ. И въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ предъидущихъ, для него должна быть дорога народная воля и онъ долженъ заявить людямъ, желающимъ идти противъ этой воли: да, неестественно навязывать народу насильно формы чуждой ему культуры, но столь же неестественно и насильно стараться удерживать въ народѣ его старыя формы. Желаніе, созрѣвшее въ массахъ народа, относительно принятія какой-нибудь чуждой культурной формы, должно считать столь же естественнымъ и нормальнымъ, какъ, еслибы эта чуждая форма была создана самимъ народомъ: чего народъ желаетъ, то, значить, ему не чуждо, то, значить, народно и должно ему принадлежать неотъемлемо.

Я прошу извинить читателей, если я надоѣлъ ему рядомъ своихъ антитезъ; но я желалъ ими вполне исчерпать всевозможныя отношенія къ различнымъ явленіямъ жизни національнаго принципа, взятаго въ его чистомъ видѣ. И мы видимъ изъ этого ряда антитезъ, что національный принципъ самъ по себѣ не имѣетъ ничего общаго ни съ теоріей народнаго единства, требующаго, чтобы каждый народъ составлялъ непременно одно, особенное государственное цѣлое и чтобы отнюдь нѣсколько народовъ не могли сливаться въ одно государство или наоборотъ, одинъ народъ раздробляться на нѣсколько государствъ, ни съ доктринами народной исключительности, требующей, чтобы народъ свято сохранялъ всѣ свои культурныя формы и въ принятіи каждой чуждой формы видѣлъ свою гибель.

IV.

Но мы уже говорили, что національный принцип, какъ и всѣ прочіе предшествовавшіе ему великіе историческіе принципы, не могъ удержаться въ своемъ чистомъ видѣ и, въ свою очередь, перешелъ въ послѣдствіи на почву мертвѣго формализма. Этому помогли тѣ же историческія обстоятельства, которыя и вызвали его. Истинному пониманію принципа въ его чистомъ видѣ очень часто мѣшаютъ тѣ вполне естественныя, но тѣмъ не менѣе инстинктивныя и лишеныя всякой осмысленности реакціи въ противоположную сторону, которыя слѣдуютъ за всякимъ увлеченіемъ и которыя г. Градовскій, слѣдуя гегелевской терминологіи, называетъ инобытіемъ. Съ одной стороны, гурверналисты и рационалисты до такой степени пренебрегали народными интересами, считая народы ничѣмъ инымъ, какъ какимъ-то мертвымъ матеріаломъ, для осуществленія своихъ своеобразныхъ и абстрактныхъ цѣлей и такъ произвольно позволяли себѣ дѣлать и соединять ихъ, что вызвали противоположную крайность, въ силу чего приверженцы національнаго принципа не могли остановиться на одномъ только отрицаніи какихъ-бы то ни было насилій надъ волею народовъ, а начали воображать, что народы по самому существу своему внутренне нераздѣлимы и внѣшно несоединимы, что ужъ такъ положено самою природою, чтобы человечество раздѣлялось на отдѣльныя народныя группы, при чемъ каждая народная группа должна непремѣнно составлять особенное, независимое цѣлое, потому что она есть особенный живой организмъ; мечтать же изъ двухъ-трехъ организмовъ составить искусственно одинъ столь же нелѣпо, какъ и наоборотъ разчленять организмъ на части, мечтая изъ каждой части создать особенное живое существо. Съ другой стороны надо вспомнить, что въ XVIII вѣкѣ всѣ европейскіе народы были увлечены французскою цивилизаціею. Это увлеченіе, какъ извѣстно, не ограничивалось одними идеями, распространявшимися французскими мыслителями, а доходило до крайностей, лишенихъ всякой осмысленности и стоявшихъ вполне на почвѣ рефлексивныхъ движеній подражательности: перенимали изъ Франціи все, что только бросалось въ глаза: костюмы, убранство комнатъ, архитектуру домовъ и садовъ; старались и говорить, и ходить, и писать, какъ французы, и также развратничать, какъ развратничали въ Версали. Эта крайность вызвала противоположную крайность,

столь же слѣбую и неосмысленную. Послѣ наполеоновскихъ войнъ всѣ ударились въ квасной патріотизмъ, начали пре-славлять народныя обычаи и нравы, возводить въ идеаль различныя народныя качества иногда самаго неидеальнаго свойства и отрицать полезность перенесенія съ почвы одной народности на почву другой какихъ бы то ни было культурныхъ формъ. Подобному увлеченію ревностно вторила метафизическая философія, выступившая со своею извѣстною теоріею, заключающеюся въ томъ, что каждая народность есть выразительница одной какой-нибудь стороны безусловной идеи и поэтому должна развиваться совершенно самостоятельно; увлеченіе же какими-нибудь культурными формами чуждой цивилизации можетъ повести только къ тому, что народность, потерявши свою индивидуальную особенность, обезличится и утратить всякое историческое значеніе. На почвѣ такихъ ученій и развились различныя германофильства, славянофильства и пр. Такимъ образомъ, національный принципъ и вступилъ на почву мертваго формализма. вмѣсто того, чтобы ограничиваться одною защитою свободныхъ проявленій народной воли и отрицаніемъ какихъ бы то ни было насилій надъ народами, онъ началъ самъ навязывать народу рядъ стремленій, выведенныхъ а priori изъ различныхъ метафизическихъ началъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предписывать народамъ предвзятныя формы жизни. Требованіе, чтобы народность, непременно объединенная, непременно была нераздѣльно связана государственными формами, созданными опять таки непременно ею самою,—сдѣлалось благороднѣйшимъ желаніемъ націоналистовъ; въ эти узкія рамки они начали стремиться втиснуть всю историческую жизнь европейскихъ народовъ, отрицая въ этихъ рамкахъ возможность какаго бы то ни было движенія жизни. Но въдѣ это величайшее насиліе, какое только можно себѣ представить. Чтожъ, такъ оно и должно быть: каждый принципъ, переходя на почву формализма, приходитъ къ отрицанію тѣхъ самыхъ идей, какія положены въ его основаніе. Къ этому же пришелъ и національный принципъ: отъ отрицанія насилія онъ самъ неминуемо долженъ былъ обратиться къ насиліямъ, разъ онъ создалъ себѣ фетиша, поклоненіе которому сдѣлалъ всеобщю обязанностью. Пова подобный формализмъ стоялъ еще на почвѣ отвлеченныхъ теорій кабинетныхъ мыслителей въ родѣ нашихъ славянофиловъ 40-хъ годовъ, можно было и не замѣтить противорѣчія между ними и чистыми основаніями національнаго принципа. Можно было думать, что націоналисты-формалисты ограничатся пропагандою своихъ утопій, но въ тоже время, во имя ос-

новныхъ началъ своего принципа, никогда не покуются силою провести эти утопіи въ жизнь, въ случаѣ если жизнь, не послушавшись, будетъ идти своею дорогою. Но когда національный формализмъ началъ переходить въ Европѣ отъ слова къ дѣлу, когда онъ проникъ въ сферу международной и внутренней политики, тогда и обнаружилось, что въ дѣйствительности онъ иначе не можетъ быть проведенъ, какъ путемъ цѣлаго ряда самыхъ грубыхъ и убійственныхъ насилій. Германское объединеніе повазмываетъ намъ наглядно, каковы первые шаги національнаго формализма въ жизни. Но это только цвѣточки, а ягоды будутъ впереди, и мы не знаемъ еще, сколько крови будетъ пролито, сколько будетъ совершено ужасныхъ насилій и поправно самыхъ естественныхъ народныхъ стремленій.

V.

У насъ не существуетъ еще такой національной партіи, какъ въ Пруссіи, гдѣ эта партія строго организована, имѣетъ опредѣленную, признаваемую всѣми членами программу дѣйствій, и стоитъ во главѣ правленія, являясь въ настоящее время побѣдительницею всѣхъ другихъ партій общества. У насъ существуютъ только разрозненные славянофильскіе кружки, идеи которыхъ и до сихъ поръ находятся въ состояніи хаотическаго броженія въ области чистой мысли безъ малѣйшей возможности перейти къ какому либо дѣйствіямъ. Въ 40-е же годы славянофильскія идеи находились еще въ большемъ хаосѣ и, стоя на почвѣ метафизическихъ теорій, еще менѣе имѣли соприкосновеній съ дѣйствительностью, будучи ничѣмъ болѣе, какъ отвлеченными мечтаніями кабинетныхъ людей. До какой степени неопредѣленно и, если можно такъ выразиться, безформенно, было славянофильство, это мы можемъ судить по тому, что подъ знамена славянофильскія ставились не одни только чистые славянофилы, въ родѣ Кирѣевскихъ, Хомякова, К. Аксакова, — не одни люди, проповѣдующіе гніеніе Запада и искавшіе идеаловъ для будущей общечеловѣческой цивилизаціи въ славянскомъ мірѣ, но и такіе поборники враснаго и официальнаго патріотизма, какъ г. Погодинъ; къ славянофильству же причисляли себя и различные археологи по славянскимъ древностямъ, занимавшіеся своими изысканіями ради одной страсти къ рызрыванію архивовъ и которые въ вопросѣ о томъ, въ какому вѣку относится языкъ краледворской рукописи видѣли альфу и омегу всѣхъ славянскихъ вопросовъ, такъ что на по-

*

мысли о будущих судьбах славянства у нихъ не было ни времени, ни охоты. Сюда же шли и мистики всякаго рода, въ родѣ Гоголя, по той простой причинѣ, что они находили много сочувственнаго въ томъ положеніи славянофильскаго ученія, что оскуденіе вѣры и развитіе скептицизма есть одинъ изъ признаковъ гніенія Запада, хотя у подобныхъ мистиковъ только и общаго было съ славянофилами, что этотъ единственный пунктъ. Находясь въ состояніи такого безформеннаго хаоса, славянофильство только и проявляло свою дѣятельность, что туманно-философскими разсужденіями о гніеніи Запада и о переходѣ общечеловѣческой цивилизаціи на славянскую почву, богословскими трактатами о преимуществѣ православной церкви передъ всѣми западными церквами, историческими изысканіями, съ дѣлю доказательства преимущества различныхъ культурныхъ формъ славянскаго быта, да собираніемъ памятниковъ народной поэзіи. Такимъ образомъ славянофилы были вполне безобидными мечтателями, никто и не воображалъ, чтобы когда-нибудь хотя малая часть ихъ простодушныхъ мечтаній могла быть осуществлена; всѣ ихъ невинныя крайности не возбуждали ничего болѣе, кромѣ столь же невиннаго смѣха, который переходилъ въ негодованіе тогда только, когда какой либо слишкомъ расхрипѣвшійся славянофилъ обзывалъ въ жару полемики измѣнниками отечества тѣхъ изъ своихъ враговъ, на которыхъ и безъ того уже косились въ высшихъ сферахъ.

Но въ началѣ 60 годовъ изъ безформенной массы славянофильства начала выдѣляться особенная фракція людей, которые, выражая сочувствіе къ чистымъ славянофиламъ, раздѣляя многія ихъ идеи, тѣмъ не менѣе говорили, что они вовсе не славянофилы и не раздѣляютъ многихъ ихъ крайностей. Люди эти были названы почвенниками, потому что въ органахъ своихъ (Время, Эпоха, Заря) они все толковали о какой-то почвѣ и на каждое явленіе жизни смотрѣли съ той точки зрѣнія, что имѣеть ли оно народную почву подъ ногами или не имѣеть. Было у нихъ еще и другое сатирическое названіе стрижей, данное имъ вслѣдствіе крайней безобидности и невинности ихъ робкихъ воркованій о почвѣ. Но какъ ни туманны и неопредѣленны, какъ ни робки и безобидны были всѣ эти стрижиныя воркованія, они не были сами по себѣ столь маловажны, какими казались въ то время. Это былъ первый, хотя и колеблющійся, нерѣшительный, но тѣмъ не менѣе новый шагъ перевести славянофильство изъ его заоблачныхъ метафизическихъ высей на почву дѣйствительности, очистить его отъ всего того, что представлялось слишкомъ утопичнымъ и несбыточнымъ въ сла-

вянофильскомъ ученіи или что слишкомъ уже шло въ разрѣзъ со всеобщими требованіями, и путемъ уступокъ сблизить славянофильскія идеи съ общественнымъ движеніемъ. Все это дѣлалось крайне неумѣло вслѣдствіе того, что во главѣ этой новой славянофильской фракціи стояли люди, не отличающіеся особенною даровитостью, и не вполне опредѣлившіе тотъ путь, на который они выступили, и потому они постоянно сбивались съ него то въ сферѣ чистаго славянофильства, то на почву реакціонной публицистики въ духѣ Каткова, то ударялись вдругъ въ чисто литературные вопросы, видѣли особенную важность въ опредѣленіи, на сколько можно считать народными писателями Пушкина или Островскаго, вопросы, на которые, конечно, не обратилъ бы и вниманія мало мальски талантливый публицистъ, неуклонно стремящійся къ своей цѣли. Такъ шли дѣла до начала изданія въ Москвѣ «Бесѣды». Въ этомъ органѣ новое направленіе славянофильства, наконецъ, выяснилось и опредѣлилось на столько, что о немъ можно сдѣлалось говорить, какъ о дѣйствительно новомъ направленіи. Чистые славянофилы, вѣрные преданіямъ эпохи Хомякова и Кирѣевскихъ, сколько мы слышали, отзывались о «Бесѣдѣ» не совсѣмъ дружелюбно, несмотря на то, что «Бесѣда» считалась въ обществѣ славянофильскомъ органомъ, и они имѣли на это право; хотя «Бесѣда» очень высоко ставила славянофиловъ и много толковала о ихъ заслугахъ, но принимала ихъ ученія далеко безусловно и относилась въ нимъ критически. Это критическое отношеніе къ славянофиламъ обуславливалось тѣмъ, что у сотрудниковъ «Бесѣды» были свои особенные взгляды, значительно отличавшіеся отъ славянофильскихъ, хотя, повидимому, и возросшіе на ихъ почвѣ. Особенность же этихъ взглядовъ сотрудниковъ «Бесѣды» въ томъ именно и заключалась, чтобы оформить широкія и расплывчатыя славянофильскія идеи, вставивши ихъ въ узкія, но за то рѣзко опредѣленныя рамки національнаго формализма и такимъ образомъ метафизическія утопіи обратить въ политическое ученіе, могущее служить практическою и возможною къ осуществленію программю правительственныхъ дѣйствій. Такой переходъ славянофильства съ отвлеченной почвы на практическую имѣеть, по нашему мнѣнію, весьма большую важность въ нашей жизни. Этимъ путемъ славянофильство изъ небольшихъ кружковъ мечтателей, не имѣющихъ ни малѣйшаго вліянія въ жизни, можетъ превратиться въ обширную политическую партію, которая при благоприятныхъ обстоятельствахъ будетъ имѣть огромное вліяніе въ нашей жизни, если только не поглотитъ все. Прижѣръ такого всепоглощенія мы видимъ въ

современной Германіи и не имѣемъ шансовъ утверждать, чтобы и у насъ не могло бы произойти чего-либо подобнаго; напротивъ того, многія обстоятельства заставляютъ насъ предполагать, что національный формализмъ можетъ вознѣмѣть у насъ торжество, гораздо, можетъ быть, въ болѣе скоромъ времени, чѣмъ многіе предполагаютъ; въ него, конечно, не замедлятъ влиться всѣ тѣ фразы безхарактернаго либерализма, который въ настоящее время не находитъ подъ ногами никакой почвы, и будетъ очень радъ, когда ему представится рядъ опредѣленныхъ стремленій, повидимому, весьма либеральныхъ и въ то же время не лишаящихъ либеральныхъ людей дорогой для нихъ невинности; за него же въ своихъ видахъ и по своему ухватится реакція и на свой ладъ обработаетъ приставшихъ либераловъ и тогда—первое столкновение съ Европой, особенно съ Германіей, и націоналисты встанутъ во главѣ общества...

Въ виду возможности подобнаго хода идей и событій въ нашемъ будущемъ, считаю не лишнимъ представить читателямъ характеристику взглядовъ нашихъ нарождающихся націоналистовъ, обозначить тѣ пункты, въ которыхъ они расходятся съ славянофилами и показать, въ чемъ заключается растлѣвающее и мертвящее вліяніе этого новѣйшаго формализма и какъ онъ, стараясь опереться на реальную почву историческаго опыта, и оправдать свое ученіе непреложными законами человѣческой жизни, между тѣмъ идетъ противъ этого опыта и измышляетъ свои собственные законы, обходя истинные. Для этого я избираю г. Градовскаго, какъ наиболѣе крупнаго сотрудника «Бесѣды», и такъ какъ онъ собралъ всѣ свои статьи, помѣщенные въ этомъ органѣ въ одну книжку, заглавіе которой и помѣщено мною въ началѣ этой статьи. Книжка эта можетъ дать намъ самое полное и вполнѣ ясное понятіе, въ чему стремятся наши новые націоналисты.

VI.

Г. Градовскій является въ своей книгѣ горячимъ приверженцемъ славянофиловъ. Но было бы ошибочно считать его самого славянофиломъ въ той же степени, въ какой являются передъ нами Кирѣевскіе, Хомяковъ и К. Аксаковъ. Въ своихъ публичныхъ лекціяхъ о значеніи славянофиловъ, прочитанныхъ имъ въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ и напечатанныхъ въ концѣ книги, г. Градовскій весьма опредѣленно обозначаетъ тѣ пункты, въ которыхъ онъ расходится съ славянофилами, ясно опредѣляя

этимъ особенности доктрины національнаго формализма. Въ началѣ первой же лекціи онъ отрицаетъ тождество своихъ взглядовъ съ славянофильскимъ въ слѣдующихъ словахъ: «все, что здѣсь будетъ сказано, есть выраженіе моего личнаго взгляда на ученіе первыхъ представителей славянофильства. Мое выраженіе не есть апологія Кирѣевскаго, Хомякова и К. Аксакова. Оно будетъ такою же *критикою* славянофильства, какъ и критика ихъ противниковъ. Можетъ быть мнѣ удастся указать на нѣкоторые большіе «грѣхи» школы, чѣмъ имъ».

И дѣйствительно въ первой-же лекціи г. Градовскій указываетъ на такой существенный пунктъ своего разногласія съ славянофилами, въ которомъ послѣдніе оказываются гораздо болѣе сходящимися съ своими врагами-западниками, чѣмъ съ доктринерами національнаго формализма. Пунктъ этотъ есть вопросъ объ общечеловѣческой цивилизаціи. Славянофилы, какъ извѣстно, и не думали отрицать общечеловѣческую цивилизацію. Стоя на метафизической почвѣ, они вѣрили вслѣдъ за Гегелемъ, что народы раздѣляются на историческіе, составляющіе ту или другую ступень въ обнаруженіи безусловной идеи и неисторическіе, слѣпо идущіе вслѣдъ за историческими и сами по себѣ ничего не вносящими въ исторію; затѣмъ, что въ каждую эпоху выдвигается впередъ одна какая-либо избранная народность, въ которой наиболѣе воплощается тотъ или другой фазисъ обнаруживанія идеи и народность эта сходится съ историческаго поприща, отслуживши свою роль. Исходя изъ такой теоріи, славянофилы наравнѣ съ западниками признавали общечеловѣчность цивилизаціи; мало этого, они за одно съ западниками вѣрили и въ то, что славянскій міръ призванъ для того, чтобы послужить новою ступенью въ этой цивилизаціи. Разногласіе ихъ съ западниками начиналось съ опредѣленія тѣхъ путей, по которому должны идти славяне и въ особенности русскіе для исполненія своей всемірноисторической роли. Западники утверждали, что Россія должна прежде всего всецѣло воспринять цивилизацію Запада со всѣми ея наиболѣе совершенными культурными формами, и потомъ уже думать о произнесеніи какихъ либо новыхъ словъ; славянофилы же возражали, что стремиться переносить на народную почву идеи и формы западной жизни, значитъ обезличивать свою народность и подводить ее къ роли неисторическихъ народовъ, не имѣющихъ никакой самостоятельности; къ тому же Западъ отслужилъ исторіи, роль его кончена, онъ начинаетъ гнить и заморозивать отъ него что-либо, это значитъ вносить трупную гниль въ здоровый организмъ живой русской народности, что эта на-

родность, призванная служить новою ступенью въ общечеловѣческой цивилизаціи, въ самой себѣ носить уже особенности, сообразныя этому предназначенію и нужно, отстранившись отъ подражательности Западу, обратить все вниманіе на развитіе этихъ особенностей. Такимъ образомъ въ основаніи славянофильскихъ ученій все-таки стояла общечеловѣческая цивилизація и они вѣрили, что когда славяне достигнутъ своего предназначенія, когда они возвѣстятъ міру новыя начала цивилизаціи, эти начала будутъ обязательны для всего міра, а не для однихъ славянъ, и отчаянная Европа можетъ быть найдетъ свое спасеніе, промѣнявши свои отжившія культурныя формы на живыя начала, развитыя славянами и отдастъ пальму первенства славянскому міру въ ходѣ общечеловѣческой цивилизаціи.

Г. Градовскій рѣзко отрицаетъ самую возможность общечеловѣческой цивилизаціи. По его мнѣнію, отношеніе между общечеловѣческимъ и народнымъ такое же, какъ между логическимъ понятіемъ и реальнымъ явленіемъ.

«Наше представленіе объ общечеловѣческомъ есть продуктъ логическаго и философскаго обобщенія всѣхъ частныхъ явленій, говоритъ онъ: — поэтому человѣкъ, желающій признать, что дѣйствительное значеніе, дѣйствительное бытіе имѣетъ только общечеловѣческое, а частное, народное есть только призракъ, ничтожный съ точки зрѣнія общечеловѣческаго, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ стать на почву чистой метафизики. Онъ долженъ признать, вмѣстѣ съ Гегелемъ, что міръ есть проявленіе отвлеченной идеи, а отдѣльные народы и люди суть только переходящіе и ничтожныя «сосуды» абсолютнаго. Онъ долженъ признать, какъ это сдѣлалъ Платонъ, что идея предмета существуетъ не только *независимо* отъ этого предмета, но что одна она и имѣетъ бытіе. На дѣлѣ представляется другое. Идея есть *представленіе* мыслящаго субъекта; она существуетъ *въ немъ и черезъ него*; то, что мы называемъ общечеловѣческими стремленіями, не имѣетъ реального бытія. На дѣлѣ эти общечеловѣческія стремленія воплощены, выражены въ учрежденіяхъ, позвѣ, искусствѣ, философіи и т. д. разныхъ народовъ; въ нихъ и черезъ нихъ только они получаютъ дѣйствительное бытіе. Эти различныя выраженія народной мысли и нравственныхъ стремленій не могутъ быть замѣнены *однообразными* учрежденіями и формами, построенными на отвлеченныхъ представленіяхъ о человѣческихъ стремленіяхъ и способностяхъ, ибо въ мірѣ существуютъ не слова и понятія, а народы и люди...

Но являясь такимъ образомъ отрицателемъ общечеловѣческой цивилизаціи, о которой мечтали славянофилы и западники со-

рововыхъ годовъ, г. Градовскій тотчасъ же сдается на компромиссъ, весьма замѣчательный въ томъ отношеніи, что рядомъ съ другими подобными ему компромиссами, онъ составляетъ именно ту хитросплетенную сѣть, которую ткуть наши народившіеся націоналисты для уловленія массы наивныхъ простаковъ.

«Но неужели же, по нашему мнѣнію, говоритъ г. Градовскій далѣе:—общечеловѣческое есть только фикція, плодъ абстракціи, не имѣющая никакого значенія въ жизни народовъ? О, нѣтъ! Это значило бы отрицать достоинство одной изъ драгоценнѣйшихъ способностей человѣческаго духа и ума — способности къ обобщенію, къ составленію общихъ понятій. Если мы нападаемъ на злоупотребленія, часто дѣлаемыя изъ общихъ понятій, то мы никакъ не намѣрены отрицать ихъ великаго достоинства въ цивилизаціи. Роль этихъ общихъ понятій, съ нашей точки зрѣнія, проявляется въ *двоякомъ* отношеніи. Впервыхъ, представленіе объ общечеловѣческомъ раскрываетъ намъ совокупность тѣхъ коренныхъ условій, безъ которыхъ немислима нормальная жизнь человѣка и цѣлаго народа, каковы бы ни были особенности ихъ культуры. Такими условіями мы можемъ назвать, на примѣръ, личную безопасность, свободу совѣсти, свободу мысли и слова, правосудіе, обезпеченіе условій народнаго здравія, народнаго продовольствія, образованія и т. д. Эти условія должны быть признаны необходимыми для цѣлага круга народовъ. Съ этой точки зрѣнія отвергались и отвергаются разныя фарисейскія заявленія ложной теоріи народности; свекорыстные возгласы, на примѣръ, американскихъ рабовладѣльцевъ, доказывавшихъ, что рабство есть естественное призваніе негра или русскихъ крѣпостниковъ, доказывавшихъ, что крѣпостное право есть необходимое національное достояніе Россіи. Въ этомъ смыслѣ справедливо знаменитое восклицаніе В. Гумбольдта, повторенное братомъ его Александромъ въ Космосѣ: «Нѣтъ племенъ болѣе благородныхъ, чѣмъ другія. Всѣ одинаково созданы для свободы, для той свободы, которая въ первобытномъ обществѣ принадлежитъ лицу, но у націй, обладающихъ настоящими политическими учрежденіями, есть право цѣлаго общества».

«Вовторыхъ, общечеловѣческими, т.-е. не принадлежащими къ существеннымъ особенностямъ отдѣльныхъ народовъ, являются внѣшнія, такъ сказать, техническія условія осуществленія человѣческихъ цѣлей, или выраженія нашихъ идеаловъ, каково бы ни было ихъ внутреннее содержаніе. Таковы, на примѣръ, пути сообщенія, орудія эконоическаго обмѣна, орудія произ-

водства, машины и т. д.; техника въ поэзіи, искусствѣ и т. п. Для того, чтобы нарисовать картину, нужно знать много технических приѣмовъ, какъ для того, чтобы написать поэму, нужно знать правила версификаціи. Эти техническіе приѣмы и правила имѣютъ такое же общечеловѣческое значеніе, какъ и желѣзныя дороги, машины и т. д., т.-е. усвоеніе ихъ не предполагаетъ *отреченія* отъ своей народности, отказа отъ самостоятельности мысли и духа».

Всѣ подобныя соображенія г. Градовскій формулируетъ въ видѣ слѣдующей формулы: *вмѣсто того, чтобы говорить объ общечеловѣческой цивилизаціи, правильнѣе говорить объ общечеловѣческомъ въ цивилизаціи.*

Отрицая такимъ образомъ общечеловѣческую цивилизацію, г. Градовскій этимъ самымъ расщепляетъ ее на массу частныхъ цивилизацій отдѣльныхъ народовъ, при чемъ каждая изъ такихъ частныхъ цивилизацій только и годится для того народа, который ее производитъ.

«Итакъ, говоритъ онъ:—понятіе *цивилизациі*, слишкомъ, нужно замѣтить, общее понятіе, представляется намъ въ двоякомъ видѣ и значеніи: во-первыхъ, со стороны внѣшнихъ условій жизни и способовъ труда, цивилизація представляется намъ общечеловѣческою; со стороны ея *содержанія* она разбивается на культуры различныхъ народовъ, изъ которыхъ каждая самостоятельно проявляетъ одну изъ сторонъ, одинъ изъ оттѣнковъ человѣческаго духа. Другими словами, со стороны своего содержанія, человѣческая цивилизація представляется намъ въ формѣ совокупности частныхъ, національныхъ культуръ; поэтому ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана *общечеловѣческою* цивилизаціею».

Ниже, когда мы будемъ разбирать всѣ эти доктрины г. Градовскаго по существу, мы увидимъ, на сколько справедливы они, и справедливо ли, что общечеловѣческое существуетъ только въ частныхъ цивилизаціяхъ отдѣльныхъ народностей, общечеловѣческая же цивилизація не можетъ никогда быть осуществлена въ дѣйствительности, развитіе каждымъ народомъ своей особенной культуры можно ли считать *conditio sine qua* по исторіи, явленіемъ субстанціоннымъ или переходящимъ и временнымъ; затѣмъ, наконецъ, такія прекрасныя понятія, какъ *личная безопасность, свобода совѣсти, свобода мысли и слова, правосудіе, обезпеченіе условій народнаго продовольствія, образованія и т. д.*, понятія, которыя г. Градовскій считаетъ общечеловѣческими и необходимыми для каждаго народа, осуществимы ли они безъ выработки нѣкоторыхъ рациональныхъ культур-

нихъ формъ общежитія, которыя для всѣхъ народовъ должны являться столь же необходимыми, какъ и самыя понятія, а безъ этого, если мы, мечтая объ этихъ прекрасныхъ вещахъ, будемъ коснѣть на исконныхъ обычаяхъ народной культуры, то не останутся ли они навсегда одними только громкими фразами безъ содержанія? Всѣ такіе вопросы, будутъ рѣшены нами въ слѣдующихъ главахъ. Теперь же мы отлагаемъ ихъ пока въ сторону, возвращаясь къ спеціальной цѣли настоящей главы, къ опредѣленію различія между взглядами чистаго славянофильства и доктринами національныхъ формалистовъ въ родѣ г. Градовскаго, — и возможныхъ практическихъ послѣдствій этого различія.

И такъ какая повидимому ничтожная разница: — не все-ли равно, блюсти-ли народныя культурныя формы отъ чужеземныхъ вліяній во имя того, что въ этихъ формахъ таятся зерна будущей всемірной цивилизаціи, или просто потому, что каждая народность обязана, по предписанію высшаго начальства, имѣть свои особенныя формы, подобно тому, какъ каждый обыватель города долженъ носить въ карманѣ свой особенный паспортъ, свидѣтельствующій о его личности. Разница, дѣйствительно, ничтожна на первый взглядъ. Но стоитъ хоть немножко вдуматься въ нее и вы увидите къ какимъ громаднымъ результатамъ ведетъ она. Вы только представьте себѣ, что вы просвѣщенный буржуа, отецъ многочисленнаго семейства, богатый владѣтель имѣній, домовъ, акцій, облигацій, вы ведете обширныя дѣла, торгуете, участвуете въ нѣсколькихъ акціонерныхъ компаніяхъ, играете на биржѣ и пр. и пр. Вы конечно увлечены до мозга костей такъ называемою европейскою цивилизаціею, которая представляется вамъ въ видѣ массы фабрикъ съ дымящимися трубами, непроницаемыхъ для взора лѣсовъ корабельныхъ мачтъ, теряющихся изъ виду рядовъ великолѣпныхъ зданій, исшестренныхъ вывѣсками, свидѣтельствующими о томъ, что въ этихъ зданіяхъ сосредоточены богатства со всѣхъ концовъ свѣта, желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ, съ выгомъ стремящихся по разнымъ направленіямъ и во всѣ стороны, суетливой дѣятельностью пристаней и биржъ и пр. и пр. Всѣ эти блага цивилизаціи тѣмъ болѣе привлекаютъ васъ, что при пятидесятитысячномъ и еще того болѣе доходѣ — они такъ легко доступны вамъ; вы ихъ царь и богъ, вы сами ихъ создаете, а они возносятъ васъ на большую и большую высоту. Привлекаютъ васъ и другія стороны европейской цивилизаціи: сытый, довольный, окруженный всевозможными удобствами, пользующійся всеобщимъ почетомъ, въ свободныя минуты послѣобѣденной дремоты, вы любите по-

мечтать о такихъ прекрасныхъ чадахъ европейскаго прогресса, какъ свобода совѣсти, свобода слова и пр. и пр., и вотъ начинаетъ вамъ грезиться, что какъ-бы это было-бы пріятно, какъ это дѣлается въ Англии, стоять на высокой трибунѣ и, произнося увлекательную рѣчь передъ согражданами, сознавать, что ты вѣдь тоже въ своемъ родѣ законодатель, отъ тебя зависить счастье и благоденствіе всей твоей страны.

И вдругъ въ разгарѣ подобныхъ послѣобъденныхъ грезъ вторгается къ вамъ господинъ весьма мрачнаго вида, съ бородами до пояса и одѣтый не въ платье новѣйшаго фасона, а въ

Красную рубашку,
Платовъ шелковый кушакомъ,
Армякъ татарскій на распаху
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ...

И начинаетъ этотъ господинъ замогильнымъ голосомъ читать вамъ цѣлый рядъ анаемъ за ваше увлеченіе гнилымъ и коварнымъ западомъ и отступничествомъ отъ исконныхъ и вѣковѣчныхъ началъ славянскаго міра...

«Не стыдно-ли вамъ, вопить нежданный гость, что вы, увлекшись наружною мишурою, внѣшнимъ блескомъ западнаго прогресса, создали изъ него золотого тельца и, поклонившись ему, забыли о тѣхъ народныхъ славянскихъ началахъ, въ которыхъ все спасеніе не только для однихъ славянъ, но для всего человѣчества. Бросьте заражать гангреною западнаго растлѣнія «здоровый, молодой организмъ вашего народа и обратитесь къ тѣмъ кореннымъ основамъ русской народности, на которыхъ была воздвигнута древняя Русь, пока Петръ не сдвинулъ ее своею дерзновенною десницею».

Подумайте, не придете-ли вы въ ужасъ отъ подобныхъ рѣчей вашего гостя, не представится-ли вамъ тотчасъ-же, что вамъ предлагаютъ ни больше, ни меньше, какъ возвратиться ко временамъ Котошихина и Домостроя, разрушить до основанія ненавистный Петербургъ, прогнать за границу иностранцевъ въ видѣ купцовъ, ремесленниковъ и всякаго рода специалистовъ, засѣсть въ златоверхой Москвѣ и.... прощай шампанское и устрицы, прощайте Шнейдерша и Кадуджа.... Ваше тонкое обоняніе, способное по одному нюху отличить шестирублевый лафитъ отъ пятирублеваго, уже чуетъ запахъ кислой капусты на постномъ маслѣ, запиваемой квасомъ; вамъ уже грезятся блаженные времена коренныхъ основъ до-петровской Руси, времена пытокъ и правейей, заключенія женъ въ терема, чинныхъ азіатскихъ церемоній съ подобострастными поклонами въ поясъ и исполненной дикаго изувѣрства, кичливой и слѣпой не-

навнети ко всему иновозному. Что-же мудренаго, если вась бросить въ потъ и холодъ отъ рѣчей вашего собесѣдника, и если, вадохнувши свободно послѣ его ухода, вы не прикажете лавешъ никогда больше такого страшнаго господина не впускать.

Но вотъ къ вамъ приходитъ баринъ совсѣмъ въ иномъ видѣ: въ изысканномъ европейскомъ костюмѣ самаго новѣйшаго фасона, съ стеклинникомъ у глаза и шляпою въ рукѣ, и говорить вамъ: «прогрессъ, mon ami, о! прогрессъ великое дѣло, ему мы обязаны и желѣзными дорогами, и газомъ, и свободою слова, и свободою совѣсти; я не сомнѣваюсь, что всѣ эти дары прогресса должны составлять общечеловѣческое достоиніе, и мы обязаны пользоваться ими наравнѣ со всѣми народами, но, mon ami, все это только одна внѣшность прогресса, внутренняя-же его сторона, содержаніе, у каждаго народа должны быть свои; каждый народъ долженъ идти своимъ путемъ и свято соблюдать свои исконныя народныя начала. На говоря уже о томъ, что этого требуетъ народная гордость, *honneur national*, что народъ, не дорезающій ничѣмъ своимъ и охотно восприимавшій все чужое, тѣмъ самымъ открыто заявляетъ о своемъ ничтожествѣ, надо обратить вниманіе и на то, что если мы будемъ пренебрегать народными основами нашей жизни, на которыхъ зиждется все наше благосостояніе, порядокъ и нравственность, то все пойдетъ кверху дномъ: если допускать, чтобы у насъ вводились западныя учрежденія, совершенно произвольно, такъ вдругъ ни съ того ни съ сего, изъ одной слѣпой подражательности, то сегодня у насъ будутъ вводиться коллегіи или маіораты, потому что таковыя существуютъ на западѣ, завтра мы вадумаемъ затѣять революцію, потому что на западѣ революціи, послѣ завтра на западѣ уничтожатся религія, собственность, браки и всѣ начнутъ поѣдать другъ друга, неужели-же и мы должны дѣлать тоже?.. Нѣтъ, mon cher, подумай о томъ, что ты отецъ многочисленнаго семейства, у тебя святая собственность, а еще болѣе святая родина, о крѣпости, величій и славѣ которой ты обязанъ заботиться. Когда тебѣ привозятъ съ запада два ящика шампанскаго, то и такіе пустяки ты критикуешь, ящикъ съ хорошимъ виномъ берешь себѣ, а съ дурнымъ предоставляешь негоціанту; то тѣмъ болѣе, если дѣло идетъ о такихъ вещахъ, какъ учрежденія, на которыхъ зиждется все твое благосостояніе: здѣсь должна быть самая строгая критическая оцѣнка. Въ этомъ отношеніи, ужъ если мы должны кому подражать, то развѣ одной Англіи, въ которой весь прогрессъ основывается на развитіи народныхъ обычаевъ, и Англія дорожить ими и не проиѣняетъ ихъ ни на какія другія. Такъ и мы должны дорожить нашими

національними обичаями, гордясъ тѣмъ, что мы русскіе...» Не правда-ли, что подобныя рѣчи должны вызвать въ васъ чувства совершенно противоположныя, чѣмъ возбудилъ первый посѣтитель. Въ самомъ дѣлѣ не укоряетъ онъ васъ ни фракомъ, ни Шнейдершей, ни канканомъ, не пугаетъ никакими жупелами въ родѣ смярданой гангрены западнаго растлѣнія, предлагаетъ вамъ заботиться не о такихъ заоблачныхъ и далекихъ отъ васъ вещахъ, какъ обновленіе всемірной цивилизаціи славянскими началами, а о своей собственной рубашкѣ, которая, естественно, всего ближе къ вашему тѣлу: твердо и упорно держась своей народной культуры во всѣхъ ея особенностяхъ, даже и *экономическихъ*, какъ во многихъ мѣстахъ заявляетъ г. Градовскій, вы, конечно, будете заботиться прежде всего объ обезпеченіи вашего личнаго благосостоянія отъ наплыва какихъ-либо такихъ ученій, которыя, не дорожа народными особенностями, возмечтали бы, пожалуй, измѣнить экономической бытъ народа на чисто-раціональнѣе общечеловѣческихъ началахъ и, въ концѣ-концовъ, пожалуй, могли бы помѣшать вамъ во многихъ изъ такихъ практическихъ дѣлѣшекъ, обдѣлывающія вамъ легко въ настоящее время при данныхъ экономическихъ особенностяхъ вашей страны. Конечно, при такихъ соображеніяхъ вы уже не прогоните вашего гостя, а напротивъ того, заключите его въ объятія, а послѣ нѣкоторыхъ размысленій придете въ восторгъ и превознесете его выше небесъ, когда узнаете, какое великое благодѣяніе дѣлаетъ онъ для васъ, устремляя васъ на путь націонализма: въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ, когда вы ратовали противъ слишкомъ смѣлыхъ реформъ въ экономическомъ бытѣ страны, чѣмъ другимъ могли вы защитить ваше желаніе *statu quo*, кромѣ сбивчивой теоріи *laissez faire, laissez passer*, которую и сами вы вдобавокъ не вполне ясно понимали, и вы смущались и падали духомъ, когда враги бросали вамъ въ лицо обвиненіе въ безчеловѣчномъ, узкомъ эгоизмѣ... Теперь же вы чувствуете почву подъ ногами, ваши стремленія удержать *statu quo* получаютъ освѣщеніе высшими принципами, и вы можете смѣло возразить врагамъ: нѣтъ не изъ узкаго эгоизма ратую я противъ вашихъ утопій, а изъ желанія строго держаться основныхъ началъ народности, потому что въ этихъ началахъ я вижу единственное спасеніе и единственную славу народа; отступивъ же отъ нихъ, народъ долженъ обратиться въ ничтожество и погибнуть. Однимъ словомъ, мы не де-Местры, не Коцебу, — мы Катонны...

Если мы отъ этого основнаго различія между ученіемъ націоналистовъ и чистымъ славянофильствомъ обратимся къ част-

ностямъ, то и здѣсь мы найдемъ тоже стремленіе очистить славянофильство отъ всѣхъ, слишкомъ уже отталкивающихся своею дикостью, крайностей и путемъ компромиссовъ сдѣлать его популярнымъ. Такъ, на примѣръ, извѣстно, какъ славянофилы смотрѣли на Петра. Они отрицали его реформы всецѣло, приписывая имъ все зло разрыва образованныхъ классовъ съ народомъ и устремленія ихъ на путь слѣпой подражательности Западу. Какъ просвѣщенный буржуа, вы хотя и не прочь соглашаться, что Петръ точно перенималъ изъ Запада многое совершенно зря и напрасно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ младенчества вы уже привыкли близко ставить къ сердцу эту личность, и сознавая, что ей вы обязаны всѣми благами прогресса, кромѣ того, видѣть въ ней особенную славу своей родины, такъ какъ не одни русскіе, но и всѣ западные историки ставятъ Петра на одномъ ряду съ величайшими гениями человѣчества. Очевидно, что отрицаніе Петра должно возбуждать въ васъ еще большее озлобленіе противъ славянофиловъ. Г. Градовскій весьма любезно уступаетъ вамъ этотъ пунктъ вашихъ симпатій; оказывается, что можно стоять за народныя начала, нисколько не отрицая Петра.

«Здѣсь справедливость требуетъ замѣтить,—говоритъ г. Градовскій: — что ихъ (т. е. славянофильскія) мнѣнія объ этомъ историческомъ событіи, конечно, преувеличены. Конечно, рѣзкое осужденіе реформы Петра было естественнымъ результатомъ того, въ свою очередь, преувеличеннаго мнѣнія людей противоположнаго лагеря, которые серьезно полагали, что *историческая жизнь Россіи началась только съ Петра*. Конечно, далѣе, они, по самой своей; такъ сказать, критической позиціи, склонны были останавливаться только на отрицательныхъ сторонахъ реформы. Но это не снимаетъ съ нихъ ответственности за многія увлеченія и крайности, замѣченныя, впрочемъ, самимъ Хомяковымъ въ его превосходной статьѣ о «Старомъ и новомъ». Это не снимаетъ съ нихъ упрека въ неполномъ пониманіи личности Петра, котораго они не умѣли выдѣлить изъ послѣдующей исторіи. Они не увидѣли *народныхъ* чертъ въ преобразователѣ Россіи и его, во многихъ отношеніяхъ, свободнаго отношенія къ Западу. Мало того. Они не дали себѣ труда отвѣтить на вопросъ: дѣйствительно ли исторія XVIII столѣтія такъ оторвана отъ исторіи предыдущей, и не былъ ли разрывъ болѣе вѣшнымъ, чѣмъ внутреннимъ? Этого, правда, они и не могли сдѣлать, потому что исторія XVIII столѣтія едва начинаетъ выступать изъ мрака, благодаря обилію издаваемыхъ теперь матеріаловъ».

Въ то же время немаловажною причиною непопулярности славянофиловъ было то обстоятельство, что, доводя до послѣднихъ крайностей свою теорію спасительности славянскихъ основъ жизни, они возводили въ идеальныя такія народныя обычаи и качества, въ которыхъ, съ точки зрѣнія простаго здраваго смысла, не только не представляется ничего идеальнаго, но, напротивъ того, которые показываютъ только низкую степень развитія, грубое невѣжество народа. Таково, на примѣръ, было возведеніе К. Аксаковымъ въ идеальныя отсутствія письменныхъ гарантій, какъ въ средѣ современнаго намъ захолустнаго купечества, такъ въ особенности въ допетровской Руси въ различныхъ договорныхъ сношеніяхъ торговыхъ и государственныхъ. Славянофилы видѣли въ этомъ преимущество славянъ передъ Западомъ; по ихъ мнѣнію, отсутствіе письменныхъ гарантій у славянъ показываетъ, что они на первый планъ ставятъ живой духъ, они вѣрятъ въ человѣка и потому ищутъ гарантій въ его свободной совѣсти, а не въ мертвой буквѣ; Западъ не вѣритъ въ человѣка и потому видитъ необходимость поработать его мертвой буквѣ.

Какъ посвященный буржуа, вы, конечно, должны придти въ ужась отъ подобныхъ славянофильскихъ взглядовъ. Вамъ сейчасъ же, безъ сомнѣнія, представится, что славянофилы мечтаютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ объ уничтоженіи векселей, заемныхъ писемъ, акцій, облигацій и всякихъ торговыхъ актовъ, на которыхъ зиждется все ваше благосостояніе и при отсутствіи которыхъ завтра же, пожалуй, къ вамъ явятся сотни славянофиловъ особеннаго рода и во имя свободы духа растащутъ всѣ ваши капиталы. Въ то же время вамъ хорошо извѣстно, какъ оправдывается на практикѣ идеальное качество отсутствія письменныхъ гарантій въ средѣ нашего купечества и предстаютъ передъ вами мрачныя типы Большова, Подхалюзина и прочихъ героевъ комедій г. Островскаго. Но г. Градовскій и тутъ является вашимъ другомъ и успокоиваетъ вашу тревогу. «Съ другой стороны,—говоритъ онъ:—они (т. е. славянофилы) слишкомъ идеализировали древнюю Русь въ томъ смыслѣ, что уваженіе свое къ *принципамъ* древней жизни они переносили иногда на *самыя формы*, а иногда и на *отсутствіе формъ*, гдѣ онѣ были бы нужны. Такъ, К. Аксаковъ упорно проповѣдуетъ бесполезность юридическихъ гарантій разныхъ правъ, личныхъ и общественныхъ, и видитъ въ безформенности древней Руси нѣкоторую заслугу, даже высшій принципъ, возвышающій насъ надъ Западомъ, слишкомъ увлеченнымъ формой. Онъ забываетъ, что отсутствіе формъ и гарантій въ самой

древней Руси было не повсемѣстно. Новгородъ и Псковъ, развитые больше другихъ частей, выработали свои «гарантіи». Вовторныхъ, отсутствіе гарантій въ другихъ мѣстахъ было признакомъ несовершенства общественнаго, даже, можетъ быть, отсутствія грамотности».

Вотъ какимъ представляется принципъ національнаго формализма въ его отношеніяхъ къ славянофильству. Мы видимъ, что это тоже славянофильство, но очищенное отъ всѣхъ слишкомъ нелѣпныхъ крайностей, и обращенное изъ кабинетныхъ метафизическихъ бредней въ политическое ученіе, могущее имѣть немалый успѣхъ въ ближайшемъ будущемъ. Въ слѣдующей статьѣ мы рассмотримъ этотъ самый принципъ по существу въ его отношеніи къ исторіи и жизни.

А. Скабичевскій.

НОВЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

I.

Давно міръ цѣлый содрогался,
Какъ въ тяжкихъ мукахъ, въ темной мглѣ,
Къ свободѣ, къ свѣту порывался
Титанъ прикованный къ скалѣ.

Когда весна цвѣла на югѣ,
Его окватывала тьма,
Въ его лицо хлестали вьюги
И кровь морозила зима.

Надъ нимъ, то съ бѣшенствомъ, то нонь,
Холодный вѣтеръ вылъ кругомъ,
И солнце словно ледяное
Дремало въ небѣ ледяномъ.

Отъ лютой стужи цѣпенѣя,
Окровененный отъ цѣпей,
Надъ бездной двигаться не смѣя,
Титанъ глядѣлъ севозь мракъ степей

Въ далекій край тепла и свѣта;
Всѣмъ существомъ рвался туда,
Гдѣ вѣчно ласковое лѣто
Не умираетъ никогда;

Гдѣ люди вольны словно птицы...
И онъ стоналъ, закрывъ глаза,

И севозь промерзшія рѣсницы
Сбѣгала жгучая слеза.

Такъ перенесъ титанъ могучій
Тысячелѣтній, тяжкій гнѣтъ.
Вдругъ надъ собой за темной тучей
Услышалъ голосъ онъ съ высотъ.

— „Мнѣ стало жаль тебя, сынъ прака!
Мой справедливый гнѣвъ ослабъ.
Страхни-же дѣшь съ себя безъ страха,
Иди — ты болѣе не рабъ“.

И голосъ стихъ. Изъ-за тумана
Сверкнулъ Зевеса строгій ликъ,
И съ взумленного титана
Оковы спали въ тотъ же мигъ.

II.

И новый міръ предъ нимъ открылся
Свободы, братства и любви,
И пламя вспыхнулъ въ крови,
И духъ свободой окрылился.

Исчезли язвы старыхъ ранъ
Въ желанный часъ освобожденья,
И для борьбы, для наслажденья
Въ вихрь жизни ринулся титанъ.

Но такъ привыкъ онъ къ мраку ночи,
Такъ къ рабству душу приучилъ,
Что блескъ свободы ослѣпилъ
Его запуганныя очи.

Какъ звукъ въ молчаньи гробовомъ
Дика была ему свобода:
Среди свободного народа
Онъ сознавалъ себя рабомъ.

Какъ звѣрь кругомъ онъ озирался,
Гулъ жизни слухъ его пугалъ;

Онъ силъ чужихъ не испыталъ
Онъ силъ собственной боялся.

И вновь рвался онъ на землѣ,
Съ какимъ-то новымъ чувствомъ боли,
Къ своимъ цѣпямъ, къ своей неволѣ,
Къ своей заоблачной свалѣ.

— О ты, Зевесъ, властитель свѣта!
Онъ говорилъ: какъ новый адъ,
Меня терзаетъ воля эта.
Отдай оковы мнѣ назадъ

И мой утесъ оледенѣлый
Среди заоблачныхъ небесъ!..
— „Пусть будетъ такъ, сказалъ Зевесъ:
Какъ хочешь, смертный, такъ и дѣлай.

Не глухъ къ твоимъ желаньямъ былъ
По безконечной добротѣ я“...
И вновь титана Прометея
Юпитеръ на цѣпь посадилъ.

Дмитрій Минаевъ.

РАЗСКАЗЫ ОБЪ ИСКАТЕЛЯХЪ ЗОЛОТА.

(Tales of the Argonauts).

IV.

ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ НЕ ИДЕТЬ ВЪ СЧЕТЪ.

(The man of no account).

Имя его было Фэггъ, Давидъ Фэггъ. Онъ прибылъ съ нами въ Калифорнію, въ 52 году на „Скайскреперъ“, а не думаю чтобъ онъ это сдѣлалъ изъ любви къ странствованіямъ. Ему вѣроятно, просто, некуда было ѣхать въ другое мѣсто. Когда мы, молодёжь, начнемъ бывало рассказывать о тѣхъ блистательныхъ преимуществахъ, отъ которыхъ мы отказались и какъ наши ближніе и друзья огорчались нашимъ отъѣздомъ; когда мы показывали другъ другу дагерротипы и отрѣзанные локоны, говоря о Сусаннѣ или Мери, на полномъ лицѣ человѣка, который не шелъ въ счетъ, появлялось какое-то грустное, смущенное выраженіе, и онъ слушалъ молча. Я думаю, что ему нечего было сказать. У него не было общества, если только мы не брали его подъ свое покровительство. Онъ, дѣйствительно, забавлялъ насъ. Онъ не могъ въ качку стоять на ногахъ, и при малѣйшемъ вѣтрѣ страдалъ морской болѣзнью. Я всю жизнь не забуду, какъ мы смѣялись, когда Рэттлеръ привязалъ, однажды, на веревочку кусочекъ свинины и.... но впрочемъ вы всё знаете этотъ освященный временемъ фарсъ. Мы сыграли съ нимъ другую великолѣпную штуку. Миссъ Фанни Твинклеръ не могла терпѣть его, а мы его увѣрили, что она отъ него безъ ума, и что это она посылаетъ ему разныя лакомства, книжки и пр. изъ своей каюты. Еслибы мы только могли присутствовать при тѣхъ сценахъ, которыя изъ

этого выходили, когда онъ являлся благодарить ее, заикался и стараясь превозмочь свою морскую болѣзнь. — Какой гнѣвъ, какое величавое презрѣніе выказывала она! Точь въ точь Медора, говорилъ Рэттлеръ, знавшій наизусть всего Байрона; и вы можете себѣ вообразить смущеніе стараго Фэгга. Но онъ былъ не злопамятень, и когда Рэттлеръ занемогъ въ Вальпарайзо, то старый Фэггъ ужасно за нимъ ухаживалъ. Какъ видите, это былъ добрый парень, но ему не доставало энергіи, жизни.

Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о поэзіи. Я видѣлъ, какъ онъ невозмутимо продолжалъ чинить свое старое платье, когда Рэттлеръ декламировалъ неподобное обращеніе Байрона къ океану. Однажды онъ очень серьезно спросилъ Рэттлера, какъ онъ думаетъ — испытывалъ ли Байронъ морскую болѣзнь? Я ужъ не помню отвѣта Рэттлера, но знаю только, что мы всѣ очень смѣялись, и не сомнѣваюсь, что это было нѣчто очень удачное, — Рэттлеръ былъ остроумень.

Когда „Скайскреперъ“ прибылъ въ С. Франциско, мы задала пиръ и положили каждый годъ собираться въ воспоминаніе этого событія. Разумѣется мы не пригласили Фэгга. — Фэггъ былъ пассажиръ „съ палубы“, а вступивши на твердую землю, слѣдовало быть нѣсколько разборчивымъ относительно общества. Но старый Фэггъ, какъ мы его называли, хотя ему всего было двадцать пять лѣтъ — ужасно потѣшилъ насъ въ этотъ день. Онъ задумалъ идти пѣшкомъ въ Сакраменто и дѣйствительно пошелъ. Праздникъ нашъ вполне удался; всѣ, мы по очереди, жали другъ другу руки и такимъ образомъ расстались.

Увы! не болѣе восьми лѣтъ прошло съ той поры, и ужъ нѣкоторые изъ этихъ рукъ, такъ дружески соединявшихся, сжимались въ кулаки другъ противъ друга и даже тайно ныряли въ карманахъ прежнихъ друзей. Мы не обѣдали вмѣстѣ на слѣдующій годъ, потому что молодой Бекеръ поклялся, что его нога не ступитъ на одну половицу съ этимъ негодяемъ Миссеромъ; а Нибблсъ, занимавшій въ Вальпарайзо деньги у молодого Стѣббса, который былъ тогда служителемъ въ ресторани, не хотѣлъ акциваться съ подобнымъ народомъ.

Когда я въ 1854 г. приобрѣлъ нѣсколько акцій въ компаніи Мэттинсвильскаго Cayotte Tunell' я, мнѣ вдумалось поѣхать еще разъ осмотрѣть эту мѣстность. Я остановился въ Empire Hotel'ѣ и послѣ обѣда, нанявъ себѣ лошадь, отправился верхомъ по городу и востомъ на мѣсто разчистки. Мнѣ указали одного изъ тѣхъ индивидуумовъ, которыхъ газетные корреспонденты называютъ „нашими интеллигентными руководителями“ — „our intelligent informant“ — и которымъ во всѣхъ маленькихъ общинахъ предостав-

лется, по молчаливому соглашенію, право отвѣчать на всѣ разспросы. Долгая привычка дозволяла ему говорить и работать въ одно и то же время, и онъ никогда не пренебрегалъ ни тѣмъ, ни другимъ, а потому онъ разсказалъ мнѣ всю исторію ямы, и прибавилъ:

— Вы видите, чужеземецъ (онъ обращался къ земляной насипи, находившейся передъ нимъ), что золото непременно должно оказаться въ этой ямѣ (онъ поставилъ запятуя своимъ ломомъ), но старый вла-дѣ-лецъ (онъ какъ бы выкапывалъ изъ земли каждый слогъ) человѣкъ, который не идетъ въ счетъ (длинное тире ломомъ, заканчивающее періодъ). Онъ былъ еще зеленъ, и давалъ помочать собой нашимъ ребятамъ...“ Остальную часть фразы онъ ввѣрилъ своей шляпѣ, которую снялъ съ головы для того, чтобы обтереть свое мужественное чело краснымъ платкомъ. Я спросилъ его, кто же былъ этотъ оригинальный вла-дѣлецъ?

Онъ назывался Фэггъ.

Я пошелъ къ нему. Онъ немножко постарѣлъ и пополнѣлъ. Я узналъ отъ него, что онъ неумоимо работалъ, но что дѣла его шли „такъ себѣ“. Я почувствовалъ къ нему нѣкоторую дружбу и взялъ его до извѣстной степени подъ свое покровительство. Поступалъ ли я такъ подъ вліаніемъ недоувѣрія, которое начиналъ чувствовать къ личностямъ, подобнымъ Рэттлеру и Миксеру,—я не нахожу нужнымъ объяснять.

Вы помните какой плохой оборотъ приняли наши дѣла съ Туннелемъ, и какой убытокъ потерпѣла компанія. Я узналъ вскорѣ что Рэттлеръ, одинъ изъ главныхъ акціонеровъ, вынужденъ былъ сѣсть за прилавокъ въ Мѣггинсвилльской гостинницѣ, и что старый Фэггъ, наконецъ, разбогатѣлъ и не знаетъ куда дѣвать деньги. Все это мнѣ сообщилъ Миксеръ, пріѣзжавшій устроить свои дѣла, и прибавилъ, что Фэггъ былъ влюбленъ въ дочь Робинса, хозяина той самой гостинницы, о которой я упомянулъ. Впослѣдствіи, по письмамъ и слухамъ, я узналъ, что старикъ Робинсъ ничего лучшаго не желаетъ, какъ видѣть дочь свою Нелли за Фэггомъ. Нелли была маленькое, хорошенькое и простоватое существо, готовое исполнить все, что захочетъ отецъ. Мнѣ казалось, что Фэггъ хорошо сдѣлаетъ, если женится и пристроится. Какъ женатый человѣкъ онъ все-таки до нѣкоторой степени будетъ идти въ счетъ. И вотъ, однажды, я собрался въ Мѣггинсвилль, желая лично взглянуть какъ шли дѣла Фэгга.

Мнѣ было ужасно приятно, что Рэттлеръ приготовляетъ мнѣ питье,—этотъ блестящій, веселый, непобѣдимый Рэттлеръ, который два года тому назадъ стремился заткнуть меня. Я нарочно заговорилъ съ нимъ о старомъ Фэггѣ и Нелли, зная, что это бу-

деть ему неприятно. Онъ никогда не любилъ Фэгга; и какъ сказалъ мнѣ, былъ убѣжденъ, что Нелли тоже его не любила. Когда я спросилъ его, не любить ли Нелли кого другаго, онъ повернулся къ зеркалу, позади прилавка, и запустилъ руку въ свои волосы. Я понялъ самоувѣреннаго нахала! Надо было предостеречь Фэгга и подвинуть его къ скорѣйшей развязкѣ. Я имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ. Судя по тому, какъ онъ поступалъ, бѣдняга былъ сильно влюбленъ. Онъ вздохнулъ и обѣщалъ собрать все свое мужество, для того, чтобы поскорѣй покончить дѣло. Нелли, которая была въ сущности добрая дѣвочка, чувствовала, какъ мнѣ казалось, что-то въ родѣ тихаго уваженія къ безпритязательному старому Фэггу. Но ей вскружили голову поверхностныя качества Рэттлера, которыя бросались въ глаза и сразу нравились. Я не думаю, чтобы Нелли была хуже насъ съ вами. Мы всѣ болѣе склонны увлекаться наружными, кажущимися, нежели дѣйствительными, внутренними достоинствами людей. Это легче, пріятнѣе, — и если только намъ не нужно имѣть дѣлаться, точно также удобно. Затрудненіе для женщины состоятъ въ томъ, что она гораздо скорѣе насъ поддается вліянію чувства, и тогда уже о разсудительности конечно не можетъ быть рѣчи. Вотъ что Фэггъ долженъ бы былъ знать, еслибы онъ шелъ въ счетъ. Но этого не было. Тѣмъ хуже для него.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я сидѣлъ однажды въ своей комнатѣ, когда вошелъ Фэггъ. Я удивился его появленію, но мы начали разговаривать о разныхъ пустякахъ, какъ это часто дѣлаютъ люди, которые чувствуютъ, что у нихъ есть что сказать другъ другу, но почему-то прибѣгаютъ къ этому официальному приему.

Послѣ нѣкоторой паузы, Фэггъ произнесъ своимъ обычнымъ тономъ.

— Я уѣзжаю къ себѣ домой.

— Къ себѣ домой?

— Да, то-есть я думаю... побывать въ Атлантическихъ Штатахъ. Я пришолъ къ вамъ, потому что, какъ вы знаете, у меня есть небольшое имущество, и я хочу оставить вамъ довѣренность на управление моими дѣлами... а вмѣстѣ съ тѣмъ отдать на сохраненіе нѣкоторыя важныя бумаги. Согласны вы?

— Да, отвѣчалъ я.—Ну, а какъ-же съ Нелли?

Лицо его вдругъ измѣнилось. Онъ попробовалъ улыбнуться, но эта попытка привела къ самому траги-комическому результату, какой я когда либо видѣлъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Я не женюсь на Нелли, то-есть... Онъ какъ-бы внутренне

извинился въ томъ, что выражается такъ положительно: — то-есть я лучше бы сдѣлалъ, еслибы не женился.

— Давидъ Фэггъ! вскричалъ я съ внезапной строгостью. — Вы никогда не будете идти въ счетъ.

Къ моему величайшему удивленію, лицо его просіяло.

— Да, отвѣчалъ онъ: — это такъ. Я не иду въ счетъ и я всегда зналъ это. Видите ли, я думалъ, что Рэттлеръ любитъ эту дѣвушку также сильно, какъ я люблю ее; и зналъ, что она любитъ его болѣе, чѣмъ меня, а потому мнѣ казалось, что она будетъ счастливѣе съ нимъ; но я зналъ также, что старый Робинсъ предпочиталъ меня, за мое богатство, и что дѣвушка поступитъ такъ, какъ онъ скажетъ, значить, я какъ будто стоялъ у ней поперегъ дороги, я и ушолъ. Но, — продолжалъ онъ, когда я хотѣлъ было прервать его: — изъ опасенія, чтобы старикъ не отказалъ Рэттлеру, я ссудилъ ему достаточно денегъ, для того, чтобы онъ могъ устроиться въ Догтоунѣ. Такой дѣятельный, предприимчивый блестящій малый, какъ Рэттлеръ, пробьетъ себѣ дорогу, и опять займетъ свое прежнее положеніе. Если же ему не повезетъ, вы... пожалуйста, его не тревожьте... не надо. Прощайте.

Я былъ слишкомъ раздосадованъ на его образъ дѣйствій относительно этого Рэттлера, для того, чтобы выказать какую нибудь любезность; но такъ какъ завѣдываніе дѣлами Фэгга могло принести мнѣ нѣкоторую выгоду, то я обѣщаль ему занять ими. Послѣ этого онъ удалился. Прошло нѣсколько недѣль. Прибывшій пароходъ принесъ вѣсть о страшномъ происшествіи, занимавшемъ долгое время всѣ газеты. Во всѣхъ частяхъ штатовъ, народъ съ грустью повторялъ подробности ужаснаго крушенія. Тѣ, у кого въ морѣ были друзья, приходили за длиннымъ спискомъ жертвъ и, отойдя въ сторону, читали его съ замирающимъ сердцемъ. Я также читалъ имена этихъ благородныхъ, смѣлыхъ, любимыхъ, которыхъ постигла гибель, но, мнѣ кажется, я былъ первый прочитавшій между ними имя Давида Фэгга.

Человѣкъ, который не шелъ въ счетъ, воротился домой.

V.

МИГГЛЬСЪ.

(Miggles).

Насъ было восемь, со включеніемъ кондуктора. Шестъ послѣднихъ миль мы ѣхали, не произнеся ни слова. Молчаніе длилось съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ толчокъ тяжелаго экипажа на изрытой дорогѣ прервалъ поэтическую цитату судьи. Длинный господинъ, подлѣ судьи, спалъ, положивъ голову на руку, продѣтую въ кожаную петлю кареты и покачиваясь. Безпомощный видъ этой болтающейся фигуры напоминалъ челоуѣка, который повѣсялся, и котораго сняли, слишкомъ поздно обрѣзавъ веревки. Француженка, сидѣвшая сзади, тоже дремала, но сохраняя нѣкоторое сознаніе своего положенія, что доказывалось тѣмъ, что она держала у себя своего носовой платокъ, закрывавшій часть лица ея. Дама изъ Virginia City, путешествовавшая со своимъ супругомъ, давно уже утратила всякую индивидуальность подъ ворохомъ лентъ, вуалей, шалей и мѣховъ. Слышенъ былъ только стукъ колесъ, да шумъ дождя, хлеставшаго въ крышу кареты. Вдругъ дилижансъ остановился и намъ какъ будто послышались голоса. Кондукторъ, очевидно, велъ съ кѣмъ-то оживленный разговоръ, и влочки этого разговора, въ родѣ: „мосьтъ снесло... поднялась на двадцать футовъ... не проѣдемъ“ — долетали до нашего слуха, посреди бури. Потомъ вѣтеръ на мгновеніе затихъ, и таинственный голосъ совѣтовалъ на прощанье:

— Попробуйте у Миггльсъ.

Когда экипажъ медленно двинулся, мы бросили взглядъ на нашего совѣтника; это былъ всадникъ, исчезавшій въ дождливой мглѣ. Мы, очевидно, ѣхали къ Миггльсъ. Кто и гдѣ былъ Миггльсъ? Судья, нашъ авторитетъ, не могъ припомнить этого имени; а онъ зналъ всю мѣстность вдоль и поперекъ; путешественникъ изъ Washoe полагалъ, что Миггльсъ содержитъ гостиницу. Мы знали только одно, что наводненіе со всѣхъ сторонъ преграждало намъ путь, и что Миггльсъ былъ нашей спасительной скалой. Десять минутъ танулись мы узкимъ, грязнымъ проселкомъ, на которомъ едва доставало мѣста для дилижанса, и наконецъ достигли рѣшетчатыхъ и околоченныхъ изнутри досками воротъ, находившихся посреди высокой каменной стѣны

или ограды, вышиной не болѣе 8-му футовъ. Ясно, что мы были у Миггльсъ, и что Миггльсъ не содержалъ гостиницы. Кондукторъ слѣзъ съ возель и толкнулся въ ворота. Они были на запорѣ.

— Миггльсъ! Эй, Миггльсъ!

Отвѣта не было.

— Миг-гльсъ! Вы,—Миггльсъ! продолжалъ кондукторъ, съ возрастающимъ гнѣвомъ.

— Миггльсъ! вторилъ ему нарочный, убѣдительнымъ тономъ. Мигги, Миггъ!

Но и на это не послѣдовало никакого отвѣта со стороны безчувственнаго, повидимому, Миггльса. Судья опустил наконецъ стекла и, высунувшись въ окно кареты, предложилъ цѣлый рядъ вопросовъ. Еслибы на нихъ отвѣчать категорически, то они, безъ сомнѣнн, разъяснили бы всю эту тайну, но кондукторъ предпочелъ уклониться отъ отвѣта и только замѣтилъ, что если мы не хотимъ ночевать въ дилижансѣ, то лучше бы намъ всѣмъ выйти и громко звать Миггльсъ; а потому мы поднялись съ своихъ мѣстъ, и начали кричать: Миггльсъ! сперва хоромъ, потомъ каждый порознь. Когда мы перестали, одинъ пассажиръ изъ Ибернн еще разъ крикнулъ съ имперіала: Майгльсъ! что насъ всѣхъ разсмѣшило. Кондукторъ прервалъ насъ всѣхъ восклицаніемъ: Тихе!

Мы прислушались. Ко всеобщему удивленію, наше хоровое воззваніе къ Миггльсъ повторилось по ту сторону стѣны и даже съ присовокупленіемъ дополнительнаго и заключительнаго „Майггельсъ“!

— Необычайное эхо! произнесъ судья.

— Необычайное, проклятое животное! ревъль съ озлобленіемъ кондукторъ.— Да покажись же наконецъ Миггльсъ! Будь человекомъ! Перестань прятаться въ потьмахъ! Я бы этого не сдѣлалъ на твоёмъ мѣстѣ, Миггльсъ! продолжалъ Юба Билль и при этомъ даже пласалъ отъ ярости.

— Миггльсъ! продолжалъ голосъ. Эй, Миггльсъ!

— Добрый человекъ! Мистеръ Мигааль! говорилъ судья, стараясь сколько возможно смягчить шероховатость этого имени. Подумайте, какъ это будетъ негостепрнимо съ вашей стороны отказать безпомощнымъ женщинамъ въ пристанищѣ, которое бы защитило ихъ отъ суровостей непогоды! Въ самомъ дѣлѣ, любезный сэръ...

Но возобновившіеся крики: Миггльсъ! сопровождаемые хохотомъ, покрыли его голосъ. Юба Билль не колебался болѣе. Онъ поднялъ съ земли тяжелый камень, выбилъ имъ ворота, и

вошелъ, вмѣстѣ съ нарочнымъ, въ огороженное пространство. Мы послѣдовали за ними. Никого не было видно. Сквозь густой мракъ намъ удалось только различить, что мы находились въ саду (мокрые листья розовыхъ кустовъ орошали насъ брызгами), и что передъ нами какое-то длинное деревянное строеніе.

— Вы знаете этого Миггльса? освѣдомился судья у Юба Билля.

— Нѣтъ, и не желаю знать, коротко отвѣчалъ Билль, счѣтавшій всю компанію „Почтовыхъ Піонеровъ“ оскорбленною въ лицѣ его, упрямымъ Миггльсомъ.

— Но, однакожь, любезный сэръ... возразилъ было судья, по-думавъ о выбитыхъ воротахъ.

— Послушайте-ка, отвѣчалъ съ тонкой ироніей Билль:—не лучше ли вамъ возвратиться въ дилижансъ, и ждать тамъ, пока васъ впустятъ? А я войду. И онъ толкнулъ дверь строенія.

Длинная комната, освѣщенная только слабымъ огнемъ, догорающимъ на большомъ очагѣ, въ дальнемъ концѣ ея; стѣны, оклеенныя какими-то странными обоями, мигающія на нихъ, при фантастическомъ полусвѣтѣ, уродливыя фигуры, и кто-то сидящій въ большихъ креслахъ передъ огнемъ, вотъ, что представилось нашимъ глазамъ, когда мы, вслѣдъ за кондукторомъ и нарочнымъ толпою проникли въ комнату.

— Вы чтѣ ли, Миггльсъ? спросилъ Юба Билль одинокаго обитателя ея. Фигура не отвѣчала и не двигалась. Юба Билль со злобью подступилъ къ ней и навелъ на лицо ея глазъ своего каретнаго фонаря. Это было морщинистое лицо преждевременно состарѣвшагося человѣка, съ очень большими глазами, выраженіемъ своимъ напоминавшими ту совершенно напрасную торжественность, какую я иногда замѣчалъ въ глазахъ совы. Широкіе, блуждающіе глаза переходили отъ лица Билля къ фонарю и, наконецъ, устались на этотъ свѣтящійся предметъ, безъ всякаго участія къ происходившему передъ ними.

Билль сдерживалъ себя съ трудомъ.

— Миггльсъ! Глухи вы чтѣ ли? Во всякомъ случаѣ, вы не нѣмы, я полагаю? и Юба Билль потрясъ безчувственную фигуру за плечо.

Къ нашему величайшему ужасу, когда Билль отнялъ руку свою, почтенный незнакомецъ мгновенно опустился, съѣжился до половины своего роста, и принялъ видъ какой-то груды платя, въ которой нельзя было ничего различить.

— Однакожь! Чортъ меня поberi! воскликнулъ Билль, устремля на насъ просящій помощи взглядъ, и ретируясь съ отчаяніемъ.

Тогда выступилъ судья, и мы, приподнявъ это таинственное безпозвоночное, привели его въ первоначальное положеніе. Билля, съ его фонаремъ, мы послали для развѣдокъ на дворъ, потому что нельзя же было предположить, чтобы этотъ человѣкъ, при своемъ безпомощномъ положеніи, жилъ одинъ; а сами расположились около огня. Судья, снова возвратившій себѣ свой авторитетъ, и никогда не перестававшій изощрять своего разговорнаго таланта, обратился къ намъ съ слѣдующею рѣчью, которую онъ держалъ, стоя спиной къ огню и, какъ бы воображая насъ присяжными:

— Очевидно, что присутствующій здѣсь, достойный другъ нашъ, или находится въ положеніи человѣка, котораго, говоря словами Шекспира, можно уподобить „поблекшему, желтому листку“; или онъ страдаетъ отъ преждевременнаго упадка умственныхъ и физическихъ силъ. Что же касается до вопроса, дѣйствительно ли онъ Миггльсъ...

Здѣсь онъ былъ прерванъ криками: „Миггльсъ! Эй, Миггльсъ! Миггльсъ! Миггъ!“ повторявшимися на всѣ лады, точно такъ, какъ они передъ тѣмъ доносились до нашего слуха. Мы не безъ испуга переглянулись между собой. Въ особенности судья быстро покинулъ свою позицію, потому что голосъ, какъ будто раздавался за самими плечами его. Причиной этого всего, какъ объяснилось вскорѣ, была большая сорока, сидѣвшая на карнизѣ, надъ очагомъ, и которая тотчасъ же погрузилась въ мертвое молчаніе, представлявшее весьма странный контрастъ съ ея недавней болтовней. Теперь не было сомнѣнія, что это ея голосъ слышали мы съ дороги, и нашъ другъ, сидѣвшій въ креслѣ, былъ неповиненъ въ этой невѣжливости. Юба Билль, снова вошедшій въ комнату послѣ безуспѣшныхъ поисковъ, не удовольствовался этимъ объясненіемъ, и продолжалъ подозрительно поглядывать на больного. Онъ нашелъ пріютъ для своихъ лошадей, но вернулся промокшій и исполненный скептицизма. „Бромъ его никого нѣтъ, на десять миль кругомъ; проклятое, старое чучело хорошо знаетъ это“.

Но довѣріе большинства оказалось болѣе основательнымъ. Билль едва пересталъ ворчать, какъ мы услышали, въ сѣняхъ, быстрые шаги и шумъ мокрой юбки; дверь отворилась и въ комнату вошла молодая женщина, съ искрой въ черныхъ глазахъ, съ сверкающей бѣлизною зубовъ, и съ полнымъ отсутствіемъ всякихъ церемоній и застѣнчивости. Она затворила за собою дверь, и прислонилась къ ней запыхавшись.

— Съ вашего позволенія—я Миггльсъ.

Такъ это-то была Миггльсъ! Это бѣлолицая, быстробая, мо-

лодая женщина, синее платье которой изъ грубой матеріи, все мокрое и прильнувшее къ ея стану, не могло скрыть прекрасныхъ формъ ея. Все, начиная съ каштановой косы, покрытой матросской шляпой, до маленькихъ ножекъ и лодыжекъ, отчасти спрятанныхъ въ складкахъ дѣтскихъ сапожковъ,—все было въ ней грація. Такова была Миггльсъ, смѣявшаяся надъ нами такъ искренно, весело, задумчиво, какъ только можно себя вообразить.

— Видите ли, братцы, говорила она, едва переводя духъ, подбоченясь своей маленькой ручкой, и не обращая никакого вниманія ни на безмолвное смущеніе нашего общества, ни на полнѣйшую деморализацію Юбы Билля, черты котораго приняли выраженіе бессмысленнаго восторга; — видите ли, братцы, а была болѣе, чѣмъ за двѣ мили отсюда, когда замѣтила васъ на дорогѣ. Я такъ и думала, что вы, наконецъ, остановитесь здѣсь, и опрометью пустилась бѣжать, зная, что дома никакого нѣтъ, кромѣ Джима; и вотъ... совсѣмъ задыхаюсь! — и вотъ что служить мнѣ извиненіемъ.

Миггльсъ быстро сорвала съ головы свою клеенчатую матросскую шляпу, съ которой полился на насъ дождь, попыталась поправить свои спутавшіяся волосы, уронила при этомъ двѣ головныя булавки, захохотала, и усѣлась подлѣ Юбы Билля, слегка сложивъ руки на колѣняхъ.

Судья первый оправился, и попробовалъ отпустить какой-то невообразимый комплиментъ.

— Я попрошу васъ поднять эту головную булавку, строго произнесла Миггльсъ.

Подюжины рукъ потянулись за булавкой; она тотчасъ же была подана ея красивой обладательницѣ, и Миггльсъ, пройдя всю комнату, устремила пристальный взглядъ въ лицо больнаго. Тогда торжественное выраженіе его глазъ смѣнилось другимъ, какого мы до сихъ поръ не замѣчали въ нихъ. Жизнь и разсудокъ, казалось, появились на этомъ поблекшемъ лицѣ. Миггльсъ опять засмѣялась,—это былъ какой-то странно-краснорѣчивый смѣхъ — и опять обратила къ намъ свои черные глаза и свои бѣлые зубы.

— Эта удрученная недугомъ особа есть... Судья колебался договорить.

— Это Джимъ, сказала Миггльсъ.

— Вашъ родитель?

— Нѣтъ.

— Вашъ братецъ?

— Нѣтъ.

— Супругъ?

Миггльсъ бросила быстрый, полувывывающій взглядъ на на-

шихъ двухъ спутницъ, которыя, какъ я замѣтилъ, не раздѣляли общаго удивленія всѣхъ мужчинъ къ Миггльсъ, и сказала:

— Нѣтъ, это Джимъ.

Водворилось неловкое молчаніе. Путешествующія дамы ближе прижались другъ къ другу, супругъ изъ Washoe разсѣянно посмотрѣлъ на огонь, а длинный господинъ, казалось, углубилъ взоръ внутрь себя самого, ища тамъ себѣ опоры въ эту критическую минуту. Но смѣхъ Миггльсъ, который былъ очень заразителенъ, прервалъ молчаніе.

— Пойдемте-ка, сказала она весело, вы небось голодны. Кто мнѣ поможетъ приготовить чай?

Въ охотникахъ не было недостатка. Нѣсколько минутъ спустя Юба Билль, подобно Калибану, несъ дрова для этой Миранды, а нарочный молодецъ кофе, въ верандѣ. Мнѣ также выпало на долю рубить свинину; а судья, съ свойственными ему благодушіемъ и словоохотливостью, надѣлялъ всѣхъ совѣтами. Когда же Миггльсъ, при помощи судьи и нашего ирландскаго пассажира съ имперіала, накрыла на столъ и устала его глиняной посудой, какая была подъ рукой—мы совершенно развеселились, на зло дождю, стучавшему въ окна, вѣтру, завывавшему въ трубахъ, двумъ дамамъ, шептавшимся въ углу, и сорокѣ, дѣлавшей съ своей вышины сатирическіе комментаріи на ихъ разговоръ.

При свѣтѣ ярко пылавшаго теперь очага, мы разсмотрѣли, что стѣны были обиты иллюстрированными журналами, подобранными съ чисто женскимъ вкусомъ. Импровизированная мебель состояла изъ свѣчныхъ и посылочныхъ ящичковъ, покрытыхъ коленкоромъ или звѣринными шкурами. Спокойное кресло несчастнаго Джима было только остроумнымъ измѣненіемъ мучной бочки. На всѣхъ деталяхъ этой длинной и низкой комнаты лежала печать опрятности и даже нѣкотораго стремленія къ живописному.

Обѣдъ былъ кулинарнымъ успѣхомъ,—мало того, онъ былъ торжествомъ общительности, благодаря тому необыкновенному тауту, съ которымъ Миггльсъ поддерживала разговоръ. Она сама предлагала всѣ вопросы, и съ такимъ прямушіемъ, которое не допускало мысли о какой нибудь скрытности съ ея стороны; такъ, что мы говорили о самихъ себѣ, о нашемъ путешествіи, о нашихъ намѣреніяхъ, о погодѣ, другъ о другѣ,—короче, обо всемъ, за исключеніемъ нашего хозяина. Слѣдуетъ сознаться, что разговоръ Миггльсъ никогда не былъ изященъ, рѣдко отличался грамматической правильностью, и что она повременамъ употребляла выраженія, которыя обыкновенно предоставляются преимущественно нашему полу. Но блескъ ея глазъ и бѣлыхъ зубовъ, и тотъ честный, искренній смѣхъ, свойственный исключительно

ей одной, которымъ сопровождались эти выраженія, казалось, очищали нравственную атмосферу.

Разъ, во время обѣда, мы услышали шумъ, походившій на треніе какого-то тяжелаго тѣла о наружную стѣну дома, потомъ кто-то сталъ скоблится въ двери и фыркать.

— Это Джокинъ, сказала Миггльсъ, въ отвѣтъ на вопрошавшіе ее взгляды. — Хотите его взглянуть?

Мы не успѣли еще отвѣтить, какъ она отворила дверь, и показала намъ бурога медвѣжонка, который тотчасъ же всталъ на заднія лапы, протянулъ переднія, — какъ это обыкновенно дѣлаютъ ученые медвѣди, когда вожакъ заставляетъ ихъ просить милостыню — и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Миггльсъ, обнаруживъ при этомъ необычайное сходство въ манерахъ своихъ съ Юбой Биллемъ.

— Это мой сторожевой пёсъ, пояснила Миггльсъ. — О! онъ не кусается, прибавила она, когда обѣ дамы въ ужасѣ порхнули въ уголь. — Не правда-ли старичина! (последнія слова обращены были непосредственно къ Джокину). А знаете, чтó я вась скажу, братцы, продолжала Миггльсъ, накормивъ и выпроводивъ за дверь своего угса піног, вы чертовски счастливы, что попали сюда въ то время, когда Джокина не была здѣсь!

— Гдѣ же онъ былъ? спросилъ судья.

— Со мной, отвѣчала Миггльсъ. — Онъ, слава Богу, не отстаетъ отъ меня, точно человѣкъ.

Мы молчали съ минуту, прислушиваясь къ вою вѣтра. Можетъ быть, у всѣхъ насъ передъ глазами былъ одинъ и тотъ же образъ Миггльсъ, идущей въ ночную, дождливую пору лѣсомъ, съ своимъ дикимъ защитникомъ. Судья, сколько мнѣ помнится, сказалъ что-то объ Унѣ и ея львѣ, но Миггльсъ выслушала этотъ комплиментъ, какъ и всѣ другіе, съ спокойной важностью. Замѣчала ли она возбуждаемое ею удивленіе (обожанія Юбы Билля трудно было ей не замѣтить), — я не знаю, но ея прямота и одинаково-свободное обращеніе со всѣми приводили въ сокрушеніе юныхъ членовъ нашего общества.

Послѣ эпизода съ медвѣдемъ, Миггльсъ нисколько не выиграла во мнѣніи лицъ ея пола, находившихся на лицо. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ обѣда, наши спутницы обнаружили такую холодность, что даже сосновыя дрова, которыя Юба Билль непрестанно вносилъ въ комнату и бросалъ на очагъ, какъ жертву, не въ силахъ были побѣдить ее. Миггльсъ видѣла это, и, объявивъ вдругъ, что пора на покой, предложила дамамъ проводить ихъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ имъ готова была постель.

— А вы, братцы, ужь расположитесь здѣсь, вокругъ огня, какъ можете, прибавила она:—потому что комнаты другой нѣтъ.

Нашъ полъ — я разумѣю здѣсь, конечно, любезный читатель, сильную часть человѣческаго рода — до сихъ поръ свободенъ былъ отъ обвиненія въ любопытствѣ и болтовнѣ; но я нахожусь вынужденнымъ сказать, что не успѣла дверь затвориться за Миггльсъ, какъ мы всѣ сошлись и начали шушукаться, подсмѣиваться, обмѣниваться подозрѣнiami, высказывать тысячу разныхъ соображеній относительно нашей честной хозяйки и ея страннаго жильца. Боюсь даже, не потолкали ли мы немножко параличнаго идиота, который сидѣлъ посреди насъ, подобно безголосому Мемнону, и съ невозмутимымъ равнодушіемъ Прошедшаго, смотрѣлъ на наше словообильное совѣщаніе своими безстрастными глазами. Посреди одного оживленнаго пренія, дверь вдругъ отворилась и Миггльсъ вошла снова.

Но, очевидно, это была уже не та Миггльсъ, что блеснула намъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Глаза ея были опущены. Когда она, неся на рукѣ шерстяное одѣяло, остановилась съ минутнымъ колебаніемъ на порогѣ, казалось, что вся ея прямодушная смѣлость, до такой степени насъ плѣнившая, покинула ее. Войдя въ комнату, она пододвинула къ креслу больнаго, маленькую скамеечку, навинула себѣ на плечи одѣяло и сказала: „Если вамъ это все равно, дѣтки, то я проведу ночь здѣсь; намъ приходится потѣсниться“, взяла сухую руку больнаго въ свои, и устремила глаза на догаравшее пламя. Инстинктивное предчувствіе, что это было только вступленіемъ къ какимъ-нибудь признаніямъ, а отчасти и стыдъ за наше недавнее любопытство, заставили насъ молчать. Дождь продолжалъ стучать въ крышу; головни по временамъ вспыхивали отъ порывовъ вѣтра. Когда стихии, на мгновеніе, успокоились, Миггльсъ вдругъ подняла голову, откинула на плечи свои волосы, и обратясь лицомъ къ нашей группѣ, спросила:

— Знаетъ ли меня кто изъ васъ?

Отвѣта не послѣдовало.

— Припомните-ка хорошенько. Я въ 53-мъ жила въ Мерисвилѣ. Всякій зналъ меня тамъ, и всякій имѣлъ право знать. Я содержала Polka Salon, пока не переселилась сюда съ Джимомъ. Этому прошло шесть лѣтъ. Можетъ быть, я нѣсколько и измѣнилась.

То, что ее не знали, казалось смутило ее. Она опять обратила лицо къ огню, и прошло нѣсколько секундъ, прежде, чѣмъ она заговорила опять, и на этотъ разъ быстрѣе.

— Такъ-то! А я думала, что кто нибудь изъ васъ да знаетъ меня. Въ концѣ концовъ, бѣды въ этомъ большой нѣтъ. Я хот.

тѣла сказать вотъ что: Джимъ (она держала руку его въ своихъ рукахъ) зналъ меня, если вы меня не знали, и истратилъ на меня кучу денегъ. Однажды,—нынѣшней зимой этому было шесть лѣтъ,—Джимъ пришолъ въ мою комнату, сѣлъ на диванъ, какъ вы видите его теперь въ этихъ креслахъ, и съ тѣхъ поръ уже не двигался безъ чужой помощи. Съ нимъ совсѣмъ неожиданно сдѣлался ударъ. Онъ никогда не зналъ, кажется, что у него есть какая нибудь болѣзнь. Пришли доктора, и сказали, что это отъ его образа жизни,—Джимъ предавался бѣшеному, необузданному разгулу,—и что ему никогда не поправиться, и ни въ какомъ случаѣ не протянуть долго. Они совѣтовали мнѣ отправить его въ Фриско, въ госпиталь, потому что ужъ онъ ни къ чему не годенъ, и останется на всю жизнь ребенкомъ. Было ли у Джима что нибудь въ глазахъ, или это просто потому, что я никогда не имѣла дѣтей, но я сказала себѣ: нѣтъ. Я была тогда богата; всѣ за мной ухаживали; знатные джентльмены,—какъ вы, сэръ—посѣщали меня. Я продала свое заведеніе, кушила это мѣстечко, потому что оно далеко отъ большой дороги, и перевезла сюда своего ребенка“. Интуитивное и поэтическое чувство женщины заставило ее, пока она говорила, незамѣтно перемѣнить положеніе и помѣститься такъ, что нѣмая фигура разрушеннаго человѣка находилась между слушателями и ею, и что она скрывалась за нимъ въ тѣни, какъ-бы предоставляя ему безмолвную защиту ея поступковъ. И онъ безъ словъ, но выразительно говорилъ за нее. Безсильный, разрушенный, пораженный небеснымъ громомъ, онъ тѣмъ не менѣе охранялъ ее невидимой рукой.

Скрытая въ темнотѣ, и все еще не выпускавшая его руки изъ своихъ, она продолжала:

— Долго не могла я здѣсь осмотрѣться, потому что привыкла къ обществу, къ разсѣянной жизни. Я не могла найти женщины, которая бы согласилась мнѣ помогать; а мужчинѣ не довѣряла. Но съ помощью индійцевъ, берущихся за всякую работу и выписывая себѣ все изъ Нортъ-Форка, мы съ Джимомъ кое-какъ обходимся. Докторъ пріѣзжаетъ къ намъ по временамъ изъ Сакраменто. Онъ всегда освѣдомляется о „младенцѣ Миггльсѣ“, какъ онъ называетъ Джима и, уходя, говоритъ: „Молодецъ, ты Миггльсъ! храни тебя Богъ“, и послѣ этого я чувствую себя менѣе одинокою; а въ послѣдній разъ, какъ онъ былъ здѣсь, онъ сказалъ, отворяя дверь, чтобъ уйти: „А знаешь ли, Миггльсъ, что твой ребенокъ вырастетъ, и изъ него выйдетъ человѣкъ, который сдѣлаетъ честь своей матери... но не здѣсь, Миггльсъ, не здѣсь...“ И мнѣ показалось, что онъ ушелъ грустный, и.... и.... Но здѣсь и голосъ, и голова Миггльса совершенно исчезли во мракѣ...

— Жители здѣшнихъ окрестностей, добрые люди, продолжала Миггльсъ, помолчавъ, и нѣсколько подвинувшись къ свѣту.— Мужчины сначала бродили около дома, но потомъ перестали, увидавъ, что въ ихъ обществѣ не нуждаются; женщины тоже добрыя,—никогда не ходятъ ко мнѣ. Я жила совсѣмъ одиноко, пока не нашла тамъ въ лѣсу Джовина, который былъ тогда еще маленькій, и не научила его просить себѣ ѣсть. Потомъ у меня есть еще Полли, это сорока. Она болтаетъ безъ умолку, и когда я по вечерамъ слушаю ея болтовню, мнѣ становится веселѣй, меня уже не тяготитъ мысль, что я одно живое существо на всей фермѣ. А Джимъ, прибавила Миггльсъ съ своимъ прежнимъ смѣхомъ, и совсѣмъ уже выдвинувшись на свѣтъ:— Джимъ... Вы удивитесь, дѣтки, когда увидите какъ онъ много понимаетъ, несмотря на свое положеніе. Иногда я приношу ему цвѣты, и онъ такъ естественно смотритъ на нихъ, какъ будто умѣетъ ихъ различать; я также по временамъ читаю ему, когда мы сидимъ съ нимъ вдвоемъ, то, что написано на стѣнахъ. Въ эту зиму,—Миггльсъ опять засмѣялась тѣмъ же смѣхомъ:—я прочла ему всю эту сторону комнаты. Нѣтъ человѣка, который бы такъ любилъ читать, какъ Джимъ.

— Зачѣмъ, спросилъ судья:—вы не выйдете за мужъ за этого человѣка, которому вы посвятили свою молодую жизнь?

— Нехорошо было-бы, сказала Миггльсъ, извлекать для себя пользу изъ беспомощнаго положенія Джима. Притомъ-же, если бы мы были мужъ и жена, то знали бы оба, что я обязана дѣлать то, что дѣлаю теперь добровольно.

— Но вы еще молоды и привлекательны...

— Однако ужъ поздно, съ серьезнымъ видомъ произнесла Миггльсъ:—вамъ всѣмъ пора на покой; доброй ночи, братцы. И набросивъ себѣ на голову шерстяное одѣяло, она легла подлѣ кресла Джима. Подушкой служила ей скамеечка, на которой покоились его ноги. Миггльсъ уже не говорила болѣе. Огонь медленно угасалъ на очагѣ; каждый изъ насъ молча искалъ своего одѣяла; и вскорѣ, въ длинной комнатѣ водворилась тишина, прерываемая только стучавшимъ о крышу дождемъ, да тяжелымъ дыханіемъ спящихъ.

Незадолго до разсвѣта, я проснулся послѣ какого-то тревожнаго сновидѣнія. Буря прошла; блистали звѣзды, и въ окна, лишенные ставней, глядѣлъ полный мѣсяцъ, стоявшій надъ величавыми соснами. Съ безконечнымъ состраданіемъ прикасались лучи его къ одинокой фигурѣ, покоившейся въ креслахъ; и волны ослѣпительнаго свѣта лились на прекрасную голову женщины, окутавшей своими волосами ноги любимаго человѣка, какъ въ трогательной

евангельской исторіи... Этотъ свѣтъ сообщалъ что-то поэтическое даже грубымъ чертамъ Юба Билля, который, опершись на локоть, лежалъ между своими пассажирами и сторожилъ съ открытыми, терпѣливыми глазами. Потомъ я опять заснулъ и проснулся, когда уже было утро, и передо мной стоялъ Юба Билль, а вокругъ раздавалось: садитесь! въ дорогу!

Кофе ждалъ насъ на столѣ; но Миггльсъ куда то исчезла. Мы долго бродили по дому, въ ожиданіи, не вернется ли она, хотя лошади уже были запряжены; но ея все не было. Она, очевидно, оставила насъ для того, чтобы избѣжать обычнаго прощанья, и чтобы мы какъ пріѣхали, такъ и уѣхали. Посадивъ нашихъ спутницъ въ карету, мы вернулись въ домъ, и всѣ торжественно пожали руку параличному Джиму, приводя его послѣ каждаго рукопожатія, не менѣе торжественно, въ прежнюю позитурю. Потомъ, мы бросили послѣдній взглядъ на длинную, низкую комнату, на низкую скамеечку, гдѣ сидѣла Миггльсъ, и медленно заняли свои мѣста въ ожидавшемъ насъ экипажѣ. Бичъ хлопнулъ и мы двинулись.

Но когда мы выѣхали на большую дорогу, искусная рука Билля мгновенно остановила шестерку лошадей, при сильномъ толчкѣ экипажа, потому что здѣсь, на маленькомъ возвышеніи, около дороги, стояла Миггльсъ. Волосы ея развѣвались, глаза и бѣлые зубы блистали; она махала бѣлымъ платкомъ, прощаясь съ нами. Мы отвѣтили ей, приподнявъ на головкахъ нашихъ шляпы; и Юба Билль быстро хлопнулъ бичемъ, какъ бы боясь дальнѣйшаго очарованія. Лошади, словно бѣшенныя, рванулись впередъ, и всѣ мы попадали на свои мѣста.

До прибытія въ Нортъ-Форетъ, гдѣ diligance остановился передъ гостинницею Independence-House, мы не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Тамъ мы, подъ предводительствомъ судьи, отправились въ столовую, и церемонно усѣлись за столъ.

— Полны ли ваши стаканы, джентльмены? спросилъ судья, торжественно снимая съ головы свою бѣлую шляпу.

Они были полны.

— Такъ выпьемъ-же, за здоровье Миггльсъ. *Да благословитъ ее Богъ!*

Можетъ быть, Онъ ужъ благословилъ ее: кто знаетъ?

VI.

БРОУНЪ ИЗЪ КАЛАВЕРАСА.

Сдержанный тонъ разговора, отсутствіе сигарнаго дыма внутри дилижанса и отсутствіе сапожныхъ каблукъ на его подножкахъ,—ясно доказывали, что между пассажирами, сидѣвшими въ каретѣ, находилась женщина. Кромѣ того, толпы зѣвакъ, собиравшихся на каждой станціи передъ окнами экипажа и нѣкоторое волненіе, обнаруживаемое обладателями всѣхъ этихъ сюртуковъ, шляпъ и воротниковъ, заставляли предполагать, что она красива. Все это было замѣчено помѣщавшимся на козлахъ мистеромъ Джекомъ Гэмлингомъ, съ усмѣшкой философа-циника. Не то, чтобы онъ недостаточно цѣнилъ женскій полъ, но онъ принавалъ въ немъ обманчивый элементъ, способный отвлекать мужскую половину человѣческаго рода отъ столь же, впрочемъ, невѣрныхъ обольщеній „покера“ (азартной игры), составлявшаго профессію мистера Гэмлина.

Поставивъ свой узкій сапогъ на колесо, и прыгнувъ потомъ на землю, онъ даже не бросилъ взгляда на окно кареты, изъ котораго развѣвался зеленый вуаль; но принялся ходить взадъ и впередъ съ равнодушно серьезнымъ видомъ, свойственнымъ людямъ его класса, и замѣняющимъ, въ крайнемъ случаѣ, хорошее воспитаніе. Его растегнутый до верха сюртукъ, его сдержанность, представляли поразительный контрастъ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ и шумнымъ возбужденіемъ остальныхъ пассажировъ. Боюсь даже, что Билль Местерсъ, получившій ученую степень въ Гервердѣ, съ своей потертой одеждой, съ своей бьющей черезъ край жизненной силой, съ своими тирадами противъ варварства и беззаконія, и своимъ набитымъ сухарями и сыромъ ртомъ, былъ только нероманической фигурой, подлѣ этого, погруженнаго въ вычисленіе шансовъ чловѣка, съ греческой фізіономіей и гомерической серьезностью.

Кондукторъ крикнулъ: „садиться!“ и мистеръ Гэмлинъ возвратился къ дилижансу. Въ ту минуту, когда онъ занесъ ногу на колесо, и лицо его находилось въ уровнѣ съ опущеннымъ окномъ кареты, глаза его встрѣтились съ глазами, которые показались ему прекраснѣйшими въ мірѣ. Онъ спокойно сошелъ, переговорилъ съ однимъ изъ пассажировъ, сидѣвшихъ внутри, и они безъ шума обмѣнялись мѣстами. Когда нужно было быстро и рѣшительно дѣйствовать мистеръ Гэмлинъ не позволялъ своей философіи вмѣшиваться.

Если не ошибаюсь, то при этомъ вторженіи Джэка остальные пассажиры почувствовали какую-то неловкость, особливо тѣ, которые старались понравиться дамѣ. Одинъ изъ нихъ нагнулся къ ней и очевидно предупредилъ ее, — простымъ эпитетомъ — о профессіи Гэмлина. Слышалъ-ли это, мистеръ Гэмлинъ, и узналъ-ли онъ въ предупреждавшемъ юриста, у котораго онъ, два или три вечера тому назадъ, выигралъ нѣсколько тысячъ долларовъ, я не могу сказать: его блѣдное лицо ничего не выдало; исполненный холодной наблюдательности взглядъ его черныхъ глазъ, равнодушно скользнулъ по лицу достопочтеннаго юриста и остановился на болѣе привлекательныхъ чертахъ его сосѣдки. Индійскій стоицизмъ, унаслѣдованный имъ, какъ говорили, отъ предковъ, со стороны матери, не измѣнялъ ему до того самого времени, пока береговой песокъ въ Скоттсъ-Ферри не захрустѣлъ подъ колесами и экипажъ не остановился, по случаю обѣденнаго часа, у крыльца Международнаго Отеля. Джентльменъ изъ юристовъ и членъ конгресса, выпрыгнувъ изъ кареты, приготовились поддержать богиню, между тѣмъ, какъ полковникъ Стерботтль изъ Сиссю схватилъ ея шаль и зонтикъ. Эта поспѣшная и общая предупредительность причинила минутное замѣшательство и толкотню, во время которой Джэкъ Гэмлинъ спокойно отворилъ противоположную дверцу кареты и, взявъ даму подъ руку съ той рѣшительностью и солидностью, которая застѣнчивая, колеблющаяся женщины такъ умѣютъ цѣнить, проворно и граціозно высадилъ ее, и потомъ ввелъ на платформу. На козлахъ послышался смѣхъ другаго циника, кондуктора Юби Билля. „Смотрите, не растерайте багажъ, полковникъ“, кричалъ онъ съ притворной заботливостью, смотря на полковника Стерботтля, который печально замыкалъ триумфальное шествіе въ станціонной залѣ.

Мистеръ Гэмлинъ не остался обѣдать. Его лошадь была осѣдлана и ждала его. Онъ быстро переправился въ бродъ, поднялся на песчаный берегъ, и исчезъ на вингдэмской дорогѣ, какъ бы торопясь ускакать отъ какого нибудь преслѣдующаго его неприятнаго призрака. Обитатели запыленныхъ хижинъ, разбѣянныхъ по дорогѣ, держа надъ глазами руку, смотрѣли ему въ слѣдъ; узнавъ и всадника и лошадь, они спрашивали себя: что это сдѣлалось съ „сочинче“ Джэкомъ? Но преимущественно общее любопытство сосредоточивалось на лошади, точно также, какъ это было во время бѣгства Френча Пита отъ калаверасскаго судьи, когда удивленіе, возбужденное кобылой, которая уносила на себѣ бѣглеца, заставило совершенно забыть о дальнѣйшей судьбѣ его самого.

Замѣтивъ взмыленные бока своего сѣраго коня, мистеръ Гэмлинъ пришолъ наконецъ въ себя. Онъ своротилъ на боковую дорогу, сокращавшую путь, опустилъ безопасно поводья и поѣхалъ маленькой рысцей. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, характеръ пейзажа измѣнялся и становился пасторальнѣе. Въ просѣкахъ, между соснами и сиеморами, замѣчались грубоватая попытка культуры: кое-гдѣ виноградная зелень обвивала крыльцо хижины; женщина качала колыбель своего ребенка подъ кустами розъ; далѣе мистеръ Гэмлинъ наткнулся на босоногихъ дѣтей, переходившихъ въ бродѣ рѣчку, оваймленную ивами, и такъ поощрилъ ихъ своими шутками, что они цѣплялись за ноги его лошади и карабкались еѣ нему на сѣдло, до тѣхъ поръ, пока онъ не крикнулъ на нихъ съ притворнымъ гнѣвомъ, и не ускаялъ, оставивъ за собой нѣсколько монетъ. Потомъ, углубляясь въ лѣсную чащу, гдѣ уже исчезали все признаки жилья, онъ вдругъ заплѣлъ. Въ прекрасномъ его тенорѣ слышалось столько нѣги и страстности, столько чарующаго и оригинальнаго, что коноплянки и дрозды, — ручаюсь въ этомъ, — притихли, чтобы его послушать. Голосъ мистера Гэмлина не былъ обработанъ; содержаніе его пѣсенъ заключалось въ какихъ-то чувствительныхъ пошлостяхъ, заимствованныхъ у негритянскихъ менестрелей, но что-то таинственное и невыразимо трогательное звучало въ этомъ обаятельномъ пѣніи. Странное зрѣлище представлялъ этотъ игрокъ съ колодой картъ въ карманѣ, и револьверомъ за спиной, посылающій лѣсному эхо грустную жалобу „на могилѣ Нелли“, жалобу, способную вызвать слезы на глаза слушателей. Ястребъ, только что уничтожавшій свою шестую жертву, посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, вѣроятно признавъ въ мистерѣ Гэмлинѣ родственную натуру, и при этомъ вынужденъ былъ согласиться въ превосходствѣ человѣка. Дѣйствительно, въ дѣлѣ хищничества, — онъ былъ искуснѣй, но пѣть не умѣлъ.

Вскорѣ мистеръ Гэмлинъ опять очутился на дорогѣ, и поѣхалъ прежней рысью. Ямы и песокъ, обнаженные холмы, гниющіе древесные пни замѣнили лѣсъ и ущелья, и говорили о близости цивилизаціи. Вотъ показалась и колокольня, возвѣщавшая ему, что онъ опять дома. Еще нѣсколько секундъ и топотъ его лошади раздавался въ единственной, узкой улицѣ, терявшейся подъ конецъ у подошвы холма, въ хаосѣ каменныхъ развалинъ, амъ, проводимыхъ дорогъ и пр. Онъ остановился передъ позолоченными окнами Magnolia-salon. Пройдя черезъ длинную столовую, онъ толкнулъ обитую зеленымъ войлокомъ дверь, вошелъ въ длинный, темный корридоръ, отперъ ключомъ другую дверь, и

очутился въ слабо освѣщенной комнатѣ, изящная — и даже по той мѣстности роскошная — отдѣлка которой, однакожь, носила на себѣ слѣды запущенія. На инкрустаціяхъ середняго стола замѣчались пятна въ видѣ дисковъ, очевидно не входившіе въ составъ первоначальнаго рисунка. Вышитыя кресла полиняли; а зеленая бархатная софа, на которой разлегся теперь мистеръ Гэмлингъ, была запачкана красной вингдэмсовой пылью.

Мистеръ Гэмлингъ не пѣлъ въ своей клѣткѣ. Онъ лежалъ тихо, и смотрѣлъ на пестрой расписанный потолокъ, гдѣ изображено было существо съ очень полными формами. Ему, при этомъ, въ первый разъ пришло въ голову, что онъ никогда не встрѣчалъ такой женщины; а еслибъ и встрѣтилъ, то вѣроятно бы не влюбился въ нее. Быть можетъ онъ думалъ о красотѣ другаго рода... Въ эту самую минуту кто-то постучалъ въ дверь. Не приподымаясь, онъ дернулъ за шнурокъ, который приводилъ въ движеніе ручку двери; она отворилась и въ комнату вошелъ человѣкъ.

Вошедшій былъ широкоплечъ и силенъ. Сила эта однакожь не связывалась на лицѣ его, красивомъ, но вяломъ и носившемъ на себѣ слѣды невоздержной жизни. Казалось также, что онъ находится подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, потому что, увидѣвъ Гэмлина, онъ смутился и произнесъ: „я думалъ, что здѣсь Кэтъ“.

Гэмлингъ усмѣхнулся той самой усмѣшкой, которая замѣчалась у него, когда онъ сидѣлъ въ вингдэмскомъ дилижансѣ. Потомъ онъ поднялся и сѣлъ, совершенно освѣженный и готовый отдаться дѣламъ.

— Ты пріѣхалъ не въ дилижансѣ? продолжалъ вошедшій. — Вѣдь нѣтъ?

— Нѣтъ. Я оставилъ его въ Scotl's Ferry. Онъ будетъ здѣсь черезъ полчаса, не раньше. Ну что, Броунъ, везетъ ли?..

— Совсѣмъ северно! сказалъ Броунъ, съ выраженіемъ безсильнаго отчаянія на лицѣ. — Джэъ, продолжалъ онъ, умоляющимъ голосомъ, представлявшимъ жалкую противоположность съ его коренастой фигурой. — Не можешь ли ты одолжить мнѣ до завтра сотню долларовъ. Я, видишь ли, долженъ послать эти деньги домой, — женѣ. Ты у меня двадцать разъ выигрывалъ такую сумму.

Заключительная фраза была, можетъ быть, не совсѣмъ логична, но Джэъ не обратилъ на это вниманія и подалъ деньги своему гостю.

— „Долженъ послать деньги женѣ“ — это старо, избито, Броунъ, прибавилъ онъ въ видѣ комментарія. — Зачѣмъ ты просто не ска-

женъ, что тебѣ хотѣлось бы отыгратъся въ банкѣ? ты очень хорошо знаешь, что ты не женатъ.

— Женатъ. Это фактъ, сэръ, возразилъ Броунъ, съ внезапной серьёзностью, какъ будто одно прикосновеніе его руки къ золоту, сейчасъ же возвратило ему достоинство. — У меня есть жена въ Штатахъ, говорю тебѣ, и еще какая славная, будь она проклята! Я видѣлъ ее въ послѣдній разъ, три года тому назадъ, и годъ, какъ не писалъ ей. Но если дѣла пойдутъ хорошо и мы найдемъ золото, я ее выпишу.

— А Кэтъ? спросилъ мистеръ Гэмлингъ, съ своей обычной усмѣшкой.

Мистеръ Броунъ, изъ Балавераса, попытался было, для того, чтобы скрыть свое смущеніе, подмигнуть лукаво, но его вялое лицо и расудокъ, отуманенный „виски“, дѣлали его неспособнымъ ни на какую хитрость.

— Чортъ побери! Джекъ, вѣдь нужно же человѣку немножко развлечься. Послушай-ка, не сыграть ли намъ партійку... на эти сто долларовъ? Дай мнѣ возможность удвоить ихъ?

Мистеръ Гэмлингъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на своего простоватаго пріятеля и согласился. Можетъ быть, онъ былъ убѣжденъ, что этотъ человѣкъ непременно долженъ проиграть. Такъ пусть же, лучше, думалъ онъ себѣ, деньги попадутъ опять въ мой карманъ, нежели въ чужой. Въ ту минуту, какъ онъ придвинулъ стулъ свой къ столу, кто-то снова постучалъ въ дверь.

— Это Кэтъ, сказалъ мистеръ Броунъ.

Мистеръ Гэмлингъ дернулъ шнурокъ и дверь отворилась. Въ первый разъ въ жизни вскочилъ онъ съ шумомъ съ своего мѣста, совершенно смущенный и потерявшійся, и въ первый разъ въ жизни, блѣдныя щеки его загорѣлись яркимъ румянцемъ. Передъ нимъ стояла та самая дама, которую онъ высаживалъ изъ вингдэмскаго дилижанса, и которую теперь Броунъ, вырвавъ изъ рукъ карты, съ истерическимъ смѣхомъ привѣтствовалъ восклицаніемъ:

— Моя старуха! Чортъ побери!

Говорятъ, что мистриссъ Броунъ, вся въ слезахъ разразилась упреками своему супругу. Но я, видѣвшій ее въ 1857 г. въ Мерисвиллѣ, положительно не вѣрю этой исторіи. Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней въ „Вингдэмской Хроникѣ“ появились подъ рубрикой: „Трогательное соединеніе“ слѣдующія подробности:

„На прошедшей недѣлѣ произошло въ нашемъ городѣ одно изъ тѣхъ прекрасныхъ трогательныхъ событій, которыя составляютъ особенность калифорнійской жизни. Супруга одного изъ

наиболѣе уважаемыхъ вингдэмскихъ пионеровъ, утомленная негостеприимнымъ климатомъ и истощенной цивилизаціей Востока, рѣшилась соединиться съ своимъ супругомъ на этихъ золотыхъ берегахъ. Не предупредивъ его о своемъ намѣреніи, предприняла она долгое путешествіе и прибыла сюда на истекшей недѣлѣ. Радость супруга легче представить себѣ, нежели изобразить. Трогательное свиданіе ихъ не поддается никакимъ описаніямъ. Нужно надѣяться, что этотъ примѣръ найдетъ себѣ подражателей“.

Вслѣдствіе ли вліянія мистриссъ Броунъ или какихъ нибудь спекуляцій, болѣе счастливыхъ, нежели предъидущія, но дѣла Броуна съ этого самаго дня не переставали процвѣтать. Онъ скупилъ участки своихъ компаньоновъ по золотымъ прінскамъ, на деньги, которыя, по его словамъ, онъ будто бы выигралъ нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда жены; а по мнѣнію другихъ, далъ ему взаймы, Джэзъ Гэмлингъ. Это послѣднее предположеніе подтверждалось отчасти и словами самой мистриссъ Броунъ, говорившей, что мужъ ея поклялся не сѣдаться за карточный столъ. Онъ построилъ и меблировалъ Wingdam-House, куда прелестная мистриссъ Броунъ привлекала безконечное множество посѣтителей. Его выбрали въ члены „Собранія“; онъ много жертвовалъ на церкви, и даже одна улица въ Вингдэмѣ, была названа его именемъ. Но тѣмъ не менѣе всѣ замѣчали, что по мѣрѣ того, какъ росло счастье и состояніе Броуна, самъ онъ становился все худѣй, блѣднѣй и задумчивѣй. Успѣхи жены дѣлали его капризнымъ и нетерпѣливымъ. Самый „женолобивый“ изъ всѣхъ мужей, онъ былъ ревнивъ до нелѣпости. Если онъ не стѣснялъ свободы мистриссъ Броунъ, то это потому только, поговаривали втихомолку злые языки, что первая и единственная попытка его въ этомъ родѣ встрѣтила съ ея стороны отпоръ, который заставилъ его замолчать въ испугѣ. Впрочемъ, надо сознаться, что эти слухи о молодой женщинѣ распускались ея соперницами, лишившимися по ея милости поклоненія вингдэмскаго рыцарства, которое, какъ и всякое рыцарство, поклонялось могуществу, въ чемъ бы оно ни проявилось, въ мужской ли силѣ или въ женской красотѣ. Надобно еще прибавить, что со времени своего пріѣзда въ Вингдэмъ она невольнo сдѣлалась жрицей миеологическаго культа, который, можетъ быть, столь же мало облагораживалъ женщину, какъ и древній греческій. Я полагаю, что Броунъ смутно сознавалъ это. Но онъ никому не повѣрялъ своихъ чувствъ, кромѣ Джэка Гэмлина, имѣвшего такую несчастную репутацію, которая исключала для него всякую

возможность короткости въ семейномъ домѣ, и посѣщенія котораго были по этому очень рѣдки.

Это было въ половинѣ лѣта и лунной ночью. Мистриссъ Броунъ, хорошенькая, съ большими глазами, съ розовыми щеками сидѣла на плаццѣ, наслаждаясь благоуханіемъ горнаго воздуха, и отчасти фиміамомъ окружающихъ ее поклонниковъ, судья Бумпуэнтера, полковника Стэрботтля и какого-то иностраннаго туриста, недавно увеличившаго собой ея свиту. Она была въ духѣ.

— Что вы видите на дорогѣ? освѣдомился галантный полковникъ, замѣтившій, что вниманіе мистриссъ Броунъ уже нѣсколько минутъ какъ чѣмъ-то поглощено.

— Пыль, отвѣчала она вздохнувши. — Только „стадо овецъ сестры Анны“.

Полковникъ Стэрботтль, литературныя воспоминанія котораго не простирались дальше вчерашней газеты, взглянулъ на дѣло съ практической точки. „Нѣтъ, это не овцы, продолжалъ онъ: — это всадникъ. Послушайте, судья! Мнѣ кажется, что это сѣрая лошадь мистера Гэмлина?“

Но судья не зналъ, что отвѣчать, и такъ какъ мистриссъ Броунъ замѣтила, что для дальнѣйшихъ изслѣдованій становится слишкомъ свѣжо, то всѣ и направились въ комнаты.

Мистеръ Броунъ находился въ конюшнѣ, куда онъ удалялся каждое послѣ-обѣда. Можетъ быть, онъ дѣлалъ это изъ презрѣнія къ обществу жены своей, а, можетъ быть, и, подобно многимъ слабымъ натурамъ, находилъ удовольствіе показывать свою неограниченную власть на низшихъ животныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, его нѣсколько вознаграждало то, что онъ могъ дрессировать, бить и ласкать какую нибудь вороную кобылу, чего никакъ нельзя было дѣлать съ мистриссъ Броунъ. Здѣсь онъ увидѣлъ знакомаго сѣраго коня, только-что примчавшагося на дворъ; а въ нѣсколькихъ шагахъ встрѣтилъ и самаго всадника. Броунъ привѣтствовалъ его дружески и сердечно; но Гэмлинъ былъ какъ-то сдержанъ. Однакожъ, вслѣдствіе настоятельной просьбы Бруна, онъ согласился послѣдовать за нимъ, по черной и узкой лѣстницѣ, въ его комнату, выходившую окнами на конюшни. Комната эта была очень скромно меблирована. Въ ней стояли кровать, столъ, пара стульевъ, да щепъ для оружія и хлыстовъ.

— Вотъ мой очагъ, Джэжъ, произнесъ Броунъ, вздохнувши и бросаясь на кровать, между тѣмъ, какъ его гость сѣлся на стулъ. — *Ея* комната на противоположномъ концѣ дома. Вотъ ужъ полгода, какъ мы видимся съ ней только за обѣдомъ. Это немножко тяжело для главы дома, прибавилъ онъ съ принужден-

нымъ смѣхомъ.—Но я радъ тебя видѣть, Джэкъ, дьявольски радъ! И онъ крѣпко пожалъ руку Гэмлина, не отвѣтившую на это пожатіе. Я привелъ тебя сюда потому, что не хотѣлъ говорить въ конюшнѣ, хотя это, впрочемъ, извѣстно цѣлому городу. Не зажигай огня. Мы можемъ болтать при лунномъ свѣтѣ. Положи свои ноги на окно, и садь здѣсь, подлѣ меня. Тамъ въ кружкѣ есть виски.

Мистеръ Гэмлинъ не воспользовался этимъ сообщеніемъ. Брунъ изъ Калавераса повернулся лицомъ къ стѣнѣ и продолжалъ:

— Еслибъ я не любилъ этой женщины, Джэкъ, мнѣ было бы все равно. Но любить ее и смотрѣть изо дня въ день, какъ она идетъ по этой дорогѣ... и знать, что нѣтъ никого, кто бы могъ остановить ее... вотъ что горько. Но я радъ, я дьявольски радъ тебя видѣть.

Онъ сталъ искать оцупью руку пріятеля; и, наконецъ, опять сжалъ ее. Онъ бы продолжалъ сжимать ее, еслибъ Джэкъ не заложилъ ее за свой застегнутый скюртукъ и не спросилъ небрежно:

— Съ какихъ же это поръ?

— Съ того дня, какъ она здѣсь, съ того дня, какъ она вступила въ Magnolia-House. Я былъ тогда дуракъ, Джэкъ, я и теперь дуракъ; но я прежде не зналъ, какъ я люблю ее; съ той поры она стала для меня другой женщиной... Это не все, Джэкъ. И вотъ почему я желалъ тебя видѣть, почему я радъ, что ты пришелъ. Не то только, что она меня не любитъ, и кокетничаетъ съ первымъ встрѣчнымъ. Можетъ быть, я самъ ставилъ на карту любовь ея, чтобъ проиграть, какъ я дѣлалъ со всѣмъ остальнымъ въ Магнолии. Можетъ быть, кокетство присуще нѣкоторымъ женщинамъ. Въ этомъ еще нѣтъ бѣды... Бѣда, развѣ, для дураковъ, идущихъ на эту удочку. Но, Джэкъ... я думаю... мнѣ кажется... что она любитъ другого. Не уходи, Джэкъ, не уходи... Если твой пистолетъ тяготитъ тебя... сними его. Вотъ ужъ болѣе шести мѣсяцевъ, какъ я вижу ее грустной и нервной. Нѣсколько разъ, я подмѣчалъ, что она гладитъ на меня застѣнчиво, и, какъ будто жалѣя меня... и все пишетъ къ кому-то. Всю послѣднюю недѣлю она собирала свои вещи, платья, брильянты. Мнѣ кажется, Джэкъ, она хочетъ меня оставить. Я могу все перенести, но только не это! Уйти тайкомъ, какъ воровкѣ... Онъ спряталъ лицо въ подушку и нѣсколько мгновеній слышались только мѣрные удары часоваго маятника. Мистеръ Гэмлинъ закурилъ сигару и отошелъ къ окну. Луна уже не освѣ-

пала комнаты. „Что мнѣ дѣлать, Джэкъ?“ сказала голосъ изъ темноты.

У окна прозвучалъ быстрый и внятный отвѣтъ.

— Убей этого человѣка, когда встрѣтишь его.

— Но, Джэкъ...

— Онъ шолъ на то.

— Но развѣ это возвратитъ мнѣ ея?

Джэкъ не отвѣчалъ; и пошолъ отъ окна къ дверямъ.

— Не уходи еще, Джэкъ. Зажги свѣчу, и сядь къ столу. Мнѣ ужь отрадно и то, что я вижу тебя...

Джэкъ, послѣ короткаго колебанія, исполнилъ просьбу. Онъ вынулъ изъ кармана колоду картъ и сталъ тасовать ея, смотря на кровать, между тѣмъ какъ Броунъ опять повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Стасовавъ, онъ срѣзалъ, и положилъ одну карту на противоположный конецъ стола передъ кроватью, другую передъ собой. Первая была двойка, вторая король. Онъ опять стасовалъ и срѣзалъ. На этотъ разъ—его воображаемому партнеру выпала дама, а ему четверка. Лицо Джэка просіяло, когда въ третій разъ, ему выпалъ король, а партнеру двойка. „Два противъ трехъ“, произнесъ Джэкъ отчетливо.

— Что это? спросилъ Броунъ.

— Ничего.

Потомъ онъ попробовалъ счастья въ кости; но постоянно на его сторону выпадала шестерка, а на сторону партнера—единица. Сила привычки поразительна.

Присутствіе-ли мистера Гэмлина имѣло магнетическое вліяніе на Броуна, врачующая-ли горе водка пришла ему на помощь,—или, наконецъ, обѣ эти причины вмѣстѣ способствовали его успокоенію, но только онъ задремалъ. Мистеръ Гэмлинъ придвинулъ свой стулъ къ окну и сталъ смотрѣть на городъ Вингдэмъ, мирно спавшій теперь; его грубыя очертанія сглаживались, его рѣзкія краски становились мягче, утопая въ волнахъ луннаго свѣта. Среди глубокаго молчанія можно было разслышать, какъ журчала вода въ каналахъ и шумѣли за холмомъ сосны. Онъ взглянулъ на небо, и въ эту минуту съ сверкающей вышины сватилась звѣзда, потомъ другая, потомъ третья... Этотъ феноменъ навелъ мистера Гэмлина на мысль—прибѣгнуть еще къ гаданью новаго рода. Если въ теченіе пятнадцати минутъ упадетъ еще звѣзда... И онъ просидѣлъ, съ часами въ рукѣ, вдвое долѣе, но явленіе не повторилось.

Стѣнные часы пробили шесть; а Броунъ все спалъ. Мистеръ Гэмлинъ подошолъ къ столу и, вынувъ изъ кармана нисъмо, прочелъ его, при мигающемъ пламени свѣчки. Это была одна толь-

ко строчка, написанная карандашомъ, и очевидно женской рукой: „Будьте у ограды, въ кабриолетѣ, въ три часа“.

Спящій сдѣлалъ безпокойное движеніе, проснулся и спросилъ.

— Ты здѣсь, Джэкъ?

— Да.

— Не уходи. Я видѣлъ сонъ, Джэкъ. Мнѣ снилось прошлое... будто я опять женюсь на Сусаннѣ... и будто священникомъ, — Джэкъ, — что-бы ты думалъ? угадай? — Ты!

Игрокъ усмѣхнулся, и сѣлъ на кровать, все еще держа записку въ рукѣ.

— Вѣдь это добрый знакъ, — не правда-ли? спросилъ Броунъ.

— Полагаю. — Послушай-ка, старичина, не лучше-ли тебѣ встать?

„Старичина“, при этомъ дружескомъ обращеніи къ нему, поднялся, съ помощью руки, протанутой ему мистеромъ Гэмлингомъ.

— Курить?

Броунъ взялъ механически предложенную ему сигару.

— Огня?

Джэкъ свертѣлъ записку въ спираль, зажегъ её и подаль своему пріятелю. Онъ продолжалъ держать её двумя пальцами, пока она почти вся не сгорѣла. Когда оставался маленький клочекъ, онъ бросилъ его въ открытое окно, слѣдя глазами за паденіемъ этой огненной звѣздочки. Потомъ вернулся къ Броуну и положилъ обѣ руки свои ему на плечи.

— Старичина! сказалъ Джэкъ, черезъ десять минутъ я буду на большой дорогѣ, и исчезну какъ эта искра. Мы никогда не увидимся. Но прежде, чѣмъ я прощусь съ тобой, прими совѣтъ сумасшедшаго: продай все, что у тебя есть, возьми жену свою и уѣзжай изъ этого края. Здѣсь не мѣсто ни для тебя, ни для нея. Скажи ей, что она должна уѣхать. Заставь её, если она не захочетъ. Не хнычь, что ты не святой, а она не ангелъ. Будь мужчиной, и поступи съ ней, какъ съ женщиной. Не будь болваномъ. Прощай.

Онъ вырвался изъ объятій Броуна и какъ олень сбѣжалъ съ лѣстницы. У дверей конюшни наткнулся онъ на полусоннаго конюха, встряхнулъ его за шиворотъ, и, прижавъ къ стѣнѣ, сказалъ: „чтобы въ двѣ минуты была осѣдлана моя лошадь; а не то...“ Недосказанное было до крайности понятно.

— Барыня приказывала заложить вамъ кабриолетъ... пробормоталъ конюхъ.

— Чортъ-бы его побралъ, твой кабриолетъ!

Лошадь была осѣдлана съ той быстротой, какую только допускали дрожащія руки испуганнаго конюха, изъ которыхъ чуть не выпала сбруя.

— Что это произошло съ мистеромъ Гэмлингомъ? спрашивалъ себя конюхъ, благоговѣвнѣй, подобно всѣмъ людямъ его класса, передъ необузданными порывами своего гордаго патрона, и желавшій ему всякихъ благъ.

— Прочь съ дороги!

Конюхъ отскочилъ. Ругательство, ударъ хлыста, топотъ копытъ—и Джэкъ былъ на дорогѣ. Еще мгновение—и полусонные глаза конюха видѣли вдали только облако пыли, да промелькнувшую надъ нимъ, подобно огненной струйкѣ, оторвавшуюся отъ своихъ сестеръ звѣздочку...

Рано утромъ, въ тотъ день, обитатели хижины, примыкавшихъ къ вингдэмскому шоссе, слышали чей-то голосъ, чистый какъ голосъ жаворонка, расплывавшій въ полѣ, на разстояніи одной мили отъ дороги.—Тѣ, которые спали, приподнялись на суровой постелѣ, и, прислушиваясь, вспомнили свое прошлое, свою молодость и любовь... Люди, съ загорѣлыми лицами, жадные искатели золота, уже вышедшіе на работу, прервали её и, опершись на свои заступы, тоже слушали эту пѣсню романческаго бродяги, ѣхавшаго шажкомъ, при рововыхъ лучахъ восходящаго солнца...

VII.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

Въ долину Сакраменто шли продолжительные дожди. Нортъ-Форкъ выступила изъ береговъ. Черезъ Реттльснегъ-Крикъ не было переправы. Камни, указывавшіе гдѣтожь бродъ, исчезли всѣ подъ водой, залившей даже вершины холмовъ у подошвы Сьерры. Дилижансъ, подымавшійся въ гору, завязъ на полдорогѣ. Последняя почта чуть не осталась въ высокой болотной травѣ, и почтальонъ спасся бросившись въплавъ. — „Такое обширное пространство земли, какъ штатъ Массачусетъ затоплено нынче“, возвѣщала „Глыба Сьерры“ съ нѣкоторой мѣстной гордостью.

Не лучше стояла погода и на горѣ. Не было никакой возможности вытащить изъ глубокой грязи телѣги, загромоздившія всю дорогу, которая вела къ Симпсонсъ-Бару. Ни физическая сила, ни ругательства ни къ чему не служили.—Неприступное,

отрѣзанное, мокнувшее подъ дождемъ мѣстечко Симпсонсъ-Баръ лѣпилось на горѣ, какъ гнѣздо ласточки. Буря его клеветы; наводненіе угрожало ему.

Вечеромъ, наканунѣ Рождества 1862 г., всѣ сообщенія были прерваны. Въ хижинахъ, тянувшихся по обѣимъ сторонамъ дороги, свѣтились сѣвось туманъ рѣдкіе огоньки. Большая часть населенія собралась въ лавкѣ Томсона, около пылающей печки, на которую молча плевали, замѣняя этимъ разговоръ. И дѣйствительно, всѣ темы для разговоровъ въ Симпсонсъ-Барѣ были исчерпаны. Наводненіе прервало работы въ ямахъ и на рѣкѣ, и явившійся, вслѣдствіе того, недостатокъ въ деньгахъ и водкѣ, препятствовало всякому развлеченію. Даже у мистера Гэмлина, отъ огромныхъ суммъ, которыми онъ обязанъ былъ своей профессіи, оставалось всего 50 долларовъ въ карманѣ. — „Еслибъ меня попросили, говорилъ онъ потомъ:—указать хорошенькую деревушку, гдѣ бы отставной игрокъ, равнодушный къ деньгамъ, могъ почаще упражняться—я-бы назвалъ Симпсонсъ-Баръ; но для человѣка, который долженъ поддерживать многочисленное семейство, жить тутъ нельзя“. Такъ какъ семейство мистера Гэмлина исключительно состояло изъ взрослыхъ особъ женскаго пола, то это замѣчаніе его мы приводимъ для того, чтобы дать понятіе не столько объ его обязанностяхъ, сколько объ его юморѣ.

Какъ-бы то ни было, люди, безсознательно служившіе предметомъ этой сатиры, погружены были, въ тотъ вечеръ, въ такую апатію, что даже внезапный топотъ копытъ, у крыльда, не вывелъ ихъ изъ нея. Дикъ Боллингъ одинъ только пересталъ на мгновеніе выколачивать свою трубку, и поднялъ голову; другіе-же не обратили рѣшительно никакого вниманія на входившаго человѣка, и даже не показали виду, что знаютъ его.

А между тѣмъ, это была личность всѣмъ извѣстная въ Симпсонсъ-Барѣ подъ именемъ „Стараго“. Лѣтъ около пятидесяти, съ сѣдыми, рѣдкими волосами, онъ однакоже былъ еще свѣжъ и румянъ. Лицо его, довольно симпатическое и благодушное, имѣло странную способность, отражать на себѣ, безъ всякаго сопротивленія, чувства и мнѣнія каждаго, кто-бы ни заговорилъ. Старый, очевидно, только что расстался съ какими-нибудь веселыми пріятелями, и, не замѣчая серьезнаго вида присутствующихъ, хлопнулъ шутя по плечу ближайшаго изъ нихъ.

— Забавную штуку слышалъ я сейчасъ, братцы, отъ Смайли, сказалъ онъ, садясь на порожній стулъ.—Весельчакъ этотъ Джемсъ Смайли... во всемъ Симпсонсъ-Барѣ не сыщешь таковаго. Такъ вотъ, онъ рассказывалъ мнѣ...

— Смайли болванъ! прервалъ чей-то мрачный голосъ.

— Проклятый свотъ! добавилъ другой голосъ, не менѣе гробовой.

За этими двумя положительными опредѣленіями водворилось молчанье. Старый быстрымъ взглядомъ обвелъ своихъ собесѣдниковъ, и потомъ лицо его стало понемногу принимать другое выраженіе. „Это такъ, сказалъ онъ, послѣ нѣкоторой паузы и какъ бы пораздумавъ:—это вѣрно. И болванъ и скотъ.—Разумѣется. Онъ помолчалъ съ минуту, вѣроятно размышляя о глупости и разныхъ дурныхъ свойствахъ этого Смайли. „Ужасная погода! не правда ли, а?“ продолжалъ Старый, и на этотъ разъ голосъ его совершенно совпадалъ съ господствовавшимъ настроеніемъ. Чертовски скверныя извѣстія въ газетахъ; работы нейдуть, денегъ нѣтъ... а завтра у насъ Рождество“.)

Эти свѣденія вызвали въ группѣ движеніе,—но нельзя было съ точностью опредѣлить сочувственно или враждебно оно было Старому. „Да! продолжалъ старый, все тѣмъ же печальнымъ тономъ, который онъ безсознательно напустилъ на себя, нѣсколько минутъ тому назадъ.—Да! Рождество; начинается рождественская ночь! Знаете-ли что, братцы? Я думалъ... то есть, мнѣ пришла мысль... что вы, можетъ быть, всѣ пойдете ко мнѣ нынче вечеромъ, чего нибудь выпить... Но кажется я ошибся? Вамъ не охота?“ При послѣднихъ словахъ, онъ вопросительно и съ безпокойнымъ сочувствіемъ посмотрѣлъ на лица своихъ собесѣдниковъ.

— Я не знаю, отвѣчалъ Томъ Флайнтъ, выходя изъ оцѣнѣнія.—Можетъ и пойдешь. А жена твоя, старый, она что скажетъ?

Старый поколебался. Опытъ его супружеской жизни былъ не совсѣмъ удаченъ. Это всѣ знали въ Симпсонсъ-Барѣ.

Первая жена его, хорошенькое и нѣжное существо, долго страдала въ глубинѣ сердца отъ ревнивыхъ подозрѣній своего мужа, пока наконецъ онъ, однажды вечеромъ, не собралъ всю деревню, чтобы застать ее на мѣстѣ преступленія. Бѣдную, застѣнчивую женщину нашли сповойно занимающейся своимъ хозяйствомъ; и всѣ разошлись со стыдомъ; но эта впечатлительная натура не такъ легко оправилась послѣ нанесеннаго ей необычайнаго оскорбленія: она едва, едва нашла въ себѣ столько силы, чтобы вынудить своего любовника изъ шкапа, гдѣ онъ былъ запертъ, и потомъ убѣжать съ нимъ, оставивъ въ утѣшеніе покинутому супругу трехлѣтняго ребенка. Вторая жена Старого, его прежняя кухарка,—была толстая, вѣрная и сварливая женщина.

Прежде, чѣмъ Старый успѣлъ отвѣтить, другой собесѣдникъ, Джо Диникъ выступилъ съ рѣшительностью впередъ, и сказалъ,

что „домъ принадлежит Старому“ и что онъ, Джо, (при этомъ Джо призывалъ въ свидѣтели небо) въ подобныхъ обстоятельствахъ, пригласилъ-бы кого хотѣлъ, если-бы даже это могло повредить спасенію души его. Всѣ силы ада, присовокупилъ онъ:—стали бы тщетно бороться съ нимъ. И все это было произнесено съ тонкостію и силою выраженія, которыя въ этомъ необходимомъ переводѣ совсѣмъ утратились.

— Правда, правда. Разумѣется такъ,—говорилъ Старый, хмури брови по примѣру оратора.—Это мой домъ. Я самъ его выстроилъ, собственными руками. Не бойтесь ее, братцы. Сначала она побрюзжитъ—какъ и всѣ бабы,—а потомъ уступитъ. Внутренно, старый рассчитывалъ, для поддержки своего мужества, на возбуждающее дѣйствіе виски и на силу примѣра.

Дикъ Боллиндъ, Симпсонсъ-Барскій оракулъ и вожакъ, ничего еще не говорилъ до сихъ поръ. Наконецъ онъ выпустилъ изо рта свою трубку, и спросилъ: Ну что твой Джонни, Старый? каково ему? Въ послѣдній разъ, какъ я его встрѣтилъ, видъ у него былъ не совсѣмъ здоровый. Онъ бросалъ на берегу камешками въ китайцевъ; но кажется это не очень его забавляло. Сколько этихъ китайцевъ вчера потонуло, переправляясь черезъ рѣку! Смотри на нихъ, я вспомнилъ о Джонни: эхъ! жаль, думаю, всѣ они ускользнули отъ него! Можетъ быть, онъ боленъ, такъ мы не пойдѣмъ лучше? Что его тревожитъ.

Отецъ, видимо тронутый, не только этимъ патетическимъ изображеніемъ потерь, повесенныхъ Джонни, по случаю гибели китайцевъ, но и внимательностію къ нему оратора, — принялся увѣрять, что Джонни чувствуетъ себя теперь гораздо лучше, и что веселая компанія, по крайней мѣрѣ, развлечетъ его. Тогда Дикъ всталъ, и отряхнувшись сказалъ: „Я готовъ. Веди насъ, Старый“.

И схвативъ въ печкѣ горящую головню, онъ высочилъ на улицу съ характеристическимъ крикомъ; вся компанія послѣдовала его примѣру, и прежде, чѣмъ удивленный хозяинъ лавки могъ дать себѣ отчетъ въ намѣреніяхъ своихъ гостей, комната опустѣла.

Ночь была совсѣмъ темная, и при первомъ порывѣ вѣтра, импровизированные факелы ихъ потухли; и только красные угли, танцующія въ темнотѣ, подобно блудящимъ огнямъ, указывали дорогу. Вскорѣ толпа очутилась передъ низенькой и широкой кибиткой, покрытой древесной корой и походившей на вырытую въ горѣ нору. Это было жилище Старого, служившее въ то же время и входомъ въ туннель, гдѣ онъ работалъ, если только ра-

боталь когда нибудь. Всѣ остановились на минуту, поджидая отставшаго ховяина.

— Я думаю, братцы, сказалъ онъ, напускамъ на себя равнодушіе, отъ котораго былъ въ сущности очень далекъ:—что мнѣ бы лучше сначала сходить да взглянуть все ли тамъ въ порядкѣ; а вы немножко подождите меня.

Предложеніе Стараго было принято. Дверь затворилась за нимъ, и гости, прислонясь спиной къ стѣнѣ, стали ждать и прислушиваться.

Нѣсколько минутъ слышалось только, какъ стекала съ крыши вода, да шумѣли вѣтви деревъ, боровшіяся съ вѣтромъ. Наконецъ, людьми овладѣло безпокойство и они принялись обмѣниваться разными догадками и опасеніями.

— „Должно быть, она сразу проломила ему башку“.— „Не заперла ли она его въ туннель?“ — „Подобрала его подъ себя и сидитъ на немъ!“ — „А можетъ, что нибудь варить, чтобы вылить намъ на голову!“ — „Прочь отъ дверей, ребята!“

Въ это самое мгновение щелкнула внутренняя задвижка, дверь тихо отворилась и чей-то голосъ произнесъ: „Войдите... Чтѣ мовнете на дождѣ“.

Это не былъ голосъ ни Стараго, ни его жены. Это былъ голосъ маленькаго мальчика; слабый дискантъ, разбитый той неестественной хрипотой, которую можетъ вызвать только привычка къ бродяжничеству и преждевременная независимость. Черты дѣтскаго личика, обращеннаго къ ожидавшей толпѣ, могли бы быть красивы и даже тонки, еслибы ихъ не портили грязь, слѣды плохаго житья, и отпечатокъ ранняго знакомства со зломъ. На плечи ребенка накинута было шерстяное одѣяло. Онъ, очевидно, только что всталъ съ постели.

— Войдите, повторилъ онъ:—только безъ шума. Старый тамъ, говорить съ матерью.

Онъ указалъ приѣтомъ на кухню, откуда доносился робкій, просившій извиненія, голосъ Стараго.

— Пусти! жалобно произнесъ мальчикъ, обращаясь къ Диеу, который взялъ его на руки и сдѣлалъ видъ, какъ будто собирается бросить его съ одѣяломъ въ огонь.—Пусти же, говорятъ тебѣ, провлятый, старый дуракъ!

Послѣ этого любезнаго приглашенія, Диеъ поставилъ Джонни на полъ, съ полусдержаннымъ смѣхомъ, между тѣмъ, какъ люди безъ шума входили и садились за грубо сколоченный столъ, стоявшій посреди комнаты. Джонни съ достоинствомъ подошелъ къ шкапу и досталъ оттуда разныя вещи, которыя разставилъ на столѣ.

— Вотъ виски; и сухари; и рыба; и сыръ; (отъ послѣдняго онъ, по дорогѣ къ столу, откусилъ кусочекъ) и сахаръ (онъ опустилъ свою маленькую грязную руку въ сахарницу и набилъ себѣ сахаромъ ротъ), и табакъ. Тамъ есть еще печеные яблоки. Я ихъ не ѣмъ, отъ нихъ животъ пучить. Ну! заключилъ онъ:— теперь входите всѣ. Ничего не бойтесь. Мнѣ до старухи нѣтъ дѣла. Она мнѣ не мать. Входите!

И онъ направился къ тѣсному, походившему на шкапъ, чуланчику, въ темной глубинѣ котораго стояла маленькая кровать. Дойдя до порога, онъ обернулся и постоялъ съ минуту, смотря на компанію. Босня ноги выглядывали у него изъ-подъ одѣяла. Потомъ онъ кивнулъ гостямъ головой.

— Что это? сказала Дикъ. — Ужъ ты не опять ли въ свое гнѣздо, Джонни?

— Да, отвѣтилъ рѣшительно Джонни.

— Что съ тобой, старичина?

— Болеешь.

— Чѣмъ болеешь?

— Лихорадка. И овнобилъ ноги. И ревматизмъ, отвѣчалъ Джонни, и потомъ исчезъ. Минуту спустя, онъ добавилъ, въ потьмахъ и очевидно ужъ лежа подъ своимъ одѣяломъ:— И тошнота.

Наступило молчаніе. Люди смотрѣли другъ на друга и на огонь. Несмотря на угощеніе, которое имъ выставили, казалось, что они впали въ прежнюю анатію, овладѣвшую ими въ Томсоновой лавкѣ. Какъ вдругъ изъ кухни донеслись до нихъ слова Старого. Онъ говорилъ все тѣмъ же умоляющимъ тономъ, но, забывъ осторожность, нѣсколько возвысилъ голосъ.

— Это такъ, это правда, жена. Шайка пьяныхъ лѣнтяевъ. Мерзавцы и больше ничего. А этотъ Дикъ Боллинъ хуже ихъ всѣхъ. Навязались идти со мной, когда у насъ въ домѣ больные и ѣсть нечего. Я говорилъ этому Дикъ: съума ты что ли сошолъ; или пьянъ? ишь что выдумалъ! И Стэплъса тоже усовѣщевалъ. Или, говорю, ты не человѣкъ, Стэплъс? Нагрятуть ко мнѣ цѣлой ватагой, когда у меня полонъ домъ больныхъ! Куда! не хотять и слушать! Идемъ, да я только. Чего же, впрочемъ, и ждатель-то отъ такой сволочи, какая у насъ въ Симпсонсъ-Баръ!

Громкій взрывъ хохота со стороны гостей послѣдовалъ за этой несчастной тирадой. Услышали ли его на кухнѣ, или сердитая „подруга жизни“ хозяйна истощила весь запасъ своего негодованія, но только дверь захлопнулась съ невѣроятнымъ шу-

момъ. Минуту спустя, показался Старый; онъ, очевидно, не зналъ о причинѣ смѣха, и кротко улыбался.

— Моя старуха вспомнила, что ей нужно сходить на минутку къ мистриссъ Мазъ-Федденъ, сказала онъ развязно, подсаживаясь къ столу.

Странное дѣло, но это неожиданное обстоятельство разогнало тоску, которая начала было овладѣвать гостями, и обычная веселость возвратилась къ нимъ. Я не стану описывать этого вечера. Любопытный читатель, надѣюсь, удовольствуется, если я скажу, что разговоры ни въ чемъ не уступали тѣмъ, которые обыкновенно слышатся въ мужскомъ обществѣ, въ странахъ болѣе цивилизованныхъ. Та же логика, та же плавность рѣчи и точность выраженія, тотъ же тактъ, та же сдержанность. Стакановъ не били, потому что ихъ не было; водки не проливали напрасно на столъ и на полъ, потому что водка была теперь рѣдкій товаръ.

Около полночи пиръ былъ прерванъ. „Тссъ! Тише!“ сказалъ Дикъ Боллингъ, поднявши палець.

Послышался жалобный голосъ Джонни: Папа!

Старый быстро вскочилъ и побѣжалъ къ сыну. Вскорѣ онъ возвратился.

— Опять ревматизмы. Надо бы его натереть.

Онъ взялъ фляжку съ виски и встряхнулъ ее. Она была пустая. Дикъ подалъ ему съ смущеннымъ видомъ свой цинковый стаканъ; другіе послѣдовали его примѣру, и Старый, заглянувъ во всѣ стаканы, сказалъ успокоенный:

— Кажется хватить; немного нужно. Я сейчасъ возвращусь.

Взявъ старую фланелевую рубанку и водки, онъ пошелъ къ Джонни. Дверь оставалась на половину отворенной и гости могли слышать слѣдующій діалогъ:

— Гдѣ у тебя болитъ, сынишка?

— Вездѣ. То здѣсь заломить, то тамъ... А вотъ въ этомъ мѣстѣ всего больше. Три сильнѣе, папа!

Послѣдовало молчаніе, свидѣтельствовавшее, что старый дѣйствуетъ энергически.

— Вамъ весело тамъ, папа?

— Да, сынишка.

— Завтра Рождество? Такъ вѣдь?

— Да. Ну, чтò, теперь легче?

— Легче. Потри еще вотъ здѣсь, пониже. Чтò такое Рождество, папа? Отчего это праздникъ?

— Такой день.

Повидимому, это опредѣленіе удовлетворило Джонни, потому что затѣмъ наступила минута молчаливаго тренія.

— Мать говорить, папа, что вездѣ въ другихъ жѣстахъ люди дѣлають другъ другу подарки на Рождество. Она сказывала еще, что будто какой-то человекъ, котораго зовутъ Санта-Клаусъ¹ спускается ночью наканунѣ Рождества въ печную трубу и приноситъ разныя вещи дѣтямъ... такимъ мальчикамъ, какъ я. Онъ будто бы владеть эти вещи имъ въ сапоги. Вотъ въ чемъ она хотѣла меня увѣрить. Ты не здѣсь трешь, папа! Куда ты заѣхалъ. Вѣдь это она нарочно говорила, папа, чтобъ разсердить насъ съ тобой? Да? Не тутъ... дальше. Ахъ, папа!

Посреди глубокой тишины, внезапно сошедшей на домъ, слышно было, какъ шуршали вѣтви деревьевъ и капли падали съ крыши. И голосеъ Джонни также становился тише...

— Потри еще, папа, сказалъ онъ:—теперь боль скоро совсѣмъ пройдетъ... Что дѣлають наши?

Старый заглянулъ въ дверь. Гости его сидѣли все въ томъ же положеніи, но на столѣ лежало нѣсколько монетъ и кожаный кошелекъ довольно тощій.

— Должно быть объ закладъ бьются, или играютъ во что-нибудь... Все благополучно, отвѣтилъ Старый и опять принялся тереть.

— Я бы тоже хотѣлъ быть тамъ, и выиграть сколько-нибудь деньжонокъ, произнесъ задумчиво Джонни, помолчавъ.

Старый началъ повторять по привычкѣ то, что сдѣлалось у него какой-то заученой формулой, а именно, что вотъ онъ скоро найдетъ золота, и тогда у нихъ будетъ много денегъ... и т. д.

— Да, только ты не найдешь, отвѣчалъ Джонни.—И развѣ не все равно, ты ли найдешь, или я выиграю... Все тоже счастье. А вѣдь это удивительно, что мать рассказываетъ про Рождество? Отчего называютъ этотъ день Рождествомъ?

Старый, можетъ быть, щадя предрасудки людей, которые могли услышать его, а, можетъ быть, и потому, что самъ не вполне увѣренъ былъ въ своихъ познаніяхъ, сталъ говорить такъ тихо, что слова его не доносились до сосѣдней комнаты.

— Да, сказалъ Джонни, любопытство котораго, казалось нѣсколько охладѣло:—я ужъ слыхалъ о немъ... Довольно папа, боль совсѣмъ прошла. Теперь закутай меня плотнѣй въ одѣяло... Вотъ такъ,—хорошо.—Потомъ онъ прибавилъ глухимъ голосомъ, выходящимъ изъ подъ одѣяла: „Посиди около меня, пока я засну“. Не полагаясь на отцовское послушаніе, ребенокъ вы-

¹ Николай Чудотворецъ.

свободилъ одну руку, и крѣпко ухватившись ею за рукавъ отца, закрылъ глаза.

Старый терпѣливо сидѣлъ нѣсколько минутъ; но необычайная тишина, водворившаяся въ домѣ, подстрекнула его любопытство. Онъ пріотворилъ дверь, той рукой, которая оставалась у него свободной и заглянулъ въ комнату. Къ его великому удивленію она была темна и пуста. Но вдругъ, на очагѣ вспыхнула головешка, и пламя ея освѣтило фигуру Дика, сидѣвшаго передъ очагомъ. Старый окликнулъ его. Дикъ вздрогнулъ; потомъ всталъ и несовсѣмъ твердыми шагами подошелъ къ нему.

— Гдѣ-жъ другіе? спросилъ хозяинъ.

— Пошли прогуляться... Я ихъ ожидаю, отвѣчалъ Дикъ. Чтò ты на меня уставился, старый? прибавилъ онъ, съ искусственнымъ смѣхомъ. — Не думаешь-ли ты, что я пьянъ?

Старому извинительно было-бы это подумать, потому что глаза Дика были влажны, и лицо его горѣло; онъ медленно воротился къ очагу, встряхнулся, застегнулъ свой кафтанъ, и засмѣялся.

— Ты мало далъ водки для этого, сказалъ онъ. — Не вставай, прибавилъ онъ, когда тотъ сдѣлалъ было движеніе, чтобы освободиться отъ руки Джонни. — Не церемонься, сиди, гдѣ сидишь. Я уйду. За мной иду. Прощай!

Дѣйствительно постучали въ дверь. Дикъ Боллингъ быстро отворилъ её и вышелъ. Старому хотѣлось пойдти за нимъ, но рука Джонни его удерживала. Онъ могъ-бы легко разжать эту руку — такую маленькую, худую, слабую. Но можетъ быть поэтому-то именно онъ и не сопротивлялся ей; и, придвинувъ свой стулъ къ кровати, положилъ голову на подушку. Вскорѣ комната запрыгала у него въ глазахъ, — и онъ заснулъ.

Между тѣмъ, Дикъ Боллингъ, затворивъ за собой дверь, присоединился къ товарищамъ.

— Готовъ-ли ты? спросилъ Стэплъсъ.

— Готовъ. Который часъ?

— За полночь, былъ отвѣтъ. — Удастся-ли тебѣ это сдѣлать. Вѣдь туда и назадъ пятьдесятъ миль будетъ.

— Я думаю, сказалъ Дикъ коротко.

— Гдѣ кобыла?

— Былъ и Джекъ ждутъ съ ней на перекресткѣ.

— Пускай подождутъ еще минуту, сказалъ Дикъ.

Онъ повернулся и опять вошелъ тихо въ домъ. При свѣтѣ догоравшей свѣчи, и почти совсѣмъ погасшаго на очагѣ огня, онъ увидѣлъ, что дверь въ маленькую комнатку была отворена. Онъ на цыпочкахъ подошелъ къ кровати. Старый, съ закинутой

назадъ головой, надвинутой на глаза шляпой и вытянутыми ногами, храпѣлъ на своемъ стулѣ. Рядомъ съ нимъ, на маленькой, деревянной кровати Джонни лежалъ совсѣмъ закутанный въ одѣяло, изъ подъ котораго видѣлась только частичка лба, да нѣсколько прядей волосъ, мокрыхъ отъ пота. Диезъ сдѣлалъ еще шагъ, остановился, и посмотрѣлъ черезъ плечо на опустѣвшую комнату. Все было спокойно. Съ внезапной рѣшимостью приподнялъ онъ обѣими руками свои огромные усища, и нагнулся къ ребенку... Но въ это самое мгновеніе, вѣтеръ злобно завылъ въ трубѣ, и раздулъ на очагѣ угли, которые, вспыхнувъ и освѣтивъ комнату, обратили пристыженного Дика въ бѣгство.

Товарищи его ждали его на перекресткѣ. Двое изъ нихъ взились въ темнотѣ около какого-то страннаго, безобразнаго созданія, которое, когда Диезъ приблизился къ нему, приняло форму большой, желтоватой лошади. Кобыла ничѣмъ не напоминала о красотѣ лошадиной породы; совершенно напротивъ, все въ ней, начиная отъ горбатой спины, покрытой теперь мексиканскимъ сѣдломъ, отъ прямыхъ, костлявыхъ, мохнатыхъ ногъ, и кончая полуслѣпыми бѣлыми, но злобными глазами, выдающейся нижней челюстью и необычайной мастью — было безобразіемъ и порокомъ.

— Ну! сказалъ Стѣпльсъ, теперь отойдите дальше, братцы; не то брыкнетъ. А ты, — помни, что я тебѣ говорилъ, — сразу, да крѣпче хватайся за гриву, и мигомъ ногу въ стремя! Вотъ такъ. Готово!

Диезъ быстро вскочилъ на сѣдло. Лошадь при этомъ два или три раза брыкнула, и толпа бросилась въ сторону; потомъ онъ далъ шпоры, Джовита заржала и понеслась, выбивая копытами искры изъ кремнистой дороги; между тѣмъ какъ изъ темноты, слышался голосъ Дика: „Все ладно!“

— Не возвращайся низою, если не будешь очень спѣшить?

— Не затигивай её подъ гору!

— Въ пять часовъ будемъ ждать тебя у брода.

— Добрый путь!

Но Диезъ былъ ужъ далеко.

Воспой мнѣ, о муза, геройскіе подвиги Ричарда Боллина! Воспой мнѣ опасности, которымъ онъ подвергался, побѣды, которыя онъ одерживалъ! — Но увы! гордая муза не хочетъ и знать этого оборваннаго всадника съ его безобразной кобылой; и я долженъ волей-неволей слѣдовать за нимъ въ прозѣ, пѣшкомъ.

Въ часъ онъ только достигъ Рэттельснегъ-Гилля, потому что лошадь не упустила ни малѣйшаго случая оказать сопротивле-

нѣ. Она брыкалась, становилась на дыбы, выравнивала свой римскій носъ въ одну прямую линію съ удилами, вертѣлась, поворачивала назадъ, и нужно было все искусство Дика, чтобы при этомъ усидѣть на сѣдлѣ. На разстояніи одной мили, передъ нимъ, у подошвы длиннаго холма, находился быстрый потокъ; и переправа черезъ него должна была служить мѣриломъ способности всадника къ исполненію задуманнаго имъ предпріятія. Дикъ это зналъ, и потому вдругъ переимѣнилъ тактику и отъ оборонительнаго положенія перешелъ къ наступательному. Спускаясь подъ гору, онъ затянулъ поводья, крѣпко сжалъ колѣнами бока лошади и крикомъ старался показать ей, что хочетъ сдержатъ ее. Этого было довольно для того, чтобы Джовита во весь опоръ понесла его внизъ. Вскорѣ копыта ея шлепали въ грязи залитаго водой берега, и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она, казалось, должна бы попятиться назадъ, она сдѣлала, благодаря тѣй же тактикѣ Дика, быстрый скачокъ, и оба очутились среди ревущаго, стремительнаго потока. Знаменитая переправа эта записана въ симпсонсъ-барскія лѣтописи, и мнѣ остается только прибавить, что послѣ нѣсколькихъ минутъ борьбы и плаванія, всадникъ и его конь достигли, наконецъ, противоположнаго берега.

Дорога отъ Рэтгльснэкъ-Крика къ Красной-Горѣ была довольно плоская. Купанье ли охладило Джовиту, или она убѣдилась, что всадникъ не уступалъ ей въ злости, но она уже не тратила своей энергіи въ бесполезныхъ возняхъ. Разъ только лягнулась она, но это была сила привычки; разъ только бросилась въ сторону, но и то испугавшись какого-то недостроеннаго зданія на перекресткѣ. Иногда она фыркала и покашливала, но быстрота и сила ея не уменьшались. Рывины, углубленія, груды песку, свѣжая луговая трава убѣгали подъ ея копытами. Въ два часа миновала она Красную-Гору и спустилась въ долину; а черезъ десять минутъ догнала и опередила почтовый дилижансъ. Въ половинѣ третьяго Дикъ, съ радостнымъ крикомъ, подпрыгнулъ на сѣдлѣ. Звѣзды блистали межъ облаковъ, и передъ нимъ высились, въ глубинѣ долины, двѣ церковныя колокольни, мачта съ флагомъ и темныя силуэты разбросанныхъ зданій. Онъ прищипорилъ свою Джовиту; она рванулась впередъ, и нѣсколько минутъ спустя они въѣхали въ Тэтльвилъ и остановились передъ крыльцомъ „Международной Гостинницы“.

Поручивъ Джовиту заспанному конюху, котораго она, вѣроятно, для того, чтобы привести въ сознаніе, поспѣшила лягнуть, Дикъ отправился съ трактирнымъ слугою по спящему городу. Огни блистали еще въ танцевальныхъ залахъ и игорныхъ до-

махъ. Не поддаваясь искушенію, Дикъ прямо пошелъ къ запертымъ лавкамъ, хозяева которыхъ легли спать; стучась и крича во все горло, онъ заставилъ купцовъ подняться и показать свой товаръ. Нѣкоторые отвѣчали ему ругательствомъ; но большая часть встрѣчала его благодушно, и приобрѣтеніе завершалось дружескимъ чоканьемъ полныхъ стакановъ. Было три часа, когда Дикъ, неся за плечами гуттаперчевый мѣшечекъ, заключавшій въ себѣ его сокровища, возвратился въ гостиницу. Но тутъ остановила его сама красота, полная обольщеній, роскошно одѣтая, съ вкрадчивой рѣчью, съ испанскимъ акцентомъ. Напрасно, однакожь, приглашала она его на верхъ, въ танцевальную залу; этотъ суровый сынъ Сьерры только усмѣхнулся и бросилъ ей свою послѣднюю золотую монету. Онъ опять вскочилъ на сѣдло и помчался пустынной улицей и еще болѣе пустынной равниной. Вскорѣ огни, темная линія домовъ, колокольни и мачта съ флагомъ—все осталось позади его, все потонуло вдали...

Буря унялась. Прозрачность холоднаго, рѣзкаго воздуха позволяла разглядѣть знаки, обозначавшіе границу. Но какъ ни то роился Дикъ, былъ уже пятый часъ, когда онъ переѣхалъ ее. Чтобы не подыматься на крутизну, онъ рѣшился сдѣлать объѣздъ; на этой дорогѣ бѣдная Джовита вязла въ глубокой грязи. Это было для нея плохимъ приготовленіемъ къ предстоявшему ей пятильному пути по горамъ. Но она, однако же, справилась, и Дикъ, пользуясь находившему на нее по временамъ бѣшенству, заставилъ ее достигъ въ слѣдующіе полчаса длинной равнины, которая вела къ Рэттльснэкъ-Криву. Еще полчаса, и онъ могъ быть у рѣки. Онъ слегка опустил поводья на шею кобылы и началъ пѣть.

Вдругъ Джовита шарахнулась въ сторону. Другаго, менѣе искуснаго сѣдока, скачекъ ея вышибъ бы неминуемо изъ сѣдла. Человѣческая фигура, выскочившая откуда-то, повисла у ней на поводу и въ то же время дорогу загородилъ ей всадникъ.

— Руки къ верху! крикнулъ этотъ послѣдній съ ругательствомъ.

Дикъ почувствовалъ, какъ лошадь его задрожала; ему показалось, что она сейчасъ опустится подъ нимъ. Онъ зналъ, что это значитъ, но былъ приготовленъ.

— Назадъ! Джекъ Симпсонъ. Я тебя знаю, проклятый воръ. Пропусти меня, или...

Онъ не докончилъ. Джовита поднялась на дыбы. Сплывнымъ движеніемъ своей безобразной головы свалила державшаго ее за поводья человѣка и беспощадно стала топтать его; потомъ съ

бѣшенствомъ понеслась на всадника, преграждавшаго ей дорогу. Еще проклатіе, пистолетный выстрѣлъ, и всадникъ, вмѣстѣ съ своей лошадыю, барахтались на землѣ, а Джовита была уже въ ста шагахъ отъ опасности; но правая рука ея сѣдова висѣла, раздробленная пистолетной пулей. Дикъ, не умѣряя своей поспѣшности, взялъ поводъ въ лѣвую руку. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вынужденъ былъ остановиться и подвязать подпругу, пострадавшую во время схватки. Это, при его настоящемъ положеніи, потребовало времени. Онъ не боялся преслѣдованія, но онъ видѣлъ, какъ на востокѣ блѣднѣли звѣзды; и отдаленныя вершины, казавшіяся передъ тѣмъ бѣлыми призраками, стали темнѣть и выдѣляться на свѣтлѣющемъ небѣ. Занимался день... Весь отданный одной мысли, Дикъ забылъ свою боль, и, поправивъ сѣдло, пустился къ Рэттльснэкъ-Крику. Но Джовита выбилась изъ силъ... она задыхалась. Дикъ тоже ослабѣвалъ, а небо все становилось свѣтлѣе и свѣтлѣе...

Мужайся, Дикъ! Лети, Джовита! О! день, помедли!

Вотъ уже нѣсколько минутъ, какъ онъ чувствовалъ гулъ въ ушахъ. Было ли это отъ потери крови или отъ чего другаго? Въ глазахъ у него темнѣло, голова кружилась. Онъ не узнавалъ мѣстности. Не сбился ли онъ съ дороги? Рэттльснэкъ ли это? Да, это онъ; но потокъ, который Дикъ переплылъ назадъ тому два часа, вздулся, увеличился почти вдвое и бѣжалъ съ такой быстротой, что переправа черезъ него становилась невозможною. Сердце упало у Дика. Въ первый разъ въ эту ночь онъ терялъ мужество... Волны, гора, восходящее солнце—все смѣшалось въ глазахъ его. Онъ зажмурился, чтобы собраться съ мыслями. И въ этотъ короткій промежутокъ времени передъ нимъ промелькнули: маленькая комната отецъ и сынъ, спящіе рядомъ... Онъ быстро открылъ глаза, сбросилъ съ себя платье, пистолеть, сапоги, швырнулъ сѣдло, привязалъ себя плотно къ плечамъ свой драгоцѣнный мѣшокъ, стиснулъ голыми колѣнями бока Джовиты и съ дикимъ крикомъ бросился въ желтыя волны... Другой крикъ раздался на противоположномъ берегу, когда двѣ головы, человѣческая и лошадиная, показались надъ волнами, посреди уносимыхъ ими разныхъ обломковъ и вырванныхъ съ корнемъ деревь.

Когда Старый проснулся, огонь на очагѣ совсѣмъ потухъ и свѣчка въ первой комнатѣ чуть-чуть мигала. Кто-то постучалъ въ дверь. Онъ отворилъ ее, и въ ужасѣ отступилъ передъ окровавленнымъ, полунагимъ человѣкомъ, прислонившимся къ стѣнѣ и съ котораго струилась вода.

— Дикъ!

— Цссъ! Проснулся?

— Нѣтъ еще; но что съ тобой, Дикъ?..

— Молчи, старый дуракъ! Дай хоть каплю виски; да живѣй...

Старый пошелъ, и вернулся съ пустой фляжкой! Дикъ хотѣлось выругаться, но силы ему измѣнили. Едва стоя на ногахъ, и ухватившись за ручку двери, онъ кивнулъ Старому головой. Вотъ здѣсь, въ мѣшкѣ, есть кое-что для Джонни. Сними съ меня; я самъ не могу...

Старый снялъ и положилъ мѣшокъ передъ обезсиленнымъ человѣкомъ.

— Живѣй развяжи его, сказалъ Дикъ.

Старый началъ развязывать дрожащими пальцами. Мѣшокъ заключалъ въ себѣ нѣсколько плохихъ, дешевыхъ игрушекъ грубой работы, но ярко раскрашенныхъ и съ блестящей фольгой. Одна была сломана, другая сильно попорчена водой, а на третьей, увы! было кровавое пятно.

— Не больно красиво смотреть, проговорилъ огорченный Дикъ:— надо правду сказать... Но какъ быть! Мы сдѣлали что могли... Возьми ихъ, положи ему въ сапожки, и когда онъ проснется... поддержи меня, Старый, я падаю... когда онъ проснется, скажи ему.— Дикъ слабо усмѣхнулся, — что приходитъ Санта-Клаусъ.

Санта-Клаусъ, дѣйствительно, приходилъ въ Симпсонсъ-Баръ, и полунагой, въ рубищѣ, забрызганный грязью и кровью, съ раздробленной, висѣвшей рукой, упалъ безъ чувствъ на порогъ перваго дома... А въ это время рождественское утро тихо вставало надъ землей, съ невыразимой любовью озаряя теплымъ, розовымъ свѣтомъ, далекія вершины горъ. Оно такъ нѣжно смотрѣло на Симпсонсъ-Баръ, что вся гора, до самыхъ небесъ, зардѣлась, какъ будто ее застали на добромъ дѣлѣ...

VIII.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ МИСТЕРА ТОМПСОНА.

Всѣ мы знали, что мистеръ Томпсонъ отыскиваетъ своего сына, и что сынъ этотъ вовсе не стоитъ того, чтобы его отыскивать. Ни для кого изъ спутниковъ мистера Томпсона не было тайной, что онъ исключительно съ этой цѣлью прибылъ въ Калифорнію. Болтливость старика познакомила насъ со всѣми физическими особенностями и нравственными недостатками исчезнувшаго блуднаго сына.

— Вы говорили объ одномъ молодомъ человѣкѣ, котораго по-

вѣсили въ станѣ „Красной Собаки“, за воровство, при промывкѣ золота, спрашивалъ мистеръ Томпсонъ когонибудь изъ пассажировъ на пароходѣ.—Вы не припомните какого цвѣта были его глаза?

— Черные, отвѣчалъ пассажиръ.

— А! восклицалъ мистеръ Томпсонъ, и какъ бы разговаривая съ самимъ собой, добавлялъ:— „у Чарльза глаза голубые“.

Потомъ онъ уходилъ. Эти безпрестанные допросы сдѣлались для пассажировъ предметомъ сатиры. Населеніе восточныхъ штатовъ, вообще, склонно относится съ юмористической точки зрѣнія ко всякому принципу или чувству, которые слишкомъ часто о себѣ напоминаютъ. Надъ мистеромъ Томпсономъ стали подсмѣиваться. По рукамъ ходило обращеніе его къ тюремщикамъ и надсмотрщикамъ, съ описаніемъ примѣтъ исчезнувшаго Чарльза. Каждый припоминалъ, что онъ видѣлъ Чарльза въ какихънибудь неприятныхъ обстоятельствахъ. Но справедливость требуетъ, однакоже, сказать, что послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстно, что мистеръ Томпсонъ, привезъ съ собою для осуществленія своего химерическаго проекта, значительную сумму денегъ, сатирическія выходы стали приноситься въ полголоса, и то, что могло опечалить отцовское сердце, или повредить денежнымъ интересамъ сатириковъ, не терявшихъ надежды впоследствии появиться, уже не достигало до слуха мистера Томпсона. И даже комическое предложеніе нѣбого мистера Брэнс Тиббетса основать компанію на акціяхъ для отысканія потеряннаго предмета пользовалось нѣсколько дней серъезнымъ успѣхомъ.

Натура мистера Томпсона не могла показаться при поверхностномъ съ нимъ знакомствѣ особенно симпатичною; его исторія, которую онъ самъ рассказывалъ намъ однажды за ужиномъ, заставляла думать, что это былъ человѣкъ крайне практическій и положительный, даже во всѣхъ своихъ странностяхъ. Сухой и упрямый въ дни юности, онъ оставался такимъ же и въ среднемъ возрастѣ; когда умерла жена его и бѣжалъ его сынъ, онъ ударился въ набожность. „Это началось у меня въ Нью-Орлеанѣ въ 1859 году“, говорилъ намъ мистеръ Томпсонъ, какъ будто рѣчь шла о какойнибудь лихорадкѣ. „Позвольте мнѣ еще цвѣтной капусты“. „Ходите пожалуйста въ маленькую дверь“.

Можетъ быть, это практическое хладнокровіе и поддерживало мистера Томпсона въ его безнадежныхъ, повидимому, поискахъ. Онъ не зналъ гдѣ находится его сынъ, и живъ ли онъ даже; по смутнымъ воспоминаніямъ о 12-ти-лѣтнемъ мальчикѣ, онъ думалъ узнать двадцатипяти-лѣтняго человѣка.

Вскорѣ разнесся слухъ, что это ему удалось. Какъ онъ до-

стигъ этого, онъ не говорилъ ни кому. Два различныхъ разсказа ходили объ этомъ событіи. Въ одномъ повѣствовалось, что будто мистеръ Томпсонъ, придя въ больницу, узналъ тамъ своего сына, по одной пѣсенкѣ, которую напѣвалъ больной, бредившій о дняхъ своего дѣтства. Этотъ разсказъ давалъ просторъ благороднѣйшимъ чувствамъ, и потому сдѣлался весьма популяренъ. Передаваемый устами достопочтеннаго мистера Гѣшингтона, который вывезъ его изъ Калифорніи, онъ всегда удовлетворялъ слушателя. Но мы болѣе расположены вѣрить второму разсказу. Онъ не столь простъ и потому долженъ быть изложенъ съ нѣкоторой обстоятельностью.

Мистеръ Томпсонъ пересталъ было уже искать своего сына между живыми, и предавался изслѣдованію кладбищъ, вопрошалъ холодныя: „здѣсь лежитъ“. Въ это время онъ часто посѣщалъ „Уединенную Гору“, крайне унылую бѣлесоватую возвышенность, еще болѣе поблѣвшую отъ мраморныхъ плитъ, посредствомъ которыхъ Санъ-Франциско старается удержать своихъ усопшихъ гражданъ, подъ летучимъ, не желающимъ прикрывать ихъ, пескомъ, и защитить отъ постоянныхъ и страшныхъ вѣтровъ, грозящихъ развѣять ихъ прахъ. Эти бури встрѣчали не менѣ энергическое сопротивленіе въ сильной волѣ старика, съ сѣдой бородой и суровымъ лицомъ, который, нахлобучивъ на глаза свою высокую, обитую крепомъ шляпу, цѣлые дни проводилъ, читая самому себѣ вслухъ могильныя надписи. Тексты изъ священнаго писанія нравились ему, и онъ любилъ подкрѣплять ихъ съ помощью карманной библии.

— Это изъ псалмовъ, сказалъ онъ однажды работавшему передъ нимъ могильщику.

Тотъ не отвѣчалъ.

Ни мало не смутясь, мистеръ Томпсонъ прыгнулъ въ открытую могилу и предложилъ ему въ упоръ практический вопросъ: Не наталкивались ли вы, въ вашей профессіи, на нѣкоего Чарльза Томпсона?

— У чертей вашъ Томпсонъ! внятно отчеканилъ могильщикъ.

— Это очень можетъ быть, если у него не было религіи, сказалъ старикъ, карабкаясь изъ могилы.

Вѣроятно какой-нибудь разговоръ въ этомъ родѣ задержалъ однажды мистера Томпсона долѣе обыкновеннаго на кладбищѣ. Когда онъ возвращался въ городъ, тамъ ужъ мелькали огни, сквозь туманъ. Сильный, порывистый вѣтеръ, вслѣдствіе тумана становившійся видимымъ, гналъ старика впередъ, а на углахъ пустынныхъ улицъ предмѣстья, осаждалъ его со всѣхъ сторонъ, и чуть не сшибалъ съ ногъ. Но на одномъ изъ такихъ угловъ

уже не вѣтеръ, а что-то другое, столь же неопредѣленное по формѣ, и не менѣе враждебное, накинулось на мистера Томпсона, приставивъ заряженный пистолетъ къ груди его, и требуя у него кошелька. Однакожь, энергія и желѣзный кулакъ старика взяли верхъ. Сначала и нападавшій, и защищавшійся, оба повалились на землю. Но минутою спустя, мистеръ Томпсонъ вскочилъ уже на ноги; одна рука его держала противника за воротъ; въ другой находился отнятый пистолетъ.

— Ваше имя, молодой чевовѣкъ? спросилъ мистеръ Томпсонъ, стиснувъ свои тонкія губы.

— Томпсонъ.

Рука старика скользнула отъ горла плѣнника къ его рукѣ, и также крѣпко стиснула ее.

— Чарльзъ Томпсонъ! идите за мной, сказалъ онъ потомъ, и повелъ своего плѣнника въ Отель. Что происходило тамъ между ними осталось неизвѣстнымъ; но на другой день всѣ знали, что мистеръ Томпсонъ нашелъ своего сына.

Нужно прибавить къ этой исторіи, что ни въ наружности, ни въ манерахъ молодаго человѣка не заключалось ничего, что бы могло подтвердить ея справедливость. Онъ былъ серьезенъ, сдержанъ, замѣчательно красивъ и совершенно покоренъ отцу, котораго онъ нашелъ. Онъ принималъ всѣ выгоды своего новаго положенія и всю отвѣтственность за него, съ тѣмъ спокойствіемъ и съ той серьезностью, которыя были такъ рѣдки въ обществѣ Санъ-Франциско. Иные видѣли въ этихъ свойствахъ задатки будущаго „псалмопѣвца“; другіе же, напротивъ, полагали, что, унаслѣдовавъ ихъ отъ отца, сынъ обѣщаетъ сдѣлаться въ послѣдствіи такимъ же практическимъ человѣкомъ, какимъ былъ мистеръ Томпсонъ. И всѣ были убѣждены, что въ нихъ нѣтъ ничего несовмѣстимаго съ способностью наживать деньги, за которую и отецъ, и сынъ пользовались всеобщимъ уваженіемъ.

Но старикъ, казалось, не былъ счастливъ. Можетъ быть, осуществленіе его желаній лишало его практической дѣятельности, отнимало у его жизни цѣль; а можетъ быть — и это всего вѣроятнѣе — онъ просто чувствовалъ слишкомъ мало любви къ отыскавшемуся сыну. Обращеніе грѣшника на путь истинный было полное; послушаніе отцу онъ оказывалъ безусловное; все это не удовлетворяло мистера Томпсона. Отыскавъ блуднаго сына, онъ исполнилъ долгъ, требуемый религіей; но ему казалось, что дѣло это не было еще настоящимъ образомъ освящено. Перечитывая притчу о блудномъ сынѣ, руководившую до сихъ поръ его дѣйствіями, онъ вдругъ вспомнилъ, что до сихъ поръ еще не отпраздновалъ примиренія. Ему казалось, что це-

ремонія праздника должна окончательно закрѣпить связь между нмъ и сыномъ; онъ видѣлъ въ ней какое-то священнодѣйствіе. И вотъ, черезъ годъ послѣ возвращенія Чарльза, мистеръ Томпсонъ рѣшился задать пирь.

— Пригласи всѣхъ, Чарльзъ, сказалъ онъ сухо:— всѣхъ, кто знаетъ, что я извлекъ тебя изъ грѣховной бездны, изъ общества свиней и потерянныхъ женщинъ. Пускай они пьютъ, ѣдятъ и ливуютъ съ нами.

У старика было еще другое побужденіе, въ которомъ онъ самъ не сознавался себѣ. Его прекрасный домъ, на песочныхъ холмахъ, казался ему пустымъ и одинокимъ. Онъ часто пытался, по строгимъ чертамъ Чарльза, воссоздать въ своемъ воображеніи образъ ребенка, котораго едва помнилъ, но о которомъ въ послѣднее время много думалъ. Онъ говорилъ, что это признакъ старчества, впадающаго въ дѣтство. Но однажды, встрѣтивъ въ своемъ огромномъ залѣ маленькаго мальчика, сына одного изъ своихъ слугителей, онъ непремѣнно взялъ бы его на руки, еслибы тотъ съ испугомъ не убѣжалъ отъ него. Онъ надѣялся, что между приглашенными на праздникъ ему удастся выбрать для своего сына жену. И тогда опять родится ребенокъ, котораго онъ будетъ воспитывать и любить, какъ не любилъ Чарльза.

Всѣ мы были на праздникѣ. Смитсы, Джонсы, Броуны и Робинсоны тоже пріѣхали и находились въ томъ веселомъ, возбужденномъ состояніи духа, которое не стѣсняется никакимъ уваженіемъ къ хозяину и которое до такой степени очаровываетъ большую часть изъ насъ. Еслибы не социальное положеніе гостей, то бесѣда, пожалуй, перешла бы въ оргію. И дѣйствительно, мистеръ Бреси Тиббетсъ, отъ природы уже наклонный къ юмору и еще болѣе возбужденный хорошенькими глазами дѣвицы Джонсъ, держалъ себя такъ странно, что мистеръ Чарльзъ Томпсонъ наконецъ подошелъ къ нему и спокойно сказалъ:

— Вы, кажется, несовсѣмъ здоровы, мистеръ Тиббетсъ; позволте мнѣ проводить васъ до вашей кареты. Если ты выразишь хоть слово, собака, я тебя выкину въ окошко. Пожалуйста лучше сюда... Комната чрезвычайно тѣсна и вамъ можетъ сдѣлаться дурно...

Нечего и прибавлять, что гости слышали только часть сказаннаго; объ остальномъ же мистеръ Тиббетсъ никогда не упоминалъ и впоследствии весьма сожалѣлъ, что „внезапная болѣзнь“ лишила его забавнаго зрѣлища, которое самая бойкая и шаловливая изъ дѣвицъ Джонсъ такъ удачно сравнила съ „бенгальскимъ огнемъ“.

Событіе это случилось за ужиномъ. Ясно было, что мистеръ

Томпсонъ закрылъ глаза на всѣ неприличныя выходки молодежи, погруженный въ приготовленія къ предстоящему театральному эффекту. Когда сватерть была снята, онъ всталъ и повелительно ударилъ кулакомъ по столу. Дѣвицы Джонсъ фыркнули, и ихъ сдержанный смѣхъ сдѣлался на этой сторонѣ стола эпидемическимъ. Чарльзъ Томпсонъ взглянулъ на отца съ безпокойствомъ и нѣжностью.

— „Онъ хочетъ благословить насъ“. — „Онъ пропоеть псаломъ“. — „Тссъ! У него готова проповѣдь“, говорили между собой вполголоса гости.

— Нынче минулъ годъ, началъ мистеръ Томпсонъ:—братья и сестры мои во Христѣ, нынче минулъ годъ, какъ возвратился ко мнѣ мой сынъ;—какъ я извлекъ его изъ общества свиней и потерянныхъ женщинъ. (Смѣхъ тотчасъ же прекратился). Посмотрите на него теперь. Чарльзъ Томпсонъ, встань! (Чарльзъ всталъ). Ровно годъ тому назадъ — и посмотрите на него теперь!

Дѣйствительно, этотъ блудный сынъ въ своей бальной одеждѣ былъ очень красивъ; и судя по его глазамъ, покорно и грустно глядѣвшимъ на холодное, чуждое любви лицо отца, очень раскаявался. Миссъ Смитсъ, младшая,—растроганная до глубины своей чистой души,—сдѣлала къ нему невольное движеніе...

— Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, продолжалъ мистеръ Томпсонъ, онъ оставилъ домъ мой, какъ негодный, потерянный сынъ. И самъ я былъ тогда, о друзья мои, человѣкъ грѣха, человѣкъ гнѣва и раздраженія. (Аминь! произнесла миссъ Смитсъ старшая). Но благодарю Создателя! Я побѣдилъ гнѣвъ. И вотъ уже пять лѣтъ, какъ я наслаждаюсь этимъ душевнымъ миромъ,—недоступнымъ никакому человѣческому пониманію. Обладаете ли вы этимъ миромъ братья?

— Нѣтъ! нѣтъ! воскликнули хоромъ молодья дѣвушки; а мичманъ Коксъ изъ Соединенныхъ Штатовъ сказалъ: Научите насъ, какъ достичь его?

— „Толчите и отверзется вамъ“, отвѣчалъ мистеръ Томпсонъ.— Когда я позналъ свои заблужденія и всю цѣну благодати, я прибылъ сюда для того, чтобы раздѣлить это благодѣяніе съ своимъ сыномъ. Я искалъ его на сушѣ и на морѣ, искалъ неустанно. Я не дождался, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ, что я могъ бы сдѣлать, не отступая отъ священнаго писанія;—я самъ нашелъ его, на его навозѣ, среди стада свиней... и окончаніе фразы заглушили уѣзжавшія дамы шуршаніемъ своихъ шелковыхъ платьевъ). Добрыя дѣла, братья! вотъ что нужно! „По дѣламъ ихъ—вы узнаете ихъ“. Мои—передъ вами...

Главное „дѣло“ мистера Томпсона, на которое онъ намекалъ,

вдругъ поблѣднѣло и устремило взглядъ по направленію къ отвореннымъ дверямъ, выходящимъ на террасу. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ—въ этихъ дверяхъ толпилась праздная толпа слугъ, а теперь доносился оттуда какой-то непонятный шумъ. Вскорѣ онъ усилился, и человекъ, очень дурно одѣтый и, повидимому пьяный, не смотря на сопротивленіе лакеевъ, старавшихся задержать его, шатаясь вошелъ въ комнату. Переходъ отъ уличной темноты и тумана, къ ярко-освѣщеннымъ и душнымъ комнатамъ, очевидно, ослѣпилъ и ошеломилъ его. Онъ снялъ свою измятую шляпу и раза два заслонялъ ею глаза, безуспѣшно стараясь въ тоже время опереться на спинку стула. Но вдругъ его блуждающій взглядъ остановился на испуганныхъ чертахъ Чарльза Томпсона. Тогда лицо его приняло выраженіе, какое бываетъ у дѣтей, когда они кого-нибудь узнали; и онъ, съ слабымъ дребезжающимъ смѣхомъ, направился къ блудному сыну,—цѣпляясь за столы, опрокидывая и разбивая стаканы.

— Чарльзъ! пробормоталъ неожиданный гость, буквально повиснувъ у него на шеѣ. Ахъ! ты шелопаи проклятый! Ну что, старина, какъ живешь?

— Т-съ! садись на стулъ... шепталъ Чарльзъ, стараясь высвободиться изъ его объятий.

— Дай-ка посмотрѣть на себя! продолжалъ незнакомецъ, не обращая вниманія на смущеніе Чарльза, и любясь его праздничнымъ видомъ... Какое разбойникъ! вѣдь не дурно одѣтъ? Чарльзъ! Я горжусь тобой.

— Извольте оставить мой домъ! произнесъ мистеръ Томпсонъ, вставая; и въ холодныхъ, сѣрыхъ глазахъ его сверкнулъ гнѣвъ. Какъ ты могъ позволить себѣ, Чарльзъ?... прибавилъ онъ, обращаясь къ сыну.

— Садитесь, почтенный, на свое мѣсто... Чарльзъ! Что это за старикашка? Что ему надо?

— Молчи, несчастный! На, выпей вотъ это. И Чарльзъ налилъ ему дрожащей рукой стаканъ рому. „Выпей и уходи,—до завтра или до какого дня хочешь... но только теперь оставь насъ, уходи скорѣй. Незнакомецъ едва взялся за стаканъ, какъ Мистеръ Томпсонъ, блѣдный отъ бѣшенства, бросился на него. Онъ вполонину несъ его на своихъ сильныхъ рукахъ, вполонину волочилъ посреди испуганныхъ гостей; достигнувъ дверей, растворенныхъ настежь ожидавшими лакеями, онъ ужъ готовъ былъ вытолкнуть его, какъ Чарльзъ Томпсонъ, выйдя вдругъ изъ своего оцѣпенѣнія, воскликнулъ: „Стойте“!

Старикъ остановился. Въ отворенную дверь вривались туманъ и вѣтеръ.

— Что это значитъ? обратился мистеръ Томпсонъ къ Чарльзу, бросая на него злобный взглядъ.

— Ничего; но остановитесь, ради самого Бога! Я умоляю васъ—не дѣлайте этого.

Въ тонѣ и голосѣ молодого человѣка, а можетъ быть и въ прикосновеніи этого бродяги, было что-то такое, что заставило сердце мистера Томпсона сжаться; и темный, неопредѣленный страхъ овладѣлъ имъ. „Кто этотъ человѣкъ? спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

Чарльзъ не отвѣчалъ.

— Отойдите прочь! громовымъ голосомъ крикнулъ мистеръ Томпсонъ, тѣснившимся около него гостямъ. — Чарльзъ! поди сюда. Я приказываю тебѣ... я... я... я прошу тебя, скажи мнѣ, кто этотъ человѣкъ?

Только двое слышали отвѣтъ, тихо прозвучавшій въ устахъ Чарльза:

— Вашъ сынъ!

Когда надъ песчаными холмами занялся день, гости мистера Томпсона разбѣжались. Огни еще слабо горѣли въ опустѣвшемъ залѣ, гдѣ оставались только три человѣка, которые жались другъ къ другу въ углѣ, словно желая согрѣться. Одинъ, мертвецки пьяный, растянулся на диванѣ. У ногъ его сидѣлъ тотъ, кого до сихъ поръ называли Чарльзомъ Томпсономъ; а около нихъ, помѣщався съѣжившійся до половины своего роста мистеръ Томпсонъ; онъ упирался локтями въ колѣна, и прижималъ руки къ ушамъ, какъ будто для того, чтобы не слышать грустнаго, молящаго голоса, который, казалось, наполнялъ комнату.

— Богъ свидѣтель, что тутъ не было преднамѣреннаго обмана. Имя, которымъ я назвался въ ту ночь, первое пришло мнѣ на умъ. Оно принадлежало человѣку, котораго я считалъ умершимъ,—несчастному товарищу моего стыда. И когда вы стали спрашивать меня далѣе, я воспользовался всѣмъ, что когда-то слыхалъ отъ него, для того, чтобы тронуть ваше сердце и чтобы вы меня отпустили, — только для этого, клянусь! Но когда вы сказали мнѣ, кто вы, и я увидѣлъ, что передо мной могла открыться иная жизнь, тогда... тогда... О! сэръ. Если я былъ голоденъ, нагъ, безпріютенъ, когда я хотѣлъ похитить ваше золото, — то я былъ несчастенъ, безпомощенъ, исполненъ отчаянья, когда я хотѣлъ похитить вашу любовь!

Старикъ не двигался. Новостысканный блудный сынъ мирно храпѣлъ на великолѣпномъ диванѣ.

— У меня не было отца, мнѣ некого было отыскивать. Я никогда не зналъ другого очага, кромѣ этого. Я поддался иску-

шенію. Я былъ счастливъ, очень счастливъ. Онъ поднялся съ своего мѣста.— Не думайте, чтобъ я когда нибудь всталъ между вашимъ сыпомъ и его наслѣдствомъ. Нынче же я покину эти мѣста навсегда. Миръ великъ, сэръ; а я, благодаря вамъ, вижу теперь дорогу, по которой нужно идти честному человѣку. Прощайте. Вы не хотите пожать мою руку? Пусть такъ! Прощайте.

Онъ направился къ дверямъ; но дойдя до нихъ, быстро воротился назадъ, схватилъ обѣими руками сѣдую голову старика и два раза поцаловалъ ее.

— Чарльзъ!

Отвѣта не было.

— Чарльзъ!

Старикъ поднялся съ испуганнымъ лицомъ и, шатаясь пошелъ къ дверямъ. Онѣ были отворены. До него доносился лишь гулъ пробуждавшагося большого города; и въ этомъ гулѣ потерялись навсегда шаги блуднаго сына...

А. П.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЕЛЕТРИСТЫ-ФОТОГРАФЫ.

«Николай Негоревъ, благополучный россиянинъ» Кущевского. «Солиды добродѣтели» П. Бобарина. «Огонекъ», «Соль земли» Смирновой.

Искусство падаетъ, вотъ жалоба, которая слышится не у однихъ насъ, но и въ цѣлой Европѣ. И въ ней есть своя доля справедливости. Искусство не создаетъ болѣе произведеній, которыя вѣкъ нашъ могъ бы завѣщать грядущимъ вѣкамъ. Нѣтъ ни Микель Анджело, ни Шекспировъ, ни Дантовъ. Творческая сила истощается и это истощеніе не прикрыть никакимъ усовершенствованіемъ техники; въ музыкѣ идея исчезаетъ за фокусами вокализаціи и инструментовки, которыми хотятъ передать то, что можетъ входить въ область музыки; въ живописи за рабской копировкой мельчайшихъ подробностей, которыми, съ изумительною вѣрностью передается маска человѣческаго лица, а не душа человѣка,—живопись вырождается въ фотографію, творчество въ ремесленную снаровку.

Тоже вырожденіе замѣчается и въ литературѣ. Въ ней созданіе типовъ смѣняется рисовкой портретовъ. Писатели не создаютъ живые образы, которые остались бы памятниками жизни общества, а выводятъ тѣхъ или другихъ лицъ, которыя имъ нужны для интриги романа. И великіе художники прошлаго вѣва брали тоже для своихъ безсмертныхъ созданій образцы изъ жизни. Гёте говорилъ: «Greift nun ins volle Menschenleben», и поступалъ какъ говорилъ. Знакомые, даже близкіе ему люди служили оригиналами для героевъ его романовъ. Но дѣло въ томъ, что великіе художники, черпая изъ глубины жизни, умѣли изъ живыхъ образцовъ извлекать общечеловѣческія черты, изъ рѣзко обозначенной формы одной какой нибудь особи выдѣлывать типъ—представителя цѣлаго вида нравственнаго міра. Созданія ихъ, нося несомнѣнное сходство съ образцами, въ то же время были воплощеніями этого вида, воплощеніями,

полными жизни, правды, красоты, рельефности и силы. И въ наше время писатели, исполняя совѣтъ Гёте, усерднѣйшимъ образомъ «черпають изъ жизни», но это черпанье не даетъ имъ силъ на созданіе, и, вмѣсто образовъ живыхъ людей, они даютъ намъ одни фотографіи. Въ ихъ произведеніяхъ, какъ на фотографической доскѣ отпечатываются мельчайшія подробности лица и фигуры, каждая складка кожи, изгибъ пальца, но они не показываютъ намъ человѣка, какъ показывали намъ произведенія великихъ художниковъ слова, до того живыхъ, до того цѣлостныхъ, что кажется въ нихъ нельзя ни прибавить, ни убавить ни одной черты. Въ этихъ произведеніяхъ, какъ при взглядѣ на портреты великихъ мастеровъ, передъ вами раскрывается вся повѣсть пережитой жизни, становится ясенъ весь внутренній міръ человѣка. Наши беллетристики-фотографы умѣютъ уловить только одинъ моментъ жизни; тотъ, когда человѣкъ позируетъ передъ камеръ-обскуромъ; отсюда вытекаетъ необходимость уловить какъ можно болѣе самыхъ разнообразныхъ моментовъ жизни и романы разрастаются въ многотомные альбомы фотографическихъ карточекъ, гдѣ каждое лицо является въ разныхъ позахъ и группахъ. Эти карточки поражаютъ васъ сходствомъ съ жизнью только въ томъ случаѣ, если вы знали оригиналы ихъ, но въ нихъ нѣтъ ея живыхъ красокъ и, взглянувъ на нихъ, вы забудете ихъ черезъ минуту.

Есть цѣлый рядъ мыслителей, которые изъ факта вырожденія искусства выводятъ другой—безотрадный фактъ вырожденія человечества. Но это невѣріе въ жизнь—признакъ собственнаго безсилія. Гомеры, Шекспіры, Данты, Гёте были одиночными явленіями въ рядахъ нѣсколькихъ вѣковъ, и если въ области литературы не появляется геніевъ, равныхъ имъ по силѣ творчества, то это еще не доказательство, чтобы такіе геніи не могли появиться: это не доказательство вырожденія человечества. Цѣлая плеяда знаменитостей науки по силѣ творчества не уступая Гомеру или Шекспіру. Разница въ томъ, что силы, уходящія на одно, уходятъ на другое. Нужно припомнить еще, что въ наше время каждому генію или просто таланту несравненно труднѣе прославиться. У него столько предшественниковъ, съ которыми онъ долженъ выдержать сравненіе. Если онъ и будетъ равенъ имъ по силѣ, то и въ такомъ случаѣ онъ не произведетъ впечатлѣнія, какое производили они, потому что онъ не будетъ первымъ. Мы многое уже видѣли и насъ труднѣе удивить. Образованіе разлито въ болѣе широкомъ кругѣ, соперничество сильнѣе, труднѣе побѣда. Образованіе, по самому соперничеству своему, стало шире и многостороннѣе и силы человечества, вмѣсто того, чтобы разрастаться въ глубину, разрастаются въ ширину. Эта широта затрудняетъ порывъ непосредственнаго чувства—главнаго источника для созданія искусства, но за то развиваетъ анализъ. Препятствіе, бывшее прежде, порожденное отчасти и

тѣмъ, сравнительно, узкимъ кругомъ, въ которомъ жила мысль. Анализъ, смѣшившій непосредственное чувство, заставилъ искусство принять другой характеръ: яркость освѣщенія, роскошь колорита, горячая поэзія языка юности, смѣлость и безпредѣльность стремленій поры, когда кровь кипитъ горячимъ ключемъ, смѣняется трезвостью тоновъ, простотой и сдержанностью рѣчи, опредѣленностью стремленій. Намъ не удивлительно болѣе «Сонъ въ майскую ночь» Шекспира. Это не признакъ вырожденія и дряхлости, но признакъ развитія. Юность смѣняется возмужалостью.

Жалобы на упадокъ искусства, если и справедливы относительно извѣстныхъ эпохъ и извѣстныхъ странъ, грѣшатъ абсолютнымъ смысломъ, который имъ придаютъ возведеніемъ въ роковой общій законъ—временнаго явленія. Восхищаясь Дантомъ или Шекспиромъ, мы плачемся, что ихъ нѣтъ въ наше время; но при этомъ рѣдко у кого изъ насъ хватаетъ откровенности признаться, что не разъ иныя странницы и того и другого поэта казались намъ утомительны именно яркостью красокъ, цвѣтистостью языка, расточительностью громкихъ эпитетовъ, метафоръ; прелесть поэзіи исчезала въ нашихъ глазахъ за ослѣпительной роскошью азіатскаго богача, которая рѣзала намъ глаза. Мы примирились съ этой стороной—она для насъ колоритъ той эпохи, неотъемлемое свойство писателей того вѣка: они немислимы для насъ безъ этой расточительности языка, образовъ, метафоръ, аллегорій:—но мы только примирились и можемъ примиряться только для нихъ. Еслибы кто изъ современныхъ поэтовъ и писателей заговорилъ такимъ же языкомъ, онъ показался бы намъ неестественнымъ, приторнымъ, надутымъ. Намъ нужно другое искусство, искусство, полное силы, глубины чувства и жизни, искусство этихъ великихъ поэтовъ, но искусство съ сдержанною пластичностью рѣчи, съ сповойной, величавой силой творчества, съ трезвыми красками жизни, искусство не восторженнаго бреда поэзіи юности, безъ ея блестящихъ и призрачныхъ сновъ—искусство возмужалости.

Въ настоящее время мы не можемъ похвалиться такимъ искусствомъ.

Съ этимъ печальнымъ фактомъ, бьющимъ въ глаза въ нашей современной литературѣ, нельзя не согласиться. Наши дни, какъ дни анализа, должны были бы отличаться хоть развитіемъ критики? Но гдѣ же она? Одна сатира, свистя своимъ бичемъ, протестуетъ противъ новальнаго обвиненія нашей литературы въ бездарности. Гдѣ причина этого истощенія силъ, которымъ отмѣчены наши дни? Отвѣтъ найти не легко. Съ одной стороны, появленіе талантовъ, тайна природы и она еще не вырвана у нея. Съ другой—законы развитія таланта не тайна. Мы знаемъ, какія условія благоприятны для него, какія нѣтъ. Пускай таланты появляются полосами, урожайны смѣняются бесплодными, но и болѣе богатый урожай и менѣе

*

бѣдное безплодіе зависятъ отъ условій, при которыхъ всходить жатва. Очень часто ошибочно судятъ объ эпохѣ, отмѣченной талантами, приписывая ей всю заслугу созданія ихъ; тогда какъ эта заслуга принадлежитъ предшествовавшей эпохѣ, подготовившей благопріятныя условія для развитія таланта, а не той, которой онъ придалъ свой блескъ. Искусство черпаетъ содержаніе своихъ произведеній изъ жизни. Чѣмъ тѣснѣе и бѣднѣе жизнь, чѣмъ тяжеле гнетъ, сдавливающей общественныя силы, тѣмъ менѣе содержанія найдетъ искусство для своихъ созданий, тѣмъ бѣднѣе и несовершеннѣе оно. Искусству, какъ и всему живому, нужна для развитія свобода. Силы дробятся, мысль гаснетъ подъ гнетомъ. Каждая отмѣна стѣснительныхъ условій, облегчающая новыя пріобрѣтенія изъ міра умственного и нравственного, каждый шагъ общества впередъ, все, что способствуетъ развитію богатства, разнообразію, совершенствованію жизни—способствуетъ развитію таланта. У насъ Пушкинъ былъ подготовленъ эпохой Александра I. Эпоха застоя искалечила талантъ Гоголя и довела его до исповѣди. А Тургеневъ? возразятъ быть можетъ. Но какъ это ни покажется парадоксомъ, изумительная художественность произведеній Тургенева была отчасти порождена стѣсненіемъ, въ которомъ задыхалась русская мысль. Были цѣлыя стороны жизни, которыхъ художникъ не смѣлъ коснуться. Запретъ, наложенный на нихъ долженъ былъ отозваться пробѣломъ въ создаваемыхъ имъ типахъ. Для того, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, ему необходимо было пуститься въ отдѣлку мельчайшихъ подробностей тѣхъ сторонъ жизни, о которыхъ дозволено было говорить; въ нихъ герой долженъ былъ выказать себя вполне, и выпуклость и отчетливость ихъ должны были дать понятіе и о томъ, чѣмъ былъ бы герой, и о тѣхъ сторонахъ жизни, на которыя наложенъ запретъ. Иностранцы критиковали изумительное совершенство художественной отдѣлки и ставили Тургенева въ число первыхъ художниковъ слова нашего времени, и въ тоже время изумлялись бѣдности содержанія изображаемой имъ жизни. Это изумительное мастерство,—продолжая прежній парадоксъ,—было красотой и недостаткомъ; оно, какъ махровость цвѣтка, истощало растеніе. Махровые цвѣты не всегда даютъ плодъ. Это подтверждаютъ послѣднія произведенія Тургенева, гдѣ, при томъ же изумительномъ мастерствѣ, содержаніе все скуднѣе и скуднѣе. Бригадиръ, Степной Король Лиръ, Вешнія воды смѣнили Рудина и Наканунъ. Отъ мировой скорби, отъ мировыхъ стремленій, авторъ ушелъ въ одинъ тѣсный уголокъ личнаго чувства, и это въ то время, когда жизнь стала шире, когда въ ней проявились новыя стороны: новый судъ, освобожденное отъ брѣвности крестянство, когда и женщина проснулася и запросила другой жизни, когда у насъ начинается складываться и буржуазія, съ ея немногими свѣтлыми и массою темныхъ сторонъ. Ходъ жизни вноситъ новыя отношенія, новыя элементы,

пробуждаетъ другія стремленія, создаетъ другіе идеалы; но они остались нетронутыми Тургеневымъ.

Природа оказалась скупа къ 60 и 70 годамъ и сороковые годы ничего не могли завѣщать имъ. Задавленная мысль, задавленные силы. Смогла горячая рѣчь двухъ критиковъ, рѣдко раздавалась пѣснь лиры и печали, а между тѣмъ писалось сравнительно много. Но это писанье можно сравнить съ жужжаніемъ пчелы въ ненастные дни. Слышится общій гулъ, но ни одинъ звукъ не выдѣляется изъ него, поражая ухо своей силой. Если и проявлялись проблески болѣе крупныхъ талантовъ, то они гибли, сдѣлавъ очень мало. Талантъ не разлученъ съ характеромъ. Чтобы развить его наперекоръ враждебнымъ обстоятельствамъ, чтобы сказать слово, когда все глушитъ его, чтобы не затануть холопскую пѣсню, какъ пѣвали бывало дворовые подъ угрозой розогъ барскихъ—нужна нравственная сила; не много ея было въ обмельчавшемъ поколѣніи, которое создала эпоха отъ 25—55 годовъ. Оно не могло дать задалъ и поколѣнію нашихъ дней. Тогда съ дѣтства систематически забывались силы. Не разсуждай—слушайся; вотъ была метода воспитанія. Нечему и удивляться, если въ 60 и 70 годахъ не выдвинулось ни одного имени, которое можно было бы поставить рядомъ не только съ именемъ Тургенева, Гончарова но и Л. Н. Толстого и Крестовскаго, псевдонима. Люди 60 годовъ росли въ то время, когда сказалось во всей своей силѣ вліяніе тридцатилѣтія 25—55 годовъ на русское общество.

Люди преданій и авторитета и недалеку ушедшіе отъ нихъ идеалисты эстетики приписываютъ эту бѣдность современной литературы духу анализа, смѣнившему непосредственное чувство и вѣрованія, и современному ученію о реализмѣ въ искусствѣ, и служенію искусства жизни. Анализъ убиваетъ чувство; разрушаетъ цѣлостность жизни и обезсиливаетъ порывъ. Свободное искусство захотѣли заставить рабски служить злѣбъ дня, служителей боговъ обжигать печные горшки. За грязной работой они забыли о своемъ служеніи. Человѣка заставляли пресмыкаться по землѣ, заковали его въ міръ грубыхъ фактовъ, отняли у него безпредѣльное, и онъ сталъ жалкимъ, ограниченнымъ существомъ, неспособнымъ видѣть далѣе настоящей минуты и того уголка, въ которомъ онъ пресмыкается. Анализомъ убили въ немъ чувство, съ смертію чувства угасла и фантазія, вымерло творчество.

Въ этихъ жалобахъ нѣтъ правды. Анализъ не убиваетъ чувства, и жалко то чувство, которое онъ убьетъ. Анализъ страшенъ всему живому, всему, въ чемъ нѣтъ силъ для жизни. Разрушая все живое и отживающее, онъ разчищаетъ дорогу будущему, подготавливаетъ новый матеріалъ для созданій искусства. Анализъ создалъ «Рудина», анализъ создалъ и Елену въ «Наканунѣ», заставивъ ее отвернуться отъ русской жизни. Эти жалобы были бы совершенно справед-

ливы, еслибы въ лагерѣ жалобщиковъ появлялись свои Тургеневы, Гончаровы. Но гдѣ они? Мы видимъ цѣлую фалангу молодыхъ писателей, остановившихся на той ступени, которая была высшей ступенью развитія общества въ то время, когда Тургеневъ стоялъ на своемъ апогеѣ. Ключниковъ, Авсѣенко, Чаевъ, Маркевичъ, Стебницкій, Лѣсковъ и Крестовскій не псевдонимъ—всѣ они на разные лады повторяютъ тоже, что говорили Тургеневъ и Гончаровъ, даже не договариваютъ и того, что сказалъ Тургеневъ своимъ «Наканунъ». Въ каждой строчкѣ этой фаланги мы видимъ, какъ она изъ всѣхъ силъ бьется, чтобы подражать приемамъ этихъ художниковъ, воскресить ихъ манеру, «забытыя преданія искусства», изящество языка, художественность отдѣлки, эффектность и красоту. И не смотря на всѣ эти усилія, что за бѣдность красокъ, что за безсиліе, которое напрасно силится прикрыться трескучими фразами, что за ничтога творчества, которая такъ и сквозитъ изъ подъ пестроты дѣйствующихъ лицъ и событій, какой полнѣйшей недостатокъ оригинальности, который не прикрытъ никакимъ оригинальничаньемъ! И это не смотря на то, что писатели эти стоятъ за авторитетъ и преданія, почву, на которой одной, по увѣренію ихъ лагеря, можетъ процвѣтать искусство, это писатели *statu quo*, ополчающіеся противъ всякихъ разрушительныхъ идей; они ратуютъ за чувство противъ анализа, за свободу искусства, въ смыслѣ свободы отъ служенія жизни. Они враги началъ, «убивающихъ искусство».

Отчего же они не создали ничего жизненнаго? Отчего у нихъ, вмѣсто жизни, правды—ходульность, возведеніе пошляковъ въ герои, вмѣсто творческаго ясновидѣнія—несостоятельность мысли, вмѣсто чувства—фразерство напускнаго паэоса, вмѣсто художественной правды—ложь? Оттого, что художественную правду не отдѣлить отъ жизненной. То, надъ чѣмъ жизнь произнесла свой приговоръ—того не оживить въ искусствѣ. Иные изъ этой фаланги, во чтобы то ни стало, хотятъ представить чиновниковъ въ родѣ Русанова изъ Марева или либеральныхъ администраторовъ, или мировыхъ посредниковъ изъ романовъ гг. Авсѣенка и Стебницкаго, атлетами, подъемлющими на плечи міръ русской жизни, да и не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Другіе, вмѣсто чиновничьяго либерализма проповѣдуютъ благодѣтельную опеку старшей брата—крупныхъ землевладѣльцевъ, идеализируютъ Аванасевъ Ивановичей и Пульхерій Ивановнъ, народъ представляютъ простодушнымъ, любящимъ младенцемъ, повторяющимъ всласть: «вы наши отцы, мы наши дѣти», или идиотомъ, готовымъ плевать себѣ въ бороду по приказу барина. Они хотятъ упрямо, чтобы жизнь застѣнѣла на той точкѣ, на которой она стояла въ то время, когда Тургеневъ былъ нашимъ передовымъ писателемъ, а жизнь идетъ своимъ путемъ, оставляя ихъ назади. За ихъ произведеніями нельзя даже признать вѣрность фотографій.

Эти фотографіи и даже болѣе порой даютъ намъ писатели, которые держатся идей, «убивающихъ искусство.» Плакальщики объ гибели искусства въ подтвержденіе словъ своихъ обыкновенно проводятъ параллель между Тургеневымъ, Гончаровымъ и писателями ихъ времени и Рѣшетниковымъ, Успенскимъ и другими писателями того же лагеря. Это несправедливо. Параллель можно проводить только между людьми одного поколѣнія и, поставивъ съ одной стороны не только Помяловскаго, Рѣшетникова, Г. Успенскаго, но даже гг. Куцевскаго, П. Бобарыкина, Гирса, а съ другой гг. Крестовскихъ не псевдонимовъ, Стебницкихъ и К^о, мы увидимъ на чѣй сторонѣ сила таланта, мысли, или просто большая способность вѣрно фотографировать жизнь. Рѣшетниковъ единственная крупная самобытная сила нашей неурожайной полосы—и эта сила появилась не въ лагерѣ плакальщиковъ о гибели искусства. Если Рѣшетниковъ не сдѣлалъ всего того, что мы вправѣ были ожидать отъ него, то вина не его, вина жизни, вина самого общества. Успенскій въ томъ словѣ общества, который люди, такъ называемаго, порядочнаго общества зовутъ подонками его, въ грязномъ оборванномъ мѣщанствѣ, утонувшемъ въ кабакахъ, поглазываетъ намъ вѣчно тоскующую, вѣчно жаждущую правды жизни душу человѣка. Обоихъ нельзя назвать фотографами. Въ ихъ произведеніяхъ видна мѣстами кисть художника. Помяловскій, судя по тому, что онъ оставилъ намъ, обѣщалъ замѣчательнаго художника. Этихъ именъ довольно, чтобы снять съ идей, которымъ они служили, упрекъ въ томъ, что онѣ убиваютъ творчество. Мы видѣли, что самыя сильныя и свѣжіе изъ талантовъ настоящей неурожайной полосы служили этимъ идеямъ. Сила всегда на сторонѣ жизни.

Переходя отъ нихъ къ болѣе мелкимъ силамъ: Н. Куцевскому, П. Бобарыкину, Д. Гирсу, мы видимъ во всѣхъ произведеніяхъ ихъ, удачны-ли они или нѣтъ, большее разнообразіе смысла, обусловливаемое болѣе широкимъ пониманіемъ жизни, большую силу мысли, искренность чувства, и даже тамъ, гдѣ измѣняетъ талантъ, умъ и чутье жизни и будущаго, чего мы не видимъ въ произведеніяхъ подражателей Тургенева и Гончарова. Вотъ почему можно смѣло сказать, что только въ томъ лагерѣ, къ которому принадлежатъ эти фотографы, должно возродиться искусство.

II.

У насъ въ ходу мнѣніе, что критика должна заниматься только произведеніями, отмѣченными талантомъ, которыя служатъ живымъ воплощеніемъ того или другаго явленія общественной жизни, и слѣдовательно фотографіи не должны останавливать вниманіе ея. Это мнѣніе лишаетъ критику самостоятельнаго существованія и ставитъ ее въ зависимость отъ случая.

Поплють неисповѣдимыя судьбы природы художниковъ, которые создадутъ замѣчательное произведение, болѣе или менѣе долговѣчное, и критика находитъ пищу, оживаетъ; нѣтъ такихъ произведеній, и критика замираетъ отъ истощенія. Это очень распространенное мнѣніе можетъ быть приложимо къ одной эстетической критикѣ. Поставивъ цѣлью искусства одну красоту, она ставитъ и критерій этой красоты, и критерій произвольный, потому что понятіе о красотѣ мѣняется съ вѣками. И какъ скоро подходила неурожайная полоса, эстетической критикѣ приходилось умолкнуть; тощая жатва неурожайной полосы овазывалась ниже критерія ея, она цѣнила только виртуозность воспроизведенія какаго бы то ни было явленія жизни; не ея задачей было разъяснить смыслъ этого явленія, указывать на отношеніе его къ степени развитія общественной мысли, на элементы, создавшіе это явленіе, на идеалы, которые писатель долженъ нести обществу.

Задача реальной критики другая. Она анализъ общественной мысли, на сколько эта мысль выражается въ произведеніяхъ литературы. Мысль—вѣчно живой элементъ—проявляется ли она въ произведеніяхъ, которымъ сужденъ болѣе или менѣе долгій вѣкъ, или въ произведеніяхъ минуты, она живетъ, она стремится къ идеалу, она замретъ только съ смертью самаго общества, и пока жива она, для реальной критики есть дѣло. Реальная критика, какъ выраженіе общественной мысли, живетъ самостоятельной жизнью; она абстрактное выраженіе идеала, движущаго общества, какъ художественныя произведенія—конкретное, и пока живы идеалы, для нея есть дѣло.

Это не исключаетъ изъ числа задачъ реальной критики и критику эстетическую, не сводитъ ее исключительно на раздаваніе лавровыхъ вѣнковъ писателямъ, которые служатъ идеалу, движущему общество впередъ, и красивныхъ вѣнковъ писателямъ, не признающимъ этого идеала; она должна и въ произведеніяхъ искусства для искусства указать, на сколько художникъ чутъемъ своимъ умѣлъ уловить то или другое явленіе, порожденное идеаломъ, которому служитъ она, и на сколько въ немъ, помимо воли художника, отразился этотъ идеалъ, отразился безсознательно, потому что имъ руководило одно чутье жизни, а не осмысленное пониманіе законовъ, управляющихъ движеніемъ ея. Но указывая это, она не должна забывать, что идеалъ можетъ воплотиться только въ формѣ, соотвѣтственной ему. Какъ скоро форма слабо дѣйствуетъ на чувства, то и содержаніе ея произведетъ впечатлѣніе неполное, слабое. Но главной задачей ея служеніе общественной мысли, разъясненіе смысла всѣхъ сторонъ ея, а не одной красоты, и потому она не имѣетъ права проходить молчаніемъ и тѣ произведенія, которыя критика, служившая исключительно красотѣ, считала ниже себя; въ этихъ произведеніяхъ болѣе или менѣе сильно или слабо, живо или блѣдно отражаются идеалы, которыми живетъ обще-

ство въ данную минуту, ступень развитія, на которой стоитъ мысль; ниже ея могутъ быть произведенія, которыя обличаютъ или неспособность уловить эту мысль, или неумѣлость выразить ее въ заурядной беллетристической формѣ. Фотографіи ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть ниже критерія реальной критики, онѣ отпечатокъ извѣстнаго момента жизни; пускай вмѣсто яркихъ красокъ жизни у нихъ сѣрые тоны, но и эти тоны передаютъ черты жизни; въ нихъ отражается мысль общества, въ нихъ видны задатки, изъ которыхъ можетъ возродиться искусство и они имѣютъ полное право на вниманіе критики.

III.

Фотографіи появляются исключительно въ одномъ изъ двухъ лагерей, на которые распалась русская жизнь, въ лагерь дѣтей. Главное содержаніе фотографій — споръ, «не новый вѣчный споръ, ужъ взвѣшанный судьбою», — между отцами и дѣтьми. Тотъ же споръ даетъ содержаніе и многимъ лучшимъ произведеніямъ европейской литературы, — у Жоржъ-Занда, у Андре-Лео, у Шпиллгегена. Эта старая борьба прошедшаго съ будущимъ, старой правды, отстаивающей свое мѣсто отъ новой, идущей занять его. Много трагизма въ этой борьбѣ, много напрасныхъ страданій стоитъ она человѣчеству, но такъ хочетъ роковой законъ, ничто не дается человѣку — даромъ. — Эта борьба ведется всюду: на школьной скамьѣ, у семейнаго очага, на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни. Но нигдѣ она не принимала такую ожесточенную, порой возмутительную форму, какъ у насъ, нигдѣ она не порождала такихъ болѣзненныхъ, уродливыхъ и нелѣпныхъ явленій, какъ у насъ, и въ томъ виновата русская жизнь. Нигдѣ безобразіе отживающей жизни не раскрывалось такъ возмутительно; нигдѣ первые всходы зарождавшейся не топтались такъ неумолимо. Дѣти отстаивали свое право на жизнь, свое достоинство человѣка, но они были дѣтьми своихъ отцевъ и на нихъ свазался роковой законъ наслѣдія. Рядомъ съ свѣтлой мыслью, съ честными силами, которыя они нашли въ самихъ себѣ, сказывалась и мутная примѣсь этого наслѣдія. Это усиливало безпощадность борьбы. Такъ было во многихъ и не особенно далекихъ и темныхъ углахъ матушки Руси, гдѣ преобладаютъ азіатская патриархальность и домостроевскіе отцы. Но и тамъ, гдѣ отцы искусились въ европейскіихъ идеяхъ извѣстнаго рода, шла та же борьба въ нѣсколько иной формѣ. Борьба эта велась преимущественно въ теоріи, но это не смягчало безпощадность ея. Оба разряда отцевъ имѣютъ одну общую черту, оба хотятъ удержать дѣтей на той ступени, на которой стоятъ. Первые могутъ быть страшны только матеріальной силой и то въ исключительныхъ случаяхъ. Духъ вѣка прочиталъ имъ отходную. Вторые сильны, сильны тѣмъ, что они вырвали у домо-

строевскаго вѣка. Они гордятся тѣмъ, что порвали съ татарщиной первыхъ, гордятся тѣми усиліями, которыми они вырвали у домостроевскаго вѣка возможность нѣсколько раздвинуть и облагородить міръ, въ которомъ они врачаются.

Въ этомъ лагерѣ отцевъ попадаются и люди вполне искренніе, которые вѣрятъ крѣпко въ святость нѣсколько расширеннаго и облагодраженнаго нравственнаго мірка и хотятъ запретить въ немъ молодое поколѣніе, вѣря, что внѣ его нѣтъ спасенія. Молодымъ силамъ нужна норма жизни шире, полнѣе. Ихъ не оставить на той ступени, на которой стали объевропеившіеся отцы. Много свѣтлыхъ молодыхъ силъ ложится въ этой борьбѣ, много копится ненужнаго озлобленія, много зрѣетъ роковыхъ заблужденій и среди нихъ теряется истина.

Это понятно. Порываясь на верхнюю ступень съ той, на которой насильно держатъ, некогда раздумывать о томъ, что не было бы возможности подняться на нее, если бы тѣ искренніе люди изъ объевропеившихся отцевъ не поднялись съ домостроевской ступени. Въ пылу борьбы некогда рассчитывать удары, помнить, что руки, сдерживающія насъ, поработали на своемъ вѣку своимъ идеаламъ лучшаго. И искреннимъ людямъ, насильно удерживая молодое поколѣніе отъ того, что считаютъ гибелью, не до того, чтобы вспоминать то время, когда они сами рвались и проклинали сдерживавшія ихъ руки. Въ борьбѣ не удержаться отъ невольныхъ увлеченій въ ту или другую сторону, отъ невольной лжи. Она и была. Но, къ сожалѣнію, кромѣ невольной лжи, была и вольная, злобно измышленная ложь и она шла изъ лагеря объевропеившихся отцевъ. Г. Стебницкій и Крестовскій не псевдонимъ тому живое доказательство. Они договорились до того, что обозвали молодое поколѣніе поголовно мазуриками, не подозрѣвая, что этимъ подписывали позорный приговоръ старому. Въ *pendant* имъ, только съ обратной стороны, были въ лагерѣ дѣтей писатели, которые въ каждомъ маломальски порядочномъ юношѣ видѣли Шпильгагеновскаго Лео. И что за карикатурные Лео были эти юноши, именами которыхъ даже окрещивали и время, чего Шпильгагенъ не сдѣлалъ для Лео. Эта ложь была не хлестаковское самохвальство, то была невольная ложь, ложь печальная, свидѣтельствовавшая о скудости русской жизни. При азіатской жизни, царящей еще всевластно во многихъ углахъ Руса святой, каждый юноша, дошедшій своимъ умомъ, или вычитавшій изъ журнальной статейки новую истину, въ родѣ того, что давать въ зубы народу и разживаться на его трудовой потъ не слѣдуетъ, а слѣдуетъ учить его грамотѣ и устройству артелей, могъ счесть себя пророкомъ грядущихъ временъ, преобразователемъ, призваннымъ пересоздать жизнь. Преслѣдованія еще сильнѣе заставляли дѣтей увѣрывать въ свое призваніе преобразователей; наивные авторы въ этомъ вѣрованіи видѣли явленіе, обновляющее жизнь, и создавались доморощенныя пародіи Лео. Представить не въ

ореолъ героя порядочнаго юношу, поучающаго, что не слѣдуетъ давать въ зубы народу и учащаго народъ грамотѣ и устройству артелей, считалось наивными авторами измѣнной молодому поколѣнію.

Но молодое поколѣніе само отказывается отъ медвѣжьихъ услугъ такихъ друзей. Оно хочетъ правды. Романъ г. Кущевскаго «Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ» былъ встрѣченъ имъ съ несравненно большимъ сочувствіемъ, нежели всевозможныя эпопеи о разныхъ доморощенныхъ Лео. Въ этомъ романѣ авторъ отнесся къ дѣтямъ съ полнымъ сочувствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ. Г. Кущевскій, молодой писатель, и этотъ романъ, если не первый его дебютъ, то по крайней мѣрѣ, первый дебютъ, получившій извѣстность, и онъ отличается и всѣми достоинствами хорошей фотографіи, и свойственными ей недостатками. Въ особенности хороши первыя главы, въ которыхъ описывается дѣтство и школьная жизнь героевъ. Въ нихъ фотографія мѣстами расцвѣчиваетъ живыми красками и это не лубочная подмалевка фотографіи, а штрихи кисти живописца. Въ дѣтской школьной жизни героевъ много правды, замѣчательная тонкость и глубина психологическаго анализа и много теплаго юмора. Это мастерство въ изображеніи дѣтства героевъ съ сравнительной блѣдностью и неполнотою изображенія годовъ ихъ возмужалости—черта общая романистамъ лагеря дѣтей, и въ этомъ виновата нестолько они, сколько условія жизни. При той степени развитія, на которой стоитъ наше общество, всего удобнѣе показывать въ дѣтствѣ тѣ задатки, изъ которыхъ должны развиться будущіе герои. И дѣтство, и ранняя юность дѣйствительно та пора, гдѣ они всего болѣе проявляются.

Герой романа г. Кущевскаго Овѣринъ. Не смотря на то, что онъ обрисованъ сквозь призму узкаго мѣщанства, чрезъ которую на него смотритъ благополучный россиянинъ, въ Овѣринѣ есть черты, родственныя съ Лео. Овѣринъ—эмбрионъ русскаго Лео. Эмбрионы сходны на низшихъ ступеняхъ развитія, позже условія жизни выработываютъ ихъ въ разныя формы. Тоже увлеченіе мистицизмомъ, то же стремленіе уйдти жить въ пустыню. Эти стремленія рождаются только въ дѣтяхъ, которыя болѣзненно ощущаютъ свою рознь съ окружающимъ ихъ міромъ. Пьяные учителя или звѣри, или скоты, начальство, запарывавшее до полусмерти воспитанниковъ и сохранявшее спокойный видъ чловѣка, исполнявшаго свою обязанность, нелѣпая дрессировка, неумолимая ломка всего живаго, чловѣчнаго—вотъ картина воспитанія нашихъ доморощенныхъ Лео. Все это страшною мукой ложится на впечатлительную душу ребенка, сосредоточеннаго какъ всѣ сильныя натуры; въ немъ является потребность уйдти, душа проситъ жизни, свѣта, мира, счастья, одна загробная жизнь сулитъ все это и ребенокъ мечтаетъ устроить себѣ Оиванду. Великая любовь къ братьямъ, яркая

даже до смерти, оказывалась въ этомъ задавленномъ дѣтствѣ: дать засѣчь себя до полусмерти, чтобы не выдать товарища, голодая отдать ему послѣднюю булку, все это черты крупныя въ школьномъ мірѣ. Овѣринъ былъ нравственной силой въ этомъ мірѣ. Грубые школьники, воровавшіе въ огородахъ и лавкахъ считали стыдомъ просить у Овѣрина. И тотъ же Овѣринъ, мечтавшій о безмятежномъ житіи въ Эвваидѣ, кинулся съ ножомъ на начальника. И эта черта вѣрная жизни. Чѣмъ сильнѣе чувство любви, тѣмъ сильнѣе и месть за поруганіе этого чувства. Чѣмъ сосредоточеннѣе и замкнутѣе въ себѣ натура, тѣмъ страшнѣе взрывъ ея.

Читая возмутительныя страницы школьной жизни героевъ, невольно остановишься въ изумленіи передъ нравственной силой дѣтей. Чтобы вынести все, что выносилъ Овѣринъ и не сломиться, чтобы среди скотовъ и звѣрей сохранить въ себѣ человѣка, нужно быть героемъ. И автора нельзя упрекнуть въ искаженіи и преувеличеніи міра quasi азиатскихъ педагоговъ. Нигдѣ самодурство и насиліе не развертывается такъ нагло, какъ въ школьномъ мірѣ. Дѣти такъ беззащитны. Прочтите въ романахъ Диккенса его типы школьныхъ учителей-тирановъ и это въ странѣ, гдѣ гражданственность развита вѣками, тогда какъ у насъ о ней начинаютъ едва лепетать. Школа и семья самыя закрытыя углы общества. Свѣтъ всего позже проникаетъ въ нихъ. Контроль общественнаго мнѣнія труднѣе, тамъ полный просторъ насилію. Изгнанный деспотъ становится школьнымъ учителемъ, говоритъ Беранже. У насъ недавно стали и за взрослыми признавать право человѣка. Что же было съ дѣтьми въ 50-хъ годахъ. Въ глазахъ домостроевскихъ отцевъ, то были безгласныя, безправныя существа, обязанныя безропотно сносить все. Каждый жалкій учительшка, ползавшій передъ начальствомъ, каждый колпакъ, трепетавшій подъ башмакомъ супруги, чувствовалъ себя полнымъ властелиномъ въ училищѣ. Чѣмъ болѣе онъ гнулся за стѣнами училища, тѣмъ болѣе онъ заставлялъ все гнуться и дрожать передъ собой въ училищѣ. Ему нужно было видѣть, какъ въ его рукахъ билась молодая жизнь, ломались молодня силы—это была оргія самодурства. Кромѣ этого инстинктивнаго органическаго гнета, былъ еще гнетъ систематическій, гнетъ «съ государственной цѣлью», какъ выражались педагоги, гнетъ ради чувства самосохраненія. Начальству нужно было жить. Школьные деспоты были нѣжными paterfamilias, имъ нужно было пристроить дочекъ, поставить на ноги сынковъ. Съ міру по нитѣ, голому рубашка, и у воспитанниковъ отнимались не нитки, отнимались силы, здоровье гнилой пшцей, экономіей дровъ. Протестъ воспитанниковъ за прогорклое масло, вонючее мясо грозилъ существованію педагоговъ. Все зависѣло отъ того, какъ Богъ положитъ на душу начальства. Взглянуть оно на протестъ, какъ на бунтъ—нѣжный paterfamilias спасенъ,—взглянуть иначе, paterfamilias безъ куска

дѣла. При такихъ обстоятельствахъ нѣживѣйшіе paterfamilias'ы превращаются въ дивихъ звѣрей. Педагоги, неисповѣдимыя судьбами охраненные отъ заботы paterfamilias, тѣмъ не менѣе считали своимъ священнымъ долгомъ давить и давить. Пройти сквозь подобную педагогическую систему и не сломиться могли только герои — дѣти. У большинства хватало силъ лишь на то, чтобы вынести ее и не оставалось болѣе на борьбу съ жизнью за стѣнами училища.

Давилась дѣтская душа, давился и умъ. Безсмысленное преподаваніе невѣждъ, узкія программы, забивавшія мысль въ тѣсныя колодки на случай, еслибы нашелся учитель, способный пробудить ее. Живое хочетъ жизни. Несмотря на тройной гнетъ, мысль жила, но не направленная, лишенная здоровой пищи, она тратилась на дикія фантазіи, въ родѣ овѣринскихъ теорій мірозданія, какъ сдавленныя силы тратились на войнишку или игру въ солдаты. Но и эти игры и эти теоріи были талисманомъ, хранившимъ дѣтство отъ обезличенія. И въ Овѣринѣ, юномъ, какъ онъ рисуется намъ въ саркастическомъ портретѣ, сдѣланномъ благополучнымъ россіяниномъ и сѣрыми тонами фотографіи, есть черты русскаго Лео, если бы Лео были возможны у насъ. Та же способность забывать весь міръ для своей идеи, отдать себя на службу человѣчеству. Но на этой силѣ самоотверженія, на этой вѣрности идеѣ и останавливается сходство. Лео, какъ ни звали его противники утопистомъ—практикъ, у него подъ ногами твердая почва, цѣлая сложившаяся среда. Начево подобнаго нѣтъ у Овѣрина. Онъ теоретикъ, онъ живетъ въ мірѣ идей. Одинъ дѣятель общественный, глава цѣлой партіи, человѣкъ дѣла; онъ воплощаетъ свой идеаль въ жизни. Другой только человѣкъ идеала. Никогда ни одинъ идеаль не воплощается въ жизни такъ, какъ онъ сложится въ мысли. Чѣмъ менѣе благоприятны условія жизни для осуществленія его, тѣмъ выше поднимаютъ его люди, служащіе ему, тѣмъ упорнѣе держатся и за тѣ стороны его, которымъ не осуществиться по непреложнымъ законамъ жизни. Отсюда та непрактичность, тѣ увлеченія, въ которыхъ упрекаютъ людей идеала. Они могутъ только нести свѣточъ его, не ихъ дѣло выравнивать пути, по которымъ имъ придется идти. Это дѣло такихъ людей, какъ Лео. Лео, сложившійся, законченный человѣкъ, Овѣринъ гениальное дитя, дитя по практическому смыслу, но герой по нравственной силѣ. Онъ не великій умъ, не учитель, онъ ученикъ. Онъ великъ только этой силой. Нужно болѣе силы, чтобы остаться вѣрнымъ идеѣ, часъ которой не дробилъ еще, нежели той, для которой можно работать, какъ Лео. Овѣринъ еще молодая сила, которая не вѣритъ себѣ, ошупываетъ себя; этимъ объясняются и дикія выходки его, въ родѣ проваливанія себѣ руки ланцетомъ. Задавленнымъ силамъ нужно узнать свою мѣрку, Овѣриннымъ нужно знать: смогу ли я или не смогу.

И какъ типична фізіономія Овѣрина, хотя портретъ ея сдѣ-

ланъ сѣрыми тонами фотографіи. Она типична потому, что оригиналь типиченъ до того, что невольно остановишься передъ его фотографіей. «Чрезвычайно правильно и соразмѣрно сложенный, онъ очень походилъ на одного изъ американскихъ дикарей въ томъ видѣ, какъ ихъ изображаютъ, смѣлой и красивой поступью прохаживающихся по дѣвственнымъ лѣсамъ», говоритъ авторъ. «Овѣринъ былъ совсѣмъ не цивилизованъ и въ его манерахъ не было и тѣни подленькихъ хватокъ, встрѣчающихся не только у людей, но даже у домашнихъ животныхъ. Онъ всегда былъ простъ до поразительности въ своихъ антично-благородныхъ движеніяхъ». Это очень мѣтко схваченная черта. Созерцательная природы именно отличаются этой способностью сохранять въ себѣ простоту почти первобытную. Внутренняя жизнь ихъ такъ полна, что впечатлѣнія внѣшней, не имѣющія прямого отношенія къ внутренней, скользятъ по нимъ, не оставляя слѣда. Они восприняли всей страстью юности все, что выработано великаго цивилизаціей, и та сторона ея, которая изъ дивяра, послушнаго одной свободѣ, выдѣлываетъ лакея съ подобострастными ужимками и гибкой спиной или особъ изъ стада людскаго, рассчитывающую каждое движеніе съ движеніемъ стада, не существуетъ для нихъ, какъ не существуетъ теплая ливрея для дивяра. Овѣринъ доводитъ свое незнаніе этой стороны до цинизма. Но то не цинизмъ Діогена, который предполагаетъ и демонскую гордость, и желаніе давить людей, что-то напускное, дѣланное. Овѣринъ сама естественность. Начальство Овѣрина само перестало преслѣдовать Овѣрина за нарушение дисциплины въ видѣ неисправности одежды, оно поняло, что это не возмутительная продерзость школьника, но полнѣйшая неспособность его къ усвоенію этой стороны жизни. Туже самобытность сохранилъ Овѣринъ и до послѣдней минуты, самобытность въ отношеніи окружающей его среды. Онъ не зналъ другаго руководителя кромѣ собственнаго сознанія. «Я жалкое ничтожество, если мыслю и дѣйствую, соображая, что скажутъ обо мнѣ другіе», говоритъ онъ. Его чуждачество оборотная сторона этой самобытности. Оригинальность, переходящая въ чуждачество, свойственна всѣмъ сильнымъ индивидуальностямъ. Нѣтъ народа, въ которомъ было бы такое множество оригиналовъ и чудаковъ, какъ англичане, за то и нѣтъ народа, гдѣ бы была такъ могуче развита личность человѣка. Овѣринъ не рисуется этой оригинальностью, онъ даже не подозрѣваетъ ея, она сама естественность. Люди, никогда не дерзнувшіе отступить на шагъ отъ того, что принято, найдутъ богатую пищу насмѣшкамъ и въ писаньи, лежа на спинѣ, на доскѣ мѣломъ, прикрѣпленномъ къ длинной палкѣ, чтобы не тратить въ лишнихъ движеніяхъ фосфора, необходимаго для мышления, и въ оригинальной діетѣ, на которую посадилъ себя Овѣринъ для развитія мысли. Но Овѣринъ не учитель, а ученикъ, но ученикъ, понимающій, что для него нѣтъ учителя. Безлюдье на-

шего времени, роковая причина сумасбродствъ Овѣриныхъ. Отъ обоихъ разрядовъ приписываютъ это чудовищному самолюбію дѣтей, возмечтавшихъ, что они призваны быть спасителями міра, и потому считающихъ каждое свое измышленіе евангельской истиной. Но это чудовищное самолюбіе не мѣшаетъ имъ слѣпо подчиняться каждой буквѣ книги, въ которой они надѣются найти истину; каждому человѣку, отъ котораго они надѣются услышать слово живаго ученія. Тогда самолюбивый юноша, не признающій авторитета, превращается въ раба. Онъ отдаетъ свою мысль, свою волю и книгѣ, и слову. Педагогическая система, ставившая своимъ девизомъ: не разсуждай, а повинуйся, подготовила его для такого повиновенія. И явился учитель, который сказалъ бы Овѣрину слово разума и правды, учитель, прошлое котораго ручалось бы за то, что слово это говорится имъ искренно и честно, Овѣрины пошли бы за нимъ, вмѣсто того, чтобы тратиться на разныя дикія выходы, вычитанныя изъ книгъ. Но и въ дикости этихъ выходовъ сказалась искалеченная сила. Чѣмъ дичѣе выходка, чѣмъ болѣе она идетъ въ разрѣзъ съ домостроевскимъ міромъ, тѣмъ разумнѣе полагается она имъ, и тѣмъ скорѣе они пойдутъ на нее, столько ненависти накопилъ въ нихъ домостроевскій міръ. Отважиться на смѣшное—признакъ свѣжести силъ. Страхъ выдѣлиться изъ стада—признакъ всѣхъ обществъ, которыя начинаютъ коснѣть въ витайщинѣ. Зрѣлый человѣкъ, разумѣется, не станетъ сумасбродничать, какъ Овѣрины, изъ за вздора дразнить гусей и тѣмъ портить себѣ возможность дѣлать свое дѣло. Но для зрѣлаго возраста своя мѣрка, для юношества—другая. Про Овѣрина нельзя даже сказать, что онъ отваживается на смѣшное, онъ вовсе не сознаетъ его. Ребенкомъ, подросткомъ, юношей онъ такъ всецѣло поглощается владѣющей имъ въ данную минуту идеей, что для него не существуетъ ничего въ мірѣ внѣ ея. Эта способность создаетъ и монмановъ, создаетъ и людей, которыхъ зовутъ солью земли. Одно то, что онъ въ мірѣ обезличиванія, гдѣ стиралась всякая индивидуальность, гдѣ казарменная дисциплина превращала людей въ автоматы, счумѣлъ сохранить неприкосновенно свою физиономію — ручательство за силу, выходящую за разрядъ обыкновенныхъ, ручательство, что не все еще погибло у насъ.

Ровковыя условія нашей жизни вырабатываютъ эту силу въ одинъ упорный фанатизмъ. Въ немъ всѣ физиологическіе признаки фанатика; и равнодушіе его къ боли, когда онъ изъ лѣтѣ бознательности прокололъ себѣ руку ланцетомъ, заставляетъ даже думать: не правъ ли благополучный россиянинъ въ своемъ предположеніи, что онъ нечувствителенъ къ боли, — сильное возбужденіе мозга дѣлаетъ человѣка нечувствительнымъ къ физическимъ ощущеніямъ. Скитанье Овѣрина по деревнямъ — тоже прокалыванье руки въ другихъ размѣрахъ. Онъ внесъ въ него всю вѣру фанатика, все безграничное самоотверженіе его

и его слѣпоту къ печальной дѣйствительности, его способность видѣть то, что хочется. «Всѣ готовы, конечно, умереть за свои убѣжденія», говоритъ онъ, также убѣжденный въ истинѣ своихъ словъ, какъ былъ убѣжденъ, что ему стоить только пройтись по деревнямъ, чтобы осуществить строй общества, о которомъ онъ мечталъ. Онъ весь міръ судить по себѣ. Сидя въ острогѣ и ожидая ссылки, онъ предлагаетъ руку дѣвушкѣ, также просто, какъ будто звалъ ее на жизнь комфорта и блаженства домашнего. Личное чувство, счастье, несчастье для него ничто въ суммѣ великаго общаго. И онъ не бездушный эгоистъ, какъ благополучный россіянинъ. Онъ въ тѣ минуты, когда наконецъ запросилъ у жизни личнаго счастья, отказывается отъ него, когда его увѣрили, что оно будетъ стоить жизни товарищу. У него всегда общее идетъ впереди личнаго. Онъ оставался равнодушнѣе къ любви Лизы, пока не увидѣлъ, что она можетъ быть товарищемъ ему въ служеніи его идеѣ. Только убѣдившись изъ ея поведенія въ слѣдственной комиссіи, что она, «храбрая дѣвушка, умѣетъ умирать безъ слезъ за свои убѣжденія», онъ рѣшается жениться на ней. Онъ даже забываетъ выслушать свой приговоръ за соображеніями о «недѣлостяхъ современной финансовой системы и объ отысканіи историческаго закона періодовъ возрожденія». И въ этихъ чертахъ нѣтъ ни капли преувеличенія. Типы Овѣринскаго закала всегда были въ человѣчествѣ. Въ мемуарахъ мистриссъ Элметъ говорится о двухъ американкахъ, которыя въ половинѣ XVII вѣка прошли пѣшкомъ всю Европу, проповѣдуя ученіе квакеровъ; проповѣдывали его даже въ турецкомъ лагерѣ. Это презрѣніе къ личнымъ потребностямъ, интересамъ, страданіямъ, которое возбуждаетъ глумленіе благополучныхъ людей всѣхъ націй, въ родѣ Николая Негорева—великое свойство. Оно поднимаетъ человѣка надъ міромъ животныхъ, оно залогъ лучшаго будущаго. Ничто не дается человѣчеству даромъ, каждый шагъ его впередъ, каждая открытая имъ истина покупается дорогой цѣной, покупается тѣми людьми, которые забываютъ себя во имя общаго, губятъ свою душу, чтобы спасти ее въ человѣчествѣ; къ несчастью, юношество слишкомъ склонно забывать, что одной этой способности недостаточно для этой покупки. Не въ одномъ самоотверженіи дѣло, но въ томъ, на что ушло оно. Только просвѣтленное пониманіемъ жизни и времени можетъ быть плодотворно самоотверженіе; безъ этого пониманія оно ведетъ къ одной бесплодной растратѣ живыхъ силъ, которыхъ у насъ такъ мало. И этого пониманія нѣтъ въ Овѣринныхъ.

За Овѣринными всегда идетъ сплоченный кружокъ товарищей. Изъ нихъ всего удачлѣе вышла у г. Кущевскаго фигура Андрея Негорева. Новицкій очень блѣдная, избитая фигура талантливыхъ семинаристовъ, которые спиваются съ круга. Андрей Негоревъ, знакомый типъ талантливыхъ, широкихъ натуръ. Въ сороковыхъ годахъ такіа натуры напускали на себя байронизмъ

и ихъ ждалъ безъ исключенія одинъ роковой удѣлъ—или пули въ лобъ, или спиванье съ круга; въ шестидесятыхъ имъ открылся другой—быть членами какой нибудь вѣтви. Такимъ натурамъ нужно не служеніе идеѣ, не чувство святаго долга, взятаго на себя, которое вело въ средніе вѣка на костры и на плахи, имъ нужно захватывающее духъ ощущеніе, жизнь для нихъ должна быть азартной игрой. Такія натуры, по словамъ Пушкина, находятъ упоеніе и въ ураганѣ, и на краю мрачной бездны. Такія натуры создаютъ праздное барство. Но что заставляетъ ихъ находить это упоеніе? Человѣку, надъ головой котораго ясная лазурь неба, вокругъ котораго ликуетъ природа въ пышномъ расцвѣтѣ красоты, не придетъ на мысль звать ураганы, искать опьяненія на краю мрачной бездны. Онъ радуется солнцу, раздолью, красотѣ, ураганъ смететъ все, что радуется его. Но когда пасмурное небо нависнетъ надъ нимъ и свинцовая крыша будетъ гнестись его къ землѣ, когда глазу его не на чемъ будетъ остановиться, кромѣ однообразно бурныхъ тоновъ болотнаго мха, тогда онъ запроситъ бури, запроситъ захватывающаго духъ упоенія мрачной бездны. Съ какой радостью Андрей еще кадетомъ кидается на войнишку,—юношей на всякій скандалъ. Этими войнишками и скандалами задавленная юность заявляетъ свои силы. Скандалы и войнишки безобразіе, но они манятъ Андрея не безобразіемъ, а опасностью, они даютъ ему просторъ развернуть силы. Отнимите опасность и запретное потеряетъ все обаяніе для Андрея. Такія отношенія юношества къ жизни не разумны, они зародышъ будущей вражды къ обществу, — вражды, слѣпой, безопадной, въ которой молодежь губитъ себя, лишь бы заявить себя. Но кто виноватъ? Между молчалинствомъ и скандалами не было выбора въ домостроевскомъ мірѣ. Правственность этихъ выходовъ признавали даже и люди, доводившіе до нихъ юношество. Генераль, засѣвшій до полусмерти Андрея Негорева за то, что тотъ не выдалъ товарища, назвалъ его молодцомъ за то самое, за что засѣвалъ его. Такіе уроки не пропадали даромъ для юношества и готовили изъ нихъ искателей упоенія мрачной бездны, а не честныхъ, всевыносливыхъ тружениковъ, которые нужны нашему времени.

Андрей Негоревъ человѣкъ чувства. Онъ никогда не мучился надъ постройкой теорій мірозданія, не собирался уходить въ Фиваиду, какъ Овѣринъ. Онъ неспособенъ выработать себѣ изъ теорій кодексъ жизни и размѣривать по немъ каждый шагъ. Кровь горячимъ ключомъ выпитъ въ его жилахъ, надъ нимъ всевластно впечатлѣніе минуты, онъ человѣкъ порыва. И онъ пошелъ путемъ Овѣрина. Сама жизнь съ первыхъ шаговъ толкала на этотъ путь Андрея Негорева. Онъ напоминаетъ богатырей древнихъ былинъ, которымъ тяжело было отъ ихъ силушки, пока ей не удавалось разгуляться вволю, постоявъ за обиженныхъ. помѣрившись съ силой вражійей. Эта силушка—по-

токъ, которому нужно отрываться русло, а не запружать его плотинами, которыя не останавятъ его. Онъ такъ симпатиченъ въ своемъ молодомъ задорѣ, въ безавѣтномъ порывѣ, съ какимъ отдаетъ жизнь тому, что считаетъ великимъ подвигомъ, что не легко сказать ему упрекъ въ даромъ загубленныхъ силахъ, въ ребяческомъ самообольщеніи, съ какимъ онъ, юноша, не видѣвшій ничего, кромѣ стѣнъ школы, брался за роль преобразователя общества. Но кто виноватъ? Если бы эта молодая сила не росла въ мѣрѣ педагоговъ пятидесятихъ годовъ, она не пропала бы безслѣдно для общества, не потратилась бы на празднопштанье въ чужой землѣ.

IV.

Прошло цѣлое десятилѣтіе и прошло не даромъ. Юноши шестидесятихъ годовъ стали зрѣлыми людьми. Жизнь внесла новыя стихіи въ ихъ нравственный міръ. Разбитыя надежды оставили горькій осадокъ. Юношеское самообольщеніе, исчезнувъ, оставило по себѣ налицъ глубоко затаеннаго недовольства. Въ зрѣлыхъ людяхъ семидесятихъ годовъ нѣтъ гордаго упоенія силъ, нѣтъ титаническихъ стремленій. Они не мечтаютъ о роли пророковъ и преобразователей. Они готовы удовлетвориться дѣломъ скромнымъ. Они просятъ у жизни дѣла живаго, кроваваго, которое связывало бы ихъ съ обществомъ. Идеалы европейской жизни подняли ихъ слишкомъ высоко надъ уровнемъ родной жизни. Они измучены этой оторванностью, имъ нужна вѣрная связь съ жизнію, твердая почва; имъ нужна, по мѣткому выраженію доктора Швецова, одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа «Солидные добродѣтели» П. Бобарыкина: «нужна пуповина, по которой переходить въ насъ изъ общаго тѣла должная плазма, утробу нашу питающая». И они мучительно ищутъ этой связи. Они скитальцы, не имѣющіе здѣсь пребывающаго града, но грядущаго възыскающіе.

И эта тоска по «пуповинѣ» не квасной патриотизмъ, не чувства, привывающія человѣка, какъ растеніе къ почвѣ. Причина этой тоски коренится глубоко въ законахъ природы. По этимъ законамъ видъ можетъ жить только въ сродной ему средѣ. Пусть европейскіе идеалы внесли стихіи, отчуждающія съ нѣсколькихъ сторонъ человѣка отъ родной почвы; но онъ привязанъ къ ней другими. Эта связь не прелесть златыхъ игръ и первыхъ уроковъ дѣтскихъ лѣтъ, заставляющая сердце сладкаго поэта дрожать, благословляя родину святую, эта связь—строй отношеній, охватывающій человѣка съ первыхъ шаговъ его жизни, знакомство съ средой и большая приспособленность къ ней, нежели ко всякой другой. Можно говорить—я человѣкъ и

ничто человеческое не чуждо мнѣ, въ теоріи,—но на практикѣ, и для простыхъ людей это общечеловѣческое должно воплотиться въ извѣстной формѣ; чѣмъ сроднѣе форма, тѣмъ полнѣе можетъ черезъ нее жить въ мірѣ интересовъ человѣчества. Идеалы европейской жизни усвоены теоретически: златая игра первыхъ лѣтъ и первыхъ лѣтъ уроки не прошли безъ слѣда, они оставили закваску, съ которой не легко поднять тѣсто европейской жизни. Наши теоретики этихъ идеаловъ тамъ пришельцы. Строй жизни тамъ тѣсенъ, заменить, имъ тамъ нѣтъ мѣста, а если и найдется, то въ качествѣ учениковъ, а не работниковъ. Тоска разбитыхъ надеждъ заставляетъ ихъ бѣжать въ обѣтованную землю, откуда они взяли свои идеалы. И тамъ они не находятъ его. Они видѣли обѣтованную землю сквозь призму идеаловъ — и тамъ обманутая надежда; но чтобы заглушить ее, тамъ нѣтъ для нихъ работы; они ученики, а не работники тамъ. Имъ нужно перевоспитать себя, чтобы стать работниками, а это удѣлъ не многихъ. И ихъ снова потянетъ на работу туда, гдѣ имъ для этой работы есть почва, пусть эта почва поросла бурьяномъ, но она есть, она ждетъ ихъ. Тамъ слово ихъ будетъ понято, тамъ они потратятъ менѣе силъ въ бесплодныхъ попыткахъ, потому что знаютъ приемы, какъ работать на этой почвѣ. Скитальцы находятъ пріютъ, находятъ трудъ, за которымъ могутъ терпѣливѣе ждать созиданія градоущлаго града.

Бобарькинъ даетъ намъ удачную фотографію такого скитальца въ своемъ Крутицынѣ. Бобарькинъ не молодой дебютантъ, какъ Кущевскій. Онъ писатель, уже написавшій порядочное количество томовъ, но до сихъ поръ мало останавливавшій вниманіе критики, оттого, что личность его, какъ писателя, не смотря на это количество, начинаетъ выясняться только въ послѣднихъ произведеніяхъ. Его има встрѣчали и въ Русскомъ Вѣстникѣ, и въ Всемирномъ Трудѣ, и въ Дѣлѣ, и въ Отечественныхъ Запискахъ. Это появленіе въ разныхъ лагеряхъ и на нейтральной почвѣ между ними, говорило о несложившемся еще взглядѣ на жизнь. Не смотря на то, манера писанія Бобарькина—очень рѣзко выдающаяся отъ манеры другихъ билетристовъ, хотя своеобразной назвать ее нельзя. Эта манера французскихъ писателей, съ ихъ погоней за эффектами, иногда нѣсколько натаянутыми, съ ихъ бойкостью и размахистостью языка, умѣнемъ живо и увлекательно рассказывать. Не смотря на многотомные романы его, онъ преимущественно расказчикъ и часто очень бойкій и занимательный. Онъ умѣетъ выбрать какойнибудь драматическій случай, исключительное положеніе и расказать это въ лицахъ и сценахъ. Эта легкость расказа, какъ это ни покажется парадоксально, вредитъ ему. По нѣкоторымъ мѣстамъ, гдѣ онъ какимъ-то чутьемъ угадываетъ то, что кроется въ глубинѣ жизни, угадываетъ силы, таящіяся въ ней и подготавлиющія то или другое явленіе и законы,

*

управляющие жизнью, видно, что если бы онъ не увлекался легкостью рассказыванья и вмѣсто того, чтобы схватывать на лету явления жизни общества, далъ себѣ трудъ поглубже вдуматься въ нихъ, онъ могъ бы создать многое попрочнѣе тѣхъ ярко иллюминированныхъ фотографій, которыя онъ плодитъ съ быстротой почти равной быстротѣ французскихъ фабрикантовъ романовъ. Въ немъ мелькаютъ порой задатки оригинальнаго писателя, онъ не пишетъ по даннымъ шаблонамъ, въ немъ много тонкости, ума, проблеска мысли, мѣстами охватить читателя порывъ искреннаго чувства и струя поэзіи, но все это потопляется потоками бойкой болтовни, мелкихъ подробностей, погоней за эффектами. Оригинальность переходитъ въ оригинальничанье, легкость, съ какою онъ схватываетъ своеобразности языка того или другого лица—въ погоню за вычурами языка, и становится утомительной. Мы не устаемъ смотрѣть на актера, который умѣетъ передать намъ живые типы человѣка, но мы устаемъ смотрѣть, когда актеръ станетъ передразнивать постоянно передъ нами то или другое лицо. Тутъ не спасетъ его никакая виртуозность. Искусство не передразниванье и еслибы Бобарыкинъ взглянулъ серьезнѣе на дѣло, онъ могъ бы занять въ нашей литературѣ мѣсто выше беллетриста-фотографа. «Солидные добродѣтели» наиболѣе серьезное произведеніе Бобарыкина. Герой романа Крутицынъ служитъ олицетвореніемъ стремленій людей семидесятыхъ годовъ. Онъ чловѣкъ науки, бывший профессоръ химіи, по независимымъ отъ него обстоятельствамъ лишенный кафедры. Но и не будь этихъ обстоятельствъ, онъ не удовлетворился бы одной отвлеченной наукой. Пусть отвлеченная наука двигаетъ жизнь впередъ, открываетъ новыя пути жизни, вноситъ довольство, совершенствованіе, люди такой науки не участвуютъ непосредственно въ такомъ усовершенствованіи. Подготовленный ими шагъ впередъ дѣлается обществомъ, когда кости ихъ давно гниютъ въ могилѣ, дѣлается очень часто помимо ихъ чаянія или воли; зарывшись въ свои изслѣдованія, они относятся безучастно ко всему, что внѣ этого міра; для нихъ все въ законахъ науки, а не въ чловѣчествѣ. Людямъ природы Крутицына нужно не это далеко холодное, но прямое, захватывающее всѣ фибры души участіе въ жизни. Они живутъ полною жизнью, только ощущая, какъ въ нихъ изъ общаго тѣла переходитъ плазма, утробу питающая. Безъ этой плазмы они не чувствуютъ подъ собою почвы, имъ нѣтъ пристанища, и гдѣ бы ни были они, они всюду скитальцы, ищущіе, если не земли обѣтованной, то хоть мѣста, гдѣ бы приклонить голову, гдѣ приложить свои ищущія работы руки.

Крутицынъ скитался вездѣ. Онъ толкнулся и въ двери домашняго очага, согрѣтаго упоеніемъ молодой, поэтической страсти. И страсть, и очагъ измѣнили ему. Крутицынъ не герой, выроченный по мѣркѣ модныхъ теорій, онъ живой чловѣкъ.

Для него не проходить даромъ тѣ бури, которыя сволззять по героямъ модныхъ теорій, какъ удары вихря по каменимъ истуканамъ. И не смотря на всю горечь обманутыхъ надеждъ, поруганной вѣры, какъ человѣчно отнесся онъ къ жалкой женщинѣ, такъ легкомысленно разбившей его счастье. Вліяніе его благотворно на всѣхъ, кого онъ встрѣчаетъ. Онъ «овощей интеллигентныхъ насадитель», говоря вычурно насмѣшливымъ языкомъ его пріятеля, доктора Швецова, и насаждаетъ ихъ всюду, гдѣ надѣется встрѣтить почву: студента ли, крестьянина, молодую женщину. Въ отношеніи послѣднихъ онъ не развиватель на манеръ развивателей романовъ гражданскихъ мотивовъ, развивающихъ женщину собственно для себя. Онъ необыкновенно чуткая симпатичная натура, въ родѣ Станкевича, но зрѣлѣе, опредѣленнѣе. Къ нему инстинктивно тянется за поддержкой, за совѣтомъ, все живое, молодое, все, что проситъ жизни и свѣта. Не смотря на замѣчательныя способности, на жажду дѣла, онъ въ тридцать пять лѣтъ скиталецъ, не нашедшій себѣ дѣла. Онъ не лишній человѣкъ, какъ идеалисты сороковныхъ годовъ, требовавшіе отъ жизни невозможной полноты и гармоніи, и въ тоскѣ неудовлетвореннаго требованія сжигавшіе ее на огнѣ страстей, или топившіе ее въ винѣ. Крутицынъ трезвѣе ихъ. Страсть не разобьетъ эту жизнь. Она можетъ налетѣть на него, какъ налетаетъ на природу уносящая лѣтній зной бурея, которая приноситъ за собою ясныя свѣжіе дни. Крутицынъ не отвернется отъ жизни, если ему измѣнитъ счастье и не сойдетъ съ круга. Ему не нужны превысренніе восторги, упоеніе блаженства, созданнаго одной мечтой поэта, ему нужно тихое чувство довольства жизнью, ясная разумная жизнь. Требования его вполне законны, разумны—и остаются неудовлетворенными. Они при всей ихъ умѣренности гораздо выше уровня жизни. «А казалось бы, говоритъ авторъ:—какъ легко людямъ съ умомъ, съ свѣжестью помисловъ и сострастіей, со вкусомъ, мышечной бодростью создать себѣ другую обстановку, шире, богаче красками, испытаніями и наслажденіями. Вѣдь видно же довольство, видно же удовлетвореніе инстинктовъ и желаній по ту сторону вала, который раздѣляетъ людей на два стана. Тамъ, гдѣ преданія еще владичествуютъ надъ мозговымъ анализомъ, гдѣ человѣкъ еще держится за видовые устои, гдѣ онъ нейдетъ далѣе того, что ему нужно для существованія, улегнагося въ тѣни, хоть бы доживающаго и бессмысленнаго, тамъ все справляется на міру, тамъ невѣстно одиночество и хандра, тамъ похода смѣются и радуются, ѣдятъ со вкусомъ, женятся, живутъ и проживаютъ капиталы, толкутся промежъ себя въ раззолоченныхъ залахъ и нарядныхъ гуляньяхъ, умѣютъ важныя инстинкты свой облечь въ благородную форму, плавно обдѣлываютъ свои дѣлишки, расширяютъ районъ своей эксплуатаціи, ежесекундно срывая «цвѣты удовольствія». Отъ чего же Крутицынъ, хоть онъ десятиро умнѣе и талантливѣе всѣхъ этихъ

счастливецъ по ту сторону вала, не можетъ добиться и сотою доли того довольства, какимъ наслаждаются эти люди? Отъ чего же онъ, хоть въ немъ несравненно болѣе энергіи и нравственныхъ силъ, не можетъ устроить хоть въ тѣсномъ кружкѣ личную жизнь по себѣ? Оттого что для людей по эту сторону вала, для людей, свергнувшихъ иго преданій, нѣтъ смысла въ жизни, которая держится имъ; ихъ личная жизнь, если бы имъ и удалось устроить ее сообразно съ требованіями ихъ природы, будетъ оазисомъ въ пустынѣ, до котораго ежесекундно будетъ доноситься то дикій крикъ и гамъ каравановъ, отправляющихся на изувѣрское поклоненіе, то стоны путниковъ, гибнущихъ въ безводной пустынѣ. При такихъ условіяхъ трудно блаженствовать въ оазисѣ. Наконецъ Крутицыны, хотя они далеко не герои, составляютъ меньшинство. Они бродятъ въ жизни въ одиночку, въ разбродъ, еще отыскивая другъ друга, сойдутся и начнутъ ощупывать одинъ другаго, признавая свой ли человѣкъ или съ той стороны вала. Признаютъ за своего и начнутъ, какъ говоритъ авторъ, «снуромъ свое выворачивать», чтобы придти къ утѣшительному результату, что они не имутъ здѣсь пребывающаго града и пойдутъ разыскивать грядущій.

Эти искатели грядущаго града не пропадаютъ для нашей жизни, какъ Рудинъ. Они практическіе люди, разумѣется, не въ родѣ людей, стоящихъ по ту сторону вала. Они выработались въ послѣднее десятилѣтіе послѣ крестьянской реформы. Эта реформа была эпохой, когда впервые столкнулись въ общественномъ дѣлѣ люди, стоящіе по обѣ стороны вала, люди мысли и люди видовыхъ устоевъ. Въ эпохи реформъ выдвигаются люди мысли; какъ ихъ ни гонятъ люди видовыхъ устоевъ, какъ ни глумятся надъ ними, но въ такіа эпохи волей не волей безъ нихъ не обойдешься. Мысль изъ области теорій переходитъ въ міръ фактовъ. Люди мысли, вмѣсто того, чтобы тратиться на отвлеченныя умозрѣнія, впервые имѣли дѣло съ дѣйствительной жизнью. Они приняли практическую складку, они выучились двигать свою мысль въ міръ фактовъ, разыскивать средства для примѣненія ея. Люди видовыхъ устоевъ волей-не волей работали мыслью, работали, какъ рабы лукавыя и лицемерныя, и сдѣлали то, что мысль далеко не такъ полно перешла въ жизнь, какъ того хотѣли люди мысли. Грядущій градъ, который казался такъ близокъ въ предомленныхъ лучахъ надеждъ, снова отдалился. Люди мысли вынесли изъ этой эпохи всю горечь обманутыхъ надеждъ, но вынесли и привычку къ работѣ, работѣ утомительной, кропотливой, однообразной, какъ корчеванье корней на расчистку поля, подѣ пашню, какъ ламба, которую тянетъ бурлакъ, сплавливая по рѣкѣ хлѣбъ, который достанется не ему. За этой работой они забывали свою жгучую тоску по вымысломъ градѣ, за этой работой могли переносить жизнь.

Къ людямъ этого разряда принадлежитъ пріятель Крутицына,

ирозванный Статистикой. Онъ выбралъ себѣ ламку мѣстнаго статистика, этнографа и публициста. Онъ не вѣсь ушелъ въ свою ламку, онъ ведетъ осмысленную жизнь, работаетъ безъ усталы, сознательно помирился съ безвѣстной долей, искренно отдаеть свои душевныя силы той-же берлогѣ, но затѣмъ, чтобы во все, гдѣ только можно, вносить идею и гражданское чувство, освѣтить факты, поддержать попытки самодѣятельности. Святой и высокій подвигъ во всей своей неизвѣстности. Онъ добросовѣстно тянетъ свою ламку во имя скромной пользы, которую принесетъ. Не такъ тянуть свои лампы ради личныхъ выгодъ люди по ту сторону вала. Статистика не перейдетъ къ этимъ людямъ. Онъ отказывается отъ редакторства губернскихъ вѣдомостей, чтобы работать надъ своимъ сборникомъ. Жизнь проходить съ мѣрностью машины; — кропотливый трудъ, расчетъ каждой копейки — не разживешься на заработкѣ мѣстнаго публициста; но это ея внѣшняя неказистая сторона, — внутренняя — сознание приносимой пользы; въ ней свѣтитъ вѣчный свѣтъ идеи, придающій смыслъ ламкѣ. И онъ знаетъ честолюбивыя мечты, порывы къ громкимъ подвигамъ; но на нихъ не было запроса и онъ не захотѣлъ насильно вызывать его для того, чтобы душа разгулялась въ азартной игрѣ напрасной борьбы. Онъ примирился съ сѣренькой будничной жизнью, проходить ее мѣрными шагами, беретъ за каждое дѣло, которое судьба даетъ въ руки; то устроить общество потребления, то отстоять крестьянъ, которыхъ ретивый «субститутъ» собирается отправить въ далекое странствованіе. И день проходить за днемъ безъ самогрызения и за дни такой сѣренькой жизни десятку другому людей будетъ житься легче и по французской пословицѣ: *c'est autant de pris sur le diable*. Что если-бы были десятки тысячъ такихъ людей? Diable нашей жизни боятся этихъ людей, этотъ страхъ прикрытъ ненавистью. Онъ знаетъ, что они только важутся примиренными, онъ чувствуетъ подъ ихъ «наружнымъ примиреніемъ» работу неустаннаго протеста, не миряшагося ни съ чѣмъ, что не его вѣра». Крутицынъ, какъ натура болѣе пылкая, многосторонняя, сначала относился свысока къ жизни Статистики. Примираться съ ламкой не легко. Много мѣшали Крутицыну и его эстетическія инстинкты. Нужно было скитанье въ Парижѣ, разбитыя надежды на личное счастье и убѣжденіе во очю, что для него невозможна отвлеченная жизнь въ мірѣ науки и идей, жизнь космополита. Для такой жизни нужно имѣть фанатизмъ Овѣринныхъ или расудочность Прохорова. Крутицынъ неспособенъ какъ первый къ поглощенію всей жизни идеей, для которой еще не сложилась почва, ни къ холодной кабинетной жизни втораго. Въ его жилахъ льется теплая кровь. Между высканіемъ грядущаго града и наукой, въ жизни всегда останется пробѣлъ, пополнить который можетъ только живое, кровное дѣло. Крутицынъ находитъ его, вернувшись домой послѣ своихъ скитаній за границей. Онъ и во время этихъ скитаній мечталъ о томъ, чтобы «побороте силой

науки презрѣнный капиталъ, чтобы войти плотью и кровью въ цѣлый міръ народнаго труда, гдѣ все тотъ-же мужичекъ крахтитъ и потѣетъ, мѣняя свою избу съ кустарнымъ промысломъ на душную фабричную камеру, на атмосферу паровиковъ и котловъ и съ каждымъ лишнимъ рублемъ обзаводится пьянствомъ, ѣрничествомъ, болѣзнями и кончаетъ сплошь и рядомъ тѣмъ-же маразмомъ пролетарія, какъ и углекопъ бассейна Шарлеруа, какъ и оборванецъ лондонскихъ угловъ». Встрѣча съ парнемъ, продававшимъ замочки по баснословно дешевой цѣнѣ рѣшаетъ судьбу Крутицына. Но пусть говоритъ самъ авторъ: «Точно откровеніемъ явился передъ нимъ этотъ замочекъ, вступающій въ совмѣстничество съ машинными издѣліями Альбіона. Въ кусточѣ опиленнаго желѣза видѣлся ему цѣлый міръ пролетаріата въ когтяхъ кулака и міроѣда. Передъ нимъ стояла готовая промышленная артель, богатая опытомъ горькаго рабства, сплоченная стародавнимъ духомъ круговой поруки, повитая вѣковѣчнымъ и неустаннымъ трудомъ... Но артель эта пилитъ замочки, въ разсыпную, она не знаетъ своей силы, глаза у ней завязаны, природный разумъ спитъ подъ бременемъ безысходной нужды: кулаки за недѣлю закабалютъ себѣ каждаго, у кого ни муки, ни соли, ни желѣза, ни подпилка. Нѣтъ челоуѣка, который сказалъ-бы этимъ труженикамъ: «да что-же вы, братцы, не заведете общаго хозяйства», кто-бы нашелъ лишній грошъ для первыхъ шаговъ такой некартинной, а живой, данной жизнью трудовой общины».

— Да, вскричалъ Крутицынъ, глядя на темнѣющее въ дали село:—не съ тузами индустріи надо ладить людямъ науки и друзьямъ челоуѣчества! Пускай ихъ выписываютъ нѣмцевъ и англичанъ для своихъ паровиковъ и маховыхъ колесъ! Вотъ сюда въ подполья замочниковъ, на многострадальную почву народнаго труда придемъ мы искупить всѣ наши себалаживныя порыванія, ей отдать наше душевное добро, не прося инаго возмездія, кромѣ вѣры въ наши смиренныя начинанія, кромѣ простаго мужицкаго спасибо!

Медлительно скатилась слеза по его поблѣднѣвшей щекѣ. Онъ чувствовалъ въ эту минуту, какъ все его существо было охвачено любовью къ тому многообразному бытію, которое зовутъ родиной. Высоты цивилизаціи, гдѣ онъ дышалъ, откуда онъ обоврѣвалъ беспредѣльные кругозоры, не затормозили въ немъ фибра, трепетавшаго въ немъ такъ сладостно при видѣ и тихой рѣки, и блѣднаго неба, и глинистой землицы, и бѣдныхъ кустиковъ. Посреди родной, некривливой картины, его духовный взоръ съ надеждой сострастія обнималъ безропотно идущаго своей стезей кормильца-пакаря. Какъ глубоко несчастливъ былъ бы онъ, если-бы мировое движеніе, мовговая работа, яркіе цвѣты всесвѣтной культуры оставили его въ эту минуту безучастнымъ наблюдателемъ того, что творится въ одномъ углу вселенной и не дали ему силъ, держась за вѣчные устои, на которыхъ

заядётся людское преуспѣваніе, принасть горячимъ любовными устами къ матери русской земли». Крутицынъ примирился съ жизнью. Теперь не время служить мировымъ задачамъ, теперь время скромнаго труженичества, которое должно готовить рѣшеніе этихъ задачъ—вотъ что хочетъ сказать авторъ. И онъ говоритъ правду. Но это примиреніе грозитъ опасностью, на которую онъ не указываетъ. Примиреніе—спокойствіе, оно втягиваетъ людей. Успокоясь на сознаніи пользы, приносимой скромнымъ труженичествомъ, они могутъ потерять изъ глазъ мировыя задачи, зарыться въ него, какъ муравьи въ свои гнѣзда, и когда жизнь запроситъ труда пошире муравьиного, не откликнутся на призывъ ея. Статистика и Крутицынъ не втянулись. Но въ примиреніи Крутицына звучитъ нота, которая составитъ рѣзкій диссонансъ съ этимъ откликомъ. Смирясь передъ Статистикой, на котораго онъ смотрѣлъ свысока во время своихъ скитаній, онъ смиряется и передъ другимъ своимъ пріателемъ, Юсомъ, своеобразнымъ Обломовымъ, созданнымъ послѣднимъ десятилѣтіемъ. Онъ восхваляетъ Юса за то, что тотъ, своему лѣнью протестуя противъ «идоловъ», въ родѣ земскаго предсѣдателя и субститута, и зная, что онъ не созданъ для социальной дѣятельности, не хочетъ наполнять собой болота «самодовольныхъ и непризванныхъ устроителей, карателей и направителей, а дурачится. Примиреніе довело Крутицына и до восхваленія стана безвредныхъ, но эти безвредные трутни паразиты общественнаго тѣла. Дурачества Юсовъ, въ которыхъ слышится наболѣвшее чувство противъ вредныхъ паразитовъ въ образѣ карателей, устроителей и направителей, не приносятъ ни на грошъ пользы; они—самоуслажденіе,—и ничего больше, не особенно сладкое, это правда, но люди любятъ-же и горчицу, и перецъ, и горькую водку. А эти паразиты живутъ на счетъ общественнаго тѣла; ничего не отдавая ему, отнимаютъ у него здоровые соки.

Эта печальная черта въ человѣкѣ, котораго не сманили всѣ искушенія привольной жизни людей по ту сторону вала, который отказался отъ наслѣдства, чтобы не быть «рентьеромъ», и отдалъ его на артели народу. Это роковое предостереженіе. Путь примиренія—скользкій путь. Если эта черта сказала въ человѣкѣ, принимавшемъ участіе въ «мировомъ движеніи, видѣвшемъ яркіе цвѣты всесвѣтной культуры», то на сколько сильнѣе она скажется въ людяхъ, заброшенныхъ въ уголь, куда не проникаетъ это движеніе, которымъ не приходилось видѣть эту культуру. Одна короткость съ такимъ человѣкомъ, какъ Рязе, который разворается на штрафы и проводитъ три четверти жизни въ тюрьмѣ за свои сочиненія, превосходное тоническое средство противъ нравственнагохудосочія. А оно такъ легко развивается въ темныхъ углахъ отъ однообразнаго вытягиванія жизни. Долгѣйшее взнесаніе грядущаго града тоже отличное предохранительное средство отъ той-же болѣзни. Но

разъ человѣкъ втянется въ примиреніе до того, что увидитъ въ лампѣ не задачу дня, а задачу вѣка, онъ забудетъ великое общее, которое одно можетъ придать смыслъ лампѣ и силу тянуть ее. Тогда, вмѣсто общаго дѣла, которое дружно подготавливали разными терпѣливо вытягиваемыя лампы, окажется неисчислимое множество мелкихъ частныхъ дѣлъ. Человѣкъ потеряетъ опору жизни и силы тянуть лампу онъ будетъ искать въ другомъ, въ томъ, въ чемъ находятъ ее люди, стоящіе по ту сторону вала, и это будетъ тѣмъ удобнѣе для него, что люди эти приняли другую, болѣе благообразную форму.

V.

И для этихъ людей крестьянская реформа не пропала даромъ. Она выработала изъ нихъ новый типъ, на который не рассчитывали люди мысли, подготавливавшіе реформу, но который неизбежно долженъ былъ явиться—типъ новыхъ практиковъ. Людямъ, умѣющимъ работать только на благоустроеніе собственнаго благополучія, впервые пришлось поработать мысли. Они поработали ей, какъ рабы лукавыя и лицемерныя, но и эта работа была для нихъ горькимъ пораженіемъ. Какъ ни не полна была побѣда мысли, въ этой побѣдѣ они увидѣли начало дальнѣйшихъ побѣдъ. Изъ нея они увидѣли, что имъ, чтобы избѣжать пораженія, нужно перемѣнить форму. Противъ нихъ было впервые и съ большой оглядкой употреблено оружіе—слово. И прежде имъ дѣйствовали, но не вынимая его изъ ноженъ разныхъ вносказаній и недомолвокъ. Теперь оно было вынуто изъ клинка. Въ виду такого оружія, людямъ, стоявшимъ по ту сторону вала, оказалось невозможнымъ сохранить во всей его неприкосновенности свое царство. Даровые хлѣба, прокармливавшіе царство это, значительно поубавились; система беззастѣнчиваго кормленія службой стала нѣсколько рискована. Пришлось изыскивать другіе способы кормленія. Судьба, всегда благосклонная къ этимъ людямъ, открыла имъ новыя способы кормленія, еще болѣе сытнаго и вкуснаго, нежели даровые хлѣба крѣпостничества и подачки подъячества, кормленія, прикрытаго благообразной формой общественнаго прусианія. Концессія желѣзныхъ дорогъ, разныя акціонерныя общества, магистратура и земство широко распахнули свои двери передъ людьми съ той стороны вала. Для того, чтобы вступить въ нихъ, требовалось нѣчто больше знанія трехпольной системы, умѣнья вспичать горячичъ разнымъ Ваикамъ и Машикамъ, или настрочить подходящую бумагу. Потребовалось извѣстное знаніе дѣла, или по крайней мѣрѣ фразъ, свидѣтельствовавшихъ о такомъ знаніи; пришлось придать кормленію извѣстный декорумъ, котораго требовалъ духъ вѣка; показать, что оно порожденіе мысли. Прежде отдавъ должное де-

партаментской дипломатіи и заботамъ о барщинѣ и оброгѣ, и для приличія занявшись тѣмъ, кто кого побилъ Гизо или Тьеръ; мысль уходила всецѣло въ городскія сплетни или подвиги отъѣзжаго и зеленого поля; теперь ей пришлось поработать надъ вопросами земскаго хозяйства, состояніемъ европейскаго рынка, промышленности, и серьезно вникнуть, кто кого побьетъ изъ современныхъ Тьеровъ или Гизо; это бьетъ по карману. Пришлось заглянуть и въ книгу и поучиться кое чему. Пришлось и наложить узду на разные инстинкты, развитые привольной жизнью барства; съ этими инстинктами надобно глядѣть въ оба и держать ухо востро. А то, какъ разъ въ биржевой, и акціонерной, и другой игрѣ останешься въ дуракахъ и тебя сживетъ со свѣту своя же братья. Современные отцы исполнили все, чего требовалъ отъ нихъ духъ времени, чтобы остаться отцами, и сравнивая себя съ домостроевскими отцами, бывшими баклуши, гонавшимися за зайцами, и спивавшимися съ кругу съ цыганками, считаютъ себя насадителями отечественнаго преуспѣянія, способствователями общественнаго развитія и благоустройства. Они приняли извѣстную форму, приличную, достойную, европейскую. Tartare и холопъ не сквозятъ сквозь нее такъ откровенно. Рѣчь ихъ приняла другой складъ; въ ней слышатся неснившіяся домостроевскимъ отцамъ слова о самодѣтельности, гражданственности, самоуправленіи, общественной совѣсти.

Слыша эти фразы, вида приличный обликъ современныхъ отцовъ, какому нибудь наивному человѣчку могло помечтаться, что въ этой формѣ, въ которую отошло послѣднее десятилѣтіе, наше барство таитъ зародышъ той сильной буржуазіи, нѣчто въ родѣ того tiers état, который держитъ въ своихъ желѣзныхъ клещахъ судьбы Европы,—буржуазіи, повитой воспоминаніями о вѣковой борьбѣ за свои права, породившей цѣлое міросозерцаніе, имѣвшей въ числѣ своихъ мыслителей первыхъ геніевъ міра, разбившей зданіе средневѣковыхъ предрасудковъ и въ затхломя мірѣ католицизма провозгласившей свободу человѣка. Такая буржуазія имѣла право на жизнь. Если ужъ непременно нужно видѣть ее въ современныхъ отцахъ, то въ нихъ вырабатываются или видоизмѣняются только узкія, темныя стороны ищанства, разлагающія все, что было жизненнаго въ ней—алчная гоньба за наживой, продажа всего святаго ради этой наживы, обоготвореніи комфорта и семьи, какъ принадлежности этого комфорта и извѣстный кодексъ приличій. Нужно имѣть очень пылкое воображеніе и порядочную дозу наивности, чтобы видѣть буржуазію въ видоизмѣнившихся отцахъ.

Эти видоизмѣнившіяся черты были вѣрно переданы однимъ фотографами. Сочинители, въ родѣ гг. Авергіевыхъ, Стебницкихъ, Ключниковыхъ и пр. тщатся всѣми силами создать изъ этихъ чертъ что нибудь титаническое. Фотографію и довольно удачную барина новаго типа, даетъ намъ г. Кущевскій въ сво-

емъ благополучномъ россіянинѣ. Николай Негоревъ натура бѣдная, слабая, черствая. Еще ребенкомъ онъ понялъ, что для него всего выгоднѣе покоряться, быть благонаправномъ мальчишкой, хоть при *laissez faire*, господствовавшемъ по безпечности отца, въ воспитаніи и возмущеніе не было бы особеннымъ геройствомъ. Онъ просто подчинился всѣмъ недѣльнымъ требованіямъ и тетуски, и гувернантокъ, которыхъ ни брать, ни сестра не хотѣли знать, потому что онъ не могъ не подчиняться. Да и во имя чего сталъ бы онъ протестовать? Въ немъ не было живыхъ силъ дѣтства; его не манили ни шумныя игры, ни невинное буйство; въ немъ не было даже того, что англичане, лучшіе наблюдатели дѣтства, зовутъ *animal spirits*. Въ немъ не было и *spirits* высшаго разряда. Его черствая натура не понимала увлеченій дѣтства. Дѣтей такого сорта очень любить отцы всѣхъ разрядовъ, которые не могутъ нахвалиться ихъ благонаравіемъ, послушаніемъ, прижѣрнымъ поведеніемъ. Природа, кажется, нарочно подготавливаетъ такихъ дѣтей съ рожденія для роли благонамѣренныхъ и слѣдовательно, благополучныхъ гражданъ. Бѣдность ума, бѣдность чувства и мелкое самолюбіе—одна цѣль жизни—карьерера. Все, что есть великаго и прекраснаго въ человѣчествѣ міръ чуждый для нихъ. Все, ради чего живутъ лучшіе люди вѣка, для нихъ мечты безумцевъ. Они толпа, которая во всѣ вѣка кричитъ: «распни, распни его».

Николай Негоревъ рано понялъ, что для достиженія благополучія нужно идти проторенной дорогой; ему это не трудно, онъ закаленъ отъ всевозможныхъ увлеченій. Въ эпоху «сповальнаго увлеченія молодого поколѣнія либерализмомъ», онъ одинъ остался трезвымъ. Для того, чтобы въ то время общаго упоенія надеждами, общаго увлеченія вѣрой въ близкое торжество «либерализма», остаться трезвымъ, чтобы оцѣнить общественное движеніе во столько, сколько оно стоило, нужно было хорошо знать Россію, нужно было имѣть глубокое пониманіе всѣхъ сторонъ жизни ея, которое дается знаніемъ и опытомъ, или хоть бы, наконецъ, то чутье идеала, которое заставляетъ насъ видѣть, на сколько люди недостойны воплотить его въ жизни, то чутье, которое заставляло Жоржъ-Зандъ, еще незнакомую съ политикой, предвидѣть неудачи 1848 г.,—или нужно было быть Николаемъ Негоревымъ. Вотъ какъ смотрятъ Николай Негоревъ на эти увлеченія. «Я давно сообразилъ, говорить онъ:—что всѣ наши безтолковые споры ведутся изъ-за пѣтушьяго первенства и инстинктивно понялъ, что это ложный путь для достиженія цѣли. Такъ какъ молчать, когда всѣ говорятъ, очень оригинально, я уже своимъ молчаніемъ обращалъ на себя нѣкоторое вниманіе, но кромѣ этого я приучился говорить отрывочныя, рѣзкія фразы и задавать непобѣдимые вопросы». Кромѣ пѣтушьяго первенства, онъ ничего не могъ разглядѣть въ этихъ спорахъ, изъ за которыхъ Овѣринъ отправился въ далекія стран-

ствования, а братъ его сдѣлался безпріютнымъ скитальцемъ. Завоевавъ себѣ этой тактикой репутацію непобѣдимаго спорщика, онъ завоевалъ и репутацію дальновиднаго чловѣка. И какъ дешево достается подобная репутація благополучнымъ!россіанамъ. Врожденное благоразуміе и осторожность не допустить ихъ ни до какихъ увлеченій, и они хвалятся ими передъ людьми, дорого поплатившимися за свои увлеченія, какъ глубокой мудростью, такъ и пониманіемъ жизни. Перенесите ихъ въ другую среду, въ другую эпоху, когда и увлеченія осуществимы и они точно также станутъ держаться въ сторонѣ отъ всякихъ «увлеченій», пока очевидное торжество ихъ не сдѣлаетъ держаніе въ сторонѣ очевидно невыгоднымъ, и гдѣ же будетъ тогда ихъ глубокая мудрость, ихъ хваленое пониманіе жизни?

Г. Куцевскій увлекся своею нелюбовью къ типу благополучныхъ россіанъ и сдѣлалъ въ своемъ Николаѣ Негоревѣ важную ошибку:—онъ представилъ его грязнымъ мошенникомъ, который устраиваетъ свое благополучіе самыми неблаговидными продѣлками. Онъ несравненно вѣрнѣе достигъ бы своей цѣли ошошлить зарождающійся у насъ типъ, представивъ въ благополучномъ россіанинѣ вполне приличнаго мѣщанина, съ извѣстнымъ кодексомъ мѣщанскихъ добродѣтелей, недопускающимъ его до неблаговидностей извѣстнаго рода, въ родѣ женитьбы на m-ле Горѣлой, и своею ограниченностью, своимъ кодексомъ мѣщанскихъ добродѣтелей несравненно болѣе вреднаго, нежели супругъ m-ле Горѣлой. Типъ такого благонамѣреннаго и благополучнаго француза дала Андре Лео въ своемъ послѣднемъ романѣ «Исторія честнаго буржуа».

Создать типъ подобнаго благополучнаго россіанина нашего времени было бы истинной заслугой. Этотъ типъ будетъ у насъ плодиться годъ отъ года; онъ проникнетъ всюду; онъ завладѣетъ всѣми путями русской жизни, онъ станетъ силой именно тѣмъ, что у него есть свой кодексъ мѣщанскихъ добродѣтелей. Онъ не сдѣлаетъ никакого бѣющаго въ глаза неблаговиднаго поступка, котораго не снесетъ наше всевыносливое общественное мнѣніе, будетъ соблюдать необходимый декорумъ, подъ которымъ упрочится старое зло, если оно ему выгодно; онъ станетъ сохранять это зло съ полнымъ сознаніемъ правоты, станетъ безпоощадно давить зарождающееся добро, если оно отниметъ у нихъ хоть частицу выгоды; онъ, по словамъ Овѣрина, «для того, чтобы не остаться безъ пирожнаго, готовъ обречь на смерть миллионы людей». Сдѣлать фотографію такого приличнаго господина несравненно труднѣе, нежели фотографію ловкаго мошенника; рѣзкія черты выходятъ всего удачнѣе въ фотографіяхъ, какъ и въ картинахъ живописцевъ третьей руки. Но нужно много искусства, чтобы вѣрно передать некидающіяся въ глаза рыхлыя и тупыя, вмѣстѣ съ выраженіемъ извѣстнаго себѣ на умѣ, черты самодовольнаго приличнаго мѣщанства.

Черты ловкаго мошенника, приданныя г. Куцевскимъ въ кон-

цѣ романа Николаю Негореву, большая ошибка и противъ правды жизни. Въ Николаѣ Негоревѣ не было задатковъ такого мошенничества. Онъ ребенкомъ выказалъ неумолимое презрѣніе къ Новичкову за кражу ножичка—доказательство, что въ немъ и въ то время уже вѣрно засѣлъ кодексъ мѣщанской морали. Въ первую молодость онъ отваживался на такіе поступки, на которые не отважится всякій мѣщанинъ. Онъ собирался жениться на бѣдной дѣвушкѣ, болѣе, на дѣвушкѣ, жившей внѣ всякихъ законовъ приличій, на дѣвушкѣ, олеветанной самымъ наглымъ образомъ, на дочери мазурика, содержавшагося въ острогѣ. Какъ ни объяснять такой поступокъ увлеченіемъ равными идеями, влияніемъ товарищескаго кружка, молодостью, онъ подвигъ для благополучнаго россиянина, тѣмъ болѣе при отсутствіи страстности въ натурѣ Негорева. Ему даже и на мысль не приходило, что женитьба его—подвигъ, что она повредитъ его будущему благополучію. Далѣе, на допросахъ слѣдственной комиссіи, онъ ведетъ себя, какъ порядочный человѣкъ, а не какъ человѣкъ, устрояющій свое благополучіе. Онъ гнушается доносчикомъ Стульцовымъ. Какимъ же чудомъ въ небольшой промежутокъ времени могло въ немъ совершиться превращеніе въ Стульцова; потому что такъ жениться на m-lle Горьдой могъ только Стульцовъ. Благополучнымъ россиянамъ нужно уваженіе общества, а подобная женитьба броситъ на нихъ слишкомъ много грязи. Пускай съ порой зрѣлости благополучные россияне падаютъ все ниже и ниже. Но какъ бы низко ни упалъ человѣкъ, есть извѣстная черта, которую онъ не способенъ переступить. Авторъ заставилъ своего героя переступить черту паденія благополучныхъ россиянъ.

Оставя въ сторонѣ это ничѣмъ неоправданное превращеніе, слѣдуетъ отдать справедливость автору, что во всемъ остальномъ характеръ благополучнаго россиянина выдержанъ прекрасно. Николай Негоревъ, человѣкъ золотой середины, читай въ переводѣ, полной посредственности. Ему не по себѣ, когда приходится быть свидѣтелемъ разныхъ, какъ онъ говоритъ, «чувствительныхъ сценъ», когда жизнь неудержимо рвется изъ рамокъ золотой середины, когда взволнованное чувство рветъ установленныя ею плотины. Это не равнодушныя Овѣрина къ подобнымъ «чувствительнымъ сценамъ». У Овѣрина все чувство, вся страсть поглощена его идеей: онъ не понимаетъ, какъ люди могутъ тратить ихъ на мелочи; онъ проходитъ мимо нихъ, какъ пройдетъ художникъ мимо картины, гдѣ за обработкой мелочныхъ подробностей забыта идея. Николай Негоревъ не можетъ простить сестрѣ Лизѣ ея выходку, когда она отколотила галочей по щекѣ извозчика, сдѣлавшаго ей наглое предложеніе; онъ съ неудовольствіемъ относится и къ наивному признанію Софьи Васильевны—она нарушила имъ всѣ приличія. Онъ человѣкъ «видовыхъ устоевъ отцевъ». По смерти отца, онъ заявляетъ права старшаго брата надъ сестрой и будь Лиза

дѣвужкой менѣе самостоятельнаго характера, онъ сдѣлался бы деспотомъ-братомъ. Въ своихъ отношеніяхъ жениха, онъ очень ясно выказываетъ задатки мужа-деспота. Онъ глубоко оскорбленъ, когда невѣста въ отвѣтъ на его требованіе, чтобы она отказалась отъ всякаго участія въ затѣяхъ, отвѣчаетъ, «что она еще до помолвки отказалась отъ всякихъ затѣй», но что она скорѣе бы разсталась съ нимъ, нежели отреглась отъ своихъ убѣжденій. Онъ молчитъ на ея слова, потому что по кодексу мѣщанства, женихъ обязанъ быть покорнымъ рабомъ невѣсты. За то можно поручиться чѣмъ угодно, что, ставши мужемъ, онъ бы не замедлилъ предъявить свои права, т.-е. требовать, чтобы она не имѣла никакихъ убѣжденій, кромѣ тѣхъ, которые онъ ей дозволить имѣть.

Г. Вобарыкинъ и начинающая писательница, успѣвшая уже обратить общее вниманіе на себя, г-жа Смирнова, даютъ цѣлый рядъ фотографій благополучныхъ россіянъ. Г. Вобарыкинъ очень мѣтко называлъ этихъ людей—людьми солидныхъ добродѣтелей. Къ сожалѣнію, оба писателя только бѣгло очерчиваютъ ихъ мимоходомъ, а эти люди стоили бы серьезнаго изученія. Они ждуть своего Гоголя. Земцы обоихъ авторовъ, субстатутъ одного и адвокаты и промышленные дѣятели обоихъ,—вывѣска благополучнаго россійскаго мѣщанства и устроимаго имъ прогресса. Въ нихъ прочность, устойчивость и непоколебимое сознаніе, что они стали въ жизни твердой ногой,—и гордая увѣренность, что это положеніе красиво, современно, что они цвѣтъ и краса отечественной цивилизаціи,—и сытое довольство, которое тѣмъ болѣе любитъ собой, что приобрѣтено путемъ «прогрессивнаго учрежденія». Они считаютъ себя неизмѣримо выше благополучныхъ россіянъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ; они брезгаютъ Молчаливыми, Фамусовыми, они могутъ обдѣлывать свои дѣлашки болѣе опрятнымъ образомъ, ихъ невозможно подвести ни подъ какую статью уголовныхъ законовъ. Заручившись большинствомъ голосовъ, загрести себѣ пять тысячъ жалованья, когда на народныя школы и больницы не оказывается ни гроша, провести черезъ имѣніе ненужную вѣтвь желѣзной дороги, чтобы въ три-дорога сбыть безплодную землю, схватить крупный кушъ за защиту грязнаго дѣла, лгать передъ лицомъ общества, чтобы ложью выручить проворовавшагося отца невѣсты, воровать акціонерными компаніями—это не грязное лихоимство, не кража, за него не бросать въ лицо позорное названіе взяточника, вора; все совершается гласно, подъ прикрытіемъ принципа подачи голосовъ, принципа защиты, санкціи общества страхуетъ дѣятеля отъ всякаго упрека. Законъ за нихъ, преуслѣбаніе за нихъ, они гордо поднимаютъ голову, они люди передовые, двигающіе отечество впередъ. Они не знаютъ скитаній Крутицынскихъ; въ нихъ нѣтъ ни тревожныхъ сомнѣній или стремленій. Они нашли свое мѣсто въ жизни. Въ нихъ полнѣйшая гармонія мысли и дѣла. Въ нихъ довольство, спо-

койствіе, которое можно бы назвать Олимпийскимъ, еслибы оно не было тоже и свойствомъ Санки-Панча. И съ какимъ подавляющимъ презрѣніемъ они относятся къ людямъ, которые смѣютъ требовать отъ жизни большаго, дерзаютъ мечтать о многомъ прогрессѣ, кромѣ того, блестящими представителями котораго служатъ они. Тѣ безумцы, мечтатели, сумасброды; они люди разума, дѣла и правды. Они чтутъ законъ, они не нарушили ни одной іоты его; они не самозванцы иль дѣтели, поставленные ими,—и если они выгодно обдѣлываютъ свои дѣлишки, то они обдѣлываютъ ихъ по законной формѣ. Только развѣ сумасбродъ, какъ Крутицынъ, можетъ задѣть ихъ за пятидесятичное жалованье при неимѣннй средствъ на школы и больницы, за защиту грязнаго дѣла, за оправданіе челоуѣка, ошельмованнаго общественнымъ мнѣніемъ, да развѣ какіе нибудь «мизерабли» публицисты могутъ издѣваться надъ ними въ формѣ сатирическихъ разсказовъ. Мизерабли, дѣло извѣстное, рады издѣваться надъ всѣмъ, что есть святаго въ мірѣ, лишь бы имъ платили по столько-то за строчку, а Крутицыны — праздношатающіеся, которые сами запоютъ не то, когда имъ удастся пріобрѣсти солидные добродѣтели. Но мизерабли берутъ свои копѣйки за строчку и знать не хотятъ рублей, которыми бы ихъ рады купить благополучные россияне—люди солидныхъ добродѣтелей, и Крутицыны не перестаютъ шататься, не пріобщаясь этимъ добродѣтелямъ. Подъ благополучными россиянами есть почва семидесятихъ годовъ, она ускользаетъ отъ благополучныхъ россиянъ, но какъ ни микроскопична эта почва для людей, которые смотрятъ на благополучныхъ россиянъ съ точки зрѣнія исторіи и будущаго, они, тѣмъ не менѣе, ощущаютъ эту почву подъ собою. У нихъ своя опредѣленная физіономія, и мы знаемъ, чего мы можемъ ожидать отъ нихъ. Это не прежніе баричи, которые жестоко карали и миловали порой, какъ приходилось по цдраву. Они забыли мѣстничество бархатной книги и даже отказываются отъ патріархальнаго *ты* съ лицами не дворянскаго происхожденія. Солидные современныя добродѣтели не позволяютъ имъ ни ругаться, ни давать въ зубы; завелись мировые; не позволяютъ прислуживаться помолчалински передъ начальствомъ,—биржевая игра уравниваетъ всѣхъ; не позволяютъ имъ самодурствовать надъ женой и дѣтьми. Да имъ оно и не нужно. Русская жизнь выработываетъ подъ стать имъ и женщинъ, призваніе которыхъ быть женами благополучныхъ россиянъ, женщинъ, пресполненныхъ всякими солидными добродѣтелями. Жены домостроевскаго періода, если не удались въ отцовъ, то умѣли изнывать и чакнуть, или отводить душу романтическими похождениями. Широкая натура домостроевскихъ отцовъ разгуливалась въ женщинахъ трагическими катастрофами. Тамъ она угасала, здѣсь разбивалась, но то была жизнь. У женъ современныхъ отцовъ жизнь застываетъ въ солидности, чинности и приличіи,—жизнь сводится на прозябаніе. Миръ и благодать

царить въ домѣ. Женн и въ помислахъ не биваютъ невѣрны мужьямъ. Дѣти почитаютъ отцовъ. Домостроевскіе отцы говорили: хочу караю, хочу милую. Въ ухахъ дѣтей невольно слагался силлогизмъ: что же ты, игрушки дался мнѣ что ли тебѣ? За что же наша жизнь разбивается, потому что ты хочешь. Современные отцы, вмѣсто хочу караю, хочу милую, поставили принципъ. Противъ принципа труднѣе пойти, чѣмъ противъ произвола единичной личности. Солидность и чинность семьи съ дѣтства вырабатываетъ въ дѣтяхъ одну изъ первыхъ солидныхъ добродѣтелей—повиновеніе. Семья прочна въ своемъ прозбаніи. Всѣ члены ея связаны если не глубокой, то солидной привязанностью общихъ интересовъ. Никакое рѣзкое безобразіе не возмутитъ тиши и глади этой жизни. И несмотря на царящую тишь и божею благодать вы скорѣе выживите недѣлю въ обществѣ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, нежели въ такой семьѣ. Плесень уголка, гдѣ ютится старосвѣтская жизнь, безхитростная, непритязательная, смиренная, откровенная плесень. Ее сразу видно. Не троньте ея—и она не будетъ лѣзть вамъ въ глаза и бить въ носъ. Она будетъ лежать въ углу и дастъ себя вымести, когда придетъ время выметать ее. Старосвѣтскіе люди живутъ въ своихъ углахъ, какъ жили отцы и дѣды, не подозрѣвая, что можно жить иначе, не помышляя, чтобы могли существовать люди, для которыхъ настояга и кулебяка не альфа и омега жизни. Плесень солидныхъ добродѣтелей другого рода. Ее не всякій распознаетъ сразу. Нуженъ чуткій носъ Крутицкихъ, чтобы распознать, что тутъ припахиваетъ гнилью. Тутъ ограниченность не старосвѣтская, современная,—ограниченность, понюхавшая европейскаго воздуха и вдохнувшая въ себя, что было въ немъ миазмовъ; ограниченность, въ силу этого вдыханья, считающая себя передовой силой, ставящая себя въ образецъ; ограниченность, возводящая себя въ принципъ. Довольство ея раздражаетъ. За ея сытыми, самодовольными и тупыми чертами, мы угадываемъ крайній предѣлъ, котораго она не преидеть; за ея чинностью и благоприличіемъ, за ея отеческой и супружеской ибжностью мы угадываемъ дикую звѣрскую злобу; не дикую разнузданность барича, самодура, въ которой, порой проскакивалъ и великодушный порывъ широкой природы, но расчитанную, упорную, сознательную злобу, злобу противъ всего, что не признаетъ за этой ограниченностью права на жизнь, злобу, прикрытую громкими фразами хранения «видовыхъ устоевъ», злобу, перенявшую у европейской цивилизации приличную форму давить все, что стоитъ на ея дорогѣ. «Только славянская мягкость, говоритъ Крутицкихъ:—даетъ ихъ тону и обхожденію такой мало обидный складъ, а прибавь имъ пигменту, пускай они почувствуютъ дѣйствительную опасность отъ прикосновенія всеразвѣдающей идеи, они покажутъ тебѣ, что такое быть отщепенцемъ, не преклоняться передъ ихъ премудростью, не держаться за ихъ «жизненные устои».

Иваны Фодоричи и прочіе члены земскихъ управъ, адвокаты и піонеры всѣхъ степеней и устроители разныхъ обществъ, вполне законные, цѣльные люди. Никогда они не опугаты ни малѣйшаго разлада въ своемъ внутреннемъ мірѣ; они въ полномъ смыслѣ слова благополучные россияне. Если Николай Негоревъ, достигнувъ вершины благополучія, ощущаетъ пустоту, видитъ, какъ отъ него ушли друзья, либерализмъ которыхъ могъ компрометировать его, какъ ушла сестра, у которой не было ничего общаго съ братомъ, благополучнымъ россияниномъ, и зная, что новыхъ друзей ему не найти въ средѣ благополучныхъ россиянь, чувствуетъ, что въ немъ начинается притупляться ощущеніе благополучія, то это не вытравленные остатки завяски молодыхъ кружковъ, которая неволью въѣлась и въ него, завяски, поднимавшей къ ширя и приволью жизни изъ безчувственнаго прозябанія. Николай Негоревъ, заморозивъ всѣ цвѣты въ своемъ сердцѣ, хочетъ отогрѣть послѣдній—любовь къ сестрѣ. Ивану Фодоричу и К. не приходится отогрѣвать цвѣтовъ. Они всегда оставляютъ себѣ на утѣху нѣсколько блѣдныхъ, жалкихъ цвѣточковъ, въ родѣ тѣхъ, которыми городскіе жители украшаютъ свои полисадники; слѣдовательно, они застрахованы отъ ощущенія пустоты, которое могло бы иавести ихъ на мысль о неполнотѣ своего благополучія. Типомъ современныхъ отцовъ завершилась цѣлая сторона русской жизни—это новая форма, въ которую реформы послѣднихъ годовъ отдели наше барство, крайняя ступень его развитія. И сколько бы ни развивалась русская жизнь, этотъ типъ строителей общественнаго благоустройства и порядка не измѣнится, пока общій поднявшійся уровень жизни не выдвинетъ новыя элементы, въ которыхъ онъ долженъ распуснуться безслѣдно.

ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА ПРУДОНА.

P. J. Proudhon, sa vie, sa correspondance, par Sainte-Beuve. Paris. 1873. 3-me édition.

Тѣхъ, кто знакомъ съ прежними критическими трудами Сен-Бева, книга его о Прудонѣ изумила самымъ пріятнымъ образомъ. Этотъ тонкій, изящный критикъ, всегда умѣвшій въ своихъ этюдахъ весьма искусно примѣшивать къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній любопытныя и мало извѣстныя біографическія подробности объ ихъ авторахъ, мотивируя въ большинствѣ случаевъ достоинства или недостатки писателя чертами его характера, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличался постоянно крайней строгостью своихъ приговоровъ, когда дѣло шло о людяхъ другого лагеря, и главное, какимъ-то буржуазнымъ скептицизмомъ, стремившимся объяснить всякое благородное душевное движеніе, всякій широкій порывъ, всякую попытку энергическихъ, оригинальныхъ натуръ выбиться изъ тѣхъ рамокъ, въ которыя заключаютъ ихъ общественныя условія и рутинныя воззрѣнія большинства, пошленькими и мелочными побужденіями, такъ что читатель невольно задавалъ себѣ иногда вопросъ: не голосъ-ли зависти слышится въ этихъ сухихъ, недоброжелательныхъ отзывахъ? Потому, принимаясь за книгу о Прудонѣ, мы ждали, что Сен-Бевъ непременно посмотритъ на него сверху внизъ. Но вышло на оборотъ. Вся книга отъ первой до послѣдней страницы проникнута глубокимъ, почти благоговѣйнымъ уваженіемъ къ личности знаменитаго мыслителя; и что всего удивительнѣе — содержитъ въ себѣ даже довольно безпристрастную оцѣнку его теорій, съ которыми Сен-Бевъ не всегда согласенъ, но къ которымъ никогда не относится враждебно. Какъ будто отъ соприкосновенія съ личностью Прудона, кругозоръ самого Сен-Бева значительно расширяется.

Этюдъ Сен-Бева, какъ объясняетъ самъ онъ, «не защита Прудона, даже не изложеніе или обсужденіе его доктринъ; я хочу, — говоритъ Сен-Бевъ, — показать человѣка, искренность его характера, форму его таланта, словомъ, его личность, внушавшую любовь и уваженіе каждому, кто только приближался къ ней. Полезно

разрушать преграды, существующія между умами и интеллигенціями, предубѣжденія человѣка противъ человѣка, когда эти люди, по своимъ достоинствамъ, заслуживаютъ того, чтобы быть понятыми и оцѣненными другъ другомъ, даже находясь въ различныхъ лагеряхъ; уменьшать ненависть, оскорбительное презрѣніе, такъ часто происходящее вслѣдствіе недостаточнаго знакомства людей между собою, вслѣдствіе изолирующейся гордости и взаимнаго недоверія, словомъ, вслѣдствіе той разрозненности, въ которой всё мы живемъ. Литература, понятая такимъ образомъ, и стремящаяся къ тому, чтобы обезоружить оскорбленія, уничтожить узкость и исключительность взглядовъ и абсолютныя приговоры, чтобы сблизить различныя сферы — есть одна изъ высшихъ формъ, одно изъ высшихъ орудій цивилизаціи».

Надобно отдать полную справедливость Сен-Беву, что онъ съ чрезвычайной тщательностью собралъ все, что могло послужить къ выясненію нравственной фязіономіи Прудона; лица близко знавшіе его, или находившіеся съ нимъ въ какихъ-либо случайныхъ отношеніяхъ, успѣшили доставить его біографу всё матеріалы, находившіеся у нихъ въ распоряженіи. Кромѣ обширной переписки, придающей особенную важность книгѣ Сен-Бева, онъ воспользовался также многими изустными связами и отчасти тѣмъ, что уже было напечатано о знаменитомъ писателѣ, какъ, напримѣръ, статей нѣмецкаго социалиста Грюна, гдѣ мы находимъ необыкновенно интересныя подробности о его знакомствѣ съ Прудономъ. Письма Прудона не похожи на письма другихъ знаменитостей. По справедливому замѣчанію Сен-Бева, знаменитости, обыкновенно, или тяготеютъ письмами, и осаждаемы со всѣхъ сторонъ вопросами и комплиментами, спѣшатъ отвѣтить на нихъ что-нибудь, лишь бы отвязаться; или разсчитывая на эффектъ, стараются блеснуть въ письмахъ фразою, выставляютъ себя здѣсь на показъ, какъ актеры въ своихъ любимыхъ позахъ, или, наконецъ, пишутъ преднамѣренныя письма, заглядывая при этомъ, какъ мѣтко выражается Сен-Бевъ, однимъ глазомъ на потомство.

Письма Прудона — совсѣмъ не то. Когда онъ пишетъ, онъ занятъ единственно своею мыслью, и тѣмъ лицомъ, къ которому пишетъ. Человѣкъ убѣжденія, онъ не скучаетъ писать, не тяготеетъ вопросами. Лишь бы онъ зналъ, что вами движетъ не пустое любопытство, а любовь къ истинѣ, онъ всегда серьезно отнесется къ вамъ, вниметъ въ ваши возраженія и непременно отвѣтитъ на нихъ письменно или изустно.

Онъ не боится также, когда пишетъ вамъ, измѣнить свой прежній взглядъ на предметъ; онъ рѣдко признаетъ себя побѣжденнымъ — это не его манера, но охотно сознается въ пробѣлахъ, измѣненіяхъ мысли, словомъ, въ «эволюціяхъ» своего ума. Вотъ что онъ между прочимъ пишетъ къ нѣкому Клерку: *спредварительное объясненіе; замѣтте, мой милый капитанъ,*

что я никогда не перечитываю себя. Какъ только мысль вышла изъ моей головы и улегалась на бумагѣ, она мнѣ дѣлается противна. Повторяю, я прежде всего дорожу искренностью своего чувства и свѣжестью своихъ идей. Я не довѣряю автору, имѣющему претензію остаться черезъ двадцать-пять лѣтъ тождественнымъ самому себѣ и однороднымъ съ своей собственной мыслью. Это извѣстный способъ импонировать читателю, для меня крайне противный и обличающій только ложь и тщеславіе. Всѣмъ намъ свойственно ошибаться, и мы должны прежде всего смиренно сознаться въ этомъ. Истина одна; но она представляется намъ отрывочно и подѣ весьма различными углами. Нашъ долгъ выразить ее такою, какою мы ее видимъ, хотя бы мы противорѣчили себѣ, дѣйствительно, или только повидимому. Это можетъ казаться вамъ страннымъ, любезный капитанъ, но подумавши хорошенько, вы признаете, что съ точки зрѣнія искренности я правъ. Истина покупается цѣною долгаго труда. У ней много сторонъ, и часто кажется, что она какъ будто противорѣчитъ себѣ; вотъ почему мы гораздо болѣе рискуемъ исказить ее, когда стараемся все согласовать, нежели когда говоримъ просто, каждый день и о каждой вещи то, что мы думаемъ и что видимъ. Вотъ почему также я вовсе не питаю ненависти къ автору, склонному противорѣчить себѣ, если только онъ добросовѣстенъ и дѣлаетъ это не по глупости; — и такъ мало забочусь самъ о противорѣчіяхъ дѣйствительныхъ или кажущихся, которыя могутъ встрѣтиться въ различныхъ сочиненіяхъ моихъ. Человѣческое общество, нравственный міръ — это безконечный калейдоскопъ. Какъ же вы хотите, чтобъ я всегда оставался совершенно логиченъ, послѣдователенъ, тождественъ самому себѣ? Это невозможно!»

«Всѣ письма Прудона, — говоритъ Сен-Бевъ, — какія мнѣ случалось видѣть, серьезны, но не банальны и въ тоже время онъ нисколько не кокетничаетъ, не виртуозничаетъ въ нихъ; онъ не отдѣлывается, не исправляетъ своихъ писемъ; даже не даетъ себѣ труда перечитать ихъ. Мы присутствуемъ при самомъ источникѣ, при самомъ зарожденіи мысли, при первыхъ ея наброскахъ. Новые доводы, находимые имъ на пути, въ подтвержденіе своихъ идей, и внушенные ему противорѣчіемъ, возраженіемъ, пріятно поражаютъ насъ, бросая свѣтъ, который мы напрасно стали-бы искать въ самыхъ сочиненіяхъ. Корреспонденція его переноситъ насъ въ самое сердце человѣка, объясняетъ его, и, поселяя въ насъ чувства глубокаго нравственнаго уваженія къ нему, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то успокоительно дѣйствуетъ на нашъ умъ».

Сен-Бевъ не успѣлъ докончить своего труда и мы очень мало находимъ въ немъ свѣдѣній о послѣднихъ годахъ жизни Прудона, но такъ какъ лучшая пора его дѣятельности есть именно та, которой посвященъ настоящій этюдъ, то вторая часть его два-ли могла прибавить что-нибудь существенное къ характе

ростигъ знаменитаго писателя; да и самъ Сок-Бевъ, какъ это видно изъ отзывовъ его друзей, и отчасти изъ его собственныхъ замѣтокъ, имѣлъ въ виду въ слѣдующей части своей книги заняться преимущественно разборомъ сочиненій Прудона. Мы постараемся познакомить читателей съ наиболѣе выдающимися мѣстами корреспонденціи Прудона, характеризующими его личность.

I.

Дѣтство.—Ученье.—Типографія.—Первые труды.—Переселеніе въ Парижъ.—
Книга о собственности.

Пьеръ Жозевъ Прудонъ родился 15 января 1809 г. въ одномъ изъ Безансонскихъ кварталовъ, Ла-Мульерѣ. Отецъ и мать его работали на большой пивоварнѣ г. Рено. Отецъ, двоюродный братъ профессора Прудона, Дижонскаго юрисконсульта, былъ пивоваромъ; мать, красивая, бодрая деревенская женщина исполняла обязанности служанки. Во время блокады Безансона въ 1814 г. Мульерскій кварталъ, построенный у самой городской стѣны, должно было разрушить для обороны мѣстности, и пивоварня исчезла вмѣстѣ съ другими зданіями. Тогда отецъ Прудона поселился въ другомъ кварталѣ, занятомъ винодѣлами, приобрѣлъ тамъ домишко и сдѣлался самъ хозяиномъ-бочаромъ. Это былъ человѣкъ очень честный, но дюжиннаго ума и не совсѣмъ правильной жизни. Сынъ называлъ его «простымъ человѣкомъ, неспособнымъ къ расчетамъ». Мать, напротивъ, любила порядокъ, отличалась большимъ смысломъ, и мало того, — по увѣренію близко знавшихъ ее, — даже обладала высокимъ героическимъ характеромъ. Прудонъ былъ въ нее, и отчасти въ дѣда, солдата-крестьянина Турнеза, о молодецкихъ подвигахъ котораго много рассказывала ему мать. Назвавши впоследствии свою старшую дочь Катериной, Прудонъ говорилъ: «я называлъ ея именемъ моей матери, которой я всѣмъ обязанъ. Этому много смѣялись. Имя Катерины не въ модѣ. Я хотѣлъ оказать честь крестьянѣ, которую свѣтъ не зналъ, но которая была лучше всякой другой.» (Вторую дочь онъ назвалъ Марселлой, по имени квартала, гдѣ жилъ. Это воспоминаніе о заточеніи, писалъ онъ, — революціонная надежда, и знакъ уваженія къ одному изъ самыхъ чистыхъ людей революціи — къ Марсо). Онъ всегда питалъ къ своей матери самую нѣжную, безграничную преданность, походившую на обожаніе. Однажды, когда ужъ онъ былъ знаменитъ, одинъ изъ его друзей засталъ его стоящимъ около стула, на которомъ заснула его мать; онъ сторожилъ, чтобы какой-нибудь шумъ не потревожилъ этого днѣв-

наго сна! Но хотя мать пользовалась наибольшей привязанностью его, онъ никогда не отзывался объ отцѣ своемъ иначе, какъ съ уваженіемъ и теплымъ сочувствіемъ. Въ письмѣ изъ Ліона къ Страсбургскому филологу Бергману (отъ 22 октября 1846) онъ говоритъ между прочимъ: «Не знаю, извѣщали ли я тебя о смерти отца, послѣдовавшей 30 минувшаго марта? Это событіе глубоко меня опечалило. Я надѣялся, что мое положеніе измѣнится при жизни отца; мнѣ такъ хотѣлось, чтобы старикъ увидѣлъ своего сына въ лучшемъ положеніи, и сошелъ въ могилу утѣшенный, но небо судило иначе, и я чувствую угрызение совѣсти». Въ другомъ письмѣ его отъ 30-го октября 1849 г., писанномъ изъ тюрьмы, къ доктору Маге, мы находимъ слѣдующія строки: «Вы и я, мы оба имѣли несчастье потерять отца и мать, лишены возможности закрыть имъ глаза. Я не перестаю скорбѣть объ этомъ, и кажется тогда только буду спокойнѣе, когда опять поселюсь на берегахъ Оньона, чтобы кончить жизнь свою тамъ, гдѣ она началась». Онъ возвращался туда не разъ; и въ августѣ 1852 г. возилъ туда свое семейство: «Я брожу въ Бюржиллѣ; принимаю у себя кое-какихъ знакомыхъ, слушаю крестьянъ, спрашиваю обо всемъ, ловлю раковъ и рву орѣхи».

Онъ былъ старшій изъ пятерыхъ дѣтей. Первые годы его прошли безъ всякихъ заботъ о его воспитаніи. Онъ помогалъ отцу съ матерью въ домашнихъ работахъ или внѣ дома пастъ коровъ; но полевая жизнь продолжалась не долго. Ему еще не минуло 12 лѣтъ, какъ его приставили къ погребу. Въ тоже время стали учить его грамотѣ. Въ этомъ помогъ его матери бывшій пивоваръ Рено, покончившій тогда дѣла, и самъ занимавшійся воспитаніемъ своихъ дѣтей. Прудонъ поступилъ въ коллегію въ шестой классъ, — приходящимъ. Ученье его однакожь шло довольно неправильно; тяжелыя обстоятельства, въ которыхъ находилась семья, часто заставляли его поневолѣ не являться въ классъ; но онъ все-таки дѣлалъ успѣхи, благодаря своему упорству. Семья его была такъ бѣдна, что не могла покупать ему книгъ. Онъ занималъ ихъ у товарищей и списывалъ всѣ уроки. Однажды, когда послѣ экзаменовъ раздавали награды, и Прудонъ возвратился къ роднымъ увѣнчанный, ему нечего было дома пообѣдать.

То, чему учили въ коллегіи, не удовлетворяло Прудона. Жажда знанія и труда была въ немъ такъ велика, что онъ еще тринадцати лѣтъ сталъ усердно посѣщать городскую библіотеку, гдѣ поглощалъ книгу за книгой. Иногда онъ спрашивалъ во семь, десять различныхъ книгъ заразъ, такъ что это обратило на него вниманіе бібліотекаря, благодушнаго Вейса (друга Шарля Нодье), который подойдя къ нему, однажды, спросилъ: «На что тебѣ, мой дружокъ, всѣ эти книги? Маленькій диварь обернулся, смѣрилъ его взглядомъ съ головы до ногъ, и вмѣсто

всякаго отвѣта, произнесъ: «а вамъ что за дѣло»? Съ тѣхъ поръ Вейсъ больше не беспокоилъ его.

Поставленный въ необходимость съ 19-ти лѣтъ трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, Прудонъ не могъ окончить ученя и прямо со школьной скамьи перешелъ въ мастерскую. Онъ поступилъ наборщикомъ въ типографію Готье и К^о. У него всю жизнь сохранялась выданная ему оттуда книжка съ похвальными аттестациями. Милль, редактирующій въ настоящее время „Journal de l'Ain“, и бывшій въ 1829 г. къ Безансонѣ факторомъ въ той самой типографіи, гдѣ Прудонъ былъ корректоромъ, сообщаетъ о немъ любопытныя подробности. «Когда Прудона, рассказываетъ онъ, привели къ намъ въ бюро корректоровъ (насъ было человѣкъ пять или шесть), ему дали прежде всего держать корректуру одной латинской юридической книги, а потомъ исторію народа божьяго—Беррье. Въ нашей типографіи печатался также Monde Industriel, Шарля Фурье, который самъ приходилъ за корректурными листами своей книги, и Прудонъ тогда уже, по поводу чьего-нибудь замѣчанія о ней, громилъ всю доктрину, и намъ очень нравились его ѣдки выходки. Это былъ отличный товарищъ. Запустивъ руку въ волосы (привычка эта осталась у него навсегда), онъ бывало, отъ времени до времени, подходилъ то къ той, то къ другой корректорской конторкѣ и сначала спрашивалъ, посмѣиваясь, вагъ намъ правится эта обязанность «жнецовъ ошибокъ» (glaneurs de fautes); а потомъ поднималъ историческіе вопросы или пускался въ обсужденіе тогдашнихъ событій». Впослѣдствіи Прудонъ занялъ въ этой типографіи мѣсто фактора, а еще позднѣе завелъ въ Безансонѣ свою, въ небольшихъ конечно размѣрахъ, и въ компаніи съ нѣкимъ Ламберомъ. Держа корректуру библіи, онъ сравнивалъ еврейскій текстъ съ подстрочнымъ его переводомъ, и такимъ образомъ самъ научился еврейскому языку. Такъ какъ все связывалось въ умѣ его, то онъ вскорѣ принялся заниматься сравнительною лингвистикою. Въ типографіи Готье печаталось множество теологическихъ сочиненій, и это дало ему возможность, при его потребности во все углубляться, приобрести весьма обширныя свѣдѣнія по этой части, такъ что впослѣдствіи, люди, не знакомые съ его біографіей, думали, что онъ былъ въ семинаріи. Первые труды его были чисто филологическіе. Они обличали большую проницательность и силу анализа. Но онъ не могъ восторжествовать надъ силой вещей—и выйдти изъ узкаго круга, въ который замкнулъ себя. Кондильякъ, Бержи и Куръ де-Жебеленъ,—вотъ единственные источники изъ которыхъ онъ черпалъ, тогда какъ Грими, Гумбольдты, Воппи, Бюрнуфы, были его современниками (послѣдній даже соотечественникомъ) и уже издали свои капитальные труды, свои замѣчательныя открытія. Трудности жизни, недостатокъ свѣдѣній, недостатокъ орудій, насущный хлѣбъ, который приходится добывать въ потѣ лица—все это китайской стѣной отдѣляетъ

людей другъ отъ друга. Прудонъ не выходилъ изъ латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ, и изъ рациональнаго метода примѣненнаго къ языковѣдѣнію. Онъ провидѣлъ извѣстное родство языковъ, филиацію. при помощи которой филологъ «какъ натуралистъ при видѣ кости, цвѣтка или корня», можетъ распознать и опредѣлить первоначальное семейство, къ которому они принадлежатъ. Но незнакомый съ новѣйшими филологическими трудами съ великими потокомъ индогерманскихъ нарѣчій, онъ выбивался изъ силъ, отыскивая, связь между греко-латинскими вѣтвями и семитическимъ корнемъ. Настоящая точка исхода оставалась ему чуждой. Впослѣдствіи Прудонъ слушалъ курсъ Бюрнуфа, и сошелся съ филологомъ Бергманомъ. Онъ былъ у самаго источника знанія и первый трудъ его—*Essai de grammaire générale*, — потерялъ въ его глазахъ всякую цѣну. Онъ не отрекался отъ него, но забылъ о немъ. Вирочемъ, и въ первомъ трудѣ Прудона, несмотря на узость взгляда, встрѣчались мѣста, доказывавшія, что интеллектуальный Прометей таился уже въ ученикѣ аббата Бержье.

Въ 1838 г. Прудонъ сдѣлался пенсіонеромъ безансанской академіи: ему присуждена была такъ называемая сшаровская пенсія (*pension Suard*).

Вдова академика Сшара завѣщала этой академіи капиталъ, съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ его выдавали ежегодно 1500 франковъ тому изъ недостаточныхъ мелодыхъ людей дубскаго департамента, котораго академія признаетъ наиболее способнымъ къ изученію права или медицины. Прудону не было борьбы досталась эта пенсія, которая на три года обезпечивала ему возможность заниматься наукой, — избавляя его отъ тяжкаго гнета нужды. Въ письмахъ къ другу своему Полю Аккерману, грамматикъ и литератору, онъ знакомить насъ со всѣми подробностями этого дѣла, имѣвшаго рѣшительное вліяніе на его судьбу. Ему нужно было прежде всего ликвидировать типографію, такъ какъ компаньонъ его совершенно неожиданно лишилъ себя жизни, а проивести эту ликвидацію было вовсе не такъ легко, какъ думалъ Прудонъ. Потомъ, согласно уставу о пенсіи Сшара, слѣдовало получить степень бакалавра. Обычай требовалъ, чтобы соискатели пенсіи обращались въ академію съ прошеніемъ или письмомъ. Для такого человѣка, какъ Прудонъ, это обстоятельство представляло нѣкоторую трудность: на первыхъ порахъ не нужно было выказывать себя слишкомъ гордымъ или рѣзкимъ. Нашлись академики, которые приняли въ немъ участіе и направили его. Непремѣнный секретарь, прочитавъ письмо, написанное Прудономъ, потребовалъ, чтобы онъ измѣнилъ въ немъ слѣдующее мѣсто:

«Рожденный и воспитанный въ средѣ рабочаго класса, принадлежа ему еще нынѣ и навсегда, сердцемъ, духомъ, привычками, и, главное, общностью интересовъ и желаній, кандидатъ, —еслибъ онъ только удостоился избранія—почелъ бы себя

особенно счастливымъ, въ томъ отношеніи, что онъ въ лицѣ своемъ привлекъ вашу справедливую заботливость на эту интересную часть общества, которую такъ украшаетъ названіе «рабочей»; что его признали достойнымъ быть первымъ ея представителемъ передъ вами; и что онъ можетъ отнынѣ трудиться безъ отдыха въ философіи и наукѣ, со всею энергіею своей воли, всѣми силами своего ума, для полного освобожденія своихъ братьевъ и товарищей». Все остальное въ письмѣ Прудона прошло безъ поправки; но только потребовали, чтобы онъ разсказалъ еще подробности своей жизни, что было ему очень не по душѣ. Что же касается до приведеннаго мѣста то непремѣнный секретарь забраковалъ его отъ первой строки до послѣдней. По крайней-мѣрѣ Прудонъ дѣйствовалъ откровенно и не выдавалъ себя передъ безансонской академіей за то, чѣмъ онъ не былъ. Понятно, что она не разъ призадумалась, прежде нежели принять его подъ свое покровительство. У печенныхъ членовъ академическаго конклава словно было предчувствіе чего-то недобраго.

Вотъ что писалъ Прудонъ къ Аккерману въ августѣ 1838 года.

«Я со дня на день отлагалъ отвѣтъ свой, потому что мнѣ хотѣлось сообщить вамъ что-нибудь опредѣленное о своемъ положеніи относительно академіи. Она избрала комисію изъ шести членовъ, которая единогласно рѣшила предложить меня. Въ будущій четвергъ г. Переннъ будетъ читать свой докладъ. Семь кандидатовъ хлопочутъ и спуютъ повсюду. Разсказываютъ вещи невѣроятныя. Такъ какъ я самый опасный, то усилія академической оппозиціи соединяются противъ меня. Одинъ говорить, что я старъ; другіе, что у меня есть свое заведеніе, а стало быть я довольно ученъ и такъ. Тотъ увѣряетъ, что я протестантъ. «Протестантъ»? вы слишкомъ вѣжливы, возражаетъ четвертый, это человѣкъ безъ религіи. Инсинувировали даже, что я не авторъ грамматики, а что кто-то написалъ ее для меня изъ одолженія. Это мнѣ даже на минуту польстило. Значить, моя брошюрка чего-нибудь да стоитъ, подумалъ я, если у меня оспариваютъ отеческія права на нее. Одинъ только изъ всѣхъ, возражавшихъ противъ моей кандидатуры, нѣсколько приблизился къ истинѣ. Это толстый и рослый лѣтчикъ, съ лицомъ фермера: онъ увѣрялъ, что я лишенъ всякихъ знаній и всякихъ способностей, и не представляю никакой нравственной гарантіи. Что касается до знаній, то это совершенная правда, иначе я не просилъ бы дать мнѣ средства приобрести ихъ; на счетъ нравственной гарантіи, тоже справедливо, потому что у меня нѣтъ ни гроша. Но въ сущности, однакожъ, все, что есть порядочнаго и вліятельнаго, за меня. Противъ меня только дрянь».

Черезъ два дня онъ пишетъ опять: «Всѣ ханжи, всѣ академическіе попы противъ моего избранія. «Этотъ молодой чело-

вѣкъ не глупъ, но у него горячая голова». Это *esprit fort*, говорятъ другіе. Старецъ С. прослезился надъ моимъ письмомъ, а кончилъ все-таки тѣмъ, что сказалъ: «это должно быть безпозвоный малый». И я лишился его голоса, и голоса его сына Эдуарда. Еслибъ я былъ также заподозрѣнъ въ республиканизмъ, какъ въ религиозной независимости, то не получилъ бы и трехъ голосовъ. Конкуренты мои питаютъ большую надежду, что будутъ выбраны. Что до меня, то за мной есть преимущество, котораго у меня не отнимутъ: если большинство прокатитъ меня, я буду жертвой своихъ политическихъ и религиозныхъ идей, мученикомъ своихъ убѣжденій. Если случится на оборотъ,—то отрадно будетъ сознаніе, что я выбранъ, не смотря на эти убѣжденія. И въ томъ и другомъ случаѣ я буду достоинъ васъ. Я узналъ также, что если я сдѣлаюсь пенсионеромъ, то мнѣ придется ѣхать въ Парижъ. Отъ пенсионера требуютъ не только, чтобъ изъ него вышелъ ученый, но чтобъ онъ еще приобрѣлъ «приличное положеніе въ свѣтѣ». Какъ далеки эти идеи отъ идей поборника равенства (*d'un égalitaire*).

Наконецъ его выбрали. Извѣщая объ этомъ, въ первыя минуты восторга, друга своего Аккермана, Прудонъ говоритъ между прочимъ: «пожелайте, чтобы я всегда оставался вѣренъ своимъ вѣщамъ, своимъ убѣжденіямъ, чтобы успѣхъ не отуманилъ меня...» и далѣе: «Помогайте мнѣ вашими совѣтами, вашими знаніями, вашимъ уваженіемъ, возбуждайте, подогрѣвайте мое рвеніе. Будемъ неподкупны и непоколебимы, и умремъ или восторжествуемъ вмѣстѣ!»

Многимъ, говоритъ Сен-Бевъ, эта выходка можетъ показаться, пожалуй, слишкомъ молодой, слишкомъ наивной;—столько шуму, изъ-за какихъ-нибудь 1500 франковъ ежегодной субсидіи. Какъ будто дѣло идетъ о врезовскихъ несмѣтныхъ сокровищахъ. Но не цифра важна здѣсь, а чувство; та глубокая искренность, которой запечатлѣнъ былъ каждый шагъ Прудона. Чувства, выражаемыя имъ здѣсь и въ другомъ письмѣ, которое мы сейчасъ приведемъ, лежали въ основаніи всего, что только писалъ Прудонъ. Въ этомъ отношеніи, какимъ онъ былъ 29 лѣтъ, такимъ онъ оставался всю жизнь.

(Безансонъ. 16-го сентября 1838 г.) «Ваши письма, дорогой Аккерманъ, освѣжаютъ кровь мою, возрождаютъ меня къ истинѣ, къ республиканской вѣрѣ. Между всѣми людьми, которыхъ я знаю, вы до сихъ поръ единственный, страстно преданный справедливости и добродѣтели, единственный, въ комъ пылаетъ рвеніе къ гуманности. Какъ жалка моя участь въ сравненіи съ вашей. Вы говорите: есть еще умъ, посвященіе въ этой столицѣ (Парижѣ), а я, я живу среди стада барановъ! Я получилъ поздравленія болѣе, нежели отъ двухъ сотъ человѣкъ, и съ тѣмъ же, какъ бы вы думали, поздравляли меня? Съ возможностью сдѣлать каррьеру, участвовать въ погонѣ за мѣстами, за крупнымъ жалованьемъ, достигъ почета и блестящаго положе-

ніа, сравнятся съ какими нибудь Жоффрау, Пулье и даже превзойти ихъ, и проч. и проч., но никто не сказалъ мнѣ: Прудонъ! Ты прежде всего долженъ отдать себя дѣлу бѣдныхъ, освобожденію малыхъ, просвѣщенію народа. Ты, можетъ быть, вселишь въ себѣ отвращеніе въ богатыхъ и сильныхъ; тебя проклянутъ тѣ, у кого ключи науки и плутуса; но ты продолжай свой путь реформатора, посреди преслѣдованій, клеветы, огорченій, въ виду самой смерти... Вѣрь въ свое назначеніе, но боясь предпочесть наслажденія и золотыя цѣпи раба славному мученичеству апостола! Тебя ли побѣдятъ лесть, обольщенія, богатства и удовольствія; ты ли, — сынъ народа, *filius fabri*, какъ говорили когда-то объ Іисусѣ Христѣ, — отречешься отъ своихъ вѣрованій, отъ своей совѣсти, изъ-за того, чтобы быть счастливымъ по образу тѣхъ или этихъ? Взоры братьевъ твоихъ устремлены на тебя... Они ждуть съ замирающимъ сердцемъ, не придется ли имъ оплакивать паденіе и измѣну того, кто такъ влялся быть ихъ защитникомъ. У нихъ нѣтъ для тебя и не будетъ другой награды, кромѣ благословенія, но оно дороже золота, отсыпаемаго властями. Страдай и умри, если нужно; но говори правду, и оставайся на сторонѣ сиротъ.

«Меня гнетутъ постыдныя увѣщанія окружающихъ меня! Какая страсть къ матеріальному благосостоянію! Какой отвратительный эпикуреизмъ! Я не рѣшаюсь болѣе проронить ни единого слова о своихъ мысляхъ. Я убѣдился, что мои принципы заставляютъ этихъ людей смотрѣть на меня, какъ на разстроенную или, по крайней мѣрѣ, какъ на экзальтированную голову. Иныхъ я смѣшу, но убѣдить не могу никого. Матеріализмъ вѣлся въ нихъ, — я разумѣю матеріализмъ практической, — ибо для того, чтобы исповѣдовать другой, имъ ужъ недостаетъ ума. Воля и вѣра провозглашались во всѣ времена самыми могучими силами природы и человѣчества. Мы вѣримъ въ справедливость нашего дѣла, въ истину нашихъ принциповъ, въ вѣчность нашихъ догматовъ, ужели у насъ неостанетъ воли? Ужели мы не явимъ когда нибудь міру новое зрѣлище людей, убѣжденныхъ, съ непоколебимой вѣрой, и, вмѣстѣ, рѣшительныхъ и постоянныхъ въ своемъ предпріятіи? Докажемъ, что мы искренны, что вѣра наша пламенна, и примѣръ нашъ измѣнитъ лицо земли. Вѣра заразительна. Теперь ждуть только символа, и человѣка, который бы вѣрилъ въ него и провозгласилъ его... Получивъ Сваровскую пенсію, Прудонъ тотчасъ же принялся за двойной трудъ. Ему пришло на мысль извлечь пользу изъ своего перваго сочиненія, и переработавъ его, представить въ другой формѣ во французскую академію. (*institut*) на премію Вольера, подъ названіемъ: «*Измѣдованія о грамматическихъ катехоріяхъ и о нѣкоторыхъ источникахъ французскаго языка*». Преміи не дали, но, однакоже, удостоили рукопись почетнаго отзыва, въ которомъ говорилось, что она заключаетъ въ себѣ весьма остроумный анализъ механизма еврейскаго языка, но что,

къ сожалѣнью, авторъ вдается въ черезъ-чуръ гадательныя соображенія, и иногда уклоняется отъ опытнаго и сравнительнаго метода, на который преимущественно указывала академія».

Потомъ Прудонъ принялся за «Разсужденіе о пользѣ празднованія воскресенья», такъ какъ безансонская академія объявила на эту тему конкурсъ. Разсужденіе это точно также удостоилось почетнаго отзыва и, кромѣ того, медали, которая присуждена была автору въ публичномъ засѣданіи 24-го августа 1839 г. Докладчикъ, аббатъ Донеи, указывая на неоспоримыя достоинства этого труда новаго пенсіонера академіи, съ точки зрѣнія таланта, въ то же время порицалъ Прудона за его смѣлыя теоріи, и за то, что онъ касался вопросовъ практической политики и соціальной организаціи. По мнѣнію аббата, чистота намѣреній автора и рвеніе его къ общему благу, не могли оправдать смѣлость его выводовъ.

Разсужденіе это, во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательное, дѣйствительно, послужило Прудону только предлогомъ для того, чтобы высказать, хотя еще не совсѣмъ открыто, и болѣе подъ эгидой Моисея и аббата Флѣри, свою систему идей. Есть тамъ, впрочемъ, и такія мѣста, что академіи не оставалось желать ничего лучшаго: ихъ можно не опасаясь напечатать въ любой христоматіи для юношества; но за то иногда, подъ цвѣтами рсторіи, проглядываетъ бичъ настоящей прудоновской сатиры; подъ часъ, авторъ обходился даже и безъ всякихъ реторическихъ украшеній. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, сказано: «Въ высшихъ классахъ не знаютъ уже воскресенья. Всѣ дни недѣли походятъ одинъ на другой. Народъ иногда откладываетъ свои страсти на недѣлю. Пороки знатныхъ не терпятъ отсрочки».

Въ этомъ «Разсужденіи» уже таятся зародыши его будущей теоріи собственности, его извѣстной формулы. Равенство состояній, которое онъ признаетъ вполне соответствующимъ требованіямъ разума, неотъемлемымъ правомъ, осуществилось, по его мнѣнію, въ законодательствѣ Моисея. Иисусъ Навинъ только примѣнилъ его, раздѣливъ земли и произведя нѣчто въ родѣ общаго кадастра; но оно было въ мысли самого законодателя, сошедшаго съ Синая. «Не укради» значило, по выраженію еврейскаго подлинника, приводимаго Прудономъ: не утайвай, не откладывай ничего въ сторону для себя. «Выраженіе это говоритъ Прудонъ, генерическое, какъ и самая идея. Оно воспрещаетъ не только кражу, посредствомъ хитрости или насилія, мошенничество или разбойничество, но и всякаго рода наживу отъ другаго, безъ полнаго согласія, безъ полной уступки съ его стороны, словомъ, оно предписываетъ, чтобы всякое посягательство на равенство раздѣла, всякая премія, произвольно взимаемая и налагаемая, какъ при обмѣнѣ, такъ и на чужой трудъ, есть нарушеніе справедливости».

Въ концѣ своего разсужденія онъ изображаетъ идеаль рефор-

матора, наставника, ведущаго народъ. Въ этомъ изображеніи какъ бы начерчена его собственная роль, которую онъ возвышаетъ до миссіи.

Сообщая Аккерману о полученіи академической медали, Прудонъ, между прочимъ, пишетъ: «Если вѣрить докладчику, аббату Донею, то мое разсужденіе было самымъ замѣчательнымъ по слогу, глубинѣ и эрудиціи. Но скажите на милость,— что же остается въ разсужденіи, когда изъ него выкинуты слова, идеи, и факты»; и далѣе: «хотя въ немъ нашли опасныя политическія и философскія теоріи, систему равенства и т. д., но однакожъ ортодоксальность его признали безукоризненною. Это значить, что судьямъ моимъ, ихъ христіанская совѣсть не воспрещала допустить того, что благоразуміе официальныхъ чиновниковъ и членовъ ученой корпораціи предписывало отвергнуть?— Говорять, что никакая истина не должна быть высказываема прежде времени. (Въ сущности, это единственный упрекъ, который мнѣ сдѣлали). Это не имѣетъ смысла. Пока истину не выскажутъ, она остается не замѣченной: видѣть ее, значить, быть обязаннымъ ее высказать.»

Вскорѣ Прудону пришлось убѣдиться, что положеніе пенсіонера Безансонской академіи, имѣетъ свои не совѣмъ-то пріятныя стороны. Нетерпѣніе, кипучая жажда дѣятельности свѣдали его, а обстоятельства связывали по рукамъ и по ногамъ. Типографія оставалась у него на шеѣ, онъ не могъ ни отдѣлаться отъ нея, ни жить ею. Долгъ тяжелымъ камнемъ лежалъ у него на душѣ, приходилось платить проценты, которые поглощали большую часть его средствъ. Въ ноябрѣ 1839 г. онъ переселился въ Парижъ. Но дѣла и Безансонская академія не давали ему покоя и тамъ. Академія считала долгомъ заботливо слѣдить за каждымъ шагомъ его умственной дѣятельности. По уставу, пенсіонеръ академіи долженъ былъ имѣть наблюдателя или тьютора. Тьюторомъ Прудона былъ философъ Дрозъ, слезливый оптимистъ, съ вытянутой, кислой физиономіей, произносившій свои скучнѣйшія наставленія какимъ-то феноменально тихимъ голосомъ; но впрочемъ человекъ добрѣйшей души. И этому-то ментору Прудонъ обязанъ былъ давать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ! Можно представить себѣ въ какой степени это было ему легко, и въ какой ужасъ пришелъ злополучный Дрозъ, въ первый же день услышавъ отъ Прудона, что онъ на жизнь и смерть объявляетъ войну цивилизаціи, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ обыкновенно.

Мучимый непрестанно всякими неблагопріятными обстоятельствами, чувствуя себя въ Парижѣ совершенно одинокимъ, онъ отводитъ душу только въ перепискѣ съ друзьями своими, Аккерманомъ и Бергманомъ (Аккерманъ переселился около того же времени для научныхъ цѣлей въ Берлинъ); но и въ этомъ утѣшеніи приходилось ему отказывать себѣ иной разъ. «Пропустивъ, пишетъ онъ къ Аккерману, послать ко мнѣ ваши письма

съ *оказией*, какъ я это дѣлаю. Платить 2 фр. для меня стѣснительно. Когда я разбогачѣю, то предупрежу васъ о томъ франкированномъ письмомъ.» Понятнымъ становится послѣ этого, то мрачное, гнетущее настроеніе духа, отпечатокъ котораго лежитъ на всѣхъ письмахъ Прудона, писанныхъ имъ въ первые годы его пребыванія въ Парижѣ. Парижская жизнь его и началась неудачей.

Не задолго до отъѣзда своего изъ Безансона, онъ напечаталъ у себя въ типографіи разсужденіе о Воскресеньи, и не только ничего не смягчилъ въ немъ, но еще напротивъ того придалъ нѣкоторымъ мѣстамъ болѣе рѣзкій, задирающій характеръ.

«Стычка будетъ жаркая, говорилъ онъ наканунѣ выхода въ свѣтъ брошюры:—послѣ этого перваго шага нельзя ужъ идти назадъ, я навсегда буду связанъ, а этого-то мнѣ и хочется.» Мѣсяцъ спустя, онъ пишетъ къ Бергману изъ Парижа. «Я еще не осмѣлился представить свое разсужденіе о Воскресеньи ни г. Дрозу, ни г. Жоффруа. Отъ перваго я жду только гнѣва и негодованія, отъ втораго—презрѣнія. Моя философія и политика не можетъ имъ нравиться. Меня извѣщаютъ изъ Безансона, что духовенство остановило продажу моей брошюры, что готовятся строгія опроверженія моихъ принциповъ, и что вообще, если мнѣ не откажутся въ талантѣ, то идею мою находятъ слишкомъ парадоксальными. Ханжи бьютъ въ набаты; а такъ называемые республиканцы радуются, что приобрѣли новаго сторонника. Никто не смотритъ на меня такъ, какъ я бы хотѣлъ, чтобы на меня смотрѣли. Самые благоразумные, даже друзья мои сомнѣваются, даютъ мнѣ наставленія, совѣтуютъ бросить политику. Давайте намъ метафизику, мораль, говорятъ они, и оставьте въ покоѣ республику, монархію, поповъ. Какъ видишь, они хотятъ, чтобы я былъ философомъ, но подъ условіемъ не говорить о Богѣ, объ обществѣ, религіи; чтобы я занимался наукой, но не касался матерьяловъ, изъ которыхъ она создается. Потѣе (синологъ и землякъ Прудона) остался очень доволенъ моимъ трудомъ, и еще нѣкоторые; но остальные не знаютъ, что сказать мнѣ. National поднялъ на смѣхъ заглавіе книжки и считаетъ автора почти иезуитомъ. Д... убѣждаетъ меня оставить мои идеи о религіи и божествѣ, говоря, что они не современны. Этотъ неподобный Д...! что будешь дѣлать.—Я виѣ всякихъ условій успѣха. Я никому не нравлюсь. Хороши мои шансы! Но терпѣніе!

Вотъ письмо къ Бергману, писанное въ началѣ слѣдующаго (1840) года:

«Дорогой мой Бергманъ. Пишу тебѣ съ горечью въ сердцѣ. Ты спрашиваешь доволенъ ли я. Слушай: ты видѣлъ меня бѣднымъ въ прошедшемъ году. Въ нынѣшнемъ, если прійдешь въ Парижъ, ты найдешь меня нищимъ. Всѣ средства мои ограничиваются пенсіей въ 1500 фр. Пятая часть ея всегда прожита

зарабатѣ. А изъ осталнаго двѣ трети я послалъ своимъ кредиторамъ и матери. Мнѣ нужно просуществовать на 250 фр. съ 20 будущаго марта по 20-е сентября.

Сколько я ни читаю, ни пишу, ни изучаю, я подавленъ, униженъ, сокрушонъ. То я смотрю, проходя по мостамъ, на Сену, то думаю сдѣлаться воромъ. Чувство моей нищеты таково, что сдѣлайся я завтра богатъ, преслѣдующій меня кошмаръ не отвязется отъ меня и въ два года. Я работаю лишь затѣмъ, чтобы позинать оскорбленія и проклятія. Несчастье мое въ томъ, что мнѣ придется говорить людямъ вмѣсто пріятныхъ вещей, которыя ихъ забавляютъ и нравятся имъ, однѣ печальныя истины, за которыя меня будутъ ненавидѣть и поносить. И однакожъ я ничего другаго не знаю. Долженъ ли я молчать? Нѣтъ, не могу; я обреченъ испить эту чашу, и какъ ни сильно мое отвращеніе отъ нея, ничего не помѣшаетъ мнѣ осушить ее до дна.» Не слѣдуетъ ничто утаивать изъ этихъ воплей, справедливо замѣчаетъ Сен-Бевъ, ибо полезно помнить среди оптимизма удовлетвореннаго общества, что есть сильныя души, подавленныя, но способныя къ взрыву...

Другое подобное же нисъмо Прудонъ оканчиваетъ слѣдующими словами: «Я — какъ левъ. Еслибы кто имѣлъ несчастье мнѣ повредить, я бы не желалъ ему пощады мнѣ подъ руку. Не имѣя враговъ, я часто мрачнымъ взглядомъ смотрѣлъ на Сену. Иабытокъ горя отнимаетъ у головы моей свѣжесть и парализируетъ мои способности. Я не могу работать, и все-таки работаю, чтобы не умереть съ тоски». При этихъ-то условіяхъ и при такомъ душевномъ состояніи задуманъ и выполненъ имъ его первый трудъ о собственности. Но прежде, чѣмъ воснуться той части его корреспонденціи, гдѣ онъ сообщаетъ друзьямъ своимъ о ходѣ этой работы, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ, знакомящихъ насъ съ парижскими впечатлѣніями Прудона. Можетъ быть, въ этихъ письмахъ кое-что и преувеличено; воверныхъ, по причинѣ мрачнаго настроенія духа, въ которомъ онъ тогда находился, и вовторныхъ, потому, что Прудонъ вообще не могъ быть, по своей натурѣ, хладнокровнымъ, безстрастнымъ наблюдателемъ, объективно слѣдящимъ за біеніемъ общественнаго пульса. (Идеалъ будущаго общества, жившій въ головѣ его,—говоритъ Сен-Бевъ,—дѣлалъ для него невыносимымъ общество настоящее). Но сколько же, за то, встрѣчается у него вѣрныхъ и мѣткихъ сужденій; какъ глубоко умѣетъ онъ заглянуть подчасъ въ самую суть вещей. Онъ съ равной строгостью и взыскательностью относился къ людямъ всѣхъ партій безъ различія. Дѣло, истина, вотъ что было для него всего важнѣй и дороже. Если былъ когда-нибудь чловѣкъ, всего менѣе заботившійся объ ярлыкѣ, о кличкѣ, не боявшійся того, что про него скажутъ, такъ это, конечно, Прудонъ. Агитаторы безъ идей, люди, компрометировавшіе дѣло свободн своей неспособностью или распущенностью; люди, ставящіе

свое личное самолюбіе выше общаго дѣла, расточители пусто-звонныхъ, псевдо-либеральныхъ фразъ, рисующіеся и выстав-ляющіе себя на-показъ, какихъ мы такъ много встрѣчаемъ и въ наше время — всѣ эти личности, можетъ быть, считавшія когда-нибудь Прудона своимъ, подвергались безпощадному бичеванію, язвительнѣйшимъ насмѣшкамъ со стороны этого прав-диваго и неотразимаго логическаго ума.

Выдержки, которыя мы хотимъ привести здѣсь, относятся только къ первымъ годамъ жизни Прудона въ Парижѣ. Чтò же касается до мнѣній его о движеніи 1848 г., то мы скажемъ о нихъ впослѣдствіи, при обзорѣ дальнѣйшей дѣятельности Прудона. (12 февр. 1840 г.). «Въ Парижѣ, въ теченіи января 1840 г., было 70 банкротствъ *на сумму 6 милліоновъ*. Число банкротствъ въ 1839 г. доходило до тысячи четырнадцати, — на сумму, превосходящую 60 милліоновъ. Блаженная собствен-ность! Народъ продолжаетъ бѣдствовать, его сажаютъ въ тюрьму за бродяжничество и воровство. Хотятъ назначить 500 тысячъ франковъ, въ видѣ свадебнаго подарка, и столько же годовой ренты герцогу Немурскому. Тимонъ¹ ужъ распростра-нялся на эту прекрасную тему. Но депутаты вотируютъ, а народъ заплатить. Поговариваютъ о возстаніи на будущую весну. Одни вѣрятъ, другіе — нѣтъ. Карлисты составляютъ заговоръ и надѣются болѣе, чѣмъ когда-либо, — хотятъ, чтобы ихъ совсѣмъ уничтожили. Многіе убавляютъ прислугу; другіе остаются въ деревнѣ. Страхъ начинаетъ овладѣвать всѣми. Въ массѣ — мнѣніе, что правительство не продержится, все болѣе и болѣе пускаетъ корни. Это очень прискорбный знакъ. (2-го іюля 1840 г.). Парижъ все тотъ же, чтò былъ при вашемъ отъѣздѣ: грязный, болтливый, эгоистичный, тщеславный и всегда обманутый. Отъ мальчишекъ до министровъ и перовъ все ал-четъ денегъ и удовольствій. Изнемогающихъ отъ голода по-пираютъ ногами. Лишь бы можно было горланить на полити-ческомъ банкетѣ, да потомъ выспаться, — больше имъ ничего не надо. Мы живемъ въ вѣтъ Коммода и Карагаллы!»

«15-го ноября 1840 г. Мы находимся посреди какого-то поли-тического сумбура, всѣхъ пугающаго, и который мастерски экс-плуатируется «Насьоналемъ». Благодаря его заботливости и де-кламаціямъ, вотъ ужъ два мѣсяца, какъ принялись пѣть и мар-сальезу. Населеніе смотреть недовѣрчиво; палата безсильна; политическія партіи болѣе, чѣмъ когда-нибудь эгоистичны и слѣпы. Журналы не обсуждаютъ болѣе ничего. Они ругаются между собой, швыряютъ другъ въ друга грязью, унижаются. Впрочемъ, и ума-то у нихъ не больше, чѣмъ собственнаго до-стоинства и добросовѣстности. Годъ тому назадъ можно было думать, что мы идемъ къ реформѣ; теперь мы идемъ къ рево-

¹ Сатирикъ Кормененъ, авторъ «*Livre des Orateurs*», писавшій похъ иже-немъ Тимона.

люціи. Поведеніе республиканской партіи было въ эти три мѣсяца, какъ и всегда, нелѣпо, и если сильная реакція не задавить ее, то дѣло спасенія Франціи и свободы кажется мнѣ компрометированнымъ... Я нигдѣ ничего не вижу, кромѣ страшныхъ опасностей. Въ правительствѣ ни великодушія, ни благородныхъ чувствъ, ни малѣйшей интеллигенціи. У демократовъ—только демагогическая ярость, громкія слова и при этомъ жагда власти, золота, наслажденій. Никогда никакая нація не была такъ болтлива и такъ стадообразна, какъ наша. Только произволъ можетъ спасти правительство; но чтѣ будетъ съ нами, если оно восторжествуетъ посредствомъ произвола? Съ одной стороны, если оно падетъ, то диктатура, еще болѣе опасная, кажется мнѣ совсѣмъ на-готовѣ; а тамъ европейская война, въ которой мы неизбѣжно погибнемъ. Прежде боя Франція ужъ будетъ деморализована. «Насьональ» и ему подобныя, конечно, получатъ широкое право разговаривать, но заставятъ ли они вѣрить, надѣяться?... могутъ ли сплотить интересы? Я вижу ясно, что мы близимся къ соціальному кризису, исходомъ котораго для Европы будетъ всеобщее улучшеніе; но кто мнѣ докажетъ, что Франція не погибнетъ въ смыслѣ первостепеннаго государства? Могу ли я послѣ этого флегматически смотрѣть на униженіе своего отечества?

«Низкихъ литературныхъ новостей. Въ нашихъ писателяхъ ни величія, ни вдохновенія. Крохотныя идеи, маленькія фразы, миниатюрная философія, вѣчная конфетность. Читаю и перечитываю Монтескье, Воссюэта и проч. Другихъ не могу переносить. Ламнэ готовитъ философію въ трехъ томахъ in-8°. Не лучше вѣдь будетъ Гельвеція и Гольбаха; но партіи нуженъ философъ, какой бы онъ тамъ ни былъ, и вы увидите, что робеспьеристскимъ отвлеченностямъ Ламнэ будутъ проникать. Три или четыре человѣка, въ моихъ глазахъ, настоящіе бичи Франціи, и я бы охотно подписался на цивическій вѣнокъ тому, кто бы избавилъ насъ отъ нихъ мечомъ и огнемъ, или ядомъ (имена этихъ лицъ въ книгѣ Сен-Вева замѣнены буквами X. Y. Z., изъ чего нужно заключить, что они еще въ живыхъ). Я утѣшаю себя мыслью, что есть Провидѣніе и для честолюбцевъ, шарлатановъ и дураковъ».

«24-е апрѣля 1841 г. Политика въ Парижѣ—только слово. Общественный духъ убитъ. Радикалы деморализованы и уничтожены своей собственной нелѣпостью, неспособностью; правительство сильно. Луи-Филиппъ торжествуетъ на всѣхъ пунктахъ. (Это письмо Прудона относится ко времени министерства Гизо-Сульта). Мы отодвинуты отъ реформъ на 4 или на 5 лѣтъ. Всѣ спрашиваютъ себя: кто останется въ дуракахъ, въ дѣлѣ парижскихъ укрѣпленій? Я не сомнѣваюсь, что всѣ партіи одинаково съ Луи-Филиппомъ мечтаютъ когда нибудь ими воспользоваться. Но я думаю, что тотъ, у кого они въ рукахъ, долго еще продержитъ ихъ. Литературные процессы идутъ своимъ че-

редомъ. Существованію Насьоналя грозитъ опасность, о чемъ, впрочемъ, не особенно слѣдуетъ сожалѣть. Народъ апатиченъ, молодѣя безнравственна и погрязла въ эпигуризмъ. Вся нація безпечна и труслива. Не знаю, право, что и будетъ изъ этого. Пронесется ли надъ Франціей еще ураганъ? Не знаю; но я не желалъ бы».

«16-е мая 1841 г. Литература ничего не производитъ. Франція быстро падаетъ. Она, какъ животное, которое только-что случилось; ложится и засыпаетъ. Нѣтъ добродѣтели, нѣтъ общественнаго духа... И это, можетъ быть, на многіе, многіе годы... Страдаю и плачу».

Такъ отзывался Прудонъ о тогдашней литературѣ, которая считалась, однакожъ, блестящей; въ общихъ чертахъ этотъ отзывъ вѣренъ. Самохвалство, шарлатанизмъ, громкія и пустыя фразы, дѣйствительно, играли тогда весьма важную роль. Но слѣдовало все-таки выгородить нѣсколько честныхъ и крупныхъ дарованій, не подходившихъ подъ общій уровень. Если Прудонъ не сдѣлалъ этого, то не надо забывать, что онъ не имѣлъ возможности читать всего, и читать, какъ слѣдуетъ; у него не было подъ рукой книгъ; онъ долженъ былъ бѣгать въ публичную бібліотеку и наскоро проглатывать ихъ¹. Кромѣ

¹ Приведемъ здѣсь нѣкоторыя подробности, переданныя Сен-Веу докторомъ Руленомъ, бібліотекаремъ французской академіи, объ отношеніяхъ, завязавшихся между нимъ и Прудонемъ, когда послѣдній посѣщалъ бібліотеку, куда былъ рекомендованъ Дрезомъ, какъ юноша, вышедшій изъ народа и подававшій надежды. Такъ же, какъ и въ Безансонѣ, Прудонъ поглощалъ здѣсь книгу за книгой, требуя самыя разнородныя сочиненія. Однажды, Рулень, подавая ему то, что онъ спрашиваетъ, и еще не зная съ какого рода интеллигенціей имѣть дѣло, замѣтилъ ему: «Я боюсь, молодой человѣкъ, что вы слишкомъ разбрасываетесь, что вы не довольно сосредоточиваете своихъ заботъ». Прудонъ отвѣтилъ почти также, какъ нѣкогда Вейсу: «Что вамъ до этого? И почему вы мнѣ дѣлаете такое замѣчаніе?» — «Потому, возразилъ скромно Рулень:—что мнѣ самому слишкомъ повредила въ жизни такая разбросанность. Я часто рассказывался, что не выбралъ себѣ въ время специальности, и не опредѣлилъ дороги, по которой идти.» Прудонъ поднялъ голову, и, пристально посмотрѣвъ на него, произнесъ съ необычайнымъ выраженіемъ: «Значитъ, вы очень хорошій человѣкъ?» Рулень, улыбнувшись, отвѣчалъ, что онъ, дѣйствительно, не считаетъ себя злымъ. Мало по малу, Рулень узналъ, однакоже, кто былъ этотъ всепоглощающій читатель. Нѣсколько времени спустя, когда онъ опять подавалъ Прудону требуемыя книги, тотъ, угадавъ по улыбкѣ его мысль, сказалъ: «Что вы хотите! Долженъ же я искать оружія». Въ другой разъ Рулень увидѣлъ его за работой, больного, съ измѣнившимся лицомъ, и, въ качествѣ доктора, далъ ему кое-какіе совѣты, даже прописалъ рецептъ. Прудонъ поблагодарилъ его, но сказалъ, что онъ ничего не сдѣлаетъ, не имѣя ни средствъ, ни досуга.—«Но это вовсе не долго сдѣлать, и не убыточно», возразилъ Рулень. — «Все убыточно, когда ничего не имѣешь; у меня есть обязательства платежа, я хочу быть честнымъ». Тогда Рулень сталъ убѣждать его, что лучшее средство честно исполнить свои обязательства—это беречь себя и жить; и что здоровье его есть лучшая изъ всѣхъ гарантій. Мало по малу, онъ привелъ Прудона къ тому, что заста-

того, по нѣсколькимъ мѣсяцамъ онъ отсутствовалъ изъ Парижа. Мудрено ли послѣ того, что въ оцѣнкахъ его встрѣчаются пробѣлы. Но при всей неполнотѣ свѣдѣній на этотъ счетъ, онъ все-таки вѣрно взглянулъ на общій тонъ и духъ литературы. Чутье не обмануло его. Были, впрочемъ, и такіе писатели, къ которымъ онъ, несмотря на весь громадный талантъ ихъ, постоянно относился враждебно. Такъ, напримѣръ, Жоржъ-Зандъ. Это происходило вслѣдствіе особеннаго пуританскаго взгляда Прудона на женщинъ и на любовь, о которомъ мы скажемъ потомъ. Сен-Бевъ въ предисловіи къ своей книгѣ упоминаетъ, какаго труда ему стоило привести Прудона къ болѣе снисходительному взгляду на Жоржъ-Зандъ; онъ рассказывалъ ему подробно и долго о литературѣ романтическаго періода, въ которомъ самъ былъ участникомъ; и старался доказать, что эта литература, хотя и не могла, въ строгомъ смыслѣ слова, назваться нравственной, но не лишена была, даже въ крайнихъ своихъ уклоненіяхъ, возвышенной поэзіи, тревожныхъ, бурныхъ исканій; и грѣшила, скорѣй лихорадочнымъ увлеченіемъ, нежели дурными намѣреніями;—что страсть была тогда единственнымъ закономъ, единственнымъ вдохновеніемъ всей этой литературы и т. д. Прудонъ, казалось, принималъ нѣкоторыя его замѣчанія къ свѣдѣнію; но когда нѣсколько времени спустя вышла его книга «De la Justice», то Сен-Бевъ, прочитавъ въ ней главу о литературѣ, увидалъ, какъ мало онъ выигралъ своимъ краснорѣчіемъ. Болѣзненность романтизма не могла быть по сердцу Прудону.

Встрѣтившись съ нимъ впоследствии, Сен-Бевъ упрекнулъ его за то, что онъ все-таки жестоко отозвался о Жоржъ-Зандѣ. «Но я спрашиваю васъ самихъ, г. Сен-Бевъ, отвѣчалъ съ жаромъ Прудонъ, стукнувъ своей тростью о землю:—могъ ли я связать менѣе?»

Ясно, добавляетъ Сен-Бевъ, что примѣненіе общественной нравственности къ литературѣ было для этого строгаго ума необходимымъ правиломъ, «закономъ совѣсти».

Что касается до политической части только-что приведенныхъ писемъ, то надо сознаться, что взглядъ Прудона иногда отличается и здѣсь большою проницательностью... Многія изъ высказанныхъ имъ мнѣній оправдались позднѣе. Замѣчательно по отношенію къ характеристикѣ Прудона, что, какъ ни исполнены горечи письма его изъ Парижа, онъ продолжаетъ идти по своей собственной колѣѣ, не вступая ни съ кѣмъ въ союзъ.

Видя его принять живообразно небольшую сумму. Прудонъ былъ глубоко тронутъ этимъ участіемъ Рулена и при первой возможности возвратилъ ему долгъ. Потомъ онъ пересталъ посѣщать бібліотеку. Однажды Рулень встрѣтилъ его на улицѣ. Онъ былъ здоровѣе, лучше одѣтъ, и съ веселымъ видомъ говорилъ: «Ну, вотъ, я послѣдовалъ вашему совѣту—у меня есть точка опоры. Я поступилъ въ одинъ торговый домъ въ Ліонѣ, и это не мѣшаетъ мнѣ продолжать мои занятія».

Онъ ни на одну іоту не поступится своими идеями, хотя ему приходится оставаться совсѣмъ одинокимъ. Весь занятый своей экономической борьбой, онъ не можетъ одобрять оппозиціи, которая, по его мнѣнію, въ случаѣ, еслибы рухнула существующій порядокъ, не имѣетъ чѣмъ его замѣнить; онъ не хочетъ короткаго торжества, за которыми предвидитъ новыя бѣдствія.

Въ началѣ 1840 года Прудонъ приступилъ къ своему новому труду. Вотъ какъ онъ извѣщаетъ о томъ Аккермана. «Трудъ мой о собственности начать. Я пришлю вамъ титулъ и оглавленіе въ слѣдующемъ письмѣ. Нынѣче я окончилъ первую главу, составляющую десятую часть книги. Я думаю напечатать ее въ теченіи будущаго мая по подпискѣ, не надѣясь найти издателя и не имѣя собственныхъ средствъ. У меня ужъ есть подписчиковъ съ 50. Слогъ будетъ рѣзокъ и жестокъ. Слѣшномъ чувствуются гнѣвъ и иронія. Это зло неизбежное. Когда левъ *голоденъ*, онъ рычитъ». Въ письмѣ къ Бергману, писанномъ около того же времени, онъ говоритъ: «Я долженъ убить въ смертельномъ поединкѣ неравенство и собственность; или я ослѣпленъ, или она никогда не оправится отъ удара, который будетъ вскорѣ ей нанесенъ».

И чѣмъ болѣе подвигался трудъ его, тѣмъ болѣе росло въ немъ сознание важности и значенія этого труда, не имѣвшаго, по его мнѣнію, прецедентовъ; росло убѣжденіе, что онъ внести въ міръ новую истину. Подобно тому, какъ существуетъ наука чиселъ, исключаящая все произвольное, наука о физическихъ явленіяхъ, основанная лишь на наблюденіи фактовъ, такъ точно, думалъ онъ, должна существовать наука социальная, абсолютная, строгая, основанная на природѣ челоука и его способностей, и на ихъ отношеніяхъ; наука, которую нужно *не выдумывать, но открыть*. Онъ вѣрилъ въ политическую экономію, какъ въ науку, и даже представлялъ ее себѣ наукой точной и математической, могущей опредѣлить, что слѣдуетъ на долю каждаго, сообразно справедливости. Но такъ какъ политическая экономія была для него, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наукой нравственной, то онъ предварительно старается изслѣдовать право, нравственный законъ, справедливый и необходимый; и находитъ его въ равенствѣ. (Онъ надѣялся доказать посредствомъ анализа, что во всѣхъ теоріяхъ, изобрѣтенныхъ философами и легистами, предполагается это непризнанное равенство). Разъ отыскавъ и завоевавъ его, онъ ставитъ себѣ задачей показать совершеннѣйшую несовмѣстность его съ собственностью, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ на фактѣ: «Содержаніе моей книги, говоритъ онъ, между прочимъ: — состоитъ въ развитіи тѣхъ же положеній, за которыя безансонская академія не дала мнѣ преміи. Но теперь ужъ я не стану пѣть *Gloria Patri*. Это будетъ настоящій набатъ». До какой степени сильно и искренно было въ немъ сознание важности провозглашаемаго имъ принципа, видно изъ

словъ, которыми онъ заключаетъ одно письмо къ Бергману: «Молись Богу, чтобъ я нашелъ издателя... Въ этомъ, можетъ быть, спасеніе наці!» — Но посреди и этого восторга и этой гордости, посреди этого радостнаго чувства, обуявшаго его при мысли, что онъ нашелъ средства развѣять гордіевъ усель,— всё-таки звучать порой горькая страдальческая нота: «Видѣть и знать—это живны мыслящаго существа. Но какъ тяжела эта жизни! Съ той поры, какъ Руссо написалъ исповѣдь Савоярскаго священника, ни одинъ человѣкъ не былъ такъ сильно убѣжденъ въ истинѣ своихъ произведеній, и не испытывалъ такой глубокой печали, какъ я!» Замѣтивъ въ одномъ изъ писемъ друга своего Бергмана отъѣнокъ грусти и недовольства, Прудонъ отвѣчаетъ ему: — «мнѣ было-бы очень прискорбно, еслибъ у тебя оказалось горе. Я часто думаю, что ты много можешь сдѣлать для науки; и знаю, какъ душевныя огорченія убиваютъ мысль,—если они не помѣшали ей родиться. Говори мнѣ о себѣ и своихъ надеждахъ. Я буду очень радъ узнать, что происходитъ въ твоемъ умѣ и куда несетъ тебя волна науки. Еслибъ мнѣ нужно было сдѣлать какія-нибудь призванія,—то я сдѣлалъ-бы ихъ тебѣ скорѣе, чѣмъ всякому другому. Еслибъ ты находился здѣсь, я читалъ-бы тебѣ каждый вечеръ, все, что написалъ въ теченіи дня. Будь хоть немножко такимъ, какимъ-бы я хотѣлъ быть съ тобой. Въ огнѣ испытанія — душа моя очищается; я отрѣшаюсь отъ всякаго духа собственности научной и литературной, также какъ и промышленной. Знать съ достовѣрностью, выражать то, что знаю, съ силой, ясностью и точностью—вотъ единственное благо, къ которому я стремлюсь, послѣдняя милость, о которой я прошу Бога, отказывающаго мнѣ во всѣхъ другихъ благахъ».

Послѣднія строки какъ будто дышать спокойствіемъ. Но спокойствіе это обманчиво. Прудонъ не могъ удовлетвориться сильнѣмъ, яснымъ и точнымъ изложеніемъ того, что думалъ. Негодованіе, выпѣвшее въ душѣ его, прорывалось на каждомъ шагу; примѣшивалось ко всѣмъ аргументамъ его діалектики, направленнымъ противъ неравенства и собственности. Сознajući свои силы, страстно вѣрующій въ свою идею, но разбитый, задавленный силою вещей, онъ горитъ нетерпѣніемъ вступить съ ней въ бой. Боецъ — непрестанно проглядываетъ въ мыслитель. Въ концѣ того-же письма онъ уже говоритъ: «Вотъ заглавіе моего новаго труда, которое я прошу тебя пока хранить въ тайнѣ: Что такое собственность? или теорія политическаго, гражданскаго и промышленнаго равенства». Я посвящу его безансонской академіи... Только-бы удалось найти ловкаго, дѣятельнаго издателя; скоро увидишь публику въ совершенномъ смущеніи. Я буду доказывать свои положенія *математическими* данными, что для теперешнихъ людей гораздо убѣдительнѣе, нежели доказательства нравственныя и метафизическія. Посмотримъ, правду-ли говорятъ, что

арифметическія аксіомы сдѣлались-бы сомнительными, еслибы люди нашли для себя выгоднымъ отрицать ихъ». — Бергманъ испугался за своего друга, хотя и понималъ его; и рѣшился сдѣлать ему нѣсколько возраженій. Онъ представлялъ Прудону, что вступивши на этотъ путь онъ вооружитъ противъ себя всѣ власти, подыметъ страшную бурю, и съ перваго-же шага сдѣлается жертвой и мученикомъ. Прудонъ отвѣчалъ: «я не принимаю твоего предсказанія о мученичествѣ. Ты не такъ судишь и о правительствѣ, и о невѣжествѣ публики, и о тиранинѣ вожаковъ общественнаго мнѣнія. Въ интересахъ перваго—заглушить истину. Вторая слушаетъ не понимая, глядитъ не видя,—а послѣднимъ ни мало не желательно, чтобы ихъ шарлатанство разоблачили. Нѣтъ; нѣтъ! Меня не будутъ ни мучить, ни беспокоить, ни даже читать. Безансонская академія станетъ по прежнему думать, что у меня есть оригинальность и смѣлость; но что я человекъ парадоксальный. Самые благо-разумные искренно пожалѣютъ, что я безумно трачу столько напрасныхъ усилій; и всѣ подъ конецъ скажутъ мнѣ: ну что,—далеко ты уходишь, любезный реформаторъ?»

«Что я говорю? Я не испытаю мученичества! Но какая-же мѣла ужаснѣе гнета мошенниковъ и глупцовъ? Ахъ! Если сердце мое порой истекаетъ кровью, то это при видѣ бесплодности моего рвенія, при видѣ тщетно истраченныхъ усилій моего разума. Утѣшеніе мое велико — я согласенъ съ этимъ: одобреніе нѣсколькихъ человекъ, подобныхъ тебѣ по сердцу и разуму, можетъ вознаграждать за все. Но не горько-ли видѣть большого, отказывающагося отъ лѣкарства, слѣпого, отвергающаго помощь окулиста,—видѣть, что искусство и истина становятся бесполезными?»

Это тяжелое душевное настроеніе на мгновеніе смѣнилось восторженнымъ чувствомъ по окончаніи труда: «Трудъ мой оконченъ; и, признаюсь, я доволенъ имъ. Я не могу вспомнить о немъ безъ тремета. Когда подумаю, какое впечатлѣніе произвелъ-бы онъ неизбѣжно, еслибы былъ изданъ какимъ-нибудь Араго,—то испытываю чувства Фіески наканунѣ взрыва адской машины! До той минуты, пока я не предпринялъ изучить до основанія краеугольный камень политики, я не имѣлъ о ней въ сущности никакого понятія; я въ этомъ отношеніи точно также блуждалъ въ потемкахъ, какъ и всѣ мои ближніе отъ трипичниковъ до Мерленовъ и Порталисовъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, сомнѣніе, мгновенныя, неопредѣленные проблески свѣта волновали мой умъ. Я принялся за трудъ, и усилія мои увѣнчались успѣхомъ. Истина является тѣмъ, кто ищетъ еѣ, но нужно умѣть еѣ искать. Она требуетъ усилій, заботъ, упорства, добросовѣстности и огромнаго недовѣрія къ нашему уму: сколько разъ я долженъ былъ поправлять себя! Слава Богу, мнѣ кажется, что отыскавъ (оставя въ сторонѣ стиль и нѣкоторые пункты, касающіеся эрудиціи) ни одно изъ

монхъ положеній не можетъ быть взято назадъ. У насъ есть принципъ для социальной науки, остается теперь создать её.

Ты долженъ смѣяться, вида во мнѣ такую увѣренность; но, другъ мой, я не знаю въ наукахъ открытiя, которое-бы произвело такое впечатлѣнiе, какое способно произвести чтенiе моей книги. Я ужь не говорю — *если ее поймутъ*, я говорю только, *если ее прочтутъ*, — то старому обществу конецъ! Ничего не можетъ быть яснѣе, проще и доказательнѣе этихъ, тѣсно связанныхъ между собой, пяти словъ, составляющихъ мой *первый трактатъ*. Мнѣ стыдно такъ хвалить себя, но ты простишь мнѣ. Притомъ-же, — чтобъ высказать тебѣ вполне мою мысль, — какъ только истину узнали, поняли, и она перешла въ дѣло, — книга моя становится навсегда бесполезной и даже тривиальной и глупой. Такое чувство возбуждаетъ она во мнѣ самомъ. Я думаю себѣ: не это дѣйствительная наука, — это демонстрацiя, достойная арлекина; такъ что я смотрю на свою книгу, не какъ на ученый трудъ, а какъ на *жеству*. Нужно-же кому-нибудь жертвовать собой, для того, чтобъ другiе могли заниматься наукой: занимайся-же ты ею за меня, между тѣмъ какъ я веду войну».

Конечно, Прудонъ преувеличивалъ значенiе своей книги; впоследствии, при болѣе хладнокровномъ настроенiи, онъ самъ лучше, чѣмъ всякiй другой укажетъ на ея недостатки и промахи; но какъ-бы то ни было, она неотразимо дѣйствовала даже на противниковъ его теорiи, возбуждая въ нихъ дѣятельность мысли и заставляя ихъ идти до крайнихъ предѣловъ уступокъ... Та часть, гдѣ онъ разбираетъ юристовъ и философовъ, писавшихъ о правѣ собственности, блистательна и неопровержима, и то, въ чемъ экономисты видѣли софизмы и парадоксы — было только безпощадной логикой, неотступавшей ни передъ какими выводами. Зажигательною книга эта не была вовсе, и если ей сдѣлали эту репутацiю, то единственно по причинѣ угловатой рѣзкости форм; ибо мнѣнiе, что существующая форма собственности не можетъ быть признаваема за конечную, не заключаетъ-же въ себѣ ничего зажигающаго. Вся бѣда состояла въ томъ, что въ натурѣ Прудона была жила какого-то вызывающаго задора; и въ этомъ отношенiи онъ былъ сынъ своей родины, потому что большая часть его земляковъ, уроженцевъ Юрн, обладаетъ этимъ же свойствомъ. Онъ любилъ озадачить слушателя или читателя. Въ одномъ письмѣ къ Анкерману, писанномъ около того времени онъ рассказываетъ: «На дняхъ я былъ у г. Кювье (кажется пастора), кто-то сказалъ: людей не работающихъ должно-бы лишать ренты. Я отвѣчалъ: позвольте, милостивый государь, куда-же мы однако придемъ съ такимъ принципомъ? — А что-же вы имѣете сказать противъ этого? спросилъ меня Кювье. Я — ничего; но если отнять ренту у празденыхъ, то нужно отнять её и у работающихъ; потому что имъ платять за работу; и по отношенiю къ рентѣ, они всё-таки

остаются праздными. Всѣ остолбенѣли. Вашъ пріятель Бюреттъ покосился на меня; и разговоръ на этомъ покончился». При томъ-же какъ онъ самъ говорилъ, ему нужно было заставить себя слушать, пробиться на свѣтъ. У этого сильнаго своей непоколебимой честностью и глубокимъ убѣжденіемъ чловѣка, былъ, по замѣчанію Сенъ-Вева, извѣстный способъ мыслить и выражаться, приводившій въ содроганіе; и который, при всякомъ режимѣ, монархіи, республикѣ, имперіи, могъ каваться покушеніемъ противъ существующаго порядка. Однимъ изъ такихъ «набатныхъ» выраженій была его знаменитая формула, которую онъ, по совѣту друзей, исключилъ изъ заглавія своей книги,—но всё-таки поставилъ на первой же страницѣ ея.

Прежде, чѣмъ говорить о дальнѣйшей судьбѣ этой книги, остановимся на высказанномъ въ ней Прудономъ мнѣніи о женщинахъ, и по этому поводу приведемъ еще нѣсколько любопытныхъ біографическихъ подробностей, рисующихъ его личность.

II.

Прудонъ о любви и женщинѣ. — Впечатлѣніе, произведенное его книгой. — Второй и третій трактаты. — Судъ и оправданіе.

Женскій вопросъ, въ то время, не достигалъ тѣхъ размѣровъ, какіе онъ принимаетъ повсемѣстно теперь. Онъ не былъ сведенъ на почву экономическую, и о женскомъ трудѣ говорилось во Франціи мало. Нерасторжимость брака, семейный деспотизмъ, сословные предрасудки, вотъ противъ чего преимущественно направлены были произведенія авторовъ, возвышавшихъ голосъ свой за право женщины. Свобода чувства была главнымъ мотивомъ этихъ произведеній, и такъ называемая эмансипація женщинъ находила себѣ въ Прудонѣ постояннаго противника. Нѣмецкій социалистъ Грюнъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ его читателей, пріѣзжавшій во Францію для того, чтобы познакомиться съ ея тогдашнимъ социальнымъ движеніемъ, напечаталъ по возвращеніи въ Германію, рядъ путевыхъ писемъ, гдѣ между прочимъ рассказалъ и о своемъ знакомствѣ съ Прудономъ. Ниже, мы познакомимъ читателя съ этимъ интереснымъ разговоромъ, а теперь приведемъ только выдержку изъ письма Грюна къ женѣ, въ которомъ онъ упоминаетъ о взглядахъ Прудона на женщину: «Я завтракалъ нынче съ Прудономъ, и сильно поспорилъ съ нимъ по поводу *женщины*. Я взялъ за исходную точку его фразу изъ книги о собственности: «Я не только не стану рукоплескать тому, что нынче называютъ эмансипаціей женщины, но скорѣе даже готовъ, если ужъ нужно выбирать крайность, сдѣлать изъ женщины затворницу (*mettre la femme en réclusion*)». Мы нивагъ не могли согласиться другъ съ дру-

гомъ. Онъ хочетъ сдѣлать изъ своей будущей жены *хозяйку*, — и нѣтъ никакой возможности разубѣдить его. Онъ все твердилъ мнѣ: «я васъ не понимаю», — и однакожъ я выразался очень ясно; смотри неразъучись стрипать. Если Прудонъ когда-нибудь придетъ ко мнѣ, ты должна будешь прежде всего изготовить ему хорошій обѣдъ, а потомъ ужъ спорить съ нимъ объ его теоріи затворничества. Побѣда твоя уподобилась-бы Росбахской. Но главное не разъучись стрипать».

Вопросъ о женщинахъ былъ единственнымъ, на которомъ Грюнъ и Прудонъ расходились между собою. Въ этомъ вопросѣ Прудонъ является человекомъ стараго зачала, врагомъ всякихъ нововведеній. Этотъ сторонникъ абсолютнаго равенства, считалъ равенство между мужчиной и женщиной невозможнымъ. «Неужели-же вы думаете, говорить онъ гдѣ-то:—что женщина, любовница, жена есть *другъ*; что прямотушіе, честность самая высокая, чистота нравовъ, любовь къ труду и славѣ, могутъ на долго перевѣшивать въ глазахъ ея маленькіе недостатки, которыхъ мы, мужчины, даже не замѣчаемъ?»

На любовь у него были также свои особенныя воззрѣнія. Любовь, какъ страсть, разсматриваемая независимо отъ чувства семейственности, не имѣла для него никакого значенія. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на болѣзнь, какъ на временную горячку, недостойную занимать мыслящее существо. Другу своему Аккерману, которому было 30 лѣтъ, онъ писалъ, наканунѣ его женитьбы: «Вы въ такомъ возрастѣ, когда любовь наиболѣе насъ прищипориваетъ, потомъ это уменьшается. Все это пустяки. Видѣть, знать, формулировать прекрасное и истинное,—вотъ въ чемъ вся суть». Ко всему изнѣженному, женственному онъ питалъ непреодолимое отвращеніе, и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на слабыя созданія, которыхъ могло увлекать романтическое. Онъ всегда былъ на сторожѣ противъ искушеній чувственности, и умѣлъ обуздывать себя съ юныхъ лѣтъ. Юность его была чиста. Когда какіе-нибудь сладострастные помыслы начинали, въ ночную пору, тревожить его, онъ забирался на чердакъ и смотрѣлъ изъ слуховаго окна на звѣзды, на мѣсяцъ, на всю эту строгую красоту небесъ, и не прежде возвращался на свою постель, какъ вполне усвоенный и просвѣтленный. Но въ дни его юности и у него также была «первая любовь», какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго письма къ Аккерману, писаннаго въ 1838 г., и въ которомъ, даже въ страстномъ признаніи, примѣшиваются мужественныя и не имѣющія ничего общаго съ любовью чувства. «Я нахожу ваше письмо грустнымъ, меланхолическимъ. Я вижу, что вы несчастливы. Еще-бы! Приготовьтесь, другъ мой, никогда не быть счастливымъ. Не на той дорогѣ, по какой мы съ вами идемъ, встрѣчается счастье: жертвы, страданія, непреодолимое отвращеніе, безпомощность, отчаяніе, *haec est pars calicis nostri*. Я писалъ на этихъ дняхъ къ моей прежней возлюбленной, которая теперь въ Люцернѣ».

Она умираетъ отъ тоски и можетъ быть отъ любви. Она требуетъ отъ меня утѣшеній. «Всмотритесь, говорилъ я ей, въ то, что происходитъ около васъ. Вы кротки, чисты, трудолюбивы, честны. И вамъ почти нечѣмъ существовать; между тѣмъ какъ толпа притутутокъ выставляетъ на показъ самую наглую роскошь. Отчего это? Я объясню вамъ эту тайну. Богъ хотѣлъ, чтобы въ то время, когда зло и пороки достигнуть между людьми до крайнихъ предѣловъ, первые пострадали отъ нихъ добрые, чтобы они пробудились и воспротивились потоку, готовому поглотить ихъ. Во Франціи есть сотня тысячъ молодыхъ людей, которые, подобно мнѣ, повлялись выполнить это святое призваніе, и рано или поздно, они суждуютъ побѣдить или умереть. Долгъ мужественныхъ людей бороться, пока у нихъ есть голова и руки; а вы, бѣдная дѣвушка, молитесь, чтобы Богъ послалъ намъ разумъ и смѣлость, чтобы онъ благословилъ наше рвеніе, и доставилъ торжество нашему дѣлу». Какъ вы думаете, что можетъ чувствовать къ своему возлюбленному молодая дѣвушка, которой говорить такимъ языкомъ? Я отвѣчаю на ваши признанія....»

Позднѣе, утѣшая друга, которому не удалось жениться на любимой имъ дѣвушкѣ, Прудонъ, между прочимъ, высказываетъ мысль, что «первая любовь, оставляющая въ чистыхъ сердцахъ такіе глубокіе слѣды, подготовляетъ болѣе прочное счастье для другой привязанности». Такъ было и съ нимъ. Второй и послѣдней привязанностью Прудона была жена его. Суровый, неутомимый труженикъ, не знавшій досуга, вѣчно погруженный въ научные вопросы, занятый мыслью о людскомъ неравенствѣ, и убѣжденный, что сильная воля и честная трудовая жизнь всегда могутъ сладить съ чувственностью, разумѣется, долженъ былъ относиться презрительно въ легкимъ, мимолетнымъ связямъ, служащимъ забавой и препровожденіемъ времени. Онъ видѣлъ въ нихъ признакъ глубокаго паденія общества, и высказалъ на этотъ счетъ свое послѣднее слово въ письмѣ къ экономисту Жозефу Гарнье отъ 23 февраля 1844 г.

«Все, что писали объ этомъ предметѣ, внушаетъ мнѣ глубочайшее отвращеніе, невыразимую жалость. Я, какъ и вы, мальтусіанецъ, и мальтусіанецъ сильный, то есть, въ томъ, что касается народонаселенія я стою исключительно на воздержаніи. Кромѣ того, признаюсь вамъ, я вѣрую, что въ будущемъ настанутъ иные нравы, различныя отъ нашихъ, что любовь сдѣлается духовнѣе, и осуществить то, что предчувствовалъ Платонъ и чему не одинъ примѣръ представляетъ христіанство. Я вижу въ нашей настоящей распущенности нѣчто совершенно противуестественное. Вся эта выставка нѣжностей, даже честныхъ и деликатныхъ, эти жгучія выраженія по поводу женщинъ, которыми наполнены новѣйшія сочиненія, все это кажется мнѣ гораздо болѣе плодомъ безпутнаго эротическаго возбужденія, нежели признакомъ законныхъ стремленій. Если я хорошо

наблюдать надъ собой въ теченіи 15 лѣтъ и если я пошу въ себѣ, подобно каждому человѣку, вѣрный экземпляръ нашей породы, то я прихожу къ заключеніямъ совсѣмъ противоположнымъ. Бѣглое изложеніе моихъ чувствъ, моихъ мнѣній объ этомъ трудномъ предметѣ, показалось-бы смѣшнымъ,—такъ мы материализировали любовь, такъ мы стали грубы. Нужна особая книга, неопровержимая, которая-бы служила протестомъ противъ развращенности нашихъ сердецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осталась-бы для насъ вѣчнымъ упрекомъ совѣсти.

Не лишено справедливости замѣчаніе, дѣлаемое по поводу этихъ словъ біографомъ Прудона. По мнѣнію его, то, что Прудонъ говоритъ о воздержаніи, можетъ быть примѣнено лишь къ возрастепеннымъ страстямъ человѣка, но когда имѣешь дѣло съ тѣмъ, что Попе называетъ *доминирующей* страстью, это уже становится не совсѣмъ легко, и Прудонъ самъ служитъ тому примѣромъ. Ясно, что любовь не его слабость. Но пробовалъ ли онъ обуздать свою двойную интеллектуальную страсть, составляющую сущность его природы, заглушить эту двойную струну, непрестанно звучащую въ немъ, логику и стремленіе къ борьбѣ (*combativité*).

Переходимъ къ его литературнымъ трудамъ. Мемуаръ «Что такое собственность?» появился въ іюнѣ 1840 г. Несмотря на отсутствіе всякихъ рекламъ и объявленій, первые двѣсти экземпляровъ разошлись въ двѣ недѣли; успѣхъ, тѣмъ болѣе достойный удивленія, что французская пресса не обратила никакого вниманія на произведеніе начинающаго писателя. Прудонъ предвидѣлъ это. «Этотъ томикъ,—пишетъ онъ къ Бергману,—производитъ въ читателѣ удивленіе и страхъ, и, что еще лучше, заставляетъ его размышлять. Однако, какъ я тебѣ предсказывалъ, несмотря на то, что экземпляры моей книги были разосланы разнымъ журналистамъ и фельетонистамъ, объ ней еще не появилось ни одного объявленія, ни одной статьи, да и не появится». Это молчаніе прессы способствовало тому, что Прудонъ сталъ относиться къ своему произведенію хладнокровнѣе, безъ излишняго энтузіазма и съ надлежащей критикой. «Не досадно ли для любознательнаго ума и не унижительно ли для гордости, потратить шесть мѣсяцевъ на доказательство того, что яснѣе дня и въ невѣдѣніи чего лежитъ причина всѣхъ страданій человѣчества. Пусть такъ—еслибы только эту жертву оцѣнили по достоинству. Нечего ожидать отъ публики, одурѣвшей отъ разныхъ крикуновъ и восхищающейся тѣмъ изъ нихъ, который говоритъ болѣе другихъ. Но чего ожидать и отъ журналистовъ, интересы которыхъ расходятся съ истиной,—отъ несособныхъ и безсердечныхъ политиковъ и философовъ? Я возвращусь въ Безансонъ, начну приводить свои дѣла въ порядокъ, буду заботиться о средствахъ къ жизни и потихоньку приготавливаться къ другимъ трудамъ; отнынѣ я намѣренъ фи-

лософствовать, учиться и печатать для себя самого и для моих друзей. Съ удовольствием приму твои совѣты и замѣчанія; необходимость въ нихъ мной очень чувствуется. Я проработалъ этотъ годъ, не сообщаясь съ другими людьми, не согрѣваясь чужими умою. Я жилъ въ пустомъ пространствѣ».

Въ противоположность журналистикѣ, безансонская академія сразу обратила вниманіе на новое произведеніе своего пенсионера,—и немудрено; въ предисловіи, имѣвшемъ видъ письма къ академіи, были, между прочимъ, слѣдующія строки: «Къ чему притвораться, милостивые государи? Въ то время, когда я домогался вашего одобренія и искалъ званія вашего пенсионера, во мнѣ преобладало чувство ненависти ко всему существующему и желаніе разрушенія; я кончу этотъ трудъ, какъ подobaетъ философу, обладающему спокойствіемъ духа и способностью къ самоотверженію. Познаніе истины дало мнѣ столько хладнокровія, что пересилило гнѣвъ, возбужденный угнетеніемъ. Да найдете въ васъ, милостивые государи, ученіе равенства такихъ же приверженцевъ, какъ я самъ; да будете вы его вѣстниками и распространителями къ вѣчному благу нашего отечества. Да буду я послѣднимъ изъ вашихъ пенсионеровъ. Изъ всѣхъ пожеланій, которыя я могу выразить, это самое достойное васъ, милостивые государи, и самое почетное для меня». О томъ впечатлѣніи, какое произвела на академію книга Прудона, мы можемъ узнать отъ него самого: не надо только забывать, что Прудонъ въ то время былъ въ весьма раздраженномъ состояніи. «Дѣйствіе моей книги на академію было ужасно для меня: возопили о скандалѣ, о неблагодарности; старикъ Дрозъ, находившійся въ то время въ Безансонѣ, сочинилъ слезную проповѣдь, возмущившую противъ меня всѣхъ. Я людоѣдъ, волкъ, змѣя; друзья и благодѣтели отъ меня сторонятся и оставляютъ меня на произволъ моего развращеннаго ума; отняты все кончено: я порвалъ всѣ связи и нахожусь въ безнадежномъ положеніи. Они, пожалуй, не прочь потребовать, чтобы я отрекся отъ своихъ убѣжденій; меня осуждаютъ, не читая». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «Дѣла мои плохи; ко мнѣ чувствуютъ отвращеніе; раздраженіе дошло до нельзя, подумываютъ отнять у меня пенсію; отъ меня ничего не ожидаютъ въ то самое время, когда на меня именно слѣдовало разсчитывать... Гнѣвъ грудами скопляется въ моей душѣ; горе, горе матери, если сынъ возмутится противъ нея, если онъ, наконецъ, рѣшится раскрыть всю гнусность той, которая даровала ему жизнь!» Отъ 19-го августа. «Бѣшенство академіи противъ меня все увеличивается; по поводу меня уже состоялось два очень бурныхъ засѣданія; предложено было или совѣтъ отнять пенсіонъ, или передать его моему отцу, или просто выразить мнѣ публичное порицаніе; наконецъ рѣшено, прежде чѣмъ что-нибудь сдѣлать, выслушать меня; я ужъ получилъ повѣстку предстать передъ академическимъ сенатомъ въ тече-

ни слѣдующаго ноября и выслушать упрекъ въ сочиненіи антисоціальной и противной всѣмъ приличіямъ, какъ по формѣ, такъ и по существу, книги...

«Тѣ изъ академикомъ, которые были ко мнѣ болѣе привязаны, отъ меня отвернулись; другіе, прежде меня не знавшіе, ко мнѣ благосклонны; къ нимъ принадлежитъ и префектъ департамента. Вообще на меня сердятся ханжи, адвокаты и литераторы; а банкиры, ростовщики, негоціанты одобряютъ меня. Могъ ли бы ты это отгадать? Еще Христось говорилъ, что «мытари лучше книжниковъ!» На этотъ разъ дѣло разрѣшилось тѣмъ, что Прудонъ, по требованію академіи, далъ письменное обязательство ничего не печатать до конца академическаго 1840—41 года. Полагая, что дѣло будетъ отложено въ дальній ящикъ и, наконецъ, предано забвенію, Прудонъ въ октябрѣ возвратился въ Парижъ и сталъ съ спокойнымъ духомъ работать надъ вторымъ мемуаромъ о собственности. Разсчитывая на полгода академическаго пенсіона, онъ даже отказался отъ предложенной ему въ то время выгодной частной работы. Какое же было его удивленіе, когда онъ получилъ отъ секретаря академіи оффиціальное письмо, изъ котораго явствовало, что къ 15-му января его ожидаютъ въ Безансонъ для объясненій по поводу его книги. «Секретарь прибавляетъ, что негодование противъ меня ужасное, что друзья мои, боясь обвиненія въ сочувствіи, не осмѣливаются уже защищать меня, что моя *открытительная брошюра, мои бышешія разглашательства* поразили всѣхъ ужасомъ. Отъ меня требуютъ отреченія отъ книги, находя это единственною достойной и разумной ролью; мнѣ даютъ понять, что только трудность составить большинство двухъ третей голосовъ, обязательныхъ для осужденія, можетъ спасти меня. Короче, ничто не забыто, чтобы направить меня на добрый путь и приввать къ разуму: ни оскорбленія, ни угрозы, ни лести, ни мольбы... Я буду отвѣчать академіи; но, хотя я нисколько не взволнованъ, не жду никакого успѣха отъ моего письма. Извиняться и просить пощады я не могу. Свидѣтельствовать о чистотѣ моихъ намѣреній передъ людьми, которые читаютъ меня, не понимая, и которые найдутъ новое оружіе въ самой прамотѣ моихъ объясненій—безполезно. Что дѣлать? Черезъ три недѣли я узнаю всю развязку этой интриги и извѣщу объ этомъ тебѣ».

Въ сущности дѣло было совсѣмъ не такъ безнадежно и кончилось очень благополучно; въ письмахъ къ Бергману и Анкерману Прудонъ уже безъ гнѣва, но не безъ живаго юмора, резюмируетъ «развязку этой интриги». «Исторія съ академіей кончилась для меня благополучно; теперь дѣло въ томъ, какъ бы не нажать еще новую. Префектъ департамента, главный начальникъ семинарій, бібліотечаръ и непремѣнный секретарь академіи поддержали меня противъ кабалы. Но оказалось, что моя защита надѣлала скандалу болѣе, чѣмъ самая книга...

Дѣло шло о томъ, чтобы лишить меня пенсіона и публично обезславить. Я разворился бы въ конецъ и погибъ безвозвратно, еслибы это случилось. Тогда мнѣ только оставалось обратиться въ Россію или въ Америку. Отчаяніе придало мнѣ силы; всевозможныя объясненія были исчерпаны; я прибѣгъ къ угрозамъ. Я написалъ объяснительную записку, предназначая ее къ печати... Въ этой запискѣ доставалось многимъ изъ членовъ академіи, обозначеннымъ поимянно; короче, я показаль зубы и далъ понять, что если академія хочетъ скандала, то скандалъ будетъ. Повидимому, это поняли; одна половина академіи стала смѣяться надъ другой; заговорили, что я малый не безъ дарованія и который далеко пойдетъ; короче, я, вѣжесся, единогласно былъ *оправданъ*. Теперь вездѣ обо мнѣ отзываются хорошо, хотя во многихъ отношеніяхъ и осуждаютъ». Опасеніе потерять пенсіонъ и остаться безъ куска хлѣба заставило Прудона въ частной работѣ искать средствъ къ существованію. Вотъ какого рода занятіе нашель онъ себѣ. «Недавно мнѣ предложили послужить секретаремъ къ одному судѣ, занимающемуся сочинительствомъ; жалованья отъ 1,800 до 2,000 франковъ, шесть часовъ работы въ день... Итакъ, изъ экономиста я сдѣлался криминалистомъ. Я буду работать вмѣстѣ съ однимъ изъ членовъ парижскаго судебнаго сословія; онъ хочетъ быть депутатомъ и зарекомендовать себя публикѣ какимъ-нибудь хорошимъ литературнымъ трудомъ... Я имѣю дѣло съ добрымъ малымъ; онъ мнѣ вполне довѣряетъ и, исключая нѣкоторыхъ пустяковъ, которымъ придаетъ слишкомъ много значенія, не будетъ мѣшать излагать мои идеи». Къ сожалѣнію, приготовляемая сообща книга не появилась въ печати; это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что Прудонъ собирался подшутить надъ представителемъ парижскаго судейскаго сословія, стремящимся къ литературной извѣстности; въ письмахъ къ друзьямъ Прудонъ очень живо и мѣтко рисуеть личность своего сотрудника: «Я имѣю дѣло съ человѣкомъ порядочнымъ; онъ совершенно лишень дарованій, но чванится своимъ умомъ... Ему пришло въ голову сдѣлаться авторомъ съ цѣлюю попасть въ президенты суда или въ депутаты. Такъ какъ онъ ни къ чему не способенъ, то ему необходимъ помощникъ, отъ котораго можно было бы позаимствоваться наукой и идеями; самъ же онъ дастъ свое имя. Ты помнишь, при какихъ обстоятельствахъ я взялъ на себя эту странную работу. Мой хозяинъ хочетъ разыгрывать изъ себя либерала, человѣка, пропитаннаго широкими и великодушными идеями; но въ сущности онъ заявляетъ себя аристократомъ и радикаловъ величаетъ охотно шарлатанами и мошенниками... Работаемъ мы слѣдующимъ образомъ: я съ своей стороны для каждой главы даю свою теорію, свои идеи; онъ же прилетаетъ къ этому разныя пошлости, относящіяся до практики, или вообще пустяки, которые ему придуть въ голову и которые онъ самъ принимаетъ за нѣчто новое и какъ-

бы нисходящее свыше. Онъ ничего не читалъ и, обладая счастливою памятью, ничего не знаетъ, кромѣ римскаго права и стиховъ. Вообще *моя философія и мои идеи* кажутся ему остроумными, прекрасными, интересными, новыми; въ самомъ же дѣлѣ онѣ суть ничто иное, какъ нѣкоторыя изъ положеній моей книги о «Собственности», только въ измѣненномъ видѣ... Такимъ образомъ, я играю здѣсь роль сатаны около нашей праматери». Въ письмѣ къ Аккерману Прудонъ еще лучше объясняетъ, въ чемъ состояла эта дьявольская роль: «Мой хозяинъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ обобщающихъ умовъ, которые по отдѣльнымъ фактамъ открываютъ дѣлую систему. Онъ, подобно большинству людей, даже и ученыхъ, никогда не идетъ индуктивнымъ путемъ, отъ частнаго къ общему. На этомъ-то и основанъ мой планъ. Я составляю потихоньку дѣлую систему судебной реформы и организаціи магистратуры; систему эту онъ понимаетъ только отчасти; но по временамъ она кажется ему до того правильной, что онъ начинаетъ воображать, что открылъ ее самъ и говорить мнѣ: «Не правда ли, какую прекрасную я вамъ далъ идею?» А система эта, надо вамъ сказать, есть частное приложеніе общей критики нашихъ политическихъ учреждений, которую я издамъ въ будущемъ году... Любопытно будетъ видѣть послѣ того, какъ двадцать журналовъ расхвалитъ его книгу, ея методъ, экономическую и философическую часть,—какъ я потребую отъ автора, чтобы онъ дошелъ до конца въ своихъ выводахъ и исполнилъ обѣщанія, которыя я заставилъ его дать. Надѣюсь, вы понимаете, что мой планъ состоитъ не въ томъ, чтобы мистифицировать человѣка, въ сущности честнаго и хотя одареннаго отъ природы умомъ, но совершенно лишеннаго способности правильного пониманія вещей, чего я до сихъ поръ не воображалъ возможнымъ». Прудонъ хотѣлъ только въ какомъ-нибудь своемъ сочиненіи заговорить о книгѣ, похвалить автора и, принявъ къ свѣдѣнію высказанные въ книгѣ принципы, показать, какія послѣдствія необходимо изъ нихъ вытекаютъ; чтобы, въ случаѣ нужды, можно было сослаться на авторитетъ судьи, уважаемаго за свои научныя познанія. Раздражительность, полемическій задоръ, рѣзкость относительно людей противоположныхъ партій и мнѣній связываются по временамъ въ вышеприведенныхъ письмахъ. Эти недостатки постоянно ставились въ вину Прудону его противниками; но характеръ человѣка можетъ объясниться только раскрытіемъ его жизненной обстановки; а обстановка Прудона не могла способствовать развитію въ немъ спокойнаго, объективнаго взгляда на явленія жизни.

Прудонъ не принадлежалъ къ числу баловней судьбы,—напротивъ, судьба постоянно отказывала ему въ самыхъ скромныхъ радостяхъ жизни; онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать про себя: «Я знаю, что такое бѣдность, я испыталъ ее». Мы уже упоминали, что Прудонъ въ октябрѣ 1846 года воз-

вратился въ Парижъ изъ Безансона; онъ желалъ посѣтить туда въ то время, чтобъ увидѣться съ своимъ другомъ Бергманомъ, который вслѣдствіе окончанія вакаціоннаго времени отправился въ Страсбургъ; но, конечно, для читателя будетъ совершенно неожиданно узнать, что Прудонъ совершилъ это путешествіе *пѣшкомъ*. «Я отправлюсь, мой милый Бергманъ, 11-го октября непременно и хоть пѣшкомъ, но сдѣлаю все возможное, чтобъ прибыть въ Парижъ не позднѣе субботы, 17-го. Постарайся же, для того чтобъ я могъ свидѣться съ тобой, продолжить твое пребываніе отъ 15-го до 20-го. Лучше этого я сдѣлать не могу...

«Итакъ, я надѣюсь тебя увидѣть; для тебя отправлюсь я мѣсяцемъ раньше, нежели того хотѣлъ; для тебя я отобью ноги... Я воспользуюсь твоими замѣчаніями, можешь рассчитывать на это, хотя еще не обѣщаю сдѣлать все такъ, какъ ты мнѣ указываешь. Когда человекъ, одаренный умомъ, разбираетъ что-нибудь, у него всегда вырываются мысли, выраженія, могущія служить лучемъ свѣта для внимательнаго автора. Именно этимъ-то и дорожи мнѣ твои замѣчанія; поэтому-то я бы и хотѣлъ ихъ выслушать».

Къ сожалѣнію, эта жертва, принесенная дружбѣ, пропала даромъ: Прудонъ, сдѣлавши 80 миль пѣшкомъ, опоздалъ двумя днями и не нашелъ ужъ своего друга. Наступающія занятія въ страсбургскомъ университетѣ не позволили Бергману остаться въ Парижѣ. Неимѣніе лишняго десятка франковъ помѣшало Прудону свидѣться съ другомъ, котораго онъ ужъ не выдалъ цѣлый годъ,—съ ученымъ, умъ и познанія котораго онъ, какъ видно, ставилъ очень высоко.

Хотя книга Прудона о собственности и не возбудила шума въ журналистикѣ, но обратила на него вниманіе правительства. Одно время поговаривали даже о томъ, чтобъ запретить ее; но Прудонъ нашелъ себѣ защитника въ Бланки. Въ своемъ докладѣ парижской академіи политическихъ и нравственныхъ наукъ Бланки хотя и отвергъ книгу, но выразился объ авторѣ, какъ объ ученомъ, съ большимъ уваженіемъ; это мнѣніе Бланки спасло автора отъ политическихъ преслѣдованій. Прудонъ всегда чувствовалъ благодарность за эту услугу и не забывалъ ее; впоследствии, во время полемической войны, которую онъ велъ противъ извѣстныхъ экономистовъ, Прудонъ всегда заботливо обходилъ только одного Бланки; только разъ въ 1848 году случилось, что журналъ Прудона попалъ на Бланки; самого Прудона въ это время не было; узнавши объ этомъ только на другой день, онъ не замедлилъ послать обиженному извинительное письмо, которое и было потомъ напечатано.

Докладъ Бланки парижской академіи побудилъ Прудона второй мемуаръ о собственности издать въ видѣ письма къ Бланки; этотъ второй мемуаръ появился въ январѣ 1841 года.

Въ концѣ января 1844 года Прудонъ писалъ: «Я кончаю

теперь свое «Письмо къ Бланки» о собственности. Оно печатается отдѣльно и составитъ второй мемуаръ, около 100 или 120-ти страницъ. Я жду, что оно произведетъ наилучшее впечатлѣніе на публику и на правительство. Я даю отчетъ въ моемъ поведеніи, въ моихъ чувствахъ, сознаюсь въ своихъ ошибкахъ (*si quae sunt*) и потомъ разсматриваю вопросъ съ совѣмъ новой точки зрѣнія. Въ отношеніи логики я, кажется, не писалъ ничего лучшаго. Я такъ увѣренъ въ своихъ принципахъ и въ правотѣ своихъ намѣреній, что не теряю надежды получить когда-нибудь отъ правительства какое-нибудь значеніе, *servatis servandis*, разумѣется. Дѣйствительно, это второе сочиненіе Прудона было нѣсколько умѣреннѣе и отличалось болѣе примирительнымъ тономъ, нежели первое. Онъ развивалъ въ немъ идею, что человѣчество уже 4 тысячи лѣтъ идетъ къ нивелированію, что французское общество, безъ вѣдома своего, повинувась роковымъ законамъ промисла, каждый день разрушаетъ собственность, что всѣ школы осуждаютъ ее и т. д. Критическое и историческое изложеніе доктринъ и тенденцій оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ: «нужно продолжать идти тѣмъ путемъ, которымъ мы идемъ, потому что насъ толкаетъ на этотъ путь необходимость».

Какъ ни благоразуменъ былъ подобный пріемъ и какъ ни справедливы слова, гдѣ-то сказанныя Прудономъ, что собственность — это драконъ, котораго убилъ Гераклъ, и котораго нужно брать не за голову, а за хвостъ, т. е. за проценты и барышъ; но все-таки подозрительность этого дракона уснять было трудно, тѣмъ болѣе, что Прудонъ не въ состояніи былъ вполне отрѣшиться отъ своей манеры, и, несмотря на относительную умѣренность его новой книги, въ ней, однакоже, прорывался кое-гдѣ его обычный задоръ. Самъ онъ говоритъ въ одномъ письмѣ: «Мнѣ кажется, нынче надо кричать и угрожать, чтобъ быть правымъ. Это дѣйствуетъ на дураковъ. А умные замѣтятъ побужденіе и простятъ автору». И потому надъ новымъ произведеніемъ его, совершенно для него неожиданно, разразилась буря, которая, благодаря только вмѣшательству и защитѣ Бланки, не повела за собой дурныхъ послѣдствій для автора.

«Нѣсколько недѣль тому назадъ, — пишетъ онъ отъ 18-го іюля, — мнѣ угрожалъ арестъ за покушеніе противъ власти (*pour crime d'attentat*). Бурю эту поднялъ мой второй мемуаръ. Бланки, который предупредилъ меня и котораго обвинили въ сообщничествѣ со мной, сказалъ мнѣ, что этотъ мемуаръ, несмотря на улучшенную форму, былъ искрой, взорвавшей пороха; я коснулся въ немъ столькохъ лицъ, что монополисты власти увидали тутъ заговоръ. Но Бланки успокоилъ меня, сказавъ, что всѣ министры ему друзья, и что онъ не потерпитъ, чтобы меня преслѣдовали. Онъ въ то же время написалъ префекту полиціи, жалуюсь на его образъ дѣйствій въ отношеніи

къ нему. Словомъ, эта нелѣпая исторія покончена. Она доказываетъ, по моему мнѣнію, что правительство скорѣе глупо, нежели зло. Я рѣшился отнынѣ имѣть какого-нибудь защитника между сильными людьми. Хочу послать по экземпляру обоимъ своимъ мемуаровъ Дюшателю (министру внутреннихъ дѣлъ), при письмѣ, которое будетъ прилично и твердо; надѣюсь, что это его удовлетворитъ. Въ то же время я совѣтуюсь съ Влани, намекая ему, что я двигаю экономическую науку и склепнуть ее вручаю ему».

Замѣчательно, что Прудонъ и впоследствии, при выходѣ каждого новаго своего сочиненія, продолжалъ надѣяться, что правительство оцѣнитъ его намѣренія и перестанетъ въ немъ видѣть опаснаго человѣка. Нѣсколько разъ онъ добивался какого-нибудь скромнаго мѣста, которое бы дало ему средство къ безбѣдному существованію, возможность спокойно заниматься своими учеными трудами. И точно, въ 1848 году, въ особенности же въ 1844 году, онъ нисколько не призывалъ революціи; онъ строго относился ко всѣмъ партіямъ, не принадлежа ни къ одной изъ нихъ, и желалъ только, чтобы его оставили развивать свои идеи. Онъ не былъ сторонникомъ никакой династіи, никакой политической формы правленія. Ненавидя одинъ фактъ, одинъ экономическій строй и признавая невозможность не только разрушить его, но даже открыто напасть на него, направлялъ всѣ усилія къ тому, чтобы путемъ убѣжденія, пропаганды идей своихъ содѣйствовать его постепенному измѣненію. Но все-таки онъ ошибался, думая, что власть могла поддерживать его... Господствующая роль принадлежала тогда буржуазіи, которой онъ объявилъ войну своимъ первымъ мемуаромъ, и при появленіи каждого новаго труда его она раздражалась все болѣе и болѣе. Онъ не щадилъ также ни духовенства, ни магистратуры. Щекотливые, подозрительные, всегда стоявшіе на сторожѣ, оба эти класса имѣли также довольно силъ и независимости, чтобы отмстить за себя. Въ публикѣ его книга, между тѣмъ, расходилась, возстановляя противъ него однихъ и вызывая похвалы другихъ.

На страницѣ, оторванной отъ одного письма, относящагося къ этому времени, и найденной въ бумагахъ Прудона, мы читаемъ: «Я узналъ вчера, что одинъ профессоръ философіи, услышавъ про мой мемуаръ, пришелъ въ такое негодованіе, что пожелалъ или публично опровергнуть его, или сдѣлаться его апостоломъ. Послѣ этой прекрасной клятвы онъ принялся за чтеніе, и руки у него опустились. Я ужъ видѣлъ двухъ-трехъ такихъ. Впрочемъ, надо прибавить, что хотя они не знаютъ, что отвѣчать, но все еще не вѣрятъ. Ихъ умъ озадаченъ — вотъ и все. Одинъ профессоръ права поощрялъ меня тайно, и даже предложилъ мнѣ руководить меня, если я чего не знаю въ юриспруденціи. Какая-то княгиня два раза прочла меня съ перомъ въ рукѣ, и кончила тѣмъ, что сказала: «какъ

жалъ, что онъ такой грубиянъ!» Но въ письмахъ къ Анкерману онъ жалуется, что у него нѣтъ ни одного партизана, по крайней мѣрѣ, открытаго. «Народъ не можетъ долго слѣдить за такими отвличеностями; компетентные люди не высказываются изъ осторожности, — словомъ, кажется, идеи мои такъ же трудно принять, какъ и опровергнуть. Покажѣть я получаю непосредственно и косвенно самыя лестныя поощренія. Даже тѣ, кто еще не совсѣмъ за меня, просятъ меня продолжать. Между прочимъ, Бланки выразилъ мнѣ, что я принесу большую пользу, если только перестануть опасаться моихъ намѣреній и если нельзя будетъ злоупотреблять моими книгами. Я отвѣчалъ, что сумѣю всего этого достигнуть».

Но, увы! онъ обманывалъ себя на этотъ счетъ, и въ слѣдующемъ трудѣ, который имѣлъ названіемъ: «Предостереженіе собственникамъ или письмо къ г. Консидерану», явился болѣе, чѣмъ когда-либо угрожающимъ и вооруженнымъ съ головы до ногъ. Кто-то изъ фаланстеріанцевъ напалъ на него. Онъ отвѣчаетъ, адресуясь къ земляку своему, главѣ фурьеристовъ, Виктору Консидерану. Въ этой защитѣ онъ разитъ и вправо, и влѣво, не щадя никого, и избравъ себѣ лозунгомъ: *à la guette comte à la guette*. Въ особенности же достается отъ него Насьоналю, съ которымъ у него съ той поры не прекращалась открытая, ожесточенная война и партію котораго онъ искренно ненавидѣлъ, называя ее «партіей самолюбивыхъ рутинеровъ». Онъ думалъ даже, что этотъ журналъ затѣветъ ему процессъ, — такъ беспощадно рѣзки, такъ ядовиты и оскорбительны были его выходки противъ него. Но, сверхъ ожиданія, гроза пришла совсѣмъ не съ той стороны, а со стороны власти. Она возбудила процессъ противъ письма къ Консидерану. До какой степени Прудонъ былъ далекъ всякой мысли о возможности подобнаго преслѣдованія, доказываетъ письмо его къ Бергману, писанное изъ Безансона, куда онъ на нѣсколько дней уѣхалъ наканунѣ выхода въ свѣтъ своей новой книги.

«Я все болѣе и болѣе погружаюсь въ «Экономію» и въ социалистическія изслѣдованія, и если не писалъ въ тебѣ такъ долго, то это потому, что хотѣлъ послать новую брошюру, которую нужно было кончить. Одно фурьеристическое нападеніе заставило меня опять взяться за перо Защищающаго, я въ то же время пустилъ программу новаго и болѣе важнаго сочиненія, которое я przygotowляю. По этому конспекту ты можешь судить о моемъ будущемъ трудѣ, и, вѣроятно, не удивишься, ежели я черезъ два года буду со всѣмъ своимъ багажемъ «въ правительствѣ». (Этимъ онъ, разумѣется, хотеть сказать, что правительство не будетъ относиться къ нему враждебно и пойметъ, что, преслѣдуя его, оно дѣйствуетъ противъ собственныхъ интересовъ). Ты меня опять станешь упрекать за страшныя нападки на Насьональ. Отвѣтъ мой будетъ простъ. Этотъ журналъ донесъ на меня, указалъ на меня правосудію;

и теперь я уже оскорбленный, а не оскорбитель». Письмо кончается слѣдующими словами: «Я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выигрываю въ мнѣніи моихъ согражданъ: банкиры, негоціанты, молодые люди, адвокаты и доктора — всѣ желаютъ мнѣ добра. Противъ меня одна старая академія. Годъ будетъ, вѣроятно, для меня труденъ. Но я надѣюсь, что это въ послѣдній разъ. Члены нашего муниципальнаго совѣта ищутъ мнѣ мѣста, желая удержать меня въ своей средѣ».

Но, по прїѣздѣ въ Парижъ, нѣсколько недѣль спустя, дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ. Онъ получилъ извѣстіе, что безансонскій судъ возбудилъ преслѣдованіе противъ его брошюры и приглашалъ его явиться въ департаментскіе ассизы въ теченіи недѣли. Онъ извѣщалъ объ этомъ Бергмана 23-го января, а за два дня передъ тѣмъ, ничего еще не подозревая, отправилъ къ министру Дюшателью всѣ свои сочиненія, въ томъ числѣ и послѣднюю, преданную суду брошюру, при длинномъ письмѣ, въ которомъ излагалъ свое profession de foi и свои взгляды на будущее. «Надѣюсь,—писалъ онъ Бергману,—что министръ приметъ благосклонно мои идеи, тѣмъ болѣе, что я объясняю ему (ты это поймешь), какъ теоріи, самыя радикальныя, могутъ быть обращены на пользу правительства. Въ самомъ дѣлѣ, если въ обществѣ не можетъ быть перерыва, то нужно, чтобъ каждая теорія доказала, что она необходимо вытекаетъ изъ существующей, о сохраненіи которой она обязана заботиться до тѣхъ поръ, пока не настало ея собственное осуществленіе».

Наканунѣ того дня, когда Прудона увѣдомили о заарестованіи его брошюры, онъ получилъ извѣстіе, что, благодаря содѣйствію вліятельнѣйшихъ членовъ муниципальнаго совѣта, его ожидаетъ мѣсто съ окладомъ въ 2,400 франковъ. Нужно было употребить всѣ усилія, чтобъ это назначеніе состоялось прежде процесса, и потому Прудонъ началъ хлопотать объ отсрочкѣ судебного засѣданія. Но это не удалось ему; и онъ долженъ былъ снова пуститься въ путь. 3-го февраля разсматривалось его дѣло, и въ тотъ же вечеръ онъ увѣдомлялъ Бергмана о счастливомъ исходѣ процесса: судьи нашли, что онъ человекъ мысли, а не революціи (*homme de méditation et non de révolution*), экономистъ, а не анархистъ, и что онъ желаетъ, по выраженію предсѣдателя, «убѣдить правительство и собственниковъ». Подробности этого засѣданія мастерски описаны были Прудономъ три мѣсяца спустя послѣ того, какъ его оправдали, въ письмѣ къ Аккерману. Въ описаніи этомъ, напоминающемъ порой Поля Луи Курье, столько соли, комизму, проиія, что мы позволимъ себѣ привести его здѣсь почти цѣликомъ:

«... Меня обвиняли въ 9-ти преступленіяхъ; число это изъ снисхожденія, или скорѣе потому, что одни преступленія входили въ другія, было уменьшено до 4-хъ. 1) Нападки на соб-

ственность, 2) возбужденіе ненависти къ правительству, 3) и къ различнымъ классамъ общества, 4) оскорбленіе религій. Мнѣ слѣдовало предстать передъ безансонскими ассизами 3-го февраля. Я уѣхалъ 29-го января и прибылъ въ Безансонъ 31-го. Такимъ образомъ, у меня оставалось 48 часовъ для того, чтобы повидаться съ адвокатомъ и написать защиту. Адвокатъ мой, молодой человѣкъ, интеллигентный и добрый, не зналъ, съ какого конца взяться за мое дѣло, и я долженъ былъ прочесть ему лекцію. Онъ готовъ былъ пуститься въ общія мѣста, которыя бы меня погубили и которыя, притомъ, мнѣ не нравились. Наконецъ, я предсталъ. Въ залѣ толпа. Ненависть, любопытство, участіе, тысяча страстей самыхъ противоположныхъ приводили въ движеніе публику. Нельзя себѣ представить, до какой степени дошла ненависть. Я былъ Робеспьеръ-антихристъ. Я видѣлъ, какъ молоденькая и хорошенькая дѣвушка, лѣтъ 16-ти, убѣжала со страху, когда я вошелъ. Одна пятидесятилѣтняя дама не пріѣхала на вечеръ, услыхавъ, что и я буду тамъ. Дѣло шло, по крайней мѣрѣ, о пяти-лѣтнемъ тюремномъ заключеніи, кромѣ штрафа, конфискаціи и проч. Въ то же время я встрѣтилъ великодушныя симпатіи. Еслибъ меня приговорили къ уплатѣ 10 тысячъ франковъ, ихъ въ два дня покрыли бы по подпискѣ. Академія въ своемъ журналѣ (наша академія сдѣлалась журналистомъ) ставила меня на одну доску съ разбойниками и дѣтоубійцами... и, во вниманіе къ недостаточности моихъ средствъ, требовала для меня десятилѣтней каторги и 50 франковъ штрафа. Причислите это къ литературнымъ любезностямъ!

Когда генераль-прокуроръ произнесъ свое обвиненіе (*requisitoire*), ужасъ достигъ высшихъ предѣловъ. Одни уже обвинительные пункты, прочтенные звучно и выразительно, привели аудиторію въ содроганіе.

По правдѣ сказать, я еще не писалъ ничего болѣе рѣзкаго, и тщательноѣе обработаннаго; притомъ же я задѣлывалъ всѣхъ и слѣдовательно не могъ внушать ни съ какой стороны участія. Относительно же моей личности ожиданіе было самое напряженное. Что онъ скажетъ въ свою защиту? Отречется отъ своихъ мнѣній?—Но это значило бы бесполезно опозорить себя. Власть не прощаетъ раскаянію. Пустится въ объясненія? но это покажется недобросовѣстнымъ, неискреннимъ. Будетъ настаивать на свободѣ мнѣній? Избитое общее мѣсто.—Будетъ смѣло упорствовать? Это только ухудшитъ его положеніе. Особенно магическое дѣйствіе произвелъ я, отказавшись отвѣчать, когда по поводу одного мѣста въ моей книгѣ, меня спросили: чѣмъ я угрожаю собственникамъ, говоря, что ихъ ждетъ не убійство, не раззореніе, не возстаніе, не отказъ отъ работы, не пожаръ, — но нѣчто еще болѣе ужасное и болѣе дѣйствительное, нежели все это.

Въ эту минуту меня считали погибшимъ. Всѣ терялись въ

догадкахъ, что это за роковая тайна? Это былъ превосходный текстъ для того, чтобъ сдѣлать изъ меня адскаго духа. Я могу сказать вамъ, что имѣлъ въ виду преобразование германскихъ тайныхъ судилищъ, теорію которыхъ, примѣненную къ настоящему времени, я разработалъ.

Наконецъ я сталъ говорить самъ отъ себя. Мое чтеніе продолжалось два часа. Представьте же себѣ изумленіе всѣхъ этихъ поповъ, женщинъ, аристократовъ и пр., когда вмѣсто республиканца въ красномъ жилетѣ, съ козлиной бородой, съ гробовымъ голосомъ, они увидѣли маленькаго блондина, съ бѣлымъ лицомъ, съ простодушной миной, спокойная, утверждающаго, что онъ обвиненъ вслѣдствіе недоразумѣнія, вслѣдствіе ошибки суда, рвеніе котораго онъ впрочемъ считаетъ похвальнымъ; что идеи его—это идеи всѣхъ, что онъ не только не враждебенъ правительству, но напротивъ того благопріятенъ ему, не только не заслуживаютъ чьего либо порицанія, но достойны похвалы;—доказывающаго эту тему посредствомъ научнаго развитія до такой степени изысканнаго, что за нимъ трудно слѣдить, и изложеннаго то съ необычайной простотой и ясностью, то съ метафизической и технической глубиной, которой невозможно понять. Представьте себѣ, говорю я, человѣка, обвиняемаго въ заговорѣ противъ общественнаго порядка, и преподносящаго въ видѣ защиты политико-экономическій пирогъ, такой тяжелый и неудобоваримый, что, по собственному сознанію слушателей, никто ничего не понялъ, и вы едва будете имѣть понятіе объ этой судебной мистификаціи... Мой адвокатъ, начавъ съ заявленія, что не будучи знакомъ съ моими трудами, онъ не можетъ ни принимать, ни отвергать ихъ, указалъ на некомпетентность присяжныхъ въ дѣлѣ научныхъ вопросовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ старался объяснить и рѣзкость нѣкоторыхъ фразъ моихъ. Прокуроръ признался, что онъ не можетъ отвѣчать на мою защиту, но прибавилъ, что передъ нимъ моя книга, которая, по его мнѣнію, говоритъ слишкомъ громко... Это значило признать себя побитымъ. Предсѣдатель, въ заключительной рѣчи, сдѣлалъ подобное же сознаніе, и предоставилъ присяжнымъ рѣшить, дѣйствительно ли въ моихъ доктринахъ есть философская сторона, уменьшающая вредъ, который могутъ причинить мои нападки на собственность. Старшина присяжныхъ сказалъ: область идей этого человѣка недоступна простымъ людямъ; мы не можемъ обвинить его на обумъ. Кто поручится намъ въ его виновности?

Это еще не все. Обвиненный въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ духовенству, академикамъ, журналистамъ, философамъ, судьямъ, депутатамъ и пр. я воспользовался научной и недоступной стороной своей защиты, для того, чтобы сдѣлать критическій обзоръ всѣхъ этихъ классовъ.

Британка эта, прочитанная съ самымъ серьезнымъ видомъ и

съ самой обыкновенной интонаціей, которая представляла странную противоположность съ живостью, энергіей, сарказмомъ и ѣдкими намеками на личности, находившіяся въ засѣданіи, произвела поразительный эффектъ. Присяжные переглядывались и шипали другъ друга, чтобы не разсмѣяться. Судьи потуплялись, чтобы спасти свою важность, а публика хохотала. Въ томъ, что дозволяли мнѣ говорить, не замѣчали сходства съ тѣмъ, что было мною писано. За это уже не упрекали меня, и мое гомеопатическое правило (влиянь влияномъ выбивай) дало результаты, какихъ я отъ него ждалъ. Я былъ оправданъ при рукоплесканіяхъ публики, рукопожатіяхъ присяжныхъ, при поздравленіяхъ судей! На другой день члены суда перессорились между собой, сваливая другъ на друга неловкость преслѣдованія...

Теперь я внѣ опасности. Брошюра моя разошлась, впрочемъ, довольно медленно. Я не удостоиваюсь симпатіи ни одной партіи. Я до такой степени грубо обошелся съ Насоновалемъ, что всѣ боялись за мою безопасность. Я такъ мѣтко попалъ въ Фурье, Сень-Симова, коммунистовъ и проч., что мнѣ удалось потушить пылъ моихъ опонентовъ, но, какъ я говорилъ вамъ, противъ меня составилса «заговоръ молчанія» вотъ уже два года. Я болѣе, чѣмъ кто либо способствовалъ перенесенію политическихъ споровъ на другую почву. Въ этомъ отношеніи я косвенно служу власти и порядку. Но меня не любятъ. Бланки пишетъ мнѣ: «правительство отдаетъ справедливость вашему характеру, но соболѣзвуетъ о вашихъ тенденціяхъ». Ну, такъ я хочу, чтобы мои тенденціи сдѣлались тенденціями правительства... и влянусь вамъ, что это такъ будетъ! Вотъ, дорогой Аккерманъ, исторія моихъ невгодъ. Я избавился отъ нихъ не безъ труда. Мнѣ нужны были для этого все мое присутствіе духа и всѣ мои ресурсы. Усилія, которыя я сдѣлалъ надъ собой въ теченіи двухъ дней, когда писалъ свою защиту, причинили мнѣ невралгію, продолжавшуюся недѣлю. Да, быть привлеченнымъ къ суду—не шутка; я не желаю вамъ никогда испытать этого». Весь 1842 годъ прошелъ для Прудона въ учонныхъ занятіяхъ и въ работѣ по типографіи. Многія изъ интимныхъ писемъ его, относящихся къ этой порѣ, писаны на печатныхъ бланкахъ, на которыхъ значилось: Типографія Прудова улица Collège 10. Impressions militaires. Послѣднія слова показываютъ, что онъ имѣлъ постоянный заказъ на бланки отъ военнаго вѣдомства. Послѣ оправданія его присяжными, онъ находился, повидимому, въ менѣ раздраженномъ состояніи духа, и все продолжалъ мечтать о какомъ нибудь мѣстечкѣ при Безансонской меріи, которое бы дало ему возможность спокойно предаться научнымъ трудамъ, а пока работалъ надъ новымъ сочиненіемъ «Созданіе порядка въ человѣчествѣ». «Отъ этой книги, писалъ онъ къ Бергману, зависитъ вся моя репутація и мѣсто мое въ

ряду мыслителей. Я еще не смѣю надѣяться, что правительство пойметъ достоинство моихъ изслѣдованій. Люди власти всегда такъ предубѣждены, что истина ихъ пугаетъ и они готовы скорѣи замаскировать ее, нежели распространять. Человѣкъ, который въ каждомъ открытіи долженъ находить новыя средства къ организаціи, новыя ресурсы, такой человѣкъ еще не появлялся».

Но однакожь изданіе этой новой книги не имѣло тѣхъ результатовъ, на какіе онъ рассчитывалъ. Она была мало понята, по причинѣ метафизическаго характера своего, и довольно туманнаго изложенія. Наибольшую славу доставили Прудону послѣдующіе его труды, въ особенности Экономическія Противорѣчія. Позднѣе и самъ онъ, кажется, нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе о ней, какъ это можно видѣть изъ одной главы его Признаній Революціонера, подъ заглавіемъ: кто я? Онъ посвящаетъ «Созданіе порядка» Бергману, и посвященіе это, исполненное глубокой задушевности, представляетъ въ тоже время интересную черту для характеристики Прудона. Оно навѣяно гнѣтушимъ сомнѣніемъ въ своихъ силахъ, сознаніемъ недостаточности своего научнаго образованія. Вотъ нѣкоторыя выдержки: «Достаточно сильный до сихъ поръ для того, чтобы страдать, я чувствую теперь, что воображенію моему недостаетъ матерьяловъ для созиданія. Изъ всего, что открыто человѣческимъ геніемъ, я видѣлъ только ничтожныя частицы. Каждая строка этого сочиненія свидѣтельствуетъ о несостоятельности ея автора»... И далѣе: «*Вспомъ, что я зналъ я обязанъ отчаянію*... Судьба лишила меня средствъ приобрѣтать знанія и я захотѣлъ, однажды, изъ собранныхъ мною лоскутковъ, создать свою собственную науку» и т. д. Въ заключительныхъ словахъ посвященія слышится жажда лучшаго, болѣе радостнаго существованія: «Ты счастливъ, дорогой Бергманъ, ты допрашиваешь человѣческій разумъ на тридцати нарѣчіяхъ, ты слѣдишь за чудными формами языка, за законами мысли, и для тебя наука слова не имѣетъ тайны. Твои многочисленныя друзья тебя любятъ и почитаютъ, и чистыя семейныя радости довершаютъ твое счастье. Любить, знать — какая участь для смертнаго! Это твоя, дорогой Бергманъ, и настанетъ день, когда это будетъ участіемъ всѣхъ твоихъ братьевъ!»

Для между тѣмъ шли своимъ чередомъ. Прудонъ хлопоталъ о продажѣ своей типографіи, отъ которой ему нужно было во чтобы то ни стало отдѣлаться, и болѣе, чѣмъ когда либо желалъ получить скромное мѣсто въ своемъ родномъ городѣ. Онъ увѣряетъ въ одномъ письмѣ, что вліятельнѣйшіе изъ тамошнихъ жителей стараются опредѣлить его въ архивъ префектуры, на что префектъ изъявилъ уже свое согласіе. Но разумѣется этому никогда не суждено было сбыться. Хотя Прудонъ и не нападалъ на Іюльское правительство, но тревожилъ и раздражалъ буржуазію, а она составляла силу и оплотъ

этого правительства; какаа же была возможность отдѣлить интересы одной отъ отъ интересовъ другого? Представьте себѣ Прудона, чиновникомъ провинціальной меріи или префектуры, и въ тоже время мечущимъ грома на общественный строй, пишущимъ огненныя, краснорѣчивыя страницы, которымъ суждено воспламенять умы, приводить въ ярость однихъ и въ энтузіазмъ другихъ, волновать цѣлыя классы общества! Онъ и самъ чувствовалъ, что ему придется встрѣтить не мало всякихъ препятствій, но продолжалъ обманывать себя, до послѣдней минуты сохраняя вѣру въ успѣхъ. 30 декабря онъ писалъ: «я узналъ вчера, что самъ епископъ ходатайствуетъ за меня у префекта, стало быть я не могу не успѣть. Всѣ эти обстоятельства приведутъ къ тому, что когда я выпущу свою книгу, на меня будутъ смотрѣть какъ на воплощенную неблагодарность, потому что я въ ней выскажу свое мнѣніе о священномъ и мірскомъ. Но я все таки подалъ прошеніе. Если ужъ разъ меня опредѣляютъ, то мнѣ кажется я останусь, потому что уволить меня значило-бы сдѣлать скандалъ, и скорѣй согласятся выслушать мои объясненія, нежели снова меня преслѣдовать. Правительство должно меня принять; и если это сбудется, меня ожидаетъ блистательная карьера. Я буду, можетъ быть самымъ передовымъ реформистомъ эпохи, и вмѣстѣ съ тѣмъ protégé власти! Сказать тебѣ правду, мои безансонскіе друзья думаютъ, что я обольщаюсь пустыми мечтами. Можетъ быть они и не ошибаются. Какъ-бы то ни было, но до Пасхи въ жизни моей должно произойти что нибудь новое. Если меня отставятъ за мою книгу, это надѣляетъ шуму; если я устою, то я буду сильнѣе, чѣмъ кто либо во Франціи».

Но даже въ этотъ самый моментъ, онъ находился въ прямомъ противорѣчій съ своимъ желаніемъ. Пылкость темперамента увлекала его и готова была разбить всѣ его планы. Прибытіе въ Безансонъ іезуита, отца Равиньяна и проповѣди его по случаю поста, совсѣмъ взволновали Прудона: «У насъ былъ въ декабрѣ, пишетъ онъ:—аббатъ Равиньянъ, краснорѣчивѣйшій, всѣ праздные люди, вся магистратура слушали его проповѣди. Одинъ народъ отсутствовалъ. Я былъ разъ пять или шесть, и всегда находилъ человѣка, стоящаго ниже своей роли. Намъ обѣщаютъ еще Лакордера. Если епископъ выпишетъ его, я покажу Безансонцамъ новое зрѣлище. Каждую недѣлю я буду выпускать, вмѣстѣ съ отчетомъ о проповѣди, критику христіанства, и тогда посмотримъ, кто побѣдитъ, проповѣдникъ или мыслитель. У меня есть превосходные матерьялы, совсѣмъ готовые, и, не оскорбляя ни религіи, ни касты, я надѣюсь написать отличный памфлетъ. Признаюсь, я отъ всего сердца желалъ-бы, чтобы этотъ планъ осуществился. Моя должность не остановитъ меня». Изъ этого уже можно видѣть, что мѣсто, котораго онъ добивался, и которое, еслибъ ему его дали, не могло бы остановить его смѣлыхъ порывовъ,

было ложной идеей, химерой. Оно должно было ускользнуть от него, и действительно ускользнуло. Нѣсколько дней спустя Прудонъ, извѣщая своего друга о продажѣ типографіи съ огромнымъ убыткомъ, прибавлялъ: «Дѣло въ префектурѣ не удалось. Префектъ не согласился меня назначить. Какія тому причины, мнѣ неизвѣстно. Такъ какъ мои друзья, и тѣ, кто рекомендовалъ меня, хранить на этотъ счетъ глубокое молчаніе, то я полагаю, что всему виной мое прошлое, и что вѣроятно не надѣялись, чтобъ чувства мои могли измѣниться. Мнѣніе мое подтверждается еще тѣмъ, что когда одинъ изъ членовъ нашего муниципалитета предлагалъ меру взять меня къ себѣ, тотъ отвѣчалъ: «Я боюсь, что онъ сдѣлаетъ изъ насъ, также какъ изъ академикомъ, простаковъ, или свое орудіе.

Мнѣ нечего больше дѣлать въ Безансонѣ, ремесло наборщика даетъ мнѣ вѣрное и честное средство къ существованію. Перо можетъ также служить подмогой. Подожду что будетъ, и *навсегда отказываюсь отъ роли просителя*».

Онъ вышелъ изъ своей типографіи съ дефицитомъ въ 7 тысячъ франковъ, и снова вступилъ въ роль чистаго пролетарія и бойца.

III.

Новые друзья.—Практическая дѣятельность.—Февральская революція.—Послѣднія письма.—Заключеніе.

Въ послѣдніе два-три года, въ жизни и въ отношеніяхъ Прудона произошли значительныя перемѣны. Группа прежнихъ друзей, вслѣдствіе разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, какъ на примѣръ, отъѣзда и женитьбы нѣкоторыхъ изъ нихъ, не замѣтно смѣняется другими. «Я замѣчаю, писалъ онъ однажды, къ Аккерману:—что женитьба страннымъ образомъ дѣйствуетъ на всѣхъ васъ, господа, которые обзавелись женами. Прежде всего вы начинаете желать вашимъ друзьямъ столько же счастья, сколько выпало на вашу долю. Потомъ, погружаясь мало по малу въ семейную жизнь, начинаете забывать, что были товарищами. Я думалъ, что любовь, чувство отца увеличиваютъ дружбу въ людяхъ... Теперь я вижу, что это только парадоксъ, мечта. Любовь видно, также ограничена въ насъ, какъ и разумъ! Въ ту минуту, когда мы думаемъ, что достигли одной изъ вершинъ знанія, мы вдругъ открываемъ, что ничего не знаемъ; и наше мнимое знаніе всегда гораздо уже, нежели была наша вѣра въ него. Моментъ, когда сердце, повидимому, открылось для безграничной привязанности, есть именно тотъ, когда оно сосредоточивается и холодѣетъ. Еслибъ Орестъ женился на Герміонѣ, онъ съ того же дня позабылъ бы Пилада.

Эта знаменитая дружба только и могла существовать подъ условіемъ несчастной любви». Прудону, какъ видно, не разъ приходилось испытывать охлажденіе къ себѣ прежнихъ друзей. Вотъ почему онъ, позднѣе, уже въ 1846 г., такъ беспокоится за свои отношенія къ Бергману, къ которому былъ глубоко привязанъ. «У меня есть дюжина друзей, пишетъ онъ ему:— которыхъ я не забуду ни въ счастья ни въ несчастія, и о которыхъ прежде всего вспоминаю, что бы ни произошло со мной;—ты всегда первый изъ нихъ. Но сдѣлавшись супругомъ, отцомъ семейства, не охладѣешь ли ты ко мнѣ? Остается ли еще что нибудь между холостякомъ и женатымъ человѣкомъ? Отвѣчай мнѣ, успокой меня; я прошу тебя, я чувствую въ этомъ потребность...».

Въ 1846 г. мало по малу начинаетъ образовываться около Прудона кружокъ новыхъ друзей, принадлежавшихъ къ числу горячихъ почитателей идей его, и которыхъ въ то же время влекла къ себѣ его сильная и обаятельная личность. (Сен-Бевъ поименовываетъ ихъ, это Даримонъ, Матей, Кретенъ, Шарль Эдмонъ, Герценъ, Массоль, Ролланъ и Дельгассъ). Большая часть изъ нихъ оставалась ему вѣрна до послѣдняго часа, также какъ и нѣкоторые друзья прежняго періода. Съ перваго же своего дебюта Прудонъ вооружилъ противъ себя тогдашнихъ экономистовъ. Но несмотря, однакожъ, на открытую войну, которую онъ велъ противъ большей части знаменитостей и профессоровъ политической экономіи, онъ познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ; и вотъ какъ онъ сообщалъ объ этомъ Бергману:

«Я познакомился съ *котеріей* экономистовъ (надо называть вещи ихъ настоящимъ именемъ). Есть между ними добрые малые, люди свѣдущіе, здравомыслящіе, деликатные, съ которыми пріятно встрѣчаться». Въ особенности сблизился онъ съ Жозефомъ Гарнье, директоромъ специальной коммерческой школы, и связь эта не прерывалась до конца. Сен-Бевъ рассказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ уже въ послѣдніе годы жизни Прудона, одного разговора его съ Гарнье за обѣдомъ. Разговоръ имѣлъ политическій характеръ, но въ тонѣ его слышалось взаимное уваженіе, не исключающее порой безобидной насмѣшки. Прудонъ никогда не оставался нечувствителенъ, видя въ комъ нибудь доброжелательное отношеніе къ себѣ. По выходѣ въ свѣтъ его книги «Création de l'ordre», Гарнье написалъ объ ней критическую статью въ журналъ экономистовъ, въ которой коснулся и трехъ предшествующихъ его трудовъ. Статья эта отличалась умѣренностью и благородствомъ тона. Не соглашаясь во многомъ съ воззрѣніями Прудона, Гарнье отдавалъ однакоже полную справедливость его выходящему изъ ряда уму и блистательному таланту. «Авторъ, говоритъ Гарнье, между прочимъ, въ этой статьѣ:—одинъ изъ пионеровъ, который уже потому заслуживаетъ нашего вниманія, что не страшится зако-

дять слишкомъ далеко. Онъ пустился въ путь со всѣми необходимыми предосторожностями, съ любовью къ истинѣ, драгымъ смысломъ, эрудиціей, ясностью идей. Въ его понятіяхъ политическая экономія не только наука о богатствѣ, но и наука о трудѣ. Она должна руководить правителями...». Эта статья послужила первымъ шагомъ къ сближенію между ними и послѣ появленія ея Прудонъ писалъ своему критику: «Благодарю васъ, М. Г., за вашу доброжелательную статью. Я не встрѣчаю столько справедливости въ радикалахъ и независимыхъ, называющихъ меня «обратомъ и гражданиномъ Прудономъ». Вотъ, мимоходомъ, комическая подробность, относящаяся къ первому свиданію Гарнье съ Прудономъ. Когда Прудонъ пришелъ къ нему, Гарнье ждалъ печника. Увидѣвъ широкоплечаго человѣка, въ шляпѣ съ большими полями, онъ сказалъ: «Здравствуйте. Я нетерпѣливо ждалъ васъ. Вы печникъ, за которымъ я послалъ? — Нѣтъ, я Прудонъ. — Ахъ! милости просимъ. Душевно радъ съ вами познакомиться. Извините мени пожалуйста... что я... — Ничего, ничего».

Гарнье, въ одной изъ своихъ лекцій (Введеніе въ Политич. Экон.), которую онъ послалъ Прудону, очень высоко ставитъ мнѣнія и авторитетъ Росси. Прудонъ отвѣчаетъ ему: «Я самъ, также какъ и вы убѣжденъ въ рѣдкомъ умѣ г. Росси и думаю, что онъ гораздо меньше высказываетъ, нежели знаетъ. Но что же ему мѣшаетъ говорить, — и ему, и Бланки, и Мишелю Шевалье, и столькимъ другимъ?» Всѣмъ этимъ ученымъ и, особливо Росси, мѣшала говорить, конечно, политическая осторожность. Нельзя представить себѣ двѣ натуры, болѣе противоположныя, нежели Прудонъ и Росси. Когда послѣднему встрѣчался какойнибудь вопросъ, который могъ повлечь за собой столкновеніе экономической науки съ господствующими подозрительными силами общества, онъ останавливался, ставилъ точку и раскланявшись уходилъ, тогда какъ Прудонъ съ своей неумолимой логикой, не отступалъ ни передъ какими выводами, не боялся никакихъ препятствій и смѣло смотрѣлъ въ лицо истинѣ. Разумѣется, онъ не могъ особенно цѣнить такихъ ученыхъ, какъ Росси, хотя и отдавалъ должное ихъ эрудиціи. «По-видимому, всѣ тонкости г. Росси, говорить онъ въ одномъ мѣстѣ: — имѣютъ цѣлю не оправдывать политическую экономію, но снять съ нея отвѣтственность за ея собственныя послѣдствія. Но рассматривая съ высшей, метафизической точки зрѣнія идею науки вообще, не трудно придти къ заключенію, что наука, которая для того, чтобы существовать, нуждается въ другой, не есть наука истинная; что наука, которой рациональныя примѣненія привели бы къ злу, есть наука хищерическая, если это не наука дурно понятая». Кромѣ Гарнье, Прудонъ познакомился еще около этого времени съ молодымъ нѣмецкимъ писателемъ Грюномъ, только что пріѣхавшимъ во Францію. Въ возвращеніяхъ ихъ оказалось много общаго, и потому они скоро

сблизились. Заимствуемъ у Грюна нѣсколько подробностей о его свиданіи съ Прудонъ. «Я представлялъ его себѣ всегда человѣкомъ лѣтъ сорока, съ жесткими чертами, черноволосаго, съ недовѣрчивой фивіономіей, съ челомъ, отягченнымъ глубокими грустными заботами; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, однакожъ, исполненнаго той неизмѣнной благосклонности, которая всегда читалась на лицѣ Жанъ-Жака Руссо и Людвига Бёрне. Мнѣ нужно, думалъ я, добиться этой благосклонности; проникнуть за укрѣпленія, гдѣ прячется этотъ уязвленный умъ, если я не хочу быть смѣшаннымъ съ путешествующими англичанами или вульгарными нѣмецкими туристами. И дѣйствительно, какимъ же я могъ представить себѣ автора книги «*Что такое собственность*» и письма къ Консидерану, за которое онъ долженъ былъ предстать передъ присяжными; бывшаго наборщика, съ давнихъ поръ погруженнаго въ безконечные научные труды; пролетарія, ищущаго соціальной науки для блага пролетаріата, и который, будучи уже награжденъ за свое мужество процессомъ въ ассизахъ, подвергался еще въ теченіи долгихъ лѣтъ и другаго рода пыткамъ, не менѣе ужасной,—пыткѣ общественнаго пренебреженія; какимъ могъ я себѣ представить этого одинокаго, смѣлаго, беспощаднаго мыслителя, если не ожесточеннымъ нравственными страданіями?

«Когда я вошелъ въ комнату Прудона, я увидѣлъ довольно высокаго, крѣпкаго человѣка, лѣтъ около 30, въ шерстяномъ жилетѣ и въ деревянныхъ башмакахъ. Студенческая комната съ кроватью; небольшое количество книгъ на полкахъ; на столѣ нѣсколько нумеровъ «Насьоналя», и какого-то экономическаго ревью; вотъ какова была его обстановка. Пяти минутъ не прошло, какъ между нами уже завязался самый искренній разговоръ; онъ продолжался, не прерываясь, такъ, что я едва успѣлъ подумать про себя: какъ я ошибся, ожидая найдти здѣсь недовѣрчивость Руссо и Бёрне! Открытое лицо, лобъ удивительно пластичный, темные, прекрасные глаза, нижняя часть лица нѣсколько массивная, и совершенно гармонирующая съ мощной горной природой Юри. Выговоръ энергическій, полный, деревенскій, особливо если сравнить его съ манернымъ парижскимъ щебетаньемъ; рѣчь сжатая, краткая; выраженія математически точныя; сердце, исполненное спокойствія, увѣренности, даже веселости; словомъ, человѣкъ красивый, мужественный, который не сробѣетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ.

«Когда я былъ влюбленъ въ первый разъ, мнѣ всего болѣе нравились въ моея возлюбленной, сколько я помню, веснушки. Но еслибъ, однакожъ, онѣ были также у другой дѣвушки, я бы не полюбилъ ее за это. Это общее правило психологів, что любовники предпочитаютъ у предмета своей привязанности извѣстныя детали, которыя именно находятся въ противорѣчій съ законами красоты. Прудонъ нѣсколько косъ, и именно это обстоятельство было причиной того, что я съ перваго раза на-

шелъ его фizioномію столь интересной. Его прекрасные, свѣтлыя зрачки, слегка расходящіеся, напомнили мнѣ веснушки, въ городѣ Велларѣ. И, между тѣмъ, какъ мы толковали о Гегелѣ, Фейербахѣ, Адамѣ Смитѣ, Сеѣ, Бланки, Воловскомъ, Фурье и Консидеранѣ, Листѣ и Цольтсбереймѣ, о Гейне и Марксѣ, взглядъ мой переходилъ съ этихъ косыхъ глазъ на изыщную линію бровей и на великолѣпную выпуклость лба, которая, повторяю, не показались бы мнѣ столь красивыми, еслибы не этотъ легкій недостатокъ зрачковъ.

...«Прудонъ, единственный французъ, совершенно свободный отъ предрасудковъ, какого я когда либо зналъ. Онъ довольно занимался нѣмецкой наукой для того, чтобы припадать ухомъ къ землѣ, каждый разъ, какъ по ту сторону Рейна обнаруживается движеніе умовъ... Онъ усвоилъ себѣ сущность нашей науки, и нашими идеями заряжалъ свои пушки противъ собственности и т. д.»

...«Я провелъ весьма пріятный часъ съ Прудонѣмъ. Мы обмѣнялись тысячами идей... Я ощущалъ радость, какой не испытывалъ съ самаго пріѣзда въ Парижъ. Прудонъ,—новый французъ, мыслитель логики, умѣющій оцѣнить нѣмецкую науку, не обоготворяя ее, какъ это дѣлали нѣкоторые парижскіе глупцы, и не обкрадывая ее, подобно официальному философу юльскаго Франціи (Кузену, который по выраженію Гегеля, «имѣлъ нѣсколько рыбъ въ его водахъ, но искусно утопилъ ихъ въ своемъ соусѣ»). Но, къ сожалѣнію, онъ знакомъ съ трудами нѣмецкихъ ученыхъ только по анализамъ, или по французскимъ переводамъ. Бѣдный Прудонъ не знаетъ совсѣмъ по нѣмецки. Двѣнадцать лѣтъ своей жизни онъ былъ типографщикомъ, и всему, что знаетъ, научился самъ. Ему нѣкогда было заняться нѣмецкимъ языкомъ, иначе бы онъ изучилъ и его, какъ все остальное. Какъ онъ умѣетъ пользоваться переводами и анализами,—я увидѣлъ уже по тѣмъ поразительнымъ словамъ, которыя онъ сказалъ мнѣ о Фейербахѣ: «Да это довершеніе дѣла Штрауса! Штраусъ, дѣйствительно, далъ теорію мѣта, но нужно было открыть, откуда происходилъ мѣта и почему онъ былъ потребностью».

Въ одномъ только, какъ мы уже свазали выше, Грюнъ не сходился съ Прудонѣмъ. Это въ вопросѣ о назначеніи женщины.

Около того же времени, Прудонъ пріобрѣлъ себѣ друга и ученика въ Даримонѣ. Даримонъ, пріѣхавшій изъ Лилля, занимался социальными науками. Онъ прочелъ книги Прудона и не пропускалъ ничего выходящаго изъ подъ пера его. Когда вышли «Экономическія противорѣчія» онъ тотчасъ же купилъ ихъ, и, неся въ рукѣ, зашелъ обѣдать въ одинъ табль-д'отъ. Случилось, что тамъ же обѣдалъ и Прудонъ, которому его представили. Это было въ октябрѣ 1846 г. Прудонъ, какимъ увидѣлъ и описалъ его тогда Даримонъ, не имѣлъ ничего общаго съ

идеальнымъ портретомъ, изображеннымъ Грюномъ. Это былъ худой, сильный, костлявый человѣкъ, въ широкомъ сюртукѣ, бутылочнаго цвѣта, доходившимъ до пятокъ, въ яркомъ двубортномъ жилетѣ, въ короткихъ панталонахъ и въ снѣжкѣ чулкахъ и башмакахъ съ завязками. Тонъ его былъ рѣзокъ; онъ какъ бы сразу говорилъ: «Въ сторону комплименты!» Прудонъ на первыхъ же фразахъ прервалъ Даримона, который сталъ было долгомъ сказать своему любимому, и уже знаменитому тогда писателю, нѣсколько пріятныхъ вещей, обличавшихъ, впрочемъ, большое пониманіе прудоновскихъ теорій. — «Такъ вы, значить, прочли мою книгу?» спросилъ Прудонъ. — «Нѣтъ, не читалъ; видите, — она еще не разрѣзана». — «А вы говорите точно какъ будто читали ее?» — «Это величайшій комплиментъ, какой вы могли мнѣ сдѣлать. Это доказываетъ, что я понялъ васъ». — «Вы еще первый».

Онъ любилъ прислушиваться къ мнѣніямъ людей объ его книгахъ и всегда очень беспокоился на этотъ счетъ. Даримонъ продолжалъ говорить съ нимъ объ его экономическихъ доктринахъ. — «Но вы мнѣ ничего не скажете о моей книгѣ *Création de l'ordre*?» — «Признаюсь, я предпочелъ бы лучше не говорить съ вами о ней. Я не нахожу ее хорошей ни по построенью, ни въ цѣломъ». — «Да, да... Эта книга неудавшаяся. Я хотѣлъ написать энциклопедію; я ничего не зналъ».

Впослѣдствіи, этотъ первый адептъ сдѣлался драгоценнымъ приобретеньемъ для Прудона. Онъ уже не могъ сказать: «я одинъ. У меня никого нѣтъ». Даримонъ, обладавшій при живомъ, ясномъ и гибкомъ умѣ, необычайной легкостью изложенія, болѣе, чѣмъ кто либо, былъ способенъ популяризовать идеи учителя, упрощать ихъ, освобождая отъ туманной или заугивающей формы. Надо вникнуть въ настоящій смыслъ словъ Прудона, и они перестанутъ быть страшными, говорить онъ. Кто-то не безъ остроумія выразился, что Даримонъ — это *подушка* Прудона. Во всѣ времена у великихъ реформаторовъ, у людей изобрѣтенія, были такіе адепты, много понимавшіе ихъ, умѣвшіе передавать, смягчать ихъ ученіе, и убѣждать въ немъ толпу. Эту роль Даримонъ выполнялъ и до сихъ поръ. Благодаря ему, многія идеи Прудона проникли въ рабочую массу и нашли въ ней осуществленіе въ формѣ коопераціи.

Отдѣлавшись отъ своей типографіи Прудонъ долженъ былъ позаботиться о средствахъ къ жизни; старый другъ и товарищъ его дѣтства пришелъ къ нему на помощь. Прудонъ росъ и учился вѣсть съ нѣкимъ Готье, членомъ торговой фирмы въ Мюльхаузенѣ и Лионѣ. Дѣятельность фирмы заключалась въ перевозкѣ на судахъ каменнаго угля по Ронскому каналу и Рейну. Готье никогда не упускалъ изъ виду стараго товарища; во время нанечатанія перваго и втораго мемуара о собственности, у нихъ даже завязалась переписка, еще болѣе скрѣпившая ихъ дружескія отношенія. Въ 1843 году, когда Прудонъ остается

безъ всякихъ занятій и безъ средствъ къ жизни, Готье и его братья предложили ему быть ихъ приказчикомъ, агентомъ, со-вѣтникомъ, редакторомъ прошеній и записокъ, на что Прудонъ и согласился. Въ письмѣ къ Аккерману, онъ характеризуетъ свою новую дѣятельность слѣдующимъ образомъ: «Я сдѣлался судебнымъ приказчикомъ въ Лионѣ, и провожу свои дни съ судовщиками, носильщиками, извозчиками, негоціантами, коммисіонерами, кочегарами и пр... То въ своей конторѣ, то на «Драконѣ», нашемъ буксирномъ суднѣ, и одномъ изъ лучшихъ пароходовъ на «Саонѣ»... Время мое не пропадаетъ для меня даромъ. Конкуренція уничтожила меня, какъ торговаго человѣка; я въ свою очередь стараюсь ея раздавить другихъ; не можете себѣ представить, какое страшное дѣйствіе производить ученая теорія, употребляемая для разрушенія! Такъ какъ у своихъ хозяевъ я самый главный и единственный совѣтникъ, то имѣю полную свободу прилагать къ дѣлу свои организаціонныя идеи и пользуюсь этимъ, чтобъ *in anima vili* дѣлать опыты надъ нашими неблагонамѣренными конкурентами. Въ свободное время я сочиняю брошюры объ административныхъ дѣлахъ, прошенія къ министру, просьбы къ префекту, и составляю для министерства разныя справки; короче, еслибъ правительство только знало, какого могущественнаго союзника во мнѣ имѣетъ, оно не только бы не преслѣдовало меня, но даже взяло бы на жалованье».

По дѣламъ Прудону приходилось часто бывать въ Парижѣ и Лионѣ и хлопотать о многочисленныхъ процессахъ фирмы. Въ послѣднемъ городѣ онъ былъ болѣе извѣстенъ подъ названіемъ «адвоката братьевъ Готье»; во всѣхъ юридическихъ вопросахъ, возникавшихъ по поводу процессовъ, Прудонъ выказывалъ много познаній, умѣнья и ловкости; добродушные люди, приходившіе съ нимъ въ сношеніе по этимъ дѣламъ, даже предполагали, что настоящее призваніе его быть юрисконсультомъ, подобно его двоюродному брату, профессору въ Дижонѣ; нѣкоторые изъ этихъ дѣлъ были весьма крупнаго размѣра, напри-мѣръ, въ 1847 году Прудонъ пишетъ къ Бергману: «Дѣла и процессы задерживали меня въ Лионѣ почти постоянно въ продолженіи октября, ноября и декабря; изученіе тяжбныхъ дѣлъ составляетъ главную часть моихъ обязанностей и я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ приведены къ благополучному концу нѣсколько такихъ дѣлъ, денежная стоимость которыхъ восходитъ отъ 50 до 200 т. фр. Вотъ ужъ 8-й приговоръ суда въ нашу пользу основывается на доводахъ, изложенныхъ въ моихъ запискахъ. Ты видишь, что, если я въ книгахъ и утопистъ, то въ дѣлахъ могу быть довольно практичнымъ человѣкомъ»... и дальше. «Цѣлый мѣсяцъ я находился въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ сорока депутатами; Готье проситъ у правительства 2 тысячи лошадей, посредствомъ которыхъ предлагаютъ устроить перевозку хлѣба на Ронѣ, чтобъ снабжать имъ весь западъ».

Франціи, по цѣнѣ, вытѣро дешевле противъ существующей; результатомъ этого было бы уменьшеніе съ 15-го февраля цѣны на хлѣбъ съ 40 и 50 сантимовъ за килограмъ на 20, что составило бы для всей страны барышъ болѣе, чѣмъ на 100 м. франковъ. Депутаты прекрасно насъ принимали, а министры отказали весьма вѣжливо; чему и слѣдовало случиться... Въ прошедшемъ маѣ я провелъ цѣлый мѣсяцъ въ Дижонѣ: хлопоталъ о процессѣ, сочинялъ записку, печаталъ ее и пр... Такъ что все это время я очень мало могъ заниматься разрѣшеніемъ моихъ «*Экономическихъ противорчій*».

Отношенія хозяевъ фирмы къ Прудону были весьма дружественны, онъ самъ признавалъ это, хотя нѣсколько и тяготился своимъ зависимымъ положеніемъ. «Эти господа, пишетъ онъ:—упорно не желаютъ сдѣлать изъ меня простаго прикащика, такъ что я принужденъ противъ своихъ убѣжденій пользоваться ихъ деньгами въ такой мѣрѣ, чтобы въ будущемъ въ нихъ не нуждаться... Но все еще я нахожусь не въ нормальномъ положеніи. Во всякомъ случаѣ, гг. Готье ко мнѣ очень расположены и я не думаю впасть въ преувеличеніе, признавъ, что они замѣнили для меня безансонскую академію; благодаря имъ, я могу продолжать свои занятія». Но Прудонъ не могъ долго остаться въ такъ называемомъ имъ ненормальномъ положеніи; дѣла фирмы, увеличиваясь въ размѣрахъ, стали поглощать все его время. Эти дѣла поневолѣ втягивали его въ дѣятельность, несогласную съ его теоріями и идеями. Самое же главное то, что подчиненное положеніе было невыносимо для Прудона; онъ стремился къ независимости. Въ октябрѣ 1849 года онъ, несмотря на просьбы своихъ хозяевъ, взялъ отставку.

«Я очень доволенъ своимъ рѣшеніемъ, писалъ онъ въ это время,—слишкомъ долго служилъ я другимъ, въ свою очередь я хочу быть независимымъ, хочу быть самъ полнымъ хозяиномъ, хотя бы у меня, какъ у дикаго, ничего не было, кромѣ шалаша, удачи и круча».

Изученіе торговли на практикѣ не осталось для Прудона бесполезнымъ; это было довершеніемъ его экономического образованія. Со многимъ, о чемъ онъ до сихъ поръ разсуждалъ и писалъ, какъ теоретикъ, приходилось ему сталкиваться лицомъ къ лицу. Отношенія капитала къ труду, отношенія между миромъ коммерческимъ и административнымъ, весь механизмъ торговыхъ операцій, подрядовъ, все это увидалъ онъ на дѣлѣ, и эта опытность, приобрѣтенная имъ у Готье, отразилась на его ближайшихъ ученыхъ трудахъ.

Книга «*Экономическія противорчія или философія нищеты*» вышла въ октябрѣ 1846 года; появленіе ея въ свѣтъ замедлилось вслѣдствіе нѣкоторыхъ замѣчаній, сдѣланныхъ ея издателемъ. Гильоменъ, извѣстный своимъ изданіемъ главнѣйшихъ экономистовъ, изъ весьма понятнаго чувства самосохраненія, не могъ согласиться на напечатаніе нѣкоторыхъ весьма рѣзкихъ

выходокъ. Подобно всѣмъ людямъ, имѣвшимъ съ Прудонемъ близкія сношенія, онъ удивился, почему Прудонъ гораздо умѣреннѣе въ разговорахъ и письмахъ, нежели въ своихъ книгахъ. Приведемъ одинъ случай изъ нѣсколькихъ. Гильоменъ пришелъ въ ужасъ, увидавши, что въ XI главѣ книги, послѣ имени Людовика-Филиппа, стояли слѣдующія три слова: «послѣдній король французовъ», и сейчасъ же написалъ объ этомъ Прудону. Прудонъ, безъ всякаго затрудненія, согласился вычеркнуть слова, пугавшія почтеннаго издателя, и писалъ ему на этотъ счетъ слѣдующее: «Я вычернулъ, какъ вы того просили, непріятныя вамъ слова относительно Е. В. Людовика-Филиппа; слова эти только резюмировали извѣстный философскій взглядъ, что можно увидѣть, если внимательно прослѣдить весь ходъ мысли въ сочиненіи. Вы же нашли тутъ революціонную угрозу»...

Гильоменъ не находилъ также большаго удовольствія печатать сочиненія, въ которыхъ доставалось такъ сильно его пріятелямъ-экономистамъ. Прудонъ отвѣчалъ ему:

«(Лионъ, 29-го сентября 1846 г.). Наступаетъ время, когда начнется война на смерть между социализмомъ и политической экономіей, демократизмомъ и монархіей. Оружіемъ этой битвы будетъ не пушка, а пресса. Изъ вашего магазина, если вы только захотите, вы можете сдѣлать поле битвы для этихъ идей. Будьте безпристрастны, воспользуйтесь случаемъ, сами создайте его, въ случаѣ надобности, и вамъ достанется одна изъ лучшихъ ролей пріготовляющейся революціи. Вы знаете какую игралъ роль въ XVIII столѣтіи издатель Панкуръ, вы можете превзойти его на столько, на сколько нашъ вѣкъ выше истекшаго». Эти картины будущаго не прельщали Гильомена, онъ совсѣмъ не чувствовалъ охоты сдѣлать свой книжный магазинъ полемъ битвы, и отступиться отъ своихъ прежнихъ друзей, на сторонѣ которыхъ были всѣ его симпатіи.

Безпокойства Гильомена о книгѣ не прекратились и съ ея выходомъ въ свѣтъ, потому что нѣкоторыя опасныя страницы были замѣченны имъ ужъ послѣ напечатанія. И, въ самомъ дѣлѣ, это была странная книга; мы говоримъ только о формѣ, такъ какъ сущность ея достаточно извѣстна всѣмъ интересующимся экономическими вопросами; по заглавію суда, въ ней не должно было бы быть ничего, кромѣ политической экономіи. Но читатель, открывая книгу, сейчасъ же наталкивается на *тезису о Ботъ*.

Поднимаютъ религіозные вопросы, да еще въ странныхъ и, если можно такъ выразиться, неудобныхъ выраженіяхъ, значило нарочно осложнять себѣ и безъ того уже трудную задачу; между двумя главами о налогѣ и о торговомъ балансѣ является глава о Провидѣніи; зачастую авторъ употребляетъ самня неожиданныя филологическія сближенія, въ которыхъ онъ даже самъ вполне не увѣренъ и которыя взяты имъ только, какъ средства ярче выразить его мысль (Камнъ — первый собствен-

никъ, Авель—первый пролетарій). Книга наполнена личностями; стремясь къ рѣшенію вопросовъ науки, авторъ остается въ то же время памфлетистомъ и совершенно сознательно, какъ это видно изъ письма къ Бергману: «Ты упрекаешь меня въ личностяхъ, которыя, по твоему, безчестятъ мою книгу... Прежде, чѣмъ вѣзаться за перо, я уже думалъ объ этомъ вопросѣ... Я думалъ, милый Бергманъ, что форма моей книги, точно также, какъ и всей полемики, вынуждена необходимостью... По моему, въ области политики, практической нравственности, социальныхъ наукъ, и всего, что прикасается къ дѣйствительной жизни, теоріи не суть только идеи, отвлеченія ума, но за ними скрываются интересы, вліянія, коалиціи и интриги живыхъ лицъ. Дальше я объяснять не буду, ты видишь мои основанія и поймешь почему, ничего не имѣя противъ лицъ, я по необходимости и съ намѣреніемъ прибѣгаю къ личностямъ...» Во всей книгѣ авторъ подвергаетъ критикѣ разныя экономическія явленія, но въ противоположность эпитафю, взятому изъ «Второзаконія»,—«Разрушу и созижду» не указываетъ на какое нибудь положительное рѣшеніе. Но самое главное, что должно было отодвинуть отъ его книги французскихъ читателей — это употребляемый имъ діалектическій методъ; еще до изданія книги вотъ что писалъ Прудонъ по этому поводу Аккерману: «Я попробую то, что Кантъ положительно призналъ невозможнымъ. Я тружусь надъ популяризацией метафизики, для этого я употребляю глубочайшую изъ діалектикъ — діалектику Гегеля»... «Читая антиноміи Канта, я видѣлъ въ нихъ не доказательство слабости человѣческаго ума, но только образецъ діалектической ловкости, но истинные законы природы и мысли; Гегель показывать, что эти законы гораздо общѣе, нежели то предполагалъ Кантъ; нѣтъ надобности слѣдовать за Гегелемъ въ его бесплодной попыткѣ ностроить реальный міръ на однихъ расчлѣненныхъ, апіористическихъ данныхъ; но можно смѣло утверждать, что его логика удивительно удобна для самостоятельнаго объясненія нѣкоторыхъ явленій, которыя прежде въ нашихъ глазахъ были только злоупотребленіями, крайностями другихъ явленій».

Большинство образованныхъ французовъ, особенно въ то время, было совершенно незнакомо съ германской философіей; поэтому, употребленіе діалекческаго метода Гегеля не могло привлечь читателей; желая популяризовать метафизику, Прудонъ только затемнилъ для французскаго читателя основное положеніе своей книги и давалъ критикамъ лишній предлогъ для нападеній. Это тѣмъ болѣе странно, что умственный уровень публики былъ Прудону очень извѣстенъ.

«Во Франціи—писалъ онъ въ 1849 году къ Гарнье—еще не постигаютъ, что нѣкоторыя идеи точно также, какъ и нѣкоторыя явленія, своимъ собственнымъ развитіемъ идутъ къ разрушенію». Онъ приводитъ примѣры изъ области религіи, политики

и наконецъ показываетъ это на самомъ понятіи о собственности, которая, начавши съ собственности по римскому праву, начинается посредствомъ личного труда сама себя ограничивать, уравнивать и организоваться на новый ладъ; изъ этого неминуемо должно было родиться новое экономическое право, имѣющее съ прежнимъ общаго только одно имя.

На этотъ разъ Прудонъ уже не могъ остаться довольнымъ отзывами экономистовъ объ его книгѣ; въ ихъ официальномъ журналѣ, вритивомъ этой книги явился уже не Гарнье, не Бланки, а Молилари; разборъ его въ сущности былъ весьма несправедливъ; онъ не пропустилъ ни одной рѣзкой выходки, ни одной странности Прудона и не хотѣлъ или не сумѣлъ замѣтить, что было новаго, глубокаго и истиннаго въ этой философіи нищеты. Съ этого времени начался полный разрывъ Прудона съ современными представителями экономической науки.

Послѣ появленія «Экономическихъ противорѣчій» Прудонъ, какъ это можно видѣть изъ нѣкоторыхъ писемъ его, относящихся къ тому времени, начинаетъ думать о практическомъ примѣненіи идей своихъ. Въ чемъ состояли эти проекты и планы, созрѣвшіе въ его умѣ, биографъ его не можетъ опредѣлить въ точности. Хотѣлъ ли онъ затѣять какое нибудь грандіозное промышленное учрежденіе, народной банкъ или что нибудь въ этомъ родѣ, неизвѣстно, но только онъ писалъ: «Какъ человѣкъ дѣла, и съ тѣми практическими свѣденіями, которыя я приобрѣлъ, и съ той маленькой репутаціей, которую я себѣ сдѣлалъ, я еще могу создать себѣ комфортабельное существованіе, но я стремлюсь къ большему, и сравнивая свою индивидуальность съ столькими другими, я обѣждаюсь, что имѣю право на болѣе благородную роль». Туже самую мысль выражаетъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. «Послѣ семи лѣтъ специальныхъ трудовъ,—всѣ мои средства къ существованію заключаются въ политической экономіи, а такъ какъ эта политическая экономія имѣетъ значеніе только въ примѣненіи, то слѣдовательно, для того, чтобы я могъ найти свое мѣсто въ обществѣ, я долженъ произвести переворотъ... (экономическій). Средствомъ для почина и осуществленія своего новаго дѣла, онъ считалъ издаваніе еженедѣльнаго журнала, который долженъ былъ называться *Le Peuple*. Хотя основателемъ его являлось другое лицо; но Прудонъ надѣялся быть въ немъ полнымъ хозяиномъ.

«Я одинъ, пишетъ онъ:—могу дать жизнь и успѣхъ предпріятію. Программа вышла изъ подъ пера моего, и неосуществима ни для кого, кромѣ меня. Это до такой степени справедливо, что основатели, редакторы, акціонеры и подписчики ужасно озабочены вопросомъ: какъ я изъ этого выйду. И потому я говорю, что журналъ мой и требую, чтобы онъ во всемъ согласовался съ моими чувствами: *у sino, no*. Ты поймешь, что дѣлаясь журналистомъ, я поведу свою барку не по образцу другихъ, и не вступлю въ конкуренцію словъ съ моими будущими

собратами по парижской прессѣ. Пускай они дѣлають, какъ знаютъ; пускай продають передовны статьи, фельетонныя романы, недоброжелательную критику, объявленія и разныя разности. Это до меня не касается.

«Журналъ «Le Peuple» будетъ первымъ актомъ экономической революціи, планомъ сраженія труда противъ капитала. *Отъ критики я перехожу къ дѣйствию.* И это дѣйствіе дебютируетъ журналомъ. Надѣюсь, что изданіе будетъ также оригинально, какъ исключительно положеніе. Если Богъ продлитъ мнѣ вѣку и здоровья,—то, какъ только толчекъ будетъ данъ, путь обозначенъ, участниковъ въ коопераціи явится цѣлая толпа и все пойдетъ на славу». По предпріятію этому суждено было осуществиться только поздиѣе. При тогдашнемъ правительствѣ его не разрѣшили; журналъ Прудона появился лишь послѣ февральской революціи, и онъ никогда не былъ въ немъ полнымъ хозяиномъ.

Возвратясь въ концѣ 1847 г. изъ Ліона въ Парижъ, онъ, по обмыновенію, весь погруженный въ разрѣшеніе разныхъ экономическихъ задачъ, присутствовалъ, сложа руки, при возраставшей съ каждымъ днемъ политической агитаціи. Хотя изъ нѣкоторыхъ его писемъ, относящихся еще къ 1844 г., можно видѣть, что онъ считалъ существующую систему подорванной въ принципѣ и что самъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы склонить въ одно разрозненныя силы социалистовъ, предсказывая въ будущемъ неизбежное торжество социальнихъ идей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ далеко отъ мысли о скоромъ переворотѣ, который застигъ его, какъ и очень многихъ, въ располхъ. Онъ встрѣтилъ его не только съ недоувѣремъ, но со страхомъ, который вскорѣ перешелъ въ озлобленіе противъ тѣхъ, кѣмъ этотъ переворотъ былъ произведенъ. Онъ высказалъ прямо и открыто множество горькихъ истинъ каждому изъ членовъ временнаго правительства. Онъ можетъ быть даже преувеличивалъ опасность, при своемъ страстномъ, увлекающемся характерѣ. Ему казалось, что партія, самыя враждебныя іюльской монархіи, вовсе не приготовились къ власти, талъ внезапно унаслѣдованной ими, и къ созданію чего либо прочнаго. И самого его, событія 1848 г., такъ сказать, прижали къ стѣнѣ, поймали на словѣ. Философъ, агитаторъ, со дня на день, могъ ожидать, что на его долю выпадетъ роль законодателя, и хотя онъ не разъ выражалъ искреннюю вѣру въ плодотворность своихъ идей, въ которыхъ видѣлъ разрѣшеніе будущаго, которыя считалъ способными обновить общество, но теперь долженъ былъ однакожъ прійти къ сознанію, что все-таки эти идеи не достигли еще той степени опредѣленности, точности, какия необходимы были для ихъ немедленнаго, непосредственнаго практическаго примѣненія. Съ другой стороны революція, открывая широкое поле его полемическому таланту, разрушая всѣ преграды, сдерживавшія его негодующую сатиру, его смѣлую парадоксальность, его кровавую иронию, давали полный просторъ стихійному элементу

его характера, и, не надѣясь сдержать себя (Прудонъ предчувствовалъ это съ перваго же дня), онъ боялся быть увлеченнымъ общимъ вихремъ. Писать у самаго кратера, положеніе исключительное и способное закружить голову.

Сен-Бевъ называетъ въ одномъ мѣстѣ книгу свою: Прудонъ, рассказанный имъ самимъ. Это въ особенности примѣняется къ тѣмъ двумъ письмамъ его, гдѣ онъ говоритъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него февральскимъ переворотомъ, и которыми заключается его біографія. Письма эти относятся къ двумъ различнымъ эпохамъ. Одно, напечатанное въ его журналѣ, знакомитъ насъ съ тѣмъ, что было перечувствовано и передумано имъ наканунѣ 24 февраля, почти въ самый моментъ взрыва. Другое, адресованное къ Бергману уже отъ 5 марта 1854 г., заключается въ себѣ ретроспективный обзоръ всей его жизни, въ теченіи предшествовавшихъ шести лѣтъ. Здѣсь, вромѣ взглядовъ на политическія событія, Прудонъ касается нѣкоторыхъ подробностей своей женитьбы и вообще всего положенія за эти года; и потому это письмо въ особенности для насъ драгоценно. Это нѣчто въ родѣ признаній, въ родѣ исповѣди, но исповѣди дружеской, сердечной, гдѣ человѣкъ не рисуется, не рассчитываетъ на гласность, а является дѣйствительно самимъ собой. Сколько здѣсь простоты, достоинства, какая трезвость мысли, и великая нравственная чистота. Въ мягкомъ, полу-грустномъ тонѣ этихъ признаній слышится уже тотъ Прудонъ, который въ 1862 г. писалъ въ одному изъ своихъ старыхъ товарищей по типографіи, Милье: «Публичность! Я снѣ ей погорю! Чего я жажду—это уврѣпляющихъ радостей домашней жизни».

Изъ перваго письма мы сдѣлаемъ только выдержки, характеризующія состояніе духа Прудона въ моментъ наступленія революціи, второе—приведемъ почти вполнѣ.

...«Стоя у самаго подножія общественнаго зданія, въ средѣ рабочей массы,—и самъ одинъ изъ первыхъ минѣровъ, подкапывавшихъ его основы, я видѣлъ лучше, нежели всѣ государственные люди, препиравшіеся на вершинѣ, приближеніе опасности, и всѣ послѣдствія разрушенія. Еще нѣсколько дней, и при малѣйшей парламентской бурѣ, монархія должна была рухнуть, а съ ней и старое общество.

«Ураганъ началъ дуть на банкетахъ по случаю реформы. Римскія, Сицилійскія, Ломбардскія событія усиливали пылъ партій. Междоусобная война въ Швейцаріи довела раздраженіе умовъ противъ министерства до высшихъ предѣловъ. Чудовищные скандалы, безобразнѣйшіе процессы непрестанно поддерживали негодованіе общества. Сессія 1847—48 г. еще не начиналась, палаты еще были въ сборѣ, какъ я уже считалъ все погибшимъ, и тотчасъ же пріѣхалъ въ Парижъ.

«Два мѣсяца, предшествовавшіе взрыву, отъ открытія палатъ до паденія трона, были самыми тяжелыми, самыми мрачными, какіе

я переживалъ когда либо. Даже извѣстіе о смерти матери, полученное мною въ этотъ промежутокъ времени, не могло извлечь меня изъ этого томительнаго состоянія, и произвело на меня, въ первую минуту, слабое впечатлѣніе. Я узналъ тогда, насколько отечество, для гражданина, выше семьи. Регуль и Брутъ стали мнѣ понятны.

«Республиканецъ вчерашняго дня, республиканецъ позавчерашнихъ дней, республиканецъ въ коллегіи, въ рабочей мастерской, въ кабинетѣ,—я содрогался, видя приближеніе республики! Я содрогался, говорю я, потому что не находилъ ни вокругъ себя, ни надъ собой никого, кто бы вѣрилъ въ осуществленіе республики, по крайней мѣрѣ, въ столь близкое!

«Въ республиканцахъ, не многочисленныхъ, впрочемъ, жила вѣра въ республику; но они не обладали наукой ея. Соціалисты, почти неизвѣстные, именами которыхъ еще не оглашалась сцена, также вѣрили въ социальную республику; но и у нихъ не было ни ключа къ ней, ни науки.

«Старое общество не разъ подвергалось критикѣ, но по большей части, неопредѣленной, ограничивавшейся общими чертами, съ примѣсью сентиментальности и мистицизма, рѣдко философской и строго обдуманной. Но изъ всего этого хаоса споровъ и деламаций не блеснулъ лучъ свѣта. Современная пресса не была затронута живо этимъ вопросомъ. Огромное большинство читателей не занималось имъ даже.

«И однакоже революція, республика, социализмъ, опираясь другъ на друга, приближались огромными шагами. Я видѣлъ ихъ, привасался къ нимъ; я бѣжалъ отъ демократическаго и социальнаго чудовища, загадку котораго не могъ объяснить себѣ; и ужасъ леденилъ мою душу, убивалъ во мнѣ мысль. Я проклиналъ консерваторовъ, смѣявшихся надъ гнѣвомъ оппозиціи, проклиналъ еще болѣе оппозицію, яростно вырывавшую съ корнемъ начало стараго общества, я умолялъ друзей своихъ, участвовавшихъ въ движеніи, не мѣшаться въ эту ссору изъ за прерогативъ, абсурдную для республиканцевъ, и изъ которой должна была выйдти неожиданно, негаданно республика.

«Я плакалъ о бѣдномъ работникѣ, видя его уже заранѣе осужденнымъ на многолѣтнюю нищету, лишеннымъ работы; объ этомъ работникѣ, на защиту котораго я обрекъ себя и которому я не въ силахъ буду помочь! Я плакалъ о буржуазіи, видя ее разворванной, обанкротившейся и озлобленной противъ пролетаріата, видя, что антагонизмъ идей и роковая сила обстоятельствъ заставятъ меня бороться противъ нея, тогда какъ я болѣе, чѣмъ кто либо, расположенъ былъ сожалѣть о ней. До рожденія республики я уже думалъ объ ея искупленіи, и носилъ по ней трауръ. И кто могъ при тѣхъ же самыхъ предвидѣніяхъ не раздѣлять подобнаго опасенія? Эта политическая революція должна была служить началомъ революціи социальной, слово которой не было еще никѣмъ найдено. Противно

всякому опыту, всякому порядку историческаго развитія, фактъ былъ поставленъ прежде идеи... Какъ будто провидѣніе хотѣло на этотъ разъ поразить безъ предупрежденія. Все мнѣ казалось страшнымъ, неслышаннымъ, парадоксальнымъ въ этомъ будущемъ, каждую минуту встававшемъ въ умѣ моемъ, и являвшемся уже почти дѣйствительностью. Терапевтъ этимъ страхомъ я возмущался противъ хода событій; я осмѣливался осуждать судьбу. Я порицалъ Сициліанцевъ за ихъ возстаніе противъ ненавистнаго деспота, я негодовалъ на либерализмъ этого папы, который въ изгнаніи кается теперь въ своихъ реформахъ. Я не ободрялъ возставшихъ Миланцевъ. Я желалъ успѣховъ Зондербунду, я, социалистъ, ученикъ Вольтера и Гегеля, аплодировалъ рѣчамъ Монталамбера, защищавшаго передъ аристократической палатой фрибургскихъ іезуитовъ. Я хотѣлъ бы имѣть журналъ, чтобы уничтожить Насьональ, Реформу, и всѣ эти органы республиканскаго и реформистскаго мінія; я послалъ къ адскимъ богамъ главнаго редактора Прессы. Душа моя была въ агоніи. Я заранѣе несъ все бремя скорбей республики, всю тяжесть клеветъ, ожидавшихъ социализмъ...

«21 февраля вечеромъ, я еще умолялъ друзей своихъ не идти драться, 22 я вздохнулъ свободнѣй, прочитавъ объ отступленіи оппозиціи, но 23 число разбило мои иллюзіи... Жребій былъ брошенъ, *jacta erat alea*, какъ выразился Ламартинъ. Ружейная пальба на бульварѣ Сарцинесъ измѣнила мое настроеніе въ одну минуту... («Le peuple» 19 февраля 1849 г.).

Припоминая событія февральской революціи и печальный исходъ ея, трудно не согласиться, что въ этой статьѣ Прудона, остава въ сторонѣ страстность, увлекшую его можетъ быть черезъ чуръ далеко, было много вѣрнаго. Часть націи, недовольствуясь политической революціей, желала примѣненія социальныхъ идей, которыхъ другая, болѣе значительная, и имѣвшая о нихъ крайне смутное понятіе, боялась пуще огня. Къ этой части принадлежала буржуазія и монархисты всѣхъ оттѣнковъ; и къ ней же применили въ послѣдствіи такъ называемые *честные* республиканцы, находившіе, что социализмъ вредитъ ихъ дѣлу, т.-е. упорченію исключительно политической республики; подавивъ сообщая іюльское возстаніе, они повели дѣло такъ хорошо, что вскорѣ задушили всякую свободу во Франціи. Не даромъ оплакивалъ Прудонъ республику прежде, чѣмъ она успѣла народиться; и не ошибся, предвидя тѣ клеветы, которыя должны были обрушиться на социализмъ, ту страшную участь, которая ждала работника! Переходимъ ко второму письму Прудона.

«Дорогой Бергманъ. Я получилъ вчера, вѣроятно отъ тебя, — хотя и безъ всякой подписи, — три брошюры твои, за которыя принялся съ жадностью, прежде, чѣмъ успѣлъ поблагодарить тебя за нихъ. Ты лучше меня, милый мой Бергманъ. Ты превосходишь своего стараго друга какъ сердцемъ, такъ и самымъ пониманіемъ дружбы. Ты понялъ, что я стыжусь своего

долгаго молчанія; и чувствуя за собой вину, уже не смѣю прерывать его. Еще разъ ты лучше меня Бергманъ; скажу тебѣ только это; ибо если я преклоняюсь передъ тобой, то вѣрь мнѣ, что это не по недостатку уваженія къ самому себѣ. Когда я сравниваю себя съ другими, то отвожу себѣ, говорю по совѣсти, еще довольно хорошее мѣсто! Ты вѣроятно не зналъ, что было со мной въ теченіи этихъ шести лѣтъ (я не считаю того, что ты могъ узнать изъ журналовъ).—Позволь-же мнѣ рассказать тебѣ свою исторію въ десяти строкахъ. Это послужитъ извиненіемъ тому, что ты принялъ за долгое забвеніе съ моей стороны и что вначалѣ имѣло причиной только безпримѣрное взумленіе, а потомъ ложный стыдъ за свою небрежность.

«Я возвратился въ Парижъ въ концѣ 47-го, и погруженъ былъ въ свои любимыя занятія, когда разразилась февральская революція. Первые два мѣсяца, мартъ и апрѣль, я провелъ уединенно, слѣдя за ходомъ событій, и страдая въ душѣ, при видѣ бѣдственнаго положенія нашей страны. Благосклонность нѣкоторыхъ демократовъ, которой я не добивался, потому журнальные нападки, которыхъ я не вызывалъ, втянули меня въ политическую дѣятельность. Журнализмъ сдѣлалъ меня представителемъ народа. Когда я попалъ въ собраніе, легкомысленная ненависть консервативной партіи заставила меня прервать молчаніе; а подъ конецъ, озлобленіе, обнаруженное противъ моей личности, довело меня до бѣшенства, и сдѣлало такимъ, какимъ меня видѣли впоследствии...

«Подобная жизнь не могла продолжаться. Ассизный судъ посадилъ меня, съ разрѣшенія собранія, въ тюрьму на три года. Поступая со мной такъ сурово, судьи мои спасли мнѣ жизнь. Въ теченіи этихъ пяти лѣтъ, прошедшихъ со дня моего приговора, я много работалъ, много видѣлъ, многому научился. Я не измѣнился, разумѣется, но я сдѣлался всѣмъ, чѣмъ могу быть; и надѣюсь, что будущность покажетъ моимъ друзьямъ и недругамъ, что я лучше своей репутаціи, и что во мнѣ дѣйствительно есть кое-что.

«Зачѣмъ-же, спросишь ты меня теперь, не писалъ я къ тебѣ въ теченіи своего трехлѣтняго тюремнаго заключенія?»

«Зачѣмъ? Я не могу, другъ мой, привести ничего въ свое оправданіе. Я виноватъ и каюсь передъ тобой. Но я-бы не стоилъ прощенія, если-бы не сказалъ тебѣ, какіе жалкіе предлоги удерживали меня всегда.

«Во первыхъ я твой должникъ, позволь мнѣ это напомнить тебѣ; и я постоянно пытаю надежду послать тебѣ въ письмѣ переводный вексель... Я былъ представитель народа, съ 25-ю франковъ въ день содержанія; редакторъ газеты, которая расходилась ежедневно въ числѣ 80 тысячъ экземпляровъ; и этотъ долгъ, не только долгъ чести, но долгъ благодарности—лежалъ у меня на сердцѣ.

«Ce qui vient de la flûte s'en va au tambour, говоритъ послѣ-вица. 25 франковъ поглощались потребностями положенія, помощью немущимъ гражданамъ, подписками и проч., и я могу сказать тебѣ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ подлецовъ, видѣвшихъ въ званіи представителя средство къ матеріальнымъ наслажденіямъ, вся лѣвая, республиканская сторона вела себя съ достоинствомъ и дѣлала изъ этого умѣреннаго вознагражденія благородное употребленіе. Кто пришелъ бѣднякомъ—ушелъ еще бѣднѣе, и послѣ какой адской жизни!

«Что-же касается до журналистики, то ты безъ труда догадаешься, что она принесла мнѣ еще меньше, чѣмъ народное представительство. Четыре журнала убили у меня! Я четыре раза развзорался послѣ февраля. Я потерялъ сумму въ 3 тысячи франковъ, вырученныхъ мной отъ продажи моихъ послѣднихъ сочиненій, и которую я положилъ въ журнальное предпріятіе, чтобы пополнить залогъ. 1850 годъ не истекъ еще, а я уже оставался какъ накануне февраля—*ми съ чѣмъ!*

«Какъ я женился? спросишь ты.

«Здѣсь я тебя удивлю; и ты, можетъ быть, осудишь меня безщощадно.

«Я женился сорока лѣтъ, на молодой и бѣдной работницѣ; не по страсти—ты, конечно, знаешь какаго свойства мои страсти, но изъ симпатіи къ ея положенію, изъ уваженія къ ея личности, потому что по смерти матери моей, я очутился безъ семьи; потому что, повѣришь-ли ты, за недостаткомъ любви, я чувствовалъ потребность въ *домовитости* и въ *отцовскомъ чувствѣ!* Я не размышлялъ ни о чемъ болѣе. Въ четыре года благодарность жены моей подарила меня тремя дѣвочками, блондурами и румяними, которыхъ мать сама выкармила и выходила; существованіе ихъ наполняетъ теперь почти всю мою душу. Пусть говорятъ, сколько хотять, что я поступилъ неблаго-разумно, что не довольно народить дѣтей, что нужно еще воспитать ихъ и дать имъ приданое; вѣрно только то, что чувство отца наполнило во мнѣ огромную пустоту; дало мнѣ равновѣсіе, котораго мнѣ недоставало; открыло во мнѣ пружины, которыхъ я не подозрѣвалъ. Я сожалею, что въ 1848 г. я не былъ отцомъ семейства уже лѣтъ 5 или 6!

Теперь литературная карьера для меня почти вовсе закрыта. Ни одна типографія, ни одинъ издатель въ Парижѣ не осмѣлились бы напечатать или продавать что-нибудь мое. Всѣ сочиненія съ моимъ именемъ должны были исчезнуть съ прилавковъ и изъ каталоговъ книжныхъ магазиновъ. Оставался еще одинъ книгопродавецъ, съ которымъ я заключилъ условіе на изданіе историческаго и весьма важнаго труда; но и этотъ книгопродавецъ обанкротился и ликвидируетъ дѣла свои. Въ эту минуту, независимо отъ своихъ обычныхъ занятій, я взялъ на себя одну редакціонную работу у частныхъ лицъ, которые еще соглашаются пользоваться моими услугами, хотя и скрываютъ

это тщательно отъ подозрительнаго министерства. Пробовать я просить какой-нибудь должности; но всюду меня отстраняли съ ужасомъ. Кажется общество серьезно убѣждено, что я злѣйшій врагъ его и отлучаетъ меня. Terra et aqua interdictussum!

Впрочемъ, я живу спокойно и не испытываю никакихъ драгъ. Полиція знаетъ, что я человекъ, питающій въ душѣ одинаковое презрѣнiе къ партіи якобинцевъ и къ партіи легитимистовъ; равнодушный къ политической формѣ, скептикъ относительно всякаго авторитета; и что меня болѣе заботятъ дѣла представителей власти, нежели ихъ титулы. Этотъ скептицизмъ, не разъ мною доказанный, пагубный для всѣхъ партій и сесть, въ настоящее время, служить мнѣ щитомъ отъ преслѣдованій правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ непримиримую ко мнѣ ненависть въ его соперникахъ.

Тебѣ вѣроятно приходилось слышать, что я женился по расчету. Но ты слишкомъ умень для того, чтобы повѣрить, что я на это способенъ. Тебѣ, можетъ быть, передавали также, что я получилъ концессию на желѣзную дорогу. Дѣло въ томъ, что я точно вѣшался,—каждый гражданинъ имѣетъ на это право,—въ подобное предпріятіе, но концессія была дана другой компаніи.

Вотъ вратцѣ, дорогой Бергманъ, исторія моей частной жизни въ теченіи шести лѣтъ. Умомъ и сердцемъ и состояніемъ, я все тотъ-же, какимъ ты всегда меня зналъ. Бѣдность еще не слишкомъ гнететъ меня: въ этомъ отношеніи я сожалею объ одномъ, что до сихъ поръ не могу погасить своихъ долговъ. Въ 48 и 49 годахъ я думалъ одну минуту, что литературный трудъ дастъ мнѣ къ тому средства. Но я пропустилъ этотъ случай, не имѣя возможности имъ воспользоваться. Впрочемъ, время шло такъ быстро, что я даже не знаю, могу-ли я сказать, что такой случай былъ у меня, хоть одну минуту. Я живу въ улицѣ d'Enfer, неподалеку отъ обсерваторіи. Я занимаю съ своимъ молодымъ семействомъ квартиру въ нижнемъ этажѣ, со окнами на полдень, съ хорошеиымъ садикомъ передъ моимъ крыльцомъ. Я выхожу мало и никого не вижу. Теперь, дорогой Бергманъ, *charité oblige*. Ты прислалъ мнѣ свои брошюры, пиши-же мнѣ. Эта молчаливая посылка отъ тебя, эти брошюры безъ адреса и безъ надписи, поразили меня въ самое сердце; ты наказалъ меня. Забудемъ все. Дай мнѣ руку, и если ты, подобно тому древнему философу, который говорилъ: «Другъ мой спитъ, я пойду разбуду его», пришелъ разбудить нашу дружбу, не дѣлай, какъ Виргиліева Галатея *quae fugit ad salices et se cupit ante videri*. Передай мое почтеніе достойной женѣ твоей, и считай меня своимъ другомъ на всю жизнь. «Прудонъ».

Въ приложеніяхъ къ книгѣ Сен-Бева, мы находимъ еще нѣсколько писемъ Прудона, относящихся отчасти къ 1848, отчасти ко времени второй имперіи. Всѣ они касаются болѣе поли-

тических вопросов, и не прибавляют никаких новых черт къ характеристикѣ Прудона, а потому мы находимъ настоящимъ знакомить съ ними читателя, такъ какъ наше извлеченіе вышло и безъ того довольно пространно. Упомянемъ только, что въ одномъ изъ этихъ писемъ, писанномъ изъ тюрьмы, Прудонъ съ ожесточеніемъ нападаетъ на демократовъ, противопоставившихъ кандидатурѣ Дюнона (de L'Église), кандидатуру романиста Евгенія Сю, въ другомъ, обсуждая восточный вопросъ, является противникомъ предстоящей крымской войны. Самое значительное по объему есть письмо къ принцу Наполеону, гдѣ излагается цѣлая политическая программа. Считая, по видимому искренно, принца Наполеона либеральнымъ человекомъ, Прудонъ открыто высказываетъ ему свои взгляды на господствующую систему, которую порицаетъ весьма рѣзко,—онъ говорить, что система эта пагубна даже съ точки зрѣнія интересовъ наполеоновской династии, потому что покровительство влиятельнымъ неизбѣжно ведетъ къ возвращенію Генриха V, которому преданы духовенство и аристократія, ненавидящія Наполеона III и копающія ему яму. Въ письмѣ этомъ есть фразы, которыя могли-бы показаться весьма странными, еслибы мы не знали, изъ всей дѣятельности Прудона, еслибы не видѣли изъ всей предшествующей переписки его, до какой степени онъ былъ индифферентенъ къ формѣ правленія; и какъ, подчиня постоянно политическіе вопросы экономическимъ, старался извлечь изъ всякаго новаго положенія,—разъ уже фактъ совершился,—хоть какую-нибудь пользу для рабочаго класса. Чѣмъ-же, дѣйствительно, можно объяснить иначе слова Прудона, обращенныя къ принцу Наполеону: «Общность интересовъ соединяетъ вашу судьбу съ судьбой революціи!..» (?) Упомянемъ въ заключеніи объ одной довольно характерной подробности. Вскорѣ послѣ этого письма произошло свиданіе принца Наполеона съ Прудономъ, который очень долго излагалъ передъ нимъ свои теоріи и взгляды на будущее. О какомъ-же обществѣ онъ мечтаетъ г. Прудонъ? спросилъ, наконецъ, тотъ. «Я, принцъ, отвѣтилъ язвительно Прудонъ:—мечтаю объ обществѣ, гдѣ меня тильотинировали-бы какъ консерватора».

Мы забыли еще сказать, что во время второй имперіи, Прудонъ составилъ планъ одной желѣзной дороги и хлопоталъ о выдачѣ концессіи на нее нѣкоему Губеру, образовавшему для того акціонерную компанію. Но несмотря на участіе, принятое въ этомъ дѣлѣ принцемъ Наполеономъ, въ концессіи было отказано и планомъ Прудона воспользовался банкиръ Перейра. Принцъ потребовалъ было съ Перейры 40 тысячъ фр. вознагражденія въ пользу Прудона, но онъ отказался отъ нихъ, потому что, при составленіи своего плана, имѣлъ въ виду только осуществленіе нѣкоторыхъ своихъ демократическихъ идей.

Въ 1858 г. появилась книга его *De la justice*, которую захватило императорское правительство; и Прудону снова грозилъ

ла тюрьма. Онъ избавился отъ нея, бѣжавши въ Бельгію. Въ 1865 г. онъ умеръ,—умеръ какъ жилъ,—бѣднякомъ. Во время послѣдняго коммунальнаго движенія, одинъ изъ близкихъ друзей его, издатель его книги «О способности рабочаго класса къ политической жизни», Шоде, былъ разстрѣлянъ, какъ сторонникъ версальскаго правительства.

Приведенныя нами многочисленныя выдержки изъ корреспонденціи Прудона, какъ намъ кажется, достаточно выяснили передъ читателемъ его личность. При выборѣ этихъ мѣстъ, мы прежде всего имѣли въ виду показать человѣка, его характеръ, его отношенія къ средѣ, въ которой онъ дѣйствовалъ. Читатель можетъ судить по нимъ, въ какой степени былъ основателемъ тотъ страхъ, который внушало имя Прудона не только во Франціи, но и въ цѣлой Европѣ, столь долгое время. Это чудовище, этотъ анархистъ и террористъ, могъ въ сущности всего менѣе считаться революціонеромъ, хотя и любилъ называть себя имъ. Всякая революція и замѣна, всякое разрушеніе, по его мнѣнію, были дурны; всякій перерывъ въ общественной жизни—это смерть, говорилъ онъ. Если онъ мечталъ о какомъ-нибудь переворотѣ, то исключительно о социальномъ; но и здѣсь онъ расходился съ тогдашними школами социалистовъ, будучи убѣжденъ, «что никто въ мірѣ не можетъ дать полной и всесторонней системы, какъ это думали о С. Симонѣ и Фурье, что социальная наука безконечна, и что никто не обладаетъ ею, но можно отереть только принципы, потомъ элементы, потомъ цѣлую часть ея, и еще болѣе и болѣе...» Свою собственную дѣятельность онъ характеризовалъ: «опредѣленіемъ элементовъ этой науки». Всецѣло преданный дѣлу рабочаго класса, которое онъ отстаивалъ до послѣдней минуты своей жизни, онъ энергически ратовалъ противъ всѣхъ, чья дѣятельность, по его мнѣнію, клонилась ко вреду этого класса. Отсюда понятна вражда къ нему республиканской и либеральной партіи, видѣвшей все спасеніе въ политической революціи, и озлобленіе противъ него социалистовъ, несостоятельность которыхъ онъ также нѣрвдо разоблачалъ.

Отвергнутый и оклеветанный всѣми партіями, въ непрестанной борьбѣ съ нуждой, онъ естественно долженъ былъ ожесточиться. Желчь накаплива въ душѣ его; и въ минуты страстнаго негодованія, онъ бросалъ въ лицо противникамъ своимъ тѣ выраженія и формулы, которыя помогли этимъ противникамъ создать ему репутацію «опаснаго», между людьми, никогда не вникавшими въ сущность его теорій, и для которыхъ слово было важнѣе дѣла. Если-бы онъ родился въ Англіи, говорить Сен-Бевъ, изъ него вышелъ-бы Брайтъ или Кобденъ. Тамъ умѣли бы разумно отнестись къ нему, выслушать его откровенное, прямое, смѣлое слово; и нѣтъ сомнѣнія, что полемика его,

при иных условіяхъ, утратила-бы значительную долю своей угловатой рѣзкости. Во Франціи-же, подвергаясь лишь безпрерывнымъ, яркимъ преслѣдованіямъ, онъ, при своемъ страстномъ, пыломъ темпераментѣ, при сознаніи своей силы, своей неподкупной честности, при той искренней вѣрѣ, что въ немъ живетъ и развивается идея, которая примиритъ всѣ противорѣчія общественной жизни, долженъ былъ, наконецъ, потерять терпѣніе и сказать себѣ: хорошо-же! Они хотятъ войны, такъ война имъ будетъ, и, употребля выраженіе того-же Сен-Бева, — сталъ размахивать вправо и влѣво геркулесовой налицей своей логики, обращая въ щепы теоріи своихъ противниковъ.

Если Прудонъ не подходитъ подъ тотъ идеалъ ученаго, который рисуетъ въ своей книгѣ Сен-Бевъ, сознающійся, впрочемъ, что и самъ онъ не знаетъ ни одного человѣка, приближающагося къ этому идеалу, то мы не можемъ однакоже согласиться и съ тѣми, которые утверждаютъ, что Прудонъ не былъ настоящимъ ученымъ, «потому что вопли его внутренностей» отвлекали его слишкомъ часто отъ исканія истины, и что теорія его не можетъ назваться научной, ибо служить исключительно интересамъ одного класса рабочаго, тогда какъ она должна-бы служить пользамъ всѣхъ людей вообще, въ кажемъ-бы классамъ и партиямъ они ни принадлежали. Это несправедливо. Двадцать пять лѣтъ не переставалъ онъ искать научнаго опредѣленія общественной справедливости, которая послужила-бы на пользу всѣмъ классамъ безъ различія, и постоянно стремился ввести въ политическую экономію нравственное начало, подчиняя свободу каждого, эгоистическія силы общества, правиламъ, внушаемымъ нравственнымъ смысломъ. И всѣ его сочиненія, какъ-бы ни казались иногда странной и неправильной форма ихъ, проникнуты этой идеей, сообщающей имъ единство, связующей ихъ въ одно цѣлое. Такую задачу можно находить обширной и смѣлой, но, спрашивается, неужели она недостойна ученаго, недостойна строгаго и высокаго ума? И неужели это не было ученой заслугой со стороны Прудона, что онъ указалъ на несостоятельность экономической науки, въ томъ видѣ, въ какомъ она до сихъ поръ существовала, и изъ которой ея жрецы постоянно устраняли нравственный элементъ, несмотря на то, что предметъ ея—есть благосостояніе общества?

Въ частной жизни, это была натура столько-же любящая и постоянная въ своихъ привязанностяхъ, сколько и чуждая всякой сантиментальности. Неколебимая честность его и чистота побужденій, руководившихъ имъ въ жизни, признается даже его врагами. Самоотверженный, неутомимый труженикъ, онъ недоступенъ былъ искушеніямъ расцѣпанной жизни, и если искалъ матерьяльнаго благосостоянія, то лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно могло обезпечить ему нравственное спокойствіе, необходимое для научныхъ занятій. Но и въ этомъ судьба постоянно ему отказывала, и нельзя безъ тяжелаго чувства читать, какъ онъ

просить друзей своих посылать ему письма не по почтѣ, потому что ему нечѣмъ заплатить за нихъ; и какъ, для того, чтобъ новидаться съ другомъ, чтобы провести съ нимъ часъ въ задумшевной бесѣдѣ и обмѣняться нѣсколькими мыслями, онъ идетъ иѣшкомъ изъ Безансона въ Парижъ! Нѣжныя проявленія дружбы и преданности въ натурѣ сильной, сдержанной, энергической, приобрѣтаютъ особенную цѣну. «Меня можно или любить, или ненавидѣть», говоритъ Прудонъ. Но ненавидѣли его только тѣ, кому ненавистны были его идеи; всѣ-же люди, сблизившіяся съ нимъ, глубоко привязывались къ нему, и Сен-Бевъ свидѣтельствуешь, съ какой радостной торопливостью сообщали они ему каждую подробность, каждую черту, которая, будучи занесена въ біографію Прудона, могла способствовать вѣрному и полному воспроизведенію его симпатической личности, уничтоженію тѣхъ ложныхъ, предубѣжденныхъ понятій, которыя составились о ней въ обществѣ.

Пускай-же эти черты, обильно разбросанныя въ книгѣ Сен-Бева, пускай вопли, вырвавшіеся порой изъ глубины измученнаго духа, какъ напр.: «*Вспомъ что я знаю, я обязанъ отчаянью*», послужатъ упрекомъ клеветникамъ геніальнаго человѣка, и примирять съ нимъ общество, которое они ввели въ заблужденіе.

А. Плещеевъ.

ГЕНЕРАЛЬСКІЯ НЕСКРОМНОСТИ.

Un po' più di luce sugli eventi politici e militari dell'anno 1866. Pel generale *Alfonso La Marmora*. Firenze, G. Barbera, editore. 1873. (Немного боже свѣта на политическія и военныя событія 1866 года. Генералъ Альфонса Ла-Марморы. Флоренція. Изданіе Барберы, 1873).

(Окончаніе).

IX.

Ла-Мармора, какъ я уже сказалъ выше, воздерживается отъ пропечатанія текста столь трудно рожденнаго трактата. Онъ говоритъ, что никто, насколько ему извѣстно, не обнаружилъ еще, до сихъ поръ, этого документа во всей его цѣлости. Но тутъ же онъ указываетъ на неточность того, что находится въ официальной прусской реляціи кампанія 1866 года. Прусская реляція, скрывающая существованіе оборонительнаго и наступатель-

наго договора (хотя онъ и былъ заключенъ всего на три мѣсяца) выражается такъ:

«Война между двумя нѣмецкими державами представляла для короля Виктора Эмануила такой случай, котораго ему нельзя было пропустить, не воспользовавшись имъ, если онъ дѣйствительно хотѣлъ поддержать свои притязанія на Венеціанскую область. Пруссія, разумѣется, должна была желать чтобы, въ данномъ случаѣ, Италия точно также приготовилась бороться съ такимъ сильнымъ врагомъ, какъ Австрія, но она не могла обязать ее стать на военную ногу, въ виду простой возможности столкновенія. Съ своей стороны, флорентинскій кабинетъ долженъ былъ, для собственной безопасности, требовать, чтобы арміи обѣихъ державъ были готовы въ одно время, но Пруссія не могла опредѣлить эпохи, когда ея армія будетъ готова, такъ какъ у ней не было намеренія нападать на Австрію. Это-то и объясняетъ, почему, въ началѣ, возможно было заключить съ генераломъ Говднэ, министромъ Италіи въ Берлинѣ, *лишь конвенцию, выраженную въ очень общихъ фразахъ*. Въ этихъ сношеніяхъ старались вполнѣ гарантировать интересы Германіи; депеша 26 апрѣля дала имъ болѣе опредѣленную форму, и Австрія, вызвавъ первыя вооруженія Пруссія, мотивировала, въ то же время, и вооруженія Италіи.

Кто держитъ въ рукахъ своихъ книгу Ла-Марморя, тотъ не затруднится признать, что въ этой выпискѣ изъ *оффициальной* прусской реляціи, что ни слово, то извращеніе фактовъ. Кого-же берлинскіе политики хотѣли увѣрить, что у Пруссіи «не было намеренія нападать на Австрію? когда всѣмъ и каждому ясно и видно, что Бисмаркъ, т.-е. воинствующая Пруссія, и сналъ и видѣлъ какъ бы найти casus belli. И Ла-Мармора, выписавъ цитату, разбираетъ ее сдержанно, но не безъ извѣстности. Позволительно или непозволительно приводить въ печати трактатъ, въ силу котораго ведена война, но во всякомъ случаѣ, (находить онъ) непозволительно переиhrивать числа и мѣнять смыслъ и духъ событій. Онъ желалъ бы знать, какія это «конвенціи, выраженныя въ очень общихъ фразахъ», были, *въ началѣ*, заключены съ генераломъ Говднэ? Единственный письменный договоръ, обсужденный итальянскимъ посланцемъ съ Бисмаркомъ, былъ настоящій оборонительный и наступательный союзъ, подписанный 8-го апрѣля, а *общій дружественный трактатъ*, котораго все добивалась Пруссія, такъ и остался теоретическимъ желаніемъ. Съ однимъ только Ла-Мармора безусловно согласенъ, именно съ тѣмъ, что «въ этихъ сношеніяхъ старались вполнѣ гарантировать интересы Германіи». Но кто же, въ самомъ дѣлѣ, могъ въ этомъ когда-либо сомнѣваться?

Странно, почему Ла-Мармора не рѣшился напечатать въ своей книгѣ и текста трактата 8-го апрѣля? Вѣдь онъ не поцеремонился-же съ первоначальнымъ проектомъ, приведеннымъ выше? Соображенія, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ,

одни и тѣже. Если держаться того мнѣнія, что дипломатическая переписка и вытекающіе изъ нея акты составляютъ собственность государства, то Ла-Марморѣ не слѣдовало публиковать ни одной депеши, имѣющей оффиціальныи характеръ. Вѣдь онъ не затруднился же воспользоваться *есть* матерьяломъ, какой нашелся въ его бумагахъ. Стало, изъ за чего же было сдерживаться съ самымъ главнымъ документомъ, тѣмъ болѣе, что заключеніе трактата несомнѣнно, характеръ его точно также извѣстенъ, недостаетъ только подробностей... Нѣмцы, желающіе полемизировать съ Ла-Марморой, могутъ сейчасъ же сказать:

«Да почему мы знаемъ что тамъ стояло, въ этомъ трактатѣ 8-го апрѣля?! Покажите намъ ту его статью, въ силу которой Пруссія должна была считать себя связанной договоромъ *съ точно такой же степенью*, какъ и Италія».

И Ла-Мармора ничего не въ состояніи будетъ утверждать неопровержимаго до тѣхъ поръ, пока такая-то статья, доведенная до всеобщаго свѣденія, не докажетъ, что онъ абсолютно правъ. Разумѣется, безпристрастный читатель и теперь будетъ на его сторонѣ. Впервыхъ, «оборонительные и наступательные союзы» никогда не заключаются иначе, какъ съ тождественными, по общему содержанию, обоюдными обязательствами, и итальянское правительство, выказавшее во всемъ этомъ дѣлѣ большую осторожность, не позволило бы себѣ никогда такой наивности: себя обязать безусловно, а Пруссіи предоставить полнѣйшій произволь дѣйствій. Вторыхъ, все, что стоитъ у Ла-Мармори въ остальномъ изложеніи обстоятельствъ, предшествовавшихъ войнѣ 1866 года, прямо указываетъ на такой именно обоюдный, а не односторонній характеръ обязательствъ 8-го апрѣля.

Ла-Мармора самъ себѣ создалъ трудность, безъ которой, по правдѣ сказать, нечего было и писать такъ подробно еще цѣлыхъ двѣнадцать главъ, составляющихъ бѣольшую половину книги. Ему надо, во всемъ и вездѣ, отмѣтить и обличить себялюбіе и недобросовѣстность берлинской государственной канцеляріи. Онъ достигаетъ своей цѣли безъ особыхъ натяжекъ, хотя и кропотливо. Всѣ факты на его сторонѣ; но возраженіе все-таки возможно. Вмѣсто того, чтобы устранить ихъ прямымъ указаніемъ на статью договора, онъ долженъ прибѣгать къ косвеннымъ доказательствамъ или же къ общимъ соображеніямъ политической честности, какъ будто каждый читатель непременно долженъ знать: какую именно статью трактата Бисмаркъ попираетъ ногами въ своихъ дипломатическихъ изворотахъ.

Поэтому мы видимъ, что, начиная съ девятой главы, Ла-Мармора долженъ опять возиться все съ тѣмъ же фактомъ трактата, *различно понятого* Пруссіей и Италіей. Онъ обозрѣваетъ, еще разъ, обстоятельства переговоровъ и приходитъ, еще разъ, къ заключенію, что Пруссія, дѣйствительно, искала союза съ

Италіей; но задалась при этомъ одной руководящей мыслью: *не брать на себя никакого обязательства относительно своей союзницы*. Италія же, по свидѣтельству Ла-Мармори, преслѣдовала свою цѣль стойко и честно, и, не взирая на всѣ увертки, колебанія и сюрпризы со стороны Пруссіи, выполнила до конца свои обязательства. Изъ словъ Ла-Мармори можно бы заключить, что трактатъ 8-го апрѣля былъ, по формѣ, не такой, какого желало флорентинское правительство. Стало-быть, Пруссія имѣетъ какъ-бы право претендовать на изобличенія итальянскаго патріота.

Мы читаемъ у Ла-Мармори:

«Какой трактатъ заключался на три мѣсяца? Общій ли, который предлагала намъ вначалѣ сама Пруссія, а мы постоянно отклоняли, или же оборонительный и наступательный договоръ, составленный, съ ограниченіемъ времени, графомъ Барраль и принятый Пруссіей?»

«Когда я разрѣшилъ нашимъ представителямъ подписать актъ, долженствовавшій регулировать будущія права и обязательства обѣихъ сторонъ, я былъ далекъ отъ мысли, что подобное сомнѣніе могло возникнуть.

«Факты должны были вскорѣ доказать мнѣ, что я ошибся».

Странно, какъ это Ла-Мармора могъ впасть въ подобную ошибку. Въ перепискѣ, находящейся въ предъидущихъ главахъ, мы находимъ *черновой* трактатъ; но тамъ говорится, что текстъ его проекта былъ въ редакціи Баррала высланъ изъ Берлина во Флоренцію для окончательнаго просмотра и утвержденія. Такой осторожный человекъ, какимъ является, въ своей книгѣ, Ла-Мармора, не могъ же заглавно заключить договоръ первѣйшей государственной важности. Трактатъ, подписанный въ Берлинѣ 8-го апрѣля, дѣйствительно былъ оборонительный и наступательный. Мы это видимъ изъ отрывка письма генерала Говднэ отъ 10-го апрѣля, гдѣ находится и весьма цѣнная подробность, характеризующая поведеніе Пруссіи.

«Графъ Барраль, доставляя Вашему Превосходительству, трактатъ, подписанный 8-го, сообщилъ, безъ сомнѣнія, и второстепенныя (riscolti) обстоятельства, возбужденныя предложеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, сдѣланнымъ, по приказу короля, графомъ Бисмаркомъ».

«Во первыхъ, въ начальныхъ строкахъ трактата хотѣли уничтожить слова: *Трактатъ оборонительнаго и наступательнаго союза, и поставить: трактатъ союза и дружбы*».

«Графъ Барраль настоялъ на томъ, чтобы удержана была первоначальная редакція, посланная во Флоренцію, и послѣ нѣкоторыхъ затрудненій президентъ совѣта (т. е. Бисмаркъ) согласился».

Кажется ясно? спросимъ мы. Совершенно ясно и всякій на мѣстѣ Ла-Мармори былъ-бы вполне увѣренъ, что иначе нельзя объяснять заключеннаго договора, какъ въ прямомъ его

*

смыслѣ. Но онъ тутъ-же увидалъ, чего ждать отъ союзника въ будущемъ, и обстоятельство, названное генераломъ Говднэ «risobolo», кажется ему «gravissimo». Въ этомъ-же письмѣ Говднэ находимъ мы политическія изліянія Висмарка, изъ которыхъ явствуетъ, что онъ предложилъ реформу германскаго союза съ единственною цѣлью произвести общее смятеніе и войну: — «produrre confusione generale e guerra» — какъ выражается военный посланецъ флорентинскаго кабинета.

Тотчасъ по заключеніи трактата, началась опять дипломатическая кампанія. Австрія, чувствуя, что ей не уйти отъ схватки съ Пруссіей, то подавалась назадъ и говорила примирительнымъ языкомъ, то выказывала настойчивость и ни за что не хотѣла становиться на мирную ногу. Но Висмаркъ волновался изъ за одного: какъ-бы не разстроилась война. Графъ Барраль, отъ 19-го апрѣля, телеграфируетъ Ла-Марморѣ: «Висмаркъ очень недоволенъ мирнымъ оборотомъ, который принимаетъ, повидимому, столкновіемъ». Что можетъ быть характернѣе этихъ строкъ?..

Трактатъ 8-го апрѣля былъ взаимно ратификованъ къ 20-му апрѣля. Австрія дѣйствовала уже примирительно. Ла-Мармора подтверждаетъ это новымъ письмомъ Говднэ отъ 21-го апрѣля, которымъ отвергается десятая глава книги. Врядъ-ли какая держава очень-то заботилась тогда объ интересахъ человѣчества; но всё, какъ-будто, желали недопускать до войны. Англія тормозилась довольно сильно и ея агенты, то и дѣло, предлагали разныя примирительныя комбинаціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Висмаркъ, какъ ни сердился, но идти на проломъ нельзя было — Австрія слишкомъ хорошо вела себя. Во время этого *перемирія* вѣнскій кабинетъ забилъ тревогу въ сторону Италіи, извѣщая дипломатическій міръ, что въ Италіи все дышетъ войной и происходятъ постоянныя передвиженія войскъ съ цѣлью напасть на австрійскія границы. Даже англійскіе агенты упрекали Ла-Мармору тѣмъ, что война дѣйствительно двигается съ юга на сѣверъ. Движенія эти, какъ увѣряетъ Ла-Мармора, были чисто административнаго, а не стратегическаго характера. Австрія, придираясь къ этимъ передвиженіямъ, объявляла, что ей нельзя не готовиться къ войнѣ, что-бы тамъ ни толковала Пруссія. Она извѣстила всѣ кабинеты, что въ виду сосредоточенія итальянскихъ войскъ около Болоньи, она не можетъ разоружить себя. Съ своей стороны, Ла-Мармора телеграфировалъ въ Берлинъ отъ 26-го апрѣля, что Австрія сильно вооружается въ Венеціанской области, и называлъ придиру ея насчетъ сосредоточенія войскъ въ Пьяченцѣ и Болоньѣ — возмутительной, «inqualifiable». Враги Италіи распускали также слухъ о движеніи гарибальдійцевъ къ предѣламъ Австріи, что опять-таки, въ то время, было чистѣйшей выдумкой. И въ Парижѣ доложили изъ Флоренціи о вооруженіи Австріи и спрашивали указаній: какъ поступать? Нигра, со словъ министра Друэнтъ-

де-Люса, отвѣтилъ отъ 24-го апрѣля, что въ Тюльери не совѣтуютъ Италіи самой готовиться къ войнѣ. Это совѣтъ не радовало Ла-Мармору, и положеніе Италіи, въ самомъ дѣлѣ, становилось критическимъ. Италія должна была сидѣть сложа руки; а Австрія, въ это-же время, на всѣхъ парахъ готовилась къ борьбѣ съ нею. Какъ ни боялись во Флоренціи Наполеона III, но его совѣтъ былъ слишкомъ «дипломатиченъ» и надо было рѣшиться дѣйствовать, не дожидаясь Пруссіи.

X.

Приготовляться къ войнѣ было необходимо, но правительство Виктора Эмануила порядочно затруднилось выборомъ официального повода, который, съ должной солидностью, можно бы было заявить другимъ кабинетамъ. Выручила сама Австрія. Ла-Мармора получилъ 26 апрѣля, изъ Берлина, телеграфическій экстрактъ ноты австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ прямо говорилось, что Австрія вынуждена усилить свои вооруженія въ итальянскихъ провинціяхъ. Ла-Мармора, восклицаетъ наивно: «Мы должны признаться, что не могло ничего случиться болѣе кстати.» Изобрѣтать поводъ было не нужно: являлась очевидная необходимость готовиться къ борьбѣ. Въ такомъ духѣ и разослалъ онъ, на другой же день, циркулярное письмо ко всѣмъ итальянскимъ дипломатическимъ агентамъ. Въ Лондонѣ его приняли очень дурно. Въ Парижѣ оно произвело сильное впечатлѣніе, но императоръ не былъ особенно доволенъ, и на приемномъ вечерѣ въ Тюльери сказалъ посланнику Ниррѣ:

«—C'était bien la peine de me demander conseil, pour faire tout le contraire de ce que je conseillais».

Послѣ чего, рекомендовалъ: быть осторожными и не кидаться, очертя голову. Въ Берлинѣ, разумѣется, Бисмаркъ не хуже Ла-Мармори воспользовался австрійской нотой, и Пруссія отказалась разоруживать, коль скоро Австрія готовится къ войнѣ, подъ предлогомъ приготовленій Италіи. Бисмаркъ не преминулъ провести Флорентинскій кабинетъ, убѣдивъ итальянскаго повѣреннаго Пулигу (графъ Барралъ ѣздилъ въ это время по мелкимъ нѣмецкимъ столицамъ), что Пруссія отпшетъ въ Вѣну, защищая интересы Италіи, въ самомъ внушительномъ духѣ. Но нота Бисмарка, отправленная въ Вѣну 30 апрѣля, и появившаяся потомъ въ «Зеленой Книжкѣ», не включаетъ никакихъ особнхъ заявленій въ пользу Италіи. Напротивъ, въ ней видна полнѣйшая уклончивость и даже услужливость, *so имя Италіи*, за которую Ла-Мармора, конечно, не могъ сказать спасибо Бисмарку. Не странно ли было, въ са-

комъ дѣлѣ, читать въ Прусской нотѣ, послѣ трактата 8 апрѣля такіа строки:

«Мы убѣждены, что въ Италіи послѣдшили бы прекратить вооруженія точно такъ, какъ это сдѣлали, недавно, въ Пруссіи, лишь только исчезли бы причины, вызвавшія эти вооруженія.»

Ла-Мармора почти гнѣвно замѣчаетъ, что «lui» т. е. Бисмаркъ, своимъ убѣжденіемъ въ миролюбіи Италіи, хоть кого могъ смутить, а тѣмъ болѣе перваго министра итальянскаго королевства. По этому поводу, Ла-Мармора позволяетъ себѣ философско-политическое отступленіе. Ему противна теорія «огня и желѣза»; но въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Италія въ ту минуту, было болѣе, чѣмъ антипатріотическимъ дѣломъ уклоняться итти на понятный дворъ. Онъ тѣмъ болѣе возмущался, что зналъ, что самъ Бисмаркъ жаждетъ войны для своихъ прусскихъ цѣлей, и выдаетъ свою союзницу потому только, что не наступила еще минута сбросить маску. Онъ уже предвкушалъ тѣ сюрпризы, на счетъ *толкованія*, даннаго трактату 8-го апрѣля. Сюрпризы эти излагаются въ XII главѣ. Генераль Говднэ, вернувшійся опять въ Берлинъ, въ депешѣ своей отъ 2-го мая сообщаетъ о вооруженіяхъ Пруссіи; но тутъ же прибавляетъ, что король, по словамъ Бисмарка, «не даетъ трактату такою значенія (т.-е. считаетъ ли себя Пруссія обязанной объявить войну Австріи, если Австрія объявитъ ее Италіи?) и что онъ не признаетъ это обязательство обоюднымъ, слѣдуя буквально тексту». На вопросъ Говднэ: нельзя ли оговорить эту обоюдность въ особой военной конвенціи, Бисмаркъ сказалъ, что король откажется подписать ее въ такомъ смыслѣ. Въ этой же депешѣ стоитъ упоминаніе о расходахъ для поднятія Венгріи. Бисмаркъ, отвѣтилъ уклончиво; но мы увидимъ далѣе, что Венгрія ему пригодится и онъ явится главнымъ подстрекателемъ венгерской диверсіи, рассчитанной уже не на что иное, какъ на *революцію, съ поддержкой прусскихъ и итальянскихъ денегъ*.

Громадность (enormità) этихъ заявленій, поразившая Ла-Мармору, должна была и въ самомъ Бисмаркѣ произвести нѣкоторое смущеніе. Въ тотъ же день, 20-го мая, Говднэ пустилъ во Флоренціи вторую депешу, гдѣ излагается результатъ совѣщанія Бисмарка съ королемъ. Бисмаркъ сказалъ Говднэ:

«Я подвергнулъ рѣшенію короля оба вопроса, заданные вами мнѣ вчера:

«Что сдѣлаетъ Пруссія, если Италія нападетъ на Австрію?»

«Что сдѣлаетъ Пруссія, если Австрія нападетъ на Италію?»

Вопросы, какъ читатель видитъ, самыя точныя.

По второму вопросу, король согласился съ мнѣніемъ Бисмарка, выраженнымъ наканунѣ Говднэ (но только не категорически), т.-е., что Пруссія вступить въ борьбу съ Австріей. Что же до перваго, то король совѣтуетъ Италіи воздержаться отъ всякаго нападенія. А на вопросъ: какъ же быть на тотъ слу-

чай, если Пруссія поладить съ Австріей? Бисмаркъ отвѣтилъ, что никакая уступка со стороны Австріи не повела бы въ полному соглашенію; но что если Австрія рѣшилась бы на такія уступки, которыхъ никакъ нельзя бы было не принять, то Италію бы предупредили и не допустили бы ее очутиться въ одиночку предъ вооруженной Австріей.

Какже было Ла-Марморѣ не возмутиться тѣмъ, что во всѣхъ этихъ переговорахъ ни однимъ звукомъ не упоминается о трактатѣ. То же самое сказалъ бы Наполеонъ III, не связанный съ Италіей никакимъ особымъ договоромъ, да онъ уже и говорилъ то же самое гораздо раньше. Кто бы на мѣстѣ перваго министра Италіи удовольствовался заявленіемъ, что его правительство «будетъ во время извѣщено». Въ подробномъ письмѣ Говднэ, отъ того же 2-го мая, что ни шагъ, то новое доказательство себялюбія Пруссіи. Слова Бисмарка о значеніи трактата до такой степени хороши, что мы ихъ выписываемъ въ подлинникѣ (фразы Бисмарка Говднэ приводить по французски; а все письмо написано по итальянски):

«Nous ne donnons pas au traité du 8 avril l'interprétation qu'il oblige la Prusse à déclarer la guerre à l'Autriche, si elle se trouve en lutte avec l'Italie; nous croyons que cette obligation existe seulement pour l'Italie et elle est à la lettre la signification de l'article relatif...»

И тутъ Ла-Мармора обрываетъ, не желая указывать, на какую статью договора ссылается Бисмаркъ. До статьи намъ мало дѣла. И безъ статьи ясно. И чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ находилъ бѣдный Ла-Мармора, читая, одинъ за другимъ, такіе пассажи въ письмѣ Говднэ, продолжавшаго цитировать фразы Бисмарка:

«Que le Roi n'aurait jamais signé une convention qui fût une arme dans les mains de l'Italie, capable de nous encourager à pousser les choses au point d'obliger la Prusse, malgré elle, à prendre part à la guerre».

Или еще, въ дополненіе къ предыдущей:

«Qu'il nous préviendrait loyalement et en temps opportun si la Prusse ne pouvait nous suivre».

На вопросъ же Говднэ: обязывается ли честью министерство Бисмарка быть солидарнымъ съ интересами Италіи, если король не подпишетъ конвенціи обоюдныхъ обязательствъ? Бисмаркъ заявилъ, что министерство сдѣлаетъ изъ этого «вопросъ кабинета», заключивъ такимъ ободряющимъ нрѣченіемъ:

«Du reste fiez-vous à la marche irrésistible des événements».

Барраль вернулся въ Берлинъ въ день письма. Онъ тоже раскусилъ прусскіе подвохи и кончаетъ депешу словами: «По моему, надо гораздо больше рассчитывать на насъ самихъ и на Францію, чѣмъ на Пруссію». Барралу не менѣе Ла-Марморы тяжело было подобное разочарованіе: вѣдь трактаты составлялъ и подписывалъ онъ. Итальянское правительство, на

основаніи трактата, начало вооруженіе, объявило объ этомъ всей Европѣ, и получило въ отвѣтъ неудовольствіе всѣхъ кабинетовъ, съ томъ числомъ и прусскаго.

«Однако этотъ трактатъ, который не долженъ былъ никакимъ образомъ обижать Пруссію, имѣлъ введеніе, изображенное такъ:

«Leurs Majestés le Roi d'Italie et le Roi de Prusse, animés du même désir de *consolider les garanties de la paix générale* (sic), en tenant compte des besoins et des aspirations légitimes de leurs nations, ont, pour régler les articles d'un traité d'alliance offensive et défensive, nommé pour leurs plénipotentiaires, munis de leurs instructions, savoir etc.».

Еще немножко, и генералъ Ла-Мармора не вытерпѣлъ бы и переписалъ бы весь трактатъ. Повторяемъ еще разъ: онъ поступилъ бы гораздо послѣдовательнѣе. Но во всякомъ случаѣ, мы видимъ теперь собственными глазами, что трактатомъ закрѣпился «оборонительный и наступательный союзъ».

Ла-Мармора телеграфировалъ въ тотъ-же день Барралю, что Пруссіа *обязана* объявить войну Австріи, если послѣдняя нападетъ на Италію. Онъ говоритъ очень откровенно, что протестуя тогда, былъ вполнѣ убѣжденъ однако въ непоколебимомъ рѣшеніи берлинскаго кабинета: слушаться одного своего интереса. Пруссіа боялась въ эту минуту, какъ бы Италія не предупредила ее въ войнѣ съ Австріей, почему и изворачивалась вслѣдствіе. Но Италіи представлялся вопросъ: останавливать или нѣтъ вооруженія, въ виду поведенія Пруссіи? Воинственный духъ уже такъ овладѣлъ нѣмецкими кабинетами, что и Пруссіа рѣшилась мобилизовать армію. Стало, Италія и подавно должна была идти по пути къ разрыву съ Австріей. Дешешей Говдонэ изъ Берлина отъ 4-го мая, гдѣ Ла-Мармору извѣщаютъ о прусской *секретной* мобилизаціи, заканчивается XII глава книги, едва-ли не самая живая и сильная по своему содержанию. Ла-Мармора ставитъ надъ дешешей Говдонэ такія три строки:

«Все указывало на войну; но мы были болѣе, чѣмъ когда-либо, не увѣрены въ томъ, какой политики Пруссіа стала бы держаться относительно насъ».

XI.

Австрія сообразила окончательно, что лучше ей поладить миролюбиво съ Италіей, чѣмъ ввязываться въ войну съ Пруссіей, предоставивъ ей такую цѣнную союзницу, какъ Италія. Такъ какъ въ Парижѣ не очень бы ласково смотрѣли на Прусско-итальянскій союзъ, то туда, разумѣется, и обратилась австрійская дипломатія. Въ телеграммѣ отъ 5-го мая, самаго секретнаго свойства, Нигра доноситъ Ла-Марморѣ, что Императоръ-

передалъ ему предложеніе Австріи уступить Венеціанскую область Императору съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее Италіи «безъ всякихъ условій», только-бы Италія разорвала свой союзъ съ Пруссіей. Нигра, извѣщенный Ла-Марморой объ уверткахъ Пруссіи, уже сообщилъ Наполеону обо всемъ, что отъ 8-го апрѣля до 5-го мая произошло между берлинскимъ и флорентинскимъ кабинетами. Въ денешнѣ 5-го мая онъ спрашивалъ Ла-Мармору, каково его «первое впечатлѣніе», и просилъ телеграфировать объ этомъ сейчасъ-же.

Ла-Мармора высказываетъ читателю всѣ свои внутренніе мотивы. Первая мысль была, разумѣется, поступить съ Пруссіей такъ, какъ она того заслуживала, т. е. нарушить трактатъ, которымъ она и не думала считать себя связанной. Ла-Мармора говоритъ безъ обиняковъ, что такое поведеніе было бы совершенно законно; но онъ ему не слѣдовалъ, какъ поведенію неблагородному, и въ тотъ же день отвѣтилъ депешей Нигрѣ, что «не разрывать съ Пруссіей есть для насъ вопросъ чести и честности». Къ этому Ла-Мармора прибавилъ, что такъ какъ срокъ трактату выходилъ 8-го іюля, то можно было уладить дѣло посредствомъ конгресса и поручалъ Нигрѣ напомнить Наполеону, что и онъ первоначально совѣтовалъ Италіи заключить договоръ съ Пруссіей. А о конгрессѣ уже шла рѣчь въ Лондонѣ, и мы сейчасъ увидимъ, что за идею его схватится императоръ французовъ. Читатель обратитъ также вниманіе на то, что уже въ маѣ Австрія предлагала особую форму уступки Венеціи чрезъ посредство императора. Эту форму она удержала и послѣ Садовой, къ немалому приниженію итальянцевъ. Въ Парижѣ не дремали. Меттернихъ получилъ дозволеніе сейчасъ же подписать уступку Венеціи *за одинъ нейтралитетъ*. Объ этомъ доносилъ Нигра отъ 6-го мая, спрашивая Ла-Мармору: дѣйствительно ли прусскій король обѣщаль защитить Италію, если Австрія первая нападетъ на нее? Одно извѣстіе было сильнѣе другаго. Наканунѣ еще требовали за Венецію расторгненія наступательнаго союза, а теперь только одного нейтралитета. Второе предложеніе было еще выгоднѣе; но Ла-Мармора стоялъ все на томъ же недипломатическомъ (по общепринятому мнѣнію) принципѣ чести и честности. Не сильнѣе подѣйствовало на него и подробное письмо Нигры. Онъ смутился только его вопросомъ на счетъ того, какъ будетъ дѣйствовать Пруссія въ случаѣ нападенія Австріи на Италію? Тому, что писалъ ему Говднѣ, онъ уже не довѣрялъ и сейчасъ же запросилъ денешней графа Баррала на эту тему. Отвѣтъ Бисмарка былъ тотъ же, т. е., что Пруссія *не считала себя обязанной*; но что для короля это также вопросъ чести, приказывающей ему помочь Италіи. Барралъ прибавляетъ, что онъ хотѣлъ было отвѣтить Бисмарку: *«По буквѣ трактата и мы вовсе не обязаны атаковать Австрію, если она нападетъ на Пруссію»*, но удержался, ожидая дальнѣйшихъ инструкцій.

Отправляя эту депешу 7-го мая, Барраль еще ничего не зналъ о предложеніяхъ Австріи уступить Венецію. Ла-Мармора замѣчаетъ, что Барраль очень бы хорошо сдѣлалъ, отвѣтивъ Бисмарку такъ, какъ онъ хотѣлъ. Вообще же впечатлѣніе берлинскихъ переговоровъ было самое печальное и тревожное для флорентинскаго правительства. Видимое дѣло, что Пруссія своими завѣреніями въ нравственномъ долгѣ поддержать Италію только выигрывала время. Но... Ла-Мармора не сходилъ съ своего рыцарскаго фундамента.

Его порадовала, 7-го же мая, депеша Нигры, гдѣ стояло, что императоръ Наполеонъ, сочувствуя трудному положенію Италіи, хочетъ выдвинуть впередъ идею конгресса, *чтобы выиграть время*. Ла-Мармора находитъ поведеніе Наполеона очень благороднымъ: нѣсколько дней передъ тѣмъ, оппозиція требовала отъ него въ палатѣ недопущенія италяно-прусскаго союза, и все-таки онъ продолжалъ мирволить Италіи, оставаясь вѣрнымъ своимъ политическимъ симпатіямъ. А въ это время онъ уже держалъ въ рукахъ своихъ Венецію. Нигра доносилъ въ слѣдующіе дни, что императоръ не склоняется ни на прусскую, ни на австрійскую сторону. Въ Парижъ пріѣхалъ и генералъ Говднэ, котораго Наполеонъ не пожелалъ видѣть, чтобы избѣжать толковъ, невыгодныхъ для Италіи. И Говднэ былъ того мнѣнія, что разрывать съ Пруссіей и не честно, и очень трудно. Онъ привезъ извѣстіе, что Пруссія непременно начнетъ войну въ началѣ іюня и поддержитъ Италію, еслибъ на нее напала Австрія. «А пока, — телеграфируетъ Нигра, — Франція предложитъ конгрессъ, однимъ изъ основаній котораго будетъ уступка Венеціанской области».

Читая эти строки, какъ смѣшны кажутся громы и молніи парижской парламентской оппозиціи, вричавшей, что идея императора о конгрессѣ постыдно провалилась! Какъ будто онъ самъ не зналъ, что изъ нея ничего не выйдетъ. Вѣдь депеша Нигры помѣчена 9-мъ мая! Сильные міра сего стоятъ за кулисами и «выигрываютъ время», а вожаки демократіи думаютъ, что это все въ серъѣзъ и громить ихъ. Въ результатъ—комедія, кончающаяся Медами и Седанами.

Говднэ составилъ для Нигры (который приготовлялся въ пространному объясненію съ Наполеономъ) промеморію. Ла-Мармора приводитъ ее цѣликомъ. Она написана на тему уступки Венеціанской области, предложенной Австріей. Въ ней рассказываются обстоятельства, уже намъ извѣстныя. Есть одна только пикантнѣйшая подробность, показывающая косвеннымъ образомъ, какъ Бисмаркъ обращался въ то время съ своимъ общегерманскимъ патриотизмомъ:

«Онъ узналъ отъ своихъ агентовъ, что императоръ переговаривается съ Австріей, и что Австрія уступала ему Венеціанскую область и подбивала его даже овладѣть лѣвнымъ берегомъ Рейна. Г. де-Барраль, которому онъ говорилъ объ этомъ, вскры-

чалъ: «Но Австрія не скомпрометировала бы себя такъ передъ Германіей, жертвуя странами, принадлежащими къ союзу!» Бисмаркъ сдѣлалъ жестъ, какъ бы говорившій: «я бы ихъ уступилъ также».

Заключеніе, къ которому приходитъ Говднэ, совсѣмъ не категорично: можно поступить такъ, можно и этакъ; но необходимо прежде всего заручиться поддержкой Франціи, и тогда не дурно поладить миролюбиво съ Австріей. Ла-Мармора стоялъ на своемъ и предвидѣлъ (не говоря уже о нечестности разрыва съ Пруссіей) разныя непріятныя осложненія. Онъ не очень увлекся и словами о границахъ 1815 года, связанными Наполеономъ 6-го мая въ Оксеррѣ. На томъ и остановились его соображенія. Существенный ходъ дѣла не могъ быть нарушенъ конгрессомъ, который занимаетъ слѣдующую XIV главу.

ХII.

Изъ конгресса ничего не вышло. Наполеонъ хлопоталъ о немъ больше другихъ; но главныя дѣйствующія лица драмы: Австрія, Пруссія, Италия хорошо знали, что соглашеніе невозможно и «точили въ темнотѣ кинжалъ», выражаясь поэтически. Италия, дѣйствуя откровеннѣе другихъ, заявила официально, что она не прочь принять участіе въ конгрессѣ, но вооруженій своихъ не остановитъ. Англія хлопотала тоже, вѣроятно, сознавая пустоту и безрезультатность своихъ хлопотъ. Бисмаркъ ни крошки не довѣрялъ конгрессу. До 20-го мая въ Парижѣ не имѣли еще никакого отвѣта Австріи. Говднэ, вернувшійся опять въ Берлинъ, писалъ Ла-Марморѣ отъ 22-го мая, что Бисмаркъ беспокоится объ одномъ: какъ поведетъ себя Франція въ случаѣ войны. О конгрессѣ онъ и не толковалъ серьезно съ Говднэ. Конгрессъ, однако, какъ будто пріободрился. Въ Петербургѣ предложили новую редакцію приглашенія на съѣздъ, которая бы не указывала прямо на венеціанскій вопросъ и тѣмъ не задѣвала бы очень Австрію. Измѣненія редакціи были приняты, какъ показываетъ депеша Нигры отъ 24-го мая. Въ тотъ-же день Нигра въ письмѣ говоритъ Ла-Марморѣ, что положеніе Италии во всемъ этомъ дѣлѣ прекрасное, надо только выждать и предоставить Австріи съ Пруссіей вѣлѣться другъ въ друга. Наконецъ, къ 25-му мая была обработана вполне редакція приглашенія на конгрессъ. Римскій вопросъ выкидывался, а слова: «уступка Венеціанской области» замѣнялись выраженіемъ: «Différend avec l'Italie». Ла-Мармора разослалъ 25-го мая своимъ агентамъ циркуляръ, гдѣ говорится, что конгрессъ, въ программѣ котораго обойденъ самый существенный вопросъ для Италии, врядъ ли можетъ разрѣшить миролюбиво готовящіяся столкновенія. На другой

день депеша Баррала изъ Берлина дышала опять войной. Бисмаркъ прямо называлъ Баррала конгрессъ: «un vain simulacre», и объявилъ, что никакая человѣческая власть не можетъ помѣшать войнѣ. Не прошло двухъ сутокъ, какъ новая депеша Баррала отзывалась опять успѣхомъ соглашенія и извѣщала, что отправка гвардіи къ границѣ отложена. Нигра писалъ изъ Парижа того же 28-го мая, что императоръ продолжаетъ держаться за идею конгресса и требовалъ отъ Ла-Мармора позволенія завѣрить императора въ томъ, что Италия принимаетъ конгрессъ и помѣщаетъ каждому враждебному дѣйствию во время совѣщаній. Это намѣтъ на Гарибальди. Ла-Мармора съ достоинствомъ оправдывается, говоря, что никогда ни Гарибальди, ни какіе другіе вожаки крайней партіи не въ силахъ были вліять на него. Но онъ все-таки успокоилъ императора, за чтó и получилъ тотчасъ же благодарность по телеграфу. На конгрессѣ Наполеонъ какъ будто еще разсчитывалъ, выражая, однако, сомнѣніе: пріѣдутъ ли всѣ министры иностранныхъ дѣлъ кабинетовъ, участвующихъ въ конгрессѣ, какъ было предложено. Отъ пріѣзда князя Горчакова зависѣлъ болѣе или менѣе скорый сѣздъ, котораго ожидали къ 8 му или 10-му іюня.

Но центръ тяжести событій былъ совсѣмъ не тутъ. Въ письмѣ Нигры отъ 31-го мая мы читаемъ слѣдующія драгоцѣнныя строки:

«Бисмаркъ, кажется, окончательно рѣшился уступить Франціи территорію, заключающуюся между Мозелемъ и Рейномъ въ вознагражденіе за вооруженное содѣйствіе Франціи. Я узналъ это конфиденціально, но впрямъ тутемъ».

Императоръ желалъ мирнаго исхода, но повторялъ, что такъ или иначе Италия должна получить Венецію. Положеніе Италии продолжало быть отличнымъ; только Нигра упрасивалъ позорче сметрѣть за Гарибальди. Ла-Мармора удивляется: почему это въ Парижѣ такъ боялись гарибальдйскаго движенія! Или не довѣряли его честности? Къ 1-му іюня конгрессъ, повидимому, былъ принятъ всѣми, кромѣ Австріи. Циркуляръ Ла-Мармори къ своимъ дипломатическимъ агентамъ, отъ этого числа, содержитъ признаніе конгресса съ оговоркою о необходимости, въ которой находилась Италия начать готовиться къ войнѣ.

Въ XVI главѣ находимъ мы подробности смерти конгресса, случившейся до его рожденія. Австрія не приняла его основаній. То, что австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Менсдорфъ сказалъ въ своей циркулярной нотѣ австрійскимъ агентамъ отъ 1-го іюня, было точно сочинено въ Берлинѣ, до такой степени она служила прусскимъ интересамъ. Князь Горчаковъ, вида, что Австрія не желаетъ, чтобы заикались на конгрессѣ о какой-либо уступкѣ ея территоріи, запросилъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ: придадутъ ли конгрессу какое-нибудь практическое значеніе? Въ ожиданіи отвѣта, Бисмаркъ желалъ знать отъ Ла-

Мармори: появится ли Италия на конгрессѣ, несмотря на австрийскую ноту отъ 1-го іюня; и правда ли, что она собирается напасть на Австрію 10-го іюня? И тотъ, и другой вопросъ Ла-Мармора находятъ совершенно неумѣстными, нисколько невызванными образомъ дѣйствій итальянскаго правительства. Ему ясно было одно: что Бисмаркъ горитъ нетерпѣніемъ добиться поскорѣе войны. Ла-Марморъ телеграфировалъ 9-го іюня Барралу: «мы не начнемъ непріязненныхъ дѣйствій». Эта депеша должна была въ то же время успокоить французскаго посланника въ Берлинѣ. Барраль отвѣтилъ ему 3-го іюня депешей, гдѣ поведение Бисмарка выставляется съ необычайной рельефностью: «Бисмаркъ прекрасно знаетъ, что мы первые не нападѣмъ ни 10-го, ни поздѣе. Но онъ старается толкать насъ впередъ, въ надеждѣ на то, что увлечетъ за нами и короля, все еще нерѣшительнаго и начавшаго на дняхъ, тайнѣ отъ него, сношенія съ австрийскимъ императоромъ, впрочемъ, неудавшіяся».

А бойкій генералъ Говднэ продолжалъ составлять докладныя записки. Ла-Мармора приводитъ цѣлыхъ двѣ. Во второй записаны подлинныя слова Бисмарка. Бисмарку въ эту минуту (записка отъ 3-го іюня) очень хотѣлось поѣхать въ Парижъ, чтобъ узнать отъ императора, какихъ уступокъ желаетъ онъ отъ Пруссіи. Говднэ началъ разбирать возможность уступки Франціи лѣваго берега Рейна и спросилъ: нѣтъ ли еще другой географической линіи, цѣнной для Франціи?

Графъ Бисмаркъ сказалъ:

«Да, это былъ бы Мозель. Я,—прибавилъ онъ:—гораздо меньше тѣмъ, чѣмъ пруссаки, и мнѣ ничего бы не стоило (поп авгеі alcuna difficoltà) подписать уступку Франціи всей землѣ, заключенной между Рейномъ и Мозелемъ: Пфалца, Ольденбурга, части прусскихъ владѣній и т. д.»

Такия нескромности цѣнятся на вѣсъ золота, и чего же удивляться, что Бисмаркъ сидѣлъ и дулся въ своемъ Варцинѣ, когда Викторъ-Эммануиль уже нѣсколько дней проживалъ въ Берлинѣ? Гдѣ же во всемъ этомъ великая идея единства, которую хвалители германскаго канцлера оправдываютъ его политикою крови, желѣза и... но читатель пусть самъ поставитъ третье слово...

Новый отвѣтъ Австріи, рѣшительно поставившей вопросъ о герцогствахъ, который она отдавала на обсужденіе франкфуртскаго сейма, дѣлалъ конгрессъ невозможнымъ, и Пруссія, протестуя противъ такого поступка, совсѣмъ уже собралась на войну. Барраль телеграфировалъ Ла-Марморѣ отъ 4-го іюня: «наступила, я полагаю, для насъ минута готовиться». Ла-Мармору тревожилъ Парижъ и онъ поручилъ Нигрѣ успокоить императора и представить ему неизбежность для Италіи скорныхъ мѣръ, обезпечивающихъ успѣхъ въ войнѣ съ Австріей. Но императоръ Наполеонъ попробовалъ еще разъ разрѣшить

вопросъ Венеціи подъ своимъ исключительнымъ покровительствомъ. Онъ послалъ герцога Граммона въ Вѣну съ порученіемъ предложить Австріи уступить Венецію, *каковъ бы ни былъ исходъ войны*. За это онъ обѣщаль нейтралитетъ. Подробности этихъ новыхъ переговоровъ занимаютъ XVII главу. Ла-Мармора хотъ и очень благоволилъ къ памяти Наполеона, объясняетъ, однако, политику его въ этомъ дѣлѣ соображеніями чисто-французскаго интереса. Наполеонъ не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ допустить, чтобы какаа-либо изъ нѣмецкихъ державъ, — Пруссія ли, Австрія ли, — вышла изъ войны съ большими територіальными приобрѣтеніями; но онъ боялся этого гораздо больше со стороны Австріи, чѣмъ со стороны Пруссіи. Вотъ почему онъ и хлопоталъ о томъ, чтобы Венеція, *во всякомъ случаѣ*, отошла отъ Австріи, даже еслибъ она и была побѣдительницей. Пока Граммонъ толковалъ подъ секретомъ въ Вѣнѣ (Барраль въ депешѣ отъ 7-го іюня утверждаетъ, что никакого порученія въ такомъ смыслѣ Граммону и не было дано), прусскія войска вступили въ Гольштейнъ. Прусскій король, прощаясь съ Барралемъ, по обыкновенію своему, выразился мистически: «жизнь, равно какъ и побѣда въ рукахъ Того, Кто на небесахъ» (депеша отъ 8-го іюня). Итальянскія войска подошли къ границѣ, а Гарибальди повѣхалъ на Ромо. Нигра донесъ двумя депешами (отъ 8-го іюня), что Наполеонъ не удивился движенію итальянскихъ войскъ. «Vous êtes parfaitement en règle», говоритъ Нигра Ла-Марморѣ, и фразой этой показываетъ, какую зависимую роль игралъ флорентинскій кабинетъ передъ тюльрійскимъ властелиномъ. Ла-Мармора брюзжитъ на Нигру за конецъ его второй депешы, защищая итальянскую честь, о которой онъ уже слишкомъ часто говоритъ. Нигра написалъ ему очень простую вещь: «постарайтесь, чтобы Бисмаркъ схватился поскорѣе съ Австріей и сами дѣйствуйте такъ, какъ будто бы вы не знали о переговорахъ Наполеона съ Австріей на счетъ Венеціи».

Тутъ Ла-Мармора заявляетъ, что онъ прекрасно поступилъ, что не отправился раньше къ войску. Еслибъ онъ это сдѣлалъ, то пруссаки навязали бы Италиі свой стратегическій планъ, съ которымъ Ла-Мармора ни за что не хотѣлъ согласиться. Скажемъ отъ себя, что и съ собственнымъ планомъ онъ, какъ начальникъ штаба, Европу не удивилъ и долженъ теперь на старости лѣтъ оправдываться въ неудачахъ кампаніи 1866 года.

XIII.

Бисмаркъ вознегодовалъ на генерала Мантейфеля за то, что онъ, вступивъ въ Гольштейнъ, уклонился отъ столкновенія съ австрійцами. Барраль доноситъ объ этомъ Ла-Марморѣ депе-

шей отъ 10-го іюня. Денешні слыются, какъ горохъ въ XVIII главѣ книги. Каждый день, почти каждый часъ ускорять моментъ настоящей войны. Но во Флоренціи и даже въ Парижѣ все еще не совсѣмъ довольны Пруссіей. Письмо Наполеона, прочитанное 12-го іюня въ законодательномъ корпусѣ, прямо указываетъ на уступку Венеціи и очень благоприятно Италіи. Все дѣло стояло за франкфуртскимъ сеймомъ, гдѣ Пруссія должна была энергически протестовать, послѣ чего и произошелъ бы полный разрывъ. У Италіи руки чесались, и она куда не прочь была кинуться на Австрію, о чемъ еще разъ запросила въ Парижѣ, докладывая, что Бисмаркъ подбивалъ ее на это. Наполеонъ опять отвѣтилъ, что Италіи не слѣдуетъ нападать первой (денеша Нигры отъ 12-го іюня). Императору хотѣлось непременно, чтобы войну начала Пруссія, и онъ далъ знать во Флоренцію, что въ Берлинѣ опять интригуютъ. Граммонъ доносилъ изъ Вѣны, будто прусская королева сама писала австрійскому императору, завѣряя его, что никакого настоящаго трактата между Италіей и Пруссіей не существуетъ, и что если Италія нападетъ на Австрію, то Пруссія вовсе не обязана помогать ей. Ла-Мармора поручилъ Нигрѣ переговорить объ этомъ съ Наполеономъ, но тотъ не исполнилъ его порученія, находя, что Бисмаркъ не можетъ придаться къ переговорамъ о мирной уступкѣ Венеціи, такъ какъ эти переговоры никогда не велись *прямо* между Австріей и Италіей. Наполеонъ, по мнѣнію Ла-Марморя, очутился бы въ самомъ неудобномъ положеніи, еслибъ Пруссія поладила съ Австріей и оставила бы Италію, начавшую войну, на произволъ судьбы. Изъ письма Нигры отъ 12-го іюня мы видимъ, что императоръ, дѣйствительно, поручилъ Граммону столкнуться съ австрійскимъ кабинетомъ по вопросу Венеціи. Отъ императора Нигра узналъ, что *«пруссійскій король далъ австрійскому императору слово въ томъ, что если Италія нападетъ на Австрію первая, то Пруссія не обязана объявлять войну»*. Каково же приходилось Ла-Марморѣ, читая такое донесеніе за нѣсколько дней до начала войны? Но ему предстояло возмутиться еще болѣе слѣдующимъ окончаніемъ письма Нигры:

«Императоръ сказалъ вещь, открывшую мнѣ обширный горизонтъ. Онъ замѣтилъ, что во время кампаніи будетъ, пожалуй, полезнѣе для Италіи не очень сильно вести войну. Но я отвѣтилъ императору, что мы начнемъ войну съ большой энергіей, что мы игнорировали завѣренія, данныя Австріей Франціи» (на счетъ Венеціи и сохраненія, во всякомъ случаѣ, *statu quo ante bellum*).

«И что если во время войны будутъ сдѣланы предложенія, тогда и рассмотрится вопросъ, какого держаться поведенія».

Ла-Мармора шутить не любитъ. Отвѣтъ Нигры показался ему унизительнымъ для Италіи. Выходило, значить, что Италія будетъ воевать для смѣха (*«per burla»*, какъ онъ выражается)

и гоняться за двумя зайцами, когда все предыдущее поведение флорентинскаго кабинета было образцомъ честности?

«Кто уполномочилъ (спрашиваетъ Ла-Мармора) командора Нитру дать подобный отвѣтъ?»

Иные, быть можетъ, и найдутъ, что Ла-Мармора очень ужъ «благородствуетъ», но его протестъ совершенно послѣдователенъ и выраженія этого протеста дышатъ искренностью и нравственной порядочностью. Для него другой программы не существовало, какъ: «равнъ война началась, *продолжать ее всеми силами, отданными въ наше распоряженіе Провидѣніемъ и такъ, чтобы ни Италия, ни Пруссія не могли заключать ни мира, ни перемирія безъ обоюднаго согласія*». По его мнѣнію, было бы лучше раврваться съ Пруссіей, чѣмъ начать облыжную войну. Вѣроятно, его кое-кто подозрѣвалъ въ такой уловкѣ, иначе бы онъ не кончилъ XVIII главы словами:

«Что до меня касается, тотъ, кто хоть минуту считалъ меня способнымъ на это, конечно, не зналъ меня. И хотя разные нѣмецкіе писатели и нѣкоторые итальянскіе позволили себѣ утверждать это, я вызываю всѣхъ ихъ привести хоть одно мое дѣйствіе или одно мое слово, поддерживающія такое обвиненіе, столько же нелѣпное, сколько и гнусное».

Подошелъ настоящій моментъ войны. Ла-Марморъ надо было отпрапляться къ войску; но его безпокоилъ стратегическій планъ кампаніи, который Пруссія желала навязать Италіи.

Пруссія нѣсколько разъ общалась прислать во Флоренцію генерала, чтобы столковаться объ общемъ планѣ военныхъ дѣйствій. Одно время снаряжали Мольтке; но не снарядили, и вилоть до іюня 1866 года не являлось никакого прусскаго генерала съ специальнымъ порученіемъ. Въмѣсто генерала явился наконецъ какой-то таинственный посланецъ (un personaggio alquanto misterioso), не то отъ прусскаго министерства, не то прямо отъ короля, въ качествѣ его частнаго историографа. Ла-Мармора рассказываетъ, что этотъ посланецъ, по имени Бернгарди пожаловалъ къ нему въ министерство въ сопровожденіи графа Узедома, прусскаго посланника въ маѣ мѣсяцѣ (число онъ не приводитъ) и тотчасъ-же началъ ему разъяснять по картѣ планъ кампаніи. Ла-Мармора ничего не понялъ изъ этихъ разъясненій; нашелъ только, что сей мудрый нѣмецъ никогда не бывалъ военнымъ. Но господинъ Бернгарди сталъ допрашивать Ла-Мармору: что Италия думаетъ дѣлать съ своей стороны? Это его тѣмъ болѣе возмутило, что Пруссія нарочно избѣгала, до того времени обмѣна военныхъ соображеній; а теперь вдругъ вмѣшивалась въ то, какъ Италия желаетъ повести войну, съ видимымъ намѣреніемъ присвоить себѣ главное руководительство. Генераль Говднѣ нѣсколько разъ хотѣлъ склонить берлинскій кабинетъ къ заключенію особой военной конвенціи, и ему отвѣчали, что король Вильгельмъ ни когда-бы не связалъ своихъ дѣйствій съ дѣйствіями своего союзника. Мольтке ни

разу не хотѣлъ сообщить генералу Говднэ плана кампаніи и когда говорилъ съ нимъ, то больше касался австрійской, чѣмъ прусской арміи. Поэтому Ла-Мармора и расудилъ, что ему нечего вдаваться въ объясненія съ исторіографами короля Вильгельма. Онъ спросилъ его только: какой пунктъ предполагался въ Берлинѣ для соединенія союзныхъ армій? Тотъ ему отвѣчалъ: «Линцъ». Такой выборъ показался Ла-Марморѣ подходящимъ. Онъ самъ всегда думалъ, что если полезно сдѣлать, послѣ отнѣтій у австрійцевъ береговъ Адриатики, диверсію въ Кроацію или Венгрію, то слѣдуетъ подать руку союзнику въ Тироли. Потому-то Ла-Мармора и хотѣлъ сосредоточить главную массу гарибальдійцевъ на Гардскомъ озерѣ и проникнуть въ «четверугольникъ» съ стѣроны Минчіо. Но господинъ Бернгарди и графъ Бисмаркъ тотчасъ-же измѣнили планъ. Въ Берлинѣ увлеклись другимъ планомъ, подсказаннымъ венгерскими эмигрантами и рассчитаннымъ на измѣну венгерскихъ войскъ австрійской арміи. Для насъ болѣе, чѣмъ занимательно видѣть дипломатическіе документы, показывающіе, какъ Бисмаркъ, защищая въ палатѣ свои феодально-консервативныя принципы, не только не гнушается сообщничества съ революціонерами, но склоняетъ Италію поддерживать венгерскихъ «бунтовщиковъ», произвести измѣну въ непріятельскомъ войскѣ и переполохъ въ Австрійскомъ государствѣ. Итальянскій посланникъ въ Берлинѣ пишетъ Ла-Марморѣ, 12 іюня, письмо, гдѣ прямо разбираетъ «венгерское дѣло». Бисмаркъ приказалъ ему сообщить Ла-Марморѣ, что «правительство (прусское) готово доставить половину фондовъ, необходимыхъ для венгерскаго и славянскаго (sic) дѣла, если итальянское правительство возьметъ на себя другую половину». Сумма предполагалась въ три милліона франковъ. Ла-Мармора находилъ такіа средства весьма мало позволительными въ честной войнѣ; но дѣло завязалось и надо было сноситься съ мадьярскими патріотами, предлагавшими планъ возстанія. Къ Ла-Марморѣ обратились съ письмами двѣ эмиграціонныя знаменитости: Клапка и Кошута. Обращеніе Клапки — братское письмо съ общими мѣстами. Но письмо Кошута — дѣлая довлѣдная записка съ проблесками необычайнаго мадьярскаго хвастовства и мадьярской фразы. Читая этотъ «широковѣщательный листъ» (какъ князь Курбскій называлъ письма Ивана Грознаго), подумаешь, что дѣло идетъ о какой-нибудь мировой націи, отъ могущества которой зависитъ спасеніе рода человѣческаго. Во французской прозѣ Кошута вы найдете такіа напр. уподобленія. «La Hongrie est à l'Autriche ce que la terre était au géant Antée». И вездѣ стоитъ неугомонное конспираторское «я» Кошута. Рассказывая (ни въ селу, ни въ городу), какъ Наполеонъ III вызвалъ его въ 1859 г. въ Парижъ, онъ приводитъ его слова: «Si l'Autriche n'accepte pas la paix, j'aurai besoin de votre concours, hâtez vos préparatifs» и вичится ими, не понимая, какую жалкую роль заставлялъ его, въ

эту минуту, играть Наполеонъ. Разумѣтся, онъ не упускаетъ случая напомнить 1849 годъ, чтобы написать такія скромныя фразы: «*A ton appel ta nation... confia son sort á mes mains*». По его запискѣ выходитъ, что русскіе не побіили венгерцевъ, а бѣда случилась отъ измѣны «ею (т. е. Кошутовахъ) генераловъ». Генерала Гѣргея онъ прямо называетъ измѣнникомъ. Развивая свои политическія соображенія, Кошуть возглашаетъ, что *никогда* самостоятельная Венгрія не можетъ существовать подъ однимъ государемъ, что однакожъ случилось и за что венгерцы держатся крѣпче самихъ австрійцевъ. Кошуть завѣряетъ Ла-Мармору, что венгерцы вовсе не революціонеры, что они «искренніе монархисты» и въ особенности онъ—Кошуть: «*moi en particulier, á qui l'étrange concours des circonstances fit venir pour un moment le sort de la maison de Habsbourg dans le creux de ma main*»... Какъ видите все скромныя, и главное дѣловныя фразы въ запискѣ, имѣющей цѣлью изложить планъ дѣйствій противъ Австріи. Плана никакого въ ней и нѣтъ. И никто бы, на мѣстѣ Ла-Мармори, не могъ обратить серьезнаго вниманія на такую высокопарную болтовню, даже еслибъ и хотѣлъ воспользоваться диверсіей въ Венгріи, съ поддержкой эмигрантовъ. Онъ приводитъ выдержку изъ другого документа, гдѣ требуются, отъ имени «венгерскаго комитета, разныя гарантіи», что, въ соединеніи съ донесеніями итальянскихъ агентовъ, показывало призрочность успѣха венгерскаго возстанія. Бисмаркъ стоялъ за планъ движенія внутрь Австріи и настаивалъ въ разговорѣ съ Барралемъ (депеша отъ 15 іюня) на полезности субсидіи съ цѣлью поднять Венгрію. Слѣдующая фраза показываетъ, что онъ лично уговаривался съ венгерскими выходцами: «*Les chefs hongrois que j'ai vus sont tous de mon avis.*»

Барраль отвѣтилъ ему, что союзники и безъ Венгріи достаточно сильны. Война уже началась, такъ какъ рѣшеніе франкфуртскаго сейма было принято Пруссіей за вызовъ. Бисмаркъ сказалъ на прощаньи итальянскому посланнику: «*Le sort en est jeté, ayons bonne confiance; mais n'oublions pas que le Dieu Tout puissant est capricieux.*» Ла-Мармора дѣлаетъ Бисмарку выговоръ за эту «саиліе» и прибавляетъ, что если прусскаго перваго министра смущали *будущія* дѣйствія Италіи, то его собственныя *прошедшія* дѣйствія были не менѣе способны не только смущать, но и просто возмущать. Нигра телеграфировалъ Ла-Марморѣ изъ Парижа отъ 15 іюня, будто австрійцы будутъ держаться въ Италіи въ оборонительной позиціи. И въ этомъ видить Ла-Мармора прусскую интригу, дошедшую рикошетомъ до Парижа. «Оборонительная» война австрійцевъ пришлась солоно итальянцамъ, и каковъ бы ни былъ планъ Ла-Мармори, онъ прекрасно сдѣлалъ, что не послушалъ прелъщенной венгерско-бисмарковскаго проекта.

Послѣ этого эпизода прусскаго вмѣшательства, наполняющаго XIX главу, авторъ пишетъ свою послѣднюю XX главу, гдѣ стоитъ объявленіе войны и нота графа Узедома. Онъ начинается ея

оговоркой, что Италіи не въ чѣмъ упрекать себя, и что если Пруссія одержала блистательную побѣду, то ея союзница строго выполнила свой долгъ. Последняя депеша, полученная Ла-Марморой отъ Баррала помѣчена 17 іюня. Поэтому поводу онъ выдаетъ итальянскому посланнику въ Берлинъ свидѣтельство въ отличнѣйшихъ дипломатическихъ качествахъ и обращается съ совѣтомъ къ правительствамъ: быть какъ можно строже въ выборѣ своихъ представителей. Въ тотъ же день Ла-Мармора сложилъ съ себя званіе перваго министра и управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и выѣхалъ въ Кремону, куда 18 телеграфировалъ ему новый министръ Джачини, о необходимости обождать съ объявленіемъ войны. Ла-Мармора 19-го заявилъ въ депешѣ, что долше ждать не хорошо, и 20 послалъ въ Мантую полковника Баріоля объявить австрійцамъ войну, въ видѣ письма отъ своего имени, какъ начальника штаба, къ эрцъ-герцогу Альбрехту, главнокомандующему въ Венеціанской области. И тутъ, Ла-Мармора не хотѣлъ, чтобы Пруссія упрекнула Италію въ желаніи медлить и выигрывать время. Но въ тотъ день (19 іюня), когда Ла-Мармора давалъ послѣднія инструкціи полковнику Баріолу, отправляя его въ Мантую, онъ получилъ въ Кремонѣ копію съ ноты графа Узедома, обращенной къ нему, еще какъ къ первому министру, отъ 17 іюня. Въ этой нотѣ, составленной, разумѣется, въ Берлинѣ, излагается общій планъ дѣйствій съ непремѣннымъ движеніемъ прусской арміи на Вѣну черезъ Богемію. Венгрія тутъ стоитъ, какъ полезнѣйшая диверсія. Пруссія никакъ не хочетъ, чтобы итальянская армія оставалась на Адриатикѣ, а требуетъ отъ нея наступательныхъ дѣйствій внутрь Австріи. боасъ, что иначе Австрія сосредоточитъ противъ нея, на сѣверѣ, массу, своихъ войскъ. Ноту эту Ла-Мармора оставилъ бы безъ упоминанія, еслибъ онъ не увидѣлъ въ послѣдствіи «черной» неблагодарности Пруссія, сказавшейся въ официальной реляціи войны 66 года. Онъ напиралъ на то, что *безъ Италіи Пруссія никогда бы не осмѣлилась напасть на Австрію*, и съ несомнѣннымъ достоинствомъ восклицаетъ: «благодарность не вынуждается, и никакой челоувѣческій кодексъ не дѣлалъ изъ нея права». Но терпѣть, когда заслуги и помощь его страны стали унижать и игнорировать, онъ не могъ. Мы уже знаемъ, что онъ запросилъ объ этомъ министерство Менабреа въ 1868 году, и такъ какъ до сихъ поръ само правительство ничего не печатаетъ въ свою пользу, то Ла-Мармора не желаетъ «въ чужомъ пиру испытывать похмѣлье». Онъ приводитъ выдержку изъ своей рѣчи и отвѣтъ Менабреа, тогдашняго президента совѣта. Прошавъ съ читателемъ первой части своей аполוגіи, Ла-Мармора оговаривается на счетъ внѣшней политики. Онъ не желаетъ толкать Италію непремѣнно въ сторону Франціи; но желаетъ видѣть ее вполне независимой во внѣшнихъ дѣлахъ; иначе, говоритъ онъ, не изъ чего было и проливать кровь за пріобрѣтеніе независимости.

А мысли свои о положеніи Италіи въ Европѣ послѣ событій 1870 года онъ выразилъ уже въ рѣчи 1-го января 1872 года, въ началѣ. Привода выдержку изъ нея, онъ заканчиваетъ этимъ «profession de foi» свою книгу. Въ желаніяхъ и идеяхъ генерала все дышетъ умѣреннымъ либерализмомъ, но онъ не безъ злобности намекаетъ на то, что правители Италіи не умѣютъ сохранить полной свободы дѣйствій, другими словами, слишкомъ «бисмаркизуются». И уже безъ обвиняковъ говоритъ онъ, что Италіи слѣдовало принять участіе въ войнѣ 1870 (разумѣется въ интересахъ сохраненія дѣлности Франціи); а самую войну называетъ онъ бойней, въ которой обѣ стороны двигали властолюбіе и жажда военнаго главенства, а не интересъ народный.

XIV.

Вся книга генерала Ла-Мармора изложена мною по главамъ. Я старался сдѣлать изъ нея какъ можно болѣе обстоятельный «экстрактъ». Безъ подробностей она бы не имѣла никакой цѣны. Чтеніе ея, при всей суховатости изложенія и порядочной банальности умѣреннаго либерализма, способно, мнѣ кажется, доставить не малое удовольствіе тѣмъ, кто любитъ забираться въ кулисы европейскаго политическаго театра. Но не скажу, чтобы чтеніе это было легко и увлекательно. Въ книгѣ 357 страницъ большаго формата въ осьмую долю, и нѣтъ почти страницы, гдѣ бы не стояло какого-нибудь документа. Чтобы картина вышла полная, надо было двѣ трети этихъ документовъ, если не изложить вполне, то отмѣтить. Дѣлая это для читателя, я не разъ переполнился воспоминаніями въ той эпохѣ, когда, сдавая окончателный экзаменъ въ университетѣ, приходилось проявлять свои познанія въ «международномъ правѣ». И тогда еще, передъ зеленымъ столомъ экзаменатора это «право» представлялось чѣмъ-то до нельзя призрачнымъ и формальнымъ, да и преподаваніе-то его состояло больше въ какихъ-то рецептахъ на счетъ того, когда такой-то флагъ не покрываетъ товара и когда покрываетъ. А потомъ, послѣ прямыхъ наблюденій политической жизни, послѣ дѣлага ряда событій, случившихся на нашихъ глазахъ, послѣ знакомства съ сотнями подробностей въ родѣ тѣхъ, которыя выдаетъ намъ, по доброй волѣ, Ла-Мармора, уже болѣе и не разсуждаешь на тему: стоитъ ли серьезно признавать какое-то «droit des gens», какъ его называютъ французы. Какіе это «gens»? Въ Пруссіи и Италіи «les gens» имѣютъ болѣе или менѣе ограниченное право считать себя рѣшителями судьбы своей родины; но въ обѣихъ странахъ крупнѣйшія дѣла дѣлаются такъ, какъ хочется въ данный моментъ Бисмарку и Ла-Марморѣ. Знаю, что такой взглядъ считается крайне одностороннимъ; но какое же

утѣшеніе въ томъ, что, молъ, безъ извѣстной среды не народилось бы Бисмарковъ, и что стало бытъ и онъ только орудіе, а не машинистъ? Къ чему заходить въ такія мыслительныя добра? Берите книгу Ла-Мармори, читайте ее, и вы не станете со мной спорить, по крайней мѣрѣ, на счетъ великой идеи германскаго единства.

Не мѣсто здѣсь, въ этомъ небольшомъ заключеніи, подвергать оцѣнкѣ «историческое» значеніе дѣятельности канцлера нѣмецкой имперіи. Но кому же не ясно, что его поведеніе въ періодъ, разсказанный Ла-Марморой, выказываетъ молчаливѣе отсутствіе какого-бы то ни было диллягощаго принципа. Ему хочется войны, чтобы усилить Пруссію, ничего больше. Но развѣ это *принципъ*? Ла-Мармора, человѣкъ посредственной интеллигенціи, также преслѣдуетъ государственно-народную цѣль объединить Италію, но онъ, оставаясь вѣрнѣ своей задачѣ, налагаетъ на себя извѣстныя вериги, не желаетъ отступать отъ извѣстныхъ идей, привычекъ, правилъ. Онъ не видается, безъ разбора, на всякую добычу, на всякое пособничество, на всякое кумовство. Ла-Мармора и Гарабальди не допускаютъ до военныхъ выходовъ раньше срока; а феодалъ-инверъ Бисмаркъ сносится съ венгерскими выходцами и предлагаетъ на 3 милліона франковъ устроить *возстаніе* и *измѣну* въ австрійскомъ войскѣ. Поведеніе Пруссіи съ Италіей по поводу трактата тоже не нуждается въ комментаріяхъ. Но что же оказывается въ итогѣ, въ этой дипломатической кампаніи 66-го года, помимо борьбы при Садовой? Гдѣ же особая ловкость, стойкость и лъвиная смѣлость берлинскаго канцлера? Ея не видно. Ла-Мармора, при всей своей обыденности, дѣйствовалъ съ гораздо большимъ тактомъ, достоинствомъ, осторожностью и послѣдовательностью. Не знаю, какъ онъ оправдываетъ свои военныя соображенія; но дипломатическая кампанія ведена имъ безукоризненно. Если онъ очутился, какъ-бы, «въ дуракахъ», тотчасъ послѣ заключенія трактата 8-го апрѣля, то единственно по убѣжденію въ необходимости дѣйствовать въ дѣлахъ честно. И въ чемъ послужили Пруссіи эти увертки! Вѣдь пришлось же воевать съ Австріей, а слѣдовательно нельзя было не допустить и Италіи до заполоченія своего куска. Всѣ интриги, хитрости, революціонныя планы, обѣщанія, униженія передъ Наполеономъ не дали Бисмарку ни одного самоалѣйшаго преимущества предъ итальянскимъ правительствомъ. Италія вела свои дѣла отлично; безъ особыхъ усилій, заручилась нравственной (и даже въ случаѣ нападенія Австріи матеріальной) поддержкой Франціи, имѣла за собой всѣ симпатіи Европы, знала почти навѣрно, что она во чтобы то ни стало пріобрѣтетъ Венецію, чувствовала, что она гораздо нужнѣе Пруссіи, чѣмъ Пруссія ей, а потому и не хотѣла, въ лицѣ Ла-Мармори, пойти на что либо ниже ея достоинства. Предположимъ, что Садову выиграла бы австрійцы. Что тогда стало бы съ Пруссіей, по крайней мѣрѣ, на 20—25

лѣтъ впередъ? Италію же хоть и побилъ Австрія, а все-таки Венеція отшла къ ней. Въ смыслѣ дипломатическомъ это *tour de force*. И почему онъ случился? Потому что за Италіей была дѣйствительно идея и симпатичная сущность народныхъ стремленій. Въ концѣ концовъ и выходитъ довольно утѣшительный выводъ, что идея и нравственная порядочность, такъ, или иначе, одолеваетъ всякій режимъ «крови и желѣза»...

Книга генерала Ла-Мармори сдѣлала свое дѣло. Мало того, что она доставила массѣ цѣнный матеріалъ, она разъярила политиковъ и показала, какъ всѣ они мелочно-раздражительны. Бисмаркъ не выѣзжалъ изъ своего Варцина на встрѣчу Виктору-Эммануилу потому, главнымъ образомъ, что въ книгѣ Ла-Мармори разстилается передъ читателемъ обширная картина его игры. И не одинъ Бисмаркъ негодуетъ. Мы видимъ, что и посланникъ Нигра поговариваетъ объ отставкѣ, обиженный нескромностями Ла-Мармори.

II. Воборыкингъ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

CXLIII.

Нансійская декларация и выборы 12-го октября.

Собраніе, бывшее 25-го сентября въ Версали для выслушанія результатовъ поѣздки въ Фрошдорфъ депутатовъ Сюньи и Мервельё-Дювиньо, разошлось, не придя ни къ какому заключенію. 4-го октября, сорокъ два члена обѣихъ группъ правой легитимистской стороны, праваго центра и консерваторовъ были приглашены на совѣщаніе къ депутату Вогезовъ, Обри.

Подъ предсѣдательствомъ генерала Шангарнье были снова подняты пренія, начавшіяся на прошлой недѣлѣ въ пятнадцатомъ бюро національнаго собранія. Результатомъ этихъ преній было назначеніе комисіи для разработки программы, которая могла бы быть принята графомъ Шамборомъ, и руководящаго плана для парламентскаго большинства, въ виду возможно скорѣйшаго возстановленія монархіи. Въ составъ этой комисіи вошли генералъ Шангарнье, герцогъ д'Одифре-Павье, де-Ларси, Комбье и Дарю; имъ было предоставлено право избрать себѣ еще нѣсколько помощниковъ. Они избрали Тартрона, Шенелона, Баранюна, Калле, и вновь образовавшаяся комиссія девяти

принялась за секретныя интриги, подъ президентствомъ генерала Шангарнье. Первымъ дѣйствіемъ ея было отправленіе къ графу Шамбору Швелона, для представленія претенденту, вмѣстѣ съ другимъ влиятельнымъ депутатомъ партіи сліянія, Люсіеномъ Брэнотъ, окончательныхъ условій реставраціи.

Руководители принялись за исполненіе своихъ замысловъ, въ убѣжденіи, что между всѣми монархическими группами царствуетъ полное согласіе, и что Генрихъ V не ставитъ уже ни въ принципѣ, ни фактически никакихъ препятствій провозглашенію монархіи «наслѣдственной, національной и конституціонной» даже подъ трекцвѣтнымъ, болѣе или менѣе измѣненнымъ, знаменемъ. Они поговаривали уже о томъ, чтобы ускорить развязку преждевременнымъ созваніемъ національнаго собранія. Но вдругъ получается извѣстіе, что графъ Шамборъ исчезъ изъ Фрошдорфа, и послѣдній посѣтитель его, герцогъ Немурскій, возвращается оттуда крайне озабоченнымъ. Самъ де-Фаллу, оставившій свой замокъ въ Анжу для того, чтобы довершить дѣлопримиренія орлеанистовъ съ легитимизмомъ, пугается. 4-го октября реставрація казалась совершившимся фактомъ; на другой день шансы ея сильно поколебались.

Дѣло въ томъ, что въ этотъ промежутокъ времени разразилось, какъ бомба, сначала въ парижской, а затѣмъ и во всей европейской прессѣ, коротенькое письмо Тьера къ меру Нанси, написанное въ Уши (въ Швейцаріи) 29-го сентября. «Освободитель» извинялся, что не можетъ посѣтить восточные департаменты, обѣщаясь пріѣхать туда позже, когда «разрѣшится, переживаемый нами кризисъ, когда можно будетъ въ спокойствіи и безопасности радоваться освобожденію территоріи». Съ глубокимъ презрѣніемъ къ тѣмъ, которые называютъ его друзей «радикалами», а его самого «агитаторомъ», нападаетъ онъ на «недобросовѣстность партій, которыя нѣкогда обвиняли его въ «нарушеніи бордоскаго договора за то, что онъ представилъ нѣсколько необходимыхъ и ни въ чемъ не связывавшихъ будущее законовъ», и которыя теперь, безъ всякихъ полномочій, вопреки всякому праву, заключаютъ договоры о будущности Франціи, договоры, которые утвердить хотятъ безъ преній, и безъ обращенія къ странъ, главному заинтересованному лицу, единственному законному самодержцу».

— Скоро, восклицаетъ «маленькій буржуа»:— намъ придется защищать не только республику, которая одна въ состояніи соединить во имя общаго интереса всѣ партіи, которая одна съ достаточнымъ авторитетомъ можетъ обращаться къ демократіи, и которая на этотъ разъ, появилась только для того, чтобы возстановить порядокъ, армію, финансы, кредитъ, выкупить территорію, закрыть, однимъ словомъ, всѣ раны войны; намъ придется, говорю я, защищать не только республику, но и всѣ права Франціи, ея гражданскія, политическія и религіозныя вольности, ея социальное положеніе, ея принципы,

провозглашенные впервые въ 1789 г. и сдѣлавшіеся съ того времени принципами всего свѣта, наконецъ, ея знамя, подъ которымъ знаетъ ее весь міръ, подъ которымъ ея солдаты, какъ въ побѣдахъ, такъ и пораженіяхъ, покривли себя славой, и которое, однако, какъ оно ни дорого нашимъ сердцамъ, ничемъ бы не значило, еслибы все то, эмблемою чего оно является, было у насъ отнято, потому что намъ нужно не изображеніе всѣхъ этихъ вещей, но реальное бытіе ихъ, а трехмѣстное знамя, оставленное только для прикрытія контръ-революціи, было бы самою гнусною и самою возмутительною ложью.

Послѣднее предложеніе этой длинной фразы должно было повратить въ самое большое мѣсто графа Шамбора, отрекающагося отъ бѣлаго знамени. Исчезновеніе графа Шамбора изъ фронддорфскаго сѣмья заставляло въ теченіи нѣсколькихъ дней думать, что ударъ пошелъ въ цѣль, и что сдѣланное такимъ громкимъ голосомъ разоблаченіе іезуитскаго маскарада, навязываемаго въуку Карла X, потомуку Генрика IV и Людовика святаго, заставить его самого честно отвергнуть его.

Съ другой стороны, интрига Фаллу была, такимъ образомъ, разоблачена, выставлена на презрѣніе народа и буржуазіи. Депутаты лѣваго центра, которые, нѣсколько времени тому назадъ, такъ легко согласились бы на восстановленіе монархіи 1830 года, были предупреждены относительно заиади, поставленной ихъ наивной нерѣшительности.

Дѣйствительно, тотчасъ же послѣ появленія письма Тьера, — письма, прованнаго *мансійскою декларациею*, президентъ лѣваго центра Леонъ Сэ созвалъ своихъ товарищей на 23-е октября и, въ своемъ циркулярѣ, объявилъ, что единственнымъ результатомъ примиренія двухъ принцевъ было «исчезновеніе орлеанизма, но отнюдь не либеральной партіи»; что онъ и его друзья, ничего не имѣя, съ исторической точки зрѣнія, противъ «конституціонной монархіи, въ основаніи которой были бы принципы 1789 года», всегда думали и думаютъ, что «единственнымъ правительствомъ, соотвѣтствующимъ нѣмѣншему положенію Франціи, является то, которое, давая серьезныя гарантіи принципамъ порядка, наименѣе можетъ вволновать страну и быть правительствомъ одной какой-нибудь партіи»; однимъ словомъ, что, «какъ до, такъ и послѣ сліянія, они остаются убѣжденными въ необходимости вотираванія конституціонныхъ законовъ и организаціи консервативной республики».

Принадлежащій къ той же группѣ богатый эссонскій мануфактуристъ, Ферэ, очень энергически возстаетъ противъ причисленія его къ числу колеблющихся между республикою и монархіею; онъ доказываетъ, что реставрація откроетъ снова бездну революціи, и совершенно искренно высказывается за сохраненіе консервативной республики.

Вывшій президентъ той же группѣ, Кристофль, отвѣчаетъ своему преемнику, Леону Сэ:

— Чѣмъ мы были 24-го мая, тѣмъ же мы будемъ и 5-го ноября... Будучи вѣрными толкователями общественнаго мнѣнія, мы твердо и энергично станемъ проводить взгляды его... Страна вѣрять въ себя; она считаетъ себя совершенноисполнѣнною. Она цѣнитъ по достоинству всѣхъ официальныхъ существовъ и спасительнѣе общества. Она знаетъ, что такое нравственный порядокъ и во что обращаются либеральныя доктрины людей борьбы, когда они достигнутъ власти... Она понимаетъ 24-е мая; она считаетъ вышедшее изъ него правительство иерушкою и соучастникомъ заговоровъ. Нѣтъ, мы не будемъ свидѣтелями въ нашемъ политическомъ строѣ перевѣса, которая была бы самою радикальною изъ революцій, возвращеніемъ къ идеямъ отжившимъ, противнымъ догмату національнаго самодержавія и общественному здравому смыслу... Страна не хочетъ снова попасть подъ опеку. Нужно будетъ спросить ея мнѣнія. Тогда исчезнутъ приврава, иллюзіи, галлюцинаціи, обманъ; тогда мѣсто вынужденнаго безплоднаго военія займетъ господство истиннаго нравственнаго порядка, вытекающаго изъ полнаго согласія между довѣрителями и повѣренными, націею и ея избранниками.

Членъ все той же парламентской фракціи, де-Мерсеръ, съ меньшимъ одушевленіемъ, но такъ же справедливо доказываетъ невозможность реставраціи Генрика V, и подтверждаетъ, что только консервативная республика можетъ довернуть сдѣло возрожденія Франціи посредствомъ учреждений, согласныхъ съ принципами 1789 года и позволяющихъ всѣмъ сѣсть у гостеприимнаго очага ихъ общаго отечества.

Де-Прессансе, подъ вліяніемъ отвращенія, внушаемаго его протестантской честности влериальными заговорами, громить «интригавовъ», покушающихся произвестъ монархическую и католическую реставрацію; она провозглашаетъ, что въ томъ видѣ, какъ она поставленъ нынѣ, «свѣтлость консервативной республики есть вопросъ самой Франціи, которую хотятъ живую связать съ трупомъ три раза умершаго прошлаго».

Эдуардъ Лабулэ, скандальное одобреніе которымъ плебисцита 1870 г. набрасывало тѣнь на его будущее, не только продолжалъ все время послѣ слиянія печатать республиканскія статьи въ «Journal des débats», но и формально обязался подать голосъ за республику.

Инженеръ восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, Краицъ, котораго отсутствіе или воздержаніе отъ подачи голоса 24-го мая было всѣми замѣчено, напечаталъ въ «Temps» громаднѣйшій манифестъ, въ которомъ онъ научно доказываетъ всю желѣдность переживаемой нами влериально-роялистской реакціи и высказывается за республику, провозглашеніе которой будетъ «концомъ древняго міра, концемъ средняго вѣкова, окончательною ликвидациею режима вастъ».

Готье-де-Рюмилъ дѣлаетъ воззваніе къ заблудившейся группѣ

консервативныхъ республиканцевъ, которые, подъ вліаніемъ ложнаго страха, подали голосъ 24-го мая вмѣстѣ съ правою стороною; онъ надѣется, что, «не желая взять на себя отвѣтственность за новую революцію», они вернутся къ лѣвой сторонѣ, соединившись съ такими же, какъ они, консервативными республиканцами противъ «монархическихъ агитаторовъ различныхъ отгвнговъ, которые не прочь, чтобы національное знамя было треквѣтнымъ, лишь-бы оно не выражало собою принципы, интересы и чувства націи».

20-го октября, Леонъ Сэ съ полнымъ основаніемъ имѣлъ право возгвѣстить въ газетахъ, что не будетъ никакихъ отпаденій въ группѣ лѣваго центра, въ которой онъ предсѣдательствуетъ.

Въ этотъ день уже можно было сказать, что если новое письмо Тарже и свидѣтельствуетъ, что его извѣна 24-го мая, награжденная мѣстомъ посланника въ Голландію, и приковываетъ его къ монархической коалиціи, то все таки между депутатами, содѣйствовавшими низверженію Тьера, можно будетъ возвратитъ республикѣ десятокъ голосовъ, не считая бонапартистовъ.

Почти всѣ представители фракцій лѣвой стороны дали объясненія насчетъ своего будущаго поведенія. Нѣкоторые, быть можетъ, прельстились обѣщаніемъ, напечатаннымъ сначала въ «Echo du Nord», а затѣмъ и въ «Opinion Nationale» и въ «Siècle», что на будущихъ общихъ выборахъ республиканскіе избиратели будутъ поддерживать всякаго депутата, который при рѣшительномъ голосованіи выскажется за республику, каково-бы ни было его политическое прошлое.

Въ Парижѣ, двѣ фракціи муниципальнаго совѣта изъ двадцати семи членовъ каждая, потребовали отъ депутатовъ Сены, чтобы они высказали свои взгляды на монархію и республику.

— Не смотря ни на какія конституціонныя уступки, — говорится въ манифестѣ умѣренныхъ: — Франція никогда не повѣритъ обѣщаніямъ внука Карла X. Еще разъ послушайте голоса разума, послушайте голоса встревоженной страны, не желающей больше революцій.

Въ манифестѣ радикаловъ говорилось:

— Мы спрашиваемъ, неужели группа людей партій, злоупотребляя полномочіями, срокъ которыхъ уже давно истекъ, будетъ имѣть право располагать по своему усмотрѣнію судьбами Франціи? неужели принципъ національнаго самодержавія будетъ безнаказанно попранъ? неужели свобода совѣсти будетъ отдана на поруганіе клерикализму? неужели знамени революціи суждено покрыть собою возвращеніе стараго порядка? Все это вопросы жизни или смерти.

Радикальными членами совѣта восемнадцать представителей республиканской уніи отвѣчали, что они «энергически будутъ сопротивляться всякой попыткѣ реставраціи, всякому посягатель-

ству на всеобщую подачу голосовъ», и что они надѣются, «что единодушiе и твердость республиканцевъ заставитъ роялистовъ уважить порядокъ и права націи».

На адресъ умѣренныхъ членовъ муниципальнаго совѣта и на отдѣльныя петиціи значительныхъ коммерсантовъ отвѣчали парижскіе депутаты менѣе рѣзкихъ отвѣтчиковъ. Только два изъ нихъ, помѣшанный Жанъ Брюне и адмиралъ Сессэ, посѣщающій собранія правой стороны, воздержались отъ отвѣта.

Директоръ французскаго банка, маркизъ де-Плекъ, объявилъ, что онъ сии закѣмы не признаетъ права требовать отъ него объясненій насчетъ того или другого будущаго вота его въ собраніи, такъ какъ онъ не принималъ никакихъ обязательныхъ полномочій (*mandats impératifs*) и не считаетъ нужнымъ отчуждать свою независимость».

Кромѣ этихъ трехъ личностей, всѣ прочіе депутаты Сены обязались подать голосъ противъ монархіи Генриха V.

Членамъ генеральнаго совѣта Жиронды и членамъ муниципального совѣта Бордо, Жонстонъ, какъ де-Плекъ парижанамъ, отвѣчалъ:

— Я буду вотировать, какъ дѣлалъ это прежде, согласуясь только съ своими убѣжденіями и внушеніями своей совѣсти. «*Journal officiel*» отвѣтитъ вамъ въ свое время на то, о чемъ вы спрашиваете меня теперь.

Нѣсколько несомнѣнныхъ монархистовъ послѣдовали тамъ и самъ этому примѣру презрѣнія къ національному самодержавію, но по большей части депутаты правой стороны и праваго центра дѣлаютъ видъ, что не слышатъ настоятельныхъ запросовъ, обращенныхъ къ нимъ подъ различными формами въ большей части департаментовъ.

Впрочемъ, горячо мотивированные отвѣты республиканцевъ достаточны для поддержанія во всей странѣ агитаціи, представляющей все болѣе и болѣе рѣзкій контрастъ съ неподвижностью и молчаніемъ, господствовавшими въ теченіи двухъ предшествовавшихъ мѣсяцевъ. Не производя нигдѣ безпорядковъ, явно враждебное къ монархіи настроеніе распространяется все болѣе и болѣе въ деревняхъ. Въ этихъ деревняхъ, нѣкогда отличавшихся совершеннѣйшимъ благочестіемъ, священники, проповѣдывающіе о папѣ и королѣ, освистываются и даже выгоняются изъ церкви.

Выборы 12 октября доставили всеобщей подачѣ голосовъ случай выразить чувства страны чрезъ посредство четырехъ департаментовъ: Верхней Гароны, Нивера, Пюи-де-Дома и Луары. Чтобы помѣшать въ первомъ изъ нихъ избранію Ремюза, власти запретили распространеніе афишъ и бюллетеней подѣтѣмъ предлогомъ, что кандидатъ не принялъ кандидатуры. Но этимъ только заставили Ремюза, не желавшаго снова вступить въ парламентъ, дать свое имя для «полезной манифестаціи общественнаго мнѣнія» въ пользу республики. Въ мѣстности, кото-

рую представляет именѣ Велькастель, одинъ изъ -корифеевъ легитимизма, оказавшася невозможнымъ отыскать кандидата, который рѣшился-бы принять себя роялистомъ; пришлось подавать анти-республиканскіе голоса за какого-то племянника маршала Ніеля, объявившаго себя вообще консерваторемъ, приверженцемъ правительства маршала Макъ-Магона и политики 24-го мая. Но Ніель проваливается, получивъ за себя всего 31,000 голосовъ, тогда какъ де-Ремюза получаетъ ихъ 70,000.

Въ департаментѣ Луары, гдѣ всѣ демократическіе органы были заранѣе закрещены, инженеръ Реймонъ одерживаетъ верхъ надъ своимъ соперникомъ Форъ-Белономъ большинствомъ почти 60,000 голосовъ противъ 25,000, не смотря на то, что послѣдній также не рѣшился открыто назвать себя монархистомъ.

Въ Пюи-де-Домъ, гдѣ роялисты, не будучи въ состояніи выставить своего кандидата, рекомендовали воздержаніе отъ подачи голоса, «свѣтъ выраженіе презрѣнія», республиканецъ Жиро-Пузолъ получилъ за себя больше голосовъ, чѣмъ каждый изъ прежнихъ депутатовъ этого департамента, именно 80,000.

Наконецъ, въ Ніеврѣ докторъ Тюрнани, получившій весною только нѣсколькими сотнями голосовъ болѣе Жиллуа, побѣдилъ его большинствомъ въ 10,000 голосовъ: 40,000 противъ 28,500.

Такимъ образомъ трое изъ вновь избранныхъ депутатовъ умѣренные республиканцы, а одинъ конституціонный монархистъ, обращенный къ республикѣ, такъ что новые выборы никакою крайностью не компрометируютъ вердикта, высказаннаго судомъ націи противъ правительства борьбы.

Этотъ вердиктъ былъ бы подтвержденъ и двѣнадцатью другими департаментами, разбѣянными на всея протяженіи Франціи, если-бы министерство Брозьи имѣло мужество, —или просто честность, —совать въ одно время всѣ избирательныя коллегии, не имѣющія представителей въ палатѣ, для замѣщенія вакансій ранѣе возобновленія сессіи. Но избиратели Луары, Пюи-де-Дома, Ніевра и Верхней Гаронны были созваны только въ виду истеченія опредѣленнаго закономъ шестимѣсячнаго срока. Оглядывая и въ другихъ департаментахъ, выборы до истеченія легальнаго срока, кабинетъ выигрывалъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ убавлялъ силу пораженія, наносимаго его реакціонерной политикѣ народомъ, а во-вторыхъ, онъ не доставлялъ лѣвой сторонѣ нѣсколькихъ новыхъ голосовъ для нанесенія удара реставраціи Генриха V, для усгѣха которой, какъ доказываютъ, не краснѣя, фюзіонисты, — достаточно одного голоса большинства.

Этотъ маневръ былъ разоблаченъ передъ президентомъ республики группою избирателей Жироанды, требующихъ исполненія пункта 5 статьи IX закона 24 апрѣля 1871 года, гласящаго: «Прежде чѣмъ будетъ приступлено къ избранію меровъ, должн

быть замѣщены всѣ вакансіи, имѣющіяся въ муниципальномъ совѣтѣ».

— То, что требуетъ законъ для выбора главы муниципалитета, мера общины, состоящей иногда всего изъ шести сотъ человекъ, говорили они въ своей петиціи герцогу Маджентскому:—того же еще съ большою силою требуютъ разумъ, логику и справедливость, когда дѣло идетъ о рѣшеніи судьбы цѣлой страны. Рѣшеніе же о созваніи избирателей *зависитъ отъ васъ, и только отъ васъ*, г. президентъ. Вы не захотите, чтобы исторія могла сказать, что вслѣдствіе злостно продолженной вакансіи тринадцати депутатскихъ мѣстъ въ національномъ собраніи, меньшинство получило возможность навязать Франціи режимъ, отвергаемый истиннымъ большинствомъ страны и самой палаты. Вы не захотите этого, такъ какъ отъ вашей воли зависитъ этому помѣшать; гарантіями такого вашего рѣшенія являются въ нашихъ глазахъ *ваша добросовѣстность и то чувство долга, которому вы никогда не измѣняли*.

Эта мысль была понята и вождями республиканской партіи, и Тьеръ, возвратившійся въ Парижъ, воспользовался ею, какъ однимъ изъ подготовительныхъ шаговъ демократической борьбы противъ нападенія роялистскихъ заговорщиковъ.

Магъ-Магонъ ничего не отвѣчалъ борющимся избирателямъ.

Когда же одинъ изъ депутатовъ Сены, Тираръ, написалъ ему письмо для того, чтобы напомнимъ ему его слова: «Ничто не будетъ измѣнено въ существующихъ учрежденіяхъ», то министерство объявило чрезъ секретаря президентства д'Аркура, что «маршалъ-президентъ рѣшился отвѣчать только посредствомъ простыхъ извѣщеній о полученіи на получаемыя имъ ежедневно многочисленныя письма, выражающія, къ несчастью, мнѣнія самыя разнообразныя и противоположныя. Онъ полагаетъ, что въ томъ положеніи, въ которое поставило его національное собраніе, онъ не долженъ поддерживать переписки, которая вызвала бы опасныя пренія и во всѣхъ отношеніяхъ достойную сожалѣнія полемику».

Но кого нельзя заставить писать, того можно заставить говорить. Версальскій меръ Рамо и депутаты Сены и Уазы: Шереръ, Журно и Лабелонжъ потребовали аудіенціи у президента республики. Когда онъ пріянялъ ихъ, они сказали, что такъ какъ судьба страны зависитъ отъ большинства одного голоса, то необходимо замѣстить всѣ вакантныя мѣста въ палатѣ, и потребовали самое позднее на 9 ноября замѣщенія ихъ умершаго товарища Жувансела. Маршалъ отвѣчалъ имъ въ короткихъ словахъ, что онъ понимаетъ всю важность вопроса, но что, такъ какъ это вопросъ политической, то онъ долженъ быть разрѣшенъ совѣтомъ министровъ.

Неизвѣстно, совѣщался-ли объ этомъ совѣтъ министровъ или нѣтъ, но такъ какъ сроки, необходимыя для того, чтобы дополнительные выборы могли быть произведены во время, про-

ходили безъ созванія избирателей, то президентъ лѣваго центра, Леонъ Сэ, президентъ парижскаго муниципальнаго совѣта, Вотренъ и проч. явились къ Макъ-Магону и довольно энергично объяснили ему, что рѣшеніе, принятое большинствомъ, меньшимъ, чѣмъ число вакантныхъ мѣстъ, не будетъ имѣть никакого авторитета въ странѣ, прибавивъ, что, если «дѣйствительно совершится подобнаго рода подлогъ, то онъ, президентъ республики, какъ не воспрепятствовавшій ему, приметъ на себя отвѣтственность за него».

Придерживаясь своей роли конституціоннаго президента, царствующаго, но не управляющаго, герцогъ Маджеитскій согласился, что дѣйствительно такое положеніе дѣла было бы «прискорбно», и обѣщался посоветоваться объ этомъ съ министрами, которые одни могутъ рѣшить этотъ деликатный вопросъ.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ добродушно:—новые выборы не могутъ быть произведены раньше 16 ноября, а партіи, кажется, такъ горячатся, что врядъ-ли станутъ ждать новыхъ избранныхъ!

Изъ числа тринадцати дополнительныхъ выборовъ, только въ департаментѣ Обы должны они были быть произведены раньше 10 будущаго ноября. Декретомъ отъ 21 октября, напечатаннымъ въ «Journal Officiel» 22 числа, они были назначены на 16 ноября. Но чтобы загладить это полу-нарушеніе закона, правительство созвало на то-же число и избирателей Нижней Сены, которыхъ оно могло бы заставить ждать истеченія легальнаго срока еще до 30 ноября. Впрочемъ, оба эти депутата могли бы принять участіе въ засѣданіяхъ только уже послѣ предполагавшагося рѣшенія монархическаго вопроса.

CXLIV.

ОТКРЫТІЕ ПРОЦЕССА БАЗЕНА. ДОКЛАДЪ РИВИЕРА.

Между тѣмъ, какъ бы для того, чтобы отвратить общественное вниманіе отъ роулистскаго заговора, среди веселыхъ сальвъ Трианона, въ маленькомъ дворцѣ любовныхъ похожденій Маріи Антуанеты начался великій процессъ маршала Базена.

Первое засѣданіе военнаго суда, на разсмотрѣніе котораго передано дѣло о виновникѣ капитуляціи рейнской арміи и сдачи Метца, состоялось 6 октября. Герцогъ Омальскій занялъ предсѣдательское кресло, и по обѣимъ сторонамъ его размѣстились у полукруглаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, его товарищи: де-ла-Моттъ-Ружъ, Тринье, Мартино-Дешене, Гійо и де-Мальруа — по правую руку, а генералы Шабо Латуръ, Пренсто, Рессэръ и Лалеманъ—по лѣвую. Генераль де-Мартенпре, какъ больной, былъ замѣненъ генераломъ Рессэромъ. Всѣ эти гене-

рала были одѣты въ полную парадную форму, а трое изъ нихъ украшены лентами почетнаго легіона.

Подсудимый, также въ лентѣ почетнаго легіона, но въ боевой формѣ съ эполетою, прострѣленной при Борни, сѣлъ у маленькаго стола, по лѣвую сторону отъ судей. Неподалеку отъ него помѣстились его защитники: Лапо, отецъ и сынъ, и его преданный адъютантъ полковникъ Вилеттъ. На право отъ суда усѣлись генералы Пурсэ и Буассонне, комиссары правительства, которымъ поручено поддерживать обвиненіе. Передъ ними, нѣсколько дежурныхъ оберъ-офицеровъ, исполняющихъ обязанности судебныхъ приставовъ.

По прочтеніи акта о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе перваго военнаго суда и о назначеніи судей, была засвидѣтельствована тождественность подсудимаго. Онъ объявилъ довольно слабымъ голосомъ, опираясь обѣими руками на столъ, что имя его Франсуа-Ахилль Базэнъ, что ему 62 года, что онъ родился въ Версали, состоялъ въ званіи маршала Франціи, и послѣднимъ мѣстопробываніемъ его былъ Парижъ.

Послѣ этого началась безконечная перечислка нѣсколькихъ сотъ свидѣтелей обвиненія и защиты. Затѣмъ, былъ прочтенъ великолѣпный послужной списокъ Базэна, сначала простаго солдата, записавшагося въ 1831 году волонтеромъ въ 38 линейный полкъ, а за тѣмъ чинъ за чиномъ, послѣ тридцати-пяти лѣтъ службы и шести ранъ, достигшаго высшей ступени военной іерархіи и ордена почетнаго легіона.

По прочтеніи мнѣнія слѣдственной комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ маршала Барагэ д'Илье, строгое порицаніе высказанное которою вызвало, по требованію депутатовъ восточныхъ департаментовъ, преданіе Базэна суду, началось чтеніе доклада, представленнаго генераломъ де-Ривіеромъ. Чтеніе это продолжалось не менѣе недѣли.

Это не просто обвинительный актъ, а длинный историческій документъ, дѣлающій, даже въ литературномъ отношеніи, величайшую честь своему автору. Читатели, даже изъ простонародья, не смотря на его чрезвычайную длину, поглощали его съ жадностью, какъ самый интересный изъ романовъ фельетоновъ. Повсюду онъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

Первая часть его, касающаяся активныхъ операцій рейнской арміи до осады Метца, съ 5 августа по 1 сентября 1870 г., можетъ быть резюмирована слѣдующимъ образомъ.

Пораженіе при Фарбахѣ произошло вслѣдствіе того, что маршалъ Базэнъ, командовавшій тогда 2, 3 и 4 корпусами, не далъ надлежащаго направленія корпусу генерала Фроссара и корпусу, командуемому имъ самимъ. Подсудимому приписываются слѣдующія слова о Фроссарѣ, предоставленномъ собственнымъ силамъ.

— Три года Фроссаръ изучалъ позицію при Фарбахѣ, и находилъ ее прекрасною. Ну, такъ пусть теперь попробуетъ!

Отступивъ за Метцъ, армія, по плану императора, должна была двигаться на Шалонъ. 12 августа Базенъ получаетъ отъ императора, официально отказавшагося отъ всякаго командованія, главное начальство надъ всею рейнскою арміею, включая сюда и корпусъ, которые должны были присоединиться въ Шалонъ подъ начальствомъ маршала Макъ-Магона. Базенъ, вмѣстѣ того, чтобы ускорить отступление, по бездѣйствію или небрежности, замедлитъ движеніе на столько, что далъ неприятелю время перегнать его и занять возвышенности, господствующія надъ путемъ во внутренность страны. (14 августа, сраженіе при Борни). Послѣ сраженія при Резонвиллѣ, 16 числа, когда пути на Этенъ и Бриѣ были еще свободны, маршалъ приостанавливаетъ движеніе и возвращается назадъ подъ предлогомъ необходимости застаться провіантомъ. 17-го вечеромъ, онъ посылаетъ къ императору, увѣкашему въ Шалонъ, своего адъютанта Маньяна для того, чтобы извѣстить его, что онъ не старается пройти во внутренность страны. На другой день, 18-го, онъ даетъ бесполезную, провную битву при Сенъ Прива (Гравелоттѣ), допускаетъ пораженіе Канробера, что заставляетъ отступить его за возвышенности, откуда арміи можно уже пробиться только посредствомъ невѣроятныхъ усилій.

Выѣхавшій изъ Шалона вечеромъ, 18-го числа, Маньянъ безъ труда могъ доставить Базену извѣстіе объ организаціи новой арміи для спасенія рейнской. Но оказалось, что этотъ офицеръ не могъ проѣхать тамъ, гдѣ,—какъ говоритъ колкій докладчикъ,—можно было-бы во всякое время провести цѣлый обозъ. Затѣмъ, имѣя полную свободу дѣйствій, маршалъ остается неподвижнымъ подъ прикрытіемъ выдающихся фортовъ Метца.

23-го августа, полученная имъ депеша о приближеніи вспомогательной арміи заставляетъ его двинуться. Но вмѣсто того, чтобы попытаться пройти на встрѣчу Макъ-Магону по направленію къ Монмеди, маршалъ двигается по совершенно противоположному направленію, концентрируетъ свои силы на правомъ берегу Мозеля, и, сдѣлавъ эту бесполезную демонстрацію, созываетъ корпусныхъ командировъ на совѣтъ. Не сказавъ имъ ни слова о движеніи Макъ-Магона, объявивъ, что зарядовъ хватитъ только на одно сраженіе, онъ вызываетъ съ ихъ стороны заявленіе о невозможности проникнуть во внутрь Франціи и о необходимости расположиться лагеремъ подъ Метцомъ.

Въ тотъ-же день онъ пишетъ военному министру, что ему невозможно пробиться съвозъ осаждающей армію, а своему подчиненному Макъ-Магону,—что онъ окруженъ, но слабо, что пробиться онъ можетъ, и ждетъ его. Получивъ чрезъ Тіонвилл депешу, предупреждавшую его, что Макъ-Магонъ продолжаетъ движеніе на Мёзу, и что генераль Дюкро проситъ его «быть готовымъ двинуться по первому пушечному выстрѣлу», онъ дѣлаетъ 31-го числа новую демонстрацію, которая, всад-

ствіе его-же распоряженій, непременно должна была кончиться неудачею.

— Таково было, пишет генераль Ривьеръ:—поведеніе маршала Базена въ періодъ активныхъ операцій. Распоряженія его вызывались мыслью поставить армию въ вліяніи государственнаго переворота, ставшаго неизбежнымъ. Тѣ-же политическія побужденія руководятъ имъ и во время осады. Предвидѣнная имъ революція разражается. Возникаетъ новое правительство. Противъ всякихъ ожиданій, Парижъ держится. Организуется національная оборона. Въ виду сопротивленія столицы, которая очевидно должна была продержаться долѣе, чѣмъ у него хватить запасовъ, маршалъ старается ускорить развязку, но не сраженіями, а переговорами съ непріателемъ. Какимъ-же образомъ увлекъ онъ на этотъ путь, который далеко не былъ путемъ долга, своихъ подчиненныхъ, честность которыхъ могла повѣрить этой недобросовѣстности только въ день катастрофы?

На этотъ-то вопросъ отвѣчаетъ вторая часть доклада, обнимающая періодъ осады до 7-го октября. Маршалъ остается въ полной неподвижности по двумъ причинамъ: вслѣдствіе нерѣшительности, въ которую привелъ его седанскій погромъ и парижская революція и вслѣдствіе тайныхъ переговоровъ, начатыхъ съ непріателемъ. Но какова-бы ни была форма правленія, развѣ долгъ военнаго не обязывалъ его поддерживать и заставлять сражаться свою армию? Развѣ онъ не долженъ былъ, зная недостаточность своихъ запасовъ, позаботиться объ увеличеніи ихъ посредствомъ экспедицій въ окрестности, гдѣ оставалась нетронутою вся послѣдняя жатва, попавшая потомъ въ руки непріателя? Или не долженъ-ли онъ былъ, по крайней мѣрѣ, беречь свои запасы посредствомъ методической выдачи раціоновъ, не допуская непонятной траты ихъ, какъ это было въ первое время, когда лошадей кормили овсомъ, рожью и хлѣбомъ? Не долженъ-ли онъ былъ, рѣшившись остаться въ Метцѣ, организовать цѣлую систему дѣятельнаго сопротивленія, дѣлая безпрепятстанныя вылазки, чтобы, какъ можно больше вредить непріателю, занять возможно большую часть его, и тѣмъ дать время организовать національную оборонѣ? Въмѣсто этого, возвѣстивъ своимъ войскамъ, безъ всякаго протеста, объ учрежденіи новаго правительства, онъ начинаетъ принимать предложенія непріателя, допускаетъ къ себѣ тайнственнаго *юстодима Ренье* и строитъ вмѣстѣ съ нимъ планы заключенія мира и реставраціи имперіи. Онъ даже сообщаетъ ему тайну, — до котораго приблизительно числа у него хватить съѣстныхъ припасовъ. Въмѣстѣ съ этимъ неизвѣстнымъ онъ отпускаетъ и генерала Бурбаки; или вѣрнѣе онъ предписываетъ начальнику императорской гвардіи отправиться въ Гастингсъ къ императрицѣ для осуществленія начатой политической комбинаціи. Но ни Бурбаки, ни Ренье не возвращаются. Это прекращеніе переговоровъ, на которые онъ рассчитывалъ, и недостатокъ съѣстныхъ при-

пасовъ не побуждаютъ его однако принять какое-нибудь геройское рѣшеніе. Не попытавшись даже вступить въ сношеніе съ правительствомъ народной обороны, онъ возобновляетъ переговоры съ непріателемъ и теряетъ послѣдніе дни, въ которые онъ могъ-бы еще дѣйствовать, на то, чтобы убѣдить своихъ подчиненныхъ въ необходимости капитуляціи.

Третья часть доклада говорить о военномъ совѣтѣ 10-го октября, на которомъ командиры корпусовъ и начальники отдѣльных частей, вслѣдствіе ложныхъ сообщеній маршала, рѣшили держаться какъ можно дольше, не предпринимая никакихъ военныхъ операцій, и вступить съ непріателемъ въ переговоры, чтобы добиться заключенія почетной военной конвенціи, или, если этого достигнуть будетъ невозможно, — пробиться чрезъ непріятельскія линіи съ оружіемъ въ рукахъ; объ отправленіи, съ согласія Бисмарка, генерала Бойе къ императрицѣ съ тѣмъ, чтобы склонить ее подписать предварительныя условія перемирія или мира, и выхлопотать, чтобы метцкая армія была выпущена изъ осады, готовою возстановить внутренній порядокъ и гарантировать непріателю исполненіе заключенныхъ обязательствъ; о военныхъ совѣтахъ, бывшихъ въ промежутокъ времени отъ 18-го до 24-го октября, о послѣднихъ порученіяхъ, возложенныхъ на Шангарнье и де-Сиссе, о подписаніи капитуляціи начальниками штабовъ Жаррасомъ и фонъ-Штиле, и наконецъ объ исполненіи ея до роковаго эпизода выдачи пятидесяти трехъ знаменъ, которыя должны были быть сожжены и которыя теперь составляютъ въ Пруссіи у гробницы Фридриха Великаго великолѣпнѣйшій военный трофей.

Объясненіе причины, вызвавшей переговоры, начатыя Базеномъ 16-го сентября съ непріятельскою главною квартирою, докладчикъ Ривьеръ находитъ въ статьѣ, напечатанной 11-го сентября въ «*Indépendant du Reims*», въ которомъ нѣмцы въ власти объявляли, что они заключаютъ миръ только съ императоромъ, императрицею или маршаломъ Базеномъ. Послѣдній хотѣлъ сохранить армію нетронутою, чтобы посредствомъ нея сдѣлаться распорядителемъ судебъ Франціи. Для удовлетворенія своему честолюбію, онъ нарушилъ всѣ военные уставы, не исполнилъ своихъ обязанностей по отношенію къ городу Метцу, къ арміи и къ отечеству.

— Предпринятая безъ надлежащихъ приготовленій, говорить генералъ Ривьеръ:—безъ серьезныхъ союзовъ, безъ опредѣленнаго плана кампаніи, война 1870 г. была длиннымъ рядомъ несчастій и катастрофъ. Въ ряду этихъ катастрофъ, катастрофа метцкая остается самою ужасною, потому что послѣ нея уже все было потеряно для національныхъ армій... Поэтому, сраженія метцкой арміи и ея плачевный конецъ составляютъ узелъ войны 1870 года. Судьбы этой арміи были вручены маршалу Базену. Онъ не оправдалъ довѣрія, дѣлавшаго изъ него верши-

теля судьбъ его отечества. Несчастіе священо, когда оно со-
провождается честностью. Но когда презрѣнныя соображенія
личнаго честолюбія диктуютъ распоряженія, увеличивающія и
ускоряющія народныя несчастія, правосудіе обязано исполнить
свой долгъ.

Факты, выясненные слѣдствіемъ, сводятъ обвиненіе маршала
въ слѣдующимъ пунктамъ:

Маршалъ Базенъ обманулъ доверіе императора, предписав-
шаго немедленно начать отступление, — замедливъ это отступ-
леніе до полудня 14-го августа; не приказавъ сломать мосты,
которыми могъ воспользоваться непріятель; воспользовавшись
для выступления изъ Метца только одною дорогою, тогда какъ
ихъ было четыре; не продолжая движенія 17-го августа; допу-
стивъ полное пораженіе своего подчиненнаго (Канробера) въ
сраженіи 18-го августа.

Маршалъ Базенъ обманывалъ императора и военнаго министра
относительно своего положенія и плановъ до конца августа
мѣсяца тѣмъ, что извѣстилъ ихъ, что у него нѣтъ ни заря-
дovъ, ни припасовъ; тѣмъ, что выражалъ еще 19-го числа, на-
мѣреніе двинуться на Монмеди, что вызвало движеніе Макъ-
Магона въ Мёзъ; тѣмъ, что сообщилъ 26-го числа министру,
что ему невозможно прорвать непріятельскія линіи, между тѣмъ
какъ въ то-же время писалъ Макъ-Магону, о движеніи котораго
уже былъ извѣщенъ, что прорвать эти линіи онъ можетъ,
когда ему заблагоразсудится; тѣмъ, наконецъ, что ничего не
сдѣлавъ для спасенія Макъ-Магона, движеніе котораго было
имъ-же самимъ вызвано, подвергнувъ его всѣмъ трудностямъ
борьбы, и былъ виновникомъ Седанской катастрофы.

*Маршалъ Базенъ употребилъ во зло доверіе своихъ подчинен-
ныхъ во время конференціи, бывшей 26-го августа въ Гримонъ*,
не извѣстивъ ихъ о движеніи Макъ-Магона, не сообщивъ имъ
депешъ, посланныхъ имъ послѣднему, военному министру и
императору, и ложно увѣривъ ихъ, что зарядовъ хватить только
на одно сраженіе.

Маршалъ Базенъ нарушилъ военныя уставы, не предписавъ
12-го же августа мѣръ, необходимыхъ въ виду неизбѣжной
осады Метца, пользуясь, послѣ размѣщенія войскъ въ лагерѣ,
припасами, предоставляемыми городомъ; и пренебрегая собра-
ніемъ припасовъ въ окрестностяхъ; допустилъ растрату при-
пасовъ, не сокративъ раціоновъ арміи, не предписавъ выдачи
раціонами провизіи населенію, допустивъ кормленіе рожью ло-
шадей.

*Маршалъ Базенъ распространялъ извѣстія, сообщенныя не-
пріятелемъ, собиралъ отъ него свѣдѣнія, и вообще поддержи-
валъ съ нимъ преступныя сношенія*. Онъ обратилъ серьезное
вниманіе на предложенія, привезенныя изъ Ферриера Ренье;
поручилъ послѣднему объявить, что онъ готовъ капитулиро-
вать, если его арміи окажутъ военныя почести, и опредѣлилъ

ему день, когда выйдутъ всѣ военные припасы и сдача сдѣляется неизбежною. Онъ возобновилъ предложенія о капитуляціи генералу фонъ-Штиле, начальнику непріятельскаго главнаго штаба.

Маршалъ Базенъ систематически изолировывалъ себя отъ правительства народной обороны, не сносясь съ нимъ ни чрезъ эмиссаровъ, ни чрезъ воздушные шары, и не сообщалъ никакихъ точныхъ свѣдѣній въ единственныхныхъ двухъ депешахъ, посланныхъ имъ новому военному министру въ промежутокъ времени отъ 1-го сентября по 30-е октября.

¶ Маршалъ Базенъ оставался въ бездѣйствіи, когда армія его еще могла сражаться, и не дѣлалъ ни одного усилія, чтобы избѣжать необходимости капитуляціи.

Маршалъ Базенъ обманулъ доверіе своихъ подчиненныхъ на совѣтъ 10-ю октября, скрывъ отъ нихъ свои секретныя переговоры съ непріятельскими военными начальниками, посѣщеніе Ренне и отъѣздъ Бурбаки; ничего не сказавъ имъ о запасахъ провіанта, сдѣланныхъ въ Лонгви и Тіонвилѣ; умолчавъ предъ ними о томъ, что предлагаемые имъ переговоры уже разъ имъ были начаты, но безуспѣшно.

Маршалъ Базенъ вступилъ въ политическія переговоры съ непріятелемъ отправленіемъ въ Версаль генерала Бойе, инструкціи котораго превышали постановленія военнаго совѣта; эти переговоры могли повлечь за собою раздробленіе территоріи.

Маршалъ Базенъ обманулъ своихъ подчиненныхъ на совѣтъ 18-ю октября, не сдѣлавъ имъ сообщеній, которые дали-бы имъ понятіе объ истинномъ состояніи страны, убѣдивъ ихъ въ существованіи полной анархіи, представленіе о которой должно было склонить ихъ къ принятому имъ заранѣе рѣшенію, о необходимости вмѣшательства императрицы.

Маршалъ Базенъ деморализировалъ войско и ослабилъ бодрость жителей Метца, распространяя завѣдомо ложныя извѣстія, привезенныя генераломъ Бойе, и употребляя свое право цензуры надъ Метцскими газетами на то, чтобы обезкуражить патриотическое сопротивленіе.

Маршалъ Базенъ имѣлъ въ теченіи мѣсяцевъ сентября и октября съ главнокомандующимъ непріятельской арміи сношенія чрезъ парламентаровъ, предметъ которыхъ сохранялся въ тайнѣ, и частую переписку, отъ которой не осталось слѣда (Слѣдствіе доказало исчезновеніе тринадцати депешъ).

Маршалъ Базенъ, рѣшившись капитулировать, отправилъ своего уполномоченнаго, не дождавшись истеченія трехъ или четырехъ дней, на которые еще хватило бы припасовъ, найденныхъ интендантствомъ; онъ не уничтожилъ громаднаго военнаго матеріала, которымъ непріятель воспользовался для продолженія борьбы.

Маршалъ Базенъ, капитулируя, выдалъ непріятелю знамена своей арміи, употребивъ хитрость для того, чтобы помѣшать ихъ уничтоженію. Онъ не принималъ военныхъ почестей, которыя

соглашался оказать непріятель одному изъ отрядовъ его арміи. Онъ сдѣлалъ при сдачѣ участь офицеровъ отъ участи солдатъ и принялъ разрѣшеніе, данное офицерамъ, вернуться во Францію съ обѣщаніемъ ничего не предпринимать противъ Германіи во все продолженіе войны. Онъ пренебрегъ *продовольствіемъ своихъ войскъ*, не заключивъ договора о выдачѣ имъ провіанта тотчасъ послѣ сдачи непріятелю, не роздавъ имъ провіанта, находившагося еще въ магазинахъ 29 октября, и выданнаго непріятелю. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы остаться среди своихъ войскъ, чтобы заступаться за нихъ въ случаѣ нужды, онъ *первымъ вытѣсалъ изъ Метца*.

Всѣ эти обвинительные пункты соединяются въ одно капитальное обвиненіе въ томъ, что онъ подписалъ капитуляцію, имѣвшую результатомъ, что рейнская армія сложила оружіе *въ открытой полѣ*, и сдалъ вѣрность Метцъ, *«не сдѣлавъ ранѣ начатія переговоровъ всего, что предписывали ему долгъ и честь»*.

Тотчасъ послѣ доклада Ривіера, президентъ велѣлъ прочесть «Записку объ операціяхъ рейнской арміи и о капитуляціи Метца», представленную маршаломъ Базеномъ слѣдственной комиссіи. Эта записка, какъ извѣстно, не произвела никакого впечатлѣнія на маршала Барагэ д'Илле и его товарищей, которые первые объявили, что авторъ ея измѣнилъ долгу и чести. Въ заключеніи этого авто-апологетическаго мемуара, — очень рѣзкаго, когда дѣло касается обвинителей маршала, — говорится, что принципами, управлявшими поведеніемъ главнокомандующаго метцскою арміею, были «патріотизмъ, честность, самоотверженіе», но что обстоятельства были сильнѣе «его твердой рѣшимости доставить торжество вѣрной ему арміи.»

CXLV.

Допросъ маршала.

Допросъ подсудимаго продолжался не менѣе чтенія доклада, замѣнявшаго обвинительный актъ: цѣлую недѣлю отъ 13-го по 17-е октября. Онъ привлекъ въ большой Трианонъ громадную толпу любопытныхъ, которая не покидала надежду увидѣть и услышать маршала, сидѣвшаго за своимъ маленькимъ столомъ лицомъ къ судьямъ и, слѣдовательно, спиною къ публикѣ, и говорившаго съ президентомъ очень слабымъ голосомъ. Допросъ превосходно велся герцогомъ Омальскимъ. Сначала онъ представлялъ собою просто вѣжливый разговоръ двухъ военныхъ, толкующихъ о прошломъ въ парламентской комиссіи или въ министерскомъ бюро. Но къ концу онъ поднялся очень высоко.

Относительно перваго пункта, — *вступленія въ командованіе*

рейнской арміею, — подсудимый отвергаетъ всякую отвѣтственность, кромѣ дисциплинарной, за дѣйствія трехъ корпусовъ, которыми онъ командовалъ до 12-го августа 1870 г. Призванный въ этотъ день императоромъ, который до тѣхъ поръ распоряжался всѣмъ самъ, къ главному начальству надъ рейнскою арміею, онъ нисколько не добивался этого назначенія и даже былъ удивленъ имъ, такъ какъ его новые подчиненные Канроберъ и Магъ-Магонъ были старше его въ чинѣ, о чемъ онъ тогда же и писалъ императору. Передача ему главному начальства не была совершена по обыкновеннымъ правиламъ, съ сообщеніемъ точныхъ свѣдѣній на счетъ численности арміи, состава корпусовъ, расположенія ихъ и состоянія провіанта и военнаго матеріала. Кромѣ того, онъ лично принялъ только войска, находящіяся передъ непріателемъ, прочія же подробности сдачи командованія падали на императорскій главный штабъ, во главѣ котораго стоялъ маршалъ Лебефъ, и который долженъ былъ сдать дѣла и хозяйственную часть его главному штабу, начальникомъ котораго, безъ его согласія, былъ назначенъ генералъ Жаррасъ, адъютантъ маршала Лебефа.

По второму пункту, — *военныя дѣйствія съ 13-го по 19-е августа*, — подсудимый принимаетъ на себя отвѣтственность за приказанія, данныя имъ 13-го числа и за предписанное имъ отступленіе черезъ Мозель во внутрь страны по направленію въ Шалону или Вердену. Если его приказанія дурно исполнялись, если, наприимѣръ, армія двинулась по одной только дорогѣ и не воспользовалась всѣми мостами, бывшими въ ея распоряженіи, то виноваты въ этомъ его подчиненные, онъ же оправдывается тѣмъ, что руководилъ въ это время сраженіемъ при Борни и въ самомъ разгарѣ битвы былъ раненъ гранатою. По поводу большаго сраженія при Сень-Прива, важности котораго онъ тогда не признавалъ, онъ утверждаетъ, что былъ убѣжденъ, что для непріятеля было гораздо выгоднѣе отдѣлить его отъ Метца, чѣмъ отбросить его въ него. Онъ доказываетъ, что былъ совершенно не при чемъ въ пораженіи Канробера, такъ какъ его не предупредили о грозившей послѣднему опасности, и, кромѣ того, онъ рассчитывалъ, что въ случаѣ необходимости Канроберъ будетъ поддержанъ императорскою гвардіею, оставленною въ резервѣ подъ начальствомъ Бурбаки.

Когда президентъ сталъ настаивать на томъ, что и послѣ сраженія 18 числа армія могла открыть себѣ дорогу на Верденъ, и что даже послѣ Гравелотта могла пробиться по ней, Базэнъ далъ первое полупризнаніе въ недостаточности усилій, дѣланныхъ имъ для того, чтобы выйти изъ Метца.

— Я имѣлъ, — сказалъ онъ: — формальнѣе приказаніе императора ничего не компрометировать и не завязывать дѣла между Мёзою и Мозелемъ, если я не былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ, и въ послѣднемъ случаѣ размѣстить войска въ лагерѣ подъ Метцомъ.

— Такъ что вы собственно и не хотѣли открыть себѣ дорогу на Верденъ или на Бріз?

— Я не имѣлъ на это особаго приказанія... Это не было необходимо.

— Но въ такомъ случаѣ сраженія, данныя вами подъ Метцемъ, имѣли скорѣе цѣлью удержать нѣмецкую армію подъ Метцемъ, чѣмъ проложить вамъ дорогу?

— Совершенно справедливо. Я думалъ, и императоръ думалъ также, что, если дать время сформироваться Шалонской арміи, то она можетъ достигнуть такого численнаго состоянія, которое позволить ей прайти къ намъ на помощь.

Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же сраженія при Резонвиллѣ и Сень-Прива? Гораздо проще было бы тотчасъ-же запереться въ крѣпостномъ лагерѣ подъ прикрытіемъ фортовъ!

Допрошенный по третьему пункту, — *сношенія съ императоромъ, правительствомъ и маршаломъ Макъ-Магономъ*, — маршалъ, конечно, не раскрылъ тайны отправления своего адъютанта, капитана Маньяна, получившаго особня порученія къ императору и не возвратившагося болѣе въ Метцъ. Противорѣчія въ посланныхъ одновременно депешахъ къ императору, военному министру и маршалу Макъ-Магону, объясняются имъ въ томъ смыслѣ, что императоръ долженъ былъ имѣть точныя свѣдѣнія, военный министръ долженъ былъ получить ихъ отъ Его Величества, и что онъ, главнокомандующій, находясь въ осадѣ, не могъ давать точныхъ приказаній своимъ подчиненнымъ Макъ-Магону и де-Фалли. Мало того, если-бы онъ сообщилъ вѣрныя свѣдѣнія послѣднимъ, ему не зачѣмъ было сообщать ихъ императору и военному министру. Онъ отрицаетъ получение имъ раньше 30-го августа извѣстія о движеніи Шалонской арміи ему на встрѣчу по направлению къ Монмеди. Онъ не можетъ дать никакихъ объясненій относительно своихъ депешъ отъ 20-го числа, изъ которыхъ главная къ Макъ-Магону могла-бы остановить движеніе послѣдняго къ сѣверу и была, судя по докладу Ривіера, покищена полковникомъ Стоффелемъ.

Четвертый отдѣлъ допроса касался *военныхъ дѣйствій въ промежутокъ времени отъ 19-го августа по 1-го сентября*. Подсудимый продолжалъ утверждать, что, какъ онъ, такъ и императоръ были убѣждены, что его армія будетъ болѣе полезна стражѣ, оставаясь подъ Метцемъ; что, слѣдовательно, императоръ не могъ ждать появленія его на Мѣзъ; но что такъ какъ все было предоставлено его благоусмотрѣнію, онъ двинулся-бы къ Вердену или на сѣверъ, если бы могъ это сдѣлать безъ большихъ потерь. 25-го августа, когда онъ располагалъ, по мнѣнію президента, 150,000 солдатъ, а по его мнѣнію никакъ не болѣе ста тысячъ, онъ далъ приказанія, которыя доказывали его желаніе войти изъ Метца. Но на другой день приказаніе это было отмѣнено, и позиціи, занятыя наканунѣ, оставлены.

— Если-бы, сказалъ онъ: — погода была хороша, и если-бы я считалъ это безотлагательно необходимымъ, мы прорвались бы чрезъ неприятельскія линіи. Но я не считалъ тогда этого необходимымъ; мы ждали извѣстій изъ внутри страны, и я не хотѣлъ предпринимать движенія, которое могло бы повлечь за собою дурныя послѣдствія.

Конференція 21-го числа, бывшая въ Гримонѣ, гдѣ въ первый разъ главнокомандующій хотѣлъ прикрыть свою отвѣтственность мнѣніемъ начальниковъ корпусовъ и отдѣльныхъ частей, не имѣеть, по мнѣнію подсудимаго, значенія, приписываемаго ему обвиненіемъ. Это не была, по его выраженію, «серьезная конференція»; не было даже составлено официальнаго протокола ея; это былъ просто разговоръ между начальниками корпусовъ и главнокомандующимъ, обсуждавшими вопросъ, слѣдуетъ ли, несмотря на дождь, лившій, какъ изъ ведра, оставить войска въ занимаемыхъ ими позиціяхъ? Рѣшеніе не оставлять Метца не было принято на этой конференціи окончательно, такъ что 31-го августа и 1-го сентября, когда дошла чрезъ посредство полковника Тюрне депеша Дюро, то были еще дѣлаемы попытки выйти изъ Метца. Въ то же время, т. е. 30-го числа, была привезена эмиссаромъ изъ Вердена депеша маршала Макъ-Магона отъ 22-го августа. Базенъ предположилъ, что возвѣщенное въ этихъ депешахъ движеніе не удалось. Онъ объявлялъ, что 1-го сентября онъ не могъ ни выйти изъ Метца, ни расширить кругъ, образованный вокругъ него неприятельскими линіями; еслибы моя кавалерія попыталась произвести это, «она не могла бы сдѣлать ни одного шага, не вынесши залпа 70 орудій».

Что касается до *запасовъ провіанта и средствъ защиты Метца*, подсудимый увѣряетъ, что онъ дѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія, но что они не исполнялись, какъ слѣдуетъ. Бездѣйствіе его въ теченіи первой половины сентября оправдывается дурною погодою; въ теченіи второй половины мѣсяца, нѣкоторыя движенія, сдѣланныя по инициативѣ начальниковъ корпусовъ, дали возможность собрать кое-какіе запасы. Не было ли возможности предпринять какія-нибудь общія движенія въ виду собранія провіанта и расширенія круга дѣйствій? «Нѣтъ, — отвѣчаетъ Базенъ: — мы не могли удержаться въ доминѣ; всѣ усилія были бы бесполезны».

Во время шестой серіи вопросовъ, — *различныя военныя дѣйствія, бывшія въ сентябрь*, — характеръ вопроса совершенно измѣнился. Герцогъ Омальскій, отличавшійся до сихъ поръ вѣжливостью, которую многіе находили утрированной, сталъ суровъ до того, что серьезно испугалъ друзей маршала и самого подсудимаго, уничтоженнаго разоблаченіемъ его измѣны. Былъ ли герцогъ Омальскій искрененъ, или же онъ только игралъ роль, которая могла бы доставить ему въ арміи и публикѣ приверженцевъ, въ которыхъ онъ нуждается, чтобы

имѣть возможность замѣнить невозможнаго Генриха V — рѣшить трудно.

Какъ бы то ни было, но такъ же энергично, какъ докладчикъ Ривьеръ, президентъ герцога Омальскій самымъ сухимъ тономъ ставитъ подсудимому самыя затруднительныя вопросы. Подсудимый прежде всего пробуетъ отдѣлаться отъ послѣдствій сдѣланнаго имъ оффиціальнаго признанія революціи 4-го сентября банальной фразою:

— Я ждалъ приказаній новаго правительства, чтобы подать въ отставку.

Президентъ приводитъ слѣдующую заключительную фразу прокламаціи маршала Базена къ войскамъ:

— Наши военныя обязанности по отношенію къ отечеству, находящемуся въ опасности, остаются тѣ же. Будемъ же продолжать служить ему съ тою же преданностью, съ тою же энергіею, защищая его территорію *отъ дурныхъ страстей*.

— Чтѣ-жъ это значить?—воскликаетъ герцогъ Омальскій. — Достаточно было благородныхъ словъ первой фразы; зтогъ намѣкъ на *дурныя страсти* могъ уничтожить весь эффектъ ихъ? Не лучше ли было настаивать только на вашихъ обязанностяхъ по отношенію къ отечеству?

— Обязанность арміи *поддерживать порядокъ*, бормочетъ Базенъ.

— Порядку никто не угрожалъ, а 400,000 иноземцевъ находились на французской землѣ.

— Я вовсе объ этомъ не думалъ, — отвѣчаетъ подсудимый, все болѣе и болѣе поражаясь.—Возмущеніе 4-го сентября было уже угрозою соціальному порядку.

— Вы были обмануты, — продолжаетъ президентъ: — и чтобы выяснить себѣ положеніе дѣлъ, къ кому вы обратились? Вы писали къ принцу Фридриху Карлу!

— Да, совершенно добросовѣстно, какъ это и должно дѣлаться между главнокомандующими.

— Однакоже, это противорѣчить ст. 255-й и 256-й устава о службѣ въ вѣрностяхъ?

— Это нарушеніе было нужно; я не считалъ себя простымъ комендантомъ вѣрности, запертымъ въ четырехъ стѣнахъ.

Послѣ этого, прочитывается секретаремъ пресловутая статья, помѣщенная нѣмецкими властями въ «*Indépendant du Reims*», въ которой говорится:

— Нѣмецкое правительство могло бы вступить въ переговоры съ императоромъ Наполеономъ, правительство котораго остается до сихъ поръ единственнымъ признаннымъ правительствомъ, или съ учрежденнымъ имъ регентствомъ. *Оно могло бы также начать переговоры и съ маршаломъ Базеномъ, получившимъ командованіе отъ императора.*

— Вы не придали этой статьѣ никакого особеннаго значенія? спрашиваетъ президентъ.

— *Никакого.*

Послѣ этого, обсуждается эпизодъ Ренье. Маршалъ утверждаетъ, что онъ не сообщалъ этому странному посѣтителю, явившемуся съ паспортомъ, подписаннымъ Бисмаркомъ, никакихъ свѣдѣній, по которымъ непріятель могъ бы заключить, что метцкая армія продержится только до 18 октября. Онъ клянется, что объ этомъ не было даже и рѣчи между ними. На фотографической карточкѣ, привезенной изъ Гастингса, которая одна служила рекомендательнымъ письмомъ Ренье, онъ сдѣлалъ свою подпись рядомъ съ подписью императорскаго принца, не приписывая этой вѣжливости никакого значенія. Онъ позволилъ Ренье предложить Канроберу, который отказался, и Бурбаки, который согласился, выѣхать изъ Метца и отправиться въ Англию къ императрицѣ, чтобы сообщить ей свѣдѣнія о положеніи арміи и чтобы узнать, можетъ-ли она вступить въ переговоры о мирѣ или перемиріи. Предписаніе, которое потребовалъ Бурбаки, было подписано 25, а помѣчено 15 сентября. Здѣсь просто ошибка въ цифрахъ:

— Я былъ раненъ въ ручную кисть, сказалъ маршалъ:— и съ тѣхъ поръ у меня осталось дрожаніе, вслѣдствіе котораго у меня часто цифры выходятъ очень дурно.

— По крайней мѣрѣ, были-ли вы увѣрены въ томъ, что Бурбаки возвратится?

— Внутренно я былъ убѣжденъ, что генералъ Бурбаки вернется черезъ нѣсколько дней, и что между нѣмецкимъ правительствомъ и регентшею установится соглашеніе на счетъ перемирія.

Коснувшись только слегка восьмого отдѣла допроса, — *сношенія съ правительствомъ народной обороны*, — президентъ заставляетъ Базена признаться, что онъ даже не поручалъ Бурбаки доставить руководителямъ патріотическаго сопротивленія свѣдѣнія о его положеніи.

— Я не хотѣлъ тогда вступать въ сношенія съ правительствомъ республики, сказалъ подсудимый:— такъ какъ надѣялся начать переговоры съ непріятелемъ чрезъ посредство императрицы.

Онъ отрицаетъ получение имъ какихъ-либо извѣстій отъ правительства народной обороны, касающихся военныхъ дѣйствій въ Парижѣ и департаментахъ, вслѣдствіе которыхъ онъ, съ своей стороны, могъ бы рѣшиться на какое-нибудь рискованное движеніе, чтобы поддержать ихъ. Кроме того, повторяетъ онъ, «я думалъ, что лучше сохранить армію нетронутою, чтобы она всегда могла быть полезною странѣ».

— Но, возражаетъ съ горечью президентъ:— въ то время, какъ шли переговоры въ Ферриерѣ, въ то время какъ вы сами старались начать переговоры, какъ же вы не вспомнили, что лучшимъ для военнаго средствомъ поддержать свои требованія является не бездѣйствіе, а энергія?

И допросъ переходить къ девятому пункту, — *последніе переговоры*, — вращающемуся вокругъ страшнаго слова *капитуляція*, которое первый употребилъ Базэнъ въ своемъ отвѣтѣ Фридриху Карлу на телеграмму Висмарка отъ 29 сентября.

— Это была ловушка, поставленная мною непріятелю, говорить подсудимый.

Но замѣчая печатлѣніе, произведенное этимъ нелѣпнымъ оправданіемъ на публику и судей, онъ лихорадочно прибавляетъ:

— Я былъ одинъ, я не зналъ, что дѣлаетъ правительство народной обороны; для меня это было правительство революціонное. Мое положеніе было безпримѣрное. Я былъ для себя единственнымъ правительствомъ, и зависѣлъ только отъ своей совѣсти.

На что герцогъ Омальскій торжественно возражаетъ:

— Но Франція вѣдь еще существовала!

Напомнимъ, что въ его разговорѣ съ Ренье, Базэнъ сказалъ: «Если бы мы могли выйти съ оружіемъ и багажемъ, мы сохранили бы порядокъ внутри страны и заставили бы уважать заключенныя условія», герцогъ Омальскій спрашиваетъ, не предвидѣлъ ли маршалъ возможности, ядя по этому пути, быть поставленнымъ въ необходимость дѣйствовать противъ другихъ французскихъ армій и къ несчастіямъ войны иноземной присоединить еще ужасы войны междоусобной?

Подсудимый отвѣчаетъ, что онъ не имѣлъ этого въ виду; что онъ не смотрѣлъ на Ренье серьезно, и думалъ только о заключеніи всеобщаго перемирія.

Такъ какъ Ренье не возвращался, а Бурбаки не давали о себѣ никакихъ извѣстій, то Базэнъ долженъ былъ убѣдиться въ неудачѣ переговоровъ и въ бесполезности начинать новые. Тѣмъ не менѣе, генераль Бойе посылается въ Версаль, а затѣмъ, испытавъ тамъ неудачу, снова отправляется въ Гастингсъ. Въ поставленныхъ Висмаркомъ условіяхъ требовались сдача города Метца и капитуляція арміи на условіяхъ седанской. Для того, чтобы Германія согласилась вступить въ переговоры съ императрицею-регентшею, нужно, чтобы метцкая армія сдѣлала сначала манифестацію въ ея пользу.

Въ послѣднихъ инструкціяхъ Бойе было сказано, что если императрица не можетъ вступить въ переговоры съ непріателемъ, то нужно, чтобы она освободила армію отъ принесенной присяги на вѣрность.

По поводу присяги, герцогъ Омальскій замѣтилъ, что она была принесена не только императору, но и конституціи, а слѣдовательно, и закону.

— Я долженъ поставить маршалу вопросъ, сказалъ онъ: — знаетъ ли онъ, что военные законы и уставы запрещаютъ комендантамъ употребленіе слова капитуляція, прежде, чѣмъ не будутъ истощены всѣ средства защиты, и не видитъ ли онъ въ своемъ письмѣ отъ 29-го сентября, содержащемъ это слово,

явнаго нарушенія вышесказанныхъ законовъ и уставовъ? И думаетъ ли онъ, что конституція, на вѣрность которой онъ присягалъ, давала ему право и власть начинать переговоры въ указанныхъ выраженіяхъ и такъ опредѣленно, какъ это сдѣлано имъ въ письмѣ, переданномъ Бисмарку?

Подсудимый молчитъ, опустивъ голову.

— Вы можете удалиться, говоритъ президентъ:—мы будемъ продолжать вашъ допросъ завтра.

Базенъ быстро исчезаетъ.

На другой день разбирается послѣдній отдѣлъ—*капитуляція*. Факты говорятъ здѣсь сами за себя, и президентъ относится къ нимъ чрезвычайно строго. Идя по пути, на который онъ всталъ наканунѣ, онъ могъ бы налечь на отказъ отъ военныхъ почестей и на отъѣздъ маршала раньше сдачи войскъ. Онъ не говоритъ объ этомъ ни слова. Онъ воздерживается отъ всякаго краснорѣчія по поводу роковой сдачи знаменъ. Онъ даетъ подсудимому доказывать, что онъ желалъ, чтобы они были сожжены, и что, если этого сдѣлано не было, то потому, что его первое словесное приказаніе совсѣмъ не было исполнено, а письменныя предписанія о сдачѣ ихъ въ арсеналъ не были исполнены съ должною скоростью. Главное оправданіе его въ подписаніи конвенціи, предписывавшей сдачу знаменъ и военного матеріала, заключается въ томъ, что онъ думалъ, что крѣпость останется за Франціею!

Приглашенный представить общія замѣчанія по поводу допроса, подсудимый ограничивается прочтеніемъ трехъ писемъ: одного—отъ бывшаго военного министра де-Сиссэ, выражающаго сожалѣніе по поводу анонимнаго изданія книги полковника д'Андлана «Metz, campagne et négociations», и двухъ писемъ Наполеона III отъ 31-го октября 1870 г. и отъ 17-го августа 1872 г. Въ первомъ изъ нихъ императоръ говоритъ, что, узнавъ, что только что капитулировавшій «дорогой маршалъ» находится около него, «онъ чувствуетъ истинное утѣшеніе въ своемъ несчастіи». Во второмъ письмѣ его величество объявляетъ, что «не понимаетъ, чему должно приписать начатое преслѣдованіе Базена».

— Я привелъ эти письма, говоритъ подсудимый, самымъ базальнымъ тономъ:—чтобы доказать, что императоръ всегда питалъ во мнѣ довѣріе.

Но о побѣжденномъ, разбитомъ отечествѣ, о преданной неприятелю арміи, о компрометированной чести—ни полслова!

CXLVI.

СВИДѢТЕЛИ ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ КАТЕГОРІЙ. ПРОЦЕССЪ РАНКА И ДЕФЮВРА.

Допросъ свидѣтелей начался 20-го октября. Онъ былъ раздѣленъ по той же системѣ, какъ допросъ подсудимаго, на девять отдѣловъ. Свидѣтели первой категоріи,—по вопросу о *полученіи командованія*, были допрошены менѣе, чѣмъ въ два засѣданія.

Маршалъ Лебефъ, начальникъ главнаго штаба императора въ началѣ компаніи, объяснилъ, какъ императоръ рѣшилъ 12-го августа передать командованіе рейнскою арміею Базэну, и объявилъ, что убѣжденъ въ томъ, что Базэнъ нисколько не хлопоталъ объ этомъ назначеніи.

Генералъ Лебрень, въ то время старшій помощникъ начальника главнаго штаба, показалъ, что приказъ о назначеніи Базэна главнокомандующимъ состоялся 12-го августа, но фактически онъ принялъ командованіе 13-го.

Генералъ Жаррасъ, младшій помощникъ начальника главнаго штаба, сдѣланный противъ своей воли и противъ воли Базэна начальникомъ штаба новаго главнокомандующаго, подтверждаетъ страшный безпорядокъ, бывшій при передачѣ командованія. Этотъ свидѣтель пользуется случаемъ, чтобы доказать вообще свою личную неотвѣтственность: онъ только по имени былъ начальникомъ главнаго штаба рейнской арміи, съ самаго начала до конца маршалъ систематически отдалялъ его, не приглашалъ его на совѣты и часто даже составлялъ планы военныхъ дѣйствій непосредственно съ его подчиненными.

Графъ де-Кератри, повторяя передъ военнымъ судомъ то, что онъ уже говорилъ въ парламентской слѣдственной комиссіи о визитѣ, сдѣланномъ ему въ девять часовъ утра, въ періодъ времени между первыми военными неудачами и низверженіемъ имперіи, женою маршала Базэна, выясняетъ довольно скандальный эпизодъ. Но маршалша, въ письмѣ, прочитанномъ въ засѣданіи, самымъ положительнымъ образомъ опровергаетъ его показанія, дѣлая кромѣ того, намекъ на то, что она заѣхала къ нему только вслѣдствіе его прежнихъ дружескихъ отношеній съ ея мужемъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ въ Мексикѣ, и для того, чтобы узнать отъ имени императрицы его мнѣніе на счетъ назначенія въ совѣтъ обороны нѣсколькихъ членовъ оппозиціи законодательнаго корпуса.

Де-Кератри настаиваетъ однако на своихъ показаніяхъ и увѣряетъ, что именно вслѣдствіе ходатайства маршалши онъ предложилъ на общемъ собраніи членовъ лѣвой стороны ходатайствовать о томъ, чтобы императоръ отказался отъ командованія, и чтобы министерство передало его Базэну.

Объ этомъ хлопотали де-Кератри, Эрнестъ Пигаръ и Жюль-Фавръ, которые и подтвердили это въ своихъ показаніяхъ.

Генераль Паликао, бывшій тогда военнымъ министромъ, показалъ, что онъ не обратилъ бы вниманія на требованія депутатовъ, но что назначеніе это было рѣшено уже раньше.

Послѣдній президентъ законодательнаго корпуса, Шнейдеръ, помнитъ офиціозныя ходатайства нѣкоторыхъ депутатовъ оппозиціи, въ особенности Жюль-Фавра, но онъ всегда былъ убѣжденъ, что самъ маршалъ Базэнъ въ нихъ не причесть.

Руэръ утверждаетъ, что, судя по свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ во время пребыванія у императора въ Шалонѣ, Базэнъ *только повиновался приказанію императора.*

Отдѣлъ о военныхъ дѣйствіяхъ, бывшихъ съ 13-го по 19-е августа, начался, такъ сказать, эпически, горячимъ разсказомъ маршала Капробера, герца, разбитаго при Сень-Прива. Въ показаніи его ничего не было направлено на обвиненіе подсудимаго, равно какъ и въ показаніяхъ маршала Лебефа, генераловъ Ладмиро, Бурбаки, даже Фроссара, покинутого и побѣжденнаго при Форбахѣ. Объясненія, данныя инженеромъ генераломъ Коффиньеромъ, письменныя показанія начальника артиллеріи генерала Солейя, равно какъ и показанія начальника штаба Жарраса, не опредѣляютъ, можно-ли считать Базэна виновнымъ въ безпорядкахъ и неудачныхъ распоряженіяхъ, въ особенности касавшихся перехода съ одного берега Мозеля на другой и раздачи зарядовъ, такъ какъ онъ въ первое время своего командованія постоянно былъ занятъ сраженіями съ непріателемъ. Подсудимый даже защищается слѣдующимъ отвѣтомъ маршала Лебефа на одинъ изъ вопросовъ президента.

— Главный штабъ императора исполнѣ отвѣтственъ за разрушеніе моста въ Понтъ-а-Муссонѣ... По мнѣнію императора, слѣдовало дать непріателю углубиться во внутрь страны, чтобы съ большимъ удобствомъ перерѣзать ему сообщенія.

Но приказали-ли разрушить этотъ мостъ потомъ, когда послѣ нелѣпныхъ распоряженій Наполеона III, отступление стало необходимымъ? Одно мѣсто изъ показаній Жарраса показываетъ, что сочли излишнимъ сдѣлать рекогносцировки и положились на планъ, доставленный префектомъ Мозеля, «одинъ изъ тѣхъ плановъ, говорить свидѣтель, — которыхъ много во всѣхъ префектурахъ». Взорвали только Лонгвильскій мостъ, который пришлось впоследствии выстроить снова, такъ какъ онъ одинъ могъ пригодиться французскимъ войскамъ! Случилось все это просто по невѣроятной безпечности. Напрасно, молодые офицеры, какъ де-Вилленуази, предупреждали своихъ начальниковъ и требовали приказаній; напрасно военные патріоты, какъ напримѣръ инженеръ Жонесъ, мелкій собственникъ Матье, начальникъ желѣзнодорожной станціи Скаль и др., указывали военнымъ властямъ на то, что нужно сдѣлать и брались исполнить ихъ приказанія, — въ Метцѣ, какъ и въ Парижѣ всякая

сторонняя инициатива презиралась, и генералы полагались по-видимому только на судьбу.

Показанія начальниковъ корпусовъ и отдѣльных частей, равно какъ и свидѣтельства множества офицеровъ, выслушанныя въ судѣ, кажутся, доказываютъ двѣ вещи: во-первыхъ, что отступление за Метцъ было возможно и имѣло шансы на успѣхъ 17-го августа, на другой день послѣ сраженія при Резонвиллѣ; во-вторыхъ, что Базенъ, не дождавшись исхода битвы при Сенъ-Прива, предписалъ отступление въ укрѣпленный лагерь Метца.

Показанія интендантовъ, начиная съ главнаго интенданта Превала, доказываютъ, что 16-го числа вечеромъ армія была снабжена провіантомъ на 17-е и 18-е августа, съ чѣмъ могла достигнуть Вердена.

Зарядовъ, по показаніямъ Солейя, послѣ битвы при Резонвиллѣ, хватило-бы еще на два сраженія. Если-бы они были истрачены на то, чтобы пробиться сквозь непріятельскія линіи, въ Верденѣ можно-бы было запастись новыми.

Инженеръ-капитанъ Беккеръ объяснилъ, что послѣ конференціи генерала Дежана съ императоромъ, Базена ждали въ Верденѣ въ ночь съ 16-го на 17-е августа, и что сообразно съ этимъ были приняты надлежащія мѣры.

Меръ Вердена, депутатъ Бенуа и его помощникъ Вювинье показали, что видѣли 16-го числа императора на стивціи желѣзной дороги и сами слышали слѣдующія его слова:

— Маршалъ Базенъ слѣдуетъ за мною; сегодня вечеромъ онъ будетъ въ Конфланъ, а завтра вмѣстѣ съ арміею придетъ въ Верденъ... Я ѣду въ Парижъ, гдѣ организую новую армію, съ которою снова перейду къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Показанія маіора Фикса, который 16-го августа слышалъ слова Базена: «Нужно спасти французскую армію и для этого вернуться въ Метцъ»; капитана Юнга, слышавшаго 18-го числа отъ маршала отчаянныя и несправедливныя слова: «что дѣлать съ такими войсками!»; маіора де-Бомонъ, слышавшаго слѣдующее комментированіе главнокомандующимъ приказа объ отступленіи въ день битвы при Сенъ-Прива: «день конченъ, пруссаки хотѣли узнать наши позиціи и больше ничего!», капитана де-ла-Турдю-Пенъ, повторившаго возраженіе маршала на требованіе возобновить битву 19-го августа: «Развѣ въ томъ дѣло! Мы должны были уйти завтра утромъ, а уйдемъ сегодня, и только!»— всѣ эти показанія, говорю я, доказываютъ только, что, согласно наставленію императора сохранить, во что-бы то ни стало, рейнскую армію, въ видахъ ея будущей политической пользы, постоянною мыслью подсудимаго было уйти въ укрѣпленный лагерь Метца. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было жертвовать тридцатью тысячами челоувѣкъ въ бесполезныхъ сраженіяхъ?

При допросѣ свидѣтелей третьей категоріи о сношеніяхъ съ императоромъ, министерствомъ и Макъ-Магономъ, директоръ телеграфной линіи показалъ, что телеграфическія сообщенія

были прерваны, и что не было ничего сдѣлано для восстановленія ихъ по дну Мозеля хотя-бы только между Метцемъ и Тюнвилемъ.

Наконецъ, на сцену появился знаменитый капитанъ Маньянъ, произведенный во время пребывания его въ дуарской арміи въ маіора, а теперь уже и въ подполковника. Тотъ, который, по докладу Ривіера, не сумѣлъ пройти въ Метцъ по дорогѣ, по которой могъ безпрепятственно проѣхать обозъ, такъ блистательно объяснился на первомъ допросѣ, что поразилъ судъ и заставилъ герцога Омальскаго благодарить его за точность и ясность его показаній. Но въ другое засѣданіе, на новомъ допросѣ, вызванномъ оказавшимся противорѣчіемъ между его теперешними показаніями и тѣмъ, что онъ писалъ 19-го августа 1870 г. военному министру, Маньянъ явился все ужъ не такимъ торжествующимъ и сталъ сбиваться въ отвѣтахъ. Отъ него нельзя было ничего добиться относительно существованія плана соединенія войскъ въ Верденѣ. — Удивительно, сказалъ герцогъ Омальскій:—что «такой дѣятельный и храбрый офицеръ остановился на первомъ-же препятствіи и не отправился немедленно къ пункту, еще свободному, откуда ему легко было бы добраться до Метца». Напрасно этотъ повѣренный Базена и императора доказывалъ, что линія была перерѣзана въ двухъ мѣстахъ,—отпуская его, президентъ сухо повторилъ:

— Вы не сдѣлали всѣхъ усилій, чтобы пройти къ своему главнокомандующему и передать ему возложенныя на васъ порученія!

Бывшій комендантъ Тюнвиля, полковникъ Тюрнье, былъ обвиненъ въ докладѣ Ривіера въ томъ, что велѣлъ переписать отчетъ о секретныхъ фондахъ, и уничтожилъ подлинникъ его, чтобы скрыть число эмиссаровъ, отправленныхъ имъ къ Базену и явившихся къ нему изъ Метца. Онъ защищаетъ себя отъ этого обвиненія со слезами, что трогаетъ герцога Омальскаго до того, что онъ говоритъ ему:

— Но, полковникъ, вѣдь васъ ни въ чемъ не обвиняютъ.

Послѣ этого, къ полковнику возвращается хладнокровіе, но не память.

— Я забылъ!.. Это возможно!.. Я не помню!.. Можетъ быть!.. отвѣчаетъ онъ на всѣ обращенныя къ нему жгучіе вопросы.

Нельзя было ожидать, чтобы не въ пользу Базена оказались показанія полковника Левала, того самаго, который вмѣстѣ съ маршаломъ работалъ надъ планами военныхъ дѣйствій, помимо начальника главнаго штаба Жарасса. Леваль, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ генеральнаго штаба французской арміи, показывалъ слѣдующее:

23-го августа я принялъ эмиссара, передавашаго мнѣ депешу, свернутую въ видѣ папироски. Я тотчасъ же отнесъ ее главнокомандующему, который при мнѣ развернулъ ее и прочелъ. Она извѣщала, что Макъ-Магонъ идетъ на помощь Метцкой арміи, и

что 27-го онъ будетъ на Мёзъ или Эиъ. Я сказалъ, что нужно двинуться сейчасъ же. «Сейчасъ, — слишкомъ скоро!» возразилъ маршалъ. — Т.-е. завтра утромъ, сказалъ я. — «Нужно по крайней мѣрѣ, два дня!» сказалъ Базэнъ. Подобіе вылазки, сдѣланное 26-го августа, было результатомъ полученія этой депеши.

Невозможно опредѣлить, кѣмъ была подписана эта депеша и чрезъ кого она была передана; но чѣмъ больше допрашиваютъ свидѣтеля, тѣмъ яснѣе и очевиднѣе становится вѣрность доказываемаго факта.

По формальному приказанію Базэна, полковникъ Леваль не долженъ былъ никому сообщать о полученіи этой депеши, но послѣ демонстраціи 26-го августа, когда полковникъ д'Андланъ выразилъ ему сожалѣніе по поводу неудачи вылазки, онъ утромъ 27-го числа воскликнулъ:

— Вы еще не знаете, какъ это жалко! Вѣдь Макъ-Магонъ шелъ къ намъ на помощь!

Это показаніе было вполне подтверждено полковникомъ д'Андланомъ.

Подсудимый, очень уставшій, началъ съ презрѣніемъ отрицать существованіе депеши и въ особенности разговора, будто бы вызваннаго ею между нимъ, главнокомандующимъ, и офицеромъ, стоящимъ еще такъ низко въ военной іерархіи.

— Я не имѣю обыкновенія, сказалъ онъ: — открываться такимъ образомъ предъ подчиненными!

Свидѣтель, вызванный защитою, настоящей типъ военнаго *petit chef*, ординарецъ де-Морнэ-Сультъ, наввно доказываетъ, что не могло придти такой важной депеши, такъ какъ офицеръ, разбравшій ее, непременно рассказалъ бы ея содержаніе товарищамъ.

Когда ему напомнили, что въ одинъ день пришло двѣ депеши, одна открытая, другая, проглоченная эмиссаромъ, которому тотчасъ-же дали рвотнаго, — «это, должно быть, была та-же самая, написанная въ двухъ экземплярахъ, — отвѣчалъ онъ: — она такъ воняла, что я приказалъ ее сжечь».

Судьба двухъ армій, можетъ быть, была компрометирована вслѣдствіе нѣжности обонанія «кокодеса» главнаго штаба!

Защитникъ Лашо воспользовался присутствіемъ предъ судомъ полковника д'Андлана, чтобы сказать:

— Появилась книга, подъ заглавіемъ: Metz, campagne et négociations». Имени автора не обозначено; правда-ли, что ее написалъ д'Андланъ?

Президентъ спрашиваетъ, обязанъ-ли свидѣтель отвѣчать на это, чисто личный вопросъ.

— Полковникъ можетъ отвѣчать или нѣтъ, но защита имѣетъ право сказать все, что ей нужно... И такъ, появилась книга, о которой я буду говорить впоследствии, но прежде, чѣмъ отвѣчать на нее, прежде чѣмъ судить о томъ, кто ее написалъ, я же-
Т. ССXI. — Отд. II.

жалъ-бы знать его имя и спрашиваю, принимаетъ-ли д'Андланъ на себя отвѣтственность за нее?

— Да, я авторъ этой книги и принимаю за нее отвѣтственность,—гордо провозноситъ свидѣтель.

Но онъ отрицаетъ полномочіе, будто-бы данное ему военнымъ министерствомъ, пользоваться официальными документами. Онъ признаетъ себя также авторомъ знаменитаго письма 22-го декабря, въ которомъ, подъ вліяніемъ патріотическаго отчаянія, онъ самымъ жестокимъ образомъ обвиняетъ Базена. Но утверждаетъ, что это письмо напечатано только вслѣдствіе непростительной несбромности.

Въ то время, какъ публика обращала исключительное вниманіе на засѣданія перваго военнаго суда, которыя мы прослѣдили по 31-е октября, третій военный судъ, засѣдающій въ Версали, рѣшилъ 13-го и 20-го числа процессы ліонскаго депутата Артура Ранка и редактора газеты «*Parrel*», Эрнеста Лефевра. И тотъ и другой были избраны членами парижской коммуны въ концѣ марта 1871 г. вслѣдствіе своей популярности въ двухъ округахъ столицы. Сами они кандидатуры своей не выставляли. Такъ какъ они подали въ отставку 6-го апрѣля, и не принимали никакого участія ни въ какомъ преступномъ дѣйствіи, то, пока Дюфоръ оставался министромъ юстиціи, а Тьеръ—президентомъ республики, они не подвергались никакому преслѣдованію.

Читатель, конечно, помнитъ, съ какою яростью и настойчивостью бонапартистская пресса доносила на Ранка и требовала преданія его суду, когда онъ былъ избранъ членомъ парижскаго муниципальнаго совѣта. Въ 1872 году, правительству по этому поводу было сдѣлано два запроса, отвергнутые простыми, немотивированными переходами къ очереднымъ дѣламъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій реакціи 24-го мая 1873 г. было возбужденіе преслѣдованія противъ Ранка, избраннаго 11-го числа того-же мѣсяца депутатомъ Роны. Бывшій главный начальникъ полиціи Турской делегаціи правительства народной обороны не счелъ нужнымъ отдать себя въ руки военнаго суда. Послѣдній воспользовался его отсутствіемъ, чтобы признать его виновнымъ въ томъ, что онъ бывалъ въ тюрьмахъ коммуны, посѣщалъ заложниковъ, оскорблялъ ихъ, плевалъ многимъ изъ нихъ въ лицо, и отличился въ числѣ разрушителей и грабителей дома Тьера. Подсудимый опровергъ въ «*Indépendance Belge*» «ошибки», какъ онъ выражается, обвиненія. Это не помѣшало однакожъ судьямъ приговорить его заочно къ смертной казни!

Эрнестъ Лефевръ былъ оправданъ, хотя, какъ бывшій членъ парижской коммуны, онъ находился совершенно въ тѣхъ-же условіяхъ, какъ и Ранкъ...

CXLVII.

Зальцбургское свиданіе и октябрьская неудача.

Отъ военного суда обратимся опять къ монархической интригѣ. Графъ Шамборъ, исчезнувшій изъ Фрошдорфа какъ разъ въ то время, какъ письмо Тьера дѣлало его обращеніе къ трехцвѣтному знамени политически бесплоднымъ, былъ найденъ въ Зальцбургѣ де-Карейонъ-Латуромъ и де-Казеновъ-де-Прадиномъ, летучими эмиссарами сліянія, Люсіеномъ Бреномъ, офиціознымъ делегатомъ правой стороны, и, наконецъ, Шенеломъ, буржуа, разбогатѣвшимъ торговлей свининою, бывшимъ въ 1848 году республиканскимъ кандидатомъ, въ 1866 бонапартистомъ, нынѣ же ставшимъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ *коммисіи девяти*, стоящей во главѣ партіи примиренныхъ роялистовъ.

Шенелонъ, какъ значитса въ протоколѣ, подписанномъ Шангарнье, не долженъ былъ ставить условій будущему королю, онъ просто долженъ былъ «обрисовать ему настоящее положеніе дѣлъ».

Принцъ, какъ показалось ему, принявъ его объясненія какъ нельзя лучше, потому что сказалъ:

— Я никогда не имѣлъ и не имѣю вульгарнаго стремленія къ власти ради власти; но я буду счастливъ посвятить Франціи свои силы и свою жизнь, какъ посвящалъ ей до сихъ поръ свою душу и свое сердце. Я страдалъ вдаль отъ нея; ей также было не легко вдаль отъ меня. Мы необходимы другъ другу.

Графъ Шамборъ согласился съ намѣреніемъ комисіи девяти положить въ основаніе предполагаемой реставраціи признаніе «принципа наследственнаго королевскаго права и хартіи, которая не была бы ни предписана королю, ни дарована имъ, а составлена по взаимному соглашенію короля и собранія».

Онъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій относительно главныхъ основаній будущей хартіи и перечисленія ихъ при предложеніи о возстановленіи монархіи.

Шенелонъ коснулся, наконецъ, щекотливаго вопроса о знамени и сообщилъ редакцію статьи, выработанной на этотъ счетъ комиссіею девяти: «Трехцвѣтное знамя сохраняется; оно можетъ быть измѣнено не иначе, какъ по соглашенію короля и собранія».

Два совѣщанія, вызванныя этою статьею, пересыпались чувствительными фразами на счетъ «знамени, орошеннаго кровью нашихъ солдатъ», любви принца къ національной славѣ, но также и необходимости «сохранить неприкосновеннымъ его

собственный принципъ». Конференціи эти привели, судя по официальному докладу, къ двумъ положеніямъ: «вопервыхъ, графъ Шамборъ не требуетъ никакого измѣненія знамени прежде, чѣмъ онъ вступитъ на престолъ, и вовторыхъ, онъ оставляетъ за собою право, когда сочтетъ удобнымъ, предложить странѣ рѣшеніе, согласное съ его честью и могущее удовлетворить и собраніе, и націю».

Послѣ этого Шенелонъ представилъ не Генриху V, а депутатамъ, находившимся вмѣстѣ съ нимъ въ Зальцбургѣ, формулу: «трехцвѣтное знамя будетъ сохранено и проч.», которую они и приняли за себя и за своихъ друзей.

Телеграфъ извѣстилъ объ этомъ такъ, что 15-го октября во всѣхъ салонахъ сліянія всѣ были убѣждены въ томъ, что легитимный король окончательно рѣшился остановиться на 1830 году, не отступая за 1789 годъ.

Послѣ этого въ роялистской прессѣ «Union» упорно молчатъ, но за то орлеанистскій «Journal de Paris» бьетъ въ набатъ и поетъ побѣдную пѣснь:

— Фрошдорфское свиданіе произвело примиреніе внутри Бурбонскаго дома. Зальцбургское свиданіе примиряетъ Бурбонскій домъ съ Франціею. Фрошдорфское свиданіе возстановило королевское семейство. Свиданіе зальцбургское возстановляетъ монархію!

Зальцбургское свиданіе произошло 14-го октября. Начиная съ 16-го числа, Шенелонъ каждый день приводитъ въ восторгъ комиссію девяти рассказами о своемъ подвигѣ.

17 октября генераль Шангарнье созываетъ у г. Аниссона-Дюперона членовъ бюро праваго центра, представителей группы Прадье и правой стороны, однимъ словомъ, всѣхъ депутатовъ, бывшихъ 4 числа у Обри. Здѣсь роялисты въ числѣ тридцати семи,—считая въ томъ числѣ и де Фаллу, явившагося нарочно изъ Анжу, чтобы насладиться дѣломъ рукъ своихъ,—поздравляютъ другъ друга и предаются восторгамъ. Орлеанисты наперерывъ выказываютъ свое удивленіе предъ легитимнымъ королемъ. Легитимисты впадаютъ любить и защищать его наследника Луи-Филиппа II, какъ самого Генриха V.

— Хорошо, очень хорошо,—прерываетъ президентъ Шангарнье:—монархія возстановлена!

— Разъ, что нѣтъ уже никакихъ препятствій со стороны короля, и между нами полное согласіе, восклицаютъ присутствующіе:—ускоримъ же созваніе палаты, и пусть республика исчезнетъ сейчасъ-же!

Прійдя къ такому заключенію, собраніе расходится, возложивъ на комиссію девяти обязанность привести его въ исполненіе по соглашенію съ правительствомъ; газетамъ разсылается протоколъ схода, возвѣщающій единогласное рѣшеніе возстановить монархію «съ обезпеченіемъ всѣхъ гражданскихъ, политическихъ и религіозныхъ вольностей, составляющихъ фран-

цузское публичное право», а также и «съ сохраненіемъ трехцвѣтнаго знамени, измѣненія въ которомъ могутъ быть сдѣланы, по инициативѣ короля, не иначе, какъ по соглашенію его съ національнымъ представительствомъ».

Въ то время, какъ «Union» и «Univers» указываютъ на неясность послѣдней фразы, а демократическая пресса старается доказать, что на самомъ дѣлѣ слияніе пока еще только иллюзія, комиссія девяти подготавливаетъ правительство къ преждевременному созванію собранія и къ парламентскому, а затѣмъ и военному перевороту, которыми оно должно будетъ сопровождаться. Бюро правой стороны и праваго центра побуждаютъ всѣхъ истинныхъ депутатовъ-роялистовъ явиться въ Версаль на общее собраніе, которое должно состояться наканунѣ послѣдняго засѣданія комиссіи.

Въ среду 22-го числа, предсѣдательствуя на сходѣ праваго центра, собравшагося почти въ полномъ составѣ, герцогъ д'Одиффре-Пакъ изложилъ все, что съ сентября мѣсяца сдѣлали депутаты для общаго дѣла и особенно налегъ на усилія его группы для осуществленія программы: «уваженіе въ рѣшеніямъ національной воли и сохраненіе трехцвѣтнаго знамени». Поздравивъ своихъ слушателей съ успѣхомъ ихъ усилій, онъ представилъ резолюцію, составленную комиссіею девяти:

«Национальное собраніе признаетъ наследственную и конституціонную монархію законною формою правленія Франціи и призываетъ на престолъ графа Шамбора, а послѣ него его наследниковъ, принцевъ бурбонскаго дома. Всѣ гарантіи, составляющія публичное право французовъ, будутъ сохранены... Трехцвѣтное знамя будетъ сохранено, измѣненія въ немъ могутъ быть произведены не иначе, какъ по соглашенію короля и народнаго представительства.

Отъ умѣющихъ, такъ сказать, слушать между строками, герцогъ д'Одиффре-Пакъ нисколько не ссырываетъ, что вопросъ о знамени еще не совсѣмъ разрѣшенъ, но онъ напираетъ на то, что этотъ вопросъ «поднялся на высоту вопроса законодательнаго».

— Король, — прибавилъ онъ: — сохраняетъ по этому, какъ и по всѣмъ прочимъ вопросамъ, за собою законодательную инициативу.

Послѣ этого присутствующіе поняли, что такъ какъ парламентъ можетъ и не принять блага знамени, то вопросъ о знамени можно считать поконченнымъ, и что, слѣдовательно, съ ихъ стороны нѣтъ препятствій къ возстановленію конституціонной монархіи. Представленная резолюція одобряется единогласно, при чемъ больше всего горячности выказываетъ ренегатъ Лорье, бывшій интимный другъ Гамбетты, его главный секретарь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Чтобы довести восторгъ праваго центра до крайнихъ пре-

дѣловъ, Шенелонъ снова рассказываетъ свои впечатлѣнія, внесенныя имъ изъ путешествія въ Зальцбургъ.

— По вопросу о конституціонныхъ гарантіяхъ, — говоритъ онъ:—мнѣ пришлось только отворить уже не запертую дверь, потому что король былъ вранѣе расположенъ въ полному соглашенію съ либеральными членами представительства страны... Графъ Шамборъ сказалъ, что онъ такъ же не понимаетъ хитрости, составленной страной помимо короля...

Что-же касается до знамени, то Шенелонъ старается привести съ возможною точностью собственные слова графа Шамбора, сказавшаго, «что онъ не имѣетъ намѣренія оскорблять ни своей страны, ни знамени ея, что онъ не чуждъ ни славы Франціи, прибрѣтенной подъ этимъ знаменемъ, ни перенесенныхъ ею страданій, что такъ какъ трехцвѣтное знамя въ настоящее время есть знамя законное, то если войска будутъ привѣтствовать его при въздѣ во Францію, онъ съ удовольствіемъ самъ будетъ привѣтствовать знамя, покрывшееся кровью нашихъ солдатъ».

Восторгъ роялистовъ доходитъ до пароксизма. Не дѣлается ни одного возраженія. Засѣданіе закрывается при всеобщихъ крикахъ радости.

Президентъ, бюро въ полномъ составѣ и множество членовъ отправляются тотчасъ-же на сходку правой стороны, собравшущая въ то же время подъ предсѣдательствомъ де-Ларси. Сообщение, сдѣланное послѣднимъ, какъ и герцогомъ д'Одифре-Пакье, было принято легитимистами съ тѣмъ-же одобреніемъ. Делегация праваго центра встрѣчается аплодисментами и тутъ-же запечатлѣвается сліяніе роялистовъ послѣ сліянія принцевъ. Маленькое разногласіе является только по вопросу, слѣдуетъ ли созвать палату тотчасъ же, или ждать 5-го ноября. Правая сторона слабымъ большинствомъ высказывается противъ созванія, правый центръ стоитъ за него. Рѣшеніе этой подробности возлагается на комиссію девяти. Всѣ расходятся, потирая руки и хвастаясь, что уже теперь за монархію высказалось 363 депутата, не считая, говорятъ оптимисты, тѣхъ сорока членовъ лѣваго центра, которыхъ ловкій д'Одифре привлечетъ, если уже и не привлекъ, на нашу сторону!

Дѣйствительно во время засѣданія праваго центра, герцогъ д'Одифре-Пакье напомнилъ, что «въ лѣвомъ центрѣ есть консервативные товарищи, изъ которыхъ многіе публично заявляютъ, что они, по крайней мѣрѣ въ теоріи, приверженцы конституціонной монархіи». Затѣмъ, онъ спросилъ:

— Не будетъ-ли политически безтактнымъ и несправедливымъ оставлять нашихъ товарищей лѣваго центра въ невѣденіи относительно подробностей предложенія, которое мы намѣрены внести въ собраніе?

— Конечно, конечно! воскликнули присутствовавшіе, и бюро было поручено войти въ соглашеніе съ лѣвымъ центромъ.

Въ тотъ же день, 23-го октября, были въ Версали засѣданія постоянной комиссіи собранія и лѣваго центра. Послѣднее открылось въ двѣнадцать часовъ утра подѣ председательствомъ Леона Сэ. Рикаръ указалъ въ этомъ засѣданіи на двѣ новыя продѣлки монархистовъ, отказавшихся произвести дополнительные выборы и добивающихся теперь ускорить созваніе палаты, въ надеждѣ, что нѣкоторые изъ членовъ оппозиціи не успѣютъ прійхать во время.

Францискъ Ривъ указываетъ на авансы праваго центра и требуетъ, чтобы на нихъ было отвѣчено тотчасъ же, дабы нельзя было обвинить лѣвнй центръ въ нерѣшительности.

Президентъ и присутствующіе 70—80 членовъ объявляютъ, что они этого не потерпятъ.

Сходка раскодится въ три часа, рѣшивши дѣйствовать согласно сдѣланному постановленію.

Засѣданіе постоянной комиссіи открылось въ половинѣ второго, подѣ председательствомъ Бюффе. Никто изъ большинства не потребовалъ слова. Отъ имени меньшинства Ноель-Парфѣ прочелъ заявленіе о томъ, что не будетъ сдѣлано новнхъ запросовъ «относительно насильственныхъ и произвольныхъ дѣйствій министерства», такъ какъ онъ и его друзья считаютъ себя уже «освобожденными отъ своихъ обязанностей, вслѣдствіе возвращенія большей части ихъ товарищей, соединившихся *отнынѣ на защиту республики, на упроченіе которой они твердо надѣются*». Глубокое молчаніе. Засѣданіе закрывается менѣе, чѣмъ черезъ полчаса послѣ открытія. И такъ, преждевременнаго созванія палаты не будетъ. Все отложено до 5-го ноября.

При выходѣ изъ постоянной комиссіи, герцогъ д'Одиффре-Паке подошелъ къ Леону Сэ и предложилъ ему сообщить постановленія праваго центра, сдѣланныя въ виду монархической реставраціи.

Президентъ лѣваго центра отвѣчалъ ему:

— Вашъ планъ былъ составленъ слишкомъ публично, чтобы наша группа не оцѣнила его; она вполне убѣждена, что ваша монархія будетъ въ дѣйствительности *возвращеніемъ за 1789 г.* Поэтому, я не могу отъ имени нашей группы вступать въ разговоры, которые вождали бы на переговоры, начинать которыхъ она не намѣрена.

Этотъ отвѣтъ, тотчасъ же сообщенный второй сходкѣ лѣваго центра, былъ принятъ горячими аплодисментами. Сходка единогласно постановила революцію:

«Лѣвнй центръ остается единодушнымъ въ убѣжденіи, что консервативная республика является гарантіею порядка и свободы».

Казимиръ Перье присутствовалъ на обѣихъ сходкахъ лѣваго центра, открыто соглашаясь съ единодушными постановленіями его членовъ. Вечеромъ онъ собралъ у себя свою группу, состоящую приблизительно изъ чловѣкъ сорока консерваторовъ,

изъ которыхъ одни принимаютъ участіе въ совѣщаніяхъ лѣваго центра, а другіе стоятъ отдѣльно отъ всѣхъ парламентскихъ фракцій. На это собраніе явилось даже нѣсколько старинныхъ друзей изъ праваго центра, напимѣръ, публицистъ Вентзъ и экс-министръ де-Гуларъ. Въ собраніи этомъ не было принято никакихъ формальныхъ обязательствъ, но никто не высказался въ пользу монархіи, и всѣ одобрили поведеніе лѣваго центра.

Лѣвая умѣренная того же 23-го числа открыла свои общія собранія въ присутствіи сотни своихъ членовъ. На первомъ изъ этихъ собраній было сообщено, что по собраннымъ свѣдѣніямъ противъ монархіи большинство уже обезпечено, и что долгъ республиканской партіи—не отступать отъ занятаго ею твердаго положенія, такъ какъ общественное мнѣніе рѣшилось все громче и громче высказывать свое мнѣніе.

Радикалы республиканской униі также постановили, что отнынѣ ничего не должно быть предпринимемо безъ предварительнаго согласенія всѣхъ бюро республиканскихъ группъ, и что рѣшенія, принятія членами этихъ бюро по большинству голосовъ, обязательны для всѣхъ демократическихъ депутатовъ и для каждаго въ отдѣльности.

Такимъ образомъ между различными фракціями лѣвой стороны національнаго собранія заключено *смиріе*, которое по числу голосовъ равно *смирію королевскому*, если даже и не превышаетъ его.

Повидимому, для того, чтобы сдѣлать невозможною реставрацію Генриха V, достаточно, чтобы противъ нея высказались бонапартисты, не менѣе заинтересованные въ томъ, чтобы воспрепятствовать ей. Движеніе въ пользу союза империалистовъ съ республиканцами, вызванное съ одной стороны «Avenir National» и союзомъ принца Наполеона съ Порталисомъ, а съ другой «Gaulois», въ виду произведенія плебисцита по тремъ вопросамъ: республика, монархія, имперія, — движеніе это не привело ни къ какимъ результатамъ. «Avenir National» остался изолированнымъ въ демократической прессѣ. «Gaulois» замолчалъ тотчасъ послѣ полученія *сообщенія* министерства внутреннихъ дѣлъ, запрещающаго печатаніе списковъ лицъ, примкнувшихъ къ союзу.

8-го октября, Руэръ издалъ манифестъ официальной наполеоновской партіи въ формѣ письма къ барону Эшассерю, президенту парламентской группы обращенія къ народу.

— Нынѣ,—пишетъ онъ:—мы призваны къ защитѣ дѣла нашихъ отцевъ, къ защитѣ современнаго общества... По своимъ законамъ, по своимъ правамъ, по положенію своей территоріи, Франція—демократическая страна, и хочетъ ею остаться. Просвѣщать, направлять эту демократію, помогать ей прогрессу, остерегать ее отъ заблужденій,—вотъ единственная задача правительства. Монархія же, о восстановленіи которой теперь меч-

тають, является явнымъ отрицаніемъ демократіи. Она противорѣчитъ ей своими тенденціями, и нападаетъ на ея священнѣйшій догматъ—національное самодержавіе.

За тѣмъ слѣдуетъ указаніе на народную оппозицію, вызываемую возможностью легитимной реставраціи, и указывается на необходимость для разрѣшенія вопроса объ имперіи, монархіи или республикѣ «обратиться къ непосредственно выраженной волѣ народа».

Послѣ двухъ предварительныхъ засѣданій 15-го и 23-го октября, группа бонапартистскихъ депутатовъ, состоящая не болѣе, какъ изъ двадцати членовъ, рѣшается объявить, что империалистская партія будетъ свято хранить свою политическую вѣру и свое знамя, не согласится ни на уступки, ни на компромиссы относительно своего девиза: «порядокъ, національное самодержавіе, демократія»; что депутаты этой партіи, содѣйствовавшіе образованію большинства 24-го мая «снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность за дѣйствія, поколебавшія этотъ союзъ». Они отрицаютъ возможность для собранія создать правительство устойчивое и уважаемое. Поэтому, они подадутъ голосъ противъ монархическихъ предложеній и потребуютъ, чтобы «слово было дано Франціи, дабы она могла высказаться и сдѣлать выборъ между республикою, монархіею и имперіею».

Кромѣ истыхъ парижскихъ империалистскихъ органовъ «Pays», «Ordre» и «Gaulois», къ этому заявленію примкнули шестьдесятъ пять провинціальныхъ газетъ.

Такимъ образомъ выясняется планъ бонапартистовъ, который страннымъ образомъ усложняетъ положеніе дѣлъ въ парламентѣ. Ихъ немногочисленная группа сдѣлала большинство въ маѣ и рассчитываетъ передѣлать его въ ноябрѣ. Идеаль ихъ тотъ, чтобы, побѣдивъ Генриха V и утопивъ орлеанизмъ въ пораженіи монархистовъ, продолжить временное положеніе дѣлъ, усиливъ еще болѣе реакціонное направленіе. Оказавъ помощь республиканцамъ, чтобы отвергнуть монархію, они помогутъ роялистамъ отомстить республиканцамъ. Болѣе, чѣмъ кто другой, они будутъ стараться сдѣлать республику только номинальною, въ надеждѣ, что въ концѣ концовъ, уставшая и приведенная въ отчаяніе Франція обратится къ Наполеону IV. Но для того, чтобы выиграть необходимое время и добиться ожидаемаго результата, имъ непременно нужно, чтобы надъ головою страны висѣла тяжелая и послушная сабля маршала Магъ-Магона.

CXLVIII.

Макъ-Магонъ скомпрометированъ. — Последнее слово
ГЕНРИХА V.

Роялисты скоро поняли, какъ опасенъ для нихъ планъ бо-напартистовъ. Допустить, чтобы маршалъ-президентъ остался въ томъ безпристрастномъ положеніи, которое, согласно его слову честнаго человѣка и солдата «ничего не измѣнять въ существующихъ учрежденіяхъ», ему навязываютъ анти-роялисты, не значило ли бы это укрѣплять противодѣйствіе лѣваго центра, убѣждающаго страну въ томъ, что консервативная республика осуществила съ герцогомъ Маджентскимъ такъ же, какъ и съ Тьеромъ или всякимъ другимъ?

Вотъ почему, подъ первымъ впечатлѣніемъ зальцбургскаго свиданія, комиссія Шангарнье потребовала отъ министерства Брольи, чтобы маршалъ-президентъ связалъ свою судьбу съ дѣломъ монархіи, и подалъ въ отставку въ случаѣ ея неудачи.

Одинъ изъ членовъ комиссія девяти, Дарю, въ сопровожденіи руководителей коалиціи, низвергнутой Тьера, отправился къ его прежнему и заставлялъ его отвѣтить себѣ:

— Если, какъ солдатъ, я всегда готовъ служить своему отечеству, то, какъ политической человѣкъ, я положительно отвергаю мысль, что я долженъ сохранить власть во что бы то ни стало, при какихъ бы условіяхъ она ни была мнѣ предложена. *Я получилъ ее отъ большинства консерваторовъ, отъ которыхъ я не могу и не желаю отдѣлаться.*

Съ 22-го по 25-е октября слова эти комментировались въ монархическомъ лагерѣ такъ, чтобы убѣдить публику, что Макъ-Магонъ преданъ дѣлу реставраціи до того, что готовъ содѣйствовать ему, если это понадобится, съ помощью пушекъ. Но вскорѣ, боапартисты сочли себя вправѣ объявить неосновательнымъ такое опредѣленіе роли бывшаго помощника и друга ихъ императора; вопреки всѣмъ, они доказывали, что Макъ-Магонъ сказалъ и могъ сказать только одно, что онъ ни въ какомъ случаѣ не приметъ на мѣсто своихъ министровъ изъ правой стороны министровъ изъ лѣвой.

Не менѣе, чѣмъ президентское заявленіе, возбуждалъ недоразумѣнія и самый отчетъ о зальцбургскомъ свиданіи, переданный Шенелономъ. Чистѣйшій органъ легитимизма, «Union», признавалъ его правильнымъ только отчасти и дѣлалъ въ немъ поправку, измѣнявшую первоначальный смыслъ объясненій по самому щекотливому вопросу—вопросу о знамени. Оказывалось, что его свѣтлость высказался только по одному пункту, именно, что войска будутъ привѣтствовать его съ ихъ настоящимъ знаменемъ, орошеннымъ ихъ кровью; онъ согласился, чтобы не

было дѣлаемо въ немъ никакихъ измѣненій (*до его вступленія на престолъ*); на будущее же время, онъ сохранилъ за собою право предложить представителямъ страны *рѣшеніе, согласное съ его честью и могущее удовлетворить и собраніе и страну*.

Между тѣмъ, въ «Liberté» появляется таинственная замѣтка, которая даетъ понять, что собственно никакихъ уступокъ не сдѣлано. Въ ней говорится:

— Графъ Шамборъ милостиво принялъ предложенія преданности и услугъ, далъ правъ лицамъ, ведущимъ переговоры, организовать переходную форму правленія, которая подготовила бы его возвращеніе во Францію; но онъ не принималъ на себя никакихъ обязательствъ, никогда не примирялся съ парламентаризмомъ, и въ особенности *никогда не намекнулъ на возможность отреченія его отъ блага знамени...*

«Liberté» вызвала кого бы то ни было, пользующагося довѣріемъ принца, опровергнуть хоть что-нибудь изъ этого рѣшительнаго заявленія.

Статья эта произвела страшное впечатлѣніе даже на биржѣ. Ревностный органъ сліянія, «Assemblée Nationale», сталъ доказывать, что тутъ кроется прусская интрига, и что она вышла изъ канцеляріи Бисмарка! Напрасно самъ Шенелонъ подтверждалъ истинность сдѣланныхъ имъ заявленій; «Liberté» упорно держалась напечатанной ею статьи и предложила даже конфиденціально сообщить главнымъ редакторамъ «Union», «Gazette de France» и «Univers» имя «синтизнаго друга» графа Шамбора, отъ котораго она получила свою статью.

Она напечатала въ то же время другое извѣстіе, не менѣе страшное для сліянія,—что, вмѣсто того, чтобы прислать категорическое подтвержденіе объясненій Шенелона, графъ Шамборъ написалъ ему письмо, въ которомъ, съ одной стороны благодарить его за его усердіе, а съ другой поясняетъ свои заявленія совершенно въ другомъ смыслѣ.

Подозрѣніе, что интрига въ этомъ пресловутомъ дѣлѣ реставраціи становится слишкомъ скандальною и слишкомъ опасною, сообщается даже нѣкоторымъ знаменитостямъ праваго центра. Самый пылкій, быть можетъ, изъ реакціонеровъ версальскаго собранія, Рауль Дюваль, написалъ генералу Шамгарнье, что непопулярность главы Бурбонскаго дома растетъ все больше и больше, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ; что реставрація невозможна безъ «предварительнаго опредѣленнаго соглашенія» между принцемъ и представителями страны; что въ этомъ отношеніи, сообщеніе, сдѣланное правому центру, «не только не уничтожило, но скорѣе усилило сомнѣнія»; что «молчаніе, хранимое самимъ принцемъ, оставляетъ въ полной силѣ въ глазахъ націи манифестъ его, появившійся въ іюль 1871 г.» (о бѣломъ знамени).

Увѣчетъ ли принцъ Дювала кого нибудь изъ депутатовъ, необходимыхъ для составленія большинства? Не будетъ ли онъ

и его послѣдователи, если они найдутся, при будущемъ голо-
сованіи играть роль маленькой группы Тарже 24-го мая? Тако-
вы жгучіе вопросы, предлагаемые и правою и лѣвою стороною.

Счетъ голосовъ за и противъ монархіи становится, наканунѣ
возвращенія собранія, главнымъ занятіемъ, какъ комиссія де-
вяти, руководимой генераломъ Шангарнье, такъ и распоряди-
тельного республиканскаго комитета, заседающаго у Жюля Си-
мона. Двѣ газеты, одна нерѣшительная „Liberté“, другая рес-
публиканская „Evénement“ составляютъ поименный списокъ де-
путатовъ, раздѣляя ихъ на приверженцевъ монархіи, против-
никовъ ея и нерѣшительныхъ. Вызываемыя ими опроверженія
не очень измѣняютъ ихъ вычисленіе, несогласное съ вычисле-
ніемъ комиссіи девяти, которая приписываетъ монархіи боль-
шинство въ двадцать голосовъ, и подтверждающее вычисленіе
распорядительнаго комитета, рассчитывающаго собрать почти
такое же число голосовъ противъ монархіи.

Между тѣмъ, правительство герцога де-Броули и маршала
Макъ-Магона, увлеченное монархическимъ движеніемъ, компро-
метируется все больше и больше, открыто становясь сообщни-
комъ роялистовъ. Оно позволяетъ роялистскимъ газетамъ объ-
явить, что, если рѣшились отложить до 5-го ноября созваніе
палаты, то только потому, что до этого времени не могло быть
кончено передержаніе полковъ и гарнизоновъ и прочія военныя
предосторожности, необходимыя для того, чтобы заставить
Францію уважать постановленія версальскаго собранія.

Если какой-нибудь офицеръ или генералъ, какъ, напримѣръ,
генералъ де-Бельмаръ, рѣшится написать военному министру,
что онъ не считаетъ возможнымъ продолжать службу при ко-
ролѣ, реставрированномъ вопреки волѣ націи, его тотчасъ же
отрѣшаютъ отъ должности. Маршалъ-президентъ спѣшитъ 28-го
октября издать приказъ по арміи, въ которомъ письмо Карре
де-Бельмарра называется «единственнымъ случаемъ нарушенія
дисциплины въ арміи».

Подчиненные его, командующіе военными дивизіями и кор-
пусами, объявляютъ одинъ за другимъ, что они готовы отдать
себя въ распоряженіе монархіи. Генералъ Эспиванъ въ Мар-
сели запрещаетъ газету „Petit Provençal“ за то, что она по-
зволила себѣ оскорбить его свѣтлость графа Шамбора. Точно
также генералъ Дюбро въ Буржѣ и Мазонѣ запрещаетъ „Union
Républicaine“ и „Progrès de la Saône et Loire“, которыя осмѣ-
лились назвать заговорщиками тѣхъ, кто старается сдѣлать
Францію жертвою парламентской интриги. Въ Лионѣ генералъ
Бурбаки приостанавливаетъ изданіе „Mascarade“, насмѣхавшейся
надъ «ярмаркою совѣстей», и запрещаетъ на три мѣсяца изда-
ніе „Petit Lyonnais“, слишкомъ раскваливающаго лѣвый центръ.
Въ Парижѣ губернаторъ Ладмиро поражаетъ сначала „Ave-
nir National“, а потомъ и попробовавшую замѣнить его, „Ville
de Paris“, за памфлетъ Альцеста „A bas Chambord!“

Какъ во времена коммуны являлись делегаты главныхъ городовъ, старавшіеся примирить обѣ стороны и тѣмъ покончить ужасы междоусобной войны, такъ и теперь къ президенту республики стали являться меры и члены муниципальных и генеральныхъ совѣтовъ, чтобы выразить ему истинное мнѣніе страны и пригласить, во имя сохранения общественнаго мира, безпристрастно и строго отнестись къ роковымъ проискамъ.

Бонскій меръ, его помощникъ и два члена муниципального совѣта увидѣли, какъ передъ ними захлопнулась президентская дверь, такъ что они принуждены были вернуться въ свой департаментъ, оставивъ маршалу письмо, въ которомъ они писали, что «нѣтъ нинѣ существующихъ учреждений можно предвидѣть только неудобства, смуты и перевороты».

Болѣе въ этомъ отношеніи счастливые делегаты города Нанта были допущены въ присутствіе герцога Маджентскаго, который, давъ имъ время высказаться за консервативную республику, коротко отвѣчалъ:

— Какъ глава исполнительной власти, я жду постановленій національнаго собранія; я буду уважать ихъ; таковъ путь, по которому я долженъ идти, и отъ котораго не уклонюсь.

Делегаты города Перигэ не были приняты, получивъ отъ секретаря президентства слѣдующій отвѣтъ:

— Президентъ съ удовольствіемъ принялъ бы васъ, но съ сегодняшняго утра къ нему является столько делегацій, что, не имѣя возможности принять ихъ всѣхъ, и не желая обидѣть ни одной, онъ жалѣетъ, что мѣра, одинаково ко всѣмъ относящаяся, не позволяетъ ему принять васъ.

Подобный же отвѣтъ былъ данъ д'Аркурю и делегаціи города Блуа.

Это доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что маршалъ Макъ-Магонъ даетъ себѣ отчетъ въ настроеніи общественнаго мнѣнія, и что если онъ дѣйствуетъ противно ему, то не по невѣдѣнію, а съ полнымъ сознаніемъ, умышленно.

Изъ дворца президента делегаты департаментовъ отправились къ Тьеру, который дружески принялъ ихъ и сказалъ:

— Переживаемая нами минута очень серьезна, милостивые государи, и я понимаю ваше безпокойство... Оно проявляется повсюду во Франціи, и представляетъ собой естественный плодъ желанія каждаго изъ насъ сохранить свою свободу... Нынѣшняя минута серьезна, сказалъ я, но этихъ словъ не слѣдуетъ принимать буквально. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ положеніе дѣлъ чувствительно измѣняется къ лучшему. Въ монархическомъ лагерѣ замѣчается разстройство. Въ немъ замѣтно меньше увѣренности, и, пожалуй, больше досады. Поэтому, я думаю, что мы должны надѣяться на упроченіе республиканскихъ учреждений...

Отъ эксъ-президента делегаты отправляются въ республиканскую унию радикальныхъ депутатовъ, затѣмъ къ президенту

лѣвой умѣренной стороны и, наконецъ, къ президенту лѣваго центра. Вездѣ ободряютъ ихъ гражданское мужество и подають надежду на мирное разрѣшеніе кризиса въ пользу республики.

— Лѣвый центръ, — сказалъ имъ Леонъ Сэ, — конечно, состоитъ не изъ рѣшительныхъ республиканцевъ, но онъ не можетъ отдѣлиться отъ высказывающейся такъ опредѣленно страны... Только послѣ хладнокровнаго и зрѣлаго обсужденія нынѣшняго положенія дѣлъ, принялъ онъ свое твердое и, какъ вы говорите, патріотическое рѣшеніе. Будьте увѣрены, что онъ сохранитъ его.

На общемъ собраніи лѣваго центра, бывшемъ въ Парижѣ 30-го октября, эти слова были подтверждены слѣдующею, единогласно принятою резолюціею:

«Лѣвый центръ, подѣ влияніемъ выраженной одобренія, присланныхъ ему со всѣхъ концовъ Франціи, объявляетъ, что наступило время выйти изъ временнаго положенія дѣлъ, и организовать консервативную республику».

Но въ то-же время, съ понедѣльника 27-го числа по среду 31-го, все казалось готовилось къ новому coup d'état, который возстановилъ бы тронъ, какъ говорили роялисты, при помощи парламентскаго большинства или даже и безъ него. Предлогъ къ этому отыскивали, согласно указаніямъ практики второй имперіи, въ открытіи или даже импровизаціи большаго демократическаго заговора, который привелъ бы въ движеніе всѣ силы осаднаго положенія для спасенія общества. Очень встали были произведены аресты и сдѣланы обыски въ Отенѣ, Магонѣ, Крѣзо, Эпиналѣ и Дижонѣ; увѣрили, что напали на слѣдъ тайнаго общества, стремившагося къ тому, чтобы, по примѣру парижской коммуны, захватить заложниковъ и прежде другихъ маршалу Магъ-Магонъ, племянницу маршала, живущую въ замкѣ Сюлли въ этой части Бургони. Говорили также о розысканіи большихъ складовъ оружія въ департаментахъ Роны, Устьева Роны и другихъ юговосточныхъ департаментахъ.

Мысль о неизбежности государственнаго переворота была такъ распространена, что парижское населеніе сочло его уже совершившимся, когда, проснувшись 29-го утромъ, оно увидѣло, что кавалерія занимаетъ всѣ улицы, идущія отъ Монмартрскаго предмѣстья до Chaussée d'Antin и отъ Notre Dame de-Lorette до италіанскаго бульвара; но дѣло шло о другомъ несчастіи: о пожарѣ большой оперы въ улицѣ Ленелетъе.

Вечеромъ 30-го октября во всѣхъ кафе и кружкахъ еще говорили о большей или меньшей вѣроятности государственнаго переворота, какъ вдругъ появился номеръ «Union», содержащій въ себѣ письмо къ Шенелону, помѣченное изъ Зальцбурга отъ 27-го октября 1873 г. и подписанное: *Генрихъ*.

— Король погубилъ монархію, но спасъ свою честь! слышалось всюду.

Дѣйствительно тотъ, который могъ бы сдѣлаться Генрихомъ V, если бы иезуитски согласился принять трехцвѣтное знамя, этимъ манифестомъ окончательно уничтожилъ всѣ шансы на свое вступленіе на престолъ; онъ разбилъ интригу, которая такъ искусно велась Фаллу, съ такимъ трескомъ была принята на прошлой недѣлѣ собраніями правой стороны и праваго центра, и парламентское и военное осуществленіе которой уже оканчивала комиссія девяти подъ руководствомъ генерала Шангарнье въ сообщничествѣ съ правительствомъ Макъ-Магона.

Оказалось, что принцъ позволилъ своимъ приверженцамъ говорить и строить политическія комбинаціи вокругъ него и у него, но ни словомъ, ни письмомъ, ни жестомъ не компрометировалъ себя лично. Однако онъ былъ бы скомпрометированъ, еслибы реставрація монархіи, — наследственной, національной, конституціонной и трехцвѣтной, — была предложена версальскому собранію въ томъ видѣ, какъ она была формулирована на общихъ собраніяхъ членовъ правой стороны и праваго центра и при томъ съ рискомъ быть отвергнутою совершенно или принятою ничтожнымъ большинствомъ. Вотъ почему, онъ рѣшился возвысить голосъ противъ тѣхъ, которые думаютъ, «что онъ согласился сдѣлаться законнымъ королемъ революціи».

— Такъ какъ, говоритъ онъ: — недоразумѣнія затемняютъ мою открытую политику, то я долженъ сказать всю истину страшно, которая можетъ не признавать меня, но которая должна уважать мою искренность.

Подавляя своимъ презрѣніемъ честолюбцевъ, сдѣлавшихся самыми дѣятельными агентами его реставраціи, онъ восклицаетъ:

— Отъ меня требуютъ теперь, чтобы я пожертвовалъ своею честью. Что отвѣчать мнѣ на это? Только то, что я *ничего не вычеркиваю, ничего не убавляю* изъ моихъ предыдущихъ заявленій. По притязаніямъ, дѣлаемымъ нынѣ, я могу заключить о позднѣйшихъ требованіяхъ, и не могу согласиться начать доказательствомъ своей слабости царствованіе, которое должно быть возстановляющимъ и *сильнымъ*.

Осмѣлились предложить ему условія; потребовать отъ него гарантій. Но онъ напоминаетъ, что никакихъ условій ему не было поставлено графомъ парижскимъ, «привезшимъ ему отъ *мнѣ всѣхъ членовъ его семейства*», — здѣсь имѣется въ виду роль, которую можетъ играть впереди герцогъ Омальскій, — «увѣреніе въ преданности и въ примиреніи». Онъ расхваливаетъ Макъ-Магона, и указываетъ, что «отъ этого Баяра новѣйшихъ временъ» не требовали же гарантій, когда «въ памятную ночь 24-го мая на него возложили великую обязанность успокоить страну словомъ честнаго человѣка и солдата, словомъ, которое *успокаиваетъ добрыхъ и заставяетъ трепетать злыхъ*». (Выраженіе Бонапарта, который, конечно, долженъ-бы былъ гордиться, если-бы былъ живъ, тѣмъ, что его слова повторяются послѣднимъ Бурбономъ).

Не подвергнуся болѣе риску голосованія, Генрихъ V возвращается на небеса, драпируясь складками бѣлаго знамени. Онъ даже, если можно такъ выразиться, *кокетничаетъ* тѣмъ, что не позволяетъ своимъ подданнымъ сожалѣть о томъ, что онъ не удостоиваетъ ихъ ни малѣйшею уступкою.

Утопически объявляетъ онъ себя готовымъ «съ завтрашняго, съ сегодняшняго дня, съ этой-же минуты» возстановить общество «на его естественныхъ основахъ» (дореволюціонныхъ), но видитъ, что *его не признаютъ*, и что народъ не привоветъ его для того, чтобы онъ,—по его выраженію,— «не боялся *употребить силу для водворенія порядка и справедливости*».

— Я хочу остаться тѣмъ, чѣмъ былъ, говоритъ онъ.—Сдѣлавъ уступку сегодня, я буду безсиленъ завтра.. Моя личность здѣсь ничего не значитъ; мой принципъ—все. *Я необходимый кормчій, одинъ способный привести корабль въ гавань, потому что мнѣ дана на это власть и на меня это возложено.* Франція не можетъ погибнуть, потому что Христосъ любитъ своихъ франковъ, а когда Богъ захочетъ спасти народъ, онъ позаботится, чтобы скипетръ правосудія попалъ въ руки, способныя держать его.

И такъ, не отъ вѣчно юнаго генерала Шангарнье, непобѣдимостъ котораго была признана даже арабами, и не отъ ловкаго Фаллу, обольстившаго даже отцовъ іезуитовъ, и не отъ любезныхъ трехцвѣтныхъ герцоговъ д'Одиффре, Дегаза и де Броли, ожидаетъ Генрихъ V возвращенія короны своихъ предковъ. Онъ не отказался-бы, конечно, принять ее изъ рукъ новаго Баяра, если-бы онъ произвелъ *coup d'état* въ его пользу. Но такъ какъ такой *coup d'état* невозможенъ вслѣдствіе полнаго отсутствія энтузіазма къ бѣлому знамени въ арміи, то «необходимый кормчій» возлагаетъ отнынѣ всю свою надежду на Бога и на его судъ.

Во всякомъ случаѣ, кризисъ, грозившій кончиться реставраціею средневѣковой монархіи, конченъ. Монархія стараго порядка, избѣгая пораженія, отказалась (отъ послѣдней борьбы. Генрихъ V спасъ свою честь. Но роялисты потеряли и ее, и всѣ свои радужныя надежды!

Клодъ Франкъ.

Парижъ. 1-го ноября, 1873 года.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Очень еще недавно «Сибирь» и «каторга» считались словами, имѣющими одно и то же значеніе. Самый простой, вызванный разговоромъ вопросъ: «да вы сами-то не изъ Сибири ли?» иними принимался чуть не за оскорбленіе, потому что съ понятіемъ о Сибири неразрывно было связано понятіе о какомъ-нибудь уголовномъ преступленіи.

Немного лѣтъ прошло, а понятіе о Сибири во многомъ уже измѣнилось, и, главное, прояснилось. Со времени уничтоженія рабства въ Россіи, многіе изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, получившіе по уставнымъ грамотамъ дрянные или мизерные надѣлы, начали ходатайствовать дѣлами обществами о переселеніи ихъ въ Сибирь на свободныя земли. Старинные ихъ товарищи, давно уже переселенные въ Сибирь и устроившіеся тамъ очень удобно, писали къ своимъ землякамъ: «Сибирь-то настоящая не у насъ здѣсь, а у васъ — перебрайтесь-ко къ намъ, если пустятъ!» (Нѣсколько такихъ случаевъ было въ Казанской губ., въ Спасскомъ уѣздѣ). Желающихъ всѣмъ міромъ не пустили, а отослали только нѣкоторыхъ, не совсѣмъ уже по своему желанію; но, тѣмъ не менѣе, улучшенный взглядъ крестьянъ на Сибирь такъ и теперь сохранился.

Впрочемъ, въ послѣднее время не у однихъ только крестьянъ понятіе о Сибири перемѣнилось: два крупныя предположенія—отмѣна ссылки въ Сибирь и постройка сибирской желѣзной дороги, окончательно должны измѣнить характеръ этой богатой отъ природы, но мало извѣстной страны, которой суждено было прослыть какимъ-то пугаломъ.

Съ 1-го февраля минувшаго года учреждена была по высочайшему повелѣнію особая коммиссія «для составленія общаго систематическаго проекта о тюремномъ преобразованіи» съ поставленіемъ ей въ обязанность окончить возлагаемый на нее трудъ въ *юдичный* срокъ. Черезъ два съ половиною мѣсяца, 16-го апрѣля того же года, ишутъ «Московскія Вѣдомости», эту коммиссіей, согласно данной ей въ руководствѣ высочайше утвержденной инструкціи, уже были выработаны основныя начала о новомъ устройствѣ мѣстъ заключенія, которыя и были затѣмъ представлены на совмѣстное обсужденіе министровъ —

внутренних дѣлъ, юстиціи и финансовъ и начальниковъ II и III отдѣленій собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Вслѣдъ затѣмъ поручено было комиссіи выработать основное положеніе и полный проектъ для тюремнаго преобразования въ 10 губерніяхъ московскаго судебного округа Наполеонъ, объѣхавъ округъ, комиссія завершила свои работы «проекта положенія о тюрьмахъ», который и представленъ при особой докладной запискѣ 25-го минувшаго марта. «Проектъ преобразования нашей тюремной системы» приведенъ въ согласіе съ проектируемою *новою лѣстницею наказаній* и нынѣ вступилъ уже въ высшія законодательныя сферы. Такимъ образомъ, тюремная реформа и новая лѣстница наказаній близится къ своему осуществленію.

Проектируется совершенно новая градація наказаній, въ размѣнъ нынѣшнихъ:

1) Каторжная тюрьма безсрочная и на срокъ отъ 6 до 20 лѣтъ. Для этого предполагаются центральныя тюрьмы въ различныхъ частяхъ Россіи.

2) Исправительный домъ на срокъ отъ 1½ до 5 лѣтъ, и оставленіе на прежнемъ мѣстѣ жительства.

3) Смирительный домъ на срокъ не свыше 8 мѣсяцевъ и, наконецъ, арестъ до 3 мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, можно разсчитывать, что «богатая Сибирь», хотя и не скоро, но все-таки освободится же, наконецъ, отъ гнетущаго ее зла: десятковъ тысячъ каждый годъ въ нее присылаемыхъ преступниковъ, которые никоимъ образомъ не могутъ считаться надежными, хорошими колонистами. Большія толпы бѣглыхъ каторжниковъ, не особенно уважающихъ права собственности, постоянно расхаживаютъ по обширной Сибири и по соседнимъ съ нею губерніямъ Россіи и постоянно пугаютъ смиренныхъ, миролюбивыхъ обитателей, какъ индѣйцы въ старые годы смѣлыхъ предковъ нынѣшнихъ сѣверо-американцевъ.

Когда еще нынѣшняя сѣверо-американская республика была въ зависимости отъ Англіи, то англійское правительство смотрѣло на эту страну, какъ мы на свою Сибирь, т.-е. какъ на помойную яму для накопившихся нечистотъ. Это обстоятельство, между прочимъ, было одною изъ важныхъ причинъ недовольства правительствомъ и удачнаго освобожденія.

«Ссылка сдѣлала изъ нашей страны яму пороковъ, восклицалъ Франклинъ и прибавлялъ:—что сказали бы вы, англичане, ежели бы мы послали къ вамъ, на островъ своихъ гремучихъ змій?»

По изгнаніи изъ освободившейся Америки, англійское правительство перевело свою помойную яму въ Австралію, но и здѣсь, чрезъ нѣкоторое время, интересы свободныхъ колонистовъ потребовали ея отмычки. Выпускаемые конвикты на поселеніе причиняли огромное безпокойство жителямъ; они составляли шайки разбойниковъ «бушранжеровъ» (bushrangers), а въ Тасманіи, по

словамъ мѣстнаго совѣта, составили преступные союзы, образовавшіе массу гнѣющей безправственности и рассадникъ ужасныхъ преступленій, которыя такъ глубоко укоренились и столь сильно были распространены, что невозможно было надѣяться на введеніе какой-либо законности въ этой странѣ. Колонисты поэтому начали съ выраженія неудовольствія и кончили рѣшительной оппозиціей ссылкѣ преступниковъ въ Австралію. Съ 1843 года англійскія колоніи имѣли уже констатуюцію и свои парламенты, управляли уже сами своими дѣлами, а потому выяснили себѣ вредъ ссылки. Въ 1849 г., когда ссылку снова хотѣли обратить въ Новый Южный Валлисъ, колонія сочла себя обиженною, заподозрила министерство въ недоброжелательствѣ и въ адресѣ королевѣ просила, *чтобы ее не позорили, превращая въ помойную яму для метрополи.* Такъ-же рѣзко протестовала и Тасманія, съ которой соединились, по словамъ Блесвилля, мѣстный епископъ, меры, мирные судьи для протеста противъ ссылки (Blesseville, Hist. de colonisation penale). Въ 1851 г. ссылка была совершенно отмѣнена въ Валлисѣ и затѣмъ въ Норфолькѣ и Вандеминоу землю. Ссылка однако продолжалась въ южную Австралію, и Викторія также начала жаловаться на вредъ отъ конвиктовъ. Тогда во всей Австраліи была составлена лига противъ ссылки (antitransportation league).

Когда въ 1863 и 1864 году поднятъ былъ вопросъ о ссылкѣ въ англійскомъ парламентѣ, то вѣсти эти, долетѣвшія до Викторіи, возбудили такія сильныя опасенія, что въ Викторіи собрался совѣтъ о принятіи мѣръ противъ нея, а городъ Мельбурнъ составилъ добровольную подписку и, собравъ вышущенныхъ въ портѣ 200 англійскихъ преступниковъ, *отправилъ назадъ ихъ въ Англію* въ февралѣ 1865 года.

Точно также неудались попытки выслать преступниковъ и въ другія колоніи. Когда Англія послала корабль съ ссылками на мысъ Доброй Надежды, то жители города Капштата, по словамъ Блесвилля, рѣшительно отказались принять корабль, не дозволила никому высадиться, и когда онъ отошелъ, городъ былъ иллюминированъ въ знакъ своей побѣды и торжества. Гордые колонисты-англичане, пользовавшіеся самоуправленіемъ, не пожелали имѣть въ своемъ обществѣ преступниковъ какъ потому, что ссылка приносила вредъ, мѣшала развитію гражданственности въ колоніи, такъ и потому, что жители считали себѣ постыднымъ третироваться одинаково съ преступниками. Натянутыя отношенія колоніи къ метрополи совершенно заставили Англію превратить ссылку въ колоніи. Съ 1857 г. она замѣнена была *у ювнымъ рабствомъ* (penale servitude), т. е. каторжными работами, которыя производятся въ портахъ Англій, на Бермудскихъ островахъ и въ Гибралтарѣ причемъ введены «условные отпуски» для исправляющихся и они перевозятся обратно въ Англію.

Все это дѣлалось и дѣлается у свободныхъ, смѣлыхъ англи-

чанъ, да америкарцевъ, которые, въ дѣлахъ важныхъ, не ограничиваются ходатайствами. Наши смиренные сибиряки все время терпѣли, упорно молчали, и начинали бѣлугой ревѣть только лишь въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда бѣлуге, выслѣдивъ ихъ въ дорогѣ, принимались бить дубинами по затылкамъ; но въ послѣднее время, и ихъ общее недовольство неудобнымъ своимъ положеніемъ начинаетъ проявляться даже въ печати. Такого рода свѣдѣніями въ особенности богаты печатные органы мѣстностей «не весьма отъ Сибири отдаленныхъ», которыя, по сосѣдству, и сами не мало горя терпятъ отъ бѣлуги съ каторги.

Въ Омской корреспонденціи «Камско-волжской газеты» была помѣщена еще въ іюлѣ очень интересная статья, въ которой писали: «своровство, утихнувшее было у насъ *послѣ наступившей облавы* (тамъ на бѣлуги какъ на волковъ, *облавы* дѣлаются), опять начинаетъ намъ давать себя чувствовать. О случаяхъ покражи и грабежа опять начинаютъ поговаривать то здѣсь, то тамъ (это еще только въ большомъ городѣ). Не далѣе, какъ вчерашнюю ночь въ гостинномъ дворѣ обокрадена лавка съ галантерейными товарами, черезъ подкупъ, проведенный на сосѣдній дворъ; вытащены всѣ сколько нибудь цѣнныя вещи. Вчера же, среди бѣлаго дня, изъ другой лавки, въ томъ же гостинномъ дворѣ, утащена шкатулка съ деньгами, во время разгара денегъ. Весьма недавно на базарѣ, въ самый разгаръ торга, украденъ кошелекъ съ деньгами и узелъ съ вещами какимъ-то челоуѣкомъ, подѣхавшимъ верхомъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ воры еще не найдены. Намъ остается только удивляться нахальству и дерзости воровъ. Все это зло кроется въ самомъ современномъ порядкѣ вещей. Постоянная ссылка въ Сибирь ненужнаго для европейскихъ губерній люда ставитъ насъ въ постоянную блокаду отверженныхъ людей. И нигдѣ, кажется, эта блокада не чувствуется такъ сильно, какъ въ Омскомъ округѣ. Здѣсь сходятся со всѣхъ сторонъ какъ торговля, такъ и почтовые дороги, здѣсь таятся и расходятся по всѣмъ концамъ Сибири ярмарочные товары; здѣсь проѣзжаетъ множество пассажировъ; сюда же стягивается и бродяжеское население Сибири. Большая дорога и озеро Чаны кишатъ этимъ народомъ. Рыбпромшленники не рѣшаются заплывать слишкомъ далеко внутрь этого озера—на островахъ его, говорятъ, находятся цѣлыя поселенія бродягъ; тутъ же производится и фабрикація фальшивыхъ монетъ. Даже въ такомъ обширномъ административномъ центрѣ, какъ Омскъ не рѣдкость встрѣтить на дальнихъ улицахъ людей этого сорта. Кучугури наприимѣрь, биткомъ набиты ими; овраги и норы по Оми служатъ имъ лѣтнимъ пристанищемъ. Ягодницы, отправляющіеся за клубникой, иначе не рѣшаются идти въ путь, какъ большими партіями. Мнѣ недавно рассказывали нѣсколько случаевъ, какъ бродяги, воспользовавшись отсутствіемъ мужскихъ членовъ семьи,

являлись въ дома подъ видомъ прошенія милостыни и, въ благопріятныхъ случаяхъ, обворовывали эти дома, и даже, при сопротивленіи, убивали ихъ обитательницъ. *До 30 тысячъ бродягъ находятся въ постоянномъ странствованіи по Сибири.* Одни изъ нихъ возвращаются на родину въ Россію, другіе же избрали Сибирь мѣстомъ своихъ постоянныхъ походовъ и продѣлокъ— благо необъятныя степи, лѣса и горы представляютъ всё удобство къ этому. Бродяги грабятъ, воруютъ, какъ сами выражаются, «паньрутатъ» сибиряка, обманываютъ его шарлатанствомъ, эксплуатируютъ страсть сибирскаго мужика къ наживѣ, пользуются его довѣріемъ, развращаютъ и уводятъ мужицкихъ жонъ...»

Не даромъ эта дѣльная, мѣстная газета (Камско-волжская) съ такимъ усердіемъ занялась разработкою сибирскаго вопроса: въ самой Казани нерѣдко оказывались цѣлыя притоны бѣглыхъ изъ Сибири смельчакъ, а объ лѣсахъ и пространствахъ вдали отъ города—и говорить нечего! Трудно изглядѣть изъ памяти одну ужасную сцену, которую мнѣ удалось самому видѣть, бывши еще гимназистомъ, въ Казани. По улицамъ вели на казнь двоихъ рослыхъ мужиковъ: Бягова и Чайкина. Одинъ изъ нихъ перерѣзалъ человѣкъ 50 изъ моихъ земляковъ, другой еще больше, въ особенности женщинъ, которыхъ онъ съ наслажденіемъ живыхъ анатомировалъ. И казнь-то была особаго рода: разбойниковъ засѣкали до смерти палками. Множество разряженными дамъ, стоя въ коляскахъ, любовались на это страшное зрѣлище. Глядя на вѣдунья, черныя, словно желѣзныя поллированные спины полумертвыхъ разбойниковъ, которые смотрѣли съ своихъ высокихъ тележекъ остолбенѣлыми глазами съ страшною улыбкою,—многіе изъ зрителей, въ особенности изъ женскаго пола, подсмѣивались и приговаривали: «такъ вамъ и надо! Небось, припомнилъ чай теперь, какъ младенцевъ-то принималъ, повитуха ты, проклятая!». Въ казанскомъ анатомическомъ театрѣ и теперь можно видѣть крупныя скелеты этихъ двухъ, до смерти засѣченныхъ разбойниковъ...

Въ одной изъ статей объ отъѣзѣ ссылки, «Камско-волжская газета», невѣроятно уже увлекшись радостнымъ слухомъ, отдаетъ существующимъ у насъ порядкамъ даже преимущество предъ англійскими, конституціонными. — «Нельзя не сочувствовать этому дѣлу—совершенно справедливо замѣчаетъ газета—и мы отдаемъ тѣмъ болѣе чести такому начинанію, что оно совершается у насъ безъ колебаній. Что взглядъ на неудобство и вредъ ссылки вполне выяснился, это доказывается тѣмъ, что ни одинъ голосъ въ русской прессѣ не высказался при обсужденіи проекта за ея сохраненіе. *Итакъ, то, что у другихъ народовъ потребовало дойти до усилій, упорной борьбы, вызывало распри, такъ, напримѣръ, у Англии съ своими колоніями, у насъ подаетъ надежду разрѣшиться мирно, во имя выгоды и интересовъ населенія, самимъ правительствомъ.* Вотъ почему нельзя не оста-

новиться предъ торжественностью этого историческаго момента. Дай Богъ, чтобы прекращеніе смысла совершилось во всѣхъ ее видахъ».

Если взглянуть на дѣло поверхностно, въ глубь его не вникая, то, дѣйствительно, можетъ показаться, что у насъ всѣ важныя, сильно задѣвающія народныя интересы реформы совершаются несравненно какъ-то легче, спокойнѣе, чѣмъ тамъ, у безповойныхъ англичанъ. У нихъ сейчасъ являются какія-то протесты, ляги; предпринимаются даже мѣры, еще болѣе рѣзкія, наиримѣръ, отправленіе назадъ кораблей съ каторжными колонистами, присланными правительствомъ, а у насъ ничего подобнаго не замѣчается. Всякая реформа, хотя бы она перевертывала старыя, привычныя порядки вверхъ дномъ, принимается не только безъ протеста, но даже съ благодарностью, какъ подарокъ, и даже потерпѣвшее отъ реформы сословіе первое старается сочинить благодарственный адресъ какъ можно позабористѣе.

Это, разумѣется, хорошая сторона дѣла, благоприятная для всякаго рода реформъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она-же можетъ являться и слабой стороной, характеризующей всякое русское дѣло. Приступъ къ реформѣ всегда блестящій: общая радость, объѣды съ рѣчами, стремленіе къ самопожертвованію, но немедленно послѣ такого торжественнаго приступа появляется и разочарованіе какое-то, нѣчто въ родѣ недоумѣнія или недоразумѣнія, потому что собственно никто не знаетъ, что ему дѣлать, что ему нужно и что изъ всего этого выйдетъ?

Каждому извѣстно, что у насъ всѣ реформы начинаются и приводятся въ исполненіе однимъ правительствомъ, а общество только отъ времени до времени заявляетъ къ нимъ свое сочувствіе и разныя ходатайства. Еще въ самомъ началѣ нынѣшняго вѣка правительство очень хорошо уже усматривало что-то такое неклеяное и неладное во внутреннемъ устройствѣ Сибири, куда и отправленъ былъ знаменитый нашъ реформаторъ Сперанскій, поавшій тогда въ Петербургѣ въ немилость. Сибиряки, какъ водится, съ восторгомъ встрѣтили опальнаго реформатора, съ большимъ нетерпѣніемъ начали ожидать реформъ, но когда самому Сперанскому вздумалось вывѣдать мнѣнія общества, то онъ ровно ничего не могъ добиться, потому что общество и само еще не успѣло придумать, что ему нужно и чего не нужно. «Новое раздѣленіе Сибири — пишетъ одинъ сибирякъ по поводу пріѣзда Сперанскаго — [отразится развѣ только въ послѣдствіи на его сущности, но до этого мы не доходимъ. И вообще всякія соображенія въ области общихъ вопросовъ, касающихся дѣлаго края, въ вопросахъ, выходящихъ изъ рутинны обиденной нашей жизни, намъ тяжелы, да мы къ нимъ и не привыкли. Какъ раздѣлять Сибирь? — Тамъ еще знаютъ какъ, соорумъ мы. Что касается мнѣнія массы вообще, у которой могутъ быть чѣмъ-нибудь связаны интересы

съ отдѣленіемъ извѣстнаго населенія къ той или другой области, то, какъ извѣстно, мнѣніе это не высказывается предварительно, а выскажетъ она его тогда, когда уже почувствуетъ тѣ или другія послѣдствія. Наконецъ, что темная масса можетъ сказать о томъ или другомъ дѣленіи на округа, развѣ не все равно ей? Когда Михаилъ Михайловичъ Сперанскій проектировалъ планъ дѣленія Сибири на округа и губерніи, то являлись довольно сложные вопросы, куда отчислить ту или другую волость, въ видахъ ея выгодъ, и онъ обращался съ запросомъ къ крестьянскому населенію на этотъ счетъ. Михаилъ Михайловичъ любилъ иногда это дѣлать, но въ настоящемъ случаѣ было то, что мужики даже не понимали вопроса: что могло выйти изъ этой приписки къ той или другой мѣстности. Конечно, являлись и недоразумѣнія: какая-то Томская или Енисейская волость попала и была подчинена такому отдаленному административному центру, и въ ея обязанности вошла повинность другой губерніи, которую надо было исполнять за тысячи верстъ, а потому не только почувствовались неудобства, но и практически выполнить условій этого дѣленія, существовавшаго на бумагѣ, было невозможно. Но крестьяне почувствовали это только впоследствии: начались мужичьи оханья, началось безчисленное хожденіе по присутственнымъ мѣстамъ, подаваніе просьбъ, по обыкновенію, не туда, куда слѣдуетъ, да благо вникъ Сперанскій и увидѣлъ ошибку». (См. рядъ статей о Сибири въ «Камско-волжск. газетѣ» 1873 г.).

Нацѣсно, поэтому, увлекающіеся люди думаютъ, будто у насъ всѣ благодѣтельныя реформы приводятся въ исполненіе несравненно легче и удобнѣе, чѣмъ, напр., въ Англіи и Америкѣ. Тамъ съ реформами, дѣйствительно, хлопотъ больше, но за то и вещь выходитъ получше, попрочнѣе; не то, что нашъ дешевый чемоданъ московской фабрикаціи съ ручками изъ бумажнаго картона, облепленными тонкой кожей.

Въ послѣднее время «богатая», мало-извѣстная Сибирь сосредоточиваетъ на себѣ не только наше вниманіе, но и всей просвѣщенной Европы, а отчасти, и пугливой, непросвѣщенной Азіи. Сибирская желѣзная дорога, громадные, еще нетронутые запасы каменнаго угля и всякой металлической благодати, тщательно охраняемой отъ жадности людской въ нѣдрахъ земли — привлекаютъ на Сибирь взоры образованной Европы; наше же вниманіе исключительно сосредоточивается на вопросѣ о ссылахъ въ Сибирь, или изъ Сибири, потому что, дѣйствительно, въ высшей степени интересно, чѣмъ этотъ сложный вопросъ разрѣшится?

Пользуясь доставленными намъ изъ Сибири корреспонденціями и вообще источниками, мало доступными большинству публики, посвятимъ и мы нѣсколько обзорнѣй собственно Сибири, потому что давно пришло время, чтобы объ ней погромче за-

говорили и исключили-бы сибирскій вопросъ изъ числа мѣстныхъ, будто-бы не важныхъ вопросовъ.

Общее положеніе сибирскихъ дѣлъ читателю уже извѣстно изъ циркуляровъ генераль-губернатора Синельникова, такихъ рѣзкихъ, предъ которыми блѣднѣетъ каждая, самая жолчная корреспонденція мѣстнаго обывателя, подвергающагося явной опасности быть за нее избитымъ кулаками оскорбленныхъ или высланнымъ изъ Сибири. Всѣмъ уже извѣстно, что въ одной только восточной Сибири официальнымъ путемъ открыто до 200 тысячъ рублей какихъ-то «темныхъ» чиновничьихъ *поборовъ*, а на какую сумму ихъ не открыто—это еще неизвѣстно. Всѣмъ уже извѣстно, что дѣла на казенныхъ сибирскихъ промыслахъ идутъ изъ рукъ вонъ плохо, что пути сообщенія въ Сибири относятся къ такимъ, про которые давно уже сложилась извѣстная народная поговорка. Изъ недавняго циркуляра генераль-губернатора начальникамъ губерній и областей мы узнаемъ, что сибирскія почты «преимущественно отличаются неисправностью; въ казачьихъ станцияхъ, онѣ напоминаютъ почты былыхъ временъ сѣверо-западнаго края, содержимыхъ евреями. Казаки, которые, пользуясь видимымъ благосостояніемъ по своему быту и обстановкѣ, должны бы быть въ край примѣромъ исполнительности законныхъ требованій начальства, къ сожалѣнію, относительно порядка распущены до невѣроятія, на что и обращаю особенное вниманіе ихъ начальства. *По совѣсти, мы должны отнестись благополучный проѣздъ черезъ Забайкалье великаго князя Алексея Александровича не къ нашему усердію, а единственно къ промыслу Божию, охранявшему августѣйшаго путешественника*».

Ужь если такіе высокіе путешественники, великіе князья, могутъ благополучно проѣхать по дорогамъ только лишь благодаря «промыслу Божию», то легко себѣ представить, каковы эти сибирскіе пути сообщенія!

Не залѣзая пока далеко въ глубь, въ снѣга Сибири, начнемъ съ ближайшихъ окраинъ, съ положеніемъ которыхъ отчасти уже насъ познакомила надѣлавшая въ свое время столько шуму ревизія сенатора Клушина.

Говорятъ, очень много чиновниковъ, даже крупныхъ, повзлѣло съ насиженныхъ мѣстъ, какъ будто отъ неожиданнаго подзатыльника, съ дѣстницы; но, вѣроятно, не всѣ-же вылетѣли: на подходящемъ мѣстѣ поганый грибокъ непременно выростетъ, какъ тамъ его ни истребляй; а мѣстечко-то это, возлѣ Уральскаго хребта,—очень подходящее. Множество бросающихся въ глаза безобразій было замѣчено строгимъ, опытнымъ сенаторомъ; но вѣдь далеко не всѣ безобразія бросаются въ глаза: есть и такія, которыя тщательно прикрыты формой законности, такъ что, сразу-то, и не отличишь его отъ хорошаго дѣла. Объ одномъ изъ такихъ съ виду приличныхъ безобразій мы, кстати, здѣсь и поговоримъ, пользуясь случаемъ: доставленнымъ

корреспонденціями, выписками изъ различныхъ предписаній, отношеній, прошеній и рапортовъ, за нумерами.

Тамъ, далеко за Ураломъ, т.-е. уже по ту сторону Уральскаго хребта, въ мѣстности, которая, почему-то, значитса въ Европейской Россіи, находятся громадныя горнозаводскія имѣнія Демидова. Это, собственно, не обыкновенное помѣщичье село съ поселками, даже не волость, а цѣлый *округъ* (Нижнетагильскій), съ нѣсколькими волостями и селеніями, съ семью-стами тысячами десятинъ земли и съ пятидесяти-тысячнымъ (обоюго пола) населеніемъ, приписаннымъ къ заводамъ въ старинныя времена баснословно-богатаго русскаго барина¹.

До введенія Положеній 19-го февраля, когда еще помѣщичьи заводы подчинялись Горному уставу, заводчики были обязаны распредѣлять работы крѣпостнымъ на заводахъ такимъ образомъ, чтобы, при отправленіи ихъ, *«находилась всегда одна только половина людныхъ къ работъ, а прочіе оставались при сельскихъ своихъ занятіяхъ»* (ст. 465 Горн. устава).

Намъ неизвѣстно, строго ли исполнялась эта статья закона заводчиками; но такъ какъ заводчики «обязаны» были ее исполнять, то слѣдуетъ предположить, что исполнялась, а при составленіи уставныхъ грамотъ это обстоятельство очень важно. Дѣйствительно, изъ официальной переписки мирового посредника видно, что тагильскіе крестьяне, до введенія грамотъ, пользовались болѣе, чѣмъ *пятидесятью тысячами десятинъ* земли. При разсмотрѣніи подробностей дѣла оказалось, что сѣнокосныя крестьянскія угодья отведены были даже не въ *пользованіе*, а въ *собственность* крестьянъ, посредствомъ купли и продажи. Крестьяне, каждый лично, покупали эти участки пашни и покосовъ у заводской конторы; иногда рублей по 300 за участокъ платили. Эти участки пашни и покосовъ, какъ личная собственность крестьянъ, передавались по наслѣдству, продавались и покупались, купчія же записи сама контора и заводское управленіе свидѣтельствовали и записывали ихъ въ конторскія шнуровыя книги; слѣдовательно, участки эти признавались и самимъ заводоуправленіемъ крестьянскою собственностью.

До введенія уставныхъ грамотъ, крестьяне нѣкоторыхъ селеній, напримѣръ, Нижнетагильскаго, получали значительный доходъ съ сельскихъ своихъ базаровъ, потому что, при мно-

¹ Въ редакцію доставлено нѣсколько корреспонденцій о заводскомъ-крестьянскомъ дѣлѣ, но корреспонденціи эти неудобно было печатать, потому что въ нихъ сообщались только слухи. Недавно одинъ изъ бывшихъ пермскихъ чиновниковъ доставилъ объемистую статью о тагильскомъ дѣлѣ съ вычисленіемъ въ архивныхъ бумагахъ. Статью эту цѣлкомъ помѣстять неудобно, но такъ какъ въ ней подтверждаются всѣ факты, сообщенные въ прежнихъ корреспонденціяхъ, то получилась возможность отнестись къ нимъ съ большимъ до-вѣріемъ.

жествъ заводскихъ рабочихъ, съѣстные припасы имъ привезены и со стороны. Собственно площади базарной не было, а каждый мастеровой-домовладѣлецъ пускалъ къ своему двору нѣсколько возовъ, такъ что доходъ этотъ не поступалъ ни ко владѣльцу завода, ни въ мѣръ, а просто собирался каждымъ домовладѣльцемъ отдѣльно, сколько кому посчастливится. Поэтому, для удобства, обществомъ мастеровыхъ, *безъ всякаго участія заводоуправленія, своими собственными средствами*, куплены и снесены 36 обывательскихъ домовъ, перенесенныхъ на пустую усадебную землю, и, такимъ образомъ, образовалась просторная площадь. Впрочемъ, это удобство заводскіе крестьяне доставили себѣ, къ своему несчастію, уже послѣ уставныхъ грамотъ.

Такимъ-то манеромъ въ старія добрыя времена жили заводскіе крестьяне и, по своему, благоденствовали. Расчищенные собственнымъ трудомъ, съ дозволенія конторы, покосы и пашни, приобретенные покупкою (тоже не безъ участія конторы), считались заводскими крестьянами полною собственностью, которую можно было и продать, и заложить и передать по завѣщанію. Вдругъ приступили къ составленію уставныхъ грамотъ, которыхъ прямое назначеніе—*умлучить* бытъ крестьянъ, и немедленно оказалось, что крестьяне, послѣ *умлученія изъ бѣды*, становятся положительно нищими и бобылями! Какъ такъ? Да очень просто, потому что тамъ ужь сторона такая, особенная! Управляющій заводами причислилъ въ своихъ уставныхъ грамотахъ все пятидесяти-тысячное населеніе округа къ *«сословию мастеровыхъ»*, точно такъ же, какъ нѣкоторые изъ предусмотрительныхъ великороссійскихъ помѣщиковъ перечислили было (хотя и не во всѣхъ случаяхъ удачно) всѣхъ крестьянъ своихъ *въ дворовые*, чтобы земельный надѣлъ весь у себя остался. Сдѣлавши въ уставной грамотѣ такую, крестьянами непредусмотрѣнную вставку, заводоуправляющій назначилъ на ревнскую душу по одной десятинѣ луговъ, и, такимъ образомъ, пятидесяти-тысячное заводское населеніе, послѣ *умлученія бѣды*, очутилось вдругъ при 25-ти тысячахъ десятинахъ земли, да и то только скотскаго корма, вмѣсто прежнихъ пятидесяти тысячъ десятинъ слишкомъ! *Едва ли послѣ этого кто-нибудь станетъ сомнѣваться въ справедливости предложенія мѣстнаго мирового посредника, который, въ письмѣ къ пермскому губернатору, выразился на счетъ этого дѣла такъ: «Со введеніемъ уставныхъ грамотъ на подобныхъ основаніяхъ, едва ли бытъ заводскихъ крестьянъ умлучится!»*

Гдѣ угодно, за исключеніемъ только несчастной Віармин, подобныя уставныя грамоты (всѣхъ ихъ было написано 24) встрѣтили-бы непреодолимая затрудненія уже при самой повѣркѣ. Мировому посреднику было извѣстно, да и каждому, взглянувшему въ «Сборникъ статистич. свѣдѣній по горной части» тоже не безъизвѣстно, что на Нижнетагильскихъ заводахъ въ 1865

напр. году, при горнозаводскихъ работахъ употребилось 2443 человека, при *вспомогательныхъ* работахъ — 6763, а на золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ 1370, всего 10576 человекъ. Въ положеніи прямо обозначено, какія работы нужно понимать подъ словомъ *вспомогательныхъ*: рубка дровъ, жженіе угля и возка матеріаловъ, а на заводахъ работаютъ мастера техники, которые составляютъ менѣе четвертой части всѣхъ заводскихъ рабочихъ. Эти послѣдніе, дѣйствительно, по закону, должны получить только по десятинѣ луговъ, потому что имъ некогда заниматься сельскимъ хозяйствомъ; остальные-же три четверти должны были получить земельный надѣлъ въ размѣрѣ мѣстнаго высшаго надѣла, т. е. по 6-ти десятинъ на душу. При заводахъ состояло собственно *мастеровыхъ* всего только тысячи три, а остальные семь тысячъ сельскіе работники, а по грамотамъ значились всѣ десять тысячъ мастеровыми.

Управляющій заводами представилъ сочиненныя имъ уставныя грамоты мировому посреднику, но крестьяне, когда ихъ выслушали, наотрѣвъ отказались принять эти грамоты. Крестьяне заявили, что у нихъ хотять отнять все то, чѣмъ они пользовались со временъ незапамятныхъ, что предоставленныя имъ елочныя разорать ихъ въ ковецъ, поставятъ вѣдъ возможности прокармливать семейства. Добросовѣстные и уполномоченные отъ заводскихъ крестьянъ составили протестъ, въ которомъ доказывали, что грамоты составлены противузаконно, что сѣнокошныя угодья составляютъ личную ихъ собственность, такъ какъ купчія при передачѣ этихъ угодій свидѣтельствовались въ конторѣ, а между тѣмъ, теперь отнимаютъ у нихъ всѣ угодья и облагаютъ денежными повинностями. Мировой посредникъ могъ бы просто не утвердить неправильно составленныя грамоты, но такъ какъ въ этомъ дѣлѣ, почему-то, принялъ участіе самъ губернаторъ, то посредникъ ограничился только официальной перепиской съ губернаторомъ. «Въ послѣдній провадѣ вашего превосходительства—писалъ посредникъ—были представлены вашему превосходительству уставныя грамоты управляющимъ заводами на предварительное разсмотрѣніе Пермскаго губ. присутствія. Услѣвши ознакомиться съ условіями, при которыхъ находится населеніе, долгомъ считаю представить на обсужденіе свое мнѣніе и обстоятельства, которые могутъ воспрепятствовать приведенію грамоты въ дѣйствіе. Заводоуправленіе рѣшительно всѣхъ вѣрстѣянъ причисляетъ къ разряду мастеровыхъ, тогда какъ многіе изъ нихъ имѣютъ у себя хлѣбопашество. По неправильному пониманію закона, у вѣрстѣянъ хотять отрѣзать болѣе половины ихъ надѣла, тогда какъ большая часть пашни и покосовъ составляютъ ихъ неотъемлемую собственность. Надѣлъ покосами недостаточенъ даже для продовольствія лошадей и коровъ въ томъ ограниченномъ количествѣ, какое находится въ настоящее время у вѣрстѣянъ. Работы на заводахъ годъ отъ года все уменьшаются, слѣдова-

тельно положеніе обезземеленныхъ рабочихъ все будетъ хуже и хуже. Можно вполне опасаться, что число излишнихъ рабочихъ будетъ весьма значительно и простираться до одной трети всего населенія. Считаю необходимымъ, что-бы достигнуть цѣлей правительства, — создать изъ крестьянъ не пролетаріевъ, а собственниковъ, — надѣлать всѣхъ крестьянъ, не исполняющихъ техническихъ работъ при заводахъ, землемъ, въ размѣрѣ, указанномъ въ Положеніи».

Но, вмѣсто прямого отвѣта на эту бумагу, мировой посредникъ получилъ отъ губернатора нижеслѣдующее:

«*До сегодня моего дошло, что при составленіи уставн. грамотъ вы встрѣчаете нѣкоторыя недоразумѣнія, а потому, для устраненія этого затрудненія и моущей произойти медленности, прошу васъ отнестись письмомъ къ старшему совѣтнику уральскаго горнаго правленія Земляницину, которому, какъ бывшему члену Губернск. Присутствія, извѣстенъ взглядъ на горные вопросы, и поспѣшить окончаніемъ сего важнаго дѣла*». (Письмо губернатора отъ 8-го мая, за № 866). Почти въ тоже время и пермское губернское присутствіе признало, что зачисленіе всѣхъ крестьянъ въ разрядъ мастеровыхъ—*несущественно* и не должно затруднять посредника при введеніи въ дѣйствіе грамотъ.

Что оставалось дѣлать мировому посреднику, которые, не мѣшаешь замѣтить, въ Пермской землѣ назначаются губернаторомъ, слѣдовательно вполне отъ него зависать? Вмѣсто формальнаго разрѣшенія, основаннаго на законѣ, онъ вдругъ получаетъ отъ губернатора какой-то домашній совѣтъ, какъ прикащикъ изъ крѣпостныхъ отъ своего барина: съѣздить и посоветоваться съ какимъ-то старичкомъ Земляницинымъ, который опытенъ въ горномъ дѣлѣ, потому что былъ когда-то членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія! А единственное учрежденіе, которое могло ему помочь, губернское присутствіе—тоже нашло самый главнѣйшій вопросъ о перечисленіи всего населенія въ мастеровые—*несущественнымъ*! Дѣлать нечего: пришлось вводить уставныя грамоты противъ воли крестьянъ и *отводить* надѣлы, не выдавши этого надѣла! Начались, разумѣется, розыски, ловля зачинщиковъ и подстрекателей; многіе заплатились ссылкой, заключеніемъ, ударами по той вѣчно страдающей части человѣческаго тѣла, на которой рѣпу не сѣять; но до вооруженной команды, однако-же, не доходило, потому что народъ на заводахъ смиренный. Такъ и остается пока пятидесяти-тысячное населеніе ни причемъ, подъ нерадостнымъ впечатлѣніемъ, испытаннымъ имъ въ *улучшеніи* быта...

Вотъ, быть можетъ, когда опять такую ревизію назначать, какъ Клушинская, или, когда богатая Сибирь соединится съ Европой желѣзной дорогой, тогда улучшится бытъ этихъ вѣчныхъ барскихъ работниковъ, прирѣвленныхъ къ помѣщичьимъ заводамъ!

А хлопоты о Сибирской желѣзной дорогѣ все идутъ собѣ да

идуть, хотя и не такъ уже бойко, какъ года два-три назадъ, когда въ Петербургъ наѣзжали Казанскіе и Сибирскіе земскіе депутаты—отстаивать южное направленіе предполагаемой линіи. Каждый изъ депутатовъ получалъ рублей по 500 въ мѣсяць; Эрберъ не мало тогда выручилъ земскихъ денегъ на шампанскомъ и устрицахъ, потому что главною обязанностью депутатовъ въ Петербургѣ—было угощать нужныхъ людей шампанскимъ и устрицами. Рассказываютъ, что далеко не всѣ депутаты удачно попадали въ цѣль: иные, говорятъ, начинали земскими устрицами вовсе никому ненужныхъ петербургскихъ обжоръ, отъ которыхъ рѣшительно не зависѣло то или иное направленіе желѣзной дороги. Впрочемъ, за то, сами поѣли и попли ловко! Многие и теперь еще не могутъ позабыть этого счастливаго времени, котораго уже не дождаться, потому что разорившееся земство на устриць больше денегъ не ассигнуетъ. Эти господа, ваявшіе воспоминаніями, о желѣзной дорогѣ постоянно умалчиваютъ, но за то, вздохнувши, часто провозносятъ: «ну, понаглотались-же мы тогда вдоволь этой драни!»

Но за то Сибирская желѣзная дорога живо еще и теперь интересуетъ сибиряковъ, т. е. не коренныхъ сибиряковъ, а заѣзжихъ въ Сибирь, разжившихся тамъ господъ, мечтающихъ о концессионерствѣ. Въ одной изъ присланныхъ къ намъ корреспонденцій изъ Тюмени описывается сцена въ такомъ родѣ.

Приѣзжаетъ въ Тюмень одинъ изъ мѣстныхъ тузовъ, успѣвшихъ уже извлечь милліоны изъ нѣдръ Сибирской земли, приглашаетъ къ себѣ въ домъ именитое купечество, кое-кого изъ степи выписалъ; появились, разумѣется, и евреи,—не даромъ они разсѣяны по лицу земли—и отерывааетъ совѣтъ желѣзнодорожный:

— Какъ вы думаете, Филимонъ Степанычъ, и вы—Евлампій Александрычъ, сколько можно получать на Кахту пудовъ всѣхъ потребляемыхъ тамъ товаровъ?

— Да, ктожь его знаетъ! Тысячъ десять, двѣнадцать пудовъ, жоди, наберется...

— Что вы, что вы Евлампій Александрычъ, Богъ съ вами, какъ мало? Я думаю если вдесятеро, такъ и то мало еще? говорить онъ, поглядывая на слушателей, которые съ нимъ, хотя ж молча, знаками и мычаньемъ, но впеваѣ соглашались.

— Конечно больше!—вторитъ какой-то басъ, который едва-ли даже вслушался, о чемъ говорятъ.

— Ну, такъ вотъ видите-ли, говорить обрадованный предсѣдатель.—Пишите, г. секретарь,—вотъ и перья и бумага: мѣновъ товаровъ на 5 милліоновъ руб., по 4 руб. пудъ; значить 125,000 пудовъ; сахару 3 тысячи пудъ, маскательныхъ товаровъ тоже три; составится цифра 144 тысячи пудовъ...

Подумали, насколько чаю вымѣниваютъ въ Кяхтѣ, и, тѣмъ-же способомъ порѣшили, что 431,589 пуд. со сколькими-то фунтами, которые откинули. Всѣ старались придумать товару какъ

можно больше и насчитали его наконецъ до одинадцати милліоновъ пудъ; но послѣ, когда напечатали «вѣдомость», то цифру болѣе, чѣмъ удвоили. Въ напечатанной «вѣдомости» появилась громадная, сблѣзнительная цифра: 24 750, 139 пудовъ разныхъ товаровъ, слѣдующихъ изъ Россіи въ Сибирь и обратно. Однихъ только кедровыхъ орѣховъ изъ Томска, Нарыма, Тобольска и пр. насчитали до ста тысячъ пудовъ, да цѣтварнаго сѣмени изъ Петропавловска 30 тысячъ п. Жаль, составители «вѣдомства» не прибавили количества, привозимаго въ Россію кастороваго масла тысячъ до ста пудъ: это такой продуктъ, усчитывать дѣйствительный расходъ котораго едва ли кто станетъ.

Вопросъ о сибирской желѣзной дорогѣ поднятъ уже давно, но до сей поры еще принадлежитъ къ открытымъ вопросамъ. Въ 1870 году особенная пермская коммиссія представила свой отчетъ въ главный комитетъ желѣзныхъ дорогъ, который положилъ такое мнѣніе: «уральскую желѣзную дорогу отъ Добрянскаго завода до Екатеринбурга съ вѣтвями къ луньевскимъ каменно-угольнымъ копамъ признать совершенно необходимою и нынѣ же приступить къ изысканіямъ, съ тѣмъ однако, чтобы эта дорога ни въ какомъ случаѣ не предрѣшала вопроса о будущемъ направленіи главнаго транзитнаго пути изъ Сибири въ Россію».

Изъ этого мнѣнія комитета мы видимъ, что въ Сибири проектируется не одна желѣзная дорога, а нѣсколько, и въ пользу каждой изъ нихъ приводятся доводы, на первый взглядъ могущіе показаться очень вѣскими. Уральская желѣзная дорога предназначается собственно для развитія горныхъ заводовъ, которые, будто бы, немедленно нужно снабдить каменнымъ углемъ, хотя по Уралу нетронутыхъ лѣсовъ еще видимо невидно.

Изъ открытыхъ мѣсторожденій каменнаго угля на западномъ склонѣ Урала, лучшимъ и самымъ благонадежнымъ считается луньевское, къ которому и должна быть направлена желѣзнодорожная вѣтвь, длиною отъ Камы до Луны 115 верстъ. Угля въ Луньевскомъ и сосѣднихъ мѣсторожденіяхъ оказывается достаточно, но, по изслѣдованіямъ, онъ содержитъ слишкомъ много сѣрнаго калчедана и земли, не даетъ кокса и, при горѣніи, оставляетъ золы, по объему около 50% — словомъ, уголь очень плохъ. Опытами уже доказано, что для замѣны одной кубич. сажени дровъ нужно каменнаго угля 190 пудъ, по 6 коп., на 11 р. 40 к. Эгого угля будетъ имѣть сбытъ по Камѣ только въ тѣ мѣста, гдѣ онъ будетъ выгоднѣе дровъ, а такихъ мѣстъ тамъ нѣтъ. На Добрянскомъ, напримѣръ, заводѣ кубическая саж. дровъ, по обилію въ лѣсахъ, стоитъ отъ 3 до 4 рублей, слѣдовательно, трудно разсчитывать, чтобы заводчики рѣшались тратить, вмѣсто трехъ по одинадцати рублей, единственно только за тѣмъ, чтобы жечь, во что бы то ни стало плохой каменный уголь, а не дрова. По дорогѣ за Уралъ, вплоть до

Тагила, на протяженіи 364 версть, дрова тоже продаются по 4 рубля кубич. сажень, а каменный уголь, съ доставкою, обойдется уже по 12 коп. пудъ, слѣдовательно, здѣсь уже нужно, чтобы заводчики добровольно рѣшились тратить по двадцати с лишнимъ рублей, вмѣсто четырехъ. Спрашивается: для кого же собственно комитетъ и комиссія старались о каменномъ углѣ и для чего они неразрывно связали желѣзнодорожное дѣло съ каменно-угольнымъ? Громадныя, вѣковныя лѣса когда-то еще истощатся, а, между тѣмъ, пока не истощались, кто же согласится покупать топливо вчетверо и впятеро дороже, чѣмъ оно стѣитъ? Комиссія, къ числу основныхъ мѣръ для развитія горнозаводской промышленности, относитъ Уральскую желѣзную дорогу, называетъ шѣру эту «несомнѣнною», но полно, такъ ли? Комиссія находитъ необходимымъ провести дорогу отъ Тагила къ югу, до Кушвинскаго казеннаго завода, въ виду рудныхъ богатствъ Гороблагодатскаго округа; но, если критически отнестись къ этому предположенію, то и оно разлетается въ пухъ и прахъ. Дорога отъ Вилимбаея до Добрянки должна имѣть 454 версты длины. Заводскій грузъ, отнесенный къ IV разряду, обойдется по 3,33 коп. съ пуда за 100 версть. За все странство доставка пуда товара по желѣзной дорогѣ обойдется по 16 коп., а, между тѣмъ, водой, по р. Чусовой, доставка того же пуда всего только стѣитъ 9 коп., т.-е. чуть не вдвое дешевле! Ну, кто же, опять-таки согласится отправлять свой товаръ вдвое дороже, лишь только здраву моему не препятствуй: хочу, молъ, беспремѣнно, по чугункѣ! Говорятъ, въ Сибири самодуровъ и чудаковъ — купцовъ много, но такихъ-то, пожалуй, и не отыщешь! Комиссія полагаетъ, что, съ проведеніемъ Уральской линіи, сами заводы будутъ строить къ ней новыя вѣтви, освобождаясь этимъ отъ трудной и медленной гужевой перевозки. Если выгодно, то, разумѣется, будутъ сооружать вѣтви, но послушаемъ, что на этотъ счетъ говорятъ люди знающіе? Знающій сибирякъ, статьей котораго мы пользуемся, находитъ возможною желѣзно-дорожную вѣтвь изъ Тагила на Нижне-Салдинскій заводъ, длиною въ 40 версть, по которой, взадъ и впередъ, можетъ передвигаться полтора милліона заводскаго груза. Но, какая кому отъ этой вѣтви, котораю обойдется въ 2.400,000 руб. (60 тыс. верста), будетъ выгода? Полагая на затраченный капиталъ по 6%, нужно получить 144 тысячи дохода. По этому расчету, за провозъ каждаго пуда заводскаго груза придется брать по 9 коп., тогда какъ, по отчету самой же комиссії, теперешняя перевозка обходится только по 4 копейки. Спрашивается: какой же сумасшедшій антрепренеръ вздумаетъ строить такую дорогу, по которой никто ничего не станетъ возить? Каменнаго угля на этой сумасшедшей вѣтви скоро не потребуется, потому что лѣсовъ пропасть, а крестьянамъ, занимающимся извозомъ, вѣтвь эта по-

казалась бы хуже всякаго врага, потому что зимой у нихъ заводъ—единственный промыселъ. Зимой и на золотыхъ приискахъ работы прекращаются; рабочіе идутъ на желѣзные рудники, да и вообще зимой заводы значительно сокращаютъ производство; слѣдовательно, кому же, наконецъ, принесеть пользу эта странная желѣзная дорога? Не отступая ни предъ какими препятствіями отъ предвзятой мысли, комиссія представляеть еще доводъ, въ замѣнъ разрушенныхъ: «другая потребность горныхъ заводовъ (кромѣ каменнаго угля, котораго не нужно) заключается въ томъ, чтобы имѣть удобнѣйшій и постоянный *вывозъ произведений своихъ на Каму*».

Но и здѣсь, опять-таки, рождается вопросъ: почему же это всѣмъ заводчикамъ захочется, какъ можно поскорѣе везти свои произведенія на Каму? Семь почти мѣсяцевъ на Камѣ ледъ, слѣдовательно, торопливо перевезенныя на Каму произведенія должны тамъ лежать—дожидаться. Сколько нужно строить амбаровъ и всякихъ помѣщеній тамъ, гдѣ-то на Камѣ, сколько стражи нужно, чтобы не разворовали въ эти семь-то мѣсяцевъ, да и зачѣмъ, если дома, при заводахъ, есть мѣсто? Ужъ, Богъ знаетъ зачѣмъ—не поймешь!

Но, быть можетъ, комиссія рассчитала, что проектируемая ею никому ненужная дорога обойдется баснословно дешево? Опять-таки-ничего подобнаго: дорога пойдетъ по страшно-гористой мѣстности, каменистымъ грунтомъ, который приведется разбивать порокомъ. Каждая верста, по меньшей мѣрѣ, обойдется въ 75 тысячъ руб. На этотъ капиталъ нужно получить (считая по 6%) 4,500 руб. съ версты въ годъ, а, между тѣмъ, по дорогѣ зимой, въ теченіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, *движеніе предположено приостанавливать*, потому что занесеть совсѣмъ. Расходъ на версту, по сравненію, не будетъ менѣе 3,000 руб.; слѣдовательно, съ процентами на затраченный капиталъ, нужно будетъ получить не менѣе 7,500 руб. съ версты, чтобы дорога не была въ убытокъ. Въ доказательство необходимости и несомнѣнной пользы проектируемой дороги приводятся, разумѣется, точныя цифры будущихъ грузовъ, но эти цифры, какъ водится, не выдерживаютъ даже самой непритирчивой критики. Защитники уральской дороги рассчитали, на примѣръ, что всѣ грузы, безъ исключенія, пойдутъ непременно по рельсамъ, тогда какъ гужевая зимняя и весенняя по р. Чусовой отправка обходится вдвое или втрое дешевле; потому и вышли несообразности. По расчетамъ людей знающихъ, дорога въ состояніи выручить всего 1.119,280 руб. въ годъ, а по мнѣнію комиссін, ровно четверо, т.-е. 4 милліона пятьсотъ тысячъ — цифра, которой можно достигнуть въ томъ только случаѣ, если запретить всякую другую перевозку товаровъ, кромѣ желѣзно-дорожной. Комиссія, для увеличенія цифры воображаемаго груза, предположила, что всѣ уральскіе заводы будутъ

получать хлѣбъ непремѣнно по желѣзной дорогѣ съ Камы, въ Камышлова и Шадринска, но она оставила безъ вниманія одинъ, очень важный вопросъ: куда же дѣвается весь тотъ хлѣбъ, которымъ теперь, безъ желѣзной дороги, питаются всѣ обитатели заводовъ? Если камышловскій и шадринскій хлѣбъ въ урожайные годы и будетъ попадать по желѣзной дорогѣ на уральскіе заводы, то онъ будетъ только понижать цѣну на мѣстный хлѣбъ, но никоимъ образомъ не прекратитъ сбыта этого хлѣба. Вообще, по мнѣнію знатоковъ, статья о хлѣбныхъ грузахъ не выдерживаетъ критики. При самой снисходительной критикѣ, цифры, назначенныя комиссіей, нужно убавить, по крайней мѣрѣ, на половину, тогда получится цифра въ полтора раза менѣе той, какую дорога должна получить на уплату процентовъ на затраченный капиталъ и на расходы по эксплуатаціи, слѣдовательно, дорога будетъ дѣйствовать въ убытокъ строителямъ.

Если мы припомнимъ изложенную у насъ тагильскую исторію, т. е. перечисленіе хлѣбопашцевъ и дровосѣковъ въ безземельные мастеровые, то не трудно замѣтить какую-то таинственную связь между желѣзно-дорожными предпринимателями и заводчиками. Желѣзнодорожники, въ своихъ проектахъ, смѣло рассчитываютъ, что мѣстные обыватели своего хлѣба ѣсть не станутъ, а будутъ питаться привезеннымъ по ихъ дорогѣ. Они смѣло рассчитываютъ, что послѣ постройки желѣзной дороги, всѣ мѣстные, естественные пути сообщенія (напримѣръ, водные, по рѣкамъ) прекратятся, зимній извозъ тоже прекратится, такъ что волей-неволей — ѣшь чужой хлѣбъ, привезенный непремѣнно по рельсамъ. Вѣдь не помѣшанные-же они, эти желѣзно-дорожные эксплуататоры, если навѣрняка рассчитываютъ, что въ мѣстности, сплошь теперь покрытой дремучими лѣсами, очень скоро понадобится на топливо дрянной луневскій каменный уголь? Дѣйствительно, и здѣсь мы замѣчаемъ тѣсную связь между управляющими заводами и предприимчивыми желѣзно-дорожниками. Изъ представленія мирового посредника губернскому присутствію о тагильскихъ заводахъ, мы видимъ, что «лица, управляющія ниже-тагильскими заводами, получающія огромныя жалованья, *дѣйствуя временно, какъ наемные люди*, не обращаютъ никакого вниманія на лѣсное хозяйство, имѣя въ виду только количество и дешевизну выдѣлки металловъ, какъ *засмучу предъ владѣльцемъ заводы*. Самыя же справедливыя жалобы мастеровыхъ, поселенныхъ въ ниже-тагильскомъ округѣ, оставляютъ безъ удовлетворенія и беспощадно истребляютъ ближайшіе къ селеніямъ лучшіе лѣса на заводское дѣйствіе». При такой обоюдной поддержкѣ желѣзнодорожниковъ и заводчиковъ, разумѣется, невѣроятныя теперь предположенія могутъ очень скоро превратиться въ дѣйствительность: обезземеленные крестьяне принуждены будутъ покупать хлѣбъ,

привезенный по желѣзной дорогѣ и печи даже будутъ топить привезеннымъ, дряннымъ углемъ, но всѣ эти несчастія предстоятъ еще въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ. Лишенимъ и хлѣба и лошадей для зимняго извоза, къ обнищавшимъ заводскимъ обывателямъ каждую корку хлѣба стануть возить по желѣзной дорогѣ издалека, но, за то, интересно знать, что такое отъ нихъ-то будутъ возить? Развѣ покойниковъ?

Сибирь — эта богатая, но несчастная страна, въ которой богатства цѣликомъ еще хранятся въ нѣдрахъ земли, а на поверхности земли рыщутъ тысячи грабителей — дѣйствительно, нуждается въ прочныхъ, скорыхъ и надежныхъ путяхъ сообщенія съ остальной Россіей, но это самое и должно побудить отнестись къ дѣлу повнимательнѣе, не довѣряя потѣшнымъ показаніямъ разныхъ Филимоновъ Степанчичей, до Евлампіевъ Александрчичей. Первая, неудачно выбранная желѣзно-дорожная линія надолго остановитъ благія начинанія. Правда, появится въ богатой Сибири нѣсколько новыхъ миллионеровъ, предъ которыми ничто нынѣшніе; гречу на кашу, муку на хлѣбъ нужно будетъ возить въ раззорившуюся Сибирь по желѣзной дорогѣ, съ Камнъ, — этого тоже можно достигнуть — но какая же кому будетъ польза, и достигнется-ли тѣмъ основная цѣль: благосостояніе страны? Повторимъ въ отвѣтъ выраженіе тагильскаго мирового посредника, который написалъ въ одной изъ своихъ бумагъ: «со введеніемъ уставныхъ грамотъ съ отобраніемъ болѣе половины земли, едва ли быть крестьянъ умучитесь». Да, едва-ли!

Если богатая, поинутая, сильнымъ людемъ испорченная Сибирь и страдаетъ отъ какого недуга, то вовсе не отъ недостатка необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ, а, напротивъ, чрезвычайнымъ ихъ изобиліемъ, болѣзненнымъ полнокровіемъ, отъ котораго, при отсутствіи правильнаго кровообращенія, легко можетъ приключиться апоплексическій ударъ, или кандраша. Отънын о Сибири, какъ они ни разнорѣчивы, всѣ сходятся въ одномъ: всего въ этой нетронутой сторонѣ много, но ничего въ ней порядочно сдѣлать не умѣютъ и все въ ней зря пропадаетъ, какъ въ Плюшкинскомъ селадѣ ненужныхъ вещей. Въ проектѣ сибирско-уральской желѣзной дороги Богдановича приводятся, на примѣръ, такіа свѣдѣнія: «словъ сельдей, которыя заходятъ въ Обь и Енисей въ громадномъ количествѣ — *вовсе не производится*. Въ мелкихъ озерахъ рыбы столько, что продается по 5 и 10 копеекъ за пудъ. Водятся въ рѣкахъ и осетры, и всякая цѣнная рыба въ количествѣ невообразимомъ (даже желѣзнодорожники приличной цифри не подыскали!), но засоль рыбы производится съ полнымъ невѣжествомъ: визига и икра нейдутъ въ дѣло, рыбій клей приготавливается нечисто. При такомъ обиліи, въ Сибирь везется *блѣжка и икра уральскаго и астраханскаго приотомления*. Были,

впрочемъ, дѣлаемы опыты, на озерѣ Норъ-Зайсанѣ приготовлялся балыкъ, и продавался въ Екатеринбургѣ. Лица, видѣвшія сибирскій балыкъ, хвалятъ его добровачественность.

«Но уральскій казакъ, приготовавшій балыкъ, случайный гость Сибири, былъ возвращенъ въ Россію, и приготоваеіе балыкаковъ прекратилось.»

«Въ Сибири очень много озеръ, изобилующихъ самосадочною солью, и недостатка въ соли быть не можетъ; въ особенности одобряютъ по качеству соль Коряковского озера, находящагося не въ дальнемъ разстояніи отъ Иртыша».

«Вслѣдствіе такихъ неблагопріятныхъ территоріальныхъ условій въ Сибири, случаются двѣ крайности: или избытокъ продовольствія, или недостатокъ. Назадъ тому 10—12 лѣтъ, сельское населеніе систематически истребляло хлѣбъ: кромѣ того, что вывезено было гужемъ болѣе милліона пудовъ пшеницы въ Россію, до двухъ милліоновъ пудовъ зерна стравили свиньямъ, желая передѣлать хлѣбъ на сало. *Зерно продавалось въ городахъ по 7 коп. за пудъ, но деревнямъ его отдавали по 4 коп.*

«Въ короткое время почти всѣ запасы истреблены, и послѣ двухъ неблагопріятныхъ по урожаю годовъ, мука нынѣ возвысилась отъ 70 коп. до 1 руб. сер. за пудъ».

«Въ то же время въ Тюмени, въ началѣ ноября, рады были отдать баранину по 10 коп. за пудъ, но не находилось покупателей. Говядина же зимою обыкновенно продается здѣсь отъ 60 до 80 коп. сер. за пудъ».

«По дорогѣ отъ Тюмени до Томска, на пространствѣ болѣе 1,500 верстъ, тянутся безпредѣльныя степи, на которыхъ даже осенью встрѣчается растительность обильная и оставшаяся за излишкомъ. Слѣдовательно, при увеличеніи народонаселенія и распространенія скотоводства, средствъ достанетъ, и Сибирь можетъ современемъ удвоить, утроить количество масла, сала, мяса, кожъ, отправляемыхъ къ нашимъ южнымъ портамъ и внутрь Россіи».

«Въ крестьянскомъ хозяйствѣ, небогатомъ и нѣмѣющемъ мало женскихъ рукъ, содержится до 10-ти дойныхъ коровъ; зажиточные же и больше семейные — держать до 50. При такомъ значительномъ количествѣ дойнаго скота, въ Сибири, кажется, нѣтъ ни одной маслостойки. Всѣ 200,000 пудовъ масла, отправляющіеся изъ Сибири къ Одесскому и Таганрогскому портамъ, сбиваются мутовками въ горшкахъ».

«Наконецъ, извѣстно богатство Сибири всякимъ звѣремъ и дичью».

«Пушнины и дичи провозятъ ежегодно въ Россію на сотни тысячъ рублей».

«При такихъ богатыхъ естественныхъ условіяхъ въ Сибири, невольно поражаетъ бѣдною, степною обстановкою селянина! Непривѣтливо глядитъ низенькая избушка изъ березоваго хлѣ-

са подъ дерновой крышей и съ пузырькъ въ оконѣ, вмѣсто стекла. Богатство природы и бѣдность людской обстановки, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи».

Въ «Камско-вожской газетѣ» недавно помѣщались очень любопытныя статьи Вицентія Журавскаго «На Сибирскомъ пароходѣ», въ которыхъ очень живо изображается экономическое положеніе огромной мѣстности между Тюменью и Томскомъ, гдѣ давно уже существуетъ правильное пароходство. Въ Нарымѣ, напримѣръ, въ округномъ или, по нашему, уѣздномъ городѣ Томской губерніи, «за два рубля въ мѣсяцъ можно нанять порядочный, конечно, по Нарыму, домъ съ отопленіемъ; продовольствіе челоуѣка болѣе 3—4 рублей не можетъ стоить въ мѣсяцъ. Я самъ купилъ на берегу, по крайней мѣрѣ, фунта четыре сметаны за 17 копеекъ; а извѣстно, что на пристаняхъ все дороже. Но и на такія баснословно-низкія цѣны жалуются еще уважаемые обитатели многоуважаемаго града Нарыма: «это только теперъ,—разсказывалъ ѣхавшій вмѣстѣ со мною на пароходѣ нарымскій мѣщанинъ:— у насъ такая дороговизна; видите, поляковъ много прислали,—ну, тѣ, разумѣется, и подняли на все цѣны, а прежде было гораздо дешевле». Правду говорить: «на всѣхъ не угодить». Я узналъ объ одномъ феноменѣ въ Нарымѣ: на пристани мнѣ передавали, что въ городѣ находится шестилѣтній ребенокъ, сосущій будто еще грудь матери. Слѣдовало бы провѣрить и научнымъ образомъ выяснять этотъ рѣдкостный фактъ».

Этотъ «научный» фактъ, разумѣется, нельзя причислить къ доказательствамъ дешевизны съѣстныхъ припасовъ, потому что женское молоко развѣ только въ Петербургѣ, да въ Москвѣ цѣнится дорого; но у путешественника приведено много другихъ фактовъ, болѣе подходящихъ. Въ Сибири чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь примѣняется поговорка: «то густо, те пусто». Иной разъ пшеница продается по 4 коп. за пудъ, въ другой — за рубль не отыщешь, а иной разъ, и это всего чаще, — на берегу съѣстной припасъ можно бы достать за грошъ, а на пароходѣ пассажиры голодаютъ, т. е. буквально голодаютъ, точно въ Самарской губерніи! Вотъ маленькая выписка изъ дневника сибирскаго путешественника:

«25-го іюня — пятница. Утромъ пассажиры втораго класса хотѣли уже дѣлать складчину съ пользою голодающимъ на палубѣ. Въ послѣднее время пристани сдѣлались очень рѣдки и не на всякой изъ нихъ можно было достать хлѣба, чего никакъ ожидать нельзя было; рассчитывали многіе на Александровъ, но и тамъ, кромѣ рыбы, ничего не достали. Ёхало много людей бѣдныхъ, жившихъ всю дорогу однимъ только хлѣбомъ, да чайкомъ; такую скудную жизнь вели особенно солдаты, возвращающіеся изъ Россіи въ отпускъ домой; между ними нѣкоторые, говорятъ, по два дня не видали хлѣба. Сунулись они

было въ буфетъ; сначала дали булки двѣ и содрали за то безбожно, а *послѣ и за деньги давать хлѣба не хотѣли: «намъ самимъ, моль, еще не хватить!»* Голода нигдѣ и никогда не должно быть; голодъ—это вина общества, преступленіе тѣхъ, у кого есть запасъ. Всякій законъ, всякая мѣра, какъ бы они круты сами по себѣ ни были, лишь бы только предотвращали голодъ, уже этимъ самимъ легальны и гуманны. Равнодушно смотрѣть на голодающихъ, когда...» и т. д.

Вообще, путешественникъ, какъ видно, увлекся философскими размышленіями, совершенно позабывши, что онъ находится въ Сибири, въ странѣ, находящейся еще не на высокой ступени цивилизаціи, переживающей еще періодъ звѣроловства и охоты, въ которомъ — кто посильнѣе, да похитрѣе — непременно убьетъ и съѣстъ слабѣйшаго. На сибирскихъ пароходахъ Колчина и Игнатова буфеты сданы вакайт-то прибывшимъ изъ Россіи (а отчасти и изъ Іерусалима) цивилизаторамъ, которые, напримѣръ, за то, чтобы *сварить* десятокъ пассажирскихъ яицъ, берутъ 10 и 15 коп., тогда какъ на берегу за гривенникъ можно купить у остяковъ нѣсколько большихъ щукъ и десятка два яицъ. «Провизіей запасается буфетчица въ Тюмени, Тобольскѣ и Томскѣ, гдѣ во всѣхъ трехъ мѣстахъ удивительная дешевизна: фунтъ масла стоитъ не болѣе 20 коп., фунтъ лучшей говядины 4 коп., сотня яицъ 50 коп., также дешева ржаная мука и крупчатка. Рыбу, и то самую отборную, стерлядь, осетрину, нельму, щуку, покупаютъ въ дорогѣ за безцѣность. Между тѣмъ, порціи буфетныя до того малы и такъ незатѣйливо и скучно приготавливаются, что ни одна изъ нихъ не стоитъ больше гривенника, берутъ же за всякую отъ 25—50 коп. Такой громадный процентъ—это уже не прибыль, не доходъ, а чистѣйшая эксплуатація, которой, во имя справедливости и собственной чести, товарищество обязано непременно положить конецъ, тѣмъ болѣе, что эксплуатація эта держится самими существенными потребностями человѣка, потому что возможно ли пробыть десять дней на водѣ безъ теплаго кушанья или чаю? Говорить ли еще и о томъ, что кушанья подаютъ нерѣдко, особенно къ концу рейса, изъ дурной провизіи, въ самомъ грязномъ и микроскопическомъ видѣ, и что буфетчица Петрова, арендуя всѣ буфеты товарищества и на всѣхъ одинаково дѣйствуя, имѣетъ ни за что, ни прочто нѣсколько тысячъ рублей чистѣйшаго въ лѣто дохода».

Мы собственно потому обратили вниманіе читателя на Колчинскій сибирскій пароходъ, что онъ чрезвычайно рельефно, въ маленькомъ видѣ, какъ выставочный образецъ, изображаетъ собою всю громадную Сибирь съ ея неистощимыми, нетронутыми богатствами въ нѣдрахъ земли и съ безобразнымъ нищенствомъ и грабительствомъ на поверхности. Въ нѣдрахъ земли сибирской несмѣтные капиталы (которыхъ, впрочемъ, никто не

считают) поджидаютъ появленія какихъ-нибудь умныхъ, настоящихъ людей, въ родѣ американцевъ, а обитатели этой богатой страны до сей поры охотятся еще съ ружьемъ за бѣглами есылными, хладнокровно разсуждая, что бѣглаго убить выгодно, чѣмъ волка: одинъ полушубокъ рубля три стодитъ! Пшеницы вной разъ родится столько, что пудъ продаютъ по пятаку и свиней откармливаютъ, а въ другомъ углу той же страны дикіе обитатели гнилую рыбу жрутъ безъ хлѣба, да заправляютъ настоемъ гриба мухомора! Дремучими лѣсами покрыты неизмѣримо-громадныя пространства, а коренные сибиряки подумываютъ, какъ бы отъ стужи не сгннуть, а желѣзнодорожныя компаніи проецируютъ тысячеверстныя рельсовыя линіи, чтобы по нимъ негодный каменный уголь доставлять въ лѣса дремучіе! Въ одномъ только Нижнетагильскомъ округѣ до 700 тысячъ десятинъ лѣса, а мировой посредникъ въ официальной бумагѣ пишетъ, что отпустить крестьянамъ топлива «возбуждаетъ многочисленныя и справедливыя жалобы, которыя заводоуправленіе удовлетворить *не можетъ*». Даже самое развитіе пароходства по сибирскимъ рѣкамъ обязано особенному случаю, чисто-сибирскому, къ другимъ странамъ неподходящему. Извѣстный пароходчикъ, занимающійся славомъ ваторжныхъ и есылныхъ по Камѣ и Волгѣ, купецъ Колчинъ, завелъ и на сибирскихъ рѣкахъ нѣсколько пароходовъ, тоже собственно для арестантовъ, а остальные пассажиры на нихъ такъ себѣ—съ боку припека! Колчинскіе арестантскіе пароходы на Волгѣ и Камѣ до такой степени успѣли прославиться своими удобствами и дешевизной, что пассажиры готовы ждать ихъ по двое сутокъ на пристани, мимо которой то и дѣло снуютъ пароходы другихъ компаній. Арестантскіе пароходы заботились даже о доставленіи своимъ пассажирамъ способовъ къ просвѣщенію: на нихъ заведены были библіотеки со всѣми новыми журналами. Нынче изъ пароходскихъ библіотекъ книгъ уже не даютъ, впрочемъ, потому, что пассажиры и безъ книгъ уже достаточно привыкли къ арестантскимъ пароходамъ, а если привыкли, то зачѣмъ же понапрасну тратиться?

Благодаря необходимости перевозить удобно и дешево арестантовъ, по сибирскимъ рѣкамъ пароходство уже успѣло развиться въ значительныхъ размѣрахъ. Въ городѣ Томскѣ теперь уже приходитъ до тридцати разныхъ пароходовъ. Прошлогодняя экспедиція Фунтосова открыла непрерывный водной путь изъ Оби въ Енисей. Понятка г. Фунтосова состояла въ томъ, чтобы убѣдиться въ правдивости инородческихъ показаній, говорившихъ, что во время весенняго половодія одноверстный перешеекъ, раздѣляющій въ сухое время бассейны Оби и Енисея, соединяется въ одинъ непрерывный водной путь, служащій имъ средствомъ сообщенія. Слова эти подтвердились и экспедиція, отправившись отсюда въ началѣ іюня, сѣла въ

селѣ Маковскомъ на рѣкѣ Кетѣ въ лодку и 14-го числа того же мѣсяца явилась въ Енисейскъ на той же лодкѣ, и, по словамъ ея, вода вездѣ была глубока, и только лѣсныя завалы въ руслахъ рѣчекъ препятствовали правильному движенію экспедиціи.

Такимъ образомъ, путь изъ Оби въ Енисей найденъ и послѣдній для правильной навигаціи почти не представляетъ никакихъ препятствій, и лишь только Ангара изобилуетъ порогами; но специальное изслѣдованіе ихъ еще можетъ разсвѣять, быть можетъ, напрасный страхъ въ ихъ величественности и непроходимости, всегда сильный у людей, непросвѣщенныхъ знаніемъ. Частная предпримчивость едва ли возьмется за это дѣло, а потому вся надежда на инициативу правительства, способную вызвать частное содѣйствіе.

Главное дѣло, значить, современемъ уладится, такъ что хлѣбъ не будетъ уже продаваться въ одномъ мѣстѣ по пятаку за пудъ, а въ другомъ по два рубля. Остаются, слѣдовательно, неразрѣшенными только два вопроса: освобожденіе Сибири отъ незавидной роли помойной ямы для стока нечистотъ и удачный выборъ желѣзно-дорожной соединительной линіи съ Россіей, которая бы, не разоряя мѣстныхъ обывателей, сама себя окупала.

Д.

МЕЖДУ ДѢЛОМЪ.

ЗАМѢТКИ, ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И Т. Д.

I.

Пріяель мой, Глумовъ—человѣкъ очень добрый, но въ то же время до крайности мрачный. Ни одной веселой мысли у него никогда не бываетъ, ни одного такъ называемаго упованія. Еще будучи въ школѣ, онъ не питалъ ни малѣйшаго довѣрія ни къ профессорамъ, ни къ воспитателямъ, и первыхъ называлъ лакеями отъ наукъ, а вторыхъ—лакеями отъ начальстволюбія. По выходѣ изъ школы, онъ тотъ же безнадежный взглядъ перенесъ и на болѣе обширную сферу жизни. Самое отрадное явленіе жизни, отъ котораго всѣ публицисты прихо-

дать въ умиленіе, онъ умѣетъ ошипать и сократить до такихъ размѣровъ, что въ результатѣ оказывается или выѣденное яйцо или пакость. На самни свѣтлыя чайнія онъ въ одно мгновеніе ока набрасываетъ такой сермяжный мундиръ, что просто хотъ не уповай! Это до такой степени тяжело, что когда онъ приходитъ ко мнѣ, человѣку «упованій» по преимуществу, то мнѣ положительно становится не по себѣ.

И не то, чтобы Глумовъ былъ обойденъ судьбою, былъ бѣденъ или по службѣ терпѣлъ неудачи — нѣтъ, въ этомъ отношеніи онъ устроился очень удовлетворительно. А просто ропщеть — и все тутъ. Придетъ, сядетъ, задумается, обопрется головой объ руку, и начнетъ черезъ часъ по ложкѣ задавать самыя неожиданныя, можно сказать, даже щекотливыя вопросы. Куда дѣвалось наше молодое поколѣніе? Отчего въ настоящее время люди такъ охотно лишаютъ себя жизни? Отчего у насъ нѣтъ критики? Отчего въ земскихъ собраніяхъ говорятъ длинныя рѣчи? Правда ли, что на дняхъ должно послѣдовать, въ административномъ порядкѣ, окончательное рѣшеніе женскаго вопроса, въ силу котораго женщины, на равнѣ съ мужчинами, получать право изучать греческій и латинскій языки? Правда ли, что въ «Старѣйшей Всероссійской Пѣнокснимательницѣ» готовится рядъ статей объ учрежденіи единой и нераздѣльной желѣзнодорожной станціи? и т. д. По всѣмъ этимъ вопросамъ онъ разсуждаетъ пространно и озлобленно, и хотя я не разъ пытался поворотить его на путь упованій, но долженъ сознаться, что всѣ мои усилія въ этомъ смыслѣ остались тщетными. Теперь, я большею частью выслушиваю его молча, и только въ случаѣ крайней необходимости, играю роль актера, подающаго реплику.

Но не смотря на постоянно-придирчивое настроеніе духа моего пріятеля, я считаю его человѣкомъ въ высшей степени для мѣня полезнымъ. Мы оба воспитывались въ одномъ и томъ же заведеніи, оба принадлежимъ къ школѣ сороковыхъ годовъ, но онъ пошелъ по пути озлобленія, а я по пути упованій. Чтожъ! если намъ такъ нравится, то въ этомъ еще большой бѣды нѣтъ. Для меня даже удобно, что мы идемъ разными дорогами, потому что, при моемъ безпечномъ характерѣ, Глумовъ играетъ въ моей жизни роль *memento mori*, возвращающаго меня къ чувству дѣйствительности. Повидимому, мое существованіе идетъ вполне благополучно, ибо я постоянно живу въ сферѣ сладкой увѣренности, что со временемъ, съ Божьею помощію, все разъяснится. Вчера я былъ въ михайловскомъ театрѣ — видѣлъ «*La fille de m-me Angot*»; сегодня, иду въ театръ Буффъ — увижу «*La fille de m-me Angot*»; завтра, отправлюсь въ маріинскій театръ — и опять возобновлю въ своей памяти «*La fille de m-me Angot*». Что можетъ быть благополучнѣе этого неразобразнаго, но за то совершенно вѣрнаго благополучія! Нѣтъ,

у меня ни митинговъ, ни парламентовъ, за то есть «La fille de m-me Angot» въ трехъ интерпретаціяхъ, а, быть можетъ,—на милость образца вѣтъ!—будетъ и «Timbale d'argent». Хожу я безопасно по солнечной сторонѣ Невскаго проспекта и напѣваю:

Pour qu'on admire tes appas,
Il faut que les miens ne se montrent pas!

—и вдругъ, не смотря на полнѣйшее благополучіе, чувствую, что мнѣ чего-то хочется. Чего именно хочется—этого, по безопасности характера, я и самъ съ достовѣрностью опредѣлить не могу. Можетъ быть, хочется парламента (съ жиру какія фантази не забредутъ въ голову!), можетъ быть, съѣсть чего-нибудь, можетъ быть, опять прослушать «La fille de m-me Angot» въ четвертой интерпретаціи, можетъ быть, забратъ въ земское собраніе и тамъ заснуть... Но заснуть

...не тѣмъ холоднымъ сномъ могли,

а такъ, чтобъ и день и ночь надо мною заливались земскіе соловьи...

И вотъ, въ эту-то тяжкую минуту недоумѣній, когда я, отъ нечего дѣлать, готовъ освѣдомиться у перваго встрѣчнаго, на какой улицѣ помѣщается нашъ парламентъ, со мною равняется мой озлобленный другъ и озадачиваетъ меня вопросомъ:

— Да скоро ли же, наконецъ, начнется въ «Старѣйшей Всероссийской Пѣнокснимательницѣ» печатаніе ряда статей о единой и нераздѣльной желѣзнодорожной станціи? Что они ямлютъ!

Услышавши этотъ вопросъ, я вдругъ возвращаюсь къ чувству дѣйствительности, и начинаю понимать, чего мнѣ хочется. Да, говорю я себѣ, не нужно для моего благополучія ни парламентовъ, ни митинговъ, ни земскихъ собраній! А нужно только, чтобъ моя милая «Пѣнокснимательница» каждый день неупустительно твердила мнѣ, что Россія тогда только будетъ счастлива, когда вполне исчерпается вопросъ о необходимости учрежденія единой и нераздѣльной желѣзнодорожной станціи.

«Господи! думаю я:—сколько разнообразнѣйшихъ эпизодовъ заключаетъ въ себѣ этотъ, повидимому, бросовый вопросъ! у сколькихъ читателей можно будетъ вымотать душу, если умненько развить его и не торопясь доводить до предѣловъ послѣдней ясности!»

Такъ вотъ объ этомъ-то пріятелѣ я и намѣреваюсь, отъ времени до времени, бесѣдовать съ моими читателями, или, лучше сказать, не столько объ немъ самомъ, сколько о тѣхъ мрачныхъ вопросахъ, которыми онъ имѣетъ обыкновеніе возвращать меня къ чувству дѣйствительности (увъ! достаточно такъ потуснѣвшему вслѣдствіе частаго слушанія «La fille de m-me Angot!»). Если обстоятельства позволятъ, я постепенно переберу

большую часть занимавших насъ вопросовъ, а чтобъ не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, начинаю теперь же съ одного изъ капитальнѣйшихъ: куда дѣвалось наше молодое поколѣнiе?

На дняхъ, приходитъ ко мнѣ Глумовъ, какъ-то особенно мрачно настроенный. Садится, подпираетъ рукой голову, закуриваетъ сигару, и начинаетъ исподволь рычать.

— Чортъ знаетъ что кругомъ дѣлается! Отвратительно становится жить! раздражается онъ наконецъ.

Я сижу какъ на иголкахъ, въ ожиданiи, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ огорошитъ меня.

— Правда ли, говорить онъ, наконецъ, съ трудомъ сдерживая свой гнѣвъ:— правда ли, что въ «Старѣйшей Пѣнкоснимательницѣ» предполагаютъ въ будущемъ году украшать столбцы полнымъ переводомъ заграничныхъ путеводителей Бедекера?

— Послушай, мой другъ! отчего у тебя всегда такія унылыя мысли?

— Гм... унылыя! почему же ты называешь ихъ унылыми?

— Потому что это, наконецъ, Богъ знаетъ какой отчаянный скептицизмъ! Кто же когда-нибудь сомнѣвался, что подъ тою или другой формой, а «Пѣнкоснимательница» непременно напечатаетъ полный переводъ *всѣхъ* «путеводителей» Бедекера!

— Такъ, стало быть, правда?

— Столь же истинно, какъ и то, что вслѣдъ за Бедкеромъ предполагается перепечатать географiю Ободовскаго со всѣми выпусками, сдѣланными цензурою въ первомъ ея изданiи!

Глумовъ мрачно улыбнулся, какъ будто искусство, съ которымъ «Старѣйшая Пѣнкоснимательница» заманиваетъ въ свои сѣти подписчиковъ, возбуждало въ немъ дурное чувство зависти.

Наступило нѣсколько минутъ тягостнѣйшаго молчанiя, въ продолженiи котораго лицо моего друга дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе. Ясно было, что эффектъ, произведенный на меня вопросомъ о Бедкерѣ, не удовлетворилъ его, и что онъ обдумываетъ средства такъ меня огорошить, чтобъ я, какъ говорится, не усидѣлъ, не устоялъ. Наконецъ, идея созрѣла. Онъ поднялся съ кресла и почти угрожающимъ тономъ обратился ко мнѣ:

— Ну, чортъ съ нею, съ «Пѣнкоснимательницей!» Ты думаешь, я завидую, что она съ помощью Бедекера будетъ удовлетвѣлять вселенную — наплевать! Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что скажи: куда дѣвалось наше молодое поколѣнiе?

Переходъ былъ такъ неожиданъ, что по началу я не вдругъ собрался съ мыслями. Мнѣ показалось, что я не въ первый разъ слышу этотъ вопросъ, что и въ моей головѣ когда-то мелькало нѣчто подобное. Но отчего же вопросъ этотъ только мелькалъ и ни разу не нашелъ для себя ясной формулы? отъ того ли, что мысль моя слишкомъ робка и лѣнива для разработкы подобныхъ сюжетовъ, или отъ того, что самый вопросъ

неоснователенъ, и не имѣеть никакихъ корней въ современной дѣйствительности?

Вскорѣ, однакожъ, я оправился отъ смущенія. Обратившись къ своей памяти, я нашель въ ней такую безконечную вереницу молодыхъ адвокатовъ, молодыхъ земскихъ дѣателей, молодыхъ бюрократовъ, молодыхъ фельетонистовъ (они же, по нуждѣ, и публицисты), что подозрительность моего друга-мизантропа показалась мнѣ просто смѣшнымъ парадоксомъ.

— А наши адвокаты? началъ я:—надѣюсь, что ты не будешь отрицать...

— Адвокаты, ты говоришь? Но развѣ ихъ можно называть представителями, а тѣмъ болѣе руководителями двигающей интеллигенціи, которую должно представлять собою «молодое поколѣніе»? Люди, которые занимаются отниманіемъ чужой собственности! развѣ это свойственное «молодому поколѣнію» занятіе? развѣ это занятіе вообще?

— Позволь! ты сказалъ: люди, занимающіеся отниманіемъ чужой собственности! По моему, это не совѣмъ вѣрно. Есть, конечно, адвокаты, которые свою дѣятельность посвящаютъ преимущественно отниманію, но я увѣренъ, что есть многіе, которые занимаются не отниманіемъ, а только возвращеніемъ собственности отъ незаконнаго владѣльца къ законному!

— Вопервыхъ, разграничить это очень трудно, если не невозможно. Адвокатъ не исповѣдникъ, и самый честный изъ нихъ не можетъ поручиться, что ему извѣстна интимная сторона дѣла, а между тѣмъ она-то, собственно говоря, и составляетъ настоящую суть. Поэтому, ни ты, ни онъ не въ состояніи опредѣлить, гдѣ кончается «отнятіе» и гдѣ начинается «возвращеніе». А, воторыхъ, это даже и не существенно для меня. Отнимаетъ ли адвокатъ собственность, или возвращаетъ ее, — все-таки онъ занимается ремесломъ, къ которому молодое поколѣніе, взятое въ смыслѣ двигающей интеллигенціи, должно относиться совершенно безразлично.

— Но вѣдь если гражданскій судъ существуетъ, нельзя же его игнорировать, душа моя! Есть истцы, есть отвѣтчики—не можетъ же общество...

— Обойтись безъ адвокатовъ?—Совершенно вѣрно. Общество нуждается въ самыхъ разнообразныхъ профессіяхъ, я это понимаю. Но вѣдь есть безчисленное множество молодыхъ сапожниковъ, молодыхъ слесарей, молодыхъ золотарей, — и никому, однакожъ, не приходитъ въ голову сопричислить ихъ къ «молодому поколѣнію»! А ежели говорить по совѣсти, такъ, пожалуй, эти почтенные ремесленники имѣють даже больше правъ на это названіе, нежели адвокаты. Ихъ мысль не изувѣчена, въ ихъ дѣйствіяхъ нѣтъ злостности. Если сапожникъ шьетъ тебѣ сапоги, то онъ дѣлаеть это безъ предвзятаго намѣренія устроить у тебя на ногахъ моволи, между тѣмъ, какъ большинство адвокатовъ именно одну моволь и имѣеть въ виду.

— Какъ хочешь, но это парадоксъ, mon cher!

— Очень возможно, но я того мнѣнія, что слово «парадоксъ» глуше люди выдумали. Тѣ люди, которымъ не понутру истина и которые въ то же время не знаютъ, что возразить противъ нея. А, впрочемъ, парадоксъ такъ парадоксъ: меня, братъ, жалкими словами не огорошишь! Постараемся быть еще парадоксалнѣе. Хочешь ли ты, напримѣръ, знать, какое старинное ремесло напоминаетъ мнѣ ремесло современныхъ русскихъ адвокатовъ?

— Любопытно...

— Ремесло непомнящихъ родства бродягъ. Эти люди никогда не могли опредѣлить себѣ заранѣе, гдѣ они проведутъ слѣдующій часъ или, по крайней мѣрѣ, слѣдующую ночь. Такъ точно и современный русскій адвокатъ: онъ никогда не можетъ сказать, въ какомъ вертепѣ проведетъ слѣдующій часъ своей жизни, въ вертепѣ ли «возвращенія», или въ вертепѣ «отниманія».

— И опять-таки парадоксъ! Блестящій... но парадоксъ!

Мой другъ взглянулъ на меня удивленными глазами, и потянулся за шляпой.

— Блестящій... но парадоксъ! передразнилъ онъ меня: — и откуда ты выразишься такъ выучился! Эй, брось «Пѣнокоснимательницу!» Это она! Она тебя и «парадоксамъ», и «гомерическимъ смѣхамъ» выучила! Черезчуръ ты ужъ ею зачитываться сталъ! Ему дѣло говорить, а онъ: блестящій... но парадоксъ! И кто далъ тебѣ право думать, что я желаю блистать передъ тобой? Прощай.

— Постой! затѣмъ уходить! Поговоримъ. Ты знаешь: *du choc des opinions...*

— Опять изъ «Пѣнокоснимательницы!» Оставь!

— Ну, хорошо, хорошо! не буду! Но согласишься, что и между адвокатами... вѣдь не всѣ же чужую собственность... возвращаютъ! Я знаю очень многихъ, которые даже къ мысли о вознагражденіи относятся безъ особенной страстности, а просто увлекаются тонкостями ремесла. Юридическая практика, душа моя, представляетъ такой разнообразный міръ, который самъ по себѣ можетъ увлечь... право, даже независимо отъ вознагражденія!

— Ну?!

— Есть, братецъ, такіе юридическіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ даже въ общечеловѣческомъ смыслѣ далеко не бесполезно. Напримѣръ, представь себѣ, что я обѣщалъ тебѣ подарить что-нибудь—что означаетъ это дѣйствіе? Представляетъ ли оно обязательство или только обольщеніе? Въ законахъ-то, братъ, на этотъ счетъ бабушка на двое сказала, а между тѣмъ, для человечества... Какъ же тутъ не увлечься... даже помимо мысли о предстоящемъ вознагражденіи?

— А я, стало быть, долженъ разыгрывать роль *anima vilis*,

на которой ты будешь упражнять свою юридическую любезнательность? Прощай.

— Да постой же. Ну, пожалуй, уступаю тебѣ адвокатовъ. Коли хочешь, уступлю еще и бюрократовъ...

— Слава Богу! еще на двугривенный уступилъ!

— Ну, да, уступаю тебѣ и адвокатовъ, и бюрократовъ! Que diable! Въ самомъ дѣлѣ, какое же это «молодое поколѣніе»? Какую двигающую мысль они собой представляютъ! Одни исполняютъ предначертанія начальства, другіе находятъ болѣе выгоднымъ исполнить предначертанія своихъ кліентовъ! Да, я согласенъ: тутъ даже интеллигенціи нѣтъ никакой! Но что ты скажешь, напримѣръ, о нашихъ земскихъ дѣятеляхъ?

— Это о тѣхъ, что ли, что въ земскихъ-то собраніяхъ гудятъ?

— Гудятъ? опять-таки рѣзкое выраженіе, и ничего больше. Гудятъ или не гудятъ—это вѣдь безразлично, мой другъ! Для насъ важно одно: сила это или не сила?

— Сила... комариная!

— Комариная... позволю! Но вѣдь и комаръ иногда можетъ... вспомни-ка басню о комарѣ и львѣ!

— Такъ вѣдь тотъ комаръ умный былъ! онъ въ самую мякоть залѣзъ! а наши земскіе комары и мѣста-то такіа излюбилы, откуда ихъ всего удобнѣе смахнуть можно! Смахнулъ—и нѣтъ его! Да и какое это «молодое поколѣніе»? Я, братъ, прошлымъ лѣтомъ въ «своихъ мѣстахъ» былъ, такъ на земское собраніе взглянуть полюбопытствовалъ: все подъ рядъ сивое меринье сидитъ.

— Ну, вотъ видишь! какъ же тебѣ не сказать, что ты парадоксы говоришь! Сивое меринье!... Но развѣ у стариковъ не могутъ быть молодыя мысли?

Но Глузовъ даже не отвѣтилъ на мой вопросъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, хмура брови и что-то вполголоса напѣвая. По временамъ онъ останавливался противъ меня, вперялъ въ меня мутно сосредоточенный взглядъ и какъ бы машинально произносилъ:

— Душка!

Однако, я далеко не сознавалъ себя побѣжденнымъ. Мнѣ даже показалось нѣсколько обиднымъ, что онъ такъ легко относится къ моимъ мнѣніямъ. Душка! что это за слово! развѣ это опроверженіе! И я пустилъ ему въ упоръ:

— Такъ и земскіе дѣятели не угодили тебѣ! Отлично! Люди, которые такъ смѣло выразились по вопросу о всеобщей воинской повинности... Это не интеллигенція! И не забудь, что, независимо отъ сейчасъ названныхъ вопросовъ, у нихъ на плечахъ всѣ мосты и перевозки! И это не интеллигенція... прекрасно! Что же ты послѣ этого скажешь о нашей новой литературѣ? Надѣюсь...

— Надѣйся!

— Душа моя, это не отвѣтъ! Если ты хочешь диспутировать, то диспутируй серьёзно! Прежде всего надѣ уважать мнѣнія своего противника!

— Хорошо. Хоть я и не согласенъ на счетъ «уваженія»-то (вѣдь уваженіе достается само собой, а не предписывается), но пусть на этотъ разъ будетъ по твоему. Давай диспутировать. Хочешь ли ты знать, что такое твоя *новая* литература?

— Желаю знать.

— Изволь. Это средней руки коготка, которая утратила даже сознание, что женщинѣ легкаго поведенія больше, нежели всякой другой, необходимо соблюдать опрятность.

— Ого-го!

— Ты не подумай, однакожь, что я говорю это въ видахъ защиты старой литературы нашей. Я знаю, что литература у насъ во всё времена занималась гимнастикою недомолвокъ и изнурительнымъ переливавіемъ изъ пустаго въ порожнее. Но у старой литературы была извѣстная опрятность, безъ которой податливая женщина дѣлается просто отвратительною. Она умѣла во-время остановиться, умѣла видѣть въ читателѣ честнаго человѣка. А нынче, даже руководящій принципъ опрятности утратилъ свою обязательность.

— И опять-таки пара... заикнулся было я, но вспомнивъ, что употребленіе слова «парадоксъ» строгойше воспрещено, продолжалъ:—подумай, однакожь, мой другъ! не отзывается ли такой взглядъ на нашу новую литературу слишкомъ исключительнымъ ригоризмомъ? Воля твоя, а это ригоризмъ!

— И «парадоксъ», и «ригоризмъ» — два родные брата. Впрочемъ, это я только къ слову, и если ты окончательно не можешь обойтись безъ пѣнокоснимательства, то сдѣлай милость, уснащай свою рѣчь ригоризмами, парадоксами и вообще всѣми пустопорожними выраженіями, которыми такъ богатъ пѣнокоснимательный лексиконъ. Затѣмъ, прошу тебя понять мою мысль. Я самъ не шепетилень, и ежели мнѣ приходится выбирать между словословіемъ и сквернословіемъ—я всегда предпочту послѣднее. Что дѣлать? таковъ, братецъ, духъ русскаго языка! Сквернословіе образяѣе, а образность—слабость моя. Поэтому, я не о внѣшней опрятности говорю, которая можетъ нравиться и не нравиться, но которая ни въ какомъ случаѣ не задѣваетъ внутренняго человѣка. Я говорю о той внутренней опрятности, которая заставляетъ человѣка, если не бороться съ нечистоплотными мыслями, то по крайней мѣрѣ, не такъ свободно выбалтываться!

— Примѣровъ, душа моя, примѣровъ!

— Примѣровъ? а какой афоризмъ выработала новѣйшая русская литература, въ качествѣ руководящаго жизненнаго принципа?—этотъ афоризмъ: «наше время не время широкихъ»

задачь». Развѣ это не довольно погано? Съ какимъ словомъ обращалась литература къ нашему «молодому поколѣнiю»?...

— Вотъ видишь, ты, стало быть, самъ признаешь, что у насъ есть молодое поколѣнiе? перебилъ я.

— Было да сплыло... но не перебивай, объ этомъ рѣчь еще впереди... Итакъ: съ какимъ словомъ обращалась литература къ «молодому поколѣнiю»? съ словомъ глумленiя и много-много съ словомъ драблага соболѣзнованiя! Уважи мнѣ на то увлеченiе, которое не было-бы въ нашей литературѣ забрызгано грязью и возведено въ квадратъ! Скажи, когда, въ другое время, литература сколько нибудь опрятная позволила бы себѣ остановиться на мысли, что жизнь есть непрерывная игра въ бирюльки, и кто больше бирюлекъ вытащить, тотъ больше и заслужить передъ любезнымъ отечествомъ! «Наше время—не время широкихъ задачъ!» И это говорится въ такую минуту, когда ни широкимъ, ни какимъ задачамъ доступа въ литературу нѣтъ! Растолкуй, что это такое; ступи́лость, подвиливанiе, или просто глупость?

— Но вѣдь нельзя же, чортъ побери, запрещать людямъ высказывать своя убѣжденiя! Если мое убѣжденiе таково, что наше время—не время широкихъ задачъ, то почему же я, изъ за какихъ-то ложныхъ опасенiй, стану воздерживаться и насиловать себя?

— Да по тому же закону приличiя, по которому ты воздерживаешься отъ нѣкоторыхъ естественныхъ отправленiй въ публичныхъ мѣстахъ. Но если таково твое *убѣжденiе*...

— Постой. Я совсѣмъ не говорю, что это мое убѣжденiе. Напротивъ, я самъ всегда говорилъ, что приведенная тобой фраза черезъ-чуръ уже рѣшительна. Я сознаюсь, что можно-бы и другую форму употребить... а пожалуй, даже и никакой формы не употреблять... Но вѣдь ежели отбросить форму, ежели взглянуть только на сущность... согласишься, qu'au fond il y a du vrai dans tout ceci!

Но онъ опять оставилъ мое возраженiе безъ отвѣта, и молча ходилъ по кабинету, такъ что я имѣлъ нелѣпный видъ чело-вѣка, говорящаго «мысли въ слухъ», адресуемна въ пространство. Можетъ быть, его разсердила моя заключительная французская фраза. Онъ всегда говорилъ мнѣ, что я съ своими французскими фразами, пересипанными «парадоксами», «ригоризмами» и проч., представляю счастливое сочетанiе кокодеза и пѣвко-снимателя. Какъ бы то ни было, но черезъ минуту послѣ того, онъ вновь остановился противъ меня, вперилъ въ меня не то безпредметный, не то лукавый взглядъ, и, ущипнувъ меня за обѣ щочи (что дѣлать! ради стараго товарищества, я даже эту фамильярность прощаю ему), произнесъ:

— Душка!

Погомъ, проскакавъ на одной_ножкѣ изъ одного конца въ

другой (что было въ немъ признакомъ рѣдкаго прилива веселости), подпѣвалъ:

Ахъ! не могу я не сознаться!
Но и признаться не могу!

— Въ этихъ словахъ вся суть современной русской литературы! сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:— Тутъ есть все: и малодушіе, исправленное малоуміемъ, и малоуміе, ищущее для себя смягчающихъ обстоятельствъ въ малодушіи!

— Но развѣ ты не знаешь условій нашей литературы! Развѣ не ужаснѣйшее это положеніе: надобно говорить, а говорить нельзя!

— Или другими словами: хоть тресни, а говори! Прекрасно. Но въ такомъ случаѣ, будь же опраченъ. Не забѣгай, не записывай! Не гаркай во все горло афоризмовъ, которые ничего, даже состраданія въ литературныхъ меценатахъ, возбудить не могутъ!

— Согласись, однакожъ, что при необходимости говорить ежедневно, не мудрено и провратъся!

— У кого есть въ головѣ царь, кто выработалъ себѣ извѣстный взглядъ на общность жизненныхъ явленій, тотъ такимъ капитальнымъ образомъ не проврется. Но довольно объ литературѣ. Резюмируемъ нашъ споръ. Изъ трехъ обращиковъ современнаго молодого поколѣнія, на которые ты указалъ, одни занимаются отниманіемъ чужой собственности, другіе представляютъ собой принципъ безсодержительнаго гудѣнія и комариной силы, третьи, наконецъ, провозглашаютъ: не торопитесь! ждите разъясненій! наше время—не время широкихъ задачъ! Гдѣ-же молодое-то поколѣніе?

На этотъ разъ задумался и я. Во мнѣ происходила борьба. Съ одной стороны, слова этаго лишеннаго упованій человѣка дѣйствовали на меня заразительно; съ другой—я никакъ не могъ побѣдить въ себѣ мысли: какъ же это такъ? каждый день я гуляю по Невскому и вижу пропасть молодыхъ людей всевозможныхъ оружій,—и вдругъ вопросъ: куда дѣвалось наше молодое поколѣніе?

— Душа моя! сказалъ я тоскливо:—да сообрази же ты, сдѣлай милость! вѣдь если бы не существовало молодого поколѣнія, не прекратился ли бы человѣческій родъ?!

— Чудакъ! развѣ я въ жеребьячьемъ смыслѣ съ тобой говорю! отвѣтилъ онъ мнѣ съ нетерпѣніемъ:—я вѣдь знаю, что въ *производителѣ*хъ нигдѣ никогда недостатка не бывало!

Опять горькое сомнѣніе! ужели вся эта молодежь, гремящая саблями о тротуары, наполняющая воплями наши суды, изливающая на всю Россію потокъ циркуляровъ, увлекающаяся вопросами о дареніи, объ единоутробіи, объ истинныхъ признакахъ влдома, проносящая въ земскихъ собраніяхъ угнетающія рѣчи о неизбѣжности мостовъ и переправъ, добросо-

вѣстно переживающая въ литературѣ вопросы о необходимости ожидать дальнѣйшихъ разъясненій—ужели все это только производители, способные лишь на то, чтобы, въ свободное отъ пѣнокоснимательства время, производить другихъ такихъ же производителей?

Если это такъ, если Глузовъ говоритъ правду, то что же ожидаетъ насъ впереди? Не должна ли, при подобныхъ условіяхъ, самая исторія прекратить теченіе? Положимъ, что наше, то есть нынѣ дѣйствующее молодое поколѣніе—отпѣтое; допустимъ, что за него, въ смыслѣ двигающей силы, нельзя дать полъ гроша—но въ такомъ случаѣ, какъ же мы живемъ? Вопросы о единоутробии, о неизбежности мостовъ и перевозовъ, о необходимости ожидать разъясненій—все это вопросы безспорно полезныя, но развѣ ими человѣчество живетъ и движется, развѣ они составляютъ содержаніе исторіи? Должна же быть гдѣ нибудь эта необходимая двигающая сила! Быть можетъ, она скрывается въ школахъ; быть можетъ, развѣдываемая, но умудренная опытомъ, она продолжаетъ дѣло движенія, измѣнивъ лишь обстановку его, и набросивъ на него, до поры до времени, пелену непроницаемости?

— Есть у насъ, наконецъ, цѣлый міръ учащихся! рискнуть замѣтить я.

— Да, есть; есть учащіе, должны быть и учащіеся.

— Неужели же ты и ихъ не причисляешь къ молодому поколѣнію?

— Вотъ, видишь ли, любезный другъ! я имѣю привычку говорить только о томъ, что доподлинно знаю, а развѣ можно что нибудь знать объ учащихся! Учащееся поколѣніе находится внѣ арены исторической жизни; въ массѣ (я не говорю объ исключеніяхъ, которыя здѣсь возможны болѣе, нежели гдѣ нибудь) это матеріалъ, на которомъ такъ или иначе можетъ отразиться духъ современности, но не агентъ этого духа. Взгляни на ваплуновъ-пѣнокоснимателей современной литературѣ! вѣдь и они были когда-то учащимся поколѣніемъ и даже, пожалуй, горѣли энтузіазмомъ въ Грановскому—а что изъ нихъ вышло!

— Но если я не ошибаюсь, наша литература именно въ учащихся и видѣла «молодое поколѣніе», когда указывала на нѣкоторыя особенности современной русской жизни?

— Да вѣдь это, братецъ, дѣлалось для того, чтобъ смѣшнѣе вышло. Десять лѣтъ тому назадъ, наша литература поставила себѣ совершенно новую задачу: изобразить въ смѣшномъ видѣ всѣ цѣли, въ которыхъ стремилась передовая мысль. Какимъ образомъ достичь этого? заставить начальникова отдѣленія рассуждать «о нищѣ» по Молешотту и «о происхожденіи видовъ» по Дарвину—пожалуй, выйдетъ и смѣшно, но смѣхъ надъ такими «особами» не желателенъ. Заставить дѣйствительнаго представителя молодого поколѣнія о тѣхъ же предметахъ бесѣ-

довать—того гляди, не смѣшно будетъ. Стало быть, лучше всего взять подростка и предоставить ему изъяснять своимъ родителямъ, что они отъ обезьяны происходятъ. И произительно, и смѣшно. Вѣдь я же говорилъ тебѣ, что новѣйшая русская литература есть средней руки коготка, которая позабыла, что для нея прежде всего обязательенъ законъ чистоплотности!

— Однако, нельзя же предполагать, чтобы литература такъ нагло лгала. Вѣроятно, было же нѣчто подобное, если даже наша не чуткая литература о томъ засвидѣтельствовала?

— Еще бы не было! Дѣло дѣтское. Но вѣдь подобныя факты доказываютъ только одно: что въ обществѣ въ данный моментъ господствуетъ извѣстное направленіе. Если въ обществѣ царствуетъ вкусъ къ военнымъ упражненіямъ—дѣти маршируютъ, играютъ въ солдатики и бьютъ въ барабаны; если общество озабочено только огражденіемъ общественной безопасности—дѣти фискалятъ, наушничаютъ и т. п.; если въ общество проникаетъ стремленіе повѣрить авторитеты, дотолѣ руководившіе имъ,—дѣти начинаютъ объяснять родителямъ, что они происходятъ отъ обезьянъ. Это вопросъ педагогическій, а не политическій, а потому тотъ, кто хочетъ рисовать общество, а не карикатуру на него, долженъ брать предметомъ для своихъ изслѣдованій взрослыхъ, а не дѣтей.

Такимъ образомъ, и эта попытка отстоять существованіе «молодого поколѣнія», въ качествѣ дѣйствующей двигающей силы, рушилась. Нѣтъ молодого поколѣнія. Есть адвокаты, есть земскіе дѣятели, есть литераторы, сапожники, золотари, производители—все что угодно, исключая «молодого поколѣнія»!

— Да вѣдь ты сейчасъ же самъ обмолвился, что оно было, это искомое «молодое поколѣніе»? обратился я къ Глумову.

— Не «обмолвился», а говорилъ утвердительно, и теперь утвердительно повторяю: было!!

— Гдѣ-же оно?

— Это, братъ, исторія длинная и горестная. Можетъ быть, расскажу ее тебѣ—но въ другой разъ...

М. М.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

Засѣданіе комитета 3-го сентября 1873 года.

- 1) Отклонено ходатайство одной просительницы о пособіи, такъ какъ она не удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.
- 2) Выдано 200 руб. больному писателю, находящемуся въ стѣсненномъ положеніи.
- 3) Выдано 75 руб. на воспитаніе двухъ дѣтей писателя.
- 4) Выдано въ ссуду 50 руб. переводчицѣ.
- 5) Определено отпускать ежемѣсячно по 15 руб. на воспитаніе сына покойнаго писателя.

Засѣданіе комитета 18-го сентября.

- 1) Выдано по 100 руб. двумъ писателямъ, находящимся въ бѣдности.
- 2) Внесено 70 руб. въ технологическій институтъ за одного вольнослушателя.
- 3) Выдано 50 руб. матери писателя, потерявшей свое имущество во время пожара.
- 4) Выдано 300 руб. извѣстному писателю на расходы по леченію его жены и на поѣздку ея съ этою цѣлью въ столицу.
- 5) Отклонены ходатайства пяти лицъ, такъ какъ просители не удовлетворяютъ тѣмъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

Засѣданіе комитета 2-ю октября.

- 1) Высланы деньги, необходимы одному писателю.
- 2) Выдано 50 руб. молодому писателю, для уплаты взносовъ за слушаніе лекцій.
- 3) Выдано 50 руб. другому молодому писателю, для покупки необходимой для него одежды.
- 4) Выдано 400 руб. извѣстному писателю, на уплату долговъ и на воспитаніе его дѣтей.
- 5) Отклонены ходатайства трехъ лицъ, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

Отчетъ казначея за августъ и сентябрь:

Къ 1-му августа въ кассѣ было 63,027 руб. 63 коп.; поступило 10 руб. отъ И. Д. Зубарева; израсходовано: на пенсіи 671 руб., на единовременныя пособія 700 руб., на воспитаніе и стипендіи 230 р. Къ 1-му сентября на лицо было 61,436 руб.; поступило отъ Я. А. Соловьева (за 1873 и 1874 гг.) 20 руб.; израсходовано: на пенсіи 300 руб., на единовременныя пособія 825 р., на воспитаніе 275 р. и въ ссуду 50 руб. Къ 1-му октября въ кассѣ—60,006 руб. 63 коп.

XIV. — ГЕНЕРАЛЬСКІЯ НЕСКРОМНОСТИ. Un po' più di luce sugli eventi politici e militari dell'anno 1866. Pel. generale <i>Alfonso La Marmora</i> . Firenze, G. Barbera, editore. 1873. (Окончаніе). Петра Воборыкина	96
XV. — ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. (CXLIH — CXLVIII). Клода Франка	118
XVI. — НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА. Д.	161
XVII. — МЕЖДУ ДѢЛОМЪ. Замятки, очерки, рассказы и т. д. М. М.	183
XVIII. — ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.	195

Объ изданіи на 1874 годъ „Отечественныхъ Записокъ“. Объявленіа: о новомъ изданіи Стихотвореній Н. Некрасова. О выходѣ 1-го декабря романа „Дѣльцы“; о выходѣ журнала „Русская Старина“; отъ книжныхъ магазиновъ С. В. Звонарева, Е. Мелье, Д. Е. Кожанчикова и К. П. Плотникова; объ изданіи журнала „Семья и Школа“ и газеты „Биржа“.

При этомъ номерѣ предлагается для иногородныхъ подписчиковъ Объявленіе объ изданіи въ 1874 году журнала „Модный Магазинъ“ и Каталогъ книгамъ, изданнымъ Маврикіемъ Осиповичемъ Вольфомъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція «Отечественныхъ Записокъ» проситъ авторовъ, посылающихъ ей свои стихотворенія, оставлять у себя копіи, ибо она возвращать стихотвореній ни лично авторамъ, ни черезъ почту—даже въ томъ случаѣ, если на обратную пересылку будетъ прислана марка — обязанности на себя не принимаетъ. Если въ теченіи мѣсяца съ доставки стихотворенія, редакція не вошла съ авторомъ въ письменные или словесные переговоры — значить, стихотвореніе не принято и авторъ можетъ поступить съ нимъ какъ угодно.

Точно также редакція не принимаетъ на себя обязанности возвращать авторамъ признанныхъ ею неудобными для печатанія статей или входить относительно ихъ въ переписку съ авторами. Таковыя статьи обыкновенно сдаются ею въ контору, откуда и могутъ получать ихъ авторы или лично, или черезъ своихъ повѣренныхъ, или адресоваться въ контору съ особыми по этому предмету письмами и съ приложеніемъ нужныхъ на пересылку рукописи денегъ по почтовой таксѣ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ будутъ выходитьъ въ 1874 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ.

въ С.-Петербургѣ безъ доставки: | съ пересылкою:
15 р. 50 к., съ доставкою 16 р. сер. | 17 руб. серебромъ.

За границу:

Въ Германію и Австрію 19 р.; въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія Княжества 20 р.; во Францію и Данію 21 р.; въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію 22 р.; въ Швейцарію 23 р.; въ Италію 24 р.; въ Америку 25 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ:

Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, домъ № 38.

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ КОНТОРЫ:

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Мещикова, при книжномъ магазинѣ С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ:

Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ».

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ У В. П. ПЕЧАТКИНА И ДРУГИХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ:

НОВАЯ, ПЯТАЯ ЧАСТЬ

СТИХОТВОРЕНІЙ Н. НЕКРАСОВА.

(Содержаніе: 1) Кому на Руси жить хорошо. *Часть первая.* 2) Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ. 3) Дѣдушка, *поэма.* 4) Недавнее время, *очерки.* 5) Книгиня Т—ая, *поэма въ двухъ частяхъ.* 6) Книгиня М. Н. Вол—ская, *Бабушкины записки.*)

Въ 8-ю д. листа, 340 страницъ. Цѣна 2 рубля. Складъ у издателя-книгопродавца В. П. Печаткина, внутри гостиннаго двора, № 14-й.

